

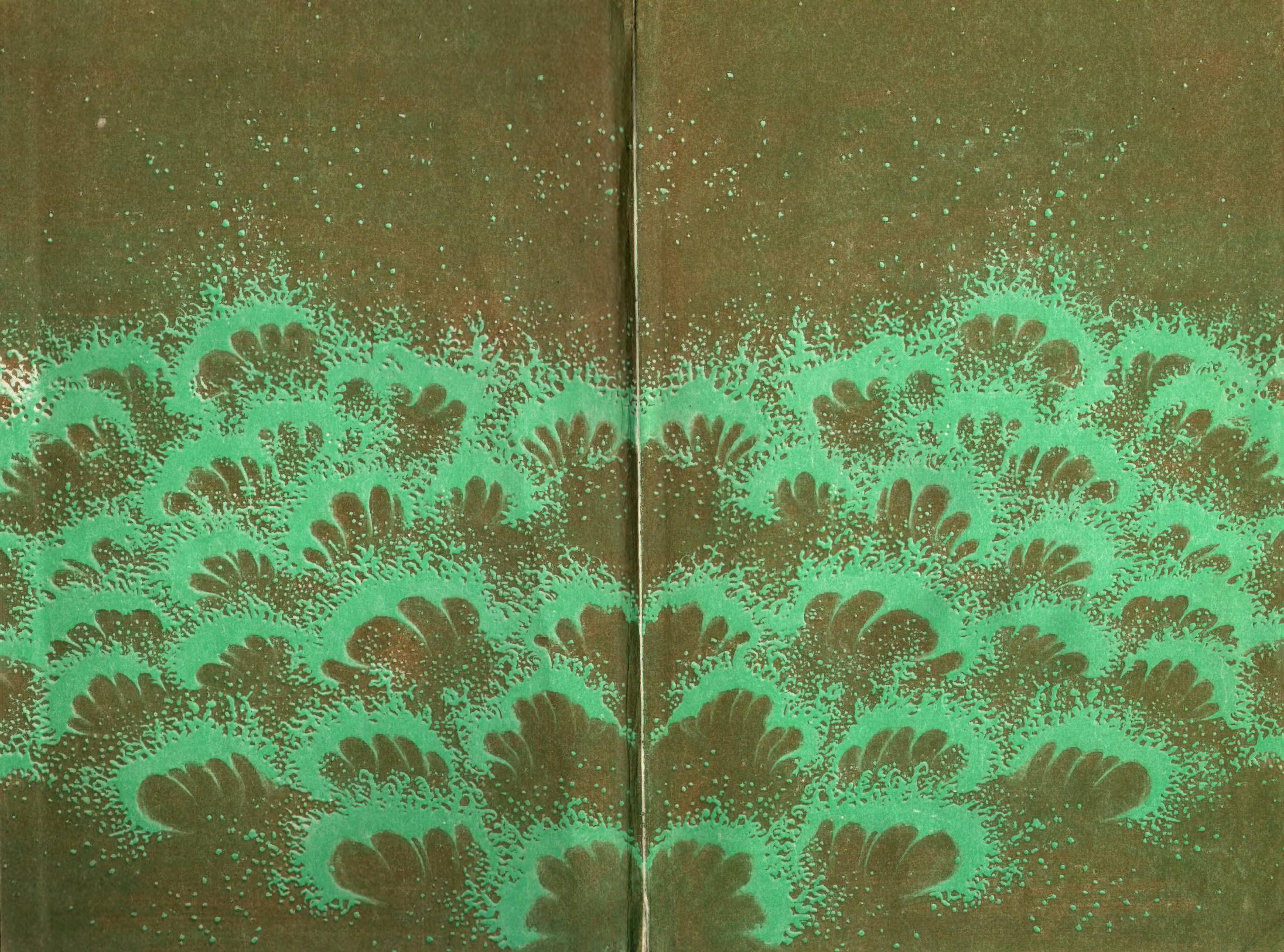
БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

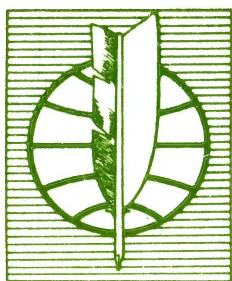

Л. КЭРРОЛЛ
Р. КИПЛИНГ
А. А. МИЛН
ДЖ. БАРРИ

Л. КЭРРОЛЛ
Р. КИПЛИНГ
А. А. МИЛН
ДЖ. БАРРИ

БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ
ДЕТЕЙ

ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ

*П*РИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ
В СТРАНЕ ЧУДЕС

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

*С*КАЗКИ
*М*АУГЛИ

АЛАН АЛЕКСАНДР МИЛН

*В*ИННИ-ПУХ И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ

ДЖЕЙМС БАРРИ

*П*ИТЕР ПЭН

Сказочные повести
Перевод с английского

МОСКВА

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1983

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
«БИБЛИОТЕКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

Алексеев С. П.	Думбадзе Н. В.	Мотяшов И. П.
Алексин А. Г.	Коржев Г. М.	Мустай Карим
Барабаш Ю. Я.	Леонов Л. М.	Новожилова Э. Г.
Благой Д. Д.	Лихачев Д. С.	Пешеходова Г. К.
Верейский О. Г.	Ломунов К. Н.	Прилежасва М. П.
Виноградов А. А.	Марков Г. М.	Свиридов Н. В.
Гамзатов Расул	Межелайтис Э. Б.	Столетов В. Н.
Гончар Олесь	Миршакар Мирсанд	Стукалин Б. И.
Дехтерев Б. А.	Михалков С. В.	Танк Максим
		Шолохов М. А.

Оформление тома и иллюстрации

А. А. КОШКИНА

Предисловие

Ю. КАГАРЛИЦКОГО

Оформление серии

Б. А. ДЕХТЕРЕВА

К 4803020000—044
М101(03)83 Подп. изд.

Предисловие. Комментарии. Оформление. Иллюстрации.
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1983 г.

О ПИСАТЕЛЯХ-СКАЗОЧНИКАХ И МИРЕ ДЕТСТВА

С каких пор люди читают сказки? Оказывается, не очень давно.

Другое дело — сколько лет их рассказывают. Сроки эти просто несоизмеримы.

Сказки существуют с незапамятных времен. Но их не читали. Их только слушали. Потому что не записывали. Образованные люди сказок чурались. Средневековое духовенство (а оно в течение долгого времени владело своеобразной монополией на грамоту) предпочитало им «подлинные истории» о чудесах, совершаемых святыми (частью при жизни, а частью и после смерти), для ученых тех веков, когда наконец-то взяла верх светская культура, что сказки, что рассказы о чудесных исцелениях, плачущих иконах богоматери и небесных знамениях все было одно — суеверие.

Сказка жила в деревне. Сказка жила в детской. Ее приносили няньки и кормилицы. Одно поколение детей, прежде чем стать просвещенными взрослыми, запоминало поразившие их воображение истории, чтобы рассказать их потом своим детям.

Конечно, пройдя через сознание стольких поколений, сказки не оставались прежними. Менялись старые, сочинялись новые. В них появились обстоятельства жизни, люди и предметы, о которых в средние века и слышать не слышали. Но было в каждой из сказок что-то, не заставлявшее сомневаться: это сказка.

Так она сумела дожить до самого конца XVII века. В этот век утонченной цивилизации сказка казалась особенно далеким прошлым. Но в этот же век, пусть на его исходе, обрела новую жизнь. Стала под пером Шарля Перро литературой.

Потом немецкие романтики, и прежде всего братья Гримм, критиковали Перро за то, что он слишком отошел от народной основы, но и сами они все больше от нее отходили. Это и понятно. Став явлением литературы, сказка не могла не подчиниться ее законам. И вместе с тем не объяснять ее самое! Насколько беднее были бы мы, если бы не работа Перро, Гриммов и множества их

последователей — таких, например, как наш замечательный фольклорист Александр Николаевич Афанасьев, выпустивший в 1855—1864 годах восьмитомный сборник «Народные русские сказки».

Литературная сказка брала свое. Противопоставление Перро ранним Гриммам уходило в прошлое. Речь шла отныне уже не о том, кто насколько решительно обработал народный сюжет. Сказка теперь создавалась заново. Она помнила о своей предшественнице, но изначально возникала как явление литературы.

Сказку стали читать.

Правда, как выясняется, почти каждую из них, прежде чем записать, тоже рассказывали. Но не безымянные рассказчики, а люди всем известные, сказками этими прославившиеся.

Среди людей, которых прославила сказка, был Льюис Кэрролл. Человек он был самых разнообразных способностей, но при этом прославиться ему было вроде бы нечем. Он добрых четверть века преподавал математику в одном из оксфордских университетских колледжей, который сам же и закончил, отличался большой аккуратностью, превосходно знал свой предмет, опубликовал несколько математических книг, его высоко ценило начальство, и единственно с кем оно расходилось во мнении о мистере Чарлзе Лютвидже Доджсоне (так на самом деле звали Льюиса Кэрролла) — это со студентами. Он буквально убаюкивал их своим ровным, лишенным эмоций голосом. Он хорошо рисовал, но профессионалом в этой области стать не сумел. Ему даже не удалось опубликовать иллюстрации к собственной сказке и пришлось передать это дело художнику Джону Тенниелу, который как раз в качестве иллюстратора «Алисы» и вошел в историю искусства — вместо Кэрролла, а в какой-то мере и за его счет, ибо Кэрролл немало помог ему своими рисунками. Кэрролл занимался фотографией и фотографом был замечательным. Именно по его фотографиям мы помним сегодня таких людей, как великий физик Майкл Фарадей, знаменитый биолог Томас Хаксли (Гексли), замечательная актриса Эллен Терри, и многих других. Одна из его фотографий — единственная из английских фотографий XIX века! — была включена в 1956 году в знаменитую выставку «Род человеческий», показанную во многих городах мира. Но кто тогда считал фотографию искусством? Он умел жонглировать, показывать фокусы и был, что называется, хорошим «искусником-рукодельником». Он мог, например, сделать из бумаги пистолет, который стрелял, если его хорошенько встряхнуть, или из его носового платка являлась мышь, которая куда-то потом вдруг пропадала. Здесь он был выше всяких похвал. Но не идти же ему было в цирк!

Да он и не мечтал прославиться. Кэрролл был человек скромный, более того — застенчивый. Он заикался, новых людей дичился, а славу, пришедшую к нему после успеха «Алисы», принял как тяжелое испытание и не раз, наверно, благословлял судьбу за то, что хотя бы взял псевдоним. Объяснить это непросто. Сказать, что в жизни ему не повезло? Но бедности он никогда не знал, учился легко, людям, несмотря на свои странности, нравился. Что у него были тяжелые воспоминания детства? Напротив. Он вырос в семье сельского священника, получившего университетское образование, человека одаренного, яркого, доброго. У него было семь сестер и три брата, и это была такая веселая и дружная компания, что другой такой и не сыщешь. Вся семья играла в изобретенные ими же игры, у Чарлза был театр марионеток, он писал для него пьесы и сам же их разыгрывал и еще издавал для всей семьи рукописные иллюстрированные журналы. Если посчитать, сколько в этой семье было народу, то сразу же станет ясно, что он уже с детства не знал недостатка в читателях. В чем же тут дело? Может быть, во врожденных свойствах характера? Конечно, прежде всего. Но было тут и еще одно обстоятельство.

Чарлз Лютвидж Доджсон родился в 1832 году, умер в 1898-м. Иными словами, вся его сознательная жизнь приходится на время, когда правила королева Виктория, вступившая на престол восемнадцатилетней девушкой в 1837 году и похороненная с небывалыми почестями в 1901-м. Это был (особенно в средней своей части) период наибольших успехов и социальной стабильности для буржуазной Англии. И — заодно — утверждения очень устойчивых и специфических форм повседневной жизни. Надутое самодовольство считалось едва ли не национальной добродетелью, незнание светских формальностей — чуть ли не преступлением, быт был устроенным и устойчивым, социальные перегородки непроницаемыми, всякому полагалось знать свое место и быть им довольным. Конечно, у одних было больше оснований быть довольными, у других меньше, у третьих совсем их не было, да что за дело! Век, который так был богат сентиментальными чувствами, не очень-то поддавался жалости. Это был век деловой. В конце концов, не всякий ли сам кузнец своего счастья? И если ты добился успеха, то кто вправе мешать тебе жить в полном довольстве и душевной самоуспокоенности?

Преподаватель оксфордского колледжа «Церкви христовой» Чарлз Лютвидж Доджсон ни в чем не мог оскорбить чувств типичного викторианца. Принятой формой светского общения было писание многочисленных писем. Что ж, Доджсон написал их 98 721. Общество требовало соблюдения множества почти незаметных условностей — Доджсон выполнял их неукоснительно. Оно требовало религиозности и почитания королевы

Виктории. Доджсон был религиозен и почитал королеву Викторию. И все это без малейшего оттенка лицемерия. Можно сказать, образцовый викторианец!

Если б только он не был еще прирожденным писателем!

В истории Англии был и другой период, который принято обозначать по имени правившей тогда королевы, — елизаветинский. Марло, Шекспира, Бена Джонсона и других писателей той поры обычно называют елизаветинцами. Но вот что интересно: писателей, прославившихся во времена Виктории, — а среди них были Диккенс и Теккереи! — как-то не принято называть викторианцами. Не потому ли, что они по сути были антивикторианцами?

Не во всем и не до конца, разумеется. Время не могло не наложить на них свой отпечаток. Но оно сделало их большими писателями потому, что вызвало их протест.

Ну а Доджсон, у которого не было ровно никаких разногласий с обществом, да и вообще социальные интересы начисто отсутствовали?!

Его тоже сделало писателем общество его времени, только необычным образом. Чем больше и полнее принимал это общество и обусловленные им формы жизни Доджсон-викторианец, тем теснее было в этой жесткой оболочке человеку — Доджсону — тому, что пришел из демократической интеллигентной среды, из вольного и веселого детства.

И он на каждом шагу пытался к этому детству вернуться. Не только как писатель. Просто как человек. Он очень любил детей и проводил с ними много времени. Своих детей у него не было, но дети его знакомых не знали лучшего друга. С ними он был свободен, раскован, весел, почти не заикался. А какие замечательные истории он им рассказывал!

Одну из этих историй он рассказал девочке, которую любил больше всех, — шестилетней Алисе Лидделл, и двум ее сестрам во время лодочной прогулки. Это было в летний солнечный день 4 июля 1862 года. С утра шел дождь, но как потом распогодилось! Эта сказка и лежит сейчас перед вами.

Конечно, не совсем та же самая. Кэрролл (теперь мы уже вправе называть его этим именем) переделывал ее потом, дописывал, долго колебался, публиковать или нет. Конец этим сомнениям пришел в 1865 году, когда сказка очень понравилась восьми-летнему мальчику, сыну знакомых, и Кэрролл убедился, что она интересна не одним лишь сестрам Лидделл. В декабре этого года «Алиса в Стране Чудес» была опубликована. Но родилась она именно 4 июля 1862 года, и героиней ее была реальная, невыдуманная девочка.

Необыкновенно, по всем отзывам, милая. Вот как ее изобразил английский писатель Уолтер Де ла Мэр в своей книге

«Льюис Кэрролл», опубликованной к столетию со дня рождения писателя. У Кэрролла в его сказке, пишет Де ла Мэр, Алиса — единственный ребенок, но зато как она привлекательна «с ее спокойным, но выразительным лицом и милой привычкой встряхивать головой, учтивая, приветливая — за исключением тех случаев, когда она должна постоять за себя, — легко примиряющаяся, склонная к слезам, но и умеющая их проглотить; с ее достоинством, прямоотой, чувством долга, мужеством (даже в самых невыносимых ситуациях) и стойкостью; с ее умением переводить разговор (какое счастливейшее свойство!). И даже если порой она несколько высокомерна или несколько слишком скромна, что ж, разве у самых милых из простых и старательных детишек не бывает недостатков?».

Алиса — как раз такая, какой мечтали видеть своих детей в любой интеллигентной викторианской семье. Но почему с этой образцовой викторианской девочкой случаются такие странные вещи? Нет, не только вокруг нее (всякий ведь может, в конце концов, попасть нечаянно в волшебный мир), но и с ней самой. Она то становится слишком большой, то слишком маленькой, бежит изо всех сил, а остается на месте... И поскольку речь идет о сказке, написанной в тот назидательный век, невольно встает и другой вопрос: а чему она учит? «А ничему!» — отвечал в подобных случаях Кэрролл.

В этом и крылся секрет ее поразительного успеха — она наконец-то ничему не учила! Сказка не была продолжением урока — она была чем-то противоположным уроку, просто сказкой! Какая редкость в те дни!

Конечно, литература всегда чему-то учит. Во всяком случае, если это литература хорошая. И тем более — необычная. Необычное ведь сильнее действует на воображение. Будит его. А в чем, в чем, но в необычности сказке Кэрролла отказать было невозможно... И не только потому, что она изображала необычный мир.

Она и сама не укладывалась в рамки викторианской детской литературы, все время чему-то учившей, и — прежде всего, конечно, здравому смыслу.

Вот его-то у Кэрролла нет и в помине. Его не просто забыли. Его на каждом шагу отрицают. В сказке одно только здравомыслящее существо и есть — Алиса. Это она пытается внушить окружающим — как перед тем внушали ей в классной комнате — хотя бы начатки здравого смысла, а им хоть бы что! Живут себе по своим нелепым законам!

Но вот что интересно: Алисе совсем не плохо в этом неправильном мире. Напротив, ей удивительно в нем хорошо, и она совсем не рвется обратно в классную.

Так, может быть, в этом мире тоже есть свои правила?

Есть. И довольно старые.

До Кэрролла в английской литературной сказке поработали многие. Не он нашел и ту неповторимую манеру, когда абсурдное подчиняется собственной логике, а чудесное оказывается в сплаве с обыденным. Все это — характерные черты национального художественного мышления. Как сказал о Кэрролле английский писатель Гилберт Честертон (1874—1936), «его нонсенс — часть особого дара англичан; но также и неумолимого парадокса англичан. Никто, кроме них, не смог бы создать такую бессмыслицу, однако никто, кроме них, создав такую бессмыслицу, не попытался бы отнестись к ней серьезно». Корни здесь очень старые, кельтские, и воплотилось это во многих народных сказках, да и не только в сказках. Разве Диккенс иной? Разве нельзя найти нечто подобное у Шекспира? Да и в литературной сказке отыскать это нетрудно. Еще в 1839 году детская писательница Кэтрин Синклер написала свою «Бессмысленную историю о великанах и феях», а в 1855 году, всего за десять лет до Кэрролла, появилась превосходная сказка Теккерея «Кольцо и роза». Был в Англии и автор замечательных стихотворных бессмыслиц, художник и путешественник Эдвард Лир (1812—1888). И все-таки Льюис Кэрролл занимает в истории этого литературного жанра совсем особое место. До него бессмыслицу считали особым видом шуток. Он думал так же. Но для него она была еще и делом как ни для кого серьезным.

Не будем забывать — Чарлз Лютвидж Доджсон был математиком, автором, в частности, нескольких трудов по геометрии, главным из которых он считал книгу «Эвклид и его современные соперники». И «Алиса в Стране Чудес» написана отнюдь не сказочником, решившим забыть, что он математик, а математиком (и человеком, конечно), вступившим в область сказки.

«Алиса в Стране Чудес» — сказка очень «геометричная», контуры здесь жестко очерчены, без какой-либо расплывчатости. Это не удивительно: геометрия ведь и есть классическая область приложения здравого смысла. В ней все подчинено строгим законам, одно выводится из другого, и если мы сталкиваемся порой с очень сложным наложением фигур, то кто сказал, что там, где кончается элементарная геометрия, кончается вообще геометрия?

В этой сказке все самое подлинное. Стены колодца, в который упала Алиса, сплошь уставлены книжными полками и шкафами со всякой снедью, домик Белого Кролика как две капли похож на обычный деревенский домик, да и сами звери и другие странные существа, действующие в «Алисе», невыдуманные, всем известные. Правда, не из жизни, а из поговорок, песенок, сказок, но зато какими реальными они стали выглядеть именно в «Алисе»! Про улыбку Чеширского Кота все слышали, например, очень давно, со

средних веков, но кто ее видел? А в сказке Кэрролла ее все увидели собственными глазами! Или Мартовский Заяц! Правда, Белого Кролика выдумал, кажется, все-таки сам Льюис Кэрролл. Но изобразил столь наглядно, что с тех пор он в известной степени возник в реальности. В деревне Ландиндно, где раньше этой живности не было и в помине, именно после появления «Алисы» развели кроликов и поставили памятник их прародителю Белому Кролику, причем в сознании местных жителей — совсем по Кэрроллу! — прошлое и будущее так забавно перевернулись, что теперь все там верят, что именно с местных кроликов Кэрролл (он, кстати, про эту деревню знал только, что там проводит каникулы семейство Лидделлов) нарисовал своего героя.

Мир зримый, четкий, хорошо обжитой — вот она, область торжества здравого смысла! Но именно на территории противника Кэрролла и дает ему бой.

Шкафы и полки — вещи очень знакомые, но зачем им стоять по стенам волшебного колодца? Деревенский домик — тоже домик как домик, но так ли часто в нем с трудом уместается одна девочка? Белый Кролик с часами в жилетном кармане — пусть, так и быть, но попробуй понять, куда он все время спешит? Хотя, с другой стороны, зачем часы кролику, который никуда не спешит? И почему здесь так трудно попасть из одного места в другое и вообще никогда не знаешь, куда попадешь? Да и сами по себе эпизоды сказки — по какому принципу связаны они друг с другом? Вытекает ли один поступок из другого, готовит ли предыдущее происшествие следующее? В сказке герои часто что-то ищут. В «Алисе» важнейшая часть этой задачи отведена самому читателю — ему предстоит немало потрудиться, чтобы сыскать то, что в науке называется причинно-следственными рядами, а в литературе попросту сюжетом. На определенном уровне все необыкновенно логично. Если Алиса не уместается в домике, почему ей не высунуть руку в окно, а ногу в трубу? И как после этого кролику попасть в собственный дом? Но пойдя пойми, почему кто-то так, а не иначе себя повел, почему кто куда пошел, почему что получилось?!

И эту сказку писал ученый?!

Да, но ученый того времени, когда здравый смысл уже сдавал свои позиции.

В свое время здравый смысл сыграл огромную роль. Из наглядного, а значит, из лежащего в области здравого смысла исходил Ньютон, создавая свою механику. К здравому смыслу апеллировали просветители, разоблачая церковные предрассудки. Но наступил момент, когда наука начала выходить за пределы наглядного. Природу все труднее становилось истолковывать с точки зрения старых теорий, успевших стать олицетворением здравого смысла. Не сделался ли с этого момента уже сам здравый

смысл символом чего-то привычного, не требующего более проверки разумом, иначе говоря — предрассудка? И только ли в науке так было? Разве нельзя того же сказать об устоявшихся формах викторианского быта — такого устроенного, о викторианской морали — такой благопристойной, о викторианском взгляде на мир — таком логичном! Не скрывались ли за всем этим неподвижность, ограниченность, узость? И не потому ли, что Доджсон был таким образцовым викторианцем, ему понадобились, пользуясь удачным выражением Честертона, каникулы в виде «Алисы»?

Кэрролловские несурезицы (нонсенсы) были для автора и его читателей своеобразным способом вырваться из этого затхлого мира. «Нонсенс, как и высокая поэзия, с которой он весьма тесно связан, как философские построения, как всякое создание фантазии, отстаивает духовную свободу человека перед лицом всех угнетающих обстоятельств», — сказал потом английский писатель Олдос Хаксли. Эти шутки имели для людей очень серьезное значение.

Так и появилась эта сказка с ее необычной судьбой. Как было уже давно замечено, самые значительные произведения детской классики пришли из взрослой литературы. Таков был путь «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле, «Гулливера» Свифта, «Робинзона Крузо» Дефо, «Дон Кихота» Сервантеса. Сказка же Кэрролла, по выражению советской исследовательницы Н. М. Демуровой, «представляет собой в этом смысле разительный пример обратной «миграции». Ее написали для детей, а сейчас ее читают и на нее постоянно ссылаются взрослые.

Кем только с тех пор не объявляли Льюиса Кэрролла! Он стал и предшественником Эйнштейна с его теорией относительности, и провозвестником новейших открытий в психологии, и т. д., и т. д. Подобных истолкований «Алисы» сейчас накопилось такое множество, что они начинают уже приобретать комический характер. А ведь Кэрролл (вернемся опять к Честертону) «всего лишь играл в Логическую Игру; его великим достижением было то, что игра эта была новой и бессмысленной, и к тому же одной из лучших в мире». Но давайте задумаемся: что же все-таки сделало эту игру «одной из лучших в мире»? Не то ли, что Кэрролл создал своеобразную «геометрию мысли будущего»? Он не предсказал ни теории относительности, ни новейшей психологии. Его идеи были высказаны в такой общей форме, что потом в них легко укладывались плоды чужой и ему незнакомой мысли. Но этот викторианец, устроивший себе каникулы в собственном детстве, был среди первых, кто задумался о бесконечной многовариантности жизни, неисчерпаемых возможностях мысли, о сомнительности и нестойкости привычного. Он раньше других понял то, к чему потом пришли многие и что стало потом нормой мышления.

Общепринятой. Всем доступной. Поэтому хотя сейчас эту сказку так любят читать взрослые, она по-прежнему принадлежит детям.

В тот самый год, когда вышла в свет «Алиса в Стране Чудес», родился Редьярд Киплинг (1865—1936). Кэрролл был его любимым писателем. «Алису» и ее продолжение — «В Зазеркалье» — он знал чуть ли не наизусть. Его тоже привлекало все необычное, а где оно воплотилось полнее, чем в сказках Кэрролла? Но он писал иначе. И об ином. Он и сам был на Кэрролла не похож. Во всем. Начиная с обстоятельств рождения.

Киплинг принадлежал к художнической среде. Отец его, Джон Локвуд Киплинг, был рано выдвинувшимся художником. Одна из теток с материнской стороны была замужем за Эдуардом Бёрн-Джонсом, одним из основателей знаменитого Прерафаэлитского братства, другая — за сэром Эдуардом Пойнтером, тоже художником, который в 1894 году стал директором Национальной галереи, а два года спустя президентом Королевской Академии Искусств. Редьярд Киплинг тоже был талантливым рисовальщиком — острым, своеобразным, обладавшим огромным чувством юмора, и самые лучшие иллюстрации к собственным сказкам нарисовал он сам. Но при этом он не только был из другой среды, нежели Кэрролл. Он был еще из другой страны.

Отец Киплинга, едва составив себе имя, уехал в Индию, где создал сначала художественную школу в Бомбее (сам он преподавал в ней архитектурную скульптуру), а потом знаменитый музей в Лахоре, древней столице Великих Моголов, городе исключительно богатом памятниками старинной архитектуры. Хранителем этого музея Д. Л. Киплинг оставался восемнадцать лет. Он не был в этой стране пришельцем, польстившимся на высокое колониальное жалованье. Он искренне хотел помочь индийцам сохранить самобытность своего искусства. В Бомбейской школе обучали традиционным индийским художественным ремеслам, музей в Лахоре (этот город оказался с 1947 года на территории Пакистана) стал замечательным собранием индийских художественных ценностей.

Под самый новый, 1866 год, 30 декабря, у Джона Локвуда родился в Бомбее сын Редьярд. Он был типичным, как это тогда называлось, англо-индийцем. На местном языке он сперва объяснялся лучше, чем на своем, и когда няня отводила его перед сном пожелать спокойной ночи родителям, то специально предупреждала, чтобы он говорил с ними по-английски: им ведь это будет так приятно. Киплинг считал детские годы в Индии самыми счастливыми в своей жизни. Ведь то, что за этим последовало, он всегда вспоминал с ужасом. Считалось, что индийский климат

вреден детям, и его с сестренкой отослали в Англию. Почему-то мальчика отдали не теткам, а на пансион в некультурную семью, найденную по объявлению. И там Редьярда травили не хуже, чем бедных сирот из романов Диккенса. Мальчик рос озлобленный, на нервной почве он начал быстро терять зрение. Спасло его только появление матери, приехавшей шесть лет спустя повидаться с сестрами и навестить детей. К этому времени для детей колониальных чиновников, отправляемых в Англию, создали специальную школу-пансион. Туда и определили Киплинга. Еще шесть лет он обучался в этой школе, которая была не хуже, но, увы, и не лучше большинства других английских закрытых школ. Потом, получив аттестат, в неполных семнадцать лет он вернулся к родителям. О службе было договорено заранее. Киплинг взяли помощником редактора в «Гражданскую и военную газету», издававшуюся в Лахоре. Поскольку, кроме редактора, единственным сотрудником был Киплинг, работа на него навалилась огромная. Он работал по десять — пятнадцать часов в день. Достаточно набив себе руку, он свой рабочий день тем не менее не сократил, а начал в освободившиеся часы писать рассказы для своей газеты, изданные потом под названием «Простые рассказы с холмов». В 1887 году Киплинг переехал в Аллахабад, город в Северной Индии, древний центр индуизма, где устроился в газету «Пионер». Эта работа требовала постоянных поездок, и Киплинг еще лучше узнал страну своего детства. К этому времени у него открылся еще и поэтический талант. В 1886 году он выпустил сборник стихов под не очень привычным для этого жанра названием «Чиновничьи песни», а два года спустя почти одновременно вышли четыре сборника его рассказов об Индии. В конце 1889 года он возвращается в Англию, где «Баллада о Западе и Востоке» мгновенно делает его лондонским «литературным львом». В двадцать три года он знаменит, в двадцать четыре — прославлен. С этого времени он — классик. В 1907 году Киплинг получает Нобелевскую премию.

И все же нельзя сказать, что литературная судьба Киплинга во всем сложилась благополучно. Он начинал как новеллист, а новелла была тогда в известном смысле новаторским жанром. Он оказался волею судьбы среди неоромантиков, писателей, протестовавших против серых буржуазных будней, а неоромантизм был в этот момент чуть ли не лозунгом дня. И он был разносторонне талантлив, причем талант его был необыкновенно оригинален. Во всем, что писал Киплинг, чувствовалась личность сильная, с неповторимым жизненным опытом и очень определенным взглядом на мир. Все это сразу же бросилось в глаза. Но со временем восторги поуменьшились.

У Киплинга была редкостная способность вживания в душу людей, от имени которых он говорил. Читая им написанное, труд-

но поверить, что он сам никогда не был ни колониальным чиновником, ни солдатом, ни мореплавателем. И как привлекательны его герои со своим духом дисциплины, умением добиваться поставленных целей, «моралью служения», презрением к красноречию, способностью говорить жестокую правду не только о других, но и о самих себе! Здесь были простые люди, здесь была правда, а что может быть ценнее!

Но скоро все поняли, что Киплинг и в самом деле исповедует те же взгляды, что и его герои. Он высказывал их правду, но это и была самая большая неправда, которую знала история Англии. Киплинг был поэтом колониализма. Да, здесь была «мораль служения», которая противостоит буржуазному индивидуализму, но речь шла о служении Британской империи, а не какому-то отвлеченному «человечеству». Здесь возникали цельные личности, но личности хищные. Здесь был своеобразный демократизм, но это был демократизм демагогический.

Эта проповедь империализма была тем опаснее, что велась она порядочным и убежденным человеком. Киплинг очень скоро стал чем-то вроде официального поэта Британской империи, но он всегда сохранял полнейшую независимость от властей, и некоторые его выступления вызывали в правящих кругах нечто подобное шоку. Он не служил им — он их поучал, ставил на место, втолковывал им истинные интересы государства, как он их понимал, и все попытки его приручить ни к чему не приводили. Здесь обе стороны проявляли почти комическое упорство. В 1899 году Киплингу предложили орден Бани второй степени — он отказался. В 1903 году — орден св. Михаила и св. Георгия — он опять отказался. В 1917 году премьер-министр предложил ему любое отличие, какое он пожелает. Он ответил, что не нуждается ни в каких. До конца жизни он успел еще отказаться от орденов Империи, Чести, «За заслуги», хотя в последнем случае (этим орденом награждают в Англии выдающихся литераторов) его долго уговаривали все, включая короля. Но при этом никто не сомневался в том, что Киплинг придерживается крайне правых взглядов. Он и сам их никогда не скрывал.

Не удивительно, что в кругах демократической интеллигенции имя Киплинга скоро стало одиозным, а его популярность поднималась или падала в зависимости от того, какое направление принимали события в стране и мире.

Но были произведения Киплинга, которые примиряли тех, кто его боготворил, и тех, кто абсолютно его отрицал. Это прежде всего его детские книги.

Киплинг писал для детей в течение восемнадцати лет — пока подрастали его собственные дети и его племянники. Работая, он, как и многие другие сказочники, нуждался не столько в читателях, сколько в слушателях. Но в золотом фонде детской литературы

остались только два цикла его произведений — те, что представлены в этом томе.

С 1892 по 1896 год Киплинг жил в США, в штате Вермонт, на родине своей жены. Год спустя по переезде туда он опубликовал сборник «Много выдумок», где был рассказ «В лесу». Именно он, очевидно, и подтолкнул Киплинга к тому, чтобы приняться за «Книги джунглей». Успех первой из них побудил Киплинга издать вторую. Это были сборники рассказов о животном царстве, подчиняющемся закону джунглей. За каждым рассказом следовала стихотворная вставка. В «Книгах джунглей» и появились рассказы о Маугли, причем число их во второй книге, сравнительно с первой, заметно увеличилось. В первой их было три из семи. Во второй — пять из восьми. Именно они определяли теперь главную нить повествования. В этих же книгах были помещены и некоторые сказки Киплинга, например «Рикки-Тикки-Тави». А в 1902 году, по возвращении в Англию, Киплинг издал и отдельный сборник — «Просто сказки».

Эти произведения, если прибавить к ним еще несколько баллад, и есть, наверное, лучшее из всего, что написал Киплинг.

Критика поняла это сразу. И в причинах тоже разобралась без большого труда. «Его голос звучит с необычной для него терпимостью и человечностью именно тогда, когда он пишет о героях и героинях, которые вообще не принадлежат к числу человеческих существ», — остроумно заметил один критик. Другой указывал на «прекрасную серьезность» этой книги. Третий — на неисчерпаемую фантазию ее автора. «Он досконально изучил все обычаи и привычки птиц, зверей и пресмыкающихся — иначе как бы он написал «Книги джунглей»? Он вообще кончил все лучшие школы и университеты мира», — писал с восторгом четвертый. «Книги джунглей» вызывают восхищение благодаря тому почти волшебному искусству, с каким автор проник в самое сердце дикой природы», — поддерживал его пятый.

Но вот что стоит заметить: ни один из критиков не употребил слово «сказки». Они вообще постарались обойти вопрос о жанре книги Киплинга. Это не удивительно. Жанр этот действительно не так-то легко определить. Ближе всего, пожалуй, понятие «животный эпос». Произведения подобного рода уходят своими корнями в глубокую древность, когда люди верили в свое происхождение от различных животных и — соответственно — придавали поведению животных многие человеческие черты. Интересно, что животный эпос стал достоянием писаной литературы задолго до волшебной сказки. К нему восходят басни Эзопа, греческий комический эпос «Война мышей и лягушек», многие сказания индийского сборника «Панчатантра», средневековый эпос о Лисе, существовавший во многих национальных вариантах, и множество аллегорических произведений, преимущественно басен. В этих

аллегориях за животными очень жестко закрепились те или иные человеческие качества и даже общественное положение. Лиса, олицетворение хитрости, стала придворным льстецом, а лев, олицетворение благородства, эпическим монархом. Он и титулом обладал соответствующим — царь зверей. Словом, Киплинг следовал длительной литературной традиции.

Но в том-то и дело, что он не пожелал писать аллегорию. Он словно бы вернулся к древним анималистским представлениям, когда животный мир не олицетворял, в целях сатиры, человеческий, а был слит с ним, звери и человек были в чем-то на равных. Киплинг писал новый животный эпос.

Что подвигло его на это?

«Новый» значило «современный». И действительно, «Книги джунглей» были поразительно современны. И не только в качестве аллегории, хотя элементы ее там, разумеется, были. Так, в обезьяньем племени бандерлогов все увидели ненавистных Киплингу парламентариев, а в истории Маугли прочли проповедь авторитарной власти.

Главное было, однако, не в этом. Следует вспомнить: в 1859 году появилось «Происхождение видов» Дарвина, в 1871 году его же «Происхождение человека». Человек, поднявшийся над природой, осмысливший ее, создавший собственную среду обитания (кем, как не им самим, созданы дом, город, железная дорога?), заново открывал свою причастность природе. В этом был элемент прозрения, озарения, но к этому человека вернула та самая наука, которая до этого, казалось, так далеко увела его от природы. В свое время просветители XVIII века писали о людском существе, каким оно вышло из рук природы, и противопоставляли этого трезвого и доброго «естественного человека» его испорченному корыстной цивилизацией потомку. Теперь, опираясь на новую науку, о том же заговорил Киплинг. В его Маугли, кстати, есть одно качество, которое очень одобрили бы просветители: он не верит ни в волшебство, ни в магию и, принимая некий естественный закон, отвергает все, что можно назвать предрассудком. Но Маугли у Киплинга все же иной, чем он был бы у просветителей. Тем полюбилось бы его здравомыслие. Романтик же Киплинг больше всего ценит его органическую включенность в природу, ощущение сопричастности всему живому. При этом в изображенном Киплингом жестоком мире, где властвуют дарвиновские законы естественного отбора, есть и свое этическое начало. Именно оно, воплотившись в закон джунглей, и объединяет животное царство, мешая ему сделаться просто полем борьбы «всех против всех». Незадолго до Киплинга знаменитый ученик Дарвина Томас Хаксли (Гексли) выдвинул мысль о том, что этическое начало как раз и помогло человеку выжить перед лицом природы — оно из разрозненных существ создавало единый человеческий кол-

лектив. Теперь Киплинг старается укоренить мысль Хаксли в законах животного царства в целом. Для этого ему приходится, конечно, заметно очеловечивать зверей, но зато насколько более прочным становится человеческое в человеке! Оно ныне подтверждается фундаментальными законами природы.

И все это — без малейшего наукообразия. Все, что хотел сказать Киплинг, он сказал так естественно, как это удастся только человеку, для которого мысли и взгляды его — часть его самого. Он словно бы действительно жил в этом мире. Этот мир был для него своеобразной «второй реальностью».

Вторая «Книга джунглей» открывается рассказом о том, как страх пришел в джунгли. Эту легенду рассказывает старый слон Хатхи, но Маугли ей не верит. Зачем такой странный ход? Не для того ли, чтобы сказочное, неправдоподобное оттенило реальность того, что мы готовы счесть сказкой? А Киплинг этого не хочет. Ему нужен тот уровень веры, которого требует уже не сказка, а миф.

Но все-таки миф, а не реалистическое повествование.

Вот что интересно. Киплинг все свои двенадцать лет, проведенных в Индии, прожил в западной части этой страны. Действие же «Книг джунглей» происходит в Центральной Индии, причем в той ее части, где Киплинг не только не жил, но и никогда не бывал. Чтобы не ошибиться в деталях, он проработал множество материалов, доставленных ему друзьями и отцом (Джон Локвуд Киплинг был иллюстратором знаменитой в те времена книги «Человек и зверь в Индии»). Зачем ему было принимать эти лишние труды? Не для того ли, чтобы несколько отодвинуть от себя живой, не успевший еще стать книжным достоянием мир, себя запечатленный в сознании и слишком претендующий на реалистическое изображение?

Словом, если бы Киплинга спросили, считает ли он «Книги джунглей» сказками, он, скорее всего, ответил бы отрицательно, хотя, конечно, и реалистическими произведениями это тоже считать было нельзя. С «Просто сказками» дело обстояло иначе. Правда, и здесь Киплинг слова «сказки» постарался избежать. Если переводить точно, заглавие его книги звучит как «Простые истории». Но все-таки это сказки, только очень своеобразные. Любому человеку, кроме Киплинга, было бы очень не просто рассказать такие вот «просто сказки».

Для этого надо было прежде всего быть не совсем европейцем. Киплинг был убежден, что только белым дано править миром, он видел в этом их долг, некое бремя, возложенное на них историей, но он никак не считал, что им одним дано создавать искусство. Он отказывал Индии в праве на государственность, но не на духовность. Тем более что это в какой-то мере был и его собственный мир. И в его сказках есть та неповторимая интонация, которой

нет ни у одного европейского сказочника, причем речь идет не о стилизации, а о чем-то вполне органичном.

В этих сказках было, как верно заметил Честертон, нечто от древней легенды. По его словам, «особая прелесть этих новых историй Киплинга (статья Честертон была опубликована немногим более чем через месяц после выхода «Просто сказок») состоит в том, что они читаются не как сказки, которые рассказывают взрослые детям у камина, а как сказки, которые взрослые рассказывали друг другу на заре человечества. В них звери предстают такими, какими их видели доисторические люди, — не как виды и подвиды в разработанной научной системе, а как самостоятельные существа, отмеченные печатью оригинальности и сумасбродства. Слоны — это чудики с башмаком на носу; верблюды, зебры, черепахи — все это частицы волшебного сна, смотреть который совсем не то же самое, что изучать биологические виды, ибо в нем могут появиться трехногие люди, или трехкрылые птицы».

Конечно, Честертон не во всем здесь прав. Ни трехногие люди, ни трехкрылые птицы, к счастью, у Киплинга не появляются, хотя бы потому, что на трех ногах ходить неудобно, а с тремя крыльями летать, наверно, совсем уж нельзя. Никто — во всяком случае, до сих пор — ни того ни другого не пробовал. В сказках Киплинга достаточно силен европейский дух целесообразности, и каким бы невероятным способом ни приобрел слоненок свой хобот, автор нисколько не сомневается, что теперь ему живется лучше, чем прежде. Но рецензент первого издания «Просто сказок» очень верно отметил ощущавшееся в этой книге понимание автором одной из самых древних мировых цивилизаций.

И в чем Честертон совсем уже прав, так это в своем мнении об оригинальности и даже сумасбродстве четырехногих героев Киплинга. Как уже говорилось, у анималистской сказки (сказки о животных) и у басни одно происхождение. Но никто лучше Киплинга не показал, как они впоследствии разошлись. Вернее даже будет сказать, что никто так далеко не развел их, как Киплинг. Звери перестали быть масками, олицетворяющими ту или иную человеческую черту — хитрость, трусость, благородство, простоватость, они приобрели характеры. И какие порой неожиданные! Кто бы мог сказать, например, что главное качество маленького слоненка — это неумеренное любопытство? И что он вовсе не пострадает от него, а, наоборот, необыкновенно выгадает, хотя, не будь у него таких крепких ног, мог бы и угодить крокодилу на обед. И разве в какой-нибудь басне когда-нибудь появлялся такой сложный характер, как знаменитая киплингская кошка?

Сказки Киплинга — о давних временах, когда люди только еще научались писать, заводили дружбу с конем, коровой и

собакою, а животные приобретали свои отличительные черты: кит — свою глотку, верблюд — свой горб, носорог — свою шкуру, а слоненок — свой хобот. И уже поэтому мир у Киплинга теряет свою статичность. Оказывается, не всегда все было точно так, как сейчас. У верблюда не было горба, у носорога была гладкая шкура, у черепахи панцирь был на шнурках и их можно было распускать и стягивать, а у слоненка висела на носу какая-то нелепая, никому не нужная штука. Это мир, не вышедший неизменным из рук творца, а мир живой, подвижный. Это Дарвин, преобразованный в сказку.

И уже поэтому это были все-таки сказки, рассказанные не у древнего костра, а у современного камина, сказки, которые Киплингу так интересно было рассказывать своим дочерям и племянницам, а им было так интересно слушать.

Литературная сказка вбирала в себя современность. Она обжигалась в мире детей уже в этом новом своем качестве.

...Питер Пэн возник перед глазами детей словно по мановению волшебной палочки. Еще вчера на этом месте ничего не было, а сейчас вот он стоит на затейливом постаменте, маленький мальчик в ночной рубашке, и играет на тростниковой дудочке. С тех пор знакомство с Питером Пэном свели сотни тысяч людей — все, кто вырос в лондонском Кенсингтонском парке или хоть раз посетил его. Перед Питером Пэном проходят люди из разных стран и с разных континентов, вокруг него резвятся правнуки тех, кто впервые увидел его в момент появления, а он все эти семьдесят лет остается таким же, как прежде. Стоит маленький мальчик и играет на дудочке...

Памятники обычно ставят признательные потомки. Этот памятник своему неумирающему чаду воздвиг его давно уже покойный «родитель» Джеймс Мэтью Барри. Это он договорился со скульптором Джорджем Фрамптоном, оплатил его работу и в ночь на 1 мая 1912 года тайно установил памятник. При этом не обошлось без неприятностей. В Палате общин был сделан запрос: кто позволил автору заниматься столь беззастенчивой саморекламой, да еще таким экстравагантным способом? Но Барри, слава богу, не пострадал. Напротив, год спустя он стал баронетом и именовался отныне сэр Джеймс Барри, а приблизительно к десятилетию своего экстравагантного поступка получил орден «За заслуги» — тот самый, от которого отказался Киплинг. Да и кто мог подумать дурно о всем известном, всем готовым помочь и всеми любимом Джеймсе Барри? Разве не ясно было, что он просто хотел сделать подарок детворе Кенсингтонского парка, среди которой провел столько незабываемых часов! Что касается Питера Пэна, то, право же, герой этот ни в какой рекламе не нуж-

дался с самого своего появления на свет. Памятник ему был поставлен к десятилетию со дня его рождения.

В 1902 году Барри написал сразу же прочитанную многими книжку «Белая птичка». Это была книга о старом холостяке капитане У., добром бездетном человеке, опекающем сынишку своих соседей, и это была книга о Кенсингтонском парке, где они гуляли много лет, пока Дэвид не подрос и ему не пришла пора поступать в пансион. Здесь был весь Кенсингтонский парк — со своими тропинками, рошицами, лужайками и аллеями, заполненными детворой, со своими достопримечательностями, со своими легендами. Но главную легенду Кенсингтонского парка создал сам Джеймс Барри. Едва только была напечатана «Белая птичка», Барри уже не имел ни минуты покоя. Стоило ему войти в ворота Кенсингтонского парка, как его обступали мамы, требовавшие, чтобы он рассказал их детям о Питере Пэне. Ибо в этой книге впервые и возник этот знаменитый герой.

Он появляется словно бы ненароком. О нем упоминается совсем вдруг, как о ком-то давно знакомом, и его история складывается в нашем сознании постепенно, по мере того как мы узнаем все больше о жизни ночных обитателей Кенсингтонского парка. А их много, и они заполняют парк, стоит только последнему ребенку уйти домой. Это эльфы, гномы, птички, которым предстоит превратиться в маленьких мальчиков и девочек. И это феи. О них рассказывается подробно. «Вид у фей всегда страшно занятой, — поглядеть на них — минуты свободной нет, а спросишь их, что они, собственно, делают, и они, конечно, толком вам на это ответить не сумеют... Они чрезвычайно нежестовые, и все, что сделано их руками, сделано на фу-фу... У них есть и почтальон, но он их никогда не беспокоит, разве что на рождество, когда приносит им подарки; у них прекрасные школы, но в них ничему не учат». В таком вот непривычном свете является перед нами мир традиционной сказки, в который предстоит вступить герою и совсем уже новому.

Питер Пэн тоже когда-то был птичкой, а потом превратился в мальчика. Но когда ему было семь дней, он вспомнил, что умеет летать, выпорхнул в окошко и улетел на Птичий остров в Кенсингтонском парке. Сначала он до смерти напугал всех тамошних обитателей, но потом подружился с ними. Ему было с ними интересно, но все-таки ему все больше хотелось вернуться к своей маме. Увы, он слишком долго медлил. Когда он наконец собрался домой и подлетел к окошку, оно оказалось забраным решеткой, а на кровати рядом с мамой спал другой мальчик. Никогда не надо откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

А потом, много лет спустя, когда его братец был уже взрослым мужчиной с бакенбардами, с Питером Пэном (он-то несколько с

тех пор не изменился!) познакомилась девочка Мамми, и он от нее с радостью узнал, что все дети давно о нем слышали и что она им восхищается. Она согласилась даже выйти за него замуж, но Питер Пэн не пожелал скрыть от нее, что если она попадет на Птичий остров, то уже никогда не сможет вернуться домой, а она не хотела расставаться с мамой. С тех пор в звуках тростниковой дудочки Питера Пэна еще чаще слышатся грустные ноты...

Такую вот печальную историю о Питере Пэне рассказал Джеймс Барри в своей «Белой птичке» — книге, где сквозь сентиментальность вдруг прорывается искреннее сильное чувство, а оригинальность замысла и построения оборачивается порою какой-то литературной неловкостью. Но, как справедливо говорил Вольтер, ничто не достигает совершенства в момент рождения. «Белая птичка» писалась с 1898 по 1902 год, а Питеру Пэну предстояло достичь зрелости (не забудем, что он — сказочный герой и развивался не по законам, предписанным реальному миру) лишь через два года после ее выхода из печати. Но и сказать, что Питер Пэн родился в 1902 году, тоже было бы не совсем верно. На самом деле он появился на свет гораздо раньше — в 1860 году.

Джеймс Мэтью Барри родился в 1860 году в шотландской деревне Кирримьюир. Ему замечательно повезло с родителями. Отец его был ткач, мать тоже происходила из старинного рода ткачей и долгими зимними вечерами рассказывала своим детям предания, из поколения в поколение передававшиеся в семьях сельских ремесленников. Впрочем, своих детей она мечтала видеть людьми образованными. И не без основания. Им, что называется, учение шло впрок. В грамоте они никогда не хромали, прочитанное (а в этом доме подписывались на детские журналы и брали книги в библиотеке) крепко западало в душу. Старший сын, Александр, с отличием окончил Абердинский университет. Но особенной гордостью матери был второй сын, Дэвид. Мало того, что он без труда учился, он был еще мальчиком необыкновенно красивым, сильным, мужественным. Но как раз накануне своего четырнадцатилетия, катаясь на коньках, упал, ударился головой об лед и умер. Мать прожила еще двадцать девять лет, но от этого горя уже не оправилась. Дэвид для нее остался мальчиком, который так никогда и не вырос. И младший, Джеймс Мэтью, рос в тени погибшего брата. Он рассказывал потом, как однажды вошел в темную спальню, где лежала в постели мать. «Это ты!» — закричала она. Но маленький Джеймс знал, кого она имеет в виду. «Нет, это не он, это я», — с горечью ответил он. Как он ревновал к погибшему брату! И как в самом деле был не похож на него — низкорослый, неловкий, робкий. Он с ужасом ждал дня, когда придется идти в школу, где все дети такие разбитные и умеют

играть в разные игры. Но к его искреннему удивлению, в школе его сразу все полюбили — за его замечательные способности и не менее замечательную скромность, за истории, которые он рассказывал. Он даже научился играть в футбол! В школе же Джеймс Барри написал и поставил в драмкружке свою первую пьесу. Для маленького городишки это было событием, и в местной газете на «Банделеро-бандита» откликнулись сразу два рецензента. Один из них — священник — счел пьесу образцом безнравственности. Другой — человек, более осведомленный в делах светских, — без труда обнаружил, что произведение юного автора является всего-навсего переложением пиратских историй, печатавшихся в тогдашних дешевых детских журнальчиках — предшественниках теперешних комиксов. Тем не менее Барри твердо решил стать писателем. С этим он и вернулся после школы домой. Мать заставила его окончить университет. Но и после университета он твердил свое: буду писателем!

Впрочем, сперва пришлось стать журналистом. Барри устроился по объявлению в маленькой провинциальной газете, где мог писать о чем угодно и как угодно. Это его и сгубило. Писал он все больше о вещах вполне повседневных — о цветах, выборе зонтика, воспитании детей, но с таким сардоническим юмором, что читатели возмутились и его пришлось уволить. И в самом деле, как было терпеть журналиста, который предостерегал против слишком благонаправленных детей и предлагал убивать их, пока они окончательно не превратились в законченных лицемеров!

Зато в Лондоне, куда он скоро перебрался, его ждал ошеломительный успех. Этому он был обязан очерками, основанными на рассказах его матери. Всего через три года после неудачного дебюта в провинции он уже стоит в глазах читающей публики рядом с Томасом Харди, Редьярдом Киплингом, Уильямом Йетсом и дает советы начинающему журналисту Герберту Уэллсу. Кирримуир, описанный в этих очерках, становится национальной достопримечательностью. Новые книги приносят ему международное признание, дружбу Харди и Мередита, восторги Стивенсона. Столь же прочно утверждается он и в театре. После постановки третьей его пьесы, «Уокер из Лондона», «Таймс» писала: «Он ни у кого не учился, и его никто не превзойдет». Скоро имя Барри стало гарантией сценического успеха, режиссеры рвали его пьесы из рук. Он был теперь, как говорится, богат и славен.

И по-прежнему очень застенчив. С кем он сразу же находил общий язык, так это с детьми. Он несколько их не идеализировал. Напротив, урок, полученный в провинциальной газете, ничему его не научил и о детях он говорил все в том же непочтительном тоне, который нежные родители не склонны прощать. Но ему прощали. Не без влияния детей, надо думать. Потому что к

детям он подходил как к маленьким взрослым, а им это нравилось. Он чувствовал себя среди них как среди равных. Они его тоже считали своим. Дочка одних его знакомых даже звала его так, как обычно взрослые зовут детей, — «дружочек». По-английски это будет «френдли», а поскольку девочка была совсем маленькая и не выговаривала нескольких букв, у нее получалось «венди». Барри запомнил это тогда еще не существовавшее имя.

Но что же все-таки говорил Барри о детях?

Они были для него предметом восторга и ужаса. Он говорил о них как о существах веселых, невинных и бездушных, откровенно эгоистичных, эгоцентричных, лицемерных — и при этом мягких, нежных, способных на замечательные взрывы чувства. Его восхищала сама по себе непредсказуемость их поведения. Словом, он ничего от них не требовал. Принимал такими, какие есть. Это им, наверное, и нравилось.

С детьми одной своей знакомой семьи Барри особенно подружился. В декабре 1897 года Барри познакомился на званом обеде с очаровательной молодой женщиной — Сильвией Левелин Дэвис, дочерью известного писателя Джорджа Дюморье, автора нашумевшего романа «Трильби», и женой знаменитого своей красотой, но, увы, не очень талантливого адвоката Артура Дэвиса. У Дэвисов было в это время двое детей. Потом родилось еще трое. У них Барри скоро стал совсем своим. В семейной жизни он был несчастлив, своих детей у него не было, и все свободное время он проводил у Дэвисов. И так до конца жизни. Дети необыкновенно к нему привязались. Старший — Джордж — даже называл его отцом. И когда умер Артур Дэвис, а три года спустя — Сильвия, Барри и вправду стал их приемным отцом. Это, по сути дела, и была его семья.

Конечно, между разными членами семьи отношения складываются по-разному. Сильвию Барри обожал, детей тоже, Артура недолго любил. В свою очередь служанка Дэвисов Мэри Ходгсон, тоже, кстати говоря, оставшаяся с младшими Дэвисами до конца жизни, не очень-то любила Барри. Она ревновала его к детям, обвиняла в том, что он их портит, и возмущалась историями, которые он им рассказывал. Они казались ей (как когда-то его пьеса — священнику-рецензенту) безнравственными. В лучшем случае — недостаточно поучительными.

А ведь это и были истории о Питере Пэне.

Откуда он пришел, кем стал?

Само по себе имя Пэн — от греческого Пана, бога лесов и рощ, покровителя пастухов, охотников, пчеловодов и рыбаков. У Пана был сложный характер. Он был бог веселый, танцевал с нимфами, играл на свирели, которую сам и вырезал из тростника, совсем как потом Питер Пэн. Но временами на Пана нападала тоска, и тогда он прятался ото всех в пещере, а если кто пытался

его потревожить, пугал их страшным криком. Крик этот нагонял на людей панический страх, и Пан нередко помогал грекам в битвах. Он был бог еще и воинственный.

Но были у Питера Пэна и более близкие предки. Прежде всего сам Барри. Мальчик, обожающий свою мать (он потом даже написал о ней книгу «Маргарет Огилви») и все время чувствующий, что между ними стоит незримая тень погибшего брата, слабый ребенок, все подвиги которого — в области пылкого воображения, человек, так и не ушедший из своего детства, — кто, как не он, мог создать этот образ? И если он все время, может быть, и не до конца сознательно искал для него прототипы, то и здесь ему повезло. Барри потом говорил, что у него нет ощущения, что он написал «Питера Пэна». Тот возник как-то сам собой. И, продолжал он, обращаясь к братьям Дэвисам, не без их участия. Чтобы создать Питера Пэна, надо было лишь основательно, как это делают дикари, добывая огонь, потереть их друг об друга. Как ни фантастичен Питер Пэн, он герой невыдуманный. В нем есть очарование детства, но нет той меры идеальности, которая положена традиционному сказочному герою. Барри был поэтому недоволен статуей Фрамптона. В этом Питере Пэне, говорил он, не хватает чертовщинки.

И надо сказать, Питер Пэн долго еще продолжал проецироваться на своих прародителей. Кличка Питер Пэн прочнее всего пристала к Питеру Дэвису (как-никак это он, а не кто-нибудь другой из братьев был Питером), но и других братьев журналисты не обходили вниманием. «Питер Пэн вступил в армию», — объявили газеты в 1914 году, когда Джордж Дэвис ушел на фронт первой мировой войны, где и погиб через год. «Питера Пэна оштрафовали за превышение скорости» — это в 1919 году о Майкле, который два года спустя утонул, купаясь в пруду. Жизнь Питера Дэвиса тоже окончилась трагически. В 1926 году он основал собственную издательскую фирму, пользовался уважением, но 5 апреля 1960 года, в возрасте шестидесяти трех лет, бросился под поезд метро на лондонской станции Ройал Корт. «Мальчик, который не стал взрослым, умер», — сообщила одна из газет, откликнувшихся на это событие. Как бы возмутился он этому заголовку! Ведь его больше всех братьев раздражало постоянное внимание к его жизни. «Этот проклятый шедевр», — говорил он о пьесе «Питер Пэн», поставленной в 1904 году. Почему именно о пьесе? Потому что именно в ней окончательно сформировался образ Питера Пэна.

Первую сцену — «Вечер. Детская в доме Дарлингов» — Барри набросал за день до рождения пятого ребенка Дэвисов. Это радостное событие окончательно подорвало материальное положение семьи, но и до этого оно было далеко не блестящим, так что им только и оставалось нанять в няньки собаку. В этот более чем

скромный лондонский дом и прилетает тот Питер Пэн, которого потом узнали дети всех стран. Но еще до этого — взрослые зрители, собравшиеся 27 декабря 1904 года на премьеру в лондонском театре герцога Йоркского.

Барри очень боялся этой премьеры. Английская драматургия незадолго до того рассталась с экзотической мелодрамой и освоила повседневность, и в этом отношении пьеса Барри, как и другие его пьесы, вполне соответствовала духу времени. Но ввести в этот мир сказочного героя!

Да и один ли только Барри боялся этой премьеры?

В Англии не удалось найти человека, который вложил бы деньги в этот спектакль. На это решился только американский театральный менеджер Чарлз Фроман, причем в случае провала в Лондоне он готов был снова испытать судьбу в США. А деньги потребовались немалые. «Питер Пэн» готовился как сложнейший обстановочный спектакль. Ведь в нем действуют не только взрослые, дети, пираты, индейцы, но и русалки, звери и птицы, а герои с такой же легкостью летают по воздуху, как и ходят по земле. Премьера была отложена на пять дней — не ладилось с машинерией. (Кстати, Станиславский, увидев этот спектакль в Париже в театре, не сумевшем совладать с постановочными эффектами, пришел от него в ужас.)

Текст тоже уточнялся до последнего дня. Барри сидел в театре с утра до ночи. На «прогоны» (репетиции, когда спектакль играется не по сценам, а уже целиком) с большой важностью являлись младшие Дэвисы. Они-то все здесь узнавали, даже собаку Нэну. Она как две капли воды напоминала собаку самого Барри! И папа был, хотя и очень смешной, но похожий, а капитан Хук — совсем для них нестрашный: обе эти роли играл Джеральд Дюморье — родной их дядя. И ставил знакомый актер и режиссер Дайон Джордж Бусико, а Питера Пэна играла его сестра Нина Бусико. Нина была уже к этому времени известной актрисой, но роль Питера Пэна еще выше подняла ее профессиональную репутацию и осталась лучшей ролью, сыгранной ею в жизни. «Она была неземным созданием — и она была необыкновенно реальна, — вспоминал потом один из зрителей, присутствовавших на премьере. — В ней было что-то трагичное, берущее за душу, и она, казалось, совсем этого не понимала». Но Нина, как и все, не знала еще, какой ее ждет успех. Больше всего участники спектакля боялись, что он не встретит отклика в зале. Как тогда играть? Ведь все было на это именно и рассчитано! На всякий случай подучили оркестрантов: если зрители не ответят на вопрос: «Верите ли вы в фей?» — они должны были ответить за них: «Верим». Но оркестранты не успели. Зрители — не дети, а взрослые завсегда! лондонских премьер — так дружно, с таким жаром крикнули «Верим!», что Нина не выдержала и заплакала.

Барри любил сюрпризы. Свой спектакль он старался подготовить в такой же тайне, как потом статую Питера Пэна (и еще детские качели недалеко от нее), но самым большим сюрпризом этот спектакль был все-таки для него самого. Ничего подобного он не ждал.

В Нью-Йорке пьеса имела еще больший успех, чем в Лондоне. О ней очень высоко отзывался Марк Твен. Она сразу стала театральной классикой.

А потом Питер Пэн еще раз показал себя сказочным героем, существом, с которым случается невозможное в жизни. История литературы и театра знает бессчетное количество инсценировок различных повестей и романов, но практически не помнит случаев, когда пьеса превращается в повесть. Однако именно это произошло, когда Барри, очень близко следуя тексту «Питера Пэна», в 1911 году сделал из него повесть «Питер Пэн и Венди». В свое время он так именно собирался назвать свою пьесу. Разница между ними та же, что всегда существует между драматическим и повествовательным,— наглядное для зрителей, должно быть, теперь воссоздано воображением читателей. Но разве наше воображение не лучший для нас режиссер? И не помогает ли оно каждому из нас по-своему и при этом в чем-то всем одинаково увидеть этого бесхитростного сказочного мальчика, который демонстрирует нам, сколько есть безграничного (разве игра не есть своеобразное осуществление безграничного?) и ограниченного в детстве. Герой, который не знает, что такое боль, а потому и не способен сочувствовать чужой боли, в котором живет тоска по дому и который в дом никогда не вернется, герой, который имитирует в чем-то взрослый мир, но не желает расти, чтобы не стать одним из настоящих взрослых,— кто еще создал такого героя?!

Памятник Белому Кролику, памятник Питеру Пэну... До чего все-таки любят англичане ставить памятники воображаемым существам! Но в Лондонском зоопарке стоит памятник, и совершенно реальной, медведице Винни. Это была хорошая и добрая медведица. Ее очень любили дети. И все равно памятник ей поставили не за это. Особой ее заслугой сочли все-таки то, что она помогла появиться на свет воображаемому существу — Винни-Пуху.

Впрочем, было и есть несколько человек, которые немедленно принялись бы спорить, если бы услышали, что Винни-Пуха называют воображаемым существом. Разве можно воображаемое существо волочить по полу, пришивать ему уши, вставлять вывалившийся глаз и год от года отдавать в чистку? А Винни-Пух столько лет был объектом забот и внимания всей семьи англий-

ского писателя Алана Александра Милна! Даже, можно сказать, членом этой семьи.

Семья эта никак не принадлежала к аристократии, но родословную свою помнила крепко. Прадед писателя был каменщиком, дед — пресвитерианским пастором. Личность эта была колоритная. Он ездил миссионером на Ямайку, основал в Англии тринадцать школ, потом вернулся к проповедничеству. Человек он был необычайно щедрый, все свое раздавал, и сыну его нелегко было выбиться в люди. Он работал счетоводом на кондитерской фабрике, помощником механика, помощником учителя, но наконец получил все-таки университетский диплом и основал собственную школу, очень хорошую. Какое-то время учителем у него работал Герберт Уэллс, который остался его другом на всю жизнь и очень тепло отзывался о нем в своем «Опыте автобиографии». Легко понять, что сыну своему он постарался облегчить дорогу в жизнь. Алан Александр Милн (1882—1956) кончил закрытую Вестминстерскую школу, потом Кембриджский университет, где учился математике. Одновременно он редактировал университетский журнал «Гранта» и сам писал там в отделе юмористики, что и определило его дальнейшую судьбу. Математикой после университета он заниматься не стал и принялся пробиваться в литературу. Это оказалось непросто. Порой даже не удавалось заставить редактора прочесть принесенный материал. Когда Милн увидел в журнале «Ярмарка тщеславия» свою пародию на «Возвращение Шерлока Холмса», написанную по свежим следам этого литературного события, он не поверил собственным глазам. Но публика постепенно к нему привыкла. В 1906 году его даже пригласили редактором в «Панч», где он теперь, как член редакции, получил возможность регулярно печататься. Дела шли на лад, он женился, выпустил в виде отдельной книги свои юморески о спорте из «Панча», но тут началась война. Военные годы дались Милну нетрудно. Он оказался в запасном батальоне связи, на фронт попал не сразу, да и не надолго. После первого же заболевания его возвратили в Англию, где он какое-то время был инструктором в учебном лагере. Потом его перевели в отдел пропаганды военного министерства. Оттуда лейтенанта Милна по окончании войны и демобилизовали.

Литературной карьере Милна война не помешала — скорее, помогла. У него оставалось достаточно времени для занятий драматургией, и сначала он написал пьесу для любительской труппы, создававшейся в запасном батальоне связи, а потом начал писать и для профессиональных коллективов. После войны он уже известный писатель. Три его комедии шли в театрах с немалым успехом, он написал еще несколько пьес, а его детективный роман «Тайна красного дома» стал даже «малой классикой» этого жанра.

Словом, положение было завоевано неплохое, но, увы, как со временем выяснилось, не очень прочное. Его пьесы оказались однодневками, и провал в 1938 году последней из них — «Сара Симпл» — заставил его отказаться от театра. Как юморист он с годами сник, и «Панч», сперва пригласив его вернуться, вскоре вежливо отказался от его услуг. Прожил Милн семьдесят четыре года, но литературный успех покинул его в возрасте сорока шести лет. Его имя сейчас невозможно найти в справочниках по драматургии (а он ее-то и считал главным делом своей жизни!), его юмористику никто больше не читает, а его последний сборник рассказов был распродан с немалым трудом. В 1939 году Милн опубликовал автобиографию (в первом издании она носила название «Теперь уже слишком поздно»), и она как будто имела успех, но и к ней никто теперь не возвращается. Что можно из нее узнать, кроме обыденных фактов из весьма обыденной жизни полузабытого писателя?

Сын Милна Кристофер тоже написал автобиографию. Сначала в возрасте пятидесяти четырех лет он выпустил книжку «Заколдованные места», посвященную своим детским годам, потом рассказал историю своей дальнейшей жизни в книге «Дорога сквозь деревья», где с особым увлечением повествуется о том, как он собирался открыть какое-нибудь торговое заведение, и хотя ни с бакалеей, ни с галантереей не получилось, зато потом случай подкинул возможность основать собственную книжную лавку. В этом городе не было и нет до сих пор ни одной другой книжной лавки, так что его собственная сейчас процветает...

Все это, как принято говорить, «вполне литературно», довольно занятно (так ли часто приходится читать воспоминания лавочника, владеющего пером?), но без единого интересного характера, без единой самостоятельной мысли, без единого серьезного наблюдения. Как, впрочем, и воспоминания Милна-старшего.

Но мы, кажется, позабыли что Милн-старший написал «Винни-Пуха», книгу настолько значительную, что она потом о п е р е д и л а в сознании читателей многие произведения для детей, написанные до нее. И это нашло отражение в этой книге. Милн-младший — не кто иной, как Кристофер Робин! Причем именно для Кристофера Робина и были написаны милновские детские книжки. В 1924 году вышла в свет книга стихов «Когда мы были очень молоды». В 1926-м — «Винни-Пух», включавшая первые десять историй про этого замечательного медвежонка. В 1927-м появилась новая книга стихов — «Теперь нам шесть», а в 1928-м — «Дом на Пуховой Опушке», куда входили еще десять историй. Кристофер Милн родился в 1920 году, так что в момент, когда писалась первая книжка, ему было три года, а когда вышла в свет последняя — восемь. Потом книжки про Кристофера Робина

выходили в самой разной форме. Был сборник «Истории про Кристофера Робина», «Книга для чтения о Кристофере Робине», «Истории ко дню рождения о Кристофере Робине» и даже «Алфавит Кристофера Робина», не говоря уже о всяких коротеньких художественных изданиях, но все это были извлечения из уже опубликованного. Нового же о своих знаменитых героях Милн после «Дома на Пуховой Опушке» ни слова не написал. Более того, он возмущался, когда его об этом просили. «Английская публика невыносима, — говорил он. — Если человек однажды удачно написал про полицейского, от него так всю жизнь и будут требовать, чтобы он писал только про полицейских». Судьба жестоко отомстила ему за отступничество. Именно после «Дома на Пуховой Опушке» и начинается упадок его творчества. Но он упорно стоял на своем. Об этом он больше писать не желал. А может, не мог? Ведь его сыну Кристоферу исполнилось уже восемь лет!

«Винни-Пух» — это типичные семейные сказки, из тех, что родители придумывают для детей, а потом, к своему огорчению, за прочими заботами забывают. К 1928 году у Милна иссяк психологический стимул для новых сказок, но старые были уже написаны, опубликованы, стали достоянием не одного Кристофера Робина, а десятков и сотен тысяч детей в Англии и за ее пределами. Как-никак папа у Кристофера Робина был писатель, а у главного героя тоже была своя родословная — и не хуже, чем у Милнов. Еще неизвестно, кто кого осчастливил, Милны Винни-Пуха или Винни-Пух Милнов. Это ведь он у них поселился!

Произошло это в 1921 году, когда Кристоферу было всего год от рождения. Потом Кристоферу подарили ослика Иа-Иа и поросенка Пятачка. У Винни-Пуха появилась своя компания, и в ней начали происходить всякие события. Но общество это было слишком уж малочисленно, и папа Милн придумал Сову и Кролика. Они так и остались вымышленными существами и если и воплотились в реальность, так только в литературную. Зато потом в сугубо литературных целях Кристоферу (точнее — Пуху) были куплены еще Кенга и Тигра. Появилось и место действия. В 1925 году Милны приобрели Кочфордскую ферму — большой сельский дом со службами и прилегающим лесом площадью в пятьсот акров (двести гектаров). Теперь героям было где разгуляться!

Вот если бы еще только Алану Александру быть детским писателем!

Но — как все-таки удачно одно к одному подбиралось! — он им неожиданно стал!

Как раз в это время одна знакомая Милнов решила основать детский журнал. «Она попросила меня, не знаю почему, написать

для него несколько стихотворений, и я ей ответил, что не могу, я в этой области не работаю,— рассказывает Милн в автобиографии.— Отправив письмо, я поступил как всегда, когда отказываюсь что-либо написать: сел и начал прикидывать, что бы у меня получилось, если б я согласился. В результате получилась поэма «Соня и доктор».

Вспомнились и сказки, которыми он в детстве увлекался. Как нарочно, они все были про зверей. Отец читал ему вслух «Лиса Реньяра» — одно из переложений средневекового животного эпоса, рассказы о Братце Кролике, написанные американским писателем Джозелем Чендлером Харрисом на основе негритянских сказок, рассказы о зверях, которые печатала в своем «Журнале тетушки Джуди» писательница Джулиана Ивинг. Теперь в число этих героев предстояло вступить Винни-Пуху и его друзьям.

Компания эта к тому времени вполне уже сложилась, всякий обладал своим голосом, характером, привычками. Их словно бы никто и не придумывал. Винни-Пух и все остальные обретали свое лицо, по мере того как шли дни и месяцы и все больше историй о них складывалось в детской, когда они играли в свои игры с Кристофером и его мамой.

Они постепенно стали подобны эпическим героям, про которых тоже ведь нельзя сказать, что они плод фантазии какого-то отдельного лица. Алан Александр Милн рассказывал, что ему только оставалось записывать то, что уже было о них известно... Потом художник Эрнст Шепард воссоздал облик Винни-Пуха и его друзей. Но и он только срисовал игрушки Кристофера, какими они стали после всех своих приключений.

Когда-то на место народной пришла литературная сказка. Но до чего процесс формирования сказки литературной оказался похож на процесс формирования сказки народной. Сказки о Винни-Пухе потому так и полюбились детям, что возникли из своеобразного детского фольклора.

«Винни-Пух» в известном смысле плод коллективного творчества. Даже Кристофер Робин, как признавался потом Кристофер Милн, это далеко не всегда он сам. «Иногда мой отец использует это имя для того, чтобы рассказать о чем-то, что я в самом деле делал, иногда он заимствует его для того, чтобы рассказать о чем-то, что он делал, когда был ребенком, а иногда — чтобы рассказать о том, что мог бы сделать любой ребенок». «Винни-Пуха» создавала не только детская фантазия мальчика с Кочфордской фермы, но и детская фантазия двух взрослых, игравших с ним, и детская фантазия всех тех, кто до этого играл со своими детьми, и, конечно же, детская фантазия самого Винни

Пуха. Ибо кто будет спорить, что герой этот стал уже совершенно самостоятельным существом и от имени его можно рассказать теперь тысячи новых историй. Как, впрочем, и от имени других медведей, таких, скажем, как Паддингтон у английского писателя Майкла Бонда, на Винни-Пуха совсем не похожих. Они ведь — каждый по-своему — личность!

Когда-то народная сказка пришла к детям и прожила с ними долгие годы. Теперь детская литература порождает новые сказки...

Ю. Кагарлицкий

ЛЮИС КЭРРОЛЛ

Приключения Алисы
в Стране Чудес

Сказка, рассказанная Борисом Заходером

Lewis Carroll
ALICES ADVENTURES IN WONDERLAND

Глава никакая,

ИЗ КОТОРОЙ ТЕМ НЕ МЕНЕЕ МОЖНО КОЕ-ЧТО УЗНАТЬ

Больше всего на свете я ненавижу обман и люблю честность и потому сразу честно признаюсь, что я вас (совсем немножко!) обманул: на самом деле это не НИКАКАЯ ГЛАВА, а НИКАКАЯ НЕ ГЛАВА — это просто-напросто... Думаете, так я вам и сказал? Нет, подождите. Вот дочитаете до конца, тогда узнаете!

А не дочитаете — ну что ж, дело ваше. Только тогда — почти наверняка! — не сумеете правильно прочитать и всю книжку. Да, да!

Дело в том, что хотя перед вами — сказка, но сказка эта очень, очень не простая.

Начнем с начала, как советует Червонный Король (вам предстоит с ним скоро встретиться). И даже немножко раньше: с названия.

«Приключения Алисы в Стране Чудес»...

Будь моя воля, я бы ни за что не назвал так эту книжку. Такое название, по-моему, только сбивает с толку. В самом деле — разве по названию догадаешься, что речь пойдет о маленькой (хотя и очень умной!) девочке? Что приключения будут совсем не такие, как обычно: не будет ни шпионов, ни индейцев, ни пиратов, ни сражений, ни землетрясений, ни кораблекрушений, ни даже охоты на крупную дичь.

Да и «Страна Чудес» — тоже не совсем те слова, какие хотелось бы написать в заглавии этой сказки!

Нет, будь моя воля, я назвал бы книжку, например, так: «Аленка в Вообразии». Или: «Аля в Удивляндии». Или: «Алька в Чепухании». Ну уж, на худой конец: «Алиска в Расчудесии». Но стоило мне заикнуться об этом своем желании, как все начинали на меня страшно кричать, чтобы я не смел. И я не посмел!

Все горе в том, что книжка эта была написана в Англии сто лет тому назад и за это время успела так прославиться, что и у нас все — хотя бы понаслышке — знают про Алису и привыкли к скучноватому названию «Приключения Алисы в Стране

Чудес». Это называется литературной традицией, и тут, как говорится, ничего не попишешь. Хотя название «Алиска в Расчудесии» гораздо больше похоже на настоящее, английское название этой сказки, но если бы я ее так назвал, люди подумали бы, что это совершенно другая книжка, а не та, знаменитая...

А знаменита «Алиса» действительно сверх всякой меры. В особенности в тех странах, где говорят по-английски. Там ее знает каждый и любят все. И самое интересное, что, хотя это сказка для детей, пожалуй, больше детей любят ее взрослые, а больше всех — самые взрослые из взрослых — ученые!

Да, сразу видно, что это очень и очень непростая сказка!

Мало того. Написаны целые горы книг, в которых «Алису» на все лады растолковывают и объясняют. А когда так много и долго объясняют, это, по-моему, значит, что люди сами не всё поняли.

Так что и вы не очень огорчайтесь, если тоже не сразу всё поймете. Ведь всегда можно перечитать непонятное место еще разок, правда?

Я надеюсь, что я вас не слишком запугал. По совести говоря, бояться нечего. Для того чтобы правильно прочитать, то есть понять, эту сказку, нужны только две вещи.

Нужно — и это совершенно обязательно! — иметь чувство юмора, потому что это одна из самых веселых книжек на свете.

Тут я за вас совершенно спокоен — уверен, что смеяться вы умеете и любите!

И нужно еще — и это тоже совершенно обязательно! — КОЕ-ЧТО знать.

Потому что если в голове пусто, увы, самое большое чувство юмора вас не спасет.

Вот маленький пример.

Есть у меня один знакомый, приблизительно двух лет от роду, у которого огромное чувство юмора — он может захохотать, когда никому другому и в голову не придет улыбнуться. Любимая его шутка (он сам ее придумал) такая:

— Андрюшенька, как говорит курочка?

— Му! Му! Му!

И Андрюшенька заливается смехом.

Но если вы ему скажете, что Ихтиозавр говорит: «Ах, батюшки мои!» — Андрюшенька и не улыбнется.

А все дело в том, что он очень плохо знаком с повадками Ихтиозавров.

Так вот, чтобы читать эту книжку по-настоящему — а читать ее по-настоящему — это значит читать и смеяться! — надо знать многое множество самых разных разностей.

Надо знать, кто такие АНТИПОДЫ и что такое ПАРАЛЛЕЛИ и МЕРИДИАНЫ, надо знать, КОГДА ЧТО СЛУЧИ-

ЛОСЬ и что такое ТКАНЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ; надо знать, из чего НЕ делается ГОРЧИЦА и как правильно играть в КРОКЕТ; кто такие ПРИСЯЖНЫЕ и чем они отличаются от ПРИСТЯЖНЫХ; и какого рода ВРЕМЯ, и курят ли червяки КАЛЬЯН, и носят ли Лягушки, Караси и Судьи ПАРИКИ, и можно ли питаться одним МАРМЕЛАДОМ и... и так далее и тому подобное!

Кстати, я не случайно упомянул Ихтиозавров — ведь они ископаемые, а всевозможные ископаемые в этой сказке встречаются на каждом шагу: например, Короли и Герцогини, Графы и ЭРЛЫ (в сущности, это одно и то же), Лакеи и, наконец, вымершая птица Додо, она же Ископаемый Дронт. Это и не удивительно — вы ведь не забыли, что, как я уже сказал, книжка была написана целых СТО лет назад!

Конечно, знать ВСЕ эти вещи, по-моему, никто не может — даже Малый Энциклопедический Словарь.

Поэтому, если вам что-нибудь покажется очень уж непонятным (а главное, не смешным!), не стесняйтесь спрашивать у старших. Вдруг да они это знают?

А мы с художником тоже изо всех сил постарались вам помочь. Советую внимательно рассматривать картинки и *очень* внимательно читать подписи к ним. Кое-что станет вам понятнее — и вы сразу это заметите, потому что улыбнетесь.

А уж когда вам все будет совсем понятно, тогда вы, может быть, кое о чем задумаетесь...

Но это, впрочем, не обязательно.

Я надеюсь, что вам уже захотелось узнать, как появилась на свет такая необыкновенная сказка и кто ее сочинил.

Конечно, сочинить такую сказку мог только необыкновенный человек. Да и то неизвестно, сочинил бы он ее или нет, если бы не одна маленькая девочка, которую звали... Угадайте!.. Правильно, Алисой!

Да, именно Алиса потребовала во время лодочной прогулки от своего знакомого, мистера Доджсона, чтобы он рассказал ей и ее сестрам интересную сказку. И чтобы в этой сказке было побольше веселой чепухи. И видно, эта Алиса была такая девочка, которой очень трудно было отказать, потому что мистер Доджсон, хотя и был профессором математики (честное слово!) и к тому же в этот день уже сильно устал, — послушался. Он начал рассказывать сказку о приключениях одной девочки, которую тоже почему-то звали Алисой!

Надо отдать должное маленькой Алисе (я имею в виду живую Алису, полностью ее звали Алиса Плезенс Лидделл) — она хорошо знала, кого попросить рассказать сказку!

Взрослые, особенно те, которые всегда ничего не понимают, считали мистера Доджсона скучным человеком, сухим математи-

ком, и, увы, даже студенты не особенно любили его лекции.

Но маленькая Алиса — как и все те дети в Англии, которым посчастливилось встретиться с мистером Чарлзом Лютвиджем Доджсоном (так его и звали, я этого не выдумал!) — прекрасно знала, что он вовсе не такой и все это неправда!

Разве можно было считать скучным человека, который умел сделать из носового платка мышь — и эта мышь бегала как живая! Человека, который из простой бумаги складывал пистолет — и пистолет этот стрелял почти не хуже настоящего! Разве можно было считать скучным такого необыкновенного выдумщика!

Он выдумывал не только сказки — он выдумывал головоломки, загадки, игрушки, игры, да еще какие! В некоторые из них играют и до сих пор. (Именно он придумал веселую игру, которая называется «Цепочка», или «Как сделать из мухи слона»; кто умеет в нее играть, легко может превратить НОЧЬ в ДЕНЬ или МОРЕ в ГОРУ. Вот так: МОРЕ-ГОРЕ-ГОРА. И все! Можете играть, только не на уроках!)

Особенно он любил и умел играть... словами. Самые серьезные, самые солидные, самые трудные слова по его приказу кувыр-кались, и ходили на голове, и показывали фокусы, и превращались одно в другое — словом, бог знает что выделявали!

И еще он умел переделывать старые, надоевшие стишки — переделывать так, что они становились ужасно смешными. Это, как вы знаете, называется пародиями.

И даже собственное имя (Чарлз Лютвидж, вы не забыли?) он переделывал до тех пор, пока оно не превратилось в то самое имя, которое значится на обложке сказки об Алисе и какого раньше не было ни у кого на свете: ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ.

И все это — выдумки, игры, загадки, головоломки, сюрпризы, пародии и фокусы, — все это есть в его сказке про девочку Алису...

Осталось добавить совсем немножко: как получилась русская книжка, которую вы сейчас читаете, и при чем тут я.

Как вы, наверное, догадались, книжка об Алисе — одна из самых моих любимых книг. Я читал и перечитывал ее не раз и не два — целые двадцать пять лет. Читал я ее по-английски; скажу по секрету, что ради нее-то я и выучил английский язык. И чем больше я ее перечитывал, тем больше она мне нравилась, но чем больше она мне нравилась, тем больше я убеждался в том, что перевести ее на русский язык совершенно невозможно. А когда я читал ее по-русски (в переводах, их было немало, от них-то и пошло название «Алиса в Стране Чудес»), тогда я убеждался в этом еще больше!

Не то чтобы уж никак нельзя было заставить русские слова играть в те же игры и показывать те же фокусы, какие проделывали английские слова под волшебным пером Кэрролла. Нет, фокусы с грехом пополам еще получались, но что-то — может

быть, самое главное — пропадало, и веселая, умная, озорная, расчудесная сказка становилась малопонятной и — страшно сказать — скучной.

И когда друзья говорили мне:

— Пора бы тебе перевести «Алису»! Неужели тебе этого не хочется?

— Очень хочется, — отвечал я, — только я успел убедиться, что, пожалуй, легче будет... *перевезти* Англию!

Да, я был уверен, что все знаю про «Алису», и уже подумывал — не засесть ли мне за солидный ученый труд под названием «К вопросу о причинах неперевода на русский язык сказки Льюиса Кэрролла», как вдруг...

Как вдруг в один прекрасный день я прочитал письмо Льюиса Кэрролла театральному режиссеру, который решил поставить сказку про Алису на сцене.

Там говорилось:

«...Какой же я видел тебя, Алиса, в своем воображении? Какая ты? Любящая — это прежде всего: любящая и нежная; нежная, как лань, и любящая, как собака (простите мне прозаическое сравнение, но я не знаю на земле любви чище и совершенней); и еще — учтивая: вежливая и приветливая со всеми, с великими и малыми, с могучими и смешными, с королями и червяками, словно ты сама — королевская дочь в шитом золотом наряде. И еще — доверчивая, готовая поверить в самую невозможную небыль и принять ее с безграничным доверием мечтательницы; и, наконец, — любопытная, отчаянно любопытная и жизнерадостная той жизнерадостностью, которая дается лишь в детстве, когда весь мир нов и прекрасен и когда горе и грех — всего лишь слова, пустые звуки, не означающие ничего!»

И не знаю почему, когда я прочитал это письмо, мне так захотелось, чтобы и вы познакомились с этой прелестной девочкой, что я вдруг махнул рукой на свой «научный труд» и на все свои умные рассуждения и решил попробовать — только попробовать — *рассказать о ней по-русски*.

И вскоре я понял, что самое главное в книжке об Алисе — не загадки, не фокусы, не головоломки, не игра слов и даже не блистательная игра ума, а... сама Алиса. Да, маленькая Алиса, которую автор так любит (хоть порой и посмеивается над ней), что эта великая любовь превращает фокусы в чудеса, а фокусника — в волшебника. Потому что только настоящий волшебник может подарить девочке — и сказке! — такую долгую-долгую, на века, жизнь!

Словом, со мной вышло точь-в-точь как с одной маленькой девочкой, которая обычно говорила:

— Откуда я знаю, что я думаю? Вот скажу — тогда узнаю!

Так и я. Когда я кончил рассказывать «Алису» и получилась

та книжка, которая сейчас лежит перед вами, я и узнал, что я про нее по-настоящему думаю.

А теперь остается узнать самое главное — что обо всем этом подумаете вы...

И чтобы это случилось поскорее, я поскорее заканчиваю эту ГЛАВУ (вы, конечно, давно догадались, что это всего-навсего ПРЕДИСЛОВИЕ!). Если я выполнил свое обещание и вы узнали КОЕ-ЧТО, мне очень приятно. А особенно приятно, что мне не надо тут писать слово «Конец», потому что ведь это только начало — начало книжки о приключениях Алиски в Расчудесии...

Борис Заходер

Глава первая,

В КОТОРОЙ АЛИСА ЧУТЬ НЕ ПРОВАЛИЛАСЬ СКВОЗЬ ЗЕМЛЮ

Алиса сидела со старшей сестрой на берегу и маялась: делать ей было совершенно нечего, а сидеть без дела, сами знаете, дело нелегкое; раз-другой она, правда, сунула нос в книгу, которую сестра читала, но там не оказалось ни картинок, ни стихов. «Кому нужны книжки без картинок... или хоть стихов, не понимаю!» — думала Алиса.

С горя она начала подумывать (правда, сейчас это тоже было дело не из легких — от жары ее совсем разморило), что, конечно, неплохо бы сплести венок из маргариток, но плохо то, что тогда

нужно подниматься и идти собирать эти маргаритки, как вдруг... Как вдруг совсем рядом появился белый кролик с розовыми глазками!

Тут, разумеется, еще не было ничего такого необыкновенного; Алиса-то не так уж удивилась, даже когда услышала, что Кролик сказал (а сказал он: «Ай-ай-ай! Я опаздываю!»). Кстати, потом, вспоминая обо всем этом, она решила, что все-таки немножко удивиться стоило, но сейчас ей казалось, что все идет как надо.

Но когда Кролик достал из жилетного кармана (да-да, именно!) ЧАСЫ (настоящие!) и, едва взглянув на них, опрометью кинулся бежать, тут Алиса так и подскочила.

Еще бы! Ведь это был первый Кролик в жилетке и при часах, какого она встретила за всю свою жизнь!

Сгорая от любопытства, она со всех ног помчалась вдогонку за Кроликом и, честное слово, чуть-чуть его не догнала.

Во всяком случае, она поспела как раз вовремя, чтобы заметить, как Белый Кролик скрылся в большой норе под колючей изгородью.

В ту же секунду Алиса не раздумывая ринулась за ним. А кой о чем подумать ей не мешало бы — ну хоть о том, как она выберется обратно!

Нора сперва шла ровно, как тоннель, а потом сразу обрывалась так круто и неожиданно, что Алиса ахнуть не успела, как полетела. Полетела вниз, в какой-то очень, очень глубокий колодезь.

То ли колодезь был действительно уж очень глубокий, то ли летела Алиса уж очень не спеша, но только вскоре выяснилось, что теперь у нее времени вволю и для того, чтобы осмотреться кругом, и для того, чтобы подумать, что ее ждет впереди.

Первым делом она, понятно, поглядела вниз и попыталась разобрать, куда она летит, но там было слишком темно; тогда она стала рассматривать стены колодца и заметила, что вместо стен шли сплошь шкафы и шкафчики, полочки и полки; кое-где были развешаны картинки и географические карты.

С одной из полок Алиса сумела на лету снять банку, на которой красовалась этикетка: «АПЕЛЬСИНОВОЕ ВАРЕНЬЕ». Банка, увы, была пуста, но, хотя Алиса и была сильно разочарована, она, опасаясь ушибить кого-нибудь, не бросила ее, а ухитрилась опять поставить банку на какую-то полку.

— Да,— сказала себе Алиса,— вот это полетела так полетела! Уж теперь я не заплачу, если полечу с лестницы! Дома скажут: вот молодчина! Может, даже с крыши слечу и не пикну!

(Боюсь, что тут она была даже чересчур права!)

И она все летела: вниз, и вниз, и вниз! Неужели это никогда не кончится?

— Интересно, сколько я пролетела? — громко сказала Алиса. — Наверное, я уже где-нибудь около центра Земли! Ну

да: как раз тысячу шесть километров или что-то в этом роде...

(Дело в том, что Алиса уже обучалась разным наукам и как раз недавно проходила *что-то в этом роде*; хотя сейчас был не самый лучший случай блеснуть своими познаниями — ведь, к сожалению, никто ее не слушал, — она всегда была не прочь попрактиковаться.)

— Ну да, расстояние я определила правильно, — продолжала она. — Вот только интересно, на каких же я тогда параллелях и меридианах?

(Как видите, Алиса понятия не имела о том, что такое параллели и меридианы, — ей просто нравилось произносить такие красивые, длинные слова.)

Немного отдохнув, она снова начала:

— А вдруг я буду так лететь, лететь и пролечу всю землю насквозь? Вот было бы здорово! Вылезу — и вдруг окажусь среди этих... которые ходят на головах, вверх ногами! Как они называются? Анти... Антипятики, что ли?

(На этот раз Алиса в душе обрадовалась, что ее никто не слышит: она сама почувствовала, что слово какое-то не совсем такое.)

— Только мне, пожалуй, там придется спрашивать у прохожих, куда я попала: «Извините, тетя, это Австралия или Новая Зеландия?»

(Вдобавок Алиса попыталась еще вежливо присесть! Представляете? Книксен в воздухе! Вы бы смогли, как вы думаете?)

— Но ведь эта тетя тогда подумает, что я дурочка, совсем ничего не знаю! Нет уж, лучше не буду спрашивать. Сама прочитаю! Там ведь, наверно, где-нибудь написано, какая это страна.

И дальше — вниз, вниз и вниз!

Так как никакого другого занятия у нее не было, Алиса вскоре опять заговорила сама с собой.

— Динка будет сегодня вечером ужасно обо мне скучать! (Диной звали ее кошку.) Хотя бы они не забыли дать ей молочка вовремя!.. Милая моя Диночка, хорошо бы ты была сейчас со мной! Мышек тут, правда, наверное, нет, но ты бы ловила летучих мышей. Не все ли тебе равно, киса? Только вот я не знаю, кушают кошки летучих мышек или нет?

И тут Алиса совсем задремала и только повторяла сквозь сон:

— Скушает кошка летучую мышку? Скушает кошка летучую мышку?

А иногда у нее получалось:

— Скушает мышка летучую кошку?

Или даже так:

— Скушает мышка летучую мышку?

Не все ли равно, о чем спрашивать, если ответа все равно не получишь, правда?

А потом она заснула по-настоящему, и ей уже стало сниться, что она гуляет с Динкой под ручку и ни с того ни с сего строго говорит ей:

«Ну-ка, Дина, признавайся: ты хоть раз ела летучих мышей?»

Как вдруг — трах! бах! — она шлепнулась на кучу хвороста и сухих листьев. На чем полет и закончился.

Алиса ни капельки не ушиблась; она моментально вскочила на ноги и осмотрелась: первым делом она взглянула вверх, но там было совершенно темно; зато впереди снова оказалось нечто вроде тоннеля, и где-то там вдали мелькнула фигура Белого Кролика, который улепетывал во весь дух.

Не теряя времени Алиса бросилась в погоню. Опять казалось, что она вот-вот догонит его, и опять она успела услышать, как Кролик, сворачивая за угол, вздыхает:

— Ах вы ушки-усики мои! Как я опаздываю! Боже мой!

Но, увы, за поворотом Белый Кролик бесследно исчез, а сама Алиса очутилась в очень странном месте.

Это было низкое, длинное подземелье; своды его слабо освещались рядами висячих ламп. Правда, по всей длине стен шли двери, но, к большому сожалению, все они оказались заперты. Алиса довольно скоро удостоверилась в этом, дважды обойдя все подземелье и по нескольку раз подергав каждую дверь. Она уныло расхаживала взад и вперед, пытаясь придумать, как ей отсюда выбраться, как вдруг наткнулась на маленький стеклянный столик, на котором лежал крохотный золотой ключик.

Алиса очень обрадовалась: она подумала, что это ключ от какой-нибудь из дверей. Но увы! Может быть, замки были слишком большие, а может быть, ключик был слишком маленький, только он никак не хотел открывать ни одной двери. Она добросовестно проверяла одну дверь за другой, и тут-то она впервые заметила штору, спускавшуюся до самого пола, а за ней...

За ней была маленькая дверца — сантиметров тридцать высотой. Алиса вставила золотой ключик в замочную скважину — и, о радость, он как раз подошел!

Алиса отворила дверцу: там был вход в узенький коридор, чуть пошире крысиного лаза. Она встала на коленки, заглянула в отверстие — и ахнула: коридор выходил в такой чудесный сад, каких вы, может быть, и не видавали.

Представьте, как ей захотелось выбраться из этого мрачного подземелья на волю, погулять среди прохладных фонтанов и клумб с яркими цветами?! Но в узкий лаз не прошла бы даже одна Алисина голова. «А если бы и прошла, — подумала бедняжка, — тоже хорошего мало: ведь голова должна быть на плечах! Почему я такая большая и нескладная? Вот если бы я умела вся складываться, как подзорная труба или, еще лучше, как веер, —

тогда бы другое дело! Научил бы меня кто-нибудь, я бы сложилась — и все в порядке!»

(Будь вы на месте Алисы, вы бы, пожалуй, тоже решили, что сейчас ничего невозможного нет!)

Так или иначе, сидеть перед заветной дверцей было совершенно бесполезно, и Алиса вернулась к стеклянному столику, смутно надеясь, что, может быть, там все-таки найдется другой ключ или, на худой конец, книжка: «УЧИСЬ СКЛАДЫВАТЬСЯ!» Ни того, ни другого она, правда, не нашла, зато обнаружила хорошенький пузырек («Ручаюсь, что раньше его тут не было», — подумала Алиса), к горлышку которого был привязан бумажный ярлык (как на бутылочке с лекарством), а на нем большими буквами было четко напечатано: «ВЫПЕЙ МЕНЯ!»

Конечно, выглядело это заманчиво, но Алиса была умная девочка и не спешила откликнуться на любезное приглашение.

— Нет, — сказала она, — я сначала посмотрю, написано тут «Яд!» или нет.

Она недаром перечитала множество поучительных рассказов про детей, с которыми случались разные неприятности — бедные крошки и погибали в пламени, и доставались на съедение диким зверям, — и все только потому, что они забывали (или не хотели помнить!) советы старших. А ведь, кажется, так просто запомнить, что, например, раскаленной докрасна кочергой можно обжечься, если будешь держать ее в руках слишком долго; что если **ОЧЕНЬ** глубоко порезать палец ножом, из этого пальца, как правило, пойдет кровь, и так далее и тому подобное.

И уж Алиса-то отлично помнила, что если выпьешь слишком много из бутылки, на которой нарисованы череп и кости и написано «Яд!», то почти наверняка тебе не поздоровится (то есть состояние твоего здоровья может ухудшиться).

Однако на этой бутылочке не было ни черепа, ни костей, ни надписи «Яд!», и Алиса рискнула попробовать ее содержимое. А так как оно оказалось необыкновенно вкусным (и вкус — точь-в-точь смесь вишневого пирога, омлета, ананаса, жареной индюшки, тянучки и горячих гренков с маслом), она сама не заметила, как пузырек опустел.

* * *

— Ой, что же со мной делается! — сказала Алиса. — Я, наверное, и правда складываюсь, как подозрительная труба!

Спорить с этим было трудно: к этому времени в ней осталось всего лишь четверть метра. Алиса так и сияла от радости, уверенная, что она теперь свободно может выйти в чудесный сад. Но все-таки она решила на всякий случай немного подождать и убедиться, что она уже перестала уменьшаться в росте.

«А то вдруг я буду делаться все меньше, меньше, как свечка, а потом совсем исчезну! — не без тревоги подумала она. — Вот бы поглядеть, на что я буду тогда похожа».

И она попыталась вообразить, на что похоже пламя свечи, когда свеча погасла, но это ей не удалось — ведь, к счастью, ей этого никогда не приходилось видеть...

Подождав немного и убедившись, что все остается по-прежнему, Алиса побежала было в сад; но — такая незадача! — у самого выхода она вспомнила, что оставила золотой ключик на столе, а подбежав опять к столику, обнаружила, что теперь ей никак до ключа не дотянуться.

И главное, его было так хорошо видно сквозь стекло!

Она попробовала влезть на стол по ножке, но ножки были тоже стеклянные и ужасно скользкие, и как Алиса ни старалась, она вновь и вновь съезжала на пол, и, наконец, настаравшись и насъезжавшись до изнеможения, бедняжка села прямо на пол и заплакала.

— Ну вот, еще чего не хватало! — сказала Алиса себе довольно строго. — Слезами горю не поможешь! Советую тебе перестать сию минуту!

Алиса вообще всегда давала себе превосходные советы (хотя слушалась их далеко-далеко не всегда); иногда она закатывала себе такие выговоры, что еле могла удержаться от слез; а как-то раз она, помнится, даже попробовала выдрать себя за уши за то, что сжульничала, играя сама с собой в крокет. Эта выдумщица ужасно любила понарошку быть двумя разными людьми сразу!

«А сейчас это не поможет, — подумала бедная Алиса, — да и не получится! Из меня теперь и одной приличной девочки не выйдет!» Тут она заметила, что под столом лежит ларчик, тоже стеклянный. Алиса открыла его — и там оказался пирожок, на котором изюминками была выложена красивая надпись: «СЪЕШЬ МЕНЯ!»

— Ну и ладно, съем, — сказала Алиса. — Если я от него стану побольше, я смогу достать ключ, а если стану еще меньше, пролезу под дверь. Будь что будет — в сад я все равно заберусь! Больше или меньше? Больше или меньше? — озабоченно повторяла она, откусив кусочек пирожка, и даже положила себе руку на макушку, чтобы следить за своими превращениями.

Как же она удивилась, когда оказалось, что ее размеры не изменились!

Вообще-то обычно так и бывает с тем, кто ест пирожки, но Алиса так уже привыкла ждать одних только сюрпризов и чудес, что она даже немножко расстроилась — почему это вдруг опять все пошло, как обычно!

С горя она принялась за пирожок и довольно скоро покончила с ним.

В КОТОРОЙ АЛИСА КУПАЕТСЯ В СЛЕЗАХ

— Ой, все чудесится и чудесится! — закричала Алиса. (Она была в таком изумлении, что ей уже не хватало обыкновенных слов, и она начала придумывать свои.) — Теперь из меня получается не то что подозренная труба, а целый телескоп! Прощайте, пяточки! (Это она взглянула на свои ноги, а они были уже где-то далеко-далеко внизу, того и гляди, совсем пропадут.) Бедные вы мои ножки, кто же теперь будет надевать на вас чулочки и туфли... Я-то уж сама никак не сумею обуваться! Ну это как раз неплохо! С глаз долой — из сердца вон! Раз вы так далеко ушли, заботьтесь о себе сами!.. Нет, — перебила она себя, — не надо с ними ссориться, а то они еще не станут меня слушаться! Я вас все равно буду любить, — крикнула она, — а на елку буду вам всегда дарить новые ботиночки!

И она задумалась над тем, как же это устроить.

«Наверное, придется посылать по почте, — думала она. — Вот там все удивится! Человек отправляет посылку собственным ногам! Да еще по какому адресу:

АЛИСИН ДОМ

Ул. Ковровая Дорожка (с доставкой на пол)

Госпоже Правой Ноге в собственные руки.

— Господи, какую я чепуху болтаю! — воскликнула Алиса, и тут она здорово стукнулась головой об потолок — ведь что ни говори, в ней стало уже три с лишним метра росту!

Тут она сразу вспомнила про золотой ключик, схватила его и помчалась к выходу в сад.

Бедная Алиса! Даже когда она легла на пол, и то она еле-еле смогла поглядеть на садик одним глазком! И это было все, на что она могла теперь надеяться. О том, чтобы выйти в сад, нечего было и мечтать.

Конечно, тут не оставалось ничего другого, как сесть и зареветь в три ручья!

— Как тебе не стыдно так реветь! — сказала она спустя некоторое время. — Такая большая девица! (Что правда, то правда!) Уймись сию минуту, говорят тебе!

Но слезы и не думали униматься: они лились и лились целыми потоками, и скоро Алиса оказалась в центре солидной лужи. Лужа была глубиной ей по щиколотку и залила чуть ли не половину подземелья.

А она еще не успела хорошенько выплакаться!

Вдруг откуда-то издалека послышался быстрый топоток;

Алиса поскорее утерла слезы — должна же она была посмотреть, что там происходит!

Это вновь явился не кто иной, как Белый Кролик. Разодетый в пух и прах, в одной лапке он вдобавок держал большущий веер, в другой — пару лайковых бальных перчаток. Он, видно, очень торопился и на ходу бормотал себе под нос:

— Все бы ничего, но вот Герцогиня, Герцогиня! Она придет в ярость, если я опоздаю! Она именно туда и придет!

Алиса была в таком отчаянии, что готова была просить помощи у кого угодно, так что, когда Кролик подбежал поближе, она робким голоском начала:

— Простите, пожалуйста...

Кролик подскочил как ужаленный, выронив перчатки и веер, отпрянул в сторону и тут же скрылся в темноте.

Веер и перчатки Алиса подобрала и, так как ей было очень жарко, принялась обмахиваться веером.

— Ой-ой-ой, — вздохнула она, — ну что же это сегодня за день такой? Все кувыром! Ведь только вчера все было, как всегда! Ой, а что... а что, если... если вдруг это я сама сегодня стала не такая? Вот это да! Вдруг правда я ночью в кого-нибудь превратилась? Погодите, погодите... Утром, когда я встала, я была еще я или не я? Ой, по-моему, мне как будто было не по себе... Но если я стала не я, то тогда самое интересное — кто же я теперь такая? Ой-ой-ой! Вот это называется головоломка!

И Алиса тут же принялась ее решать. Она сразу подумала о своих подружках. А вдруг она превратилась в кого-нибудь из них?

— Конечно, жалко, но я не Ада, — вздохнула она. — У нее такие чудные локоны, а у меня волосы совсем не выются... Но уж я, конечно, и не Мэгги! Я-то столько много всего знаю, а она, бедняжка, такая глупенькая! Да и вообще она — это она, а я — это, наоборот, я, значит... Ой, у меня, наверное, скоро правда голова сломается! Лучше проверю-ка я, все я знаю, что знаю, или не все. Ну-ка: четырежды пять — двенадцать, четырежды шесть — тринадцать, четырежды семь... Ой, мамочка, я так никогда до двадцати не дойду! Ну и ладно, значит, таблица умножения не считается! Лучше возьмем географию. Лондон — это столица Парижа, а Париж — это столица Рима, а Рим... Нет, по-моему, опять что-то не совсем то! Наверно, я все-таки превратилась в Мэгги. Что же делать? Ага! Прочту с выражением какие-нибудь стишки. Ну хоть эти... «Эти! В школу собирайтесь!»

Она сложила ручки, как примерная ученица, и начала читать вслух, но голос ее звучал совсем как чужой, и слова тоже были не совсем знакомые:

Звери, в школу собирайтесь!

Петушок пропел давно!

Как вы там ни упирайтесь,
Ни кусайтесь, ни брыкайтесь —
Не поможет все равно!

Громко плачут Зверь и Пташка,
— Караул! — кричит Пчела,
С воем тащится Букашка...
Неужели им так тяжело
Приниматься за дела?

Ну вот! Стихи — и те неправильные! — сказала бедняжка Алиса, и глаза ее снова наполнились слезами. — Выходит, я все-таки, наверное, Мэгги; и буду я жить в их противном домишке, игрушек у меня не будет, играть почти что не придется, а только все учить, учить и учить уроки. Ну, если так, если я — Мэгги, я тогда лучше останусь тут! Пусть лучше не приходят и не уговаривают! Я им только скажу: «Нет, вы сперва скажите, кто я буду». Если мне захочется им быть, тогда, так и быть, пойду, а если не захочется — останусь тут... пока не стану кем-нибудь еще... Ой, мамочка, мамочка, — зарыдала вдруг Алиса, — пусть лучше скорее приходят и угова-а-а-ривают! Я прямо вся замучилась тут одна!

Тут она нечаянно глянула на свои руки и очень удивилась, обнаружив, что, сама того не замечая, натянула крошечную перчатку Кролика.

«Как же это я так сумела? — подумала она. — Ой, наверное, я опять буду маленькая!»

Она вскочила и подбежала к столу, чтобы померить, какая она стала.

Вот так так! В ней уже было всего сантиметров шестьдесят, и она продолжала таять прямо на глазах. К счастью, Алиса сразу сообразила, что во всем виноват веер — он по-прежнему был у нее в руках, — и поскорее бросила его в сторону. А то неизвестно, чем бы это кончилось!

— Ай да я! Чуть-чуть не пропала! — сказала Алиса. Она была сильно напугана своим внезапным превращением, но счастлива, что ей удалось уцелеть. — А теперь — в сад!

И она со всех ног помчалась к выходу.

Бедная девочка!

Дверца была по-прежнему на замке, а золотой ключик так и лежал на стеклянном столе...

— Ну уж это я прямо не знаю, что такое, — всхлинула Алиса. — И еще я стала прямо дюймовочкой какой-то! Дальше ехать некуда!

И только она это сказала, как ноги у нее поехали, и — плюх! — она оказалась по шейку в воде. В первую минуту, неча-

янно хлебнув соленой водицы, она было решила, что упала в море.

— Тогда ничего, я поеду домой в поезде! — обрадовалась она. Дело в том, что Алиса однажды уже побывала на море и твердо усвоила, что туда ездят по железной дороге. При слове «море» ей представлялись ряды купальных кабинок, пляж, где малыши с деревянными лопатками копаются в песочке, затем ряд домов, а уж за ними — обязательно железнодорожная станция.

Плавать Алиса умела и довольно скоро догадалась, что на самом деле это не море, а пруд, который получился из тех самых слез, какие она проливала, когда была великаншей трех метров ростом.

— Зачем ты столько ревела, дурочка! — ругала себя Алиса, тщетно пытаясь доплыть до какого-нибудь берега. — Вот теперь в наказание еще утонешь в собственных слезах! Да нет, этого не может быть, — испугалась она, — это уж ни на что не похоже! Хотя сегодня ведь все ни на что не похоже! Это и называется, по моему, оказаться в плачевном положении...

От этих печальных размышлений ее отвлек сильный плеск воды. Кто-то бултыхался в пруду неподалеку от нее и шлепал по воде так громко, что сперва она было подумала, что это морж, а то и бегемот, и даже чуточку испугалась, но потом вспомнила, какая она сейчас маленькая, успокоилась («Он меня и не заметит», — подумала она), подплыла поближе и увидела, что это всего-навсего мышка, которая, очевидно, тоже нечаянно попала в этот плачевный пруд и тоже пыталась выбраться на твердую почву.

«Заговорить, что ли, с этой Мышью? Может, она мне чем-нибудь поможет? — подумала Алиса. — А уж говорить-то она, наверно, умеет — что тут такого, сегодня и не то бывало! Заговорю с ней — попытка не пытка».

И она заговорила:

— О Мышь!

Вас, наверное, удивляет, почему Алиса заговорила так странно. Дело в том, что не знаю, как вам, а ей никогда раньше не приходилось беседовать с мышами, и она даже не знала, как позвать (или назвать) Мышь, чтобы та не обиделась. К счастью, она вспомнила, что ее брат как-то забыл на столе (случайно) старинную грамматику, и она (Алиса) заглянула туда (конечно, уж совершенно случайно) — и представляет, там как раз было написано, как нужно вежливо звать мышь! Да, да! Прямо так и было написано:

Именительный: кто? — Мышь.

Родительный: кого? — Мыши.

Дательный: кому? — Мыши.

.

А в конце:

З в а т е л ь н ы й: — О Мышь!

Какие могли быть после этого сомнения?

— О Мышь! — сказала Алиса. — Может быть, вы знаете, как отсюда выбраться? Я ужасно устала плавать в этом пруду, о Мышь!

Мышь взглянула на нее с любопытством и даже, показалось Алисе, подмигнула ей одним глазком, но ничего не сказала.

«Наверное, она не понимает по-нашему, — подумала Алиса. — А-а, я догадалась: это, наверное, французская мышь. Приплыла сюда с войсками Вильгельма Завоевателя!»

(Хотя Алиса, как видите, проявила обширные познания в истории, справедливости ради надо подчеркнуть, что она не слишком ясно представляла себе, когда что случилось.)

По-французски Алиса знала из всего учебника твердо только первую фразу и решила пустить ее в ход.

— Oû est ma chatte? — Сказала она.

Мышь так и подпрыгнула в воде и задрожала всем телом.

И не удивительно, ведь Алиса сказала: «Где моя кошка?»

— Ой, простите! — поспешила извиниться Алиса, догадавшись, что огорчила бедную мышку. — Я просто как-то не подумала, что ведь вы не любите кошек.

— «Не любите кошек!» — передразнила Мышь пронзительным голосом. — А ты бы их любила на моем месте?

— Наверное, наверное, нет, — примирительным тоном сказала Алиса. — Вы только не сердитесь! А все-таки я бы хотела познакомить вас с нашей Диночкой! Вот ручаюсь, если вы ее только увидите, вы сразу полюбите кошечек! Она такая ласковая, милая кисонька, — продолжала Алиса вспоминать вслух, не спеша подплывая к Мыши, — и она так приятно мурлычет у камина, и так хорошо умывается — и лапки, и мордочку моет; и она так уютно сидит на руках, и она вся такая мягонькая, пушистая — одно удовольствие, и она так здорово ловит мышей... Ой, простите меня, пожалуйста! — опять закричала Алиса, потому что Мышь вся ошетинилась, и уж тут не приходилось сомневаться, что она возмущена Алисиной бестактностью до глубины души. — Не будем больше о ней говорить, раз вам так неприятно, — смущенно пролепетала Алиса.

— Говорить? — с негодованием пискнула Мышь, дрожа до самого кончика хвоста. — Стала бы я говорить о таком неприятном предмете! Я и слышать об этом не желаю! В нашем семействе всегда терпеть не могли этих подлых, мерзких, вульгарных тварей! И прощу вас — больше ни слова!

— Не буду, не буду,— торопливо уверяла ее Алиса.— А вы... а вы любите... любите... собачек? — нашлась она наконец.

Мышь не отвечала. Алиса сочла ее молчание за согласие и с воодушевлением продолжала:

— Вот и хорошо! Как раз около нас живет чудный песик, вот бы вам его показать! Представляете, хорошенький маленький терьер, глазки блестят, а шерстка — просто восторг! Длинная, шоколадная и вся вьется! И он умеет подавать поноску, и служить, и давать лапку, и чего-чего только не умеет, я даже не все помню! Его хозяин говорит, он бы с ним ни за какие тысячи не расстался — такой он умный и столько пользы приносит, он даже всех крыс переловил, не только мы... О господи,— сокрушенно перебила себя Алиса,— какая я бестактная девочка!

Несчастная Мышь тем временем уплывала от своей собеседницы что есть духу — только волны шли кругом.

— Мышенька, милая, хорошая, вернитесь! — умильным голосом закричала Алиса.— Честное-пречестное, больше ни слова не скажу ни про Кы, ни про Сы!

Услыхав это обещание, Мышь повернула и медленно поплыла обратно; мордочка у нее была довольно бледная («Наверное, очень сердится», — подумала Алиса).

— Выйдем на сушу, дитя,— сказала Мышь еле слышным, дрожащим голосом,— и я расскажу тебе мою историю. Тогда ты поймешь, почему я ненавижу как Тех, так и Этих.

И в самом деле давно было пора вылезать из воды: в пруду поднялась настоящая толкотня — столько туда свалилось разных птиц и зверей. Среди них оказались: Утка и Попугай, Стреляный Воробей и Орленок Цып-Цып, и даже вымершая птица Додо, он же Ископаемый Дронт. И кого там еще только не было!

Алиса поплыла первой; остальные потянулись за ней, и вскоре вся компания вылезла на берег.

Глава третья,

В КОТОРОЙ ПРОИСХОДИТ КРОСС ПО ИНСТАНЦИЯМ И ИСТОРИЯ С ХВОСТИКОМ

Довольно-таки жалкий вид был у общества, собравшегося на берегу: мокрые перышки птиц так и топорщились, мокрый мех зверюшек так и прилипал, вода текла ручьями как с тех, так и с других, и все были сердитые и несчастные.

Первым делом, разумеется, надо было придумать, как скорее обсушиться; посыпались разные предложения, и не прошло и пяти минут, как Алиса разговорилась со всеми запросто, словно была с ними всю жизнь знакома. Она даже серьезно поспорила с Попу-

гаем, который немедленно надулся и упорно повторял одно и то же:

— Я старше тебя, значит, я все лучше знаю!

Алиса этого, понятно, так не оставила и потребовала, чтобы он сказал, сколько ему лет, но Попугай категорически отказался. Ну что ж, все стало ясно без слов!..

В конце концов Мышь — по-видимому, в этой компании она пользовалась большим уважением — закричала:

— А ну-ка все садитесь и слушайте меня! Сейчас вы у меня будете сухонькие!

Все послушно уселись вокруг нее и приготовились слушать. Алиса — та особенно навестила ушки: она была уверена, что если не просохнет *очень скоро*, то непременно схватит ужасный насморк.

— Экхем! — торжественно прокашлялась Мышь. — Ну, я надеюсь, все готовы? Так вот, воспользуемся самым сухим предметом, какой мне известен, кхегем! Прошу полной тишины в аудитории!

И она начала:

— «Вильгельм Завоеватель, чью руку держал римский первосвященник, вскоре привел к полному повиновению англо-саксов, каковые не имели достойных вождей и в последние годы слишком привыкли равнодушно встречать узурпацию власти и захваты чужих владений. Эдвин, граф Мерсии и Моркар, эрл Нортумбрии...»

— Бррррр! — откликнулся Попугай. Он почему-то весь дрожал.

— Простите, — сказала Мышь нахмурясь, но с подчеркнутой вежливостью, — вы, кажется, о чем-то спросили?

— Я? Что вы, что вы! — запротестовал Попугай.

— Значит, мне показалось, — сказала Мышь. — Позвольте продолжать?

И, не дожидаясь ответа, продолжала:

— «...Эдвин, граф Мерсии и Моркар, эрл Нортумбрии, присягнули на верность чужеземцу и даже Стиганд, славный любовью к отечеству архиепископ Кентерберийский, нашел это достохвальным...»

— Что, что он нашел? — неожиданно заинтересовалась Утка.

— Нашел это, — с раздражением ответила Мышь. — Ты что, не знаешь, что такое «это»?

— Я прекрасно знаю, что такое «это», когда я его нахожу, — невозмутимо ответила Утка. — Обычно это — лягушка или червяк. Вот я и спрашиваю: что именно нашел архиепископ?

Мышь, не удостоив Утку ответом, торопливо продолжала:

— «...хвальным; он же сопровождал Эдгару Ателингу,

отправившемуся к завоевателю, дабы предложить ему корону Англии. Поначалу действия Вильгельма отличались умеренностью, однако разнузданность его норманнов...»

— Ну как твои делишки, дорогая,— неожиданно обратилась она к Алисе,— сохнешь?

— Мокну! — безнадежно ответила Алиса.— Что-то на меня это совсем не действует!

— В таком случае,— торжественно произнес Дронт (он же Додо), поднимаясь на ноги,— вношу предложение: немедленно распустить митинг и принять энергичные меры с целью скорейшего...

— А может, хватит на сегодня тарабарщины? — перебил его Орленок Цып-Цып.— Я и половины этой абракадабры не понимаю, да и ты сам, по-моему, тоже!

Кое-кто из птиц захихикал, а Орленок деликатно отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

— Я только хотел сказать,— обиженно проговорил Дронт,— что в нашем положении лучшее средство просохнуть — это, конечно, устроить Кросс по Инстанциям.

— А что это такое — Кросс по Инстанциям? — спросила Алиса. Не то чтобы ее это очень заинтересовало — просто она, по своей доброте, не могла не выручить Дронта: он явно ждал, что его засыплют вопросами, а все присутствующие тупо молчали...

— Ну,— радостно откликнулся Дронт,— лучший способ объяснить — это самому сделать!

Так как вам, может быть, тоже захочется попробовать в морозный денек, что это за штука Кросс по Инстанциям, я расскажу, что Дронт сделал.

Прежде всего он, как он выразился, «разметил инстанцию» — то есть нарисовал на земле круг (не очень ровный, но «точность тут не обязательна», сказал Дронт).

Далее он расставил всех присутствующих по этому кругу (строго как попало).

А потом...

Вы, наверное, думаете: скомандовал «раз-два-три — марш!». Ничего подобного!

Все начали бегать когда кому захотелось, и бежали кто куда хотел, и останавливались когда кто пожелает.

Не так-то легко было определить, когда соревнования закончились!

Но Дронта эти трудности не смутили. Примерно через полчаса, когда все вволю набегались и как следует просохли и согрелись, он вдруг подал команду:

— Финиш! Стоп! Соревнования закончены!

И все, запыхавшись, окружили его и стали допытываться:

— А кто же победил?

Чтобы ответить на этот вопрос, даже Дронту пришлось хорошенько подумать. Он долго стоял неподвижно, приставив палец ко лбу (в такой позе нередко изображают на картинках великих людей — например, Шекспира), и все затаив дыхание ждали.

Наконец Дронт сказал:

— Победили все! И все получают призы,— добавил он.

— А кто же будет выдавать призы? — спросили его хором (и хором довольно дружным).

— Что за вопрос! Конечно, ОНА,— ответил Дронт, показав пальцем на Алису.

И тут все общество сразу окружило ее, и все наперебой закричали:

— Призы! Где призы? Давай призы!

Бедная Алиса не знала, что ей делать; в растерянности она сунула руку в кармашек и вытащила оттуда коробочку цукатов. (Соленая вода, по счастью, туда не попала.) Она стала раздавать конфеты всем участникам соревнований, и как раз хватило на всех, кроме самой Алисы...

— Как же так? — с упреком сказала Мышь.— Ты тоже должна получить приз!

— Сейчас уладим! — внушительным тоном произнес Дронт и, обернувшись к Алисе, спросил: — У тебя еще что-нибудь осталось в кармане?

— Ничего. Только наперсток,— грустно ответила Алиса.

— Превосходно! Передай его мне,— потребовал Дронт.

И опять все присутствующие столпились вокруг Алисы, а Дронт протянул ей наперсток и торжественно произнес:

— Я счастлив, сударыня, что имею честь от имени всех участников просить вас принять заслуженную награду — этот почетный наперсток!

Когда он закончил свою краткую речь, все захлопали и закричали «ура».

Как вы догадываетесь, во время этой церемонии Алису ужасно разбирал смех, но у всех остальных был такой торжественный и серьезный вид, что она сдержалась. Что полагается отвечать на такие речи, она не знала и потому просто поклонилась и приняла от Дронты наперсток, изо всех сил стараясь сохранить серьезное выражение лица.

Теперь все с чистой совестью принялись за сладкое. Тут не обошлось без писка, визга и мелких происшествий; некоторые птицы покрупней громко жаловались, что не успели даже толком распробовать, а кое-кто из мелюзги второпях поперхнулся, их пришлось похлопать по спинке.

Наконец и с угощением было покончено. Все опять уселось

вокруг Мыши и стали ее просить рассказать еще что-нибудь.

— Вы обещали рассказать мне вашу историю, помните? — сказала Алиса. — И почему вы так не любите — Кы и Сы, — добавила она шепотом, опасаясь, как бы опять не расстроить Мышь.

Мышь повернулась к Алисе и тяжело вздохнула.

— Внемли, о дитя! Этой трагической саге, этой страшной истории с хвостиком тысяча лет! — сказала она.

— История с хвостиком? — удивленно переспросила Алиса, с интересом поглядев на мышкин хвостик. — А что с ним случилось страшного? По-моему, он совершенно цел — вон он какой длинный!

И пока Мышь рассказывала, Алиса все думала про мышиный хвостик, так что в ее воображении рисовалась приблизительно вот такая картина:

Кот сказал бедной мышке:

«Знаю я понаслышке, что у вас очень тонкий, изысканный вкус, а живете вы в норке и глодаете корки. Так ведь вкус ваш испортиться может, боюсь!

Хоть мы с вами, соседка, встречаемся редко, ваш визит я бы счел за особую честь! Приходите к обеду в ближайшую среду! В нашем доме умеют со вкусом поесть!»

Но в столовой у кошки даже хлеба ни крошки. Кот сказал:

«Пустяки! Не волнуйтесь, мадам! Наше дело котово — раз, два, три, и готово — не успеете пикнуть, как на стол я подам!»

— Ты не слушаешь, — ни с того ни с сего сердито взвизгнула Мышь, — отвлекаешься посторонними предметами и не следишь за ходом повествования!

— Простите, я слежу, слежу за ним, — смиренно сказала Алиса, — по-моему, вы остановились... на пятом повороте.

— Спасибо! — еще громче запищала Мышь, — вот я по твоей милости потеряла нить!

— Потеряли нить? Она, наверно, в траву упала! — откликнулась Алиса, всегда готовая помочь. — Позвольте, я ее найду!..

— Ты и так себе слишком много позволяешь! — пискнула Мышь. Она встала и решительно двинулась прочь, бормоча себе под нос: — Вот и мечи бисер перед свиньями! После того, что я рассказала, слушать такие глупости! Очень обидно!

— Да я не нарочно! — взмолилась Алиса. — Вы какая-то очень обидчивая!

Мышь в ответ только что-то проворчала.

— Не уходите, пожалуйста, и доскажите свой рассказ! — крикнула Алиса ей вслед, и все остальные хором поддержали ее:

— Пожалуйста, доскажите!

Но Мышь только досадливо затрясла головой и ускорила шаги.

— Ах, как жалко-жалко, что она ушла,— сказал Попугай, дождавшись, пока Мышь окончательно скроется из виду.

А какая-то старая Каракатица назидательно сказала своей дочери:

— Пусть это послужит тебе серьезным уроком, дорогая! Видишь, как важно всегда владеть собой!

На что молодая Каракатица не без раздражения ответила:

— Помолчали бы лучше, мамаша! Вы и устрицу выведете из себя!

— Вот уж когда жаль, что Диночки тут нет! — сказала Алиса громко, хотя и не обращая ни к кому в отдельности. — Она бы ее живо сюда притащила.

— Кто эта Диночка, позвольте полюбопытствовать? — осведомился Попугай.

На это Алиса, естественно, откликнулась очень горячо — она всегда была рада случаю поговорить о своей любимице.

— Дина — это наша кошечка! Она так здорово ловит мышей, вы себе просто не представляете! Она даже птиц ловит, да еще как! Только увидит пташку — и готово дело!

Эта восторженная речь произвела на присутствующих должное впечатление. Несколько птиц немедленно снялись с мест и улетели. Пожилая Сорока поспешно начала кутаться в шаль.

— Я непростительно тут засиделась,— объяснила она,— вечерняя сырость для моего горла — просто яд! Верная ангина. Домой, домой!

Канарейка дрожащим голосом созывала своих детишек:

— Скорей, скорей домой, мои крошечки! Вам давно пора в постельку!

Словом, очень скоро все под разными предлогами разлетелись кто куда, и Алиса осталась в одиночестве.

«И зачем я только вспомнила про Диночку,— грустно думала она.— Никому-то она тут не нравится, а ведь она такая хорошенькая кошечка, лучше ее нет на свете! Диночка ты моя дорогая, неужели я тебя вообще больше никогда не увижу!»

Тут Алиса снова заплакала — уж очень ей стало печально и одиноко,— как вдруг невдалеке снова послышался чей-то легкий топоток. Она радостно подняла глаза — а вдруг это Мышь передумала и все-таки вернулась, чтобы досказать свою историю.

В КОТОРОЙ ТРИТОН БИЛЛЬ
ВЫЛЕТАЕТ В ТРУБУ

Нет, это опять был Белый Кролик. Он неторопливо трусил обратно, озабоченно озираясь, словно что-то потерял, и продолжал бормотать себе под нос:

— И еще эта Герцогиня! Пропала моя головушка, и шкурка пропала, и усики тоже! Пиши пропало! Велит она меня казнить, нет на нее пропасти! И где только я их мог обронить?

Алиса сразу сообразила, что он ищет веер и бальные перчатки, и, как девочка *очень* добрая, немедленно тоже принялась за поиски.

Но ни веера, ни перчаток нигде не было видно, да, пожалуй, и искать их было бесполезно: все вокруг совершенно переменялось с тех пор, как Алиса купалась в слезах, и все громадное подземелье, где стоял стеклянный столик и была заветная дверца, исчезло без следа, словно его никогда и не было.

Кролик вскоре заметил Алису, вертевшуюся поблизости, и сердито окликнул ее.

— Эй, Мэри-Энн! Ты что тут околачиваешься? — крикнул он. — Сию минуту беги домой и принеси мне веер и бальные перчатки! А ну пошевеливайся!

И он повелительно махнул лапкой, показывая, куда бежать.

Алиса была так ошеломлена, что со всех ног кинулась исполнять приказание, даже не попытавшись объяснить Кролику, что он обознался.

«Он, наверное, принял меня за свою прислугу, — мелькало у нее в голове на бегу. — Вот удивится, когда увидит, как он ошибся! Но я уж, так и быть, лучше принесу ему перчатки с веером. Только вот где их найти?»

А перед ней уже стоял хорошенький маленький домик, на двери которого красовалась начищенная до блеска медная табличка с выгравированным именем владельца:

Б. КРОЛИК

Алиса вошла в дом не постучав и бегом пробежала наверх, в парадные комнаты.

Понимаете, эта добросовестная девочка очень боялась, что встретит настоящую Мэри-Энн и та выставит ее из дому, прежде чем Алиса выполнит поручение!

«Хотя вообще-то немного странно, как это я оказалась на побегушках у Кролика! — подумала она. — Чего доброго, еще Динка начнет мной командовать!»

И она сразу представила себе такую сцену:

«Мисс Алиса! Идите скорей, пора собираться на прогулку!»

«Не могу, нянечка! Диночка велели мне посторожить мышиную норку, пока они не вернутся, а то как бы мышь не убежала!»

— Только как бы Динку из дому не выгнали,— перебила себя Алиса,— если она попробует так командовать!

Тем временем она оказалась в чистенькой комнатке, где у окна стоял трельяж, а на нем, как Алиса и надеялась, лежал веер и две-три пары бальных перчаток.

Алиса взяла веер и перчатки и собиралась уже идти, как вдруг заметила на подзеркальнике какой-то пузырек.

На этот раз на нем не было ярлыка с надписью «ВЫПЕЙ МЕНЯ». Тем не менее Алиса смело вытащила пробку и поднесла пузырек к губам.

«Я уж знаю: стоит мне что-нибудь съесть или выпить,— думала она,— обязательно случится что-нибудь интересное. Сейчас мы и эту бутылочку проверим! Хорошо бы, она подействовала и я опять стала большая, а то прямо надоело быть такой козявкой!»

Пузырек подействовал, и еще как! Не успела Алиса выпить и половины, как уперлась головой в потолок, и ей пришлось сильно наклониться, чтобы не сломать себе шею. Она поскорее поставила его обратно, приговаривая:

— Ой-ой, хватит, хватит! Ой, неужели я не перестану расти, я и так уже в дверь не пройду! И зачем я столько выпила? Надо было только капельку!

Увы, мысли были совершенно правильные, но несколько запоздалые: Алиса все росла и росла!

Очень скоро ей пришлось встать на колени, а спустя минуту оказалось, что и этого мало; бедняжка попробовала лечь на пол, упершись локтем одной руки в дверь, а другую руку положив за голову. Но скоро ей опять стало не хватать места — она все продолжала расти. Тогда она попробовала последнее средство: руку высунула в окно, а одну ногу поместила в камине.

«Все! — подумала она в отчаянии.— Больше ничего не поделаешь, будь что будет!»

К счастью, на этом действие волшебного напитка прекратилось — расти Алиса перестала.

Но она и без того была в незавидном положении: ей было тесно, неудобно и, главное, не было никакой надежды выбраться на волю. Не мудрено, что Алиса на минутку повесила нос.

«Насколько лучше было дома,— думала бедная девочка,— там, по крайней мере, человек знал, какого он будет роста через пять минут! А тут!.. То ты большая, то ты маленькая, и всякие мыши и кролики помыкают тобой как хотят! Нет, наверное, зря я полезла в эту кроличью нору. Хотя... хотя... нет, все-таки тут

довольно-таки интересная жизнь! Самое интересное — как это все вдруг могло случиться со мной? Ведь раньше, когда я читала сказки, я думала, на самом деле таких вещей никогда не бывает, а тут, пожалуйста, сама попала в самую настоящую сказку! Обязательно надо написать про меня книжку, вот что! Когда я буду большая, я сама...» — И тут Алиса запнулась.

— Да ведь я и так большая,— грустно сказала она,— а уж в этой-то комнате мне больше никак не вырасти!

«А вдруг я и правда больше не буду расти? — думала Алиса.— Значит, я и старше не стану! Пожалуй, это неплохо: никогда не стану старушкой! Да, но ведь тогда мне придется всю жизнь учить уроки. Нет уж, спасибо!..»

— Ну и дурочка же ты, моя дорогая,— вновь перебила она сама себя.— Какие тебе еще тут уроки! Ты сама-то еле-еле помещаешься, а куда ты денешь книжки и тетрадки?

Она продолжала все в том же духе, изображая то одного, то другого собеседника, и беседа уже неплохо налаживалась, как вдруг со двора до нее донесся чей-то крик. Алиса замолчала и прислушалась.

— Мэри-Энн! Мэри-Энн! — кричал знакомый голос.— Сию минуту неси перчатки!

И тут на лестнице послышался легкий, быстрый топоток.

Алиса сразу догадалась, что это Кролик бежит ее искать, и задрожала так, что весь дом заходил ходуном,— она совершенно забыла, что ведь сейчас она, может, в тысячу раз больше Кролика и, значит, ей совершенно нечего его бояться.

Кролик был уже у дверей; он попытался войти, но дверь открывалась внутрь и Алиса крепко уперлась в нее локтем, так что все старания его были бесполезны.

— Ну что ж, тогда зайду с той стороны и попробую влезть в окно,— пробормотал он себе под нос.

«Как бы не так!» — подумала Алиса и приготовилась. Когда, по ее расчетам, Кролик как раз добрался до карниза, она внезапно высунула руку в окно как можно дальше и наудачу попыталась его схватить; схватить она ничего не схватила, но тем не менее за окном раздался писк, звук падения и звон разбитого стекла. (Алиса подумала, что Кролик, видно, угодил в парник с огурцами, теплицу или что-нибудь в этом роде.)

Затем раздался яростный вопль:

— Пат! Пат! Куда ты там запропастился?

(Это кричал Кролик.)

Ему ответил голос, которого Алиса еще не слыхала:

— Стало быть, тут я, ваше вашество! Яблоньки окапываю!

— «Яблочки выкапываю!» — сердито передразнил Кролик.— Нашел занятие! Иди-ка лучше помоги мне выбраться отсюда!

(Снова послышался звон битого стекла.)

— А теперь скажи мне, Пат, что это там такое торчит в окне?

— Стало быть, ручка, вашество! (Слово «ручка» Пат произносил именно так — «ручка».)

— «Ручка», осел! Ничего себе ручка! Еле в окно пролезла!

— Стало быть, так-то оно так, вашество, а только это ручка, напротив правды не попрешь!

— Ну ладно, пусть ручка, только ей там не место! Изволь убрать ее оттуда!

Наступила долгая пауза. Собеседники, как видно, говорили еле слышным шепотом, и лишь изредка Алисе удавалось расслышать отдельные выражения.

— Стало быть, не лежит у меня душа к этому делу, вашество. Никак не лежит. Ну никак!

— Делай, что приказано, трус несчастный!

Наконец Алиса, не выдержав, опять наудачу цапнула рукой.

На этот раз запищали двое, и стекла сыпались гораздо дольше. «Ну и много же у них парников,— подумала Алиса.— Интересно, что они там еще придумают! «Изволь убрать ее оттуда»! Я бы рада была отсюда убраться! Хорошо бы, они правда смогли меня отсюда вытащить!»

Долгое время все было тихо.

И вот закричали колесики маленькой тележки и послышались голоса. Загомонила целая толпа народу:

— А где другая лестница?

— Мне велели одну привезть! Другая у Билля!

— Эй, Билль! Волоки ее сюда!

— Становь с этого угла!

— Постой, давай сперва свяжем, а то нипочем не достанешь!

— Достанешь, не бойся! Куда они денутся!

— Эй, Билль! Держи веревку!

— А крыша-то выдержит?

— Осторожней, вы! Там одна черепица еле живая!

— Ой, падает, падает!

— Головы береги!

(Треск и грохот.)

— Ну, кто это устроил?

— Билль, кто же еще!

— А в трубу-то кто полезет? Ты, что ли?

— Еще чего! Сам лезь!

— Нашел дурака!

— Полезет Билль.

— Билль, тебе придется!

— Эй, Билль, слышал? Хозяин тебе велит лезть в трубу!

— Давай уж, брат!

«Бедный Билль,— сказала Алиса про себя.— И в трубу тоже

ему лезть! Всё на него сваливают! Нет, я бы с ним не поменялась! У меня положение безвыходное, но я хоть брыкаться могу!»

Она просунула ногу подальше в дымоход и подождала, пока не услышала, что какое-то маленькое существо (какое именно, она не могла понять) шуршит и скребется в трубе.

— Вот и Билль пожаловал,— сказала она, как следует наподдала ногой и снова стала ждать, что будет дальше.

Дальше сначала раздался общий крик:

— Эй, Билль летит! Летит!

Потом голос Кролика:

— Кто там у забора! Ловите его!

Потом наступила недолгая тишина.

А потом вновь посыпались восклицания:

— Поддержи ему голову!

— Выпить дайте!

— Осторожней, как бы он не захлебнулся!

— Ну как ты, старина?

— Что там стряслось?

— Выкладывай все начистоту, не стесняйся!

Наконец слабенький пискливый голосок («Это и есть Билль»,— сообразила Алиса) произнес:

— Ох, и сам не пойму... Нет, благодарствуйте, будет с меня!.. Маленько полегче... Только в голове туман стоит... Ничего-то я не разобрал: ка-аа-аак оно шандарахнет меня, так я и полетел оттуда турманом!

— Верно говоришь, старина!

— Правда чистая!

— Все как есть! — поддержал его дружный хор.

— Придется сжечь дом,— прозвучал деловитый голос Кролика, и Алиса закричала изо всех сил:

— Только попробуйте! Я на вас Динку напущу!

Немедленно воцарилась мертвая тишина.

«Ну что они еще придумают? Будь у них хоть капля ума, они бы сняли крышу»,— думала Алиса.

Через несколько минут снаружи вновь поднялась какая-то возня, и Алиса расслышала слова Кролика:

— Для начала тачки хватит! Только полнее насыпайте.

«Тачки чего?» — взволновалась Алиса.

Но ей недолго пришлось гадать — в ту же минуту в окошко градом полетели мелкие камешки и несколько штук попало ей прямо в лицо. «Это уже никуда не годится»,— подумала Алиса.

— Только попробуйте еще — я вам покажу! — крикнула она в окно, и снова наступила мертвая тишина.

И тут Алиса с удивлением заметила, что камешки на полу все превратились в печенье, и ее осенила блестящая мысль.

«Если я съем хоть одну штучку,— подумала она,— я, навер-

ное, сразу или вырасту, или наоборот. Но ведь расти-то мне дальше уже некуда,— значит, будет наоборот. Попробую!»

Она сначала попробовала, а потом просто проглотила печеньице. И пришла в восторг — особенно когда заметила, что сразу начала уменьшаться!

Как только Алиса стала такая маленькая, что смогла пройти в дверь, она выбежала из дому. На дворе собралась целая толпа мелких животных и птиц. Все толпились вокруг пострадавшего Билля. Билль — маленький тритон — лежал на травке; одна морская свинка поддерживала ему голову, другая чем-то поила его из бутылки.

Заметив Алису, все они было кинулись к ней, но она во всю прыть помчалась прочь и скоро очутилась в густом лесу.

— Теперь первое, что нужно сделать,— говорила себе Алиса, уходя все глубже в чащу по лесной тропинке,— это стать, какая я всегда была. А второе, что нужно сделать,— это найти дорогу в тот чудесный садик. Вот и все. Это будет самый лучший план!

План, что и говорить, был превосходный: простой и ясный, лучше не придумаешь. Недостаток у него был только один: было совершенно неизвестно, как привести его в исполнение.

Алиса озабоченно оглядывалась, разыскивая хоть какой-нибудь просвет в лесной чаще, и вдруг над самым ухом у нее кто-то громко тявкнул. Она вздрогнула и подняла глаза.

Колоссальнейший лохматый щенок смотрел на нее сверху вниз большими круглыми глазами, нерешительно пытаясь потрогать ее лапкой (вернее, лапшей).

— Ах ты мой маленький, ах ты мой бедненький...— умильно заговорила Алиса со щенком. Она даже попыталась посвистеть ему, но свист никак не хотел получаться: бедняжка так дрожала от страха, что и губы у нее тряслись. В голове у нее вертелось одно и то же: «Вдруг щенок голодный, тогда он свободно сможет меня съесть, подлизывайся не подлизывайся!»

Плохо соображая, что она делает, Алиса подобрала на земле какую-то палочку и протянула ее щенку.

Щенок в ответ радостно завизжал, от восторга подпрыгнул, как мячик, а затем набросился на палку и начал с ней отчаянно сражаться. Алиса тем временем юркнула за большой куст чертополоха, опасаясь, как бы щенок на нее не наступил.

Когда она решилась выглянуть из-за куста, щенок как раз предпринял новое наступление на палочку, но немного поторопился и полетел вверх тормашками. «Да,— подумала Алиса,— это все равно что с лошастью в салочки играть — того и гляди, задавит!»

Она снова забежала за куст. Щенок в это время начал серию энергичных атак на палку, для чего он каждый раз *очень далеко*

отбегал назад и делал *очень короткий* бросок вперед и при этом лаял не закрывая рта; наконец он, совершенно умаявшись, уселся на почтительном расстоянии от палки, свесив язык и зажмурив глазищи.

Это был самый подходящий момент, чтобы улизнуть. Алиса не стала терять времени и кинулась наутек; она бежала и бежала, пока не запыхалась окончательно, а главное, пока лай щенка не затих в отдалении...

— А все-таки какой прелестный был щенок! — сказала Алиса, обмахиваясь листком лютика, к стеблю которого она прислонилась, чтобы отдохнуть. — Как бы мне хотелось, чтобы он был мой! Я бы с ним играла, учила его всяким фокусам, если бы... если бы только я стала, какая я была раньше! Ой, мамочка, что же это я! Чуть не забыла, что мне первым делом надо вырасти! Как же это сделать? Ага, конечно, надо что-то съесть или выпить, только вот самый главный вопрос — ЧТО?

Да, «что» — это был действительно большой вопрос: сколько Алиса ни озиралась кругом, она видела только траву и цветы, и ничего пригодного для еды или хотя бы для питья что-то не было заметно. Рос, правда, неподалеку большой гриб, размером никак не меньше самой Алисы. Она и его осмотрела очень тщательно: и справа, и слева, и сзади, и даже заглянула ему под шляпку, а потом подумала, что осматривать так осматривать, и надо посмотреть, нет ли чего-нибудь и на шляпке.

Алиса встала на дыпочки, вытянула шею и, заглянув через край, встретила взглядом с большим синим червяком — гусеницей какой-то бабочки.

Червяк сидел себе на шляпке сложа руки и преспокойно курил длинный кальян, не обращая ни малейшего внимания ни на Алису, ни на все окружающее.

Глава пятая,

В КОТОРОЙ ЧЕРВЯК ДАЕТ ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

Червяк и Алиса довольно долго созерцали друг друга в молчании; наконец Червяк вынул изо рта чубук и сонно, медленно произнес:

— Кто — ты — такая?

Хуже этого вопроса для первого знакомства он ничего бы не мог придумать: Алиса сразу смутилась.

— Видите ли... видите ли, сэр, я... просто не знаю, кто я сейчас такая. Нет, я, конечно, примерно знаю, кто такая я была утром, когда встала, но с тех пор я все время то такая, то саяка — словом, какая-то не такая. — И она беспомощно замолчала.

— Выражайся яснее! — строго сказал Червяк. — Как тебя прикажешь понимать?

— Я сама себя не понимаю, сэр, потому что получается, что я — это не я! Видите, что получается?

— Не вижу! — отрезал Червяк.

— Простите меня, пожалуйста, — сказала Алиса очень вежливо, — но лучше я, наверное, не сумею объяснить. Во-первых, я сама никак ничего не пойму, а во-вторых, когда ты то большой, то маленький, то такой, то сякой, то этакий — все как-то путается, правда?

— Неправда! — ответил Червяк.

— Ну, может быть, с вами просто еще так не бывало, — сказала Алиса, — а вот когда вы сами так начнете превращаться — а вам обязательно придется, знаете? — сначала в куколку, потом в бабочку, вам тоже будет не по себе, да?

— Нет! — сказал Червяк.

— Ну, может быть, у вас это по-другому, — согласилась Алиса. — Зато вот мне ужасно не по себе...

— Тебе? — произнес Червяк презрительно. — А кто ты такая?

«Ну вот, здрасте, приехали! — подумала Алиса. Правду говоря, она начала уже понемногу терять терпение. — Ну что это в самом деле, от него слова не допросишься», — думала она.

— По-моему, сначала ВЫ должны мне сказать, кто вы такой! — сказала она величественно и приосанилась.

— Почему? — отвечал Червяк.

Вопрос был для Алисы совершенно неожиданным, и так как она не сумела придумать никакого убедительного ответа, она решила, что, видно, Червяк просто очень не в духе, повернулась и пошла.

— Вернись! — крикнул Червяк ей вдогонку. — У меня есть для тебя важная новость!

Перед таким соблазном Алиса, естественно, не могла устоять и немедленно повернула обратно.

— Не надо выходить из себя! — сообщил Червяк.

— Это все? — спросила Алиса, чуть не поперхнувшись от негодования.

— Не все, — сказал Червяк.

«Ладно, так и быть», — подумала Алиса, — подожду. Делать мне все равно нечего, а может, он в конце концов скажет что-нибудь стоящее».

Червяк долго — минут пять! — молча попыхивал кальяном, но в конце концов действительно опять вынул изо рта чубук и сказал:

— Так ты думаешь, ты в кого-то превратилась?

— Боюсь, что так! — сказала Алиса. — Главное, все время

делаюсь то маленькая, то большая и ничего не могу вспомнить толком.

— Не можешь вспомнить чего? — спросил Червяк.

— Ничего! Даже стихов! — плачевным тоном сказала Алиса. — Я вон даже «Дети, в школу собирайтесь» хотела прочитать, а получилась какая-то чепуха!

— Прочти «Вечер был, сверкали звезды», — предложил Червяк. — Очень трогательный стишок!

Алиса послушно встала в позу, сложила перед собой ручки и начала:

Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал.
Папа маленького сына
Терпеливо просвещал.

И хотя он (папа) вскоре
Посинел и весь дрожал,
Задавать ему вопросы
Сын упорно продолжал:

— Заяц белый, куда бегал?
— Чижик-пыжик, где ты был?
— Аты-баты — что купили? —
Даже это не забыл!

Ах, как он хотел поставить
Старика отца в тупик!
Но, увы, на все вопросы
Отвечал шутя старик.

Сын спросил:
— Скажи, на сколько
«ре»
Трещит сейчас мороз? —
Но отец и тут нашелся:
— На два «ре», молокосос!

— Ладно, — проворчал малютка, —
Вот тебе вопрос такой:
Кто зовется В т о р о п я х о м?
.
.
.
Ах, попалась, птичка, — стой!

— Рано радуешься, мальчик! —
Осадил старик юнца. —
Как известно повсеместно,
Второпях зовут отца!

И, поняв, что все пропало,
Закричал отцу сынок:
— Что ты ржешь, мой конь ретивый?
(Лучше выдумать не мог...)

— Как же ты не постеснялся
Мне задать такой вопрос?
Ты ответишь, милый мальчик,
И не в шутку, а всерьез!

Да! Хотя довольно громко
На дворе мороз трещал,
Все прохожие слышали,
Как малютка отвечал!

— Не то,— сказал Червяк.

— Да, кажется, не совсем те стихи,— смущенно сказала Алиса.— Некоторые слова перепутались!

— Все никуда не годится с самого начала до самого конца! — решительно подвел итоги Червяк, и наступило долгое молчание.

На этот раз Червяк заговорил первым.

— Так какого размера ты хочешь быть? — спросил он.

— Да мне почти все равно,— не подумав, ответила Алиса.— Мне только очень неприятно, когда он так часто меняется. Понятно?

— Мне НЕ понятно,— сухо сказал Червяк.

Алиса промолчала: никогда в жизни ей столько не противоречили, и она уже чувствовала, что, несмотря на недавний совет Червяка, вот-вот выйдет из себя.

— Твой нынешний размер тебе нравится? — спросил Червяк.

— Ну,— замялась Алиса,— если вы не возражаете, я хотела бы чуточку подрасти! Я ведь сейчас с палец ростом. Подумайте, это прямо стыдно быть такого роста!

— Таким ростом можно только гордиться! — сердито закричал Червяк, вытягиваясь во весь рост. Он был как раз длиной в палец.

— Но я так не привыкла,— чуть не плача, взмолилась бедная девочка. «Ужас, какие они тут все обидчивые!» — подумала она и вздохнула.

— В свое время привыкнешь! — заявил Червяк и преспокойно принялся снова дымить своим кальяном.

Теперь Алиса решила подождать, пока Червяк опять сам соблаговолит с ней заговорить.

Через несколько минут он опять вытащил изо рта чубук

и отложил его в сторону; затем раза два зевнул и хорошенько потянулся. А потом он не спеша спустился по ножке гриба на землю и куда-то пополз.

И только перед тем, как окончательно скрыться в траве, он мимоходом произнес:

— Откусишь с этого боку — станешь больше, откусишь с того боку — станешь меньше. Ну-ка, раскуси!

Получалось что-то вроде загадки. «Что же это? Откуда я должна откусить и что раскусить?» — мелькало у Алисы в голове.

— Гриб! — немедленно отозвался Червяк, словно расслышал ее последние слова.

И только она его и видела.

Алиса в раздумье уставилась на гриб, пытаясь сообразить, где у него бока, а это было весьма и весьма нелегко, так как шляпка у гриба была совершенно круглая.

Но... хотите — верьте, хотите — нет, Алиса все-таки нашла выход! Она встала на цыпочки, обхватила шляпку обеими руками и там, куда смогла дотянуться, отломала по кусочку — сразу и правой и левой рукой!

Теперь оставалось самое трудное: решить, с какого начать.

«Какой какой? Какой — ТОТ, какой — ЭТОТ?» — лихорадочно думала Алиса и в конце концов отважилась откусить — совсем чуточку! — от того кусочка, который был в правой руке.

И в ту же секунду почувствовала сильный удар в подбородок: он стукнулся об ее собственные ботинки!

Как ни ошеломлена была Алиса, она все же сообразила, что времени терять нельзя: надо немедленно откусить хоть чуточку от другого куска, иначе она пропала!

Это было ужасно трудно: подбородок бедной девочки так сильно прижало к ногам, что она никак не могла открыть рот!

И все-таки Алиса ухитрилась кое-как откусить и проглотить крошечку...

* * *

— Ура! Голова на воле! — закричала Алиса в восторге, но ее восторг тут же сменился испугом: теперь куда-то пропали ее плечи! Ну прямо как в воду канули!

Алиса глядела во все глаза, но внизу ничего не было видно, кроме бесконечно длинной шеи, вздымавшейся, словно мачта, над целым морем зелени.

— Куда же они могли деваться? — громко спросила Алиса. — А это что за новое море, интересно? Ой, ручки мои дорогие, и вы пропали! Где вы, ау-у!

Тут она попробовала пошевелить руками, но почти безрезультатно.

Только где-то там, далеко внизу, легкий трепет прошел по зелени.

Ну что ж, если поднять руки к голове было невозможно, можно было попробовать наклонить к ним голову. Алиса так и сделала, и, к счастью, оказалось, что ее новая шея великолепно гнется в любом направлении. Изящно изогнув ее плавным зигзагом, Алиса собиралась нырнуть в зеленое море (она уже поняла, что это просто листва на верхушках деревьев, под которыми она только что гуляла), как вдруг громкий свистящий звук заставил ее отпрянуть.

На нее яростно налетела большая голубка, стараясь ударить ее крылом прямо в лицо.

— Змея! — отчаянно кричала Голубка. — Ах ты змея!

— Какая я вам змея! — возмутилась Алиса. — Оставьте меня в покое!

— Змея — змея и есть! — повторила Голубка, но уже не так уверенно. А потом она прибавила, чуть не плача: — Чего только я не перепробовала — и все зря. На них не потрафишь!

— О чем вы говорите? Я ничего не понимаю, — сказала Алиса.

— Корни деревьев пробовала, речные откосы пробовала, колючие кусты пробовала, — не слушая Алисы, продолжала Голубка, — им все мало! Проклятые твари!

Тут Алиса уже окончательно перестала что-нибудь понимать. Но она чувствовала, что, пока Голубка не выскажется до конца, лучше помолчать.

— Как будто это легкая работа — сидеть на яйцах! — продолжала Голубка, все повышая голос. — Попробуй сама, так узнаешь! А я, несчастная, мало того, что сижу как проклятая, еще должна день и ночь караулить, как бы змеи не забрались в гнездо! Бедная моя головушка! Три недели глаз не сомкнула ни днем ни ночью!

— Ой, простите за беспокойство! — сочувственно сказала Алиса. Она начала понимать, в чем дело.

— И как раз, когда я нашла самое высокое дерево в лесу, — продолжала Голубка (она уже кричала), — и как раз, когда уже стала надеяться, что вздохну хоть на минуту — не тут-то было! Прямо с неба на меня сваливаются, проклятые! Ах ты змея!

— Да я же не змея — говорят вам, — сказала Алиса. — Я просто... я просто...

И тут она запнулась.

— Ну, что ж ты? Говори, говори! — насмешливо сказала Голубка. — Еще ничего не успела придумать, да?

— Я... я девочка,— сказала Алиса не вполне уверенно, не будем скрывать: ей, бедняжке, вдруг сразу вспомнились все ее сегодняшние превращения.

— Так я тебе и поверила! — ответила Голубка с величайшим презрением. — Не мало повидала я на своем веку разных девочек, но чтобы у девочки была та-а-а-кая шея! Нет, не на дуру напала! Ты змея, вот кто ты такая! И лучше не ври! Ты мне еще скажешь, что никогда яиц не ела.

— Яйца я, конечно, ела,— сказала Алиса — она была на редкость правдивый ребенок. — Девочки ведь тоже едят яйца!

— Быть того не может,— сказала Голубка. — Ну, а уж если правда едят, значит, они просто-напросто змеи, только особой породы! Вот тебе и весь мой сказ!

Алису так поразила эта — совершенно новая для нее — мысль, что она в растерянности умолкла.

— Все понятно! — воспользовавшись паузой, немедленно прибавила Голубка. — Ты тут ищешь яички! Какая же для меня разница — девочка ты или змея?

— Зато для меня это *очень большая* разница! — возмутилась Алиса. — И никаких я яиц тут не ищу, представьте себе, а уж если бы искала, то не ваши! Я сырые вообще не люблю!

— Ах вот как? Ну, тогда проваливай! — грубовато сказала Голубка, снова усаживаясь в свое гнездо.

Алиса послушалась.

Она с большим трудом пробиралась среди деревьев: ветки все время цеплялись за ее новую шею и ей поминутно приходилось останавливаться и выпутываться; к счастью — хоть и не сразу, — она вспомнила, что ведь в руках у нее так и остались кусочки волшебного гриба. Выбравшись на свободное место, она с величайшей осторожностью стала откусывать по крошечке то от ТОГО, то от ЭТОГО кусочка и то увеличивалась, то уменьшалась, и в конце концов ей удалось стать в точности такой, какой она была обычно.

И знаете, она так отвыкла быть нормальной девочкой, что сперва ей даже стало как-то неловко!

Но, конечно, довольно скоро она опять привыкла к себе и начала, по обыкновению, сама с собой беседовать:

— Ну вот, половина дела сделана, а ведь, пожалуй, другая девочка на моем месте могла голову потерять от всех этих превращений! Да, она бы ничего не сделала, а вот я сумела стать, какая была! Первая часть плана выполнена. Теперь остается вторая часть: забраться в тот чудесный садик! Интересно, интересно, как же мы туда попадем...

Тем временем она неожиданно вышла на прогалину, где стоял маленький домик — высотой точь-в-точь с саму Алису.

— Не знаю, кто живет в этом домике, — соображала Алиса, —

но только я в таком виде не могу им показаться! Я для них слишком большая, они там все до смерти перепугаются!

И предусмотрительная девочка опять взялась за гриб из ТОЙ руки и ела до тех пор, пока не стала ростом примерно с кошку.

Глава шестая,

В КОТОРОЙ ВСТРЕЧАЮТСЯ ПОРОСЕНОК И ПЕРЕЦ

Она уже минуты две стояла в нерешительности, разглядывая дом, как вдруг из леса выбежал ливрейный лакей и из всей мочи забарабанил в дверь.

(Алиса догадалась, что это ливрейный лакей, потому что на нем была ливрея; судя же по лицу, это был просто карась.)

Дверь отворилась, и из дому вышел Швейцар, тоже в ливрее, с круглой физиономией и выпученными, как у лягушки, глазами — точь-в-точь взрослый головастик.

У обоих на головах были пудренные парики с длинными завитыми буклями.

Тут Алисе стало очень интересно; она подкралась немного поближе к дому и, спрятавшись за кустиком, приготовилась слушать и смотреть.

Лакей-Карась начал с того, что вытащил из-под мышки огромный конверт (чуть ли не больше его самого) и с важным видом вручил его Головастику.

— Герцогине, — величественно произнес он. — От Королевы. Приглашение на вечерний крокет.

Швейцар-Головастик с тем же величественным видом повторил все слово в слово, только немного не в том порядке:

— От Королевы. Герцогине. Приглашение на вечерний крокет.

Затем оба поклонились друг другу так низко, что их букли чуть не перепутались.

Алисе почему-то стало до того смешно, что пришлось ей опять убежать подальше в лес, чтобы они не услышали, как она хохочет. А когда она, вволю насмеявшись, вернулась на прежнее место и отважилась снова выглянуть из-за куста, Карася уже не было, а Швейцар сидел на земле у входа в дом и бессмысленно таращился на небо.

Алиса робко подошла к двери и постучалась.

— Стучать нет никакого смысла, барышня, — сказал Швейцар. — По двум существенным причинам. Первое: я за дверью и вы за дверью, и вдобавок мы оба снаружи. Второе: они там так шумят, что никто вашего стука не слышит. Не так ли?

Действительно, из дому доносился невероятный шум: кто-то

без остановки ревел, кто-то (тоже без остановки) чихал и — мало того — то и дело раздавался страшный треск и звон, словно там из всех сил били посуду.

— Извините, а как же мне тогда попасть в дом? — спросила Алиса.

— Кое-какой смысл стучать мог бы еще быть, — продолжал Швейцар-Головастик, не обращая ни малейшего внимания на вопрос Алисы, — если бы эта дверь нас разделяла. Пример. Вы, барышня, находитесь в доме. Я нахожусь здесь. Вы стучите. Я отворяю вам дверь. Вы выходите. И вот вы тоже снаружи. Не так ли?

Все это время он не отрываясь глядел в небо, и Алиса решила, что он ужасный невежа.

«Хотя, может быть, он не виноват, — тут же подумала она, — просто у него глаза так устроены: сидят, честное слово, на самой макушке! Да, но хоть на вопросы-то он мог бы отвечать!»

— Как же мне попасть в дом? — повторила она погромче.

— Возможно, я просижу здесь, — продолжал Швейцар, — до завтра...

В этот момент дверь дома отворилась, и большое блюдо полетело прямо Швейцару в голову; ему сильно повезло — блюдо лишь слегка мазнуло его по носу и, попав в дерево за его спиной, разлетелось вдребезги.

— ...или, возможно, до послезавтра, — продолжал Головастик как ни в чем не бывало, — а может быть...

— КАК МНЕ ПОПАСТЬ В ДОМ? — повторила Алиса уже совсем громко.

— А кто сказал, что вы вообще должны попасть в дом, барышня? — сказал Швейцар. — Начинать надо с этого вопроса, не так ли?

Так-то оно было, конечно, так, только Алиса не любила, когда с ней так говорили.

— Прямо ужас, как вся эта живность любит спорить! — пробормотала она себе под нос. — С ума можно сойти!

А Швейцар, судя по всему, решил, что настал самый подходящий момент, чтобы вернуться к его любимой теме.

— Может быть, я так и буду сидеть здесь — день за днем... День ото дня... Изю дня в день, — завел он.

— А что же мне делать? — спросила Алиса.

— Все, что хочешь! — ответил Швейцар-Головастик и начал что-то насвистывать.

«Да что с ним говорить! — подумала отчаявшаяся Алиса. — Это просто какой-то идиотик!»

Она решительно распахнула дверь и вошла. Дверь открывалась прямо в большую кухню.

Там стоял дым коромыслом: посреди на трехногой табуретке

сидела Герцогиня и качала на коленях младенца; Повариха, согнувшись над плитой, что-то помешивала в большой кастрюле. Алисе показалось, что там варится суп.

«И-и-и-чхи! В этом — апчхи! — супе — чхи! — слишком много... а-а-а-пчхерцу!» — с трудом *подумала* Алиса — так она расчихалась в первую же минуту, как вошла.

Перцу действительно было слишком много, если и не в супе, то во всей кухне. Герцогиня и та чихала довольно регулярно; а младенец вообще не делал перерывов, он либо чихал, либо ревел и переставал реветь только для того, чтобы чихнуть... И наоборот.

Во всей кухне не чихали только двое: сама Повариха и большущий Кот — он лежал у печки и улыбался во весь рот.

— Скажите, пожалуйста, — начала Алиса нерешительно (она была воспитанная девочка и потому *не совсем* уверена, прилично ли ей первой заговаривать со старшими), — почему ваш Кот так улыбается?

— Это Чеширский Кот, — сказала Герцогиня, — вот почему. Поросянок!

Последнее слово она выпалила с такой яростью, что Алиса так и подскочила; но она тут же сообразила, что оно относится не к ней, а к младенцу, и, собравшись с духом, снова заговорила:

— Я не знала, что Чеширские Коты должны улыбаться. По правде говоря, я вообще не знала, что коты умеют улыбаться.

— Все они умеют, — сказала Герцогиня, — и большинство не упускает случая!

— А я, представьте себе, ни одного такого не знала! — сказала Алиса весьма светским тоном. В глубине души она была в восторге, что сумела завязать такую интересную беседу с Герцогиней.

— Ты многого не знаешь, — категорически заявила Герцогиня, — это факт!

Такого рода замечание Алисе никак не могло понравиться, и ей сразу захотелось поговорить о чем-нибудь совсем-совсем другом.

Но пока она старалась найти более привлекательный предмет для беседы, Повариха сняла кастрюлю с плиты и, не теряя времени, взялась за другое дело. А именно: она начала швырять всем чем ни попало в Герцогиню с младенцем.

В первую очередь в них полетели кочерга, совок и щипцы для угля, затем градом посыпались сковородки, тарелки, чашки.

Правда, Герцогиня, казалось, ничего не замечала, даже когда в нее попадало кое-что, а ребеночек и без того так вопил, что никак нельзя было понять, ушибли его или нет.

Но Алиса была вне себя от ужаса.

— Пожалуйста, пожалуйста, перестаньте! — кричала она,

прыгая на месте от волнения.— Ой, вот сейчас прямо в наш дорожкой носик! — Это относилось к огромной сквороде, которая пролетела у ребеночка перед самым носом и чуть-чуть не прихватила упомянутый нос с собой.

— Если бы никто не совал носа в чужие дела,— проворчала Герцогиня,— мир завертелся бы куда быстрее, чем сейчас.

— Ну и что же тут хорошего? — с готовностью подхватила Алиса, обрадовавшись долгожданному случаю блеснуть своими познаниями.— Представляете, какая бы началась путаница? Никто бы не знал, когда день, когда ночь! Ведь тогда бы от вращения...

— Кстати, об отвращении! — сказала Герцогиня.— Из отвратительных девчонок делают отбивные котлеты!

Алиса испуганно покосилась на Повариху, но, убедившись, что та, пропустив этот намек мимо ушей, вновь деловито помешивает свой суп, продолжала (правда, несколько сбивчиво):

— Я только хотела сказать, что если сейчас Земля совершает один оборот за двадцать четыре часа... Или наоборот: двадцать четыре оборота за час...

— Ах, не мучай меня, дорогая,— сказала Герцогиня,— цифры — это мое слабое место!

И она снова принялась укачивать своего ребеночка, напевая нечто вроде колыбельной и изо всех сил встряхивая бедняжку в конце каждой строчки:

Малютку сына — баю-бай! —
Прижми покрепче к сердцу
И никогда не забывай
Задать ребенку перцу!

Баюкай сына своего
Хорошею дубиной —
Увидишь, будет у него
Характер голубиний!

ПРИПЕВ:

(Его дружно подхватили Повариха и младенец):

Уа-а! Уа-а! Уа-а!

А исполняя второй куплет этой странной колыбельной, Герцогиня так свирепо подбрасывала младенца и несчастный малыш так отчаянно вопил, что Алиса разобрала только половину слов:

.
Уж я-то деточку свою
Лелею словно розу!

И я его — баю-баю,
Как сидорову козу!

ПРИПЕВ:

Уа-а! Уа-а! Уа-а!

— Держи! — крикнула Герцогиня Алисе и швырнула ей ребенка. — Можешь понынчиться с ним, если хочешь. Я должна переодеться к вечернему крокету у Королевы.

С этими словами она выбежала из кухни. Повариха запустила сковородой ей вдогонку, но немного промахнулась.

Алиса с трудом удержала малыша в руках. Он был какой-то странный. Руки и ноги у него торчали во все стороны. «Прямо как у морской звезды», — подумала Алиса.

Бедный крошка пыхтел как паровоз, вырываясь от своей новой няньки. Он то складывался вдвое, то опять весь растопыривался; Алисе долго не удавалось взять его поудобнее.

Как только ей это наконец удалось (для чего пришлось завязать ребеночка узлом и крепко держать за правое ухо и левую пятку, чтобы он не мог развязаться), она вынесла его на свежий воздух.

«Придется взять малыша с собой, — подумала Алиса, — а то они его не сегодня-завтра укокошат!»

— Оставить его тут — это просто преступление!

Последнюю фразу она сказала вслух, и ребенок хрюкнул в ответ (чихать он уже перестал).

— Не хрюкай, — сказала Алиса строго, — детям хрюкать неприлично, и никто тебя не поймет!

Малыш опять хрюкнул, и Алиса встревоженно заглянула ему в лицо, не понимая, что же это такое делается.

Нос у него, правда, был что-то уж очень курносый, больше похожий на пяточок, чем на настоящий нос; да и глаза были что-то маловаты для нормального ребенка, и вообще Алисе не очень понравился его вид.

«А все-таки, может быть, он просто хныкал?» — подумала добрая девочка и опять заглянула ему в глаза — нет ли там слез.

Нет, слез не было и в помине.

— Смотри, мой дорогой, — строго сказала Алиса, — если ты решил вести себя по-свински, я с тобой не буду водиться! Заруби себе на носу.

Бедный малыш опять хныкнул (или хрюкнул, трудно было понять), и они молча двинулись дальше.

Алиса начала уже обдумывать, что она будет с ним делать, когда приведет его домой, как вдруг он снова хрюкнул, да так отчаянно, что она опять в испуге поглядела на него. И на

этот раз уже не оставалось никаких сомнений: это был самый настоящий поросенок!

Разумеется, было бы совершенно нелепо тащить его дальше на руках; Алиса пустила малыша на землю и с облегчением увидела, что он преспокойно затрусил куда-то в лес.

«Ну что ж, ничего,— подумала она,— ведь из него мог выйти очень противный мальчишка. А так получился очень симпатичный поросенок!»

И Алиса стала вспоминать других знакомых детей, из которых могли бы выйти развеликоленные поросята, и уже говорила про себя: «Вот бы только узнать такое средство, чтобы превратить их...», как вдруг она вздрогнула и остановилась.

В нескольких шагах от нее на ветке какого-то дерева сидел Чеширский Кот.

Кот тоже заметил Алису и только улыбнулся.

«На вид он не злой»,— подумала Алиса.

И правда, вид у Кота был добродушный; но только уж очень длинные когти и зубов полон рот — все это внушало почтение.

— Чеширский Мурлыка...— заговорила Алиса несмело — она не знала, понравится ли ему такое обращение.

Кот в ответ улыбнулся еще шире.

«Значит, не сердится»,— подумала Алиса и продолжала:

— Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?

— Это во многом зависит от того, куда ты хочешь прийти,— ответил Кот.

— Да мне почти все равно,— начала Алиса.

— Тогда все равно, куда идти,— сказал Кот.

— Лишь бы попасть куда-нибудь,— пояснила Алиса.

— Не беспокойся, *куда-нибудь* ты обязательно попадешь,— сказал Кот,— конечно, если не остановишься на полпути.

Алиса почувствовала, что спорить тут не приходится, и решила подойти к вопросу с другой стороны.

— Скажите, а кто тут кругом живет? — спросила она.

— В этой стороне,— Кот помахал в воздухе правой лапой,— живет некто Шляпа. Форменная Шляпа! А в этой стороне,— и он помахал в воздухе левой лапой,— живет Очумелый Заяц. Очумел в марте. Навести кого хочешь. Оба ненормальные.

— Зачем это я пойду к ненормальным? — пролепетала Алиса.— Я их... Я лучше к ним не пойду...

— Видишь ли, этого все равно не избежать,— сказал Кот,— ведь мы тут все ненормальные. Я ненормальный. Ты ненормальная.

— А почему вы знаете, что я ненормальная? — спросила Алиса.

— Потому что ты тут,— просто сказал Кот.— Иначе бы ты сюда не попала.

Хотя такой ответ не совсем устраивал Алису, она не могла удержаться от дальнейших расспросов.

— А почему вы знаете, что вы ненормальный? — спросила она.

— Начнем с собаки,— сказал Кот.— Возьмем нормальную собаку, не бешеную. Согласна?

— Конечно! — сказала Алиса.

— Итак,— продолжал Кот,— собака рычит, когда сердится, и виляет хвостом, когда радуется. Она, как мы условились, нормальная. А я? Я ворчу, когда мне приятно, и виляю хвостом, когда злюсь. Вывод: я — ненормальный.

— Разве вы ворчите? По-моему, это называется мурлыкать,— сказала Алиса.

— Пусть называется как угодно,— сказал Кот.— Ты вечером будешь на крокете у Королевы?

— Ой, я бы очень хотела,— сказала Алиса,— да только меня что-то еще не приглашали.

— Значит, до вечера,— сказал Кот и исчез.

Не сказать, чтобы Алиса так уж сильно этому удивилась — она уже привыкла ко всяким чудесам,— но все-таки она долго не могла отвести глаз от ветки, на которой только что сидел Кот. Как вдруг он появился снова.

— Кстати, чуть не забыл спросить,— сказал он,— что же случилось с тем ребенком?

— Он превратился в Поросятку,— честно ответила Алиса.

— Так я и думал,— сказал Кот и опять исчез.

Алиса подождала немного, втайне надеясь, что он снова появится, но Кота все не было, и она пошла в ту сторону, где, по его словам, жил Очумелый Заяц.

«Шляпы я и раньше видела,— думала она,— а Заяц, конечно, намного интереснее! А потом, ведь сейчас май месяц, а не март — может, он уже поправился, стал нормальный...»

Тут она подняла глаза. Перед ней на ветке опять сидел Кот.

— Как ты сказала: «в поросенка» или «в карасенка»? — с живым интересом спросил он.

— Я сказала «в Поросятку»,— отвечала Алиса,— и можно вас попросить не исчезать и не появляться все время так внезапно, а то у меня прямо голова кружится!

— Договорились,— сказал Кот и на этот раз действительно стал исчезать по частям, не спеша: сначала пропал кончик хвоста, а потом постепенно все остальное; наконец осталась только одна улыбка,— сам Кот исчез, а она еще держалась в воздухе.

«Вот это да! — подумала Алиса. — Кот с улыбкой — и то редкость, но уж улыбка без Кота — это я прямо не знаю что такое!»

Очень скоро показался недалеко дом Очумелого Зайца: трубы на нем были в виде заячьих ушей, а крыша покрыта заячьим мехом, так что Алиса сразу догадалась, что это ТОТ САМЫЙ дом.

Дом был такой большой, что она побоялась подойти к нему — сперва она съела немножко гриба из ЭТОЙ руки и стала ростом раза в два побольше. Да и то она сильно замедлила шаги.

«А вдруг он все-таки бешеный, — думала она, — пожалуй, лучше мне было пойти к Шляпе!»

Глава седьмая,

В КОТОРОЙ ПЬЮТ ЧАЙ КАК НЕНОРМАЛЬНЫЕ

Возле дома под деревом был накрыт к чаю стол; Шляпа и Заяц пили чай, а между ними помещалась на стуле Садовая Соня — хорошенький маленький зверек вроде белочки. Она крепко спала; Шляпа и Заяц облокачивались на нее, как на подушку, и разговаривали через ее голову.

«Бедная Соня, — первым делом подумала Алиса, — ей, наверное, очень неудобно! Хотя раз она так крепко спит, то, значит, не сердится».

Еще она заметила, что, хотя стол был очень большой и весь уставлен посудой, вся троица теснилась в уголке, на самом краю.

— Мест нет! Мест нет! — дружно закричали Заяц и Шляпа, как только заметили Алису.

— Места сколько хочешь! — возмутилась Алиса. И она уселась в свободное кресло на другом конце стола.

— Не хочешь ли торта? — любезно предложил Заяц.

Алиса оглядела весь стол, но там ничего не было, кроме чайников и чайной посуды.

— Какого торта? Что-то я его не вижу, — сказала она.

— Его тут и нет, — подтвердил Заяц.

— Зачем же предлагать? Это не очень-то вежливо! — обиженно сказала Алиса.

— А зачем садиться за стол без приглашения? Это не очень-то вежливо! — откликнулся, как эхо, Заяц.

— Я не знала, что это ваш стол, — объяснила Алиса. — Я думала, он накрыт для всех, а не для вас троих!

— Не мешало бы тебе постричься,— неожиданно сказал Шляпа.

Это были первые его слова, хотя все это время он рассматривал Алису с большим любопытством.

— Делать замечания незнакомым людям — очень грубо! — наставительно сказала Алиса. — Так меня учили!

Шляпа сделал большие глаза — видимо, это замечание его сильно удивило. (Хорошенько подумав, его можно понять!)

Однако в ответ он сказал вот что:

— Какая разница между пуганой вороной и письменным столом?

«Вот это совсем другой разговор! — подумала Алиса. — Загадки-то я люблю! Поиграем!»

— Кажется, сейчас отгадаю,— прибавила она вслух.

— Ты думаешь, что могла бы отыскать отгадку? — удивленно спросил Заяц.

— Конечно,— сказала Алиса.

— Так бы и сказала! — укоризненно сказал Заяц. — Надо говорить то, что думаешь!

— Я всегда так и делаю! — выпалила Алиса, а потом, чуть-чуть подумав, честно прибавила: — Ну, во всяком случае... во всяком случае, что я говорю, то и думаю. В общем, это ведь одно и то же!

— Ничего себе! — сказал Шляпа. — Ты бы еще сказала: «я вижу все, что ем» и «я ем все, что вижу» — это тоже одно и то же!

— Ты бы еще сказала,— подхватил Заяц,— «я учу то, чего не знаю» и «я не знаю то, чего не учу» — это тоже одно и то же!

— Ты бы еще сказала,— неожиданно откликнулась Соня, не открывая глаз,— «я дышу, когда сплю» и «я сплю, когда дышу» — это тоже одно и то же...

— Ну для тебя-то это одно и то же,— сказал Шляпа, и на этом беседа оборвалась.

Пока все молчали, Алиса лихорадочно пыталась вспомнить все, что ей было известно про пуганых ворон и письменные столы. Сведений у нее, увы, было не так много.

Шляпа достал из кармашка часы, озабоченно посмотрел на них, встряхнул, поднес к уху и опять встряхнул.

Он первым нарушил молчание.

— Какое сегодня число? — обратился он к Алисе.

Алиса посчитала в уме, подумала немного и сказала:

— Четвертое мая!

— Врут на два дня,— вздохнул Шляпа. — Говорил я тебе — нельзя их смазывать сливочным маслом! — добавил он, сердито глядя на Зайца.

— Да ведь... Да ведь... масло было высшего сорта! — уверенно возразил Заяц.

— Ну и что? Все равно туда могли попасть крошки! — продолжал ворчать Шляпа. — Незачем было лазить в механизм хлебным ножом!

Заяц взял у него часы, посмотрел на них печально и окунул их в свою чашку. Потом он достал их оттуда и снова внимательно осмотрел. Так как починить часы ему, видимо, не удалось и ничего нового не пришло ему в голову, он повторил свои прежние слова:

— Видите ли, масло было самого высшего сорта!

— Какие у вас странные часы, — сказала Алиса, с большим интересом наблюдавшая за манипуляциями Зайца, заглядывая ему через плечо. — Показывают число, а который час — не показывают!

— А с какой стати? — буркнул Шляпа. — Разве часы обязаны все показывать? У тебя часы показывают, какой год?

— Конечно, нет, — начала Алиса с полной готовностью, — но ведь...

— Но ведь, — перебил ее Шляпа, — ты не скажешь, что они *негодные*?

— Да-а, — сказала Алиса, — год-то — это совсем другое дело! Он так долго стоит на месте — целый год!

— Вот именно! Так сказать можно и про них, так сказать! — заявил Шляпа, и это заявление совсем сбило бедную Алису с толку. Как она ни пыталась, она не могла найти тут ни тени смысла, хотя все слова были ей совершенно понятны.

— Я вас не совсем поняла, — сказала она со всей возможной при таких обстоятельствах вежливостью.

— Соня опять заснула, — ответил Шляпа и плеснул Соне на нос чаем.

Соня недовольно затрясла головой и пробормотала:

— Конечно, конечно, я сама именно это хотела сказать!

— Так ты отгадала загадку? — спросил Шляпа, снова обернувшись к Алисе.

— Нет, сдаюсь, — сказала Алиса. — А какой ответ?

— Понятия не имею, — сказал Шляпа.

— А я тем более, — поддержал Заяц.

Алиса тяжело вздохнула.

— Как вам не стыдно! Неужели ничего лучше нельзя придумать, чем загадки без отгадок? Вам, видно, время совсем не дорого, — сказала она разочарованно.

— Если бы ты знала время, как я его знаю, — сказал Шляпа, — ты бы не говорила о нем в среднем роде. Оно — не оно, а он — Старик-Время!

— Никогда бы не подумала, — сказала Алиса.

— Понятно! — фыркнул Шляпа, презрительно дернув носом. — Ты о нем вообще, наверно, в жизни не думала!

— Нет, почему, — осторожно начала Алиса, — иногда, особенно на уроках музыки, я думала — хорошо бы получше провести время...

— Все понятно! — с торжеством сказал Шляпа. — Провести время?! Ишь чего захотела! Время не проведешь! Да и не любит он этого! Ты бы лучше постаралась с ним подружиться — вот тогда бы твое дело было... в шляпе! Старик бы для тебя что хочешь сделал! Возьми часы: предположим, сейчас девять часов утра, пора садиться за уроки; а ты бы только шепнула ему словечко — и пожалуйста, стрелки так и завертелись. Жжжик! Дело в шляпе: полвторого, пора обедать!

— Ой, как бы хорошо было! — чуть слышно прошептал Заяц.

— Да, конечно, это было бы здорово, — протянула в раздумье Алиса, — но только... но только ведь у меня бы тогда еще не было аппетита.

— Разве что на первых порах, — сказал Шляпа, — но ведь ты могла бы сколько хочешь подождать!

— А вот вы... а ваше дело в шляпе? — спросила Алиса.

Шляпа уныло покачал головой.

— Охо-хо! — ответил он. — Мы со Стариком поссорились! Недавно, в марте — как раз когда вон он (он показал своей ложкой на Зайца) очумел. Понимаешь, у Червонной Королевы был прием, и в концерте я должен был петь романс. Этот, всем известный:

Крокодилычки мои,
Цветики речные!
Что глядите на меня
Прямо как родные?

Припоминаешь?

— Я что-то похожее слышала, — сказала Алиса.

— Ну как же! Дальше там, помнишь, — продолжал Шляпа, —

Это кем хрустите вы
В день веселый мая,
Средь нескошенной травы
Головой качая?

Тут Соня встрепенулась и запела сквозь сон:

— Чая!.. Чая!.. Чая!..

Пела она до тех пор, пока не догадались ее ушипнуть. Тогда она сразу замолчала.

— И представляешь, не успел я спеть первый куплет, —

снова заговорил Шляпа,— Королева завопила: «Он у нас только время отнимает! Отрубить ему голову!»

— Какое ужасное зверство! — воскликнула Алиса.

— А самое ужасное,— продолжал Шляпа трагическим тоном,— что Старик почему-то обиделся! Теперь он меня знать не желает! И с тех пор у нас всегда пять часов.

Тут Алису осенило.

Она вдруг все поняла.

— Ах, так вот почему у вас тут так много чайной посуды накопилось! — воскликнула она.

— Именно, именно,— сказал Шляпа со вздохом.— У нас всегда время только пить чай! Представляешь? Даже нет времени помыть все эти штуки.

— Значит, вам приходится все время пересаживаться, да? — спросила Алиса.

— Именно, именно! — сказал Шляпа.— По мере использования посуды!

— Ой! А что же будет, когда вы опять дойдете до начала? — не удержалась Алиса.

— Не пора ли переменить тему? — вмешался Заяц, зевая.— Мне все это уже порядком надоело! Предлагаю, чтобы наша юная гостья рассказала нам интересную сказку.

— Ой, лучше не надо! — испугалась Алиса.— Я ни одной как следует не знаю.

— Ну, тогда пускай Соня расскажет! — закричали Шляпа и Заяц.— Соня, хватит спать! Проснись!

И оба ушипнули ее — каждый со своего боку.

Соня с трудом открыла глаза.

— Что вы, ребята, я и не думала спать,— сказала она осипшим спросоным голосом.— Я все слышала, о чем вы тут говорили. Могу повторить каждое слово.

— Расскажи нам сказку! — скомандовал Заяц.

— Пожалуйста, пожалуйста! — умоляла Алиса.

— И поторапливайся,— добавил Шляпа,— а то опять уснешь, не добравшись до конца!

— В некотором царстве, в некотором государстве,— скороговоркой начала Соня,— жили-были три сестрички, три бедных сиротки, звали их Элси, Лэси и Тилли, и жили они в колодце на самом дне.

— А что же они там ели и пили? — спросила Алиса, которую всегда весьма интересовали вопросы питания.

Соня долго думала — наверно, целую минуту,— а потом сказала:

— Сироп.

— Что вы! Этого не может быть,— робко запротестовала Алиса,— они бы заболели!

— Так и было,— сказала Соня,— заболели, да еще как! Жилось им не сладко! Их все так и звали: Бедные Сиропки!

Алиса попыталась себе представить, что ей самой вдруг пришлось вести такую странную жизнь. Но у нее что-то ничего не получилось. Тогда она возобновила расспросы.

— А зачем они поселились в колодце, да еще на самом дне?

— Почему ты не пьешь больше чаю? — спросил Заяц заботливо.

— Что значит «больше»? — обиделась Алиса.— Я вообще ничего тут не пила!

— Тем более! — сказал Шляпа.— Выпить больше, чем ничего,— легко и просто. Вот если бы ты выпила меньше, чем ничего,— это был бы фокус!

— А вас никто не спрашивает! — выпалила Алиса.

— Так-с! Кто теперь делает замечания малознакомым людям? — победоносно сказал Шляпа.

Уничтожающий ответ что-то долго не приходил Алисе в голову, так что она просто-напросто намазала себе бутерброд, налила чаю, а спустя некоторое время, обернувшись к Соне, повторила свой вопрос:

— Так зачем же они поселились на дне колодца?

Соня опять долго думала — во всяком случае, долго молчала! — а потом сказала:

— Потому что там было повидло!

— Какое повидло? — возмутилась Алиса.— Вы говорили, там был...

Но тут Шляпа и Заяц ужасно зашикали на нее, а Соня надлась и сказала:

— Не умешь прилично себя вести — тогда досказывай сама.

— Ой, простите, пожалуйста,— взмолилась Алиса,— пожалуйста, рассказывайте, я вас больше ни разу не перебыю! Вы говорили — там что-то было... — напомнила она.

— Мало ли, что там было,— сказал Заяц.— Что было, то сплыло.

— Кто старое помянет, тому глаз вон! — поддержал Шляпа.

(Алиса сидела тише воды, ниже травы, хотя, говоря по совести, она могла бы Шляпе кое о чем напомнить!)

— Так вот,— наконец возобновила свой рассказ Соня,— они таскали мармелад оттуда...

— Откуда взялся мармелад?... — начала было Алиса, забыв о своем торжественном общении, и тут же осеклась. Но Соня, казалось, ничего не заметила.

— Это был мармеладный колодец,— объяснила она.

— Мне нужна чистая чашка,— прервал ее Шляпа.— Давайте подвинемся!

Он тут же пересел на соседний стул; Соня села на его

место, Заяц — на место Сони, а Алиса — без особой охоты — пересела на стул Зайца. От всех этих перемещений выиграл только Шляпа, а Алиса, наоборот, сильно прогадала, так как Заяц только что опрокинул молочник.

— Я не понимаю, — очень робко, боясь опять рассердить Соню, начала Алиса, — как же они таскали оттуда мармелад?

— Из обыкновенного колодца таскают воду, — сказал Шляпа, — а из мармеладного колодца всякий может, я надеюсь, таскать мармелад. Ты что — совсем дуручка?

— Я говорю, как они могли таскать мармелад *оттуда*? Ведь они там *жили*, — сказала Алиса, решив оставить без ответа последние слова Шляпы.

— Не только жили! — сказала Соня. — Они *жили-были*!

И этот ответ настолько ошеломил бедную Алису, что она позволила Соне некоторое время продолжать рассказ без вынужденных остановок. Это было весьма кстати, так как рассказчица отчаянно зевала и усиленно терла глаза.

— Так вот, — продолжала Соня, — этот самый мармелад они ели или пили — делали что хотели...

Тут Алиса не выдержала.

— Как же это они пили мармелад?! — закричала она. — Этого не может быть!

— А кто сказал, что они его пили? — спросила Соня.

— Как — кто? Вы сами сказали.

— Я сказала — они его ели! — ответила Соня. — Ели и лепили! Лепили из него все, что хотели, — все, что начинается на букву М, — продолжала она, позевывая, — ее сильно клонило ко сну.

— Почему на букву М? — только и могла спросить Алиса.

— А почему нет? — сказал Заяц.

Алиса прикусила язычок. «Хотя да, мармелад ведь тоже на М», — мелькнуло у нее в голове.

Соня к этому времени успела закрыть глаза и основательно задремать; но Шляпа снова ущипнул ее, и она с легким писком пробудилась и продолжала рассказ:

— На букву М: мышеловки, и морковки, и мартышек, и мальчишек, и мораль, и даже мурашки... Ты видела мурашки, хотя бы на картинках?

— Кажется, да, — начала Алиса неуверенно, — хотя не знаю...

— А не знаешь, так помалкивай, — перебил ее Шляпа.

Алиса вытерпела за этот день немало грубостей, но это было уже слишком!

Возмущенная до предела, она, не говоря ни слова, встала и гордо удалилась.

На хозяев ее уход не произвел, увы, особого впечатления. Соня немедленно заснула, а остальные двое, по всей видимости, вообще ничего не заметили, хотя Алиса несколько раз оборачивалась, втайне надеясь, что они одумаются и будут упрашивать ее вернуться. Но, обернувшись напоследок, она увидела только, что они пытаются запихнуть Соню в чайник.

— Ни за что на свете сюда больше не вернусь! — повторяла Алиса, пробираясь между деревьями. — Ни за какие коврижки! Никогда с такими дураками чаю не пила!

И тут-то она заметила, что в одном дереве есть дверь и эта дверь открывается прямо в дерево.

«Как интересно! — подумала Алиса. — А если войти — наверно, будет еще интересней. Пожалуй, войду!»

Она смело вошла — и тут же оказалась в знакомом подземелье, как раз возле стеклянного столика.

— Ну, теперь-то я знаю, что делать! — сказала Алиса, поскорее взяла золотой ключик и отперла дверь в сад.

Потом она достала ТОТ кусочек гриба (у нее сохранились остатки в кармашке) и жевала его, пока не стала как раз такого роста, что свободно могла войти в заветную дверь.

Потом она прошла по тесному, как крысиный лаз, коридорчику, а потом... потом она, наконец, оказалась в чудесном саду, среди ярких, веселых цветов и прохладных фонтанов.

Глава восьмая,

В КОТОРОЙ ИГРАЮТ В КРОКЕТ У КОРОЛЕВЫ

У самого входа в сад рос высокий цветущий розовый куст. Розы на нем были белые, но возле куста суетились трое садовников и деловито красили их красной краской. Алиса не поверила своим глазам и решила подойти поближе, надеясь понять, что же там такое творится на самом деле.

— Эй, ты, Шестерка, осторожнее! Ты меня опять всего краской обляпал! — услышала она еще издали.

— А что я сделаю, — мрачно отвечал Шестерка, — меня вон Семерка под руку толкает!

Семерка покосился на него и сказал:

— Молодец ты у нас! Правильно делаешь! Всегда вали с больной головы на здоровую!

— Насчет головы ты бы лучше помалкивал, — сказал Шестерка. — Я сам слышал, Королева вчера говорила — по твоей голове давно топор плачет!

— А за что? — спросил первый садовник, тот, который начал разговор.

— Тебе-то, Двойка, какое дело? — сказал Семерка. — Тебя уж это никак не касается!

— Нет, это всех касается, — сказал Шестерка. — Зачем правку скрывать? Не ты, что ли, принес на господскую кухню хрен вместо редьки?

Семерка бросил свою кисть на землю и только было начал:

— Ну, знаешь, слышал я напраслину, но такой... — как вдруг его взгляд упал на Алису, которая стояла рядом и внимательно слушала.

Он тут же замолчал; остальные тоже оглянулись на нее, и вся троица низко поклонилась.

— Скажите, пожалуйста, — несмело начала Алиса, — а почему вы красите эти розы?

Шестерка с Семеркой переглянулись и, как по команде, поглядели на Двойку.

— Тут, барышня, такая история вышла, — понизив голос, начал Двойка. — Велено нам было посадить розы, полагаются тут у нас красные, а мы, значит, маху дали — белые выросли. Понятное дело, если про то ее величество проведает — пропали, значит, наши головушки. Вот мы, это, и стараемся, значит, грех прикрыть, пока она не пришла, а то...

В это время Шестерка, то и дело тревожно озиравшийся, закричал:

— Королева! Королева!

И все трое пали ниц, то есть повалились на землю лицом вниз.

Послышался мерный топот большой процессии, и Алиса тоже оглянулась — ей, конечно, ужасно захотелось поглядеть на Королеву.

Вскоре шествие показалось. Впереди по двое маршировали десять солдат с пиками; все они были очень похожи на садовников — такие же плоские и прямоугольные, руки и ноги у них росли по углам. За ними, тоже парами, шли придворные в пышных одеяниях; среди них было, видно, немало Тузов, были и Шуты с бубенчиками, но все выступали прямо-таки козырем; за ними вприпрыжку бежали, резвясь (но тоже парно), малютки Принцы и Принцессы в костюмах, расшитых золотом; далее парами следовали гости — все больше Короли и Дамы разных мастей. Алиса узнала среди гостей Белого Кролика, хотя его было трудно узнать: он улыбался всем и каждому, суетился и что-то без умолку тараторил; Алису он не заметил. Далее шел Червонный Валет — он нес на алой бархатной подушке королевскую корону, — и, наконец, замыкали это грандиозное шествие ЧЕРВОННЫЙ КОРОЛЬ и ЧЕРВОННАЯ ДАМА, то есть КОРОЛЕВА.

У Алисы возникли некоторые сомнения: не нужно ли и ей, по примеру садовников, пасть ниц; но что-то никаких таких правил поведения во время шествий вспомнить она не могла.

«Да и вообще-то,— подумала она,— кому тогда будут нужны шествия, если все кругом будут лежать лицом вниз и ничего не увидят?»

И она решила просто постоять на месте.

Когда процессия поравнялась с ней, все вдруг остановилось и с любопытством поглядели на Алису.

— Кто такая? — сердито спросила Королева у Червонного Валета.

Валет вместо ответа поклонился и улыбнулся.

— Болван! — бросила Королева, нетерпеливо тряхнув головой. — Твое имя, девочка? — обратилась она к Алисе.

— Алиса, с позволения вашего величества! — весьма учтиво отвечала Алиса, а про себя сказала: «Подумаешь! Какая-то карточная королева! Нечего ее бояться!»

— А это кто такие? — спросила Королева, подбородком указав на трех садовников, которые все так и валялись под кустом. Ведь, как вы помните, они лежали лицевой стороной вниз, а рисунок рубашки был у них один и тот же — как и у всей колоды, — и, значит, Королева не могла сейчас их отличить ни от придворных Тузов, ни даже от своих собственных детей — Принцев и Принцесс.

— Откуда я знаю! — в тон Королеве ответила Алиса, в душе удивляясь собственной отваге. — Это не мое дело!

Королева побагровела от ярости; несколько секунд она, не в силах выговорить ни слова, только бросала на Алису испепеляющие взгляды, а потом завизжала во все горло:

— Отрубить ей голову! Отрубить ей!..

— Глупости! — очень громко и решительно ответила Алиса, и Королева прикусила язычок.

Король робко взял ее за руку и сказал:

— Одумайся, дорогая, — это ведь маленькая девочка!

Королева с раздражением отвернулась от него.

— Перевернуть их! — приказала она Валету.

Валет осторожно, носком ноги, перевернул лежавших.

— Встать! — пронзительным голосом приказала Королева.

Садовники немедленно вскочили и принялись кланяться Королю, Королеве, Принцам, Принцессам — вообще всем и каждому.

— Прекратить поклоны! — завизжала Королева. — У меня голова кружится!

Тут ее взгляд упал на розовый куст.

— Отвечайте: что вы тут делаете? — спросила она.

— С дозволения вашего величества, — начал Двойка смиренно, опустившись на колени, — мы, значит, старались...

— Ясно! — закричала Королева, которая в это время внимательно рассматривала розы. — Отрубить им головы!

И процессия двинулась дальше, за исключением трех солдат, оставшихся, чтобы выполнить королевский приказ.

Злосчастные садовники кинулись, умоляя о спасении, к кому бы вы думали? Да, да, именно к Алисе!

— Никто вас не тронет! — сказала Алиса. Она легко подняла всех троих и посадила их в большую цветочную вазу, стоявшую поблизости.

Солдаты поискали, поискали обреченных и, никого не обнаружив, преспокойно вернулись на свои места в первых рядах процессии.

— Покончили с ними? — крикнула солдатам Королева.

— Так точно! И следа не осталось, ваше величество! — как один человек, гаркнули brave солдаты.

— Молодцы! — крикнула Королева. — В крокет играть умеем?

Так как солдаты молчали и дружно уставились на Алису, вопрос ее величества, видимо, относился к ней.

— Умеем! — откликнулась Алиса.

— Тогда пошли! — рявкнула Королева.

И Алиса тоже присоединилась к шествию и, шагая среди гостей, с большим интересом ожидала развития событий.

— Чудесный... чудесный денек сегодня, не правда ли? — произнес чей-то робкий голосок.

Алиса обернулась — рядом с ней трусил Белый Кролик, заискивающе заглядывая ей в лицо.

— Очень чудесный! — согласилась Алиса. — А где же Герцогиня?

— Тсс! Тсс! — зашикал на нее Кролик.

Он испуганно, тревожно оглянулся кругом, а потом, поднявшись на цыпочки, прошептал ей в самое ухо:

— Приговорена к смертной казни!

— Как так? — удивилась Алиса.

— Вы сказали «как жаль»? — испуганно переспросил Кролик.

— Да нет, — сказала Алиса, — особенно жалеть не о чем. Я хотела сказать — за что?

— Она дала Королеве по уху... — начал Кролик.

Алиса так и прыснула.

— Тише! — снова опасливо шикнул на нее Кролик. — Королева может услышать! Понимаете, она опоздала, а Королева сказала...

— По местам! — раздался громовой голос Королевы, и все начали как безумные носиться взад и вперед, поминутно натыкаясь друг на друга и кувыркаясь.

Тем не менее не прошло и пяти минут, как все оказались на своих местах, и игра началась.

«Ну и ну,— подумала Алиса вскоре,— они как-то странно играют тут в крокет!»

Действительно, площадка была вся в буграх и рытвинах, кочках и ямках, вместо шаров были живые ежи, вместо молотков — живые фламинго, а солдаты, встав на четвереньки и изогнувшись дугой, выполняли обязанности крокетных ворот.

Алисе всего труднее давалось искусство управляться со своим фламинго; ей, правда, удалось довольно удобно взять птицу под мышку, так, чтобы длинные ноги не мешали, но едва она успевала аккуратно выпрямить фламинго шею и собиралась стукнуть его носом в шар (то бишь ежика), как он обязательно оборачивался и заглядывал ей в глаза с таким забавным удивлением, что ей ничего не оставалось, как покатиться со смеху.

С большим трудом она умудрялась заставить фламинго снова опустить голову, но тут оказывалось, что ежик уже развернулся и удра!; это было уж вот до чего обидно!

Мало того, обычно как раз там, куда она собиралась направить ежа, был на дороге бугор или ямка. И сверх всего этого солдаты, служившие воротами, то и дело поднимались и разгуливали по площадке, чтобы поразмяться.

Словом, можно согласиться с Алисой: играть в крокет здесь было трудновато!

Игроки били по шарам все сразу, никто не соблюдал очереди хода, зато все непрерывно скандалили и спорили, а то и прямо дрались из-за ежей; игра только началась, а Королева была уже в безумной ярости и вопила «отрубить ему голову!» (или «отрубить ей голову!») ежеминутно, а то и чаще.

Алиса порядком струхнула; правда, пока что она ни разу не навлекла на себя гнева ее величества, но была уверена, что взрыв не заставит себя долго ждать.

«А что же тогда со мной будет? — думала она.— Ведь это ужас как они тут любят рубить людям головы; прямо чудо, что кто-то еще в живых остался!»

Она начала подумывать, как бы незаметно улизнуть по-добру-поздорову. И, озираясь, она вдруг заметила в воздухе какое-то странное явление. Сначала Алиса никак не могла понять, что это такое, но, понаблюдав некоторое время, догадалась, что это — просто улыбка.

«Ура! — подумала она.— Это Чеширский Кот; теперь хоть будет с кем поговорить».

— Ну, как успехи? — спросил Чеширский Кот, как только рот его достаточно проявился, чтобы говорить.

Алиса обождала, пока появятся глаза, и тогда молча кивнула.

«Говорить с ним еще рано, — думала она, — надо подождать ушей. Или хоть одного уха».

Не прошло и минуты, как голова появилась целиком; Алиса поставила своего фламинго на землю и, очень довольная, что наконец нашла слушателя, приступила к отчету о ходе игры.

Кот, по-видимому, решил, что проявил себя достаточно, и на этом остановился; остальные его части так и не появились.

— По-моему, они вообще неправильно играют, — начала Алиса жалобным тоном, — и они все так жутко ссорятся, что сам себя не слышишь; и они, наверно, никаких правил не знают, а если и знают, то не выполняют! И вы себе не представляете, как ужасно неудобно играть, когда все они живые! Например, я должна была пройти эти ворота, а они уже вон где — видите! — на том конце площадки! А вот сейчас я могла крокировать королевского ежика, а он взял да и убежал от моего ежа...

— Как тебе нравится Королева? — понизив голос, спросил Кот.

— Никак не нравится! — сказала Алиса. — Она так ужасно... — Тут она заметила, что Королева стоит за ее спиной и внимательно прислушивается, и продолжала так: — ...Сильно играет, что прямо хоть сразу сдавайся!

Королева милостиво улыбнулась и прошла мимо.

— С кем ты говоришь, девочка? — спросил Король. Он незаметно подошел к Алисе и разглядывал Кота с большим интересом.

— Это мой друг, Чеширский Кот, — сказала Алиса, — разрешите вас познакомить.

— У него нерасполагающая внешность, — сказал Король. — Впрочем, он может поцеловать мне руку, если хочет.

— Спасибо, обойдусь, — сказал Чеширский Кот.

— Не говори дерзостей, — сказал Король. — И не смотри на меня так! — закричал он и спрятался за спину Алисы.

— А кошкам разрешается смотреть на королей, — сказала Алиса. — Я читала об этом в одной книжке, только не помню в какой.

— Все равно этого надо убрать! — сказал Король с глубоким убеждением и закричал проходившей неподалеку Королеве:

— Дорогая, я просил бы, чтобы ты приказала убрать этого Кота.

Королева знала только один способ разрешения всех проблем, больших и малых.

— Отрубить ему голову! — крикнула она, даже не обернувшись.

— Я лично сбегаяю за Палачом! — немедленно откликнулся Король и помчался со всех ног.

Алиса все-таки решила вернуться и посмотреть, как идет игра. До нее еще издали донесся голос, вернее, вопль разъяренной Королевы. Королева приказывала казнить трех играющих сразу за то, что они пропустили свой ход, и Алисе это крайне не понравилось, потому что игра так запуталась, что сама Алиса давно не имела никакого понятия о том, когда ее ход. Она поскорее отправилась на поиски своего ежика и разыскала его, как раз когда он вступил в сражение с каким-то другим ежом. Алиса обрадовалась: перед ней была блестящая возможность крокировать хоть одного ежа! Увы, оказалось, что ее фламинго, как назло, улетучился. Алиса с трудом нашла его в другом конце сада, где он неуклюже пытался взлететь на дерево. Когда же она в конце концов изловила его и притащила на место, сражение уже окончилось и оба его участника скрылись...

— Ну ладно, не беда, — утешила себя Алиса, — все равно и ворота все поразбежались!

Она устроила фламинго у себя под мышкой поудобнее, чтобы он опять не удрал, и отправилась продолжать беседу со своим приятелем — Котом.

К ее удивлению, там собралась целая толпа народу. Между Палачом, Королем и Королевой шел жаркий спор: все трое говорили одновременно и все трое очень громко; зато все остальные уныло молчали.

Едва показалась Алиса, как трое спорщиков бросились к ней и потребовали, чтобы она рассудила их спор. Они дружно принялись повторять ей свои доводы, но, так как они по-прежнему говорили все сразу, ей было нелегко понять, кто что утверждает.

Кажется, Палач утверждал, что нельзя отрубить голову, если не имеется тела, от которого ее можно отрубить, что он никогда такими вещами не занимался и на старости лет заниматься не собирается!

Король утверждал, что лишь бы была голова, а отрубить ее можно, и нечего болтать чепуху!

А Королева утверждала, что, если все не будет исполнено сию секунду и даже значительно раньше, она велит отрубить головы всем без исключения.

(Именно это последнее заявление и привело всех присутствующих в такое похоронное настроение.)

— Ведь он герцогинин, — сказала Алиса, — вы бы лучше спросили у нее!

Это было все, что она смогла придумать.

— Она в тюрьме,— сказала Королева Палачу.— Доставить ее сюда!

И Палач полетел стрелой.

Но в ту же минуту голова Кота начала бледнеть и таять, а к тому времени, как Палач возвратился с Герцогиней, исчезла совсем.

Король и Палач как угорелые кинулись искать Кота, а все остальные возобновили игру.

Глава девятая,

В КОТОРОЙ РАССКАЗАНА ИСТОРИЯ ДЕЛИКАТЕСА

— Ах ты, моя душечка-дорогушечка, ты себе не представляешь, как я рада снова тебя видеть! — сказала Герцогиня с чувством. Она нежно взяла Алису под руку, отвела ее в сторонку, и они пошли дальше вместе.

Алиса была тоже очень рада — рада видеть Герцогиню в таком милом настроении; она подумала, что, наверное, это от перца в кухне та была такая злющая.

«Когда я стану герцогиней,— сказала она себе (правда, без особой уверенности),— у меня на кухне вообще не будет перцу! Зачем он нужен? Суп и так можно есть! Ой, вообще, наверно, это от перцу люди делаются вспыльчивые,— продолжала она, очень довольная, что сама обнаружила вроде как новый закон природы,— а от уксуса делаются кислые... а от хрена — сердитые... а от... а от... а вот от конфет-то дети становятся ну прямо прелесть! Потому их все так и любят! Вот хорошо бы все это узнали, тогда бы не ворчали на них из-за них, а, наоборот, сами...»

К этому времени она совершенно позабыла про Герцогиню и даже слегка вздрогнула, услышав ее голос над самым ухом:

— Ты о чем-то задумалась, дорогая, и позабыла, что нужно поддержать беседу. А какая отсюда мораль, я сейчас не могу тебе сказать, но скоро вспомню.

— А может быть, никакая,— отважилась сказать Алиса.

— Что ты, что ты, деточка,— сказала Герцогиня,— во всем есть мораль, только надо уметь ее найти!

И с этими словами она прижалась к Алисе еще теснее.

Это Алисе не особенно понравилось — во-первых, потому, что Герцогиня была уж *чересчур* некрасивая, а во-вторых, она была как раз такого роста, что подбородок ее пришелся Алисе на плечо, а подбородочек у Герцогини был нестерпимо острый.

Но Алиса не хотела быть грубой и потому смолчала.

— Игра как будто повеселей пошла,— немного погодя за-

метила она просто так, чтобы немного поддержать разговор.

— Верно, моя душечка! — сказала Герцогиня. — А отсюда мораль: «И вот на чем вертится свет!»

— Недавно кто-то говорил, — шепнула Алиса, — свет вертится оттого, что некоторые люди не суют нос в чужие дела.

Герцогиня услышала, но нисколько не смутилась.

— Ах, душечка, — сказала она, — это одно и то же. — И она добавила, поглубже вонзив свой подбородочек в Алисино плечо: — Отсюда мораль: «Не смеши языком, смеши делом!»

«Почему это некоторые так любят всюду искать мораль?» — подумала Алиса.

— А я знаю, о чем ты, душечка, задумалась! — сказала Герцогиня. — Ты задумалась о том — а почему я тебя не обвиняю? Угадала? Но дело в том, что мне внушает сомнение характер твоего фламинго. Или рискнуть, как ты думаешь?

— Он ведь может уципнуть! — предостерегающе сказала Алиса, совершенно незаинтересованная в том, чтобы Герцогиня так рисковала.

— Совершенно верно! — сказала Герцогиня. — Фламинго щиплются не хуже горчицы. Отсюда мораль: «Видно птицу по полету»... Ну, и так далее.

— А горчица-то не птица! — сказала Алиса.

— Ты права, как всегда! — сказала Герцогиня. — И как ты, душечка, во всем так хорошо разбираешься!

— Горчица — это, кажется, минерал, — продолжала размышлять вслух Алиса.

— Вот именно, минерал! — подхватила Герцогиня. Она, по-видимому, готова была согласиться со всем, что бы Алиса ни сказала. — Тут неподалеку что-то минировали горчичными минами, совсем на днях. А отсюда мораль: «Чему быть — того не миновать!»

— Ой, вспомнила! — закричала Алиса (последние слова Герцогини ее миновали). — Это фрукт! Она по виду не похожа, но она — фрукт!

— И еще какой фрукт! — радостно согласилась Герцогиня. — А отсюда мораль: «Будь таким, каким хочешь казаться», или, если хочешь, еще проще: «Ни в коем случае не представляй себе, что ты можешь быть или представляться другим иным, чем как тебе представляется, ты являешься или можешь являться по их представлению, дабы в ином случае не стать или не представиться другим таким, каким ты ни в коем случае не желал бы ни являться, ни представляться».

— Наверно, я бы лучше поняла, — сказала Алиса чрезвычайно учтиво, — если бы это было написано на бумажке, а так я как-то не уследила за вами.

— Это еще пустяки по сравнению с тем, что я могу ска-

зануть, если захочу! — сказала Герцогиня, явно очень довольная собой.

— Спасибо, не надо, не надо, — сказала Алиса, — не беспокойтесь, пожалуйста!

— Какое тут беспокойство, душечка! — сказала Герцогиня. — Я только рада, что могу сделать тебе маленький подарок, — все, что я могу сказать!

«Хорошенький подарочек, большое спасибо! — подумала Алиса. — Хорошо, что на рождение таких не приносят!»

Но вслух она этого, естественно, не произнесла.

— Мы опять задумались? — сладким голосом спросила Герцогиня, еще глубже вонзив свой подбородочек в плечо Алисы.

— Разве мне запрещено думать? — ответила Алиса, пожалуй, резковато. Правда, ее терпение было уже на исходе.

— Нет, душечка, — сказала Герцогиня, — и поросяткам не запрещено летать, а мор...

Тут, к большому удивлению Алисы, голос Герцогини замер — замер посредине ее любимого слова, и рука, вцепившаяся в руку Алисы, задрожала.

Прямо перед ними, скрестив руки на груди, стояла Червонная Королева, хмурая и зловещая, как грозовая туча.

— П-прекрасный денек, ваше величество, — начала было Герцогиня еле слышным голосом.

— По доброте своей всемилостивейше предупреждаю, — крикнула Королева, топнув ногой, — или тебя, или твоей головы здесь не будет — и не сию минуту, а в сто раз быстрее! Выбирай!

Герцогиня выбрала — и исчезла, причем точно уложилась в назначенный срок.

— Вернемся к игре! — сказала Королева Алисе.

Алиса была так напугана, что не произнесла ни слова и молча поплелась за Королевой на крокетную площадку.

Остальные игроки, воспользовавшись отсутствием ее величества, расположились на отдых в тени, но едва она показалась, как они немедленно возобновили игру. Промедление было смерти подобно — Королева мимоходом заметила, что кто хоть чуточку опоздает, будет казнен без опоздания.

Игра пошла по-прежнему: Королева не переставала со всеми спорить, скандалить и кричать: «Отрубить (соответственно, ему или ей) голову!»

Солдаты брали под стражу приговоренных; разумеется, для этого им приходилось покидать свои посты, и в результате не прошло и получаса, как ворот вообще не осталось, а все, кто пришел повеселиться, были арестованы и ожидали казни.

Тут Королева наконец решила передохнуть (она порядком запыхалась) и сказала Алисе:

— Уже видела Рыбного Деликатеса?

— Нет,— ответила Алиса.— Даже не слышала про такого!

— Из него готовят рыбацкую уху и многое другое,— объяснила Королева.

— Очень интересно,— сказала Алиса.

— Тогда идем,— приказала Королева,— он сам все расскажет.

Уходя, Алиса успела услышать, как Король тихонько сказал, обращаясь ко всему обществу сразу:

— Вы помилованы.

«Ну вот, это совсем другое дело!» — радостно подумала она. Все эти бесчисленные смертные приговоры сильно ее огорчали.

Вскоре они с Королевой наткнулись на Грифона, крепко спавшего на самом солнцепеке.

— Вставай, ленивая тварь,— сказала Королева,— и отведи юную леди к Деликатесу! Пусть он ей расскажет свою историю. А мне надо вернуться и присмотреть за домашними делами. Я там распорядилась кое-кого казнить.

Она ушла, и Алиса осталась наедине с Грифоном.

Хотя наружность чудища не слишком пришлась Алисе по душе, она подумала, что его общество ничуть не опаснее, чем общество кровожадной Королевы. И она решила подождать.

Грифон приподнялся, сел и протер глаза; он долго смотрел вслед Королеве, а когда она окончательно скрылась из виду, фыркнул.

— Комедия! — сказал он, то ли про себя, то ли обращаясь к Алисе.

— Где комедия? — спросила Алиса.

— Да вон пошла! — сказал Грифон.— Все ведь одна комедия! У нас тут никто никого не казнит, не волнуется. Пошли!

«Только и слышишь: «Пошли! Пошли!» — думала Алиса, неохотно следуя за Грифоном.— Все кому не лень командуют! Прямо загоняли меня тут».

Они прошли совсем немного, и вот уже в отдалении показалась поникшая фигура Деликатеса. Он в грустном одиночестве сидел на обломке прибрежной скалы, и далеко разносились его душераздирающие стенания и вздохи.

Алисе стало его ужасно жалко.

— У него какое-то большое горе? — спросила она Грифона.— Кто его обидел?

Грифон отвечал ей почти теми же самыми словами, что и раньше:

— Какое там горе! Одна комедия! Никто его не обидит, не волнуется! Пошли!

И они подошли к Деликатесу, который только посмотрел на них большими, полными слез глазами, но ничего не сказал.

— Слушай, старик, — сказал Грифон, — тут вот молодая леди хочет узнать твою историю. До зарезу.

— Я все поведаю, не тая, — сказал Деликатес протяжно и уныло. — Садитесь оба, и молчите оба, пока я не окончу свой рассказ.

Гости сели, и несколько минут никто не произносил ни слова.

«Не понимаю, как он может когда-нибудь закончить, раз он и не собирается начинать», — успела подумать Алиса, но продолжала терпеливо ждать.

— Был некогда я рыбой, — сказал наконец Деликатес с глубоким вздохом, — настоящей...

За сим последовало долгое-долгое молчание — его нарушали лишь редкие восклицания Грифона (приблизительно: «Гжхкрх!»), а также беспрерывные вздохи и стоны Деликатеса.

Алиса уже не раз хотела встать и сказать: «Большое спасибо за ваш интересный рассказ», но она все-таки немножко надеялась, что продолжение следует, и крепилась: сидела смирно и молчала.

— Когда мы были маленькими, — заговорил Деликатес менее патетическим тоном (хотя время от времени возвращался к прежним стенаниям), — мы ходили в школу в море. Учителем был сущий Змей Морской. В душе — Удав! Между собой его мы называли Питоном.

— А почему же вы его так называли, раз он был Удав, а не Питон? — заинтересовалась Алиса.

— Он был Питон! Ведь мы — его питонцы! — с негодованием ответил Деликатес. — Боюсь, дитя, ты умственно отстала!

— Стыдно, лапочка, не понимать таких простых вещей! — подлил масла в огонь Грифон, и оба чудища молча уставились на бедную Алису, которой хотелось только одного: поскорее еще раз провалиться сквозь землю.

Наконец Грифон сказал Деликатесу:

— Ну ладно, старик, давай! Поехали! Нельзя же весь день толочь воду в ступе.

И Деликатес продолжал:

— Да, посещали мы морскую школу... хоть, кажется, ты этому не веришь...

— Я не говорила «не верю»! — перебила Алиса.

— А вот и сказала! — сказал Деликатес.

— Помолчала бы лучше, барышня, — добавил Грифон, прежде чем Алиса успела сказать, что нехорошо придирается к словам.

— Уж у нас школа была — первый сорт! — продолжал Деликатес. — Ты, может, и этому не поверишь, но даю честное слово: у нас занятия были каждый день!

— Я, если хотите знать, тоже ходила в школу каждый день,— сказала Алиса.— Что тут особенного? Нечего так уж хвалиться!

Деликатес встревожился.

— Каждый день? — повторил он в раздумье.— Да-а, интересно, на каком же уровне твоя школа?

— Простите, я не понимаю,— сказала Алиса,— что значит на каком уровне?

— На каком уровне она стоит! — пояснил Деликатес.— Ну от поверхности моря, поняла?

— Там моря нет,— сообщила Алиса.— Она стоит в городе. Но я думаю, все-таки выше моря, конечно, над водой!

— Выше? *Над* водой? — переспросил Деликатес.— Ты серьезно?

Алиса молча кивнула.

— Ну, тогда это не серьезно! — с облегчением сказал Деликатес.— Какое же тогда может быть сравнение с *нашей* школой? Это... это верхоглядство, а не образование, вот что это такое.

Грифон фыркнул.

— Да уж, воображаю, какие вы там получаете поверхностные знания! — сказал он.— У нас мальков — и тех учат гораздо глубже! А уж кто хочет по-настоящему углубиться в науку, тот должен добраться до самого дна! Вот это и называется Законченное Низшее Образование! Но, конечно,— покачал он головой,— это не каждому дано!..

— Мне вот так и не удалось по-настоящему углупиться! Не хватило меня на это,— сказал Деликатес со вздохом.— Так я и остался при высшем образовании...

— А что же вы учили? — спросила Алиса.

Деликатес неожиданно оживился.

— Кучу всяких наук! — начал он.— Ну, первым делом, конечно, учились Чихать и Пихать. Потом арифметика, вся насквозь: Почитание, Уважение, Давление и Искажение.

— Почитание — понимаю, Уважение — понимаю, Давление — понимаю, а вот Искажение? Что это такое? — сказала Алиса.

Грифон с деланным удивлением всплеснул лапами.

— Не знаешь Искажения? И чему вас там только учат! — ужаснулся он.— Ну, хоть такое простое слово «реставрировать» слыхала?

— Ну как же, — не слишком уверенно начала Алиса.— Это... это... по-моему, это — делать, как было раньше.

— Вот именно! А уж если ты после этого не понимаешь, что такое Искажение, — значит, ты девица-тупица! — победоносно объявил Грифон, после чего Алисе совершенно расхотелось зада-

вать вопросы на эту тему. Она вновь переключилась на Деликатеса.

— А какие у вас еще были предметы? — спросила она.

— Ну, конечно, Истерия, — отвечал Деликатес, загибая лучи на своих плавниках. — Истерия, древняя и новейшая, с Биографией. Потом... раз в неделю приходила старая Мурена. Считалось, что она нас учит Рисковать Угрем и прочей муре — ну, там, Лживопись, Натюр-Морды, Верчение Тушею...

— Как-как? — спросила Алиса.

— Ну, я лично не могу тебе показать как, — сказал Деликатес, — старею, суставы не гнутся. А Грифон этого не проходил, кажется.

— Времени не хватило, — сказал Грифон. — Я увлекался Литературой, изучал классиков. Помнишь нашего словесника? Порядочный был Жук, ничего не скажешь!

— Ну как же! Я его не слушал, и то он мне все уши прожужжал! — со вздохом сказал Деликатес. — Древний Грим, Древняя Грация, эта — Или Ада, Или Рая, или как ее там звали... Смех — и Грехческий язык, Нимфология и так далее... Все — от Арфы до Онеги!

— Да, было время, было время! — в свою очередь, вздыхая, подтвердил Грифон, и оба чудища умолкли и закрыли лица лапами.

— А сколько у вас в день было уроков? — спросила Алиса: ей хотелось поскорее отвлечь собеседников от печальных мыслей.

— Как обычно: в первый день десять уроков, — сказал Деликатес, — на следующий — девять, потом восемь и так далее.

— Какое смешное расписание! — воскликнула Алиса, быть может, не без зависти.

— А с нашими учителями иначе не получалось, — сказал Грифон. — Текучий состав: каждый день кто-нибудь пропадал. Поэтому их и называют пропадаватели, кстати.

Алиса слушала его краем уха: ее весьма заинтересовала сама мысль о том, чтобы каждый день заниматься на час меньше.

— Так, выходит, на одиннадцатый день у вас уже были каникулы? — спросила она, закончив подсчеты.

— Само собой! — ответил Деликатес.

— А как же потом? — с еще большим интересом спросила Алиса.

— Вот что: хватит уже про науки! — решительно прервал Грифон. — Ты расскажи ей, старик, как мы в наше время веселились.

В КОТОРОЙ ТАНЦУЮТ РАКОВУЮ КАДРИЛЬ

Деликатес глубоко вздохнул и смахнул плавником слезу. Обернувшись к Алисе, он попытался заговорить, но голос его прервался: беднягу душили рыдания, и душили они его добрых минуты две.

— Похоже, что ему кость не в то горло попала,— деловито предположил Грифон и принялся трясти своего друга и похлопывать его по спине.

Наконец Деликатес кое-как справился с собой и, хотя слезы по-прежнему струились по его щекам, заговорил:

— Быть может, вы никогда не живали подолгу на морской глубине...

— Не жила,— вставила Алиса.

— ... и, быть может, вы никогда не встречались с Морскими Раками — например, с Омарами...

Алиса было начала:

— Я один раз попробовал... — но тут же осеклась и поправилась: — Нет, никогда!

— ...так что вы и представить себе не можете всю прелесть Раковой Кадрили.

— Даже не слыхала! — сказала Алиса. — А что же это за танец?

— Слушай меня! — сказал Грифон. — Сначала вы выстраиваетесь в линию на пляже, у самого прибоя...

— Да что ты говоришь, любезный друг! — перебил Деликатес. — В две линии! — всхлипнул он. — Ведь там черепахи, лососи, тюлени и мало ли кто еще! Потом, предварительно расчистив в море приличную площадку от медуз...

— Это обычно отнимает порядочно времени, — вставил Грифон.

— ...делаете два шага вперед — авансе! — продолжал Деликатес.

— За кавалеров у всех Морские Раки, чаще всего Омары! — крикнул Грифон.

— Это само собой понятно! — перехватил Деликатес. — Под руку с Омаром два шага вперед — поворот к визави.

— Смена кав... Омаров — и два шага назад в прежнюю позицию! — не уступал Грифон.

— Ну, а затем, — опять начал Деликатес, — вы бросаете...

— ... Омара! — завопил Грифон, изо всех сил подпрыгнув.

— ... в море! Главное, как можно дальше! — пискнул Деликатес.

— Сами кидаетесь за ним вплавь! — крикнул Грифон.

— Делаете в воде сальто-мортале! — еще громче крикнул Деликатес и сам прошелся колесом.

— Опять меняетесь партне... Омарами! — во всю мочь завопил Грифон.

— Возвращаетесь на берег, и на этом первая фигура кончается, — неожиданно упавшим голосом закончил Деликатес.

И оба чудака, которые только что прыгали и вопили как безумные, уселись и затихли, печально глядя на Алису.

— Наверно, это очень хорошенький танец, — нерешительно сказала Алиса.

— Тебе хочется самой на него посмотреть, да? — с надеждой в голосе спросил Деликатес.

— Конечно, — вежливо сказала Алиса, — очень хочется.

— Ну что, любезный друг, покажем ей первую фигуру? — сказал Деликатес Грифону. — Обойдемся и без Омаров, правда? Только вот кто подпоет?

— Пой уж ты, — сказал Грифон. — Я слов не помню.

И два старых друга с важным и торжественным видом пустились в пляс вокруг Алисы, поминутно наступая ей на ноги и размахивая передними конечностями в такт мелодии, которую медленно и грустно пел Рыбный Деликатес:

Барабанит в дверь Сардинка:

— Эй, Улитка, выходи!

Мы с тобой и так отстали —

Даже Раки впереди!

Долго ждать тебя не буду —

Слышишь, мой Конек заржал?

Он мне хвост еще отдавит —

Так спешит на бал!

Ты-то что же? Ты же тоже

Побежишь на бал!

Ты же тоже, ты же тоже

Побежишь на бал!

Ты представь себе, Улитка,

Как шумит-звенит прибой,

Как тебя Морские Раки

Увлекают за собой! —

Но Улитка отвечала:

— Слишком уж далекий путь!

Нет, спасибо! Я не выйду!

Я уж как-нибудь!

Вот уж нет уж! Вот уж нет уж!

Я уж как-нибудь!

— Что значит «слишком далеко»,
О чем тут рассуждать?
Где далеко от Лондона —
Париж рукой подать!
Уплыл от этих берегов —
Глядишь, к другим попал!
Словом, хватит ныть, Улитка,
И пошли на бал!
Ты же тоже, ты же тоже
Побежишь на бал!
Ты же тоже, ты же тоже
Побежишь на бал!

— Спасибо, очень приятно было посмотреть на ваш интересный танец,— сказала Алиса (по правде говоря, ей всего приятнее было то, что танец наконец кончился).— А как мне понравилась эта забавная песенка про сардинок!

— Да, кстати о сардинках,— сказал Деликатес,— они... ты их видала, конечно?

— Да, на тарелке...— начала было Алиса, запнулась и поправилась: — В банке!

— В банке? Странно,— удивился Деликатес,— в мое время у них, помнится, не водилось лишних денег! Хотя все может быть, много воды утекло... Но если ты их, как говоришь, часто видала, то ты, конечно, знаешь, как они выглядят?

— Ну да,— Алиса теперь взвешивала каждое свое слово,— они все в масле... И все почему-то безголовые.

— Боюсь, дитя, насчет масла ты что-то путаешь,— сказал Деликатес.— Сардинки народ чистоплотный, потом море, сама понимаешь, какое уж тут масло... Но вот что они безголовые — это факт, а причина в том...— И тут Деликатес неожиданно зевнул и закрыл глаза.— Расскажи ей, любезный друг, про причину и тому подобное,— сказал он Грифону.

— Причина в том,— сказал Грифон,— что они уж больно любят танцевать с Морскими Раками. Ну, Раки и увлекают их в море. Ну, они и увлекаются. Ну, раз увлекаются, значит, теряют голову. Ну, а потом не могут ее найти! Вот тебе и все.

— Спасибо,— сказала Алиса,— мне было очень интересно. Я никогда не слыхала так много про сардинок.

— Если тебя так интересуют сардинки, я могу еще много о них порассказать,— сказал Грифон.— Ты, например, знаешь, почему они называются «сардинки»?

— Никогда об этом не задумывалась,— сказала Алиса.— А почему?

— Очень музыкальны, вот почему,— сказал Грифон весьма серьезно.

Алиса ничего не понимала.

— Музыкальны? — повторила она в изумлении.

— Ну да! — сказал Грифон. — Тебе когда-нибудь приходилось играть на скрипке в комнате, где люди спят?

— Никогда! — уверенно сказала Алиса. — Меня учат играть только на пианино, к часам... к сожалению, — добавила она.

— И все-таки запомни, чтобы не дать маху: в таких случаях играют всегда под сардинку.

— А не под сурдинку? — спросила Алиса. — Кажется, я слышала такое слово.

— Не знаю, что ты там слышала, но у нас играют под сардинку! — внушительно произнес Грифон. — А ты знаешь, чем скрипачи натирают смычки?

— Кани... телью, кажется, — сказала Алиса без особой уверенности.

— Может быть, у вас и так... а у нас безо всякой канители смычки мажут просто медом, — заявил Грифон. — Поэтому скрипки и поют так сладко!

— Откуда же вы в море берете мед? — удивилась Алиса.

— А на что у нас, по-твоему, медузы? — с раздражением сказал Грифон. — Станные вопросы ты задаешь! Действительно, любой малек больше тебя знает!

— Нет, вот если бы я была сардинкой, — сказала Алиса, решив вернуться к прежней, менее рискованной теме, — я бы ни за что не позволила Морскому Коньку наступать мне на хвост. Я бы его прогнала — и все!

— Да что ты говоришь, девочка, — неожиданно вмешался Деликатес. — Ни одна рыба добровольно не расстанется с Коньком!

— Почему это? — очень удивленно спросила Алиса.

— Потому! — сказал Деликатес. — Потому что никто не может обойтись без своего любимого конька!

— Правда? — по-прежнему не понимала Алиса.

— Конечно! Ведь без него будет очень скучно жить на свете! — сказал Деликатес. — У тебя есть свой конек?

— Нет, но у меня есть кошка, — сказала Алиса. — Ее зовут...

— Прекрасно! — обрадовался Грифон. — Давно пора тебе рассказать нам о себе и о своих приключениях! А то мы тебе, можно сказать, выложили всю подноготную, а ты от нас все скрываешь!

— Я с удовольствием расскажу вам о себе, — начала Алиса робко, — но только про то, что было сегодня. А про то, что было раньше, и рассказывать не стоит — я тогда была еще не такая!

— Что ты хочешь этим сказать? Объясни! — потребовал Деликатес.

— Нет, нет, не надо! — прервал его Грифон испуганно.

Давай сначала приключения! А то объяснениям конца не будет, я уж это знаю, ученый, слава богу!

И вот Алиса принялась рассказывать обо всем, что с ней произошло с тех пор, как она впервые увидела Белого Кролика.

Сначала она чуточку робела — уж очень близко к ней подскочили оба чудища и уж очень широко они разинули глаза, а главное, рты; но постепенно она увлеклась своим рассказом и совершенно перестала бояться.

Слушали они ее, надо отдать им справедливость, затаив дыхание, и только когда она добралась до того места, где читала Синему Червяку «Вечер был, сверкали звезды» и перепутала все стихи, Деликатес шумно вздохнул и сказал:

— Да, это очень странно!

— Очень близко к дальше ехать некуда! — сказал и Грифон.

— Все стихи шиворот-навыворот! — задумчиво произнес Деликатес. — Любопытно было бы послушать еще что-нибудь в этом роде. Вели ей прочесть, любезный друг! — обратился он к Грифону, словно был уверен, что тот имеет полное право приказывать Алисе.

— Вот что: встань и продекламируй: «Завтра, завтра, не сегодня — так ленивцы говорят!» — распорядился Грифон.

«Ой, они меня прямо затыркали! — подумала Алиса. — Каждый распоряжается, каждый вызывает отвечать уроки! Хуже, чем в школе! Честное слово!»

Тем не менее она послушно встала и начала читать.

Вот только в голове у нее все еще звучала Раковая Кадриль, и потому образовалась такая каша из Раков, Улиток и прочего, что бедняжка сама плохо понимала, что говорит, и стихи получились опять ни на что не похожие:

— «Завтра, завтра, не сегодня!» —

Говорил Вареный Рак.—

Что бы там ни говорили,

Поступайте только так!

Утверждаю это смело:

Если хочешь долго жить,

Должен ты любое дело

Первым делом отложить!

Черепах (да и Улиток)

Я прошу иметь в виду —

Тот из нас, кто слишком прыток,

Первым попадет в беду!

Где дурак устроит гонку,

Там разумный наш собрат

Или отойдет в сторонку,

Или пятится назад!

Вот и я — засуетился
И попал в рыбачью сеть...
Суетился, кипятился —
И приходится краснеть,
Потому что в этой спешке
Я сварился кос-как...
Поделом терплю насмешки! —
Говорил Вареный Рак.

«Завтра, завтра, не сегодня!» —
Хорошо сказал поэт!
Лишь бы вы не забывали
Этот правильный совет!
Может, спорить кто посмеет?
Только где уж вам, мальки!
Кто из вас, как я, сумеет
Носом вывернуть носки?!

— Да-а, это совсем не похоже на то, что я учил, когда я был дитятею! — сказал Грифон.

— Я лично вообще впервые слышу подобную чушь, — сказал Деликатес. — Тут у меня нет никаких сомнений!

Алиса молчала; она села, закрыла лицо руками и в отчаянии думала: неужели никогда не вернется нормальная жизнь?..

— Весьма желательно, чтобы она нам все это объяснила и растолковала! — сказал Рыбный Деликатес.

— Да что ты, что ты! Она не сумеет! — опять всполошился Грифон. — Пусть лучше еще что-нибудь прочитает!

— Нет, любезный друг, пусть объяснит хотя бы про нос и про носки! — не уступал Деликатес. — Откуда у Рака взялся нос? И тем более носки! И как в таких условиях он может носом вывернуть носки?

— Да это не те носки, — беспомощно пролепетала Алиса. Объяснить было ей довольно трудно, потому что она сама абсолютно ничего не понимала. — Это, наверно, — как когда танцуют, выворачивают носки по первой позиции!

Бедняжка была в полной растерянности.

Грифон, видимо, сжалился над ней.

— Ладно, возьмем что-нибудь попроще, — великодушно предложил он. — Ну хоть про Козлика сможешь прочесть?

Алиса хотя и не сомневалась, что опять ничего хорошего не выйдет, не посмела отказать и дрожащим голосом начала:

Математик и Козлик
Делили пирог.
Козлик скромно сказал:
— Раздели его вдоль!

— Тривиально! — сказал Математик.—
Позволь,
Я уж лучше
Его разделю поперек! —

Первым он ухватил
Первый кус пирога.
Но не плачьте,
Был тут же наказан порок:
«Пи» досталось ему
(А какой в этом прок?!),
А Козленку...
Козленку достались
Рога!

— Слушай, дитя, какой смысл произносить всю эту чепуху,—
проворчал Рыбный Деликатес,— если ты даже ничего не можешь
толком объяснить? Это что-то неслыханное!

— Да, тяжелый случай,— поддержал друга Грифон.—
Лучше прекратим!

И Алиса, надо сказать, очень обрадовалась.

— Не пройти ли нам вторую фигуру Раковой Кадрили? —
предложил Грифон.— Или ты, может быть, предпочитаешь,
чтобы Деликатес спел тебе еще песенку?

— Да, песенку, конечно, песенку! Дяденька Деликатес, будь-
те так добры! — закричала Алиса с таким энтузиазмом, что
Грифон даже немного обиделся.

— Гм! Ну что ж, как угодно,— проворчал он.— О вкусах
не спорят! Спой ей «РЫБАЦКУЮ УХУ», старик!

Рыбный Деликатес испустил тяжелый вздох и голосом, преры-
вающимся от рыданий, запел:

Чудо-Уха! Что сравнится с ней!
Что ароматней, вкусней, сытней?
Люди простят вам любые грехи
Ради тарелки рыбацкой ухи —
Деликатесной ухи!

Ах-Ох-Ух-и-и-и!
Ах-Ох-Ухи!
Деликате-е-есной,
Дивной рыбацкой
Ах-Ох-Ух-и-и-и!
Ах-Ох-Ухи!

Мясо и дичь — все чепуха!
Радует душу только Уха!

Кто не отдаст все на свете за две л-
Ожки ухи, тот, конечно, не ел
Дивной рыбацкой ухи!

Ах-Ох-Ух-и-и-и!
Ах-Ох-Ухи!
Деликате-е-есной
Дивной рыбацкой
Ах-Ох-Ух-и-и-и!
Ах-Ох-Ухи!

— Припев два раза! — крикнул Грифон, и Деликатес начал было повторять припев, как вдруг издали донесся крик:

— Суд идет!

— Бежим! — завопил Грифон и, схватив Алису за руку, помчался со всех ног, не дожидаясь окончания песни.

— Какой суд? — спросила Алиса, задыхаясь от бега.

Но Грифон только повторил: «Бежим!» — и помчался еще быстрее, и лишь легкий морской ветерок приносил к ним замиравшие в отдалении душераздирающие слова:

Ах! Ох! Ух! И! И! И!
Ах! Ох! Ухи!

Глава одиннадцатая,

В КОТОРОЙ ВЫЯСНЯЕТСЯ, КТО СТАЩИЛ ПИРОЖКИ

Когда Алиса с Грифоном прибежали, Король и Королева уже сидели на троне, а кругом собралась огромная толпа: пичужки, зверюшки всех видов и пород, не говоря уже о картах всех мастей. Перед судейским тронном стоял в цепях под охраной двух солдат — один справа, другой слева — Червонный Валет.

По правую руку от Короля находился Белый Кролик, с трубой в одной лапке и пергаментным свитком в другой.

А в самом центре судебного зала стоял стол, а на нем красовалось большое блюдо с пирожками, и вид у них был такой аппетитный, что у Алисы прямо слюнки потекли. «Хорошо бы, суд уже кончился и позвали к столу!» — подумала она.

Но так как, судя по всему, до этого было еще очень далеко, она, чтобы скоротать время, стала рассматривать все окружающее.

Хотя Алиса раньше никогда не бывала в суде, она читала про суд в книжках, и ей было очень приятно отметить, что она знает, как тут все — или почти все — называется.

«Вот это судья, — сказала она про себя. — Кто в большом парике, тот и судья».

Судьей, кстати, был сам Король, и так как на парик ему пришлось надеть корону, он очень стеснялся — такой наряд был ему явно не к лицу.

«А вот эти двенадцать тварюшек (она не могла найти другого слова — ведь там были и птички и зверьки) — это, наверное, пристяжные... нет, присяжные!»

Алиса не без гордости раза два-три повторила это слово. «Вряд ли много найдется девочек в моем возрасте, а то и старше, — подумала она, — которые слышали такое слово и знают, что оно значит».

Пожалуй, она была права, хотя слово «заседатели» было бы ничуть не хуже.

Присяжные сидели на большой скамье, стоявшей на возвышении («Это скамья присяжных», — подумала Алиса). У всех у них были грифельные доски, и все они что-то деловито записывали.

— Что это они? — шепнула Алиса Грифону. — Записывать-то нечего, суд еще не начался!

— Они записывают свои имена, — тоже шепотом ответил Грифон, — боятся забыть, как их зовут, пока процесс кончится.

— Вот дураки-то! — начала было Алиса громко выражать свое возмущение, но тут же осеклась — Белый Кролик закричал:

— Соблюдать тишину в зале заседания!

А Король надел очки и обвел зал настороженным взглядом, разыскивая нарушителя тишины.

Присяжные (Алиса прекрасно это видела) принялись записывать на своих досках: «Вот дураки-то»; она даже заметила, что один из них не знал, как пишется слово «дураки», и попросил соседа подсказать.

«Да уж они там понапишут, — подумала Алиса, — могу себе представить!»

На беду у кого-то из присяжных грифель все время отчаянно скрипел. Алиса, понятно, не могла этого вынести; она обогнула зал, подошла к присяжному сзади и, улучив момент, выхватила у него грифель. Прodelала она это так ловко и быстро, что бедняга присяжный (это был как раз Тритон Билль) даже не понял, что произошло. Он долго искал свой грифель, но так и не нашел и в конце концов решил писать просто пальцем. Правда, пользы от этого было не особенно много, так как палец не оставлял на доске никаких следов.

— Глашатай! Огласи обвинительное заключение! — произнес Король.

Белый Кролик выступил вперед, трижды протрубил в свою трубу, развернул пергаментный свиток и торжественно начал читать:

Эне, бене, рес —

Квинтер, финтер, жес!

Эне, бене, раба —
Квинтер, финтер, жаба!
Все пришли к Червонной Даме
Выпить чаю с пирожками.
Пирожков у Дамы нет:
Пирожки стащил Валет!

— Удаляйтесь на совещание! — приказал Король присяжным.

— Что вы, рано, рано! — поспешно вмешался Кролик. — У нас еще целая куча работы!

— Ну что ж, куча так куча, — уныло сказал Король. — Вызвать первого свидетеля!

Белый Кролик вновь трижды протрубил в трубу и провозгласил:

— Вызывается первый свидетель!

Первый свидетель оказался Шляпой. Он явился с чашкой чаю в одной руке и бутербродом в другой.

— Прошу прощения, ваше величество, что я все это прихватил с собой, — сказал он, — но, когда за мной пришли, я еще не кончил пить чай-с.

— Надо бы кончить! — сказал Король. — Ты когда начал?

Шляпа оглянулся на Очумелого Зайца (тот, под руку с Соней, тоже притащился за ним в суд).

— Кажется, четырнадцатого марта-с. Вроде так-с, — сказал он.

— Пятнадцатого, — сказал Заяц.

— Шестнадцатого, — сказала Соня.

— Запишите это, — повелел Король присяжным, и они старательно записали все три даты на своих досках, потом сложили все числа, а сумму разделили между собой.

Тут Король спохватился.

— Снимите свою шляпу, — приказал он Шляпе.

— Она не моя-с! — ответил Шляпа.

— Краденая! — закричал Король, повернувшись к присяжным, которые немедленно принялись записывать и это.

— Я их ношу на продажу-с, — объяснил Шляпа. — А сам я их не ношу-с! Я шляпный мастер!

Тут Королева надела очки и пристально посмотрела на Шляпу, который под ее взглядом побледнел и стал корчиться, как жук на булавке.

— Свидетель, давайте показания, — сказал Король, — и не волнуйтесь, не то я велю казнить вас на месте.

Но, кажется, слова Короля не очень помогли бедному Шляпе справиться с волнением: он продолжал переминаться с ноги на

ногу, опасливо поглядывая на Королеву, и с перепугу откусил даже порядочный кусок чашки вместо бутерброда.

Как раз в эту минуту Алиса почувствовала, что с ней происходит что-то странное. Сперва она никак не могла понять, в чем дело, но в конце концов догадалась: она опять начала расти! Она было хотела встать и уйти из зала, но потом передумала и решила остаться, пока сможет тут помещаться.

— Перестань меня давить! — сказала ей Соня (они сидели рядом). — Мне уже дышать нечем.

— Не могу перестать! — виновато сказала Алиса. — Я расту!

— Не имеешь права тут расти! — сказала Соня.

— Что за глупости, — сказала Алиса уже не так виновато. — Ты ведь тоже растешь!

— Мало ли что! Я расту как все, прилично, — сказала Соня. — А ты безобразничаешь!

Она встала с очень обиженным видом и ушла в самый дальний конец зала.

Королева все это время не сводила сурового взгляда со Шляпы, и как раз когда Соня пересаживалась, она сказала кому-то из судейских чинов:

— Принеси-ка мне программу последнего концерта!

При этих словах злосчастный Шляпа так затрясся, что ботинки сами собой слетели у него с ног.

— Свидетель, давайте показания! — повторил Король гневно. — Иначе я велю вас казнить, можете не волноваться!

— Я человек маленький, ваше величество, — начал Шляпа. Голос его дрожал и прерывался. — И не успел я сесть попить чайку, а масло — оно кусается, да и хлеб тоже, опять же крокодильчики, качая...

— Что качая? — с изумлением спросил Король.

— Начинается с чая, — сказал Шляпа. — Опять же...

— «Качая» кончается на «чая», а не начинается! — возмутился Король. — Вы меня за дурака принимаете? Продолжайте!

— Я человек маленький, — продолжал Шляпа, — и потом все стало качаться, а Очумелый Заяц и говорит-с...

— Не было этого! — немедленно перебил Заяц.

— Было-с, — сказал Шляпа.

— Отказываюсь! — сказал Заяц.

— Он отказывается от своих слов, — сказал Король. — Оставь его в покое и иди дальше.

— Ну, во всяком случае, Соня и говорит-с... — Тут Шляпа тревожно оглянулся на Соню: не будет ли она отказываться от своих слов, но Соня ни от чего не отказывалась — она спала как убитая.

— Дальше? Дальше, — продолжал Шляпа, — намазал я себе бутерброд-с...

— А что же Соня сказала? — спросил кто-то из присяжных.

— Того не упомяну-с! — сказал Шляпа.

— Обязаны упоминать, — заметил Король, — иначе будете казнены!

Бедняга свидетель выронил чашку, бутерброд и сам упал — упал на колени.

— Я человек маленький, ваше величество-с, — опять начал он.

— Сам вижу, что не великий... не великий мастер говорить! — сказал Король.

Тут какая-то Морская Свинка заплодировала и была немедленно выдворена судейскими чинами.

(Так как не все знают это слово, я вам расскажу, что оно значит. У них был большой брезентовый мешок. Они сунули туда Свинку вниз головой, на веревке опустили мешок за окно, немного подергали веревку, и Морская Свинка весело выскочила во двор.)

«Очень хорошо, что я увидела, как это делается, — подумала Алиса, — а то в газетах часто пишут: «выдворили из пределов», а я до сих пор не понимала, что это значит!»

— Свидетель, — строго сказал Король, — если вы на этом закончили показания, можете сесть!

— Спасибо, мы стоим, — сказал Шляпа. — За что же это меня сажать? Я не виноват-с.

— Не хотите сидеть, можете прилечь! — сказал Король.

Тут вторая Морская Свинка заплодировала и тоже была выдворена. «Ура, больше ни одной не осталось! Без Морских Свинок дело пойдет веселей!» — подумала Алиса.

— Я бы лучше пошел попил чайку-с, — сказал Шляпа, с опаской глядя на Королеву, все еще читавшую программу концерта.

— Можете идти! — сказал Король, и Шляпа кинулся прочь со всех ног, забыв даже надеть свои ботинки.

— А попутно отрубить ему голову! — распорядилась Королева, но Шляпы уже и след простыл, так что выполнить ее приказание было затруднительно.

— Вызвать следующего свидетеля! — сказал Король.

Следующий свидетель оказался свидетельницей — это была Повариха Герцогини. Она не выпускала из рук огромной перечницы, и об ее приближении Алиса догадалась задолго до того, как Повариха вошла в зал, — так дружно принялись чихать все, кто сидел у входа.

— Давайте показания, — сказал Король.

— Не-а! — сказала Повариха.

Король растерянно поглядел на Белого Кролика, и тот, понизив голос, сказал:

— Надо подвергнуть ее допросу с пристрастием, ваше величество.

— Ну что ж, надо так надо,— сказал Король без особого энтузиазма. Он скрестил руки на груди, так страшно нахмурился, что глаза его превратились в черточки, и сказал СТРАШНЫМ ЗАГРОБНЫМ ГОЛОСОМ:

— Из чего делают пирожки?

— Все больше из перца,— сказала Повариха.

— Из мар-ме-ла-да,— произнес чей-то сонный голос.

— На цепь эту Соню! Придушить эту Соню! Отрубить Соне голову! Выдворить Соню! Ущипнуть ее! Оторвать ей хвост! — заверещала Королева.

Несколько минут в судебном зале царила ужасная суматоха — все пытались поймать и выдворить Соню. А когда курьерша кончилась, Повариха уже исчезла.

— И слава богу,— сказал Король, вздохнув с большим облегчением. Он вполголоса добавил, обернувшись к Королеве: — Я тебя очень прошу, дорогая, следующего свидетеля допрашивай с пристрастием ты! У меня вся кожа на лице заболела!

Алиса с любопытством следила, как Белый Кролик копается в своих бумажках,— ей было очень интересно, кого же еще могут вызвать свидетелем. «Пока что у них никаких улик нет»,— думала она.

Представьте же себе, как она удивилась, когда Белый Кролик во весь свой пискливый голосишко возгласил:

— Алиса!

Глава двенадцатая,

В КОТОРОЙ АЛИСА СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ

— Я-а! — крикнула Алиса и вскочила с места.

Второпях она совершенно забыла, как сильно за последнее время выросла, и, вскакивая, зацепила краем юбки скамью присяжных. Скамейка опрокинулась, и все присяжные полетели вверх тормашками на головы публики. Они беспомощно бились на полу, и Алиса вдруг живо вспомнила, как бились на полу золотые рыбки из аквариума, который она нечаянно опрокинула несколько дней назад.

— Ох, простите, пожалуйста! — с искренним огорчением крикнула она, поспешно усаживая присяжных на места. Алиса безумно торопилась, так как случай с золотыми рыбками не шел у нее из головы и ей почему-то казалось, что если присяжных не посадить на место как можно скорее, то они тоже могут погибнуть.

— Судоговорение не может продолжаться, — сказал Король строго, — пока все присяжные не будут, как подобает, водворены на место. ВСЕ! — повторил он, сурово глядя на Алису.

Алиса оглянулась на скамью присяжных и обнаружила, что впопыхах она так и сунула Тритона Билля на скамью вверх тормашками, и бедняга, не в силах перевернуться, только меланхолически помахивал хвостиком. Она поскорее схватила его и посадила как следует, хотя и подумала про себя:

«Какое это имеет значение? По-моему, что так, что так — пользы тут от него столько же!»

И действительно, когда все присяжные пришли в себя и, получив обратно свои письменные принадлежности, принялись деловито писать отчет о недавнем происшествии, бедняга Билль продолжал сидеть без движения, разинув рот и глядя в потолок.

— Что вам известно, свидетельница, по данному делу? — обратился Король к Алисе.

— Ничего, — сказала Алиса.

— И ничего больше? — спросил Король.

— И больше ничего, — ответила Алиса.

— Это чрезвычайно важно! — сказал Король, глядя на присяжных.

Они было уже принялись записывать эти слова на своих досках, но тут вмешался Белый Кролик.

— Ваше величество желали, несомненно, сказать НЕважно, — произнес он весьма почтительно, хотя грозно нахмурился и сделал Королю страшную гримасу.

— Да, да, я хотел сказать НЕважно, — торопливо поправился Король. — НЕважно. Важно, неважно, важно, неважно... — забормотал он вполголоса, словно проверяя, какое слово лучше звучит.

В результате одни присяжные записали «Важно», другие — «Неважно». Алиса прекрасно это видела. «А в общем, тут все неважно!» — подумала она.

В эту минуту Король, который что-то поспешно писал в своей памятной книге, крикнул:

— Тишина! «Закон номер Сорок Два! — громко прочел он. — Всем лицам ростом больше версты надлежит покинуть зал суда».

И все присутствующие уставились на Алису.

— Я меньше версты! — сказала Алиса.

— Нет, больше! — сказал Король.

— Не меньше двух верст! — вставила Королева.

— Все равно не уйду! — сказала Алиса. — И вообще это не настоящий закон! Вы его сейчас выдумали!

— Это самый старый закон в книге! — сказал Король.

— Тогда он должен быть Номер Первый! — сказала Алиса.

Король побледнел и торопливо захлопнул книгу.

— Удаляйтесь на совещание! — еле-еле смог он выговорить, с испугом глядя на присяжных.

— Ваше величество! — крикнул Белый Кролик, поспешно вскочив с места. — Обнаружены новые доказательства! Только что найдена вот эта бумага.

— И что в ней есть? — спросила Королева.

— Я ее еще не разворачивал, — сказал Белый Кролик, — но есть... есть предположение, что это письмо от обвиняемого к... к... к кому-то!

— Раз письмо — значит, к кому-то, — сказал Король, — писать никому пока не в обычае!

— А кому оно адресовано? — заинтересовался кто-то из присяжных.

— Никому, — сказал Кролик. — Я хочу сказать, снаружи ничего не написано, — торопливо поправился он, развернул бумажку и добавил: — Ну конечно! Это даже и не письмо — это просто стишки!

— А почерк подсудимого? — спросил другой присяжный.

— В том-то и дело, что нет, — сказал Белый Кролик, — и это особенно подозрительно!

Присяжные растерянно захлопали глазами.

— Выходит, он подделал чей-то почерк? — сказал Король.

Присяжные успокоились и просветлели.

— Ваше величество! — неожиданно заговорил Валет. — Я этого не писал, и никто не докажет, что я это писал: там нет никакой подписи.

— Тем хуже для вас, если подписи нет, — сказал Король. — Не будь у вас на уме злодейства, вы бы подписались, как честный человек!

И тут все захлопали, и не зря: действительно это были первые умные слова, какие Король произнес за весь день.

— Итак, вина его доказана, — начала Королева, — и пора уже отру...

— Ничего тут не доказано! — перебила Алиса. — Да вы что? Вы даже не знаете, про что эти стишки!

— Огласи их, — сказал Король.

Белый Кролик натянул на нос очки.

— С чего начинать, ваше величество? — спросил он.

— Начни с начала, — торжественно произнес Король, — и продолжай, пока не дойдешь до конца. Тогда остановись!

В судебном зале воцарилась мертвая тишина, и Белый Кролик прочитал вслух следующие строки:

Ни он, ни я, ни мы, ни вы
Не ведали беды,

Но он поверил ей, увы,
Что я боюсь воды!

Меня пытались не мытьем,
Так катаньем донять.
Они — вдвоем, а мы — втроем,
А дважды два — не пять!

Он ей — ты мне. Мы вам — вы нам!
Она ему — оно!
Хотя они — он знает сам! —
Вернулись к ней давно!

«Ты измываться им не дашь!» —
Он сам так утверждал!
И что ж? Она же входит в раж,
Подняв такой скандал!

И лучшие умы страны
Гадают до сих пор:
Они ли, мы ли, вы ль должны
Смыть кровью свой позор!

Во имя нашей чистоты
Пушай не знает свет:
НА САМОМ ДЕЛЕ ВЫ — МЫ — ТЫ —
ОНИ С НЕЙ
Или нет?

— Это самое важное доказательство вины подсудимого, — сказал Король, удовлетворенно потирая руки. — Оно перевешивает все остальные улики, так что пусть присяжные удалят...

— Да это же просто чепуха! — крикнула Алиса (она к этому времени настолько выросла, что не побоялась перебить самого Короля). — Я отдам наперсток тому, кто объяснит, про что тут говорится! Тут нет ни на вот столечко смысла!

Присяжные в полном составе записали на своих досках: «Тут нет ни на вот столечко смысла», но никто из них не рискнул попробовать объяснить стихи.

— Ну что ж, если тут нет смысла, — сказал Король, — тогда у нас гора с плеч: нам незачем пытаться его найти! Сэкономим кучу работы! И все же, — продолжал он, расправив бумажку у себя на коленях и мельком взглянув на нее, — мне кажется... мне кажется, что я усматриваю тут некий смысл, что ни говорите... «Поверил ей, увы, что я боюсь воды!» — прочитал он и обернулся к Червонному Валету. — Обвиняемый, вы боитесь воды?

Валет печально кивнул.

— Разве по мне не видно? — сказал он.

(И действительно, это было сразу видно — ведь он был из тонкого картона, как и все карты.)

— Так-с, отлично, — сказал Король. Он продолжал бормотать вполголоса строки стихотворения: — Мммм... «Пусть лучшие умы страны...» — это, конечно, присяжные. Мммм... «Она ему — оно...» — ну, это, несомненно, о Королеве... Мммм... «Меня пытались не мытьем, так катаньем донять» — это ясно без слов... Мммм... «Он ей — ты мне. Мы вам — вы нам!» Тут нет никаких сомнений — вот что случилось с пирожками!

— А дальше, дальше, — закричала Алиса, — там же сказано: «Они вернулись к ней давно!»

— А как же, вот они! — ликуя, крикнул Король, царственным жестом указав на блюдо с пирожками. — Это поистине ОЧЕВИДНО! Мммм... Дальше: «И что ж? Она же входит в раж...» Вот это странно! Ты разве когда-нибудь входила в раж, душечка? — обратился он к Королеве.

— Никогда! — бешено крикнула Королева и запустила чернильницей в скамью присяжных.

Чернильница угодила в Билля-Тритона, и несчастный маленький Билль (он давно оставил свои бесплодные попытки писать пальцем на грифельной доске) тут снова судорожно принялся писать, макая палец в чернила, которые потекли по его лицу.

— Ты могла бы сказать еще лучше — НИ РАЖУ! — с улыбкой произнес Король и самодовольно оглядел публику.

Ответом была гробовая тишина.

— Это каламбур! — крикнул Король сердито. — Остроумная шутка!

Тут все захохотали.

— Удаляйтесь на совещание! — сказал Король, вероятно, в двадцатый раз за день.

— Нечего там! — сказала Королева. — Сперва приговор, посовещаются потом!

— Как не стыдно! — во весь голос заявила Алиса. — Стыдно даже болтать такие глупости!

— Молчать! — крикнула Королева, багровея от ярости.

— Как же! — сказала Алиса.

— Отрубить ей голову! — завопила Королева во всю глотку.

Никто не пошевелился.

— Да кто вас боится! — сказала Алиса (она уже достигла своего настоящего роста). — Вы просто несчастные карты — и все!

И при этих словах вся колода карт взвилась в воздух и полетела ей в лицо; Алиса вскрикнула — полуиспуганно, полусердито, — стала от них отбиваться... и вдруг оказалось, что она лежит

на берегу, положив голову сестре на колени, а та осторожно смахивает с ее личика сухие листья, слетевшие с соседнего дерева.

— Просыпайся, дорогая,— сказала сестра.— Что-то ты очень разоспалась!

— Ой, а какой я забавный сон видела! — сказала Алиса.

И она принялась рассказывать сестре все, что сумела запомнить, про свои странные приключения — то есть все то, что вы только что прочитали. А когда она кончила, сестра поцеловала ее и сказала:

— Сон был и правда очень занятный, а сейчас беги пить чай, а то опоздаешь.

Алиса послушно вскочила и побежала домой, но и по дороге она все думала, какой же это был чудесный сон — сон, который, наверно, никогда не забудешь...

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

С К А З К И

*Перевод с английского К. Чуковского
Стихи в переводе С. Маршака*

М А У Г Л И

*Сказочная повесть
Сокращенный перевод с английского
Н. Дарузес*

Rudyard Kipling
JUST SO STORIES
THE JUNGLE BOOKS

ОТКУДА У КИТА ТАКАЯ ГЛОТКА

Это было давно, мой милый мальчик. Жил-был Кит. Он плавал по морю и ел рыбу. Он ел и лещей, и ершей, и белугу, и севрюгу, и селёдку, и селёдкину тётку, и плотичку, и её сестричку, и шустрого, быстрого выюна-вертуна угря. Какая рыба попадётся, ту и съест. Откроет рот, ам — и готово!

Так что в конце концов во всём море уцелела одна только Рыбка, да и та Малютка-Колюшка. Это была хитрая Рыбка. Она плавала рядом с Китом, у самого его правого уха, чуть-чуть позади, чтобы он не мог её глотнуть. Только тем и спасалась. Но вот он встал на свой хвост и сказал:

— Есть хочу!

И маленькая хитренькая Рыбка сказала ему маленьким хитреньким голосом:

— Не пробовало ли ты Человека, благородное и великодушное Млекопитающее?

— Нет, — ответил Кит. — А каков он на вкус?

— Очень вкусный, — сказала Рыбка. — Вкусный, но немного колючий.

— Ну, так принеси мне их сюда с полдесятка, — сказал Кит и так ударил хвостом по воде, что всё море покрылось пеной.

— Хватит тебе и одного! — сказала Малютка-Колюшка. — Плыви к сороковому градусу северной широты и к пятидесятому градусу западной долготы (эти слова волшебные), и ты увидишь среди моря плот. На плоту сидит Моряк. Его корабль пошёл ко дну. Только и одёжи на нём, что синие холщовые штаны да подтяжки (не забудь про эти подтяжки, мой мальчик!) да охотничий нож. Но я должна сказать тебе по совести, что этот человек очень находчивый, умный и храбрый.

Кит помчался, что есть силы. Плыл, плыл и доплыл куда сказано: до пятидесятого градуса западной долготы и сорокового градуса северной широты. Видит, и правда: посреди моря — плот, на плоту — Моряк, и больше никого. На Моряке синие холщовые штаны да подтяжки (смотри же, мой милый, не забудь про подтяжки!) да сбоку у пояса охотничий нож, и больше ничего. Сидит Моряк на плоту, а ноги свесил в воду. (Его Мама позволила ему болтать голыми ногами в воде, иначе он не стал бы болтать, потому что был очень умный и храбрый.)

Рот у Кита открывался всё шире, и шире, и шире и открылся чуть не до самого хвоста. Кит проглотил и Моряка, и его плот, и его синие холщовые штаны, и подтяжки (пожалуйста, не забудь про подтяжки, мой милый!), и даже охотничий нож.

Всё провалилось в тот тёплый и тёмный чулан, который называется желудком Кита. Кит облизнулся — вот так! — и три раза повернулся на хвосте.

Но как только Моряк, очень умный и храбрый, очутился в тёмном и тёплом чулане, который называется желудком Кита, он давай кувыраться, брыкаться, кусаться, лягаться, колотить, молотить, хлопать, топать, стучать, бренчать и в таком неподходящем месте заплясал трепака, что Кит почувствовал себя совсем плохо. (Надеюсь, ты не забыл про подтяжки?)

И сказал он Малютке-Колюшке:

— Не по нутру мне человек, не по вкусу. У меня от него икота. Что делать?

— Ну, так скажи ему, чтобы выпрыгнул вон, — посоветовала Малютка-Колюшка.

Кит крикнул в свой собственный рот:

— Эй, ты, выходи! И смотри води себя как следует. У меня из-за тебя икота.

— Ну нет,— сказал Моряк,— мне и тут хорошо! Вот если ты отвезёшь меня к моим родным берегам, к белым утёсам Англии, тогда я, пожалуй, подумаю, выходить мне или оставаться.

И он ещё сильнее затопал ногами.

— Нечего делать, вези его домой,— сказала хитрая Рыбка Киту.— Ведь я говорила тебе, что он очень умный и храбрый.

Кит послушался и пустился в путь. Он плыл, и плыл, и плыл, работая всю дорогу хвостом и двумя плавниками, хотя ему сильно мешала икота.

Наконец вдали показались белые утёсы Англии. Кит подплыл к самому берегу и стал раскрывать свою пасть — всё шире, и шире, и шире, и шире — и сказал Человеку:

— Пора выходить. Пересадка. Ближайшие станции: Винчестер, Ашуэлот, Нашуа, Кини и Фичборо.

Чуть он сказал: «Фич!» — изо рта у него выпрыгнул Моряк. Этот Моряк и вправду был очень умный и храбрый. Сидя в животе у Кита, он не терял времени даром: ножиком расколол свой плот на тонкие лучинки, сложил их крест-накрест и крепко связал подтяжками (т е п е р ь ты понимаешь, почему тебе не следовало забывать про подтяжки!), и у него получилась решётка, которой он и загородил Киту горло. При этом он сказал волшебные слова. Ты этих слов не слышал, и я с удовольствием скажу их тебе. Он сказал:

Поставил я решётку,
Киту заткнул я глотку.

С этими словами он прыгнул на берег, на мелкие камешки, и зашагал к своей Маме, которая позволяла ему ходить по воде босиком. Потом он женился, и стал жить-поживать, и был очень счастлив. Кит тоже женился, и тоже был очень счастлив. Но с этого дня и во веки веков у него в горле стояла решётка, которую он не мог ни проглотить, ни выплюнуть. Из-за этой решётки к нему в горло попадала только мелкая рыбёшка. Вот почему в наше время Киты уже не глотают людей. Они не глотают даже маленьких мальчиков и маленьких девочек.

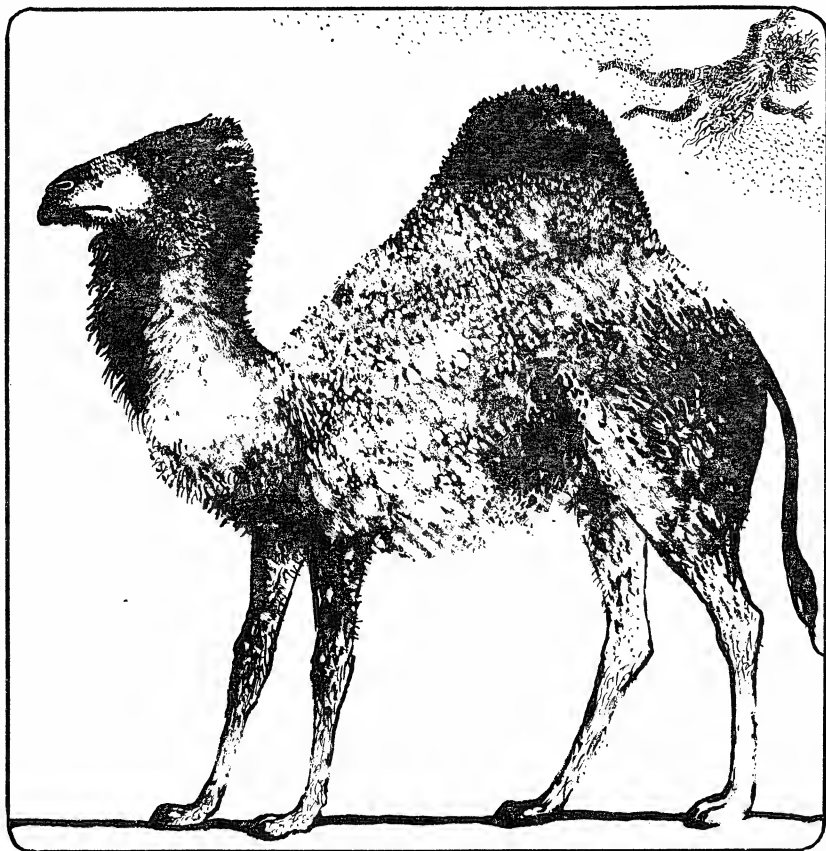
А хитрая Рыбка уплыла и спряталась в тине, под самым порогом Экватора. Она думала, что Кит рассердился, и боялась показаться ему на глаза.

Моряк захватил с собою свой охотничий нож. Синие холщовые штаны всё ещё были на нём, когда он шагал по камешкам у самого моря. Но подтяжек на нём уже не было. Они остались в горле у Кита. Ими были связаны лучинки, из которых Моряк сделал решётку.

Вот и всё. Э т о й сказке конец.

Если в стёклах каюты
Зелёная тьма,
И брызги взлетают
До труб,
И встают поминутно
То нос, то корма,
А слуга, разливающий
Суп,
Неожиданно валится
В куб,

Если мальчик с утра
Не одет, не умыт
И мешком на полу
Его нянька лежит,
А у мамы от боли
Трещит голова,
И никто не смеётся,
Не пьёт и не ест,—
Вот тогда нам понятно,
Что значат слова:
Сорок Норд,
Пятьдесят Вест!

ОТЧЕГО У ВЕРБЛЮДА ГОРБ

Вот ещё одна сказка, и в ней я хочу рассказать, откуда взялся на спине у Верблюда такой большой горб.

В самые первые годы, давно-давно, вся земля была новенькая, только что сделанная. Животные с первых же дней стали служить Человеку. Но в Ужасно-Унылой Пустыне жил Ужасно-Унылый Верблюд, который и не думал работать. Он ел сухие колючки, жёсткие ветки, тамариск, терновник и кору, но работать ни за что не хотел — такой бессовестный бездельник и лентяй! И что бы ни говорили ему, он на всё отвечал:

— Гррб!

Только «Гррб» — и больше ничего.

Вот однажды, в понедельник утром, пришёл к нему Конь. На спине у Коня было седло, в зубах уздечка.

— Верблюд, о Верблюд! — сказал он. — Ступай к Человеку и начни бегать рысью, как мы.

— Гррб! — ответил Верблюд, а Конь пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вскоре после этого к Верблуду пришёл Пёс. В зубах у него была палка. Он пришёл и сказал:

— Верблюд, о Верблюд! Иди к Человеку, научись ходить вместе с ним на охоту, как мы.

— Гррб! — ответил Верблюд, а Пёс пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вскоре после этого пришёл к Верблуду Бык. На шее у Быка было ярмо. Он сказал:

— Верблюд, о Верблюд! Иди к Человеку и паши землю, как мы.

— Гррб! — ответил Верблюд, а Бык пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вечером Человек позвал Коня, Пса и Быка и сказал:

— Конь, Пёс и Бык, мне очень вас жалко (ведь мир был совсем ещё новенький!), но зверь, который кричит «Гррб» в той Пустыне, не способен ни к какой работе, а то бы он давно пришёл ко мне. Пусть себе живёт в своей Пустыне, я не трону его, но вам придётся работать вдвойне — и за себя и за него.

Тогда Конь, Пёс и Бык очень рассердились (ведь мир был ещё очень новый!). Они отправились к самому краю Пустыни и стали громко обсуждать, что им делать, и лаяли, и ржали, и мычали.

К ним подошёл Верблюд — бессовестный бездельник и лентяй! — и, лениво пережёвывая сухую траву, стал насмехаться над ними. Потом он сказал «Гррб» и удалился.

Мимо по дороге мчался в туче пыли Джинн, Владыка Всех Пустынь. (Джинны всегда путешествуют так, потому что они чародеи.) Он остановился поболтать с Конём, Псом и Быком.

— Владыка Всех Пустынь! — сказал Конь. — Кто имеет право бездельничать, если мир такой новый и в нём ещё так много работы?

— Никто, — ответил Джинн.

— А вот, — сказал Конь, — в твоей Ужасно-Унылой Пустыне живёт Ужасно-Унылый Зверь, с длинной шеей, с длинными ногами, который с самого утра, с понедельника, не подумал взяться за работу. Не желает бегать рысью — ни за что!

— Фью! — свистнул Джинн. — Да это мой Верблюд, клянусь золотом Аравийской земли! Что же он говорит?

— Он говорит одно слово: «Гррб», — сказал Пёс. — «Гррб» — и больше ничего. И не желает помогать Человеку охотиться.

— А что ещё он говорит? — спросил Джинн.

— Больше ничего, только «Гррб», и не желает пахать, — ответил Бык.

— Отлично! — воскликнул Джинн. — Пожалуйста, подождите минутку, я сейчас покажу ему «Гррб».

Он завернулся в свой плащ из пыли и помчался в Пустыню. Там он нашёл Верблюда. Тот стоял и любовался своим отражением в луже — бессовестный лентяй и бездельник.

— Мой лукавый длинноногий друг, — сказал Джинн, — я слышал, что ты не желаешь работать в нашем новом-новёхоньком мире. Что это значит?

— Гррб! — ответил Верблюд.

Джинн сел на песок и, опершись подбородком на руку, принялся колдовать, а Верблюд стоял и как ни в чём не бывало любовался своим отражением в луже.

— Конь, Бык и Пёс работали с самого утра, с понедельника, и работали больше, чем надо, оттого, что ты такой бессовестный лентяй и бездельник, — сказал Джинн.

И он опять опёрся рукой о подбородок и продолжал колдовать.

— Гррб! — повторил Верблюд.

— И как тебе не надоест это слово? Который раз ты повторяешь его? Бессовестный лентяй и бездельник, я хочу, чтобы ты стал работать!

— Гррб! — повторил Верблюд.

И вдруг спина, которой он так гордился, начала у него пухнуть, и пухла, и пухла, и у него вздулся огромный твёрдый горб.

— Полюбуйся! — сказал Джинн. — Это тот самый «Гррб», о котором ты постоянно твердишь. Он вырос у тебя оттого, что ты бессовестный лентяй и бездельник. Работа началась с понедельника, сегодня четверг, а ты до сих пор ещё не принялся за работу. Но теперь ты начнёшь работать!

— Как же я буду работать, если у меня огромный Гррб? — спросил Верблюд.

— А это тебе в наказание! — ответил Джинн. — За то, что ты прогулял трое суток. Но теперь ты можешь работать три дня без всякой пищи потому, что ты будешь есть свой собственный Гррб. Жил же ты три дня одним только «Гррб». После этого, я надеюсь, ты не станешь говорить, что я о тебе не забочусь. А теперь уходи из Пустыни, ступай к Коню, Псу и Быку и смотри вести себя хорошо.

И пошёл Верблюд со своим горбом к Коню, Псу и Быку. И до сих пор он таскает на спине свой горб (мы не говорим уже «Гррб»,

мы говорим «горб», чтобы не обидеть Верблюда), и до сих пор он не может наверстать те три дня, которые он прогулял вначале, когда земля была новая, и до сих пор он не может научиться, как нужно себя вести.

Горб
Верблюжий,
Такой неуклюжий,
Видал я в зверинце не раз.
Но горб
Ещё хуже,
Ещё неуклюжей
Растёт у меня и у вас.

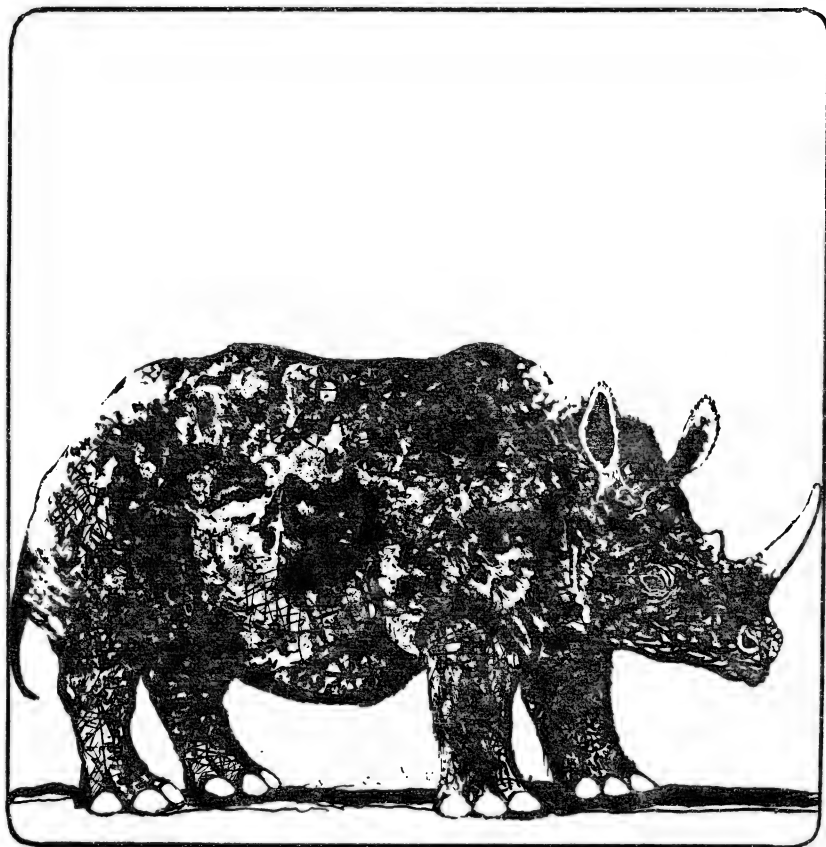
У всех,
Кто слоняется праздный,
Немытый, нечёсанный, грязный,
Появится
Горб,
Невиданный горб,
Мохнатый, кривой, безобразный.

Мы спим до полудня
И в праздник и в будни,
Проснёмся и смотрим уныло,
Мяукаем, лаем,
Вставать не желаем
И злимся на губку и мыло.

Скажите, куда
Бежать от стыда,
Где спрячете горб свой позорный,
Невиданный
Горб,
Неслыханный
Горб,
Косматый, мохнатый и чёрный!

Совет мой такой:
Забыть про покой
И бодро заняться работой,
Не киснуть, не спать,
А землю копать,
Копать до десятого пота.

И ветер, и зной,
И дождь проливной.
И голод, и труд благотворный
Разгладят ваш горб,
Невиданный горб,
Косматый, мохнатый и чёрный!

ОТКУДА У НОСОРОГА ШКУРА

В некотором царстве, в некотором государстве, на Красном море, у самого берега, стоял Необитаемый остров. На острове жил парс, а у парса была шапка, и она блестела на солнце, как солнце. Только и было добра у парса, что шапка, да нож, да печка,— а вам печку трогать руками нельзя.

И вот один раз взял парс изюму, и муки, и воды, и слив, и сахару, и всякой всячины, смешал всё в кучу и сделал себе пирог, великолепнейший волшебный пирог в двадцать сантиметров длины, тридцать сантиметров ширины; и поставил его на печку: ему, значит, можно было подходить к этой печке. И так он пёк этот пирог, что тот зарумянился и дух от него пошёл восхитительный.

Но только парс открывает рот и хочет съесть свой пирог, смотрит — идёт Носорог; а у Носорога на носу рог, и глазки у него поросычьи, и манеры у него очень плохие.

В те времена Носороги носили шкуру в обтяжку, без единой складочки, и очень смахивали на деревянных, игрушечных, только были, понятно, крупнее. Всё же они и теперь невоспитанные, и прежде были невоспитанные, и всегда будут невоспитанные.

Носорог сказал:

— Угу!

И покинул парс пирог, и бросился к пальме, и, в чём был, полез на верхушку; а был он в одной только шапке, и шапка блестела на солнце, как солнце.

И ткнул Носорог его печку носом, и печка перевернулась вверх дном, и покатился пирог по песку, и поддел Носорог пирог на рог и стал его есть, а съевши, ушёл в безлюдную, необитаемую пустыню, по соседству с островами Мазандеран, Сокотра и мысами Великого Равноденствия.

Тогда парс слез с дерева, поставил печку на ножки и проговорил такое заклятие:

Если шкура тебе дорога,

Не бери пирога на рога.

И, ах,— это было неспроста!

Потому что прошло пять недель, и в Красном море наступила жара, и каждый стал сбрасывать с себя всю одежду. Парс сбросил с себя шапку, а Носорог шкуру, перекинул её через плечо и пошёл купаться. Тогда ещё шкура у Носорога застёгивалась на животе на три пуговицы и была похожа на резиновый плащ.

Встретив парса, Носорог ни слова не сказал о его пироге, потому что, повторяю, он был очень невоспитанный — прежде, теперь и всегда. Переваливаясь, он прямо полез в воду и стал пускать через нос пузыри, а шкуру оставил на берегу.

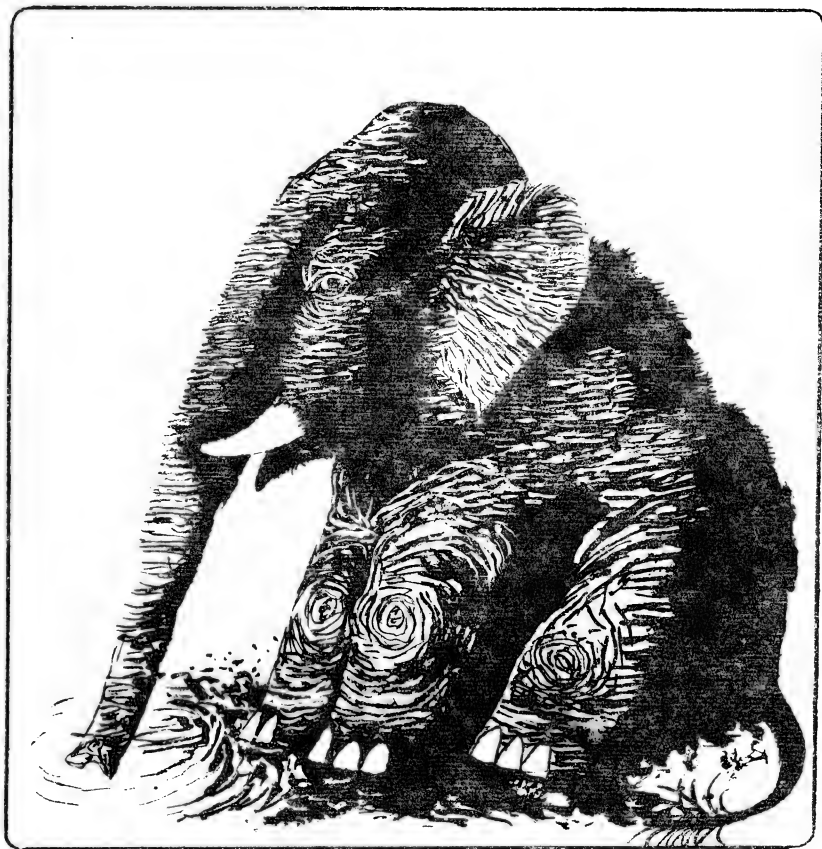
Идёт парс мимо и видит — шкура. Улыбнулся парс хитрой улыбкой — и раз, и другой. Потом трижды протанцевал вокруг шкуры, потирая от радости руки.

Потом он бросился к своему жилью и набрал полную шапку крошек, оставшихся от пирога. Парс только и ел, что пироги, а крошек никогда не выметал. И он взял эту шкуру, и он смял эту шкуру, и потёр эту шкуру, и простёр эту шкуру, и набил её снизу доверху засохшими, жёсткими, чёрствыми, колючими крошками и горелыми изюминками. Потом взобрался на свою высокую пальму и стал поджидать, чтобы Носорог вышел из воды и напаялил свою шкуру на себя.

Носорог так и сделал. Он застегнулся на три пуговицы, и тотчас же его зацарапало, как царапают крошки в кровати. Ему захотелось почесаться, но от этого стало ещё хуже. Грохнулся он

тогда об землю и пошёл кататься по земле, и катался, и катался, и катался, и чем больше катался, тем больше донимали его крошки — и всё хуже, и хуже, и хуже. Кинулся Носорог к пальме и стал тереться об неё, и тёрся, и тёрся, и тёрся. И так долго он тёрся, и так сильно он тёрся, что натёр себе на шкуре большую складку — одну над плечами, и другую складку на животе, где прежде были пуговицы (но он оттёр эти пуговицы прочь), и ещё натёр складки у себя на ногах. И это очень испортило его характер, но не избавило его от крошек. Крошки остались у него за шкурой и царапали как ни в чём не бывало. И он пошёл домой весь исцарапанный и ужасно сердитый. И с тех пор до сего дня у каждого Носорога очень толстые складки на шкуре и очень скверный характер, и всё потому, что за шкурой у него крошки от пирога.

А парс спустился с пальмы, нахлобучил шапку, блестящую на солнце, как солнце, и ушёл с того места прочь по направлению к Оратово, Амигдале, Верхним Долинам Анантариво и Болотам Сонапута.

СЛОНЁНОК

Это только теперь, милый мой мальчик, у Слона есть хобот. А прежде, давным-давно, никакого хобота не было у Слона. Был только нос, вроде как лепёшка, чёрненький и величиною с башмак. Этот нос болтался во все стороны, и всё же никуда не годился: разве можно таким носом поднять что-нибудь с земли?

Но вот в то самое время, давным-давно, жил один такой Слон, или, лучше сказать, Слонёнок, который был страшно любопытен, и кого, бывало, ни увидит, ко всем пристаёт с расспросами. Жил он в Африке, и ко всей Африке приставал он с расспросами.

Он пристава́л к Страусихе, своей долговязой тётке, и спраши-

вал её, отчего у неё на хвосте перья растут так, а не этак, и долго-вязая тётка Страусиха давала ему за то тумака своей твёрдой-претвёрдой ногой.

Он приставал к своему длинноногому дяде Жирафу и спрашивал его, отчего у него на шкуре пятна, и длинноногий дядя Жираф давал ему за то тумака своим твёрдым-претвёрдым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И он спрашивал свою толстую тётку Бегемотиху, отчего у неё такие красные глазки, и толстая тётка Бегемотиха давала ему за то тумака своим толстым-претолстым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Он спрашивал своего волосатого дядю Павиана, почему все дыни такие сладкие, и волосатый дядя Павиан давал ему за то тумака своей мохнатой, волосатой лапой.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Что бы он ни увидел, что бы он ни услышал, что бы ни понюхал, до чего бы ни дотронулся, — он тотчас же спрашивал обо всём и тотчас же получал тумаки от всех своих дядей и тёток.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И случилось так, что в одно прекрасное утро, незадолго до равноденствия, этот самый Слонёнок — надоеда и приставала — спросил об одной такой вещи, о которой он ещё никогда не спрашивал. Он спросил:

— Что кушает за обедом Крокодил?

Все испуганно и громко закричали:

— Тс-с-с-с!

И тотчас же, без дальних слов, стали сыпать на него тумаки.

Били его долго, без передышки, но, когда кончили бить, он сейчас же подбежал к птичке Колоколо, сидевшей в колючем терновнике, и сказал:

— Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и все мои тётки колотили меня, и все мои дяди колотили меня за неслосное моё любопытство, и всё же мне страшно хотелось бы знать, что кушает за обедом Крокодил?

И сказала птичка Колоколо печальным и громким голосом:

— Ступай к берегу сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо; берега её покрыты деревьями, которые нагоняют на всех лихорадку. Там ты узнаешь всё.

На следующее утро, когда от равноденствия уже ничего не осталось, этот любопытный Слонёнок набрал бананов — целых сто фунтов! — и сахарного тростнику — тоже сто фунтов! — и семнадцать зеленоватых дынь, из тех, что хрустят на зубах, взвалил всё это на плечи и, пожелав своим милым родичам счастливо оставаться, отправился в путь.

— Прощайте! — сказал он им. — Я иду к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо; берега её покрыты деревьями, кото-

рые нагоняют на всех лихорадку, и там я во что бы то ни стало узнаю, что кушает за обедом Крокодил.

И родители ещё раз хорошенько вздули его на прощание, хотя он чрезвычайно учтиво просил их не беспокоиться.

И он ушёл от них, слегка потрепанный, но не очень удивлённый. Ел по дороге дыни, а корки бросал на землю, так как подбирать эти корки ему было нечем. Из города Грэма он пошёл в Кимберлей, из Кимберлея в Хамову землю, из Хамовой земли на восток и на север и всю дорогу угощался дынями, покуда наконец не пришёл к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой как раз такими деревьями, о каких говорила ему птичка Колоколо.

А надо тебе знать, мой милый мальчик, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты наш любопытный Слононок никогда не видал Крокодила и даже не знал, что это такое. Представь же себе его любопытство!

Первое, что бросилось ему в глаза, — был Двуцветный Питон, Скалистый Змей, обвинившийся вокруг какой-то скалы.

— Извините, пожалуйста! — сказал Слононок чрезвычайно учтиво. — Не встречался ли вам где-нибудь поблизости Крокодил? Здесь так легко заблудиться.

— Не встречался ли м н е Крокодил? — презрительно переспросил Двуцветный Питон, Скалистый Змей. — Нашёл о чём спрашивать!

— Извините, пожалуйста! — продолжал Слононок. — Не можете ли вы сообщить мне, что кушает Крокодил за обедом?

Тут Двуцветный Питон, Скалистый Змей, не мог уже больше удержаться, быстро развернулся и огромным хвостом дал Слононку тумака. А хвост у него был как молотильный цеп и весь покрыт чешуёю.

— Вот чудеса! — сказал Слононок. — Мало того, что мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и мой дядя колотил меня, и моя тётка колотила меня, и другой мой дядя, Павиан, колотил меня, и другая моя тётка, Бегемотиха, колотила меня, и все как есть колотили меня за ужасное моё любопытство, — здесь, как я вижу, начинается та же история.

И он очень учтиво попрощался с Двуцветным Питоном, Скалистым Змеем, помог ему спать обмотаться вокруг скалы и пошёл себе дальше; его порядком потрепали, но он не очень дивился этому, а снова взялся за дыни и снова бросал корки на землю — потому что, повторяю, чем бы он стал поднимать их? — и скоро набрёл на какое-то бревно, валявшееся у самого берега сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими на всех лихорадку.

Но на самом деле, мой милый мальчик, это было не бревно, это был Крокодил. И подмигнул Крокодил одним глазом — вот так!

— Извините, пожалуйста! — обратился к нему Слонёнок чрезвычайно учтиво. — Не случилось ли вам встретить где-нибудь поблизости в этих местах Крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом и высунул наполовину свой хвост из воды. Слонёнок (опять-таки очень учтиво!) отступил назад, потому что ему не хотелось получить нового тумака.

— Подойди-ка сюда, моя крошка! — сказал Крокодил. — Тебе, собственно, зачем это надобно?

— Извините, пожалуйста! — сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво. — Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, моя долговязая тётка Страусиха колотила меня, и мой длинноногий дядя Жираф колотил меня, моя другая тётка, толстая Бегемотиха, колотила меня, и другой мой дядя, мохнатый Павлин, колотил меня, и Питон Двуцветный, Скалистый Змей, вот только что колотил меня больно-пребольно, и теперь — не во гнев будь вам сказано — я не хотел бы, чтобы меня колотили опять.

— Подойди сюда, моя крошка, — сказал Крокодил, — потому что я и есть Крокодил.

И он стал проливать крокодиловы слёзы, чтобы показать, что он и вправду Крокодил.

Слонёнок ужасно обрадовался. У него захватило дух, он упал на колени и крикнул:

— Вас-то мне и нужно! Я столько дней разыскиваю вас! Скажите мне, пожалуйста, скорее, что кушаете вы за обедом?

— Подойди поближе, я шепну тебе на ушко.

Слонёнок нагнул голову близко-близко к зубастой, клыкастой крокодиловой пасти, и Крокодил схватил его за маленький носик, который до этой самой недели, до этого самого дня, до этого самого часа, до этой самой минуты был ничуть не больше башмака.

— Мне кажется, — сказал Крокодил, и сказал сквозь зубы, вот так, — мне кажется, что сегодня на первое блюдо у меня будет Слонёнок.

Слонёнку, мой милый мальчик, это страшно не понравилось, и он проговорил через нос:

— Пусдите бедя, бде очедь больдо! (Пустите меня, мне очень больно!)

Тут Двуцветный Питон, Скалистый Змей, приблизился к нему и сказал:

— Если ты, о мой юный друг, тотчас же не отпрянешь назад, сколько хватит у тебя твоей силы, то моё мнение таково, что не успеешь ты сказать «раз, два, три!», как вследствие твоего разговора с этим кожаным мешком (так он величал Крокодила) ты попадёшь туда, в ту прозрачную водяную струю...

Двуцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда говорят вот так.

Слонёнок сел на задние ножки и стал тянуть. Он тянул, и тя-

нул, и тянул, и нос у него начал вытягиваться. А Крокодил отступил подальше в воду, вспенил её, как сбитые сливки, тяжёлыми ударами хвоста, и то же тянул, и тянул, и тянул.

И нос у Слоёнка вытягивался, и Слоёнок растопырил все четыре ноги, такие крошечные слоновьи ножки, и тянул, и тянул, и тянул, и нос у него всё вытягивался. А Крокодил бил хвостом, как веслом, и тоже тянул, и тянул, и чем больше он тянул, тем длиннее вытягивался нос у Слоёнка, и больно было этому носу у-ж-ж-жас-но! И вдруг Слоёнок почувствовал, что ножки его заскользили по земле, и он вскрикнул через нос, который сделался у него чуть не в пять футов длиною:

— Довольдо! Осдавьде! Я больше де богу!

Услышав это, Двуцветный Питон, Скалистый Змей, бросился вниз со скалы, обмотался двойным узлом вокруг задних ног Слоёнка и сказал:

— О неопытный и легкомысленный путник! Мы должны понатужиться сколько возможно, ибо впечатление моё таково, что этот военный корабль с живым винтом и бронированной палубой — так величал он Крокодила — хочет загубить твоё будущее...

Двуцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда выражаются так.

И вот тянет Змей, тянет Слоёнок, но тянет и Крокодил. Тянет, тянет, но так как Слоёнок и Двуцветный Питон, Скалистый Змей, тянут сильнее, то Крокодил в конце концов должен выпустить нос Слоёнка, и Крокодил отлетает назад с таким плеском, что слышно по всей Лимпопо.

А Слоёнок как стоял, так и сел и очень больно ударился, но всё же успел сказать Двуцветному Питону, Скалистому Змею, спасибо, а потом принялся ухаживать за своим вытянутым носом: обернул его холодноватыми листьями бананов и опустил в воду сонной, мутно-зелёной реки Лимпопо, чтобы он хоть немного остыл.

— К чему ты это делаешь? — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.

— Извините, пожалуйста! — сказал Слоёнок. — Нос у меня потерял прежний вид, и я жду, чтобы он опять стал коротеньким.

— Долго же тебе придётся ждать, — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. — То есть удивительно, до чего иные не понимают своей собственной выгоды!

Слоёнок просидел над водою три дня и всё поджидал, не станет ли нос у него короче. Однако нос не становился короче, и — мало того — из-за этого носа глаза у Слоёнка стали немного косыми.

Потому что, мой милый мальчик, ты, надеюсь, уже догадался, что Крокодил вытянул Слоёнку нос в самый заправдашний

хобот — точь-в-точь такой, какие имеются у всех нынешних Слонов.

К концу третьего дня прилетела какая-то муха и ужалила Слонёнку в плечо, и он, сам не замечая, что делает, приподнял хобот и прихлопнул муху.

— Вот тебе и первая выгода! — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. — Ну, рассуди сам: мог бы ты сделать что-нибудь также своим прежним булавочным носом? Кстати, не хочешь ли ты закусить?

И Слонёнок, сам не зная, как у него это вышло, потянул хоботом к земле, сорвал добрый пучок травы, хлопнул им о передние ноги, чтобы стряхнуть с него пыль, и тотчас же сунул себе в рот.

— Вот тебе и вторая выгода! — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. — Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! Кстати, заметил ли ты, что солнце стало слишком припекать?

— Пожалуй, что и так! — сказал Слонёнок.

И, сам не зная, как у него это вышло, зачерпнул своим хоботом из сонной, зловонной, мутно-зелёной реки Лимпопо немного илу и шлёпнул его себе на голову; мокрый ил расквасился в лепёшку, и за уши Слонёнку потекли целые потоки воды.

— Вот тебе третья выгода! — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. — Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! И, кстати, что ты теперь думаешь насчёт тумачков?

— Извините, пожалуйста, — сказал Слонёнок, — но я, право, не люблю тумачков.

— А вздуть кого-нибудь другого? — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.

— Это я с радостью! — сказал Слонёнок.

— Ты ещё не знаешь своего носа! — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей. — Это просто клад, а не нос. Вздует кого угодно.

— Благодарю вас, — сказал Слонёнок, — я приму это к сведению. А теперь мне пора домой. Я пойду к милым родичам и проверю мой нос.

И пошёл Слонёнок по Африке, забавляясь и помахивая хоботом.

Захочется ему фруктов — он срывает их прямо с дерева, а не стоит и не ждет, как прежде, чтобы они свалились на землю. Захочется ему травки — он рвёт её прямо с земли, а не бухается на колени, как бывало. Мухи докучают ему — он сорвёт с дерева ветку и машет ею, как веером. Припекает солнце — он опустит свой хобот в реку, и вот на голове у него холодная, мокрая нашлёпка. Скучно ему одному шататься без дела по Африке — он играет

хоботом песни, и хобот у него куда звончее сотни медных труб.

Он нарочно свернул с дороги, чтобы разыскать толстуху Бегемотиху, хорошенько отколотить её и проверить, правду ли сказал ему Двудветный Питон, Скалистый Змей, про его новый нос. Поколотив Бегемотиху, он пошёл по прежней дороге и подбирал с земли те дынные корки, которые разбрасывал по пути к Лимпопо,— потому что он был Чистоплотным Толстокожим.

Стало уже темно, когда в один прекрасный вечер он пришёл домой к своим милым родственникам. Он свернул хобот в кольцо и сказал:

— Здравствуйте! Как поживаете?

Они страшно обрадовались ему и сейчас же в один голос сказали:

— Поди-ка, поди-ка сюда, мы дадим тебе тумачков за несносное твоё любопытство!

— Эх вы! — сказал Слонёнок. — Много смыслите вы в тумачках! Вот я в этом деле кое-что понимаю. Хотите, покажу?

И он развернул свой хобот, и тотчас же два его милых брата полетели от него вверх тормашками.

— Клянёмся бананами! — закричали они. — Где это ты так наострился и что у тебя с носом?

— Этот нос у меня новый, и дал мне его Крокодил на сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, — сказал Слонёнок. — Я завёл с ним разговор о том, что он кушает за обедом, и он подарил мне на память новый нос.

— Безобразный нос! — сказал волосатый, мохнатый дядя Павлиан.

— Пожалуй, — сказал Слонёнок. — Но полезный!

И он схватил волосатого дядю Павлиана за волосатую ногу и, раскачав, закинул в осиное гнездо.

И так разошёлся этот сердитый Слонёнок, что отколотил всех до одного своих милых родных. Бил он их, бил, так что им жарко стало, и они посмотрели на него с изумлением. Он выдернул из хвоста у долговязой тетки Страусихи чуть не все её перья; он ухватил длинноногого дядю Жирафа за заднюю ногу и поволок его по колючим терновым кустам; он разбудил громким криком толстую Бегемотиху, когда она спала после обеда, и стал пускать ей прямо в ухо пузыри, но никому не позволял обижать птичку Колоколо.

Дело дошло до того, что его родичи — кто раньше, кто позже — отправились к сонной, зловонной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими на всех лихорадку, чтобы и им подарил Крокодил по такому же носу.

Вернувшись, никто уже больше не давал тумачков никому, и с той поры, мой мальчик, у всех Слонов, которых ты когда-нибудь

увидишь, да и у тех, которых ты никогда не увидишь, у всех совершенно такой самый хобот, как у этого любопытного Слонёнка.

Есть у меня шестёрка слуг,
Проворных, удалых,
И всё, что вижу я вокруг,—
Всё знаю я от них.

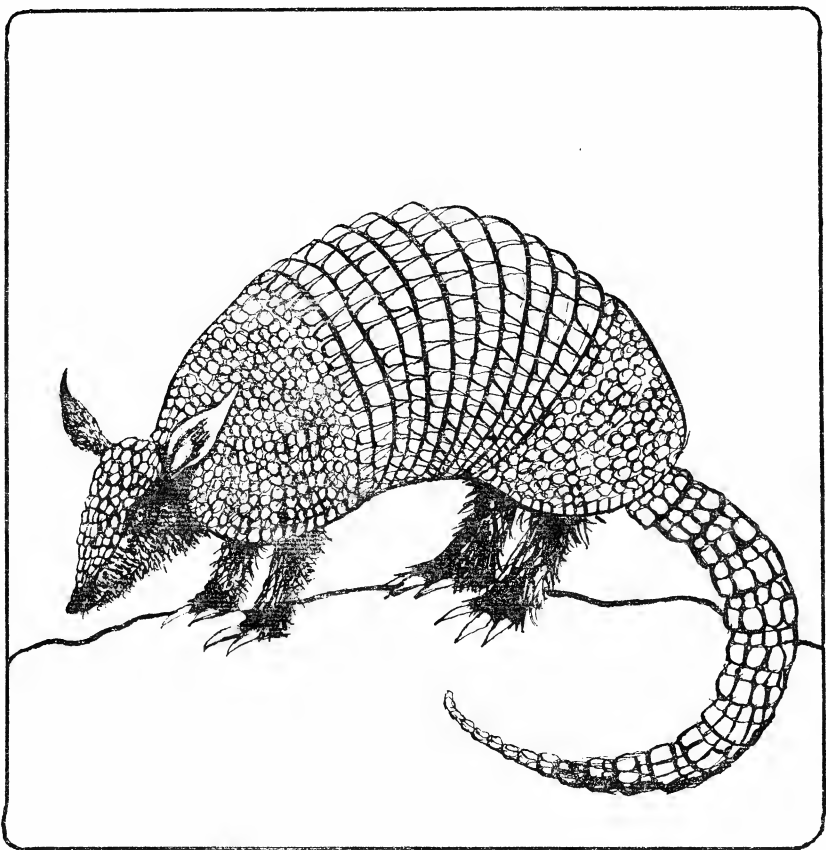
Они по знаку моему
Являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему,
Кто, Что, Когда и Где.

Я по морям и по лесам
Гоняю верных слуг.
Потом работаю я сам,
А им даю досуг.

Я по утрам, когда встаю,
Всегда берусь за труд,
А им свободу я даю —
Пускай едят и пьют.

Но у меня есть милый друг,
Особа юных лет.
Ей служат сотни тысяч слуг —
И всем покоя нет.

Она гоняет, как собак,
В ненастье, дождь и тьму
Пять тысяч Где, семь тысяч Как,
Сто тысяч Почему!

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ БРОНЕНОСЦЫ

Милый мальчик, я опять расскажу тебе сказку о Далёких и Старинных Временах. Жил тогда Злючка-Колючка Ёж. Жил он на мутной реке Амазонке, ел улиток и разные разности. И была у него подруга, Черепаха Неспешная, которая тоже жила на мутной реке Амазонке, ела разные разности и зелёный салат. Всё шло хорошо, не правда ли, милый мальчик?

Но в ту же самую пору, в Далёкое и Старинное Время, жил на мутной реке Амазонке Расписной Ягуар. Он ел всё, что ему удастся поймать. Не удастся поймать оленя — он съест обезьяну; не удастся поймать обезьяну — съест лягушку или таракашку. А уж если нет ни лягушек, ни таракашек — он идёт к своей мамаше

Ягуарихе, чтобы та объяснила ему, как нужно ловить черепах и ежей.

Изящно помахивая грациозным хвостом, мамаша часто наставляла его:

— Если, сынок, ты найдёшь Ежа, скорее швырни его в воду. Ёж сам собою развернётся в воде. А если найдёшь Черепаху, выцарапай её лапой из панциря.

И всё шло хорошо, мой милый мальчик.

Была прекрасная ночь на мутной реке Амазонке. Расписной Ягуар увидел, что под стволом свалившегося дерева сидят рядышком Злючка-Колючка Ёж и Черепаха Неспешная. Спасти их бегством они не могли, и вот Злючка-Колючка Ёж свернулся шаром, потому что иначе он не был бы Ёж, а Черепаха Неспешная втянула ноги и голову под свой панцирь, потому что она была Черепаха.

Всё шло как следует, милый мой мальчик, не правда ли?

— Слушайте меня внимательно! — сказал Расписной Ягуар. — То, что я хочу вам сказать, имеет для вас большое значение. Моя маменька учила меня, что, если я увижу Ежа, я должен швырнуть его в воду, и тогда он сам собою развернётся, а если я увижу Черепаху, я должен выцарапать её лапой из панциря. Но кто же из вас Черепаха, а кто из вас Ёж, — клянусь моими пятнами, не знаю!

— Хорошо ли ты помнишь, что говорила тебе твоя маменька? — спросил Злючка-Колючка Ёж. — Уж не напутал ли ты? Может быть, маменька говорила тебе, что, когда ты развернёшь Черепаху, ты должен выцарапать её из воды, а когда ты поймаешь Ежа, ты должен бросить его прямо на панцирь?

— Хорошо ли ты помнишь, что говорила тебе твоя маменька? — спросила Черепаха Неспешная. — Уж не напутал ли ты? Может быть, она говорила тебе, что, когда ты смочишь водою Ежа, ты должен расцарапать его лапой, а когда встретишь Черепаху, ты должен снять с неё панцирь, чтобы она развернулась?

— Едва ли это так! — сказал Расписной Ягуар, но всё же опешил немного. — Будьте добры, повторите ещё раз, что вы сказали сейчас. И, если можно, яснее.

— Когда ты поцарапаешь воду когтями, налей её и разверни Ежом, — сказал Злючка-Колючка Ёж. — Запомни это хорошенько, потому что это очень важно.

— Но, — сказала Черепаха Неспешная, — когда ты выцарапаешь воду из Ежа, ты должен полить этой водой Черепаху. Неужели ты и этого не знаешь?

— У меня от вашей путаницы даже пятна на спине заболели! — сказал Расписной Ягуар. — Я не спрашиваю ваших советов, я только спрашиваю, кто из вас Ёж и кто Черепаха.

— Не скажу, — ответил Ёж. — Но, если хочешь, — изволь — попробуй-ка выцарапать меня из моего панциря.

— Ага! — сказал Расписной Ягуар. — Теперь я вижу, что ты Черепаха. Ты думала, что я не догадаюсь. А я догадался.

И хлопнул Ягуар лапой со всего размаха по Ежу как раз в ту минуту, когда Еж свернулся клубком. И, конечно, в лапу Ягуару вонзились острые колючки Ежа. Это было бы, пожалуй, ещё ничего, но, к несчастью, Ягуар ударом лапы отбросил Ежа далеко-далеко в лес и не мог найти его в кустах, так как было очень темно. Тогда он сунул лапу себе в рот, но от этого иглы стали колоть ещё больше. От боли он долго не мог говорить, а когда заговорил, сказал:

— Теперь я вижу, то была совсем не Черепаха. Но как мне узнать, Черепаха ли это?

И он почесал затылок той лапой, которая не пострадала от колючек Ежа.

— Я и есть Черепаха, — призналась Неспешная. — Твоя матушка учила тебя правильно. Она сказала, что ты должен выцарапать меня лапой из панциря. Это верно. Ну, принимайся за дело!

— Только что ты говорила, что она говорила одно, а теперь ты говоришь, что она говорила другое! — сказал Ягуар, высасывая колючки из лапы.

— Ты говоришь, что я говорю, что она говорила другое, — сказала Черепаха. — Что ж из этого? Ведь если, как ты говоришь, я говорила, что она говорила то, что я говорила, это и выходит, что я говорила то, что говорила она. А если ты думаешь, что она говорила, будто ты должен развернуть меня лапой, а не бросать вместе с моим панцирем в воду, я здесь ни при чём, не правда ли?

— Но ведь только что ты сама говорила, что я должен выцарапать тебя лапой из твоей скорлупы, — сказал Расписной Ягуар.

— Подумай хорошенько, и ты поймёшь, что я этого никогда не говорила. Я только говорила, что твоя мама говорила, что ты должен содрать с меня когтями мой панцирь, — сказала Неспешная.

— А что будет, если я сдеру с тебя панцирь? — осторожно спросил Ягуар и потянул носом воздух.

— Не знаю, потому что до сих пор никто ещё не сдирал с меня панциря, но говорю тебе правду: если ты хочешь посмотреть, как я уплыву от тебя, — брось меня, пожалуйста, в воду.

— Я тебе не верю! — сказал Расписной Ягуар. — Мама моя говорила одно, а ты говорила, что она говорила другое, и теперь всё у меня так перепуталось, что я не знаю, где у меня хвост, где голова. А теперь ты сказала простые слова, которые я понимаю, и это путает меня больше всего. Мама учила меня, чтобы я бросил одного из вас в воду, и так как ты говоришь, что тебе хочется в воду, ясно, что тебе не хочется в воду. Так прыгай же в мутную воду реки Амазонки. Живо!

— Хорошо, я прыгну, но знай: мама твоя будет очень недо-

вольна. Пожалуйста, не говори ей, что я не говорила тебе, что она говорила...

— Если ты скажешь ещё хоть одно слово о том, что говорила моя мама!.. — вскричал Ягуар, но не успел договорить, потому что Черепаха как ни в чём не бывало нырнула в мутную воду реки Амазонки.

Долго она плыла под водою и выплыла на берег, где её ждал Злючка-Колючка Ёж.

— Мы чуть не погибли! — сказал Ёж. — Не нравится мне этот Расписной Ягуар. Что ты сказала ему о себе?

— Я сказала ему правду. Я честно сказала ему, что я Черепаха, но он не поверил, заставил меня прыгнуть в воду и очень удивился, увидев, что я и в самом деле Черепаха. Теперь он пошёл жаловаться маме. Ты слышишь?

Было слышно, как среди кустов и деревьев, над мутной рекой Амазонкой, ревёт Ягуар и зовёт к себе мать Ягуариху. И она пришла.

— Ах, сыночек, сыночек! — заговорила она, изящно помахивая грациозным хвостом. — Ты, кажется, делал такое, чего тебе не следовало делать.

— Я встретил над рекою одну зверюшку и хотел выцарапать её из-под панциря; она сама сказала, что ей хочется этого, и вот теперь у меня вся лапа в занозах!

— Ах, сыночек, сыночек! — сказала мать, изящно помахивая грациозным хвостом. — По этим занозам, которые впились в твою лапу, я вижу, что то был Ёж. Тебе следовало кинуть его в воду.

— В воду я кинул другого зверька. Он сказал, что его зовут Черепаха, но я не поверил ему. Оказывается, то и вправду была Черепаха. Она нырнула в воду, в мутную реку Амазонку, и больше я не видел её. И вот я остался голодный и думаю, что нам нужно переселиться отсюда в другие места. Здесь, на мутной реке Амазонке, все звери такие умные. Мне, бедному, не справиться с ними.

— Ах, сыночек, сыночек! — сказала его мать, изящно помахивая грациозным хвостом. — Слушай внимательно и запомни, что я скажу. Ёж свёртывается в клубок, и его колючки торчат во все стороны. По этой примете ты всегда узнаешь Ёжа.

— Не нравится мне эта старуха, ох как не нравится! — сказал Злючка-Колючка Ёж. — Что ещё она скажет ему?

— А Черепаха не может сворачиваться, — продолжала Ягуариха, изящно помахивая грациозным хвостом. — Черепаха втягивает голову и ноги под панцирь. По этой примете ты всегда узнаешь Черепаху.

— Не нравится мне эта старуха, ох как не нравится! — сказала Черепаха Неспешная. — Даже Расписной Ягуар и тот не за-

будет такого простого урока. Ах, Злючка-Колючка, как жаль, что ты не умеешь плавать!

— Полно тужить обо мне, — отозвался Злючка-Колючка. — Тебе тоже кое-чего не хватает. Подумай: как было бы чудесно, если бы ты умела сворачиваться в клубок! Ах, в какую беду мы попали! Прислушайся, что говорит Ягуар!

Расписной Ягуар сидел над мутной рекой Амазонкой, высасывал из лапы колючки и бормотал про себя:

Кто свернётся клубком,
Тот зовётся Ежом.
Кто в воде поплывёт,
Черепашкой слывет.

— Этого он никогда не забудет, даже после дождика в четверг, — сказал Ёж. — Поддержи меня за подбородок, Неспешная, — я хочу научиться плавать. Это может пригодиться потом.

— С удовольствием! — сказала Черепаша.

И она поддержала Колючку за подбородок, покуда Колючка барахтался в мутной реке Амазонке.

— Из тебя выйдет отличный пловец! — сказала она Ежу. — А теперь, будь так добр, распусти у меня на спине те шнурки, которыми стянут мой панцирь, — я попробую свернуться в клубок.

Злючка-Колючка Ёж распустил на спине у Черепашки шнурки, и Черепашка стала так ёжиться и корчиться, что ей наконец удалось чуть-чуть согнуться, — не совсем, а чуть-чуть.

— Очень хорошо! — сказал Ёж. — Но довольно, больше не надо. У тебя даже лицо посинело. А теперь, пожалуйста, поддержи меня в воде ещё разок! Я попробую плавать боком. Ты говорила, что это очень легко.

И Ёж опять пустился вплавь. Это был его второй урок. Черепашка плыла рядом с ним.

— Очень хорошо! — сказала она. — Ещё немного, и ты будешь плавать не хуже Кита. А теперь, будь так добр, распусти-ка шнурки на моём панцире ещё на две дырочки, я попробую наклониться вперёд. Ты говоришь, это очень легко. То-то будет удивлён Расписной Ягуар!

— Очень хорошо! — воскликнул Ёж, весь мокрый после купанья в мутной реке Амазонке. — Ты сворачиваешься так хорошо — ну совсем как мои братья и сёстры. Две дырочки, ты говоришь? Ладно, только не нужно так громко пыхтеть, а то услышит Расписной Ягуар. Смелее! Когда ты кончишь, я попробую нырнуть и подольше продержаться под водою. Ты говоришь, это очень легко. То-то будет удивлён Расписной Ягуар! Но как сдви-

нулись щитки у тебя на панцире! Прежде они были рядом, а теперь один на другом.

— Это оттого, что я сворачиваюсь,— сказала Черепаха.— Да и с тобою произошла перемена. Прежде ты был похож на каштановый орех, а теперь сделался как еловая шишка. Все колючки склеились и стали чешуйками.

— Неужели? — воскликнул Ёж.— Это оттого, что я вымок в воде. То-то будет удивлён Расписной Ягуар!

Так до самого утра они помогали друг другу, а когда солнце поднялось высоко над землёй, они сели отдохнуть и обсушиться. И, глядя друг на друга, заметили, что стали совсем на себя не похожи.

Потом они позавтракали, и Черепаха сказала:

— Милый Ёж, я уже не такая, какая была вчера. Но я думаю, что теперь мне удастся позабавить Ягуара как следует.

— Я как раз хотел сказать то же самое, слово в слово! — воскликнул Ёж.— По-моему, чешуя лучше всяких колючек, к тому же я теперь умею плавать. То-то будет удивлён Расписной Ягуар! Пойдём и найдём его.

Вскоре они нашли Ягуара. Он всё ещё возился со своей раненой лапой. Когда они предстали пред ним, он так удивился, что стал пятиться назад и три раза перекувырнулся через свой собственный хвост.

— Доброе утро! — сказал Злючка-Колючка Ёж.— Как бесценное здоровье вашей маменьки?

— Благодарю вас, она в добром здоровье,— ответил Ягуар.— Но не взыщите, пожалуйста, я плохо помню ваши имена.

— Ах, какой вы нелюбезный! — сказал Ёж.— Ведь только вчера вы пытались выцарапать меня из панциря...

— Но вчера у тебя не было панциря — вчера ты был весь в иголках. Кому же это и знать, как не мне? Посмотри-ка на мою лапу!

— Только вчера,— сказала Черепаха,— вы велели мне броситься в воду, чтобы я утонула в мутной реке Амазонке, а сегодня и знать меня не хотите. Вот какой вы грубый и забывчивый!

— Неужели вы забыли, что сказала вам ваша мамаша? — спросил Злючка-Колючка Ёж.— Ведь она ясно сказала вам:

Кто свернётся клубком,
Черепахой слывет.
Кто в воде поплывёт,
Тот зовётся Ежом.

Тут они оба свернулись клубками и как пошли кататься вокруг Ягуара — катались, катались, катались... У того даже глаза закружились, словно колёса в повозке.

Он убежал и позвал свою мать.

— Мама,— сказал он,— там в лесу какие-то невиданные новые звери! Про одного ты сказала, что он не умеет плавать, а он плавает. Про другого ты сказала, что он не умеет сворачиваться, а он сворачивается. И, кажется, они поделились одеждой. Прежде один был гладенький, а другой колючий, а теперь оба они в чешуе. Кроме того, они так кружатся, кружатся, кружатся, что у меня голова закружилась.

— Ах, сыночек, сыночек! — сказала мать Ягуариха, изящно помахивая грациозным хвостом.— Ёж — это Ёж, и чем же ему быть, как не Ёжом? Черепаха — это Черепаха, и останется всегда Черепахой!

— Но это совсем не Ёж! И совсем не Черепаха! Это немножко Ёж и немножко Черепаха, а как оно зовётся — я не знаю.

— Пустяки! — сказала мать Ягуариха.— У всякого должно быть своё имя. Я буду звать этого зверя Броненосец, покуда для него не найдётся настоящего имени. И на твоём месте я оставила бы его в покое.

Ягуар поступил, как ему было сказано; особенно свято выполнил он наставление маменьки — оставить этого зверя в покое. Но удивительнее всего то, милый мальчик, что на мутной реке Амазонке с того самого дня до сих пор Злючку-Колючку Ежа и Черепаху Неспешную все так и называют Броненосцем. Конечно, в других местах есть по-прежнему и Ежи и Черепахи (есть они и у меня в саду), но лучшие, умнейшие из них — старинные Ежи и Черепахи, покрытые щитками, как словесные шишки, те самые, что в Далёкие Дни жили на мутных берегах Амазонки,— те всегда зовутся Броненосцами, потому что они такие разумные.

Чего же тебе ещё, милый мальчик? В сё устроилось отлично, не правда ли?

На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только «Дон» и «Магдалина» —
Быстроходные суда,—
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда.
Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далёким берегам.
Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию.
И я хочу в Бразилию,
К далёким берегам!

Никогда вы не найдёте
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.
Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!
Увижу ли Бразилию,
Бразилию,
Бразилию?
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

КАК БЫЛО НАПИСАНО ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Давным-давно, ещё в каменном веке, жил да был один человек. Был он человек первобытный, жил в пещере и носил очень мало одежд. Ни читать, ни писать он не умел — да и не хотелось ему ни читать, ни писать, — и, покуда он был сыт, он был счастлив. Звали его Тегумай Бопсулай, а это значит: Человек-ноги-которого-никогда-не-спешат, но мы, милый мальчик, будем называть его просто Тегумай, чтобы было короче. У него была жена, и звали её Тешумай Тевиндро, а это значит: Женщина-которая-задаёт-слишком-много-вопросов, но мы, милый мальчик, будем звать её просто Тешумай, чтобы было короче. И была

у него маленькая дочка, которую звали Таффамай Металлумай, а это значит: Девочка-которую-нужно-хорошенько-отшлёпать-за-то-что-она-такая-шалунья, но я буду называть её просто Таффи. Тегумай Бопсулай очень любил её, и мама очень любила её, и они шлёпали её гораздо реже, чем нужно, и все трое были довольны и счастливы.

Как только Таффи научилась ходить, она стала бегать повсюду за своим отцом Тегумаем, и, бывало, они оба до той поры не вернутся в пещеру, пока им не захочется есть. И тогда Тешумай Тевиндро говорила:

— Где это вы пропадали и так ужасно испачкались? Право же, мой Тегумай, ты ничуть не лучше моей Таффи!

А теперь, милый мальчик, слушай меня, и слушай внимательно!

Как-то раз Тегумай пошёл по болоту, в котором водились бобры, и вышел к реке Вагай, чтобы своим острым копьём набить к обеду карпов, Таффи пошла вместе с ним. Копьё у него было деревянное, с наконечником из акульих зубов. И только что он принялся за охоту, копьё сломалось пополам: слишком уж сильно он ткнул его в дно реки. Что было делать? Идти домой — далеко (завтрак они, конечно, захватили с собой в мешочке), а запасного копья у Тегумая не было. Запасное копьё он забыл захватить.

— Рыба так и кишит, — сказал он, — а на починку копья у меня уйдёт целый день.

— У тебя же есть другое копьё! — сказала Таффи. — Такое большое и чёрное. Хочешь, я сбегая в пещеру и попрошу его у мамы?

— Куда тебе бежать такую даль! — сказал Тегумай. — Это не под силу твоим пухленьким ножкам. Да и дорога опасна: ещё утонешь в Бобровом болоте. Попробуем как-нибудь справиться с нашей бедой на месте.

Он сел на землю, взял кожаный ремонтный мешочек, где у него были сложены оленьи жилы, длинные полоски кожи, кусочек смолы, кусочек мягкого пчелиного воску, и принялся чинить своё копьё. Таффи тоже уселась невдалеке от него, спустила ноги в воду, подпёрла ручкой подбородок и думала-думала изо всех сил. Потом она сказала отцу:

— По-моему, это зверски досадно, что мы с тобой не умеем писать. Написали бы записку домой, чтобы нам прислали другое копьё!

— Таффи, — сказал Тегумай, — сколько раз напоминал я тебе, чтобы ты не говорила грубых слов! «Зверски» — это нехорошее слово. Но было бы и вправду недурно, раз уж ты заговорила об этом, если бы мы могли написать твоей маме записку.

А в это время по берегу реки шёл незнакомый человек. Он не

понял ни слова из того, что сказал Тегумай, потому что был из дальнего племени Тевара. Он стоял на берегу и улыбался, глядя на Таффи, потому что у него у самого была дома маленькая дочь. Тегумай вытащил из мешочка моток оленьих жил и принялся чинить своё копьё.

— Поди сюда,— сказала Таффи, обращаясь к Незнакомцу.— Знаешь ли ты, где живёт моя мама?

Незнакомец ответил: «Гм», потому что он был, как ты знаешь, теварец.

— Глупый! — сказала Таффи и топнула ножкой, потому что увидела, что по реке плывёт целая стая больших карпов, как раз тогда, когда отец не может запустить в них копьём.

— Не приставай к старшим,— сказал Тегумай не оглядываясь; он был так занят починкой копья, что даже не взглянул на Незнакомца.

— Я не пристаю,— ответила Таффи.— Я только хочу, чтобы он сделал то, что мне хочется. А он не понимает.

— Тогда не надоедай мне,— сказал Тегумай и, забрав в рот концы оленьих жил, принялся вытягивать их что было силы.

А Незнакомец (он был самый настоящий теварец) уселся на траву, и Таффи стала показывать ему, что делает отец.

Незнакомец подумал: «Это очень удивительный ребёнок. Она топает на меня ногой и строит мне рожи. Она, должно быть, дочь этого знаменитого вождя, который так важен, что даже не обращает на меня никакого внимания».

Поэтому он улыбнулся ещё любезнее.

— Так вот,— сказала Таффи.— Я хочу, чтобы ты пошёл к моей маме (потому, что у тебя ноги длиннее моих и ты не свалишься в Бобровое болото) и попросил бы, чтобы тебе дали другое копьё. Чёрное. Оно висит у нас над очагом.

Незнакомец (а он был теварец) подумал: «Это очень, очень удивительная девочка. Она машет руками и кричит на меня, но я не понимаю ни слова. И я очень боюсь, что, если я не выполню её приказаний, этот величавый вождь, Человек-который-поворачивается-спиной-к-своим-гостям, разозлится». Он встал, содрал с берёзы большой плоский кусок коры и подал его Таффи. Этим он хотел показать, что душа у него белая, как берёста, и что он никому не желает зла. Но Таффи поняла его по-своему.

— О,— сказала она,— понимаю! Ты хочешь узнать, где живёт моя мама. Конечно, я не умею писать, но я могу нарисовать картинку всегда, когда под рукой есть что-нибудь острое, чтобы можно было нацарапать её. Дай-ка мне на минутку акулий зуб из твоего ожерелья.

Незнакомец (а он был те в а р е ц) ничего не ответил. Поэтому Таффи протянула руку и дёрнула к себе ожерелье, висевшее у Незнакомца на шее. Ожерелье было из бусин, зёрен и акулий зубов.

Незнакомец (а он был те в а р е ц) подумал: «Это очень, очень, очень удивительный ребёнок. У меня на ожерелье заколдованные акули зубы, и мне всегда говорили, что тот, кто дотронется до них без моего разрешения, немедленно распухнет или лопнет. Но этот ребёнок не распух и не лопнул. А тот величавый вождь, который не обратил на меня никакого внимания, видно, не боится, что девочке угрожает беда. Лучше я буду вести себя с ними ещё любезнее».

Поэтому он дал Таффи свой акулий зуб, и она тотчас же легла на живот и стала болтать ногами в воздухе, совсем как иные дети в настоящее время, когда они ложатся в комнате на пол, чтобы нарисовать ту или другую картину. Она сказала:

— Сейчас я нарисую тебе несколько красивых картинок! Можешь глядеть у меня из-за плеча. Только не толкай меня под руку. Сначала я нарисую, как папа ловит рыбу. Он вышел у меня не очень похож, но мама узнает, потому что я нарисовала, что копьё у него сломалось.

А теперь я нарисую другое копье, то, которое ему нужно, чёрное. У меня вышло, будто оно ударило папу в спину, но это потому, что твой акулий зуб соскользнул, да и кусок берёсты маловат.

Вот копье, которое ты должен принести. А вот это я. Я стою и посылаю тебя за копьем. Волосы у меня не торчат во все стороны, как я нарисовала, но так рисовать легче.

Теперь я нарисую тебя. Я думаю, что на самом деле ты очень красивый, но не могу же я сделать тебя на картинке красивцем, поэтому, пожалуйста, не сердись на меня. Ты не сердись?

Незнакомец (а он был те в а р е ц) улыбнулся. Он подумал: «Должно быть, где-то сейчас происходит большое сражение, и этот необыкновенный ребёнок, который взял у меня заколдованный акулий зуб и не распух и не лопнул, велит мне позвать всё племя великого вождя к нему на помощь. Он великий вождь, иначе он не сидел бы ко мне спиной».

— Гляди,— сказала Таффи, очень старательно чертя на коре свой рисунок.— Теперь я нарисовала тебя. Я помещу то копье, которое нужно папе, у тебя в руке, чтобы ты не забыл принести его. Теперь я покажу тебе, где живет моя мама. Иди, пока не дойдёшь до двух деревьев (вот эти деревья), потом поднимись на гору (вот эта гора), и тогда ты выйдешь на Бобровое болото, оно полным-полно бобрами. Я не умею рисовать бобров целиком, но я нарисовала их головки. Ведь только их головки ты и

увидишь, когда пойдёшь по болоту. Но смотри не оступись. Как кончится болото, тут сразу и будет наша пещера. На самом деле она не такая большая, как горка, но я не умею рисовать очень маленькие вещи. Вот моя мама. Она вышла из пещеры. Она красивая. Она красивее всех мам, какие только есть на земле, но она не обидится, что я нарисовала её такой некрасивой. Теперь, на случай, если ты забудешь, я нарисовала с н а р у ж и то копьё, которое нужно папе. На самом деле оно в н у т р и, но ты покажи картинку маме, и мама даст тебе это копьё. Я нарисовала, как она подняла руки, потому что я знаю, что она будет рада видеть тебя... Красивая картинка, не правда ли? Ты хорошо понял или мне объяснить ещё раз?

Незнакомец (а он был т е в а р е ц) поглядел на картинку и очень часто закивал головой. Он сказал себе: «Если я не приведу племя этого великого вождя ему на помощь, его убьют враги, которые подкрадываются с копьями со всех сторон. Теперь я понимаю, почему великий вождь притворился, что не обращает на меня внимания. Он боится, что враги притаились в кустах и что они увидят, как он даёт мне поручения. Поэтому он отвернулся и предоставил мудрому и удивительному ребёнку нарисовать эту страшную картинку, чтоб я понял, в какую беду он попал. Я пойду и приведу ему на выручку всё его племя».

Он даже не спросил у Таффи дорогу, но кинулся, как ветер, в кусты, держа в руке берёсту, а Таффи уселась на берегу, очень довольная.

— Что это ты делала, Таффи? — спросил Тегумай.

Он починил копьё и теперь осторожно помахивал им вправо и влево.

— Это мой секрет, милый папочка, — ответила Таффи. — Если ты не станешь расспрашивать меня, ты скоро узнаешь, в чём дело, и это тебя очень удивит. Ты не можешь себе представить, какой это будет сюрприз для тебя! Обещай мне, что ты будешь рад.

— Ладно, — сказал Тегумай и принялся ловить рыбу.

Незнакомец (знаешь ли ты, что он был т е в а р е ц?) всё бежал и бежал с картинкой в руках и пробежал несколько миль и вдруг совершенно случайно наткнулся на Тешумай Тевиндро. Она стояла у входа в пещеру и судачила с доисторическими дамами, которые пришли к ней в гости на доисторический завтрак.

Таффи была очень похожа на Тешумай, особенно глазами и верхней частью лица, поэтому Незнакомец — самый настоящий т е в а р е ц — вежливо улыбнулся и вручил Тешумай берёсту. Он так быстро бежал по болоту, что запыхался, а ноги у него были исцарапаны колючим терновником, но он всё ещё хотел быть любезным.

Как только Тешумай взглянула на картинку, она завизжала и кинулась на Незнакомца. Другие доисторические дамы разом повалили его наземь, и все шестеро уселись на него рядком, а Тешумай принялась вырывать у него из головы целые пучки волос.

— Всё очень понятно и просто, — сказала она. — Этот незнакомый мужчина проткнул моего Тегумая копьями и так напугал Таффи, что волосы у неё встали дыбом. Но этого ему было мало, и он принёс мне страшную картинку, чтобы похвастать своими злодеяниями. Глядите, — и она показала картинку всем доисторическим дамам, терпеливо сидевшим на Незнакомце, — вот мой Тегумай, у него сломана рука. Вот копьё, которое воткнуто ему в спину, а вот человек, который собирается бросить в Тегумая копьё, а вот другой человек, бросающий в него копьё из пещеры. А вот здесь целая шайка злодеев (Таффи нарисовала бобров, но они были больше похожи на людей) подкрадывается сзади к Тегумаю... Всё это ужасно, ужасно!

— Ужасно! — согласились доисторические дамы и вымазали Незнакомцу всю голову грязью (что очень удивило его) и забили в боевой барабан.

И на стук барабана пришли все вожди тегумайского племени, со всеми своими гетманами, доломанами, негусами. За ними шагали пророки, ведуны, жрецы, шаманы, бонзы — и все они в один голос решили: отрубить Незнакомцу голову, но пусть он раньше поведёт их к реке и покажет, куда он спрятал несчастную Таффи.

Между тем Незнакомец (хоть он и был теварец) очень сильно рассердился на дам. Они набили ему волосы комьями грязи, они проволокли его по острым камням, шестеро из них долго сидели на нём; они колотили его и молотили его так, что он еле дышал, и хотя их язык был неизвестен ему, нетрудно было догадаться, что они ругают его самыми злыми ругательствами. И всё же он не сказал ни единого слова, а когда собралось тегумайское племя, он повёл этих людей к реке Вагай, и там они увидели Таффи. Она сидела и плела из маргариток венки, а её отец Тегумай целился копьём, которое ему уже удалось починить, в проплывавшего мелкого карпа.

— Быстро же ты воротился! — воскликнула Таффи. — Но почему ты привёл с собой столько народу? Папочка, вот мой сюрприз. Не правда ли, ты удивлён?

— Очень, — сказал Тегумай. — Но вся моя сегодняшняя охота пропала. Почему, почему, объясни мне, пожалуйста, сбежалось сюда всё наше славное племя?

И действительно, всё племя было здесь. Впереди выступала Тешумай Тевиндро со всеми своими соседками. Они крепко сцепились в Незнакомца, волосы которого были густо измазаны

грязью (хотя он и был те в а р е ц). За ними шёл главный вождь со своим заместителем, потом министры и помощники вождя (вооружённые до верхних зубов), гетманы, сотники, негусы, воеводы со своими тыловыми отрядами (тоже вооружённые до зубов). А за ними бежало всё племя, испуская такие ужасные вопли, которые разогнали всю рыбу в реке на двадцать километров — не меньше.

Это очень рассердило Тегумая, и он покрыл прибежавших людей самой отборной доисторической бранью.

Тут Тешумай Тевиндро подбежала к Таффи и давай целовать её, обнимать и ласкать. Но главный вождь тегумайского племени схватил Тегумая за перья, торчавшие у него в волосах, и стал трести его с бешеной яростью.

— Говори! Говори! Говори! — закричало всё тегумайское племя.

— Что за чепуха! — сказал Тегумай. — Оставьте мои перья в покое. Почему это так: стоит только человеку сломать на охоте копье, как вот уж на него набрасывается всё его племя и начинает дубасить его! И кто дал вам право соваться в чужие дела?

— А ты так-таки и не принёс папиного чёрного копья! — сказала Таффи. — И что это вы делаете с милым моим Незнакомцем?

То два человека, то три, а то и целый десяток подбегали к Незнакомцу и били его, так что у того в конце концов глаза вылезли на лоб. Он не мог выговорить ни слова и молча указал на Таффи.

— Дорогой мой, а где же злодеи, что проткнули тебя острыми копьями? — спросила Тешумай.

— Никаких тут не было злодеев! — отвечал Тегумай. — Единственный, кого я видел сегодня, вон тот несчастный, которого вы бьёте сейчас. Не сошло ли ты с ума, о тегумайское племя?

— Он принёс нам страшную картинку, — ответил главный вождь. — На картинке ты весь с головы до пят утыкан стрелами.

Тут заговорила Таффи:

— М... м... м... Сказать по правде... это я дала ему картинку...

Ей было очень неловко.

— Ты?! — закричало всё тегумайское племя. — Девочка-которую-нужно-хорошенько-отшлёпать-за-то-что-она-такая-шалунья?! Ты?!

— Таффи, милая! Боюсь, нам с тобой сейчас придётся довольно круто... — проговорил Тегумай и обнял её, отчего она сразу перестала бояться врагов.

— Говори! Говори! Говори! — сказал главный вождь тегумайского племени и запрыгал на одной ноге.

— Я хотела, чтобы Незнакомец принёс сюда папино копьё, вот я и нарисовала копьё,— пояснила Таффи.— Оно одно, но я нарисовала его три раза, чтобы Незнакомец не позабыл о нём. А если вышло так, будто оно протыкает папину спину, это всё оттого, что кора очень маленькая и на ней не хватает места. А те фигурки, которые мама называет злодеями, это просто мои бобры. Я нарисовала их потому, что нужно же было показать Незнакомцу, что он должен пойти по болоту! И я нарисовала маму у входа в пещеру. Она стоит и улыбается Незнакомцу, потому что он такой милый и добрый. А вы... глупее вас нет на всём свете! Ведь он милый и добрый, зачем же вы измазали ему голову грязью? Вымойте его сию минуту!

После этого все очень долго молчали. Никто не произнёс ни слова. Наконец главный вождь засмеялся. Потом засмеялся Незнакомец (а он был, как ты знаешь, т е в а р е ц); потом засмеялся Тегумай, и так сильно смеялся, что не мог устоять на ногах; потом засмеялось всё тегумайское племя, оно смеялось долго и громко.

Потом главный вождь тегумайского племени прокричал, проговорил и пропел:

— О Девочка-которую-нужно-хорошенько-отшлёпать-за-то-что-ты-такая-шалунья, ты сделала великое открытие!

— Никакого открытия не хотела я сделать,— ответила Таффи.— Я просто хотела, чтобы сюда принесли папино чёрное копьё.

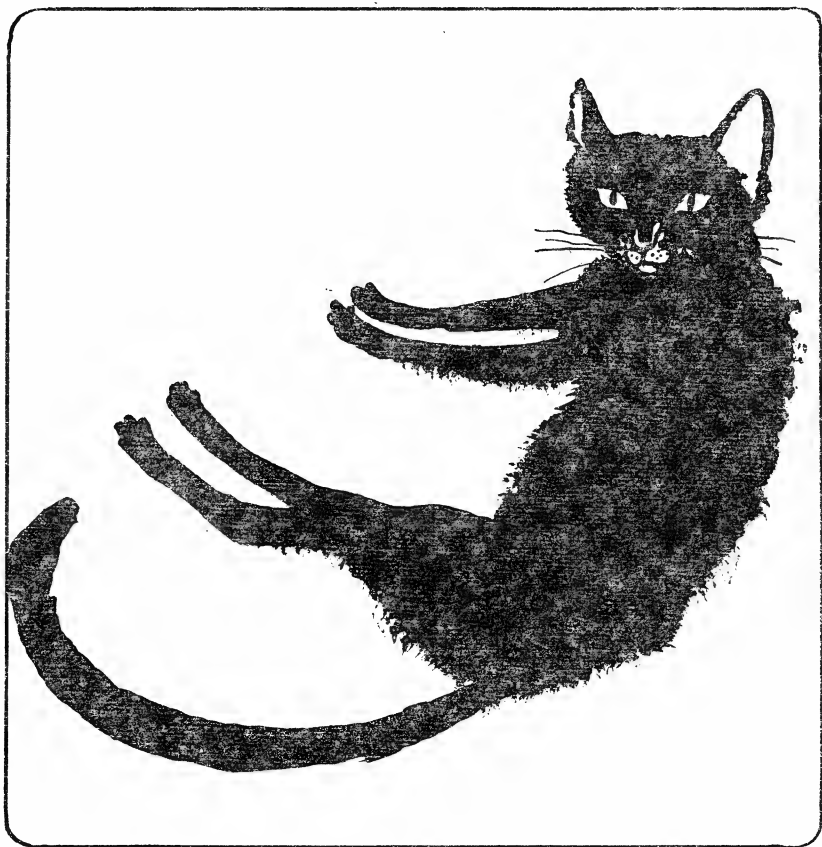
— Все равно! Это — великое открытие, и придёт день, когда люди назовут его у м е н и е м п и с а т ь. Покуда вместо писем мы будем посылать друг другу картинки, а в картинках — вы сами видели — не всегда можно разобратся как следует. Иногда выходит самая дикая путаница. Но придёт время, о дитя тегумайского племени, когда мы придумаем буквы и научимся при помощи букв читать и писать — и тогда у нас уже не будет ошибок. И пускай доисторические дамы смоят грязь с головы Незнакомца.

— Вот будет хорошо! — сказала Таффи.— Потому что теперь вы принесли сюда на берег все копья, какие только есть у тегумайского племени, но позабыли принести одно-единственное — чёрное копьё моего папы!

Тогда главный вождь тегумайского племени прокричал, проговорил и пропел:

— В следующий раз, когда придёт тебе в голову написать письмо в виде картинки, пошли с этим письмом человека, который умеет говорить по-нашему, и тот человек разъяснит всё, что ты хочешь сказать в письме. А не то ты видишь сама, какие могут выйти неприятности для всего тегумайского племени, да и Незнакомцу придётся иногда нелегко.

После этого тегумайское племя приняло в свою среду Незнакомца (хотя он был настоящий т е в а р е ц). Племя усыновило его, потому что он оказался большим джентльменом и не скандалил, когда доисторические дамы облепляли всю его голову грязью. Но с того дня и до нынешнего (и, по-моему, это всё из-за Таффи) не много на свете найдётся таких маленьких девочек, которые любят учиться читать и писать. Больше нравится им рисовать картинки и тихонько играть где-нибудь неподалёку от папы — совсем как Таффи.

КОШКА, ГУЛЯВШАЯ САМА ПО СЕБЕ

Слушай, мой милый мальчик, слушай, внимай, разумеи, потому что это случилось, потому что это произошло, потому что это было ещё в ту далёкую пору, когда Ручные Животные были Животными Дикими.

Собака была дикая, и Лошадь была дикая, и Корова была дикая, и Овца была дикая, и Свинья была дикая — и все они были дикие-предикие и дико блуждали по Мокрым и Диким Лесам.

Но самая дикая была Дикая Кошка — она бродила где вздумается и гуляла сама по себе.

Человек, конечно, был тоже дикий, страшно дикий, ужасно дикий. И никогда бы ему не сделаться ручным, если бы не Жен-

щина. Это она объявила ему — при первой же встрече, — что ей не нравится его дикая жизнь. Она живо сыскала ему для жилья уютную, сухую Пещеру, потому что спать в Пещере было куда лучше, чем валяться под открытым небом на куче сырой листвы. Она посыпала пол чистым песочком и развела в глубине Пещеры отличный костёр.

Потом она повесила у входа в Пещеру шкуру Дикой Лошади хвостом вниз и сказала Мужчине:

— Вытирай, милый, ноги, перед тем как войти: ведь теперь у нас хозяйство.

В этот вечер, мой милый мальчик, они ужинали дикой овцой, зажаренной на раскалённых камнях, приправленной диким чесноком и диким перцем. Потом они съели дикую утку, начинённую диким рисом, дикими яблоками и дикой гвоздикой; потом хрящики диких быков; потом дикие вишни и дикие гранаты. Потом Мужчина, очень счастливый, пошёл и заснул у огня, а Женщина села колдовать: она распустила волосы, взяла плечевую баранью кость, очень плоскую и очень гладкую, и стала пристально всматриваться в проходящие по кости разводы. Потом она подбросила поленьев в огонь и затянула песню. Это было Первое в мире Колдовство, Первая Волшебная Песня.

И собрались в Мокром и Диком Лесу все Дикие Звери; сбились в одно стадо и, глядя на свет огня, не знали, что это такое.

Но вот топнул дикой ногой Дикий Конь и дико сказал:

— О Друзья мои! О мои Недруги! Чует сердце моё: не к добру засветили Мужчина и Женщина в большой Пещере большой огонь. Нет, это не к добру!

Дикий Пёс задрал дикий нос, понюхал, как пахнет баранье жаркое, и дико сказал:

— Пойду погляжу, а потом расскажу. Мне кажется, что там не так уж плохо. Кошка, пойдём со мною!

— Ну нет, — отвечала Кошка. — Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

— Ну, тогда я тебе не товарищ, — сказал Дикий Пёс и побежал к Пещере во весь дух.

Но не пробежал он и десяти шагов, а Кошка уже подумала: «Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе. Почему бы мне не пойти туда и не посмотреть, как и что? Ведь я пойду по своей собственной воле». И она тихохонько побежала за Псом, ступая мягко-премягко, и забралась в такое местечко, откуда ей было слышно решительно всё.

Когда Дикий Пёс подошёл к Пещере, он диким носом приподнял лошадиную шкуру и стал упиваться прекрасным запахом бараньего жаркого, а Женщина, колдовавшая костью, услышала шорох и сказала, смеясь:

— Вот, уже пришёл первый. Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, чего тебе надобно здесь?

И отвечал Дикий Пёс:

— Скажи мне, о Враг мой, Жена Врага моего, что это пахнет так нежно среди этих Диких Лесов?

И нагнулась Женщина, и подняла с полу кость, и бросила Дикому Псу, и сказала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, отведай, погрызи эту кость.

Взял Дикий Пёс эту кость в свои дикие зубы, и она оказалась вкуснее всего, что он грыз до той поры, и он обратился к Женщине с такими словами:

— Послушай, о Враг мой, Жена моего Врага, брось мне скорее другую такую же кость.

И отвечала ему Женщина:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, поди помоги моему Мужчине ходить за добычей, стеречь эту Пещеру по ночам, и я дам тебе столько костей, сколько тебе будет нужно.

— Ах,— сказала Кошка, слушая их разговор,— это очень умная Женщина, хотя, конечно, не умнее меня.

Дикий Пёс забрался в Пещеру, положил голову Женщине на колени и сказал:

— О мой Друг, Жена моего Друга, хорошо. Я готов помогать твоему Мужчине охотиться, я буду стеречь по ночам вашу Пещеру.

— Ах,— сказала Кошка, слушая их разговор,— что за глупец этот Пёс!

И она пошла прочь, пробираясь по Дикому Лесу и дико помахивая своим диким хвостом. Но обо всём, что видела, никому не сказала ни слова.

Проснувшись, Мужчина спросил:

— Что здесь делает Дикий Пёс?

И ответила Женщина:

— Его имя уже не Дикий Пёс, а Первый Друг, и он будет нам другом на веки веков. Как пойдёшь на охоту, возьми и его с собой.

На следующий вечер Женщина нарезала на заливных лугах большую охапку травы и разложила её сушиться у огня, и, когда пошёл от травы такой запах, как от свежескошенного сена, она села у входа в Пещеру, сделала из лошадиной кожи уздечку и, уставившись на плечевую баранью кость — на широкую, большую лопатку,— снова принялась колдовать и запела волшебную песню.

То было Второе Колдовство и Вторая Волшебная Песня.

И снова в Диком Лесу собрались все Дикие Звери и, глядя

издали на огонь, толковали, что такое могло приключиться с Диким Псом. И вот Дикий Конь дико топнул дикой ногой и сказал:

— Пойду погляжу, а потом расскажу, почему Дикий Пёс не вернулся. Кошка, хочешь, отправимся вместе?

— Нет,— отвечала Кошка,— я, Кошка, брожу где вздумается и гуляю сама по себе. Иди один.

Но на самом деле она тихонько прокралась за Диким Конём, ступая мягко-премягко, и забралась в такое местечко, откуда было слышно решительно всё.

Услыхала Женщина конский топ, услышала, как пробирается к ней Дикий Конь, наступая на свою длинную гриву, засмеялась и сказала:

— А вот и второй идёт! Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, чего тебе надобно здесь?

Дикий Конь отвечал:

— Ты, мой Враг, Жена моего Врага, отвечай мне скорее, где Дикий Пёс?

Женщина засмеялась, подняла с полу баранью лопатку, поглядела на неё и сказала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, не за Псом ты пришёл сюда, а за сеном, за этой вкусной травой.

Дикий Конь, перебирая ногами и наступая на свою длинную гриву, сказал:

— Это правда. Дай-ка мне сена!

Женщина отвечала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, склони свою дикую голову и носи, что я надену на тебя,— носи, не снимая во веки веков, и трижды в день ты будешь есть эту дивную траву.

— Ах,— сказала Кошка, слушая их разговор,— эта Женщина очень умна, но, конечно, не умнее меня.

И нагнул Дикий Конь свою дикую голову, и Женщина накинула на неё только что сплетённую уздечку, идохнул он своим диким дыханием прямо на ноги Женщине и сказал:

— О моя Госпожа, о Жена моего Господина, за чудесную эту траву я буду тебе вечным рабом!

— Ах,— сказала Кошка, слушая их разговор,— какой он глупец, этот Конь!

И снова она бросилась в чащу Дикого Леса, дико помахивая своим диким хвостом. Но обо всём, что слышала, никому не сказала ни слова.

Когда Пёс и Мужчина вернулись с охоты, Мужчина сказал:

— А что здесь делает Дикий Конь?

И Женщина отвечала:

— Не Дикий Конь уже имя его, но Первый Слуга, так как

с места на место он будет возить нас во веки веков. Когда ты соберешься на охоту, садись на него верхом.

На следующий день подошла к Пещере Корова. Она тоже была дикая и должна была высоко задираť свою дикую голову, чтобы не зацепиться дикими рогами за дикие деревья. Кошка прокралась вслед за ней и спряталась точно так же, как и раньше; и всё случилось точно так же, как раньше; и Кошка сказала то же, что раньше; и когда Дикая Корова в обмен на прекрасную траву обещала Женщине своё молоко, Кошка бросилась в Дикий Лес и дико замахала своим диким хвостом, опять-таки точно так же, как раньше.

И обо всём, что слыхала, никому не сказала ни слова.

А когда Пёс, Человек и Конь вернулись с охоты и Человек спросил точно так же, как раньше, что делает здесь Дикая Корова, Женщина отвечала точно так же, как раньше:

— Теперь не Дикая Корова ей имя, но Подательница Хорошей Еды. Она будет давать нам белое парное молоко во веки веков, и я готова ходить за ней, пока ты, да наш Первый Друг, да наш Первый Слуга будете в лесу на охоте.

Напрасно Кошка прождала весь день, чтобы ещё кто-нибудь из Диких Зверей пришёл к Пещере: больше никто не приходил из Мокрого Дикого Леса. Так что Кошке поневоле пришлось блуждать одиноко, самой по себе. И вот увидела она Женщину, которая сидела и доила Корову. И увидела она в Пещере свет и почув- ла запах белого парного молока. И сказала она Женщине:

— Ты, мой Враг, Жена моего Врага! Скажи: не видала ли ты Коровы?

Женщина засмеялась и сказала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, ступай себе в Лес подобру-поздорову! Мне больше не надо ни слуг, ни друзей. Я уже заплела мою косу и спрятала волшебную кость.

И ответила Дикая Кошка:

— Я не друг и не слуга. Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе, и вот мне вздумалось прийти к тебе в Пещеру.

И спросила её Женщина:

— Почему в первый же вечер ты не пришла с Первым Другом?

Кошка рассердилась и сказала:

— Должно быть, Дикий Пёс уже наговорил тебе про меня небылиц!

Женщина засмеялась и сказала:

— Ты, Кошка, гуляешь сама по себе и ходишь где тебе вздумается. Ты сама говоришь, что ты не слуга и не друг. Иди же отсюда сама по себе куда вздумается!

Кошка притворилась обиженной и сказала:

— Неужели мне иной раз нельзя прийти к тебе в Пещеру и погреться у горячего огня? И неужели ты никогда не дашь мне полакомиться белым парным молоком? Ты такая умница, ты такая красавица,— нет, хоть я и Кошка, а ты не будешь жестока со мной.

Женщина сказала:

— Я знаю, что я умница, но что я красавица — не знала. Давай заключим договор. Если я хоть раз похвалю тебя, ты можешь войти в Пещеру.

— А если ты дважды похвалишь меня? — спросила Кошка.

— Ну, этому не бывать,— сказала Женщина.— Но если это случится, входи и садись у огня.

— А что, если ты трижды похвалишь меня? — спросила Кошка.

— Ну, этому не бывать,— сказала Женщина.— Но если это случится, приходи и получай молоко три раза в день до окончания века!

Кошка выгнула спину и сказала:

— Ты, Занавеска у входа в Пещеру, и ты, Огонь в глубине Пещеры, и вы, Молочные Крынки, стоящие у Огня, вас я беру в свидетели: запомните, что сказал мой Враг, Жена моего Врага!

И, повернувшись, ушла в Дикий Лес, дико помахивая диким хвостом.

Когда в тот вечер Пёс, Мужчина и Конь возвратились с охоты в Пещеру, Женщина ни слова не сказала им о своём договоре с Кошкой, так как боялась, что это им не понравится.

Кошка ушла далеко-далеко и так долго скрывалась в Диком Лесу, что Женщина забыла и думать о ней. Только Летучая Мышь, висевшая вверх ногами у входа в Пещеру, знала, где скрывается Кошка, и каждый вечер подлетала к тому месту и сообщала Кошке все новости.

Как-то вечером прилетает она к Кошке и говорит:

— А в Пещере — Младенчик! Он совсем, совсем новенький. Такой розовый, толстый и крошечный. И он очень нравится Женщине.

— Отлично,— сказала Кошка.— А что же нравится Младенчику?

— Мягкое и гладкое,— ответила Летучая Мышь.— Как идти спать, он берёт в ручонки что-нибудь тёплое и засыпает. Потом ему нравится, чтобы с ним играли. Вот и всё, что ему нравится.

— Отлично,— сказала Кошка.— Если так, то мой час настал.

На следующий вечер Кошка пробралась в Пещеру по Дикому Лесу и просидела недалеко до самого утра. Утром Пёс, Человек

и Конь ушли на охоту, а Женщина занялась стряпнёй. Ребёнок плакал и отрывал её от работы. Она вынесла его из Пещеры и дала ему камешков поиграть, но он не унимался.

Тогда Кошка протянула пухлую лапу, и погладила Ребёнка по щеке, и замурлыкала, и пошла тереться о его коленку, и хвостом защекотала ему подбородок. Ребёнок засмеялся, и Женщина, слыша его смех, улыбнулась.

Тогда воскликнула Летучая Мышь — маленькая Летучая Мышь, висевшая вверх ногами у входа в Пещеру:

— О Хозяйка моя, Жена моего Хозяина, Мать Хозяйского Сына! Из Дикого Леса пришла Дикая Тварь, и как славно она играет с твоим Ребёнком!

— Спасибо Дикой Твари, — сказала Женщина, разгибая спину. — У меня так много работы, а она оказала мне большую услугу.

И вот, милый мальчик, не успела она вымолвить это, как в ту же минуту и в ту же секунду — б у х, б у х! — падает лошадиная шкура, висевшая хвостом книзу у входа в Пещеру (это она вспомнила, что у Женщины с Кошкой был договор), и не успела Женщина поднять её, а Кошка уже сидит в Пещере, уселась поудобнее и сидит.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, — сказала Кошка, — посмотри: я здесь. Ты похвалила меня — и вот я здесь и буду сидеть в Пещере во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

Женщина очень рассердилась, но прикусила язык и села за прялку прясть.

Но Ребёнок заплакал опять, потому что Кошка ушла от него; и Женщина не могла его унять: он бился, брыкался и весь посинел от крика.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, — сказала Кошка, — послушай, что я тебе скажу: возьми оторви кусочек нитки от той, которую ты прядёшь, привяжи к ней своё веретёнце, и я так наколдую тебе, что Ребёнок сию же минуту засмеётся и будет смеяться так же громко, как плачет теперь.

— Ладно, — сказала Женщина. — Я уже совсем потеряла голову. Но помни: благодарить тебя я не стану.

Она привязала к нитке глиняное веретёнце и потянула его по полу, и Кошка побежала за ним, и хватала его, и кувыркалась, и швыряла его к себе на спину, и ловила его задними лапами, и нарочно отпускала его, а потом кидалась вдогонку, — и вот Ребёнок засмеялся ещё громче, чем плакал; он ползал за Кошкой по всей Пещере и резвился, пока не устал. Тогда он задремал вместе с Кошкой, не выпуская её из рук.

— А теперь,— сказала Кошка,— я спою ему песню, убаюкаю его на часок.

И как пошла она мурлыкать то громче, то тише, то тише, то громче,— ребёнок и заснул крепким сном.

Женщина поглядела на них и с улыбкой сказала:

— Это была неплохая работа! Что бы там ни было, всё же ты умница, Кошка.

Не успела она договорить — п ф ф ф! — дым от Огня тучами за клубился в Пещере: это он вспомнил, что у Женщины с Кошкой был договор. И когда дым рассеялся, глядь, Кошка сидит у огня, уселась поудобнее и сидит.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага,— сказала Кошка,— посмотри: я здесь. Ты снова похвалила меня, и вот я здесь, у тёплого очага, и отсюда я не уйду во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

Женщина очень рассердилась, распустила волосы, подбросила дров в огонь, достала баранью кость и пошла опять колдовать, чтобы как-нибудь ненароком в третий раз не похвалить эту Кошку.

Но, милый мальчик, она колдовала без звука, без песни,— и вот в Пещере стало так тихо, что какая-то Крошка Мышка выскочила из угла и тихонько забегала по полу.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага,— сказала Кошка,— это ты вызвала Мышку своим колдовством?

— Ай-ай-ай! Нет! — закричала Женщина, выронила кость, вскочила на скамеечку, стоявшую у огня, и поскорее подобрала свои волосы, чтобы Мышка не взбежала по ним.

— Ну, если ты не заколдовала её,— сказала Кошка,— мне будет не вредно её съесть.

— Конечно, конечно! — сказала Женщина, заплетая косу.— Съешь её поскорее, и я век буду благодарна тебе.

В один прыжок поймала Кошка Мышку, и Женщина воскликнула от души:

— Спасибо тебе тысячу раз! Сам Первый Друг ловит Мышей не так быстро, как ты. Ты, должно быть, большая умница.

Не успела она договорить, как — т р а х! — в ту же самую минуту и в ту же самую секунду треснула Крынка с молоком, стоявшая у очага,— треснула пополам, потому что вспомнила, какой договор был у Женщины с Кошкой. И не успела Женщина сойти со скамеечки, глядь, а Кошка уже лакает из одного черепка этой Крынки белое парное молоко.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага,— сказала Кошка,— посмотри: я здесь. В третий раз похва-

лила ты меня: давай же мне трижды в день побольше белого парного молока — во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

И засмеялась Женщина и, поставив миску белого парного молока, сказала:

— О Кошка! Ты разумна, как человек, но помни: договор наш был заключён, когда не было дома ни Пса, ни Мужчины; не знаю, что скажут они, как вернутся домой.

— Какое мне до этого дело! — сказала Кошка. — Мне бы только местечко в Пещере и три раза в день побольше белого парного молока, и я буду очень довольна. Никакие Псы, никакие Мужчины меня не касаются.

В тот же вечер, когда Пёс и Мужчина вернулись с охоты в Пещеру, Женщина рассказала им всё как есть о своём договоре с Кошкой, а Кошка сидела у огня и очень приятно улыбалась.

И сказал Мужчина:

— Всё это хорошо, но не худо бы ей и со мной заключить договор. Через меня она заключит его со всеми Мужчинами, которые будут после меня.

Он взял пару сапог, взял кремнёвый топор (итого три предмета), принёс со двора полено и маленькую секиру (итого пять), поставил всё это в ряд и сказал:

— Давай и мы заключим договор. Ты живёшь в Пещере во веки веков, но если ты забудешь ловить Мышей — посмотри-ка на эти предметы: их пять, и я имею право любой из них швырнуть в тебя, и так же вслед за мною будут поступать все Мужчины.

Женщина услышала это и молвила про себя:

«Да, Кошка умна, а Мужчина умнее».

Кошка сосчитала все вещи — они были довольно тяжёлые — и сказала:

— Ладно! Я буду ловить Мышей во веки веков, но всё же я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

— Гуляй, гуляй, — отозвался Мужчина, — да только не там, где я. Попадёшься мне на глаза, я сейчас же швырну в тебя либо сапогом, либо поленом, и так станут поступать все Мужчины, которые будут после меня.

Тогда выступил Пёс и сказал:

— Погоди. Теперь мой черёд заключать договор. А через меня договор будет заключён и со всеми другими Псами, которые будут жить после меня. — Он оскалил зубы и показал их Кошке. — Если, пока я в Пещере, ты будешь неласкова с Ребёнком, — продолжал он, — я буду гоняться за тобою, пока не поймаю тебя, а когда я поймаю тебя, я искусаю тебя. И так станут поступать все Собаки, которые будут жить после меня во веки веков.

Услышала это Женщина и молвила про себя:

«Да, эта Кошка умна, но не умнее Собаки».

Кошка сосчитала собачьи зубы, и они показались ей очень острыми. Она сказала:

— Хорошо, пока я в Пещере, я буду ласкова с Ребёнком, если только Ребёнок не станет слишком больно таскать меня за хвост. Но не забудьте: я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе.

— Гуляй, гуляй,— отозвался Пёс,— да только не там, где я. А не то, чуть встречу тебя, я сейчас же залаю, налечу на тебя и загоню тебя вверх на дерево. И так станут поступать все Собаки, которые будут жить после меня.

И тотчас же, не теряя ни минуты, кинул Мужчина в Кошку двумя сапогами да кремнёвым топориком, и Кошка бросилась вон из Пещеры, а Пёс погнался за ней и загнал её вверх на дерево,— и с того самого дня, мой мальчик, и поныне трое Мужчин из пяти — если они настоящие Мужчины — швыряют разными предметами в Кошку, где бы она ни попалась им на глаза, и все Псы — если они настоящие Псы,— все до одного, загоняют её вверх на дерево. Но и Кошка верна своему договору. Пока она в доме, она ловит мышей и ласкова с детьми, если только дети не слишком больно таскают её за хвост. Но чуть улучит минуту, чуть настанет ночь и взойдёт луна, сейчас же она говорит: «Я, Кошка, хожу где вздумается и гуляю сама по себе», и бежит в чащу Дикого Леса, или влезает на мокрые Дикие Деревья, или взбирается на мокрые Дикие Крыши и дико машет своим диким хвостом.

Кошка чудесно поёт у огня,
Лазит на дерево ловко,
Ловит и рвёт, догоняя меня,
Пробку с продетой верёвкой.

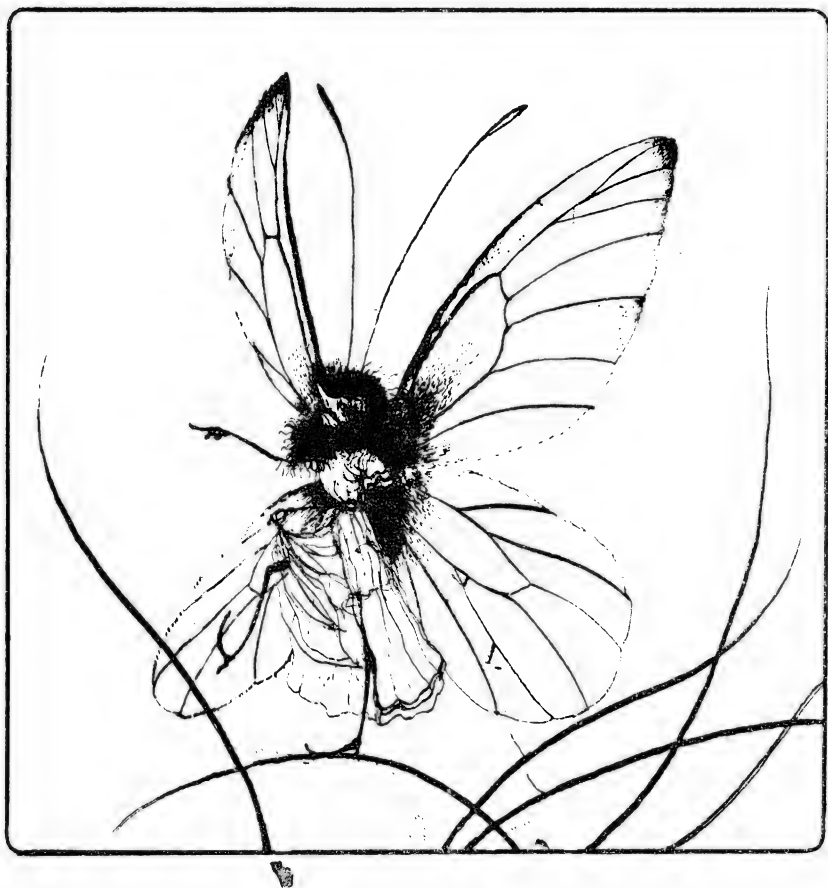
Всё же с тобою мы делим досуг,
Бинки, послушный и верный,
Бинки, мой старый, испытанный друг,
Правнук собаки пещерной.

Если, набрав из-под крана воды,
Лалы намочите кошке
(Чтобы потом обнаружить следы
Диких зверей на дорожке),—

Кошка, царапаясь, рвётся из рук,
Фыркает, вост, мяучит.
Бинки — мой верный, испытанный друг,
Дружба ему не наскучит.

Вечером кошка, как ласковый зверь,
Трётся о ваши колени.
Только вы ляжете — кошка за дверь
Мчится, считая ступени.

Кошка уходит на целую ночь.
Бинки мне верен и спящий:
Он под кроватью храпит во всю мочь,—
Значит, он друг настоящий!

МОТЫЛЕК, КОТОРЫЙ ТОПНУЛ НОГОЙ

Вот тебе, милый мой мальчик, новая чудесная сказка — совсем особенная, не похожая на все остальные, — сказка о мудрейшем царе Сулеймане-ибн-Дауде. На свете существует триста пятьдесят сказок о Сулеймане-ибн-Дауде; но эта сказка не из их числа. Эта сказка — о Мотыльке, который топнул ногой.

Так слушай же, слушай внимательно!

Сулейман-ибн-Дауд был мудрец. Он понимал, что говорят звери, что говорят птицы, что говорят рыбы, что говорят насекомые. Он понимал, что говорят камни глубоко под землёй, когда они давят друг друга и стонут. И он понимал, что говорят деревья, когда они шелестят на рассвете листвою. Он понимал всех — и осу,

и лису, и осину в лесу. И прекрасная царица Балкида, его Первая и Главная царица, была почти такая же мудрая.

Сулейман-ибн-Дауд был могуч. На среднем пальце правой руки у него было золотое кольцо. Стоило ему повернуть это кольцо, как из-под земли вылетали Африты и Джиинны и делали всё, что он вздумает им приказать. А стоило ему повернуть кольцо дважды, с неба спускались Феи и тоже делали всё, что он вздумает им приказать. Когда же он поворачивал своё кольцо три раза, перед ним появлялся с мечом сам великий ангел Азраил, в одежде простого водоноса, и сообщал ему обо всём, что происходит на земле, на небесах и под землёй.

И всё же Сулейман-ибн-Дауд был человек очень скромный. Он почти никогда не хвастался, а если ему случалось похвастаться, он потом жалел об этом и раскаивался.

Однажды он объявил, что желает накормить в один день всех зверей, какие только существуют на свете, но, когда он приготовил еду, из глубины моря выплыла какая-то большая Зверюга и сожрала всё в три глотка. Сулейман-ибн-Дауд был очень удивлён и сказал:

— О Зверюга, кто ты такая?

И Зверюга ответила:

— О повелитель! Желаю тебе здравствовать во веки веков! Я самый маленький из тридцати тысяч братьев, и мы живём на дне моря. Мы прослышали, что ты хочешь накормить всех зверей, какие только существуют на свете, и мои братья послали меня узнать у тебя, скоро ли будет обед.

Сулейман-ибн-Дауд был страшно удивлён и сказал:

— О Зверюга, ты сожрала весь обед, приготовленный мною для всех зверей, какие только существуют на свете.

И сказала ему Зверюга:

— О владыка, желаю тебе здравствовать во веки веков! Но неужели ты и в самом деле называешь э т о обедом? Там, откуда я пришла, каждому из нас требуется вдвое больше еды, чтобы перекусить между обедом и ужином.

Тогда Сулейман-ибн-Дауд пал ниц и воскликнул:

— О Зверюга, я приготовил этот обед, чтобы показать всем, какой я великий и богатый царь, а вовсе не потому, что я действительно люблю зверей! Теперь я посрамлён, и да послужит мне это хорошим уроком.

Сулейман-ибн-Дауд был и вправду мудрец, милый мой мальчик. После этого случая он никогда уже не хвастался глупо. И вот теперь-то начинается настоящая сказка.

У Сулеймана-ибн-Дауда было много жён. У него было девяносто девять жён, если не считать прекраснейшей Балкиды. Все они жили в большом золотом дворце посреди прелестного сада с фонтанами.

На самом деле Сулейману-ибн-Дауду вовсе не нужны были девятьсот девяносто девять жён, но в то время у всякого было по несколько жён, так что царю, конечно, приходилось брать себе ещё больше, чтобы показать, что он царь.

Одни из них были красавицы, другие просто уроды. Уроды вечно враждовали с красавицами, и те от этого тоже становились уродами, и все они ссорились с Сулейманом-ибн-Даудом, что причиняло ему большие страдания. Одна лишь прекрасная Балкида никогда не ссорилась с Сулейманом-ибн-Даудом, слишком уж она любила его. Она либо сидела у себя в золотом дворце, либо гуляла по дворцовому саду, и ей очень было жалко Сулеймана-ибн-Дауда.

Конечно, если бы он пожелал повернуть у себя на пальце кольцо и позвать Джиннов и Афритов, они превратили бы всех его девятьсот девяносто девять жён в белых ослиц, или в борзых собак, или в зёрна граната. Но Сулейман-ибн-Дауд боялся снова оказаться хвастунишкой.

Поэтому, когда его сварливые жёны ссорились слишком уж громко, он только уходил в укромный уголок своего дворцового сада и проклинал тот час, когда он родился на свет.

Однажды случилось так, что они ссорились уже три недели подряд — все девятьсот девяносто девять жён. Сулейман-ибн-Дауд удалился от них, как обычно, в мирный уголок. И среди апельсиновых деревьев он встретил Балкиду Прекраснейшую. И она сказала:

— О мой господин, свет моих очей, поверни у себя на пальце кольцо и покажи этим египетским, месопотамским, китайским, персидским царицам, какой ты великий и грозный владыка.

Но Сулейман-ибн-Дауд покачал головой и ответил:

— О моя госпожа, радость моей жизни, вспомни Зверюгу, которая выплыла из морской глубины и посрамила меня перед всеми зверями, какие только есть на земле, из-за того, что я вздумал похвастаться. Теперь, если я стану хвастать перед этими персидскими, абиссинскими, китайскими, египетскими царицами лишь из-за того, что они надоедают мне своей болтовнёй, я могу ещё сильнее осрамиться.

И Балкида Прекраснейшая сказала в ответ:

— О мой господин, сокровище моей души, что же ты будешь делать?

И Сулейман-ибн-Дауд ответил:

— О моя госпожа, улада моего сердца, придётся вверить свою судьбу в руки тех девятиста девяти цариц, которые выводят меня из терпения своими беспрестанными ссорами.

И он пошёл мимо лилий и японских локатов, мимо роз, канн и пахучего имбиря, которые произрастали в саду, и пришёл к

огромному камфорному дереву, которое прозвали Камфорное Древо Сулеймана-ибн-Дауда.

Но Балкида спряталась меж высоких ирисов, пятнистых бамбуков и красных лилий, чтобы быть поближе к возлюбленному своему Сулейману-ибн-Дауду.

В это время под деревом пролетали два мотылька. Они ссорились.

Сулейман-ибн-Дауд услышал, что один из них сказал другому:

— Как ты смеешь говорить со мною так дерзко и грубо? Разве ты не знаешь, что стоит мне топнуть ногой — и разразится гроза, и весь дворец Сулеймана-ибн-Дауда, и весь этот сад провалятся в тартарары!

Тогда Сулейман-ибн-Дауд забыл про всех своих девятьсот девяносто девять сварливых жён и засмеялся. Он смеялся над хвастовством Мотылька, и смеялся так долго, что затряслось даже камфорное дерево. И он протянул палец и сказал:

— Поди-ка ты сюда, человечек!

Мотылёк страшно испугался, но ничего не поделаешь, пришлось ему подлететь к Сулейману-ибн-Дауду и сесть, трепеща крылышками, на его протянутый палец. Сулейман-ибн-Дауд наклонил голову и тихонько прошептал:

— Ах, человечек, тебе же отлично известно, что, сколько бы ты ни топал ногой, от этого не шелохнётся даже травинка! Почему же ты так беззастенчиво лжёшь своей жене? Ведь это верно, что она твоя жена?

Мотылёк поглядел на Сулеймана-ибн-Дауда и увидел мудрейшие очи царя, мерцавшие, как звёзды в морозную ночь. И он сложил крылышки, и наклонил голову, и собрал всё своё мужество, и сказал:

— В самом деле, это моя жена, а ты сам хорошо понимаешь, что они такое, наши жёны.

Сулейман-ибн-Дауд ухмыльнулся в бороду и ответил:

— Да, брат мой, мне это отлично известно.

— Надо же держать их в послушании, — сказал Мотылёк. — А моя жена ругает меня уже целое утро, и я припугнул её, чтобы она перестала бушевать и браниться.

И Сулейман-ибн-Дауд сказал:

— Что ж, может быть, это и в самом деле утихомирит её. Иди к своей жене, о мой брат, а я послушаю, что ты скажешь ей.

Полетел Мотылёк обратно к своей жене, которая сидела под листком и трепетала от страха. И она воскликнула:

— Он слышал твои слова! Сулейман-ибн-Дауд слышал, что ты сказал!

— Слышал, — отвечал Мотылёк. — Я и хотел, чтоб он слышал.

— И что же он сказал? О, что же он сказал?

— Ну,— отвечал Мотылёк, важно помахивая крылышками,— между нами, дорогая (конечно, я не обвиняю его, потому что дворец очень дорого стоит, да и апельсины как раз поспевают) В общем, он просил меня не топтать, и я обещал, что не топну.

— Боже мой! — воскликнула жена Мотылька и притихла, а Сулейман-ибн-Дауд смеялся до слёз над бесстыдством этого пройдохи.

Балкида Прекраснейшая стояла за деревом среди алых лилий и улыбалась украдкой, так как она слышала весь разговор. И она подумала: «Если я в самом деле мудрая, я могу избавить моего господина от докучающих ему сварливых цариц». Она протянула палец и тихонько прошептала жене Мотылька:

— Крохотная женщина, поди-ка сюда!

Бабочка ужасно испугалась, но ничего не поделаешь, она подлетела к Балкиде и уселась на её белой руке.

Балкида наклонила свою прекрасную голову и прошептала:

— Крохотная женщина, неужто ты и вправду поверила тому, что сказал тебе муж?

Бабочка взглянула на Балкиду и увидела очи Прекрасной царицы, блестевшие, как блестит озеро в лунную ночь. Бабочка сложила крылышки и, собрав всё своё мужество, сказала:

— О царица, красуйся во веки веков! Ты же знаешь, что такое мужья!

И царица Балкида, мудрая Балкида Савская, подняла руку к губам, чтобы скрыть улыбку, и сказала:

— Да, сестра моя, знаю.

— Они выходят из себя по пустякам,— сказала Бабочка, быстро-быстро раскрывая и складывая крылышки,— и мы должны ублажать их, о Царица, чтобы они не ворчали. Они никогда не думают даже половины того, что говорят. Если мужу моему так хочется верить, будто я поверила, что стоит ему топнуть ногой и дворец Сулеймана-ибн-Дауда исчезнет, пускай себе верит, не стану ему возражать. Всё равно завтра он об этом забудет.

— Да, сестра моя, ты совершенно права,— сказала Балкида,— но, когда он в следующий раз начнёт перед тобою похвалиться, поймай его на слове. Скажи ему, чтобы он и в самом деле топнул ногой, и посмотри, что из этого выйдет. Он будет сильно посрамлён. Вот увидишь.

Бабочка улетела к своему Мотыльку, а через пять минут они уже ссорились — ещё сильнее, чем прежде.

— Вспомни,— сказал Мотылёк,— вспомни, что я могу сделать, если топну ногой!

— Я тебе нисколько не верю,— ответила Бабочка,— и я была бы рада поглядеть, как это у тебя получится! Топни! Топни! Пожалуйста, топни!

— Я обещал Сулейману-ибн-Дауду не топать, и я не хочу нарушать своё слово.

— Сколько ни топай, всё равно ничего не получится. Даже маленькая травинка и та не шелохнётся. Что же ты не топаешь? Топни! Топни! Говорю тебе: топни!

Сидя под камфорным деревом, Сулейман-ибн-Дауд слышал каждое слово и смеялся так, как ещё никогда не смеялся.

Он забыл про цариц, он забыл про Зверюгу, выплывшую из морской глубины, он забыл про своё хвастовство. И Балкида, стоя за деревом, тоже смеялась, потому что её возлюбленному было так весело.

Но вот Мотылёк, раздражённый, взволнованный, снова спустился под камфорное дерево и сказал Сулейману-ибн-Дауду:

— Она хочет, чтобы я топнул. Она хочет поглядеть, что из этого выйдет. О Сулейман-ибн-Дауд, ты же знаешь, что у меня ничего не получится! И теперь она уже никогда не поверит ни одному моему слову и будет смеяться надо мной до конца моих дней.

— Нет, о брат мой,— сказал Сулейман-ибн-Дауд,— этого не будет, уверяю тебя.

И он повернул на пальце кольцо (только для того, чтобы помочь Мотыльку, а не для того, чтобы похвастать своим всемогуществом), и в мгновение ока четыре огромных Джинна возникли перед ним из-под земли.

— Рабы,— сказал Сулейман-ибн-Дауд,— когда этот господин, что сидит у меня на пальце (там сидел хвастливый Мотылёк), топнет левой передней ногой, сделайте так, чтобы разразилась гроза, грянул гром и этот дворец и все эти сады сгинули с глаз, исчезли. Когда же он топнет опять, осторожно поставьте их на прежнее место.

— Теперь, о брат мой,— сказал он Мотыльку,— отправляйся к жене и топай в своё удовольствие.

Мотылёк подлетел к жене, которая всё это время кричала:

— Что же ты не топаешь? Топни! Ну, топни же! Топни!

За оградой, окружавшей дворец, Балкида увидела четырёх Джиннов и сказала:

— Наконец-то Сулейман-ибн-Дауд для спасения Мотылька сделает то, что давным-давно должен был сделать для собственного спасения: угомонит этих сварливых цариц.

Мотылёк топнул. Джинны подхватили дворец и сады и унесли их по воздуху за тысячу миль. Послышался страшный гром, и небо стало чернее чернил. А Бабочка летала во тьме и кричала:

— О, я больше не буду браниться! И зачем я подстрекала его! Мой любимый, мой милый муж, возврати назад и дворец и сады, и я больше никогда не стану перечить тебе!

Мотылёк и сам испугался не меньше своей жены, а Сулей-

ман-ибн-Дауд хохотал так, что в первую минуту даже не мог прошептать Мотыльку:

— Топни опять, о брат мой, верни мне мой дворец, о великий волшебник!

— Да, верни ему дворец! — воскликнула жена Мотылька, которая летала во тьме, как ночная бабочка. — Верни ему дворец и не занимайся больше таким ужасным чародейством!

— Ладно, дорогая, так и быть! — сказал Мотылёк, всячески стараясь придать себе храбрости. — Вот видишь, что получилось оттого, что ты придиралась ко мне. Понятно, я лично несколько не беспокоюсь о том, вернётся ли дворец или нет, такие дела для меня не впервой, но из уважения к тебе и к Сулейману-ибн-Дауду я не возражаю против того, чтобы всё воротилось на место.

И он топнул ещё раз, и в ту же секунду Джинны без единого толчка водрузили и сады и дворец на прежнее место.

И всё было по-прежнему. Тёмно-зелёная листва апельсиновых деревьев ярко сверкала на солнце, фонтаны играли меж алых египетских лилий, птицы пели как ни в чём не бывало, а Бабочка лежала на боку под камфорным деревом. Крылышки у неё трепетали, и, задыхаясь, она повторяла:

— Прости меня! Я больше не буду!

Сулейман-ибн-Дауд так смеялся, что с трудом мог вымолвить слово. На него напала икота. Изнемогая от смеха, он протянул Мотыльку палец и сказал:

— О великий волшебник, что из того, что ты возвратил мне дворец, если веселье, которое ты мне доставил, сведёт меня сегодня же в могилу?

Тут раздался страшный шум, потому что из дворца выбежали все девятьсот девяносто девять цариц и стали пронзительно кричать, и визжать, и звать своих малых детей. Они бежали по мраморной лестнице, спускавшейся вниз от фонтанов, — сто женщин на каждой ступени.

Премудрая Балкида выступила величаво вперёд, встретила их и сказала:

— Чего это вы так испугались, царицы?

Они же стояли на мраморной лестнице — сто женщин на каждой ступени — и кричали:

— Чего мы испугались? Это всякому ясно! Ведь мы жили себе поживали в своём золотом дворце, и вдруг наш дворец исчезает неизвестно куда, и мы попадаем в крошечную тьму, и над нами грохочет гром, и Джинны и Африты шныряют во тьме! Вот чего мы испугались, о царица цариц, и мы чрезвычайно испуганы нашим испугом, ибо это самый страшный испуг из всех испугов, какие приводилось нам испытывать за всю нашу жизнь.

Тогда Балкида, Прекраснейшая царица, любимейшая из всех

жён Сулеймана-ибн-Дауда, почти столь же премудрая, как сам Сулейман-ибн-Дауд, сказала:

— Ничего особенного не произошло, о царицы. Просто Мотылёк пожаловался на свою жену, которая ссорилась с ним, а Сулейману-ибн-Дауду захотелось научить её кротости и вежливой речи, ибо это считается добродетелью среди мотыльковых жён.

И тогда встала египетская царица, дочь фараона, и сказала:

— Наш дворец нельзя вырвать с корнем, как порей для какой-нибудь ничтожной букашки. Нет! Сулейман-ибн-Дауд, должно быть, уже скончался, и земля сотряслась от горя, и загремели небесные громы, и на землю спустилась тьма.

Тогда Балкида, не поднимая глаз, поманила к себе пальцем эту дерзкую царицу и сказала ей да и всем остальным:

— Вы можете пойти и поглядеть.

Они спустились по мраморной лестнице широкими рядами — в каждом ряду была сотня цариц — и под камфорным деревом увидели премудрого царя Сулеймана-ибн-Дауда, всё ещё изнемогавшего от смеха. Он сидел и покачивался взад-вперёд, и на одной руке у него была Бабочка, а на другой Мотылёк. И царицы слышали, как он говорит:

— О жена моего брата, который летает по воздуху, запомни же отныне и на веки веков, что ты должна угождать своему мужу во всём, иначе он рассердится и топнет ногою опять, ибо он великий чародей и колдун и может, когда ему вздумается, похитить дворец у самого Сулеймана-ибн-Дауда... Ступайте же с миром, вы оба.

Он поцеловал у них крылышки, и они улетели прочь.

Тогда все царицы, которые до сих пор всё ещё стояли и улыбались, все, кроме Прекрасной и Великолепной Балкиды, пали ниц, потому что они сказали себе: «Если творятся такие дела из-за того, что Мотылёк недоволен своею женою, что же будет с нами, докучающими своему повелителю криками и буйными ссорами?»

И они накинули на голову прозрачные ткани и, зажав себе ладонями рот, тихо, как мыши, удалились к себе во дворец.

Тогда Балкида, Прекраснейшая и Великолепная, вышла из зарослей алых лилий под сень камфорного дерева и, положив руку на плечо Сулейману-ибн-Дауду, сказала:

— О господин мой, сокровище моей души, радуйся, потому что мы дали всем этим царицам Египта, Эфиопии, Персии, Индии, Китая хороший урок, который они запомнят навеки.

И Сулейман-ибн-Дауд, всё ещё глядя на мотыльков, игравших в лучах солнца, спросил:

— О моя госпожа, драгоценный камень моей радости, когда же это случилось? Ведь как только я вошёл в сад, я принялся шутить над Мотыльком.

И он рассказал Балкиде всё, что он делал в то время.

И Балкида, ласковая, милая Балкида, сказала:

— О мой господин, владыка моей жизни! Я спряталась за камфорным деревом и видела всё своими глазами. Это я надумала Бабочку, чтобы та заставила Мотылька топнуть, ибо я надеялась, что мой господин шутки ради совершит какой-нибудь волшебный поступок, который испугает цариц.

И она рассказала ему всё, что подумали, увидели и сказали царицы.

Тогда Сулейман-ибн-Дауд встал под камфорным деревом, протянул руки и в веселии сердца сказал:

— О моя госпожа, сладость моих дней, знай, что, если бы я со злости или по внушению гордости применил к царицам моё волшебство, я мог бы осрамиться опять, как осрамился тогда, когда устроил пиршество для зверей всего мира. Но благодаря твоей мудрости я стал колдовать ради шутки, чтобы немного помочь Мотыльку, и — видишь — это спасло меня от моих докучливых жён. Так объясни мне, о моя госпожа, сердце моего сердца, как же ты достигла такой мудрости?

И царица Балкида, прекрасная, величая, стройная, взглянула Сулейману-ибн-Дауду в глаза, склонила, подобно Мотыльку, свою голову набок и ответила:

— Во-первых, о мой господин, потому что я люблю тебя; а во-вторых, о мой господин, потому что я знаю, что такое сварливые жены.

И они пошли во дворец и жили счастливо до скончания дней.

Не правда ли, Балкида поступила умно?

РИККИ-ТИККИ-ТАВИ

Это рассказ о великой войне, которую вел в одиночку Рикки-Тикки-Тави в ванной большого дома в посёлке Сигаули.

Дарзи, птица-портной, помогала ему, и Чучундра, мускусная крыса¹ — та, что никогда не выбежит на середину комнаты, а всё крадётся у самой стены, — давала ему советы. Но по-настоящему воевал он один.

Рикки-Тикки-Тави был мангуст². И хвост и мех были у него

¹ Мускусная крыса (ондатра) водится главным образом в Северной Америке.

² Мангусты — мелкие хищные животные, которые водятся в тропических странах.

как у маленькой кошки, а голова и все повадки — как у ласочки. Глаза у него были розовые, и кончик его беспокойного носа тоже был розовый. Рикки мог почесаться где вздумается, всё равно какой лапкой: передней ли, задней ли. И так умел он распушить свой хвост, что хвост делался похожим на круглую длинную щётку. И его боевой клич, когда он мчался в высоких травах, был рикки-тикки-тикки-тикки-чк!

Он жил с отцом и матерью в узкой ложбине. Но однажды летом произошло наводнение, и вода понесла его вдоль придорожного рва. Он брыкался и барахтался как мог. Наконец ему удалось ухватиться за плывущий пучок травы, и там он держался, пока не лишился сознания. Очнулся он на горячем припёке в саду, посередине дорожки, истерзанный и грязный, а какой-то мальчик в это время сказал:

— Мёртвый мангуст! Давай устроим похороны!

— Нет,— сказала мальчику мать,— возьмём-ка его и обсушим. Может быть, он ещё живой.

Они внесли его в дом, и какой-то большой человек взял его двумя пальцами и сказал, что он вовсе не мёртвый, а только захлебнулся в воде. Тогда его завернули в вату и стали обогреть у огня. Он открыл глаза и чихнул.

— А теперь,— сказал Большой Человек,— не пугайте его, и мы поглядим, что он станет делать.

Нет на свете ничего труднее, как испугать мангуста, потому что он от носа до хвоста весь горит любопытством. «Беги Раз-узнай и Разнюхай»,— начертано на семейном гербе у мангустов, а Рикки-Тикки был чистокровный мангуст. Он всмотрелся в вату, сообразил, что она не годна для еды, обежал кругом стола, сел на задние лапки, привёл свою шёрстку в порядок, а потом вскочил мальчику на плечо.

— Не бойся, Тедди,— сказал Большой Человек.— Это он хочет с тобой подружиться.

— Ай, он щекочет мне шею! — вскрикнул Тедди.

Рикки-Тикки заглянул ему за воротник, понюхал ухо и, спустившись на пол, начал тереть себе нос.

— Вот чудеса! — сказала Теддина мать.— И это называется дикий зверёк! Верно, он оттого такой ручной, что мы были добры к нему.

— Мангусты все такие,— сказал её муж.— Если Тедди не станет поднимать его с полу за хвост и не вздумает сажать его в клетку, он поселится у нас и будет бегать по всему дому... Дадим ему чего-нибудь поесть.

Ему дали маленький кусочек сырого мяса. Мясо ему страшно понравилось. После завтрака он сейчас же побежал на веранду, присел на солнышке и распушил свою шёрстку, чтобы высушить её до самых корней. И тотчас же ему стало лучше.

«В этом доме есть немало такого, что я должен разведать как можно скорее. Моим родителям за всю свою жизнь не случилось разведать столько. Останусь тут и разведу всё как есть».

Весь этот день он только и делал, что рыскал по всему дому. Он чуть не утонул в ванне, он сунулся носом в чернила и тотчас же после этого обжёг себе нос о сигару, которую курил Большой Человек, потому что взобрался к Большому Человеку на колени—посмотреть, как пишут пером на бумаге. Вечером он прибежал в Теддину спальню, чтобы проследить, как зажигаются керосиновые лампы. А когда Тедди улёгся в постель, Рикки-Тикки прикорнул возле него, но оказался беспокойным соседом, потому что при всяком шорохе вскакивал и настораживался и бежал разузнавать, в чём дело. Отец с матерью зашли перед сном проведать своего спящего сына и увидели, что Рикки-Тикки не спит, а сидит у него на подушке.

— Не нравится мне это,— сказала Теддина мать.— Что, если он укусит ребёнка?

— Не бойся,— сказал отец.— Эта зверюшка защитит его лучше всякой собаки. Если, например, вползёт змея...

Но Теддина мать и думать не хотела о таких ужасах.

К утреннему завтраку Рикки въехал на веранду верхом на Теддином плече. Ему дали банан и кусочек яйца. Он перебивал на коленях у всех, потому что хороший мангуст никогда не теряет надежды сделаться домашним мангустом. Каждый из них с детства мечтает о том, что он будет жить в человеческом доме и бегать из комнаты в комнату.

После завтрака Рикки-Тикки выбежал в сад — поглядеть, нет ли там чего замечательного. Сад был большой, лишь наполовину расчищенный. Розы росли в нём огромные — каждый куст как беседка,— и бамбуковые рощи, и апельсиновые деревья, и лимонные, и густые заросли высокой травы.

Рикки-Тикки даже облизнулся.

— Неплохое место для охоты! — сказал он.

И чуть только подумал об охоте, хвост у него раздулся, как круглая щётка. Он быстро обежал всю окрестность, нюхнул здесь, нюхнул там, и вдруг до него донеслись из терновника чьи-то печальные голоса. Там, в терновнике, жили Дарзи, птица-портной и его жена. У них было красивое гнездо: они сшили его из двух больших листьев тонкими волокнистыми прутиками и набили мягким пухом и хлопком. Гнездо качалось во все стороны, а они сидели на краю и громко плакали.

— Что случилось? — спросил Рикки-Тикки.

— Большое несчастье! — ответил Дарзи.— Один из наших птенчиков вывалился вчера из гнезда, и Наг проглотил его.

— Гм,— сказал Рикки-Тикки,— это очень печально... Но я тут недавно... Я нездешний... Кто такой Наг?

Дарзи и его жена юркнули в гнездо и ничего не ответили, потому что из густой травы, из-под куста послышалось негромкое шипенье — страшный, холодный звук, который заставил Рикки-Тикки отскочить назад на целых два фута. Потом из травы всё выше и выше, вершок за вершком, стала подниматься голова Нага, огромной чёрной кобры,¹ — и был этот Наг пяти футов длины от головы до хвоста.

Когда треть его туловища поднялась над землёй, он остановился и начал качаться, как одуванчик под ветром, и глянул на Рикки-Тикки своими злыми змеиными глазками, которые остаются всегда одинаковые, о чём бы ни думал Наг.

— Ты спрашиваешь, кто такой Наг? Смотри на меня и дрожи! Потому что Наг — это я...

И он раздул свой капюшон, и Рикки-Тикки увидел на капюшоне очковую метку, точь-в-точь как стальная петля от стального крючка.

Рикки стало страшно — на минуту. Дольше одной минуты мангусты вообще никого не боятся, и хотя Рикки-Тикки никогда не видал живой кобры, так как мать кормила его мёртвыми, он хорошо понимал, что мангусты для того и существуют на свете, чтобы сражаться со змеями, побеждать их и есть. Это было известно и Нагу, и потому в глубине его холодного сердца был страх.

— Ну так что! — сказал Рикки-Тикки, и хвост у него стал раздуваться опять. — Ты думаешь, если у тебя узор на спине, так ты имеешь право глотать птенчиков, которые выпадут из гнезда?

Наг думал в это время о другом и зорко вглядывался, не шевелится ли трава за спиной у Рикки. Он знал, что, если в саду появились мангусты, значит, и ему и всему змеиному роду скоро придёт конец. Но теперь ему было нужно усыпить внимание врага. Поэтому он чуть-чуть нагнул голову и, склонив её набок, сказал:

— Давай поговорим. Ведь птичьи яйца ты ешь, не правда ли? Почему бы мне не лакомиться птичками?

— Сзади! Сзади! Оглянись! — пел в это время Дарзи.

Но Рикки-Тикки хорошо понимал, что паяльщик глаза уже некогда. Он подпрыгнул как можно выше и внизу под собой увидел шипящую голову Нагайны, злой жены Нага. Она подкралась сзади, покуда Наг разговаривал с ним, и хотела прикончить его. Она оттого и шипела, что Рикки ускользнул от неё. Подпрыгнувший Рикки бухнулся к ней прямо на спину, и, будь он по-

¹ К о б р а — ядовитая очковая змея. Сзади, чуть ниже головы, у нее узор, похожий на очки. Когда она сердита, то раздувает шею так, что получается подобие капюшона.

старше, он знал бы, что теперь самое время прокусить её спину зубами: один укус — и готово! Но он боялся, как бы она не хлестнула его своим странным хвостом. Впрочем, он куснул её, но не так сильно, как следовало, и тотчас же отскочил от извивов хвоста, оставив змею разъярённой и раненной.

— Гадкий, гадкий Дарзи! — сказал Наг и вытянулся вверх сколько мог, чтобы достать до гнезда, висевшего на терновом кусте.

Но Дарзи нарочно построил своё гнездо так высоко, чтобы змеи не достали до него, и гнездо только качнулось на ветке.

Рикки-Тикки чувствовал, что глаза у него становятся всё краснее и жарче, а когда глаза у мангуста краснеют, это значит — он очень сердит. Он сел на хвост и на задние лапы, как маленький кенгурёнок, и, поглядев во все стороны, затараторил от ярости. Но воевать было не с кем: Наг и Нагайна юркнули в траву и исчезли. Когда змее случится промахнуться, она не говорит ни единого слова и не показывает, что она собирается делать. Рикки-Тикки даже не пытался преследовать врагов, так как не был уверен, может ли справиться с обоими сразу. Он побежал рысцой по направлению к дому, сел на песчаной тропинке и глубоко задумался. Да и было о чём.

Когда тебе случится читать старые книги о разных животных, ты прочтёшь, будто ужаленный змеей мангуст тотчас же убегает прочь и съедает какую-то травку, которая будто бы лечит его от укуса. Это неверно. Победа мангуста над коброй — в быстроте его глаз и лап. У кобры — укус, у мангуста — прыжок.

И так как никакому глазу не уследить за движением змеиной головы, когда она хочет ужалить, этот прыжок мангуста чудеснее всякой волшебной травы.

Рикки-Тикки хорошо понимал, что он ещё молодой и неопытный. Оттого ему было так радостно думать, что он изловчился увильнуть от нападения сзади. Он почувствовал большое уважение к себе, и, когда по садовой дорожке подбежал к нему Тедди, он был не прочь позволить мальчугану, чтобы тот погладил его. Но как раз в ту минуту, когда Тедди нагнулся над ним, что-то мелькнуло, извиваясь, в пыли, и тоненький голосок произнёс: «Берегись! Я — Смерть!» Это была Карайт, пыльно-серая змейка, которая любит валяться в песке. Жало у неё такое же ядовитое, как у кобры, но оттого, что она маленькая, никто не замечает её, и таким образом она приносит людям ещё больше вреда.

Глаза у Рикки-Тикки опять стали красные, и он, приплясывая, подбежал к Карайт той особенной, неровной походкой враскачку, которую унаследовал от своих прародителей. Походка забавная, но очень удобная, потому что даёт вам возможность сделать прыжок под каким угодно углом. А когда имеешь дело

со змеями, это важнее всего. Поединок с Карайт был ещё опаснее для Рикки, чем сражение с Нагом, потому что Карайт такая маленькая, такая юркая и ловкая змейка, что, если только Рикки не вопьётся в неё сзади зубами чуть пониже головы, Карайт непременно ужалит его либо в глаз, либо в губу.

Впрочем, Рикки этого не знал. Глаза у него совсем покраснели, он уже ни о чём не раздумывал — он шёл и раскачивался взад и вперёд, выискивая, куда ему лучше вонзиться зубами. Карайт налетела на него. Рикки отскочил вбок и хотел было её укусить, но проклятая пыльно-серая головка очутилась у самого его затылка, и, чтобы сбросить её со спины, ему пришлось перекувырнуться в воздухе. Она не отставала и мчалась за ним по пятам.

Тедди повернулся к дому и крикнул:

— Идите посмотрите: наш мангуст убивает змею!

И Рикки-Тикки услышал, как взвизгнула Теддина мать. Отец мальчика выбежал с палкой, но как раз в это время Карайт сделала неудачный рывок — дальше, чем нужно, — и Рикки-Тикки вскочил на неё и впился зубами чуть пониже её головы, а потом откатился прочь. Карайт сразу перестала шевелиться, и Рикки-Тикки уже приготовился съесть её, начиная с хвоста (таков обеденный обычай у мангустов), когда он вспомнил, что мангусты от сытной еды тяжелеют и что, если он хочет сохранить свою ловкость и силу, он должен оставаться худым. Он отошёл прочь и стал кувыркаться в пыли под кустом клещевины, а Теддин отец набросился с палкой на мёртвую.

«К чему это? — думал Рикки. — Ведь я уже прикончил её».

И тут к Рикки-Тикки подбежала Теддина мать, подняла его прямо с пыли и стала крепко прижимать к себе, крича, что он спас её сына от смерти, а Тедди сделал большие глаза, и в его глазах был испуг. Суматоха понравилась Рикки, но из-за чего она произошла, он, конечно, не мог понять. За что они так ласкают его? Ведь для него драться со змеями то же самое, что для Тедди кувыркаться в пыли — одно удовольствие.

Когда сели обедать, Рикки-Тикки, гуляя по скатерти среди стаканов и рюмок, мог бы трижды набить себе брюхо самыми вкусными лакомствами, но он помнил о Наге и Нагайне, и хотя ему было очень приятно, что Теддина мать тискает и гладит его и что Тедди сажает его к себе на плечо, но глаза у него то и дело краснели, и он выпускал свой воинственный клич рикки-тикки-тикки-тикки-чк!

Тедди взял его к себе в постель. Мальчику непременно хотелось, чтобы Рикки спал у него под самым подбородком, на груди. Рикки был благовоспитанный мангуст и не мог ни укусить, ни оцарапать его, но, чуть только Тедди заснул, он спустился с постели и пошёл путешествовать по дому.

В потёмках он наткнулся на мускусную крысу Чучундру, которая кралась поближе к стене.

У Чучундры разбитое сердце. Она хнычет и ноет всю ночь и всё хочет набраться храбрости, чтобы выбежать на середину комнаты. Но храбрости у неё никогда не хватает.

— Не губи меня, Рикки-Тикки! — закричала она и чуть не заплакала.

— Кто убивает змею, станет ли возиться с какой-то мускусной крысой! — презрительно ответил Рикки-Тикки.

— Убивающий змею от змеи и погибнет! — ещё печальнее сказала Чучундра. — И кто знает, не убьёт ли меня Наг по ошибке? Он подумает, что я — это ты...

— Ну, этого он никогда не подумает! — сказал Рикки-Тикки. — К тому же он в саду, а ты там никогда не бываешь.

— Моя двоюродная сестра — крыса Чуа говорила мне... — начала Чучундра и смолкла.

— Что же она говорила?

— Тсс... Наг вездесущий — он всюду. Ты бы сам поговорил с моей сестрой в саду.

— Но я её не видел. Говори же! Да поскорее, Чучундра, а не то я тебя укушу.

Чучундра уселась на корточки и начала плакать.

Плакала она долго, слёзы текли у неё по усам.

— Я такая несчастная! — рыдала она. — У меня никогда не хватало духу выбежать на середину комнаты. Тссс! Но разве ты не слышишь, Рикки-Тикки? Уж лучше мне не говорить ничего.

Рикки-Тикки прислушался. В доме была тишина, но ему показалось, что до него еле-еле доносится тихое, еле слышное ш-ш-ш, как будто по стеклу прошла оса. Это шуршала змеинная чешуя на кирпичном полу.

«Или Наг, или Нагайна! — решил он. — Кто-то из них ползёт по водосточному жёлобу в ванную...»

— Верно, Чучундра. Жаль, что я не потолковал с твоей Чуа.

Он прокрался в Теддину умывальную комнату, но там не оказалось никого. Оттуда он пробрался в умывальную комнату Теддиной матери. Там в оштукатуренной гладкой стене у самого пола был вынут кирпич для водосточного жёлоба, и, когда Рикки пробирался по каменному краю того углубления, в которое вставлена ванна, он услышал, как за стеной в лунном сиянии шепчутся Наг и Нагайна.

— Если в доме не станут людей, — говорила Нагайна мужу, — он тоже уйдёт оттуда, и сад опять будет наш. Иди же, не волнуйся и помни, что первым ты должен ужалить Большого Человека, который убил Карайт. А потом возвращайся ко мне, и мы вдвоём прикончим Рикки-Тикки.

— Но будет ли нам хоть малейшая польза, если мы убьём их?

— Ещё бы! Огромная. Когда дом стоял пустой, разве тут водились мангусты? Покуда в доме никто не живёт, мы с тобою цари всего сада: ты царь, я царица. И не забудь, что когда на дынной гряде вылупятся из яиц наши дети (а это может случиться и завтра), им будет нужен покой и уют.

— Об этом я и не подумал,— сказал Наг.— Хорошо, я иду. Но, кажется, нет никакого смысла вызывать на бой Рикки-Тикки. Я убью Большого Человека и его жену, а также, если мне удастся, его сына и уползу потихоньку. Тогда дом опустеет, и Рикки-Тикки сам уйдёт отсюда.

Рикки-Тикки весь дрожал от негодования и ярости.

В отверстии просунулась голова Нага, а за нею пять футов его холодного туловища. Рикки-Тикки хоть и был взбешён, но всё же пришёл в ужас, когда увидел, какая огромная эта кобра. Наг свернулся в кольцо, поднял голову и стал вглядываться в темноту ванной комнаты. Рикки-Тикки мог видеть, как мерцают его глаза.

«Если я убью его сейчас,— соображал Рикки-Тикки,— об этом немедленно узнает Нагайна. Драться же в открытом месте мне очень невыгодно: Наг может меня одолеть. Что мне делать?»

Наг раскачивался вправо и влево, а потом Рикки-Тикки услышал, как он пьёт воду из большого кувшина, который служил для наполнения ванны.

— Чудесно! — сказал Наг, утолив жажду.— У Большого Человека была палка, когда он выбежал, чтобы убить Карайт. Быть может, эта палка при нём и сейчас. Но когда нынче утром он придёт сюда умываться, он будет, конечно, без палки... Нагайна, ты слышишь меня?.. Я подожду его здесь в холодке до рассвета...

Нагу никто не ответил, и Рикки-Тикки понял, что Нагайна ушла. Наг обвился вокруг большого кувшина у самого пола и заснул. А Рикки-Тикки стоял тихо, как смерть. Через час он начал подвигаться к кувшину — мускул за мускулом. Рикки всматривался в широкую спину Нага и думал, куда бы вонзиться зубами.

«Если я в первый же миг не перекушу ему шею, у него всё ещё хватит силы бороться со мной, а если он будет бороться — о Рикки!»

Он поглядел, какая толстая шея у Нага,— нет, ему с такой шеей не справиться. А укусить где-нибудь поближе к хвосту — только раззадорить врага.

«Остаётся голова! — решил он.— Голова над самым капюшон. И уж если вцепиться в неё, так не выпускать ни за что».

Он сделал прыжок. Голова змеи лежала чуть-чуть на отлёте; прокусив её зубами, Рикки-Тикки мог упереться спиной в выступ

глиняного кувшина и не дать голове подняться с земли. Таким образом он выигрывал только секунду, но этой секундой он отлично воспользовался. А потом его подхватило и брякнуло оземь, и стало мотать во все стороны, как крысу мотает собака, и вверх и вниз, и большими кругами, но глаза у него были красные, и он не отстал от змеи, когда она молотила им по полу, расшвыривая в разные стороны жестяные ковшики, мыльницы, щётки, и била его о края металлической ванны.

Он сжимал челюсти всё крепче и крепче, потому что хоть и думал, что пришла его смерть, но решил встретить её, не разжимая зубов. Этого требовала честь его рода.

Голова у него кружилась, его тошнило, и он чувствовал себя так, будто весь был разбит на куски. Вдруг у него за спиной словно ударил гром, и горячий вихрь налетел на него и сбил его с ног, а красный огонь опалил ему шерстку. Это Большой Человек, разбуженный шумом, прибежал с охотничьим ружьём, выстрелил сразу из обоих стволов и попал Нагу в то место, где кончается его капюшон. Рикки-Тикки лежал не разжимая зубов, и глаза у него были закрыты, так как он считал себя мёртвым.

Но змеинная голова уже больше не двигалась. Большой Человек поднял Рикки с земли и сказал:

— Смотри, опять наш мангуст. В эту ночь, Элис, он спас от смерти нас — и тебя, и меня.

Тут вошла Теддина мать с очень белым лицом и увидела, что осталось от Нага. А Рикки-Тикки кое-как дотащился до Теддиной спальни и всю ночь только и делал, что встряхивался, как бы желая проверить, правда ли, что его тело разбито на сорок кусков, или это ему только так показалось в бою.

Когда пришло утро, он весь как бы закоченел, но был очень доволен своими подвигами.

«Теперь я должен прикончить Нагайну, а это труднее, чем справиться с дюжиной Нагов... А тут ещё эти яйца, о которых она говорила. Я даже не знаю, когда из них вылупятся змеёныши... Чёрт возьми! Пойду и потолкую с Дарзи».

Не дожидаясь завтрака, Рикки-Тикки со всех ног бросился к терновому кусту. Дарзи сидел в гнезде и что есть мочи распевал весёлую победную песню. Весь сад уже знал о гибели Нага, потому что уборщик швырнул его тело на свалку.

— Ах ты глупый пучок перьев! — сказал Рикки-Тикки сердито. — Разве теперь время для песен?

— Умер, умер, умер Наг! — заливался Дарзи. — Смелый Рикки-Тикки впился в него зубами! А Большой Человек принёс палку, которая делает ба м, и перебил Нага надвое, надвое, надвое! Никогда уже Нагу не пожирать моих деток!

— Всё это так, — сказал Рикки-Тикки. — Но где же Нагайна? — И он внимательно огляделся вокруг.

А Дарзи продолжал заливаться:

Нагайна пришла к водосточной трубе,
И кликнула Нага Нагайна к себе,
Но сторож взял Нага на палку
И выбросил Нага на свалку.
Славься же, славься, великий
Красноглазый герой Рикки-Тикки!..

И Дарзи снова повторил свою победную песню.

— Достать бы мне до твоего гнезда, я бы вышвырнул оттуда всех птенцов! — закричал Рикки-Тикки. — Или ты не знаешь, что всё в своё время? Тебе хорошо распевать наверху, а мне здесь внизу не до песен: нужно снова идти воевать! Перестань же петь хоть на минуту.

— Хорошо, я готов замолчать для тебя — для героя, для прекрасного Рикки! Что угодно Победителю Свиного Нага?

— В третий раз тебя спрашиваю: где Нагайна?

— Над мусорной кучей она у конюшни, рыдает о Наге она... Велик белозубый Рикки!..

— Оставь мои белые зубы в покое! Не знаешь ли ты, где она спрятала яйца?

— У самого края, на дынной гряде, под забором, где солнце весь день до заката... Много недель миновало с тех пор, как зарыла она эти яйца...

— И ты даже не подумал сказать мне об этом! Так под забором у самого края?

— Рикки-Тикки не пойдёт же глотать эти яйца!

— Нет, не глотать, но... Дарзи, если у тебя осталась хоть капля ума, лети сейчас же к конюшне и сделай вид, что у тебя перебито крыло, и пусть Нагайна гонится за тобой до этого куста, понимаешь? Мне надо пробраться к дынной гряде, а если я пойду туда сейчас, она заметит.

Ум у Дарзи был птичий, в его крошечной головке никогда не вмещалось больше одной мысли сразу. И, так как он знал, что дети Нагайны выводятся, как и его птенцы, из яиц, ему подумалось, что истреблять их не совсем благородно. Но его жена была умнее. Она знала, что каждое яйцо кобры это та же кобра, и потому она тотчас же вылетела вон из гнезда, а Дарзи оставила дома: пусть греет малюток и горланит свои песни о гибели Нага. Дарзи был во многом похож на всякого другого мужчину.

Прилетев на мусорную кучу, она стала егозить в двух шагах от Нагайны и при этом горько кричала:

— Ой, у меня перебито крыло! Мальчишка, живущий в доме, бросил в меня камнем и перебил мне крыло!

И она ещё отчаяннее захлопала крыльями.

Нагайна подняла голову и зашипела:

— Это ты дала знать Рикки-Тикки, что я хочу ужалить его? Плохое же ты выбрала место хромать!

И она скользнула по пыльной земле к жене Дарзи.

— Мальчишка перебил его камнем! — продолжала кричать жена Дарзи.

— Ладно, может быть, тебе будет приятно узнать, что, когда ты умрёшь, я разделаюсь с этим мальчишкой по-своему. Сегодня с самого рассвета мой муж лежит на этой мусорной куче, но ещё до заката мальчишка, живущий в доме, тоже будет лежать очень тихо... Но куда же ты? Не думаешь ли ты убежать? Всё равно от меня не уйдёшь! Глупая, погляди на меня!

Но жена Дарзи хорошо знала, что этого-то ей и не следует делать, потому что стоит только какой-нибудь птице глянуть змее в глаза, как на птицу с перепугу нападает столбняк и она не может шевельнуться. Жена Дарзи рванулась прочь, жалобно попискивая и беспомощно хлопая крыльями. Над землёй она не вспорхнула ни разу, а Нагайна мчалась за ней всё быстрее.

Рикки-Тикки услышал, что они бегут от конюшни по садовой дорожке, и кинулся к дынной гряде, к тому краю, что у самого забора. Там в разопрелой земле, покрывающей дыни, он отыскал двадцать пять змеиных яиц, очень искусно припрятанных, — каждое такой величины, как яйцо бантамки¹, только вместо скорлупы они покрыты белёсой кожей.

— Ещё день, и было бы поздно! — сказал Рикки-Тикки, так как он увидел, что внутри кожуры лежали, свернувшись, крошечные кобры.

Он знал, что с той самой минуты, как они вылупятся из яйца, каждая может убить человека и мангуста. Он принялся быстро-быстро надкусывать верхушки яиц, прихватывая при этом головки змеёнышей, и в то же время не забывал раскапывать гряду то там, то здесь, чтобы не пропустить какого-нибудь яйца незамеченным.

Осталось всего три яйца, и Рикки-Тикки начал уже хихикать от радости, когда жена Дарзи закричала ему:

— Рикки-Тикки, я заманила Нагайну к дому, и Нагайна поползла на веранду! О, скорее, скорее! Она замышляет убийство!

Рики-Тикки надкусил ещё два яйца, а третье взял в зубы и помчался к веранде.

Тедди, его мать и отец сидели на веранде за завтраком. Но Рикки-Тикки заметил, что они ничего не едят. Они сидели неподвижно, как каменные, и лица у них были белые. А на цинов-

¹ Б а н т а м к а — курица мелкой породы.

ке у самого Теддиного стула извивалась кольцами Нагайна. Она подползла так близко, что могла во всякое время ужалить голую ногу Тедди. Раскачиваясь в разные стороны, она пела победную песню.

— Сын Большого Человека, убившего Нага,— шипела она,— подожди немного, сиди и не двигайся. Я ещё не готова. И вы все трое сидите потише. Если вы шевельнётесь, я ужаляю его. Если вы не шевельнётесь, я тоже ужаляю. О глупые люди, убившие Нага!

Тедди не отрываясь впился глазами в отца, а отец только и мог прошептать:

— Сиди и не двигайся, Тедди. Сиди и не двигайся!

Тут подбежал Рикки-Тикки и крикнул:

— Повернись ко мне, Нагайна, повернись и давай сражаться!

— Всё в своё время! — отвечала она, не глядя на Рикки-Тикки. — С тобой я расквитаюсь потом. А куда погляди на своих милых друзей. Как они притихли и какие у них белые лица! Они испугались, они не смеют шелохнуться. И если ты сделаешь хоть один шаг, я ужаляю.

— Погляди на своих змеёнышей,— сказал Рикки-Тикки,— там у забора, на дынной гряде. Ступай и погляди, что случилось с ними.

Змея глянула вбок и увидела на веранде яйцо.

— О! Дай его мне! — закричала она.

Рикки-Тикки положил яйцо между передними лапами, и глаза у него стали красны, как кровь.

— А какой выкуп за змеиное яйцо? За маленькую кобру? За кобру-царевну? За самую, самую последнюю в роде? Остальные уже пожирают на дынной гряде муравьи.

Нагайна повернулась к Рикки-Тикки. Яйцо заставило её позабыть обо всём, и Рикки-Тикки видел, как Теддин отец протянул большую руку, схватил Тедди за плечо и протащил его по столу, уставленному чайными чашками, в такое место, где змея не достанет его.

— Обманул! Обманул! Обманул! Рикк-чк-чк! — дразнил её Рикки-Тикки. — Мальчик остался цел, а я, я, я нынче ночью схватил твоего Нага за шиворот... там, в ванной комнате... да!

Тут он начал прыгать вверх и вниз всеми четырьмя лапами сразу, сложив их в один пучок и прижимаясь головой к полу.

— Наг размахивал мной во все стороны, но не мог стряхнуть меня прочь! Он уже был неживой, когда Большой Человек расшиб его палкою надвое. Убил его я, Рикки-Тикки-чк-чк! Выходи же, Нагайна! Выходи и сразись со мною. Тебе недолго оставаться вдовой.

Нагайна увидела, что Тедди ей уже не убить, а яйцо лежит у Рикки-Тикки между лапами.

— Отдай мне яйцо, Рикки-Тикки! Отдай мне моё последнее яйцо, и я уйду и не вернусь никогда, — сказала она, опуская свой капюшон.

— Да, ты уйдёшь и никогда не вернёшься, Нагайна, потому что тебе скоро лежать рядом с твоим Нагом на мусорной куче. Скорее же сражайся со мною! Большой Человек уже пошёл за ружьём. Сражайся же со мною, Нагайна!

Рикки-Тикки егзил вокруг Нагайны на таком расстоянии, чтобы она не могла его тронуть, и его маленькие глазки были как раскалённые угли.

Нагайна свернулась в клубок и что есть силы налетела на него. А он отскочил вверх — и назад. Снова, и снова, и снова повторялись её нападения, и всякий раз её голова хлопалась с размаху о циновку, и она снова свёртывалась, как часовая пружина. Рикки-Тикки плясал по кругу, желая обойти её сзади, но Нагайна всякий раз поворачивалась, чтобы встретить его лицом к лицу, и оттого её хвост шуршал на циновке, как сухие листья, гонимые ветром.

Он и забыл про яйцо. Оно всё ещё лежало на веранде, и Нагайна подкрадывалась к нему ближе и ближе. И наконец, когда Рикки остановился, чтобы перевести дух, она подхватила яйцо и, скользнув со ступеней веранды, понеслась как стрела по дорожке. Рикки-Тикки — за нею. Когда кобра убегает от смерти, она делает такие извивы, как хлыст, которым стегают лошадиную шею.

Рикки-Тикки знал, что он должен настигнуть её, иначе все тревоги начнутся опять. Она неслась к терновнику, чтобы юркнуть в густую траву, и Рикки-Тикки, пробегая, услышал, что Дарзи всё ещё распевает свою глупую победную песню. Но жена Дарзи была умнее его. Она вылетела из гнезда и захлопала крыльями над головой Нагайны. Если бы Дарзи прилетел ей на помощь, они, может быть, заставили бы кобру свернуть. Теперь же Нагайна только чуть-чуть опустила свой капюшон и продолжала ползти напрямик. Но эта лёгкая заминка приблизила к ней Рикки-Тикки. Когда она шмыгнула в нору, где жили она и Наг, белые зубы Рикки вцепились ей в хвост, и Рикки протиснулся туда вслед за нею, а, право, не всякий мангуст, даже самый умный и старый, решится последовать за коброй в нору. В норе было темно, и Рикки-Тикки не мог угадать, где она расширится настолько, что Нагайна повернётся и ужалит его. Поэтому он яростно впился в её хвост и, действуя лапками, как тормозами, изо всех сил упирался в покатую, мокрую, тёплую землю.

Вскоре трава перестала качаться у входа в нору, и Дарзи сказал:

— Пропал Рикки-Тикки! Мы должны спеть ему похоронную песню. Бесстрашный Рикки-Тикки погиб. Нагайна убьёт его в своём подземелье, в этом нет никакого сомнения.

И он запел очень печальную песню, которую сочинил в тот же миг, но, едва он дошёл до самого грустного места, трава над норой зашевелилась опять, и оттуда, весь покрытый грязью, выкарабкался, облизывая усы, Рикки-Тикки. Дарзи вскрикнул негромко и прекратил свою песню.

Рикки-Тикки стряхнул с себя пыль и чихнул.

— Всё кончено, — сказал он. — Вдова никогда уже не выйдет оттуда.

И красные муравьи, что живут между стеблями трав, немедленно стали спускаться в нору друг за другом, чтобы разведать, правду ли он говорит.

Рикки-Тикки свернулся клубком и тут же, в траве, не сходя с места, заснул — и спал, и спал, и спал до самого вечера, потому что нелегка была его работа в тот день.

А когда он пробудился от сна, он сказал:

— Теперь я пойду домой. Ты, Дарзи, сообщи кузнецу, а он сообщит всему саду, что Нагайна уже умерла.

Кузнец — это птица. Звуки, которые она производит, совсем как удары молоточка по медному тазу. Это потому, что она служит глашатаем в каждом индийском саду и сообщает новости всякому, кто желает слушать её.

Идя по садовой дорожке, Рикки-Тикки услышал её первую трель, как удары в крошечный обеденный гонг. Это значило: «Молчите и слушайте!» А потом громко и твёрдо:

— Динг-донг-ток! Наг умер! Донг! Нагайна умерла! Динг-донг-ток!

И тотчас же все птицы в саду запели и все лягушки заквакали, потому что Наг и Нагайна пожирали и птиц и лягушек.

Когда Рикки приблизился к дому, Тедди, и Теддина мать (она всё ещё была очень бледна), и Теддин отец бросились ему навстречу и чуть не заплакали. На этот раз он наелся как следует, а когда настало время спать, он уселся на Теддино плечо и отправился в постель вместе с мальчиком. Там увидела его Теддина мать, придя проведать сына поздно вечером.

— Это наш спаситель! — сказала она мужу. — Подумай только: он спас и Тедди, и тебя, и меня.

Рикки-Тикки тотчас же проснулся и даже подпрыгнул, потому что сон у мангустов очень чуткий.

— А, это вы! — сказал он. — Чего же вам ещё беспокоиться: ни одной кобры не осталось в живых, а если бы они и остались — ведь я тут.

Рикки-Тикки имел право гордиться собою. Но всё же он не слишком заважничал и, как истый мангуст, охранял этот сад

и зубом, и когтем, и прыжком, и наскоком, так что ни одна кобра
не смела сунуться сюда через ограду.

ХВАЛЕБНАЯ ПЕСНЬ,

*которую птичка-портняжка Дарзи пела
во славу Рикки-Тикки-Тави*

Жизнью живу я двойной:
В небе я песни пою,
Здесь, на земле, я портной —
Домик из листьев я шью.
Здесь, на земле, в небесах над землёю
Вью я, и шью, и пою!

Радуйся, нежная мать:
В битве убийца убит.
Пой над птенцами опять,
Недруг в могилу зарыт.
Злой кровопийца, таившийся в розах,
Пойман, убит и зарыт!

Кто он, избавивший нас?
Имя его мне открой.
Рикки — сверкающий глаз,
Тикки — бесстрашный герой,
Рик-Тикки-Тикки, герой наш великий,
Наш огнеглазый герой!

Хвост пред героем развей.
Трель вознеси к небесам.
Пой ему, пой, соловей!
Нет, я спою ему сам.
Славу пою я великому Рикки,
Когтям его смелым, клыкам его белым
И огненно-красным глазам!

(Здесь песня обрывается, потому что Рикки-Тикки-
Тави помешал певцу продолжать её.)

МАУГЛИ

БРАТЬЯ МАУГЛИ

Было семь часов знойного вечера в Сионийских горах, когда Отец Волк проснулся после дневного отдыха, почесался, зевнул и расправил онемевшие лапы одну за другой, прогоняя сон. Мать Волчица дремала, положив свою крупную серую морду на четверых волчат, а те ворочались и повизгивали, и луна светила в устье пещеры, где жила вся семья.

— Уф! — сказал Отец Волк. — Пора опять на охоту.

Он собирался спуститься скачками с горы, как вдруг низенькая тень с косматым хвостом легла на порог и прохныкала:

— Желаю тебе удачи, о Глава Волков! Удачи и крепких, белых зубов твоим благородным детям. Пусть они никогда не забывают, что на свете есть голодные!

Это был шакал, Лизоблюд Табаки,— а волки Индии презируют Табаки за то, что он рыщет повсюду, сеет раздоры, разносит сплетни и не брезгает тряпками и обрывками кожи, роясь в деревенских мусорных кучах. И всё-таки они боятся Табаки, потому что он чаще других зверей в джунглях болеет бешенством и тогда мечется по лесу и кусает всех, кто только попадётся ему навстречу. Даже тигр бежит и прячется, когда бесится маленький Табаки, ибо ничего хуже бешенства не может приключиться с диким зверем. У нас оно зовётся водобоязнью, а звери называют его «дивани» — бешенство — и спасаются от него бегством.

— Что ж, войди и посмотри сам,— сухо сказал Отец Волк.— Только еды здесь нет.

— Для волка нет,— сказал Табаки,— но для такого ничтожества, как я, и голая кость — целый пир. Нам, шакалам, не к лицу привередничать.

Он прокрался в глубину пещеры, нашёл оленью кость с остатками мяса и, довольный, уселся, с треском разгрызая эту кость.

— Благодарю за угощение,— сказал он, облизываясь.— Как красивы благородные дети! Какие у них большие глаза! А ведь они ещё так малы! Правда, правда, мне бы следовало помнить, что царские дети с самых первых дней уже взрослые.

А ведь Табаки знал не хуже всякого другого, что нет ничего опаснее, чем хвалить детей в глаза, и с удовольствием наблюдал, как смутились Мать и Отец Волки.

Табаки сидел молча, радуясь тому, что накликать на других беду, потом сказал злобно:

— Шер-Хан, Большой Тигр, переменял место охоты. Он будет весь этот месяц охотиться здесь, в горах. Так он сам сказал.

Шер-Хан был тигр, который жил в двадцати милях от пещеры, у реки Вайнганги.

— Не имеет права! — сердито начал Отец Волк.— По Закону Джунглей он не может менять место охоты, никого не предупредив. Он распугает всю дичь на десять миль кругом, а мне... мне теперь надо охотиться за двоих.

— Мать недаром прозвала его Лангри (Хромой),— спокойно сказала Мать Волчица.— Он с самого рождения хромает на одну ногу. Вот почему он охотится только за домашней скотиной. Жители селений по берегам Вайнганги злы на него, а теперь он явился сюда, и у нас начнётся то же: люди будут рыскать за ним по лесу, поймать его не сумеют, а нам и нашим детям придётся бежать куда глаза глядят, когда подожгут траву. Право, нам есть за что благодарить Шер-Хана!

— Не передать ли ему вашу благодарность? — спросил Табаки.

— Вон отсюда! — огрызнулся Отец Волк. — Вон! Ступай охотиться со своим господином! Довольно ты намутил сегодня.

— Я уйду, — спокойно ответил Табаки. — Вы и сами скоро услышите голос Шер-Хана внизу, в зарослях. Напрасно я трудился передавать вам эту новость.

Отец Волк насторожил уши: внизу, в долине, сбегавшей к маленькой речке, послышался сухой, злобный, стрывистый, заунывный рёв тигра, который ничего не поймал и несколько не стыдится того, что всем джунглям это известно.

— Дурак! — сказал Отец Волк. — Начинать таким шумом ночную работу! Неужели он думает, что наши олени похожи на жирных буйволов с Вайнганги?

— Ш-ш! Он охотится нынче не за буйволом и не за оленем, — сказала Мать Волчица. — Он охотится за человеком.

Рёв перешёл в глухое ворчание, которое раздавалось как будто со всех сторон разом. Это был тот рёв, который пугает лесорубов и цыган, ночующих под открытым небом, а иногда заставляет их бежать прямо в лапы тигра.

— За человеком! — сказал Отец Волк, оскалив белые зубы. — Разве мало жуков и лягушек в прудах, что ему понадобилось есть человечину, да ещё на нашей земле?

Закон Джунглей, веления которого всегда на чём-нибудь основаны, позволяет зверям охотиться на человека только тогда, когда они учат своих детёнышей убивать. Но и тогда зверю нельзя убивать человека в тех местах, где охотится его стая или племя. Вслед за убийством человека появляются рано или поздно белые люди на слонах, с ружьями и сотни смуглых людей с гонгами, ракетами и факелами. И тогда приходится худо всем жителям джунглей. А звери говорят, что человек — самое слабое и незащищенное из всех живых существ и трогать его недостойно охотника. Они говорят также — и это правда, — что людоеды со временем паршивеют и у них выпадают зубы.

Ворчание стало слышнее и закончилось громовым «А-а-а!» тигра, готового к прыжку.

Потом раздался вой, непохожий на тигриный, — вой Шер-Хана.

— Он промахнулся, — сказала Мать Волчица. — Почему?

Отец Волк отбежал на несколько шагов от пещеры и услышал раздражённое рычание Шер-Хана, ворочавшегося в кустах.

— Этот дурак обжёг себе лапы. Хватило же ума прыгать в костёр дровосека! — фыркнув, сказал Отец Волк. — И Табаки с ним.

— Кто-то взбирается на гору, — сказала Мать Волчица, шевельнув одним ухом. — Приготовься.

Кусты в чаще слегка зашуршали, и Отец Волк присел на задние лапы, готовясь к прыжку. И тут если бы вы наблюдали за ним, то увидели бы самое удивительное на свете — как волк остановился на середине прыжка. Он бросился вперёд, ещё не видя, на что бросается, а потом круто остановился. Вышло так, что он подпрыгнул кверху на четыре или пять футов и сел на том же месте, где оторвался от земли.

— Человек! — огрызнулся он. — Человечий детёныш! Смотри!

Прямо перед ним, держась за низко растущую ветку, стоял голенький смуглый ребёнок, едва научившийся ходить, — мягкий, весь в ямочках, крохотный живой комочек. Такой крохотный ребёнок ещё ни разу не заглядывал в волчье логово ночной порой. Он посмотрел в глаза Отцу Волку и засмеялся.

— Это и есть человеческий детёныш? — спросила Мать Волчица. — Я их никогда не видала. Принеси его сюда.

Волк, привыкший носить своих волчат, может, если нужно, взять в зубы яйцо, не раздавив его, и хотя зубы Отца Волка стиснули спинку ребёнка, на коже не осталось даже царапины, после того как он положил его между волчатами.

— Какой маленький! Совсем голый, а какой смелый! — ласково сказала Мать Волчица. (Ребёнок проталкивался среди волчат поближе к тёплому боку.) — Ой! Он сосёт вместе с другими! Так вот он какой, человеческий детёныш! Ну когда же волчица могла похвастаться, что среди её волчат есть человеческий детёныш!

— Я слышал, что это бывало и раньше, но только не в нашей Стае и не в моё время, — сказал Отец Волк. — Он совсем безволосый, и я мог бы убить его одним шлепком. Погляди, он смотрит и не боится.

Лунный свет померк в устье пещеры: большая квадратная голова и плечи Шер-Хана загородили вход. Табаки визжал позади него:

— Господин, господин, он вошёл сюда!

— Шер-Хан делает нам большую честь, — сказал Отец Волк, но глаза его злобно сверкнули. — Что нужно Шер-Хану?

— Мою добычу! Человечий детёныш вошёл сюда, — сказал Шер-Хан. — Его родители убежали. Отдайте его мне.

Шер-Хан прыгнул в костёр дровосека, как и говорил Отец Волк, обжёг себе лапы и теперь бесился. Однако Отец Волк отлично знал, что вход в пещеру слишком узок для тигра. Даже там, где Шер-Хан стоял сейчас, он не мог пошевелинуть ни плечом, ни лапой. Ему было тесно, как человеку, который вздумал бы драться в бочке.

— Волки — свободный народ, — сказал Отец Волк. — Они слушаются только Вожака Стаи, а не всякого полосатого людо-

еда. Человечий детёныш наш. Захотим, так убьём его и сами.

— «Захотим, захотим»! Какое мне дело? Клянусь буйволом, которого я убил, долго мне ещё стоять, уткнувшись носом в ваше собачье логово, и ждать того, что мне полагается по праву? Это говорю я, Шер-Хан! —

Рёв тигра наполнил пещеру громовыми раскатами. Мать Волчица, стряхнув с себя волчат, прыгнула вперёд, и её глаза, похожие во мраке на две зелёные луны, встретились с горящими глазами Шер-Хана.

— А отвечаю я, Ракша (Демон): человеческий детёныш мой, Лангри, и останется у меня! Его никто не убьёт. Он будет жить и охотиться вместе со Стаей и бегать вместе со Стаей! Берегись, охотник за голыми детёнышами, рыбоед, убийца лягушек, — придёт время, он поохотится за тобой! А теперь убирайся вон, или, клянусь оленем, которого я убила (я не ем падали), ты отправишься на тот свет хромым на все четыре лапы, палёное чудище джунглей! Вон отсюда!

Отец Волк смотрел на неё в изумлении. Он успел забыть то время, когда отвоёвывал Мать Волчицу в открытом бою с пятью волками, то время, когда она бегала вместе со Стаей и недаром носила прозвище «Демон». Шер-Хан не побоялся бы Отца Волка, но с Матерью Волчицей он не решался схватиться: он знал, что перевес на её стороне и что она будет драться не на жизнь, а на смерть. Ворча, он попятился назад и, почувствовав себя на свободе, заревел:

— На своём дворе всякая собака лает! Посмотрим, что скажет Стая насчёт приёмыша из людского племени! Детёныш мой, и рано или поздно я его съем, о вы, длиннохвостые воры!

Мать Волчица, тяжело дыша, бросилась на землю около своих волчат, и Отец Волк сказал ей сурово:

— На этот раз Шер-Хан говорит правду: детёныша надо показать Стае. Ты всё-таки хочешь оставить его себе, Мать?

— Оставить себе? — тяжело вода боками, сказала Волчица. — Он пришёл к нам совсем голый, ночью, один, и всё же он не боялся! Смотри, он уже оттолкнул одного из моих волчат! Этот хромой мясник убил бы его и убежал на Вайнгангу, а люди в отместку разорили бы наше логово. Оставить его? Да, я его оставляю. Лежи смирно, лягушонок! О Маугли — ибо Лягушонком Маугли я назову тебя, — придёт время, когда ты станешь охотиться за Шер-Ханом, как он охотился за тобой.

— Но что скажет наша Стая? — спросил Отец Волк.

Закон Джунглей говорит очень ясно, что каждый волк, обзаведясь семьёй, может покинуть свою Стаю. Но как только его волчата подрастут и станут на ноги, он должен привести их на Совет Стаи, который собирается обычно раз в месяц, во время полнолуния, и показать всем другим волкам. После этого вол-

чата могут бегать где им вздумается, и пока они не убили своего первого оленя, нет оправдания тому из взрослых волков, который убьёт волчонка. Наказание за это — смерть, если только поймают убийцу. Подумай с минуту, и ты сам поймёшь, что так и должно быть.

Отец Волк подождал, пока его волчата подросли и начали понемногу бегать, и в одну из тех ночей, когда собиралась Стая, повёл волчат, Маугли и Мать Волчицу на Скалу Совета. Это была вершина холма, усеянная большими валунами, за которыми могла укрыться целая сотня волков. Акела, большой серый волк-одиночка, избранный вожаком всей Стаи за силу и ловкость, лежал на скале, растянувшись во весь рост. Под скалой сидело сорок с лишним волков всех возрастов и мастей — от седых, как барсуки, ветеранов, расправлявшихся в одиночку с буйволом, до молодых чёрных трёхлеток, которые воображали, что им это тоже под силу. Волк-одиночка уже около года был их вожаком. В юности он два раза попадал в волчий капкан, однажды люди его избили и бросили, решив, что он издох, так что нравы и обычаи людей были ему знакомы. На Скале Совета почти никто не разговаривал. Волчата кувыркались посередине площадки, кругом сидели их отцы и матери. Время от времени один из взрослых волков поднимался неторопливо, подходил к какому-нибудь волчонку, пристально смотрел на него и возвращался на своё место, бесшумно ступая. Иногда мать выталкивала своего волчонка в полосу лунного света, боясь, что его не заметят. Акела взывал со своей скалы:

— Закон вам известен, Закон вам известен! Смотрите же, о волки!

И заботливые матери подхватывали:

— Смотрите же, смотрите хорошенько, о волки!

Наконец — и Мать Волчица вся ошестинилась, когда подошла их очередь, — Отец Волк вытолкнул на середину круга Лягушонка Маугли. Усевшись на землю, Маугли засмеялся и стал играть камешками, блестящими в лунном свете.

Акела ни разу не поднял головы, лежавшей на передних лапах, только время от времени всё так же повторял:

— Смотрите, о волки!

Глухой рёв донёсся из-за скалы — голос Шер-Хана:

— Детёныш мой! Отдайте его мне! Зачем Свободному Народу человеческий детёныш?

Но Акела даже ухом не повёл. Он сказал только:

— Смотрите, о волки! Зачем Свободному Народу слушать чужих? Смотрите хорошенько!

Волки глухо зарычали хором, и один из молодых четырёхлеток в ответ Акеле повторил вопрос Шер-Хана:

— Зачем Свободному Народу человеческий детёныш?

А Закон Джунглей говорит, что если поднимется спор о том, можно ли принять детёныша в Стаю, в его пользу должны высказаться по крайней мере два волка из Стаи, но не отец и не мать.

— Кто за этого детёныша? — спросил Акела. — Кто из Свободного Народа хочет говорить?

Ответа не было, и Мать Волчица приготовилась к бою, который, как она знала, будет для неё последним, если дело дойдёт до драки.

Тут поднялся на задние лапы и заворчал единственный зверь другой породы, которого допускают на Совет Стаи, — Балу, ленивый бурый медведь, который обучает волчат Закону Джунглей, старик Балу, который может бродить где ему вздумается, потому что он ест одни только орехи, мёд и коренья.

— Человечий детёныш? Ну что же, — сказал он, — я за детёныша. Он никому не принесёт вреда. Я не мастер говорить, но говорю правду. Пусть его бегают со Стаей. Давайте примем детёныша вместе с другими. Я сам буду учить его.

— Нам нужен ещё кто-нибудь, — сказал Акела. — Балу сказал своё слово, а ведь он учитель наших волчат. Кто ещё будет говорить, кроме Балу?

Чёрная тень легла посреди круга. Это была Багира, чёрная пантера, чёрная вся сплошь, как чернила, но с отметинами, которые, как у всех пантер, видны на свету, точно лёгкий узор на муаре. Все в джунглях знали Багиру, и никто не захотел бы становиться ей поперёк дороги, ибо она была хитра, как Табаки, отважна, как дикий буйвол, и бесстрашна, как раненый слон. Зато голос у неё был сладок, как дикий мёд, капающий с дерева, а шкура мягче пуха.

— О Акела, и ты, Свободный Народ, — промурлыкала она, — в вашем собрании у меня нет никаких прав, но Закон Джунглей говорит, что если начинается спор из-за нового детёныша, жизнь этого детёныша можно выкупить. И в Законе не говорится, кому можно, а кому нельзя платить этот выкуп. Правда ли это?

— Так! Так! — закричали молодые волки, которые всегда голодны. — Слушайте Багиру! За детёныша можно взять выкуп. Таков Закон.

— Я знаю, что не имею права говорить здесь, и прошу у вас позволения.

— Так говори же! — закричало двадцать голосов разом.

— Стыдно убивать безволосого детёныша. Кроме того, он станет отличной забавой для вас, когда подрастёт. Балу замолвил за него слово. А я к слову Балу прибавлю буйвола, жирного, только что убитого буйвола, всего в полумиле отсюда, если вы примете человеческого детёныша в Стаю, как полагается по Закону. Разве это так трудно?

Тут поднялся шум, и десятки голосов закричали разом: — Что за беда? Он умрёт во время зимних дождей. Его сожжёт солнце. Что может нам сделать голый лягушонок? Пусть бегаёт со Стаей. А где буйвол, Багира? Давайте примем детёныша!

Маугли по-прежнему играл камешками и не видел, как волки один за другим подходили и осматривали его. Наконец все они ушли с холма за убитым буйволом, и остались только Акела, Багира, Балу и семья Лягушонка Маугли. Шер-Хан всё ещё ревел в темноте — он очень рассердился, что Маугли не отдали ему.

— Да, да, реви громче! — сказала Багира себе в усы. — Придёт время, когда этот голышонок заставит тебя реветь на другой лад, или я ничего не смыслю в людях.

— Хорошо мы сделали! — сказал Акела. — Люди и их детёныши очень умы. Когда-нибудь он станет нам помощником.

— Да, помощником в трудное время, ибо никто не может быть вожаком Стаи вечно, — сказала Багира.

Акела ничего не ответил. Он думал о той поре, которая настаёт для каждого вожака Стаи, когда сила уходит от него мало-помалу. Волки убивают его, когда он совсем ослабеет, а на его место становится новый вожак, чтобы со временем тоже быть убитым.

— Возьми детёныша, — сказал он Отцу Волку, — и воспитай его, как подобает воспитывать сыновей Свободного Народа.

Так Лягушонок Маугли был принят в Сионийскую Стаю — за буйвола и доброе слово Балу.

Теперь вам придётся пропустить целых десять или одиннадцать лет и разве только догадываться о том, какую удивительную жизнь вёл Маугли среди волков, потому что если о ней написать подробно, вышло бы много-много книг. Он рос вместе с волчатами, хотя они, конечно, стали взрослыми волками гораздо раньше, чем он вышел из младенческих лет, и Отец Волк учил его своему ремеслу и объяснял всё, что происходит в джунглях. И потому каждый шорох в траве, каждое дуновение тёплого ночного ветерка, каждый крик совы над головой, каждое движение летучей мыши, на лету зацепившейся коготками за ветку дерева, каждый всплеск маленькой рыбки в пруду очень много значили для Маугли. Когда он ничему не учился, он дремал, сидя на солнце, ел и опять засыпал. Когда ему бывало жарко и хотелось освежиться, он плавал в лесных озёрах; а когда ему хотелось мёду (от Балу он узнал, что мёд и орехи так же вкусны, как и сырое мясо), он лез за ним на дерево — Багира показала ему, как это делается. Багира растягивалась на суку и звала:

— Иди сюда, Маленький Брат!

Сначала Маугли цеплялся за сучья, как зверёк ленивец, а потом научился прыгать с ветки на ветку почти так же смело, как серая обезьяна. На Скале Совета, когда собиралась Стая, у него тоже было своё место. Там он заметил, что ни один волк не может выдержать его пристальный взгляд и опускает глаза перед ним, и тогда, забавы ради, он стал пристально смотреть на волков. Случалось, он вытаскивал своим друзьям занозы из лап — волки очень страдают от колючек и репьев, которые впиваются в их шкуру. По ночам он спускался с холмов на возделанные поля и с любопытством следил за людьми в хижинах, но не чувствовал к ним доверия. Багира показала ему квадратный ящик со спускной дверцей, так искусно спрятанный в чаще, что Маугли сам едва не попал в него, и сказала, что это ловушка. Больше всего он любил уходить с Багирой в тёмную, жаркую глубину леса, засыпать там на весь день, а ночью глядеть, как охотится Багира. Она убивала направо и налево, когда бывала голодна. Так же поступал и Маугли. Но когда мальчик подрос и стал всё понимать, Багира сказала ему, чтобы он не смел трогать домашнюю скотину, потому что за него заплатили выкуп Стае, убив буйвола.

— Все джунгли твои, — говорила Багира. — Ты можешь охотиться за любой дичью, какая тебе по силам, но ради того буйвола, который выкупил тебя, ты не должен трогать никакую скотину, ни молодую, ни старую. Таков Закон Джунглей.

И Маугли повиновался бесприкословно.

Он рос и рос — сильным, каким и должен расти мальчик, который мимоходом учится всему, что нужно знать, даже не думая, что учится, и заботится только о том, чтобы добыть себе еду.

Мать Волчица сказала ему однажды, что Шер-Хану нельзя доверять и что когда-нибудь ему придётся убить Шер-Хана. Волчонок ни на минуту не забыл бы про этот совет, а Маугли забыл, потому что был всего-навсего мальчик, хоть и назвал бы себя волком, если б умел говорить на человеческом языке.

В джунглях Шер-Хан постоянно становился ему поперёк дороги, потому что Акела всё дряхлел и слабел, а хромой тигр за это время успел свести дружбу с молодыми волками Сионийской Стаи. Они ходили за ним по пятам, дожидаясь объедков, чего Акела не допустил бы, если бы по-старому пользовался властью. А Шер-Хан льстил волчатам: он удивлялся, как это такие смелые молодые охотники позволяют командовать собой издыхающему волку и человеческому детёнышу. «Я слышал, — говаривал Шер-Хан, — будто на Совете вы не смеее посмотреть ему в глаза». И молодые волки злобно рычали и ощеривались.

Багире, которая всё видела и всё слышала, было известно кое-что на этот счёт, и несколько раз она прямо говорила Маугли, что

Шер-Хан убьёт его когда-нибудь. Но Маугли только смеялся и отвечал:

— У меня есть Стая, и у меня есть ты. Да и Балу, как он ни ленив, может ради меня хватить кого-нибудь лапой. Чего же мне бояться?

Был очень жаркий день, когда новая мысль пришла в голову Багире, — должно быть, она услышала что-нибудь. Может быть, ей говорил об этом дикобраз Сахи, но как-то раз, когда они забрались вместе с Маугли глубоко в чащу леса и мальчик улёгся, положив голову на красивую чёрную спину пантеры, она сказала ему:

— Маленький Брат, сколько раз я говорила тебе, что Шер-Хан твой враг?

— Столько раз, сколько орехов на этой пальме, — ответил Маугли, который, само собой разумеется, не умел считать. — Ну, и что из этого? Мне хочется спать, Багира, а Шер-Хан — это всего-навсего длинный хвост да громкий голос, вроде павлина Мора.

— Сейчас не время спать!.. Балу это знает, знаю я, знает вся Стая, знает даже глупый-глупый олень. И Табаки тебе это говорил тоже.

— Хо-хо! — сказал Маугли. — Табаки приходил ко мне недавно с какими-то дерзостями, говорил, что я безволосый щенок, не умею даже выкапывать земляные орехи, но я его поймал за хвост и стукнул разика два о пальму, чтобы он вёл себя пожеливее.

— Ты сделал глупость: Табаки хоть и смутьян, но знает много такого, что прямо тебя касается. Открой глаза, Маленький Брат. Шер-Хан не смеет убить тебя в джунглях, но не забывай, что Акела очень стар. Скоро настанет день, когда он не сможет убить буйвола, и тогда уже не будет вожаком. Те волки, что видели тебя на Скале Совета, тоже состарились, а молодым хромой тигр внушил, что человечьему детёнышу не место в Волчьей Стае. Пройдёт немного времени, и ты станешь человеком.

— А что такое человек? Разве ему нельзя бегать со своими братьями? — спросил Маугли. — Я родился в джунглях, я слушался Закона Джунглей, и нет ни одного волка в Стае, у которого я не вытащил бы занозы. Все они — мои братья!

Багира вытянулась во весь рост и закрыла глаза.

— Маленький Братец, — сказала она, — пощупай у меня под челюстью.

Маугли протянул свою сильную смуглую руку и на шелковистой шее Багиры, там, где под блестящей шерстью перекатываются громадные мускулы, нащупал маленькую лысинку.

— Никто в джунглях не знает, что я, Багира, ношу эту отметину — след ошейника. Однако я родилась среди людей, Ма-

ленький Брат, среди людей умерла моя мать — в зверинце королевского дворца в Удайпуре. Потому я и заплатила за тебя выкуп на Совете, когда ты был ещё маленьким голым детёнышем. Да, я тоже родилась среди людей. Смолоду я не видела джунглей. Меня кормили за решёткой, из железной миски, но вот однажды ночью я почувствовала, что я — Багира, пантера, а не игрушка человека. Одним ударом лапы я сломала этот глупый замок и убежала. И оттого, что мне известны людские повадки, в джунглях меня боятся больше, чем Шер-Хана. Разве это не правда?

— Да,— сказал Маугли,— все джунгли боятся Багиры, все, кроме Маугли.

— О, ты — человеческий детёныш,— сказала чёрная пантера очень нежно.— И как я вернулась в свои джунгли, так и ты должен в конце концов вернуться к людям, к своим братьям, если только тебя не убьют на Совете.

— Но зачем кому-то убивать меня? — спросил Маугли.

— Взгляни на меня,— сказала Багира.

И Маугли пристально посмотрел ей в глаза.

Большая пантера не выдержала и отвернулась.

— Вот зачем,— сказала она, и листья зашуршали под её лапой.— Даже я не могу смотреть тебе в глаза, а ведь я родилась среди людей и люблю тебя, Маленький Брат. Другие тебя ненавидят за то, что не могут выдержать твой взгляд, за то, что ты умён, за то, что ты вытаскиваешь им занозы из лап, за то, что ты человек.

— Я ничего этого не знал,— угрюмо промолвил Маугли и нахмурил густые чёрные брови.

— Что говорит Закон Джунглей? Сначала ударь, потом подавай голос. По одной твоей беспечности они узнают в тебе человека. Будь же благоразумен. Сердце говорит мне, что, если Акела промахнётся на следующей охоте — а ему с каждым разом становится всё труднее и труднее убивать,— волки перестанут слушать его и тебя. Они соберут на Скале Совета Народ Джунглей, и тогда... тогда... Я знаю, что делать! — крикнула Багира, вскакивая.— Ступай скорее вниз, в долину, в хижины людей, и достань у них Красный Цветок. У тебя будет тогда союзник сильнее меня, и Балу, и тех волков Стаи, которые любят тебя. Достань Красный Цветок!

Красным Цветком Багира называла огонь, потому что ни один зверь в джунглях не назовёт огонь его настоящим именем. Все звери смертельно боятся огня и придумывают сотни имён, лишь бы не называть его прямо.

— Красный Цветок? — сказал Маугли.— Он растёт перед хижинами в сумерки. Я его достану.

— Вот это говорит человеческий детёныш! — с гордостью сказала Багира.— Не забудь, что этот цветок растёт в маленьких

горшках. Добудь же его поскорее и держи при себе, пока он не понадобится.

— Хорошо! — сказал Маугли. — Я иду. Но уверена ли ты, о моя Багира, — он обвил рукой её великолепную шею и заглянул глубоко в большие глаза, — уверена ли ты, что всё это проделки Шер-Хана?

— Да, клянусь сломанным замком, который освободил меня, Маленький Брат!

— Тогда клянусь буйволом, выкупившим меня, я заплачу за это Шер-Хану сполна, а может быть, и с лихвой, — сказал Маугли и умчался прочь.

«Вот человек! В этом виден человек, — сказала самой себе Багира, укладываясь снова. — О Шер-Хан, не в добрый час вздумалось тебе поохотиться за Лягушонком десять лет назад!»

А Маугли был уже далеко-далеко в лесу. Он бежал со всех ног, и сердце в нём горело. Добежав до пещеры, когда уже ложился вечерний туман, он остановился перевести дыхание и посмотрел вниз, в долину. Волчат не было дома, но Мать Волчица по дыханию своего Лягушонка поняла, что он чем-то взволнован.

— Что случилось, сынок? — спросила она.

— Шер-Хан разносит сплетни, как летучая мышь, — отозвался он. — Я охочусь нынче на вспаханных полях.

И он бросился вниз, через кусты, к реке на дне долины, но сразу остановился, услышав вой охотящейся Стаи. Он услышал и стон загнанного оленя и фыркание, когда олень повернулся для защиты. Потом раздалось злобное, ожесточённое таяканье молодых волков:

— Акела! Акела! Пускай волк-одиночка покажет свою силу! Дорогу Вожаку Стаи! Прыгай, Акела!

Должно быть, волк-одиночка прыгнул и промахнулся, потому что Маугли услышал щёлканье его зубов и короткий визг, когда олень сшиб Акелу с ног передним копытом.

Маугли не стал больше дожидаться, а бросился бегом вперёд. Скоро начались засеянные поля, где жили люди, и вой позади него слышался всё слабей и слабей, глуше и глуше.

— Багира говорила правду, — прошептал он, задыхаясь, и свернулся клубком на куче травы под окном хижины. — Завтра решительный день и для меня и для Акелы.

Потом, прижавшись лицом к окну, он стал смотреть на огонь в очаге. Он видел, как жена пахаря вставала ночью и подкладывала в огонь какие-то чёрные куски, а когда настало утро и над землёй пополз холодный белый туман, он увидел, как ребёнок взял оплетённый горшок, выложенный изнутри глиной, наполнил его углями и, накрыв одеялом, пошёл кормить скотину в хлеву.

— Только и всего? — сказал Маугли. — Если даже детёныш это умеет, то бояться нечего.

И он повернул за угол, навстречу мальчику, выхватил горшок у него из рук и скрылся в тумане, а мальчик заплакал от испуга.

— Люди очень похожи на меня,— сказал Маугли, раздувая угли, как это делала женщина.— Если его не кормить, оно умрёт.— И Маугли набросал веток и сухой коры на красные угли.

На половине дороги в гору он встретил Багиру. Утренняя роса блестела на её шкуре, как лунные камни.

— Акела промахнулся,— сказала ему пантера.— Они убили бы его вчера ночью, но им нужен ещё и ты. Они искали тебя на холме.

— Я был на вспаханных полях. Я готов. Смотри.— Маугли поднял над головой горшок с углями.

— Хорошо! Вот что: я видела, как люди суют туда сухую ветку, и на её конце расцветает Красный Цветок. Ты не боишься?

— Нет! Чего мне бояться? Теперь я припоминаю, если только это не сон: когда я ещё не был волком, я часто лежал возле Красного Цветка, и мне было хорошо и тепло.

Весь этот день Маугли провёл в пещере; он стерёг горшок с огнём и совал в него сухие ветки, пробуя, что получится. Он нашёл такую ветку, которой остался доволен, и вечером, когда Табаки подошёл к пещере и очень грубо сказал, что Маугли требуют на Скалу Совета, он засмеялся и смеялся так долго, что Табаки убежал. Тогда Маугли отправился на Совет, всё ещё смеясь.

Акела, волк-одиночка, лежал возле своей скалы в знак того, что место Вожака Стаи свободно, а Шер-Хан со сворой своих прихвостней разгуливал взад и вперёд, явно польщённый. Багира лежала рядом с Маугли, а Маугли держал между колен горшок с углями. Когда все собрались, Шер-Хан начал говорить, на что он никогда бы не отважился, будь Акела в расцвете сил.

— Он не имеет права! — шепнула Багира.— Так и скажи. Он собачий сын, он испугается.

Маугли вскочил на ноги.

— Свободный Народ! — крикнул он.— Разве Шер-Хан Вожака Стаи? Разве тигр может быть нашим вожаком?

— Ведь место вожака ещё не занято, а меня просили говорить...— начал Шер-Хан.

— Кто тебя просил? — сказал Маугли.— Неужели мы все шакалы, чтобы пресмыкаться перед этим мясником? Стая сама выберет вожака, это чужих не касается.

Раздались крики:

— Молчи, человекный детёныш!

— Нет, пускай говорит! Он соблюдал наш Закон!

И наконец старики прорычали:

— Пускай говорит Мёртвый Волк!

Когда Вожака Стаи упустит свою добычу, его называют Мёртвым Волком до самой смерти, которой не приходится долго ждать.

Акела нехотя поднял седую голову:

— Свободный Народ, и вы, шакалы Шер-Хана! Двенадцать лет я водил вас на охоту и с охоты, и за это время ни один из вас не попал в капкан и не был искалечен. А теперь я промахнулся. Вы знаете, как это было подстроено. Вы знаете, что мне подвели свежего оленя, для того чтобы моя слабость стала явной. Это было ловко сделано. Вы вправе убить меня здесь, на Скале Советов. И потому я спрашиваю: кто из вас подойдёт и прикончит волка-одиночку? По Закону Джунглей я имею право требовать, чтобы вы подходили по одному.

Наступило долгое молчание. Ни один волк не смел вступить в смертный бой с Акелой. Потом Шер-Хан прорычал:

— На что нам этот беззубый глупец? Он и так умрёт! А вот человеческий детёныш зажился на свете. Свободный Народ, он с самого начала был моей добычей. Отдайте его мне. Мне противно видеть, что все вы словно помешались на нём. Он десять лет мучил джунгли. Отдайте его мне, или я всегда буду охотиться здесь, а вам не оставляю даже голой кости. Он человек и дитя человека, и я всем сердцем ненавижу его!

Тогда больше половины Стаи завывало:

— Человек! Человек! На что нам человек? Пускай уходит к своим!

— И поднимет против нас всех людей по деревням! — крикнул Шер-Хан. — Нет, отдайте его мне! Он человек, и никто из нас не смеет смотреть ему в глаза.

Акела снова поднял голову и сказал:

— Он ел вместе с нами. Он спал вместе с нами. Он загонял для нас дичь. Он ни разу не нарушил Закона Джунглей.

— Мало того: когда его принимали в Стаю, в уплату за него я отдала буйвола. Буйвол стоит немного, но честь Багиры, быть может, стоит того, чтобы за неё драться, — промурлыкала Багира самым мягким голосом.

— Буйвол, отданный десять лет назад! — огрызнулась Стая. — Какое нам дело до костей, которым уже десять лет?

— Или до того, чтобы держать своё слово? — сказала Багира, оскалив белые зубы. — Недаром вы зовётесь Свободным Народом!

— Ни один человеческий детёныш не может жить с Народом Джунглей! — провыл Шер-Хан. — Отдайте его мне!

— Он наш брат по всему, кроме крови, — продолжал Акела, — а вы хотите убить его здесь! Поистине я зажился на свете! Одни из вас нападают на домашний скот, а другие, наученные Шер-Ханом, как я слышал, бродят тёмной ночью по деревням и воруют детей с порогов хижин. Поэтому я знаю, что вы трусы, и к трусам обращаюсь теперь. Я скоро умру, и жизнь моя не имеет цены, не то я отдал бы её за жизнь человеческого детёныша. Но ради чести

Стаи, о которой вы успели забыть без вожака, я обещаю вам, что не укушу вас ни разу, когда придёт моё время умереть, если только вы дадите человечьему детёнышу спокойно уйти к своим. Я умру без боя. Это спасёт для Стаи не меньше чем три жизни. Больше я ничего не могу сделать, но, если хотите, избавляю вас от позора — убить брата, за которым нет вины, брата, принятого в Стаю по Закону Джунглей.

— Он человек!.. человек!.. человек! — завывала Стая.

И больше половины Стаи перебежало к Шер-Хану, который начал постукивать о землю хвостом.

— Теперь всё в твоих руках, — сказала Багира Маугли. — Мы теперь можем только драться.

Маугли выпрямился во весь рост, с горшком в руках. Потом расправил плечи и зевнул прямо в лицо Совету, но в душе он был вне себя от злости и горя, ибо волки, по своей волчьей повадке, никогда не говорили Маугли, что ненавидят его.

— Слушайте, вы! — крикнул он. — Весь этот собачий лай ни к чему. Вы столько раз говорили мне сегодня, что я человек (а с вами я на всю жизнь остался бы волком), что я и сам почувствовал правду ваших слов. Я стану звать вас не братьями, а собаками, как и следует человеку. Не вам говорить, чего вы хотите и чего не хотите, — это моё дело! А чтобы вам лучше было видно, я, человек, принёс сюда Красный Цветок, которого вы, собаки, боитесь.

Он швырнул на землю горшок, горящие угли подожгли сухой мох, и он вспыхнул ярким пламенем. Весь Совет отпрянул назад перед языком пламени. Маугли сунул в огонь сухой сук, так что мелкие ветки вспыхнули и затрещали, потом завертел им над головой, разгоняя ошетинившихся от страха волков.

— Ты господин, — сказала Багира шёпотом. — Спаси Акелу от смерти. Он всегда был тебе другом.

Акела, угрюмый старый волк, никогда в жизни не просивший пощады, теперь бросил умоляющий взгляд на Маугли, а тот стоял в свете горячей ветви, весь голый, с разметавшимися по плечам длинными чёрными волосами, и тени метались и прыгали вокруг него.

— Так! — сказал Маугли, медленно озираясь кругом. — Вижу, что вы собаки. Я ухожу от вас к своему народу — если это мой народ. Джунгли теперь закрыты для меня, я должен забыть ваш язык и вашу дружбу, но я буду милосерднее вас. Я был вашим братом во всём, кроме крови, и потому обещаю вам, что, когда стану человеком среди людей, я не предаю вас людям, как вы предали меня. — Он толкнул костёр ногой, и вверх полетели искры. — Между нами, волками одной Стаи, не будет войны. Однако нужно заплатить долг, прежде чем уйти.

Маугли подошёл ближе к тому месту, где сидел Шер-Хан,

бессмысленно моргая на огонь, и схватил его за кисточку на подбородке. Багира пошла за ним на всякий случай.

— Встань, собака! — крикнул Маугли. — Встань, когда говорит человек, не то я подпалю тебе шкуру!

Шер-Хан прижал уши к голове и закрыл глаза, потому что пылающий сук был очень близко.

— Этот скотоубийца говорил, что убьёт меня на Совете, потому что не успел убить меня в детстве... Вот так и вот так мы бьем собаку, когда становимся людьми. Шевельни только усом, Хромой, и я забью тебе в глотку Красный Цветок.

Он бил Шер-Хана по голове пылающей веткой, и тигр скулил и стонал в смертном страхе.

— Фу! Теперь ступай прочь, палёная кошка! Но помни: когда я в следующий раз приду на Скалу Совета, я приду со шкурой Шер-Хана на голове... Теперь вот что. Акела волен жить, как ему угодно. Вы его не убьёте, потому что я этого не хочу. Не думаю также, что вы долго ещё будете сидеть здесь, высунув язык, словно важные особы, а не собаки, которых я гоню прочь, вот так! Вон, вон!

Конец сука бешено пылал, Маугли раздавал удары направо и налево по кругу, а волки разбегались с воем, унося на своей шкуре горящие искры. Под конец на скале остались только Акела, Багира и, быть может, десяток волков, перешедших на сторону Маугли. И тут что-то начало жечь Маугли изнутри, как никогда в жизни не жгло. Дыхание у него перехватило, он зарыдал, и слёзы потекли по его щекам.

— Что это такое? Что это? — говорил он. — Я не хочу уходить из джунглей, и я не знаю, что со мной делается. Я умираю, Багира?

— Нет, Маленький Брат, это только слёзы, какие бывают у людей, — ответила Багира. — Теперь я знаю, что ты человек и уже не детёныш больше. Отныне джунгли закрыты для тебя... Пусть текут, Маугли. Это только слёзы.

И Маугли сидел и плакал так, словно сердце его разрывалось, потому что он плакал первый раз в жизни.

— Теперь, — сказал он, — я уйду к людям. Но прежде я должен проститься с моей матерью.

И он пошёл к пещере, где Мать Волчица жила с Отцом Волком, и плакал, уткнувшись в её шкуру, а четверо волчат жалобно выли.

— Вы не забудете меня? — спросил Маугли.

— Никогда, пока можем идти по следу! — сказали волчата. — Приходи к подножию холма, когда станешь человеком, и мы будем говорить с тобой или придём в поля и станем играть с тобой по ночам.

— Приходи поскорей! — сказал Отец Волк. — О Мудрый

Лягушонок, приходи поскорее, потому что мы с твоей матерью уже стары.

— Приходи скорей, мой голый сынок,— сказала Мать Волчица,— ибо знай, дитя человека, я люблю тебя больше, чем собственных волчат.

— Приду непременно,— сказал Маугли.— Приду для того, чтобы положить шкуру Шер-Хана на Скалу Совета. Не забывайте меня! Скажите всем в джунглях, чтобы не забывали меня!

Начинал брезжить рассвет, когда Маугли спустился один с холма в долину, навстречу тем таинственным существам, которые зовутся людьми.

ОХОТА КАА

Всё, о чём здесь рассказано, произошло задолго до того, как Маугли был изгнан из Сионийской Стаи и отомстил за себя тигру Шер-Хану. Это случилось в то время, когда медведь Балу обучал его Закону Джунглей. Большой и важный бурый медведь радовался способностям ученика, потому что волчата обычно выучивают из Закона Джунглей только то, что нужно их Стае и племени, и бегают от учителя, затвердив охотничий стих: «Ноги ступают без шума, глаза видят в темноте, уши слышат, как шевелится ветер в своей берлоге, зубы остры и белы — вот приметы наших братьев, кроме шакала Табаки и гиены, которых мы ненавидим». Но Маугли, как детёнышу человека, нужно было знать гораздо больше.

Иногда чёрная пантера Багира, гуляя по джунглям, заходила посмотреть, какие успехи делает её любимец. Мурлыкая, укладывалась она на отдых под деревом и слушала, как Маугли отвечает медведю свой урок. Мальчик лазил по деревьям так же хорошо, как плавал, а плавал так же хорошо, как бегал, и Балу, учитель Закона, обучал его всем законам лесов и вод: как отличить гнилой сук от крепкого; как вежливо заговорить с дикими пчёлами, если повстречаешь рой на дереве; что сказать нетопырю Мангу, если потревожишь его сон в полдень среди ветвей; и как успокоить водяных змей, прежде чем окунуться в заводь. Народ джунглей не любит, чтобы его тревожили, и всякий готов броситься на незваного гостя. Маугли выучил и Охотничий Клич Чужака, который нужно повторять много раз, пока на него не ответят, если охотиться в чужих местах. Этот клич в переводе значит: «Позвольте мне поохотиться здесь, потому что я голоден», и на него отвечают: «Охоться ради пропитания, но не ради забавы».

Из этого видно, сколько Маугли приходилось заучивать наизусть, и он очень устал повторять по сотне раз одно и то же.

Но Балу правильно сказал однажды Багире, после того как Маугли, получив шлепок, рассердился и убежал:

— Детёныш человека есть детёныш человека, и ему надо знать все Законы Джунглей.

— Но подумай, какой он маленький,— возразила Багире, которая избаловала бы Маугли, если бы дать ей волю.— Разве может такая маленькая головка вместить все твои речи?

— А разве в джунглях довольно быть маленьким, чтобы тебя не убили? Нет! Потому я и учу его всем законам, потому и бью его, совсем легонько, когда он забывает урок.

— «Легонько»! Что ты понимаешь в этом, Железная Лапа? — проворчала Багире.— Сегодня у него всё лицо в синяках от твоего «легонько»! Уф!

— Лучше ему быть в синяках с ног до головы, чем погибнуть из-за своего невежества,— очень серьёзно отвечал ей Балу.— Я теперь учу его Заветным Словам Джунглей, которые будут ему защитой против птиц и змей и против всех, кто бегают на четырёх лапах, кроме его родной Стан. Если он запомнит эти слова, он может просить защиты у всех в джунглях. Разве это не стоит колотушек?

— Хорошо, только смотри не убей детёныша. Он не лесной пень, чтобы ты точил о него свои тупые когти. А какие же это Заветные Слова? Я лучше помогу сама, чем стану просить помощи, но всё же мне хотелось бы знать.— И Багире, вытянув лапу, залюбовалась своими когтями, синими, как сталь, и острыми, как резцы.

— Я позову Маугли, и он скажет тебе... если захочет. Поди сюда, Маленький Брат!

— Голова у меня гудит, как пчелиное дупло,— слышался недовольный детский голос над их головами, и Маугли, соскользнув с дерева, прибавил сердито и негодуя: — Я пришёл ради Багире, а не ради тебя, жирный старый Балу!

— А мне это всё равно,— ответил Балу, хотя был очень огорчён и обижен.— Так скажи Багире Заветные Слова Джунглей, которым я учил тебя сегодня.

— Заветные Слова какого народа? — спросил Маугли, очень довольный, что может похвастаться.— В джунглях много наречий. Я знаю их все.

— Кое-что ты знаешь, но очень немного. Полюбуйся, о Багире, вот их благодарность учителю. Ни один самый захудалый волчонок ни разу не пришёл поблагодарить старика Балу за науку. Ну, так скажи Слово Охотничьего Народа, ты, великий учёный.

— «Мы с вами одной крови, вы и я»,— сказал Маугли, произнося по-медвежьи те слова, которые обычно говорит весь Охотничий Народ.

— Хорошо! Теперь Слово Птиц.

Маугли повторил те же слова, свистнув, как коршун.

— Теперь Слово Змеиного Народа,— сказала Багира.

В ответ послышалось не передаваемое никакими словами шипение, и Маугли забрыкал ногами и захлопал в ладоши, потом вскочил на спину Багиры и сел боком, барабанил пятками по блестящей чёрной шкуре и строя медведю самые страшные рожи.

— Вот-вот! Это стоит каких-то синяков,— ласково сказал бурый медведь.— Когда-нибудь ты вспомнишь меня.

И, повернувшись к Багире, он рассказал ей, как просил дикого слона Хатхи, который всё на свете знает, сказать ему Заветные Слова Змеиного Народа, как Хатхи водил Маугли к пруду узнавать Змеиные Слова от водяной змеи, потому что сам Балу не мог их выговорить, и теперь Маугли не грозит никакая опасность в джунглях: ни змея, ни птица, ни зверь не станут вредить ему.

— И, значит, ему некого бояться! — Балу вытянулся во весь рост, с гордостью похлопывая себя по толстому мохнатому животу.

— Кроме своего племени,— шепнула Багира, а потом громко сказала Маугли: — Пожалей мои рёбра, Маленький Брат! Что это за прыжки то вниз, то вверх?

Маугли, добиваясь, чтобы его выслушали, давно уже теребил Багиру за мягкую шерсть на плече и толкал её пятками. Оба прислушались и разобрали, что он кричит во весь голос:

— Теперь у меня будет своё собственное племя, и я буду целый день водить его по деревьям!

— Что это за новая глупость, маленький выдумщик? — спросила Багира.

— Да, и бросать ветками и грязью в старого Балу,— продолжал Маугли.— Они мне это обещали... Ай!

— Вуу! — Большая лапа Балу смахнула Маугли со спины пантеры, и, лёжа между передними лапами медведя, Маугли понял, что тот сердится.— Маугли,— сказал Балу,— ты разговаривал с Бандар-Логами, Обезьяньим Народом?

Маугли взглянул на Багиру — не сердится ли и она тоже — и увидел, что глаза пантеры стали жёстки, как два изумруда.

— Ты водишься с Обезьяньим Народом — с серыми обезьянами, с народом, не знающим Закона, с народом, который ест всё без разбора? Как тебе не стыдно!

— Балу ударил меня по голове,— сказал Маугли (он всё ещё лежал на спине),— и я убежал, а серые обезьяны спустились с дерева и пожалели меня. А другим было всё равно.— Он слегка всхлипнул.

— Жалость Обезьяньего Народа! — фыркнул Балу.— Спо-

койствие горного потока! Прохлада летнего зноя! А что было потом, детёныш человека?

— А потом... потом они дали мне орехов и всякой вкусной еды, а потом взяли меня на руки и унесли на вершины деревьев и говорили, что я им кровный брат, только что бесхвостый, и когда-нибудь стану их вожаком.

— У них не бывает вожака,— сказала Багира.— Они лгут. И всегда лгали.

— Они были очень ласковы со мной и просили приходить ещё. Почему вы меня никогда не водили к Обезьяньему Народу? Они ходят на двух ногах, как и я. Они не дерутся жёсткими лапами. Они играют целый день... Пустите меня, скверный Балу, пустите меня! Я опять пойду играть с ними.

— Слушай, детёныш! — сказал медведь, и голос его гремел, как гром в жаркую ночь.— Я научил тебя Закону Джунглей — общему для всех народов джунглей, кроме Обезьяньего Народа, который живёт на деревьях. У них нет Закона. У них нет своего языка, одни только краденые слова, которые они перенимают у других, когда подслушивают, и подсматривают, и подстерегают, сидя на деревьях. Их обычаи — не наши обычаи. Они живут без вожака. Они ни о чём не помнят. Они болтают и хвастают, будто они великий народ и задумали великие дела в джунглях, но вот упадёт орех, и они уже смеются и всё позабыли. Никто в джунглях не водится с ними. Мы не пьём там, где пьют обезьяны, не ходим туда, куда ходят обезьяны, не охотимся там, где они охотятся, не умираем там, где они умирают. Разве ты слышал от меня хотя бы слово о Бандар-Логах?

— Нет,— ответил Маугли шёпотом, потому что лес притих, после того как Балу кончил свою речь.

— Народ Джунглей не хочет их знать и никогда про них не говорит. Их очень много, они злые, грязные, бесстыдные и хотят только того, чтобы Народ Джунглей обратил на них внимание. Но мы не замечаем их, даже когда они бросают орехи и сыплют грязь нам на голову.

Не успел он договорить, как целый дождь орехов и сучьев посыпался на них с деревьев; послышался кашель, визг и сердитые скачки высоко над ними, среди тонких ветвей.

— С Обезьяньим Народом запрещено водиться,— сказал Балу,— запрещено Законом. Не забывай этого!

— Да, запрещено,— сказала Багира.— Но я всё-таки думаю, что Балу должен был предупредить тебя.

— Я?.. Я? Как могло мне прийти в голову, что он станет водиться с такой дрянью? Обезьяний Народ! Тьфу!

Снова орехи дождём посыпались им на голову, и медведь с пантерой убежали, захватив с собой Маугли. Балу говорил про обезьян сущую правду. Они жили на вершинах деревьев,

а так как звери редко смотрят вверх, то обезьянам и Народу Джунглей не приходилось встречаться. Но если обезьянам попадался в руки больной волк, или раненый тигр, или медведь, они мучили слабых и забавы ради бросали в зверей палками и орехами, надеясь, что их заметят. Они поднимали вой, выкрикивая бессмысленные песни, звали Народ Джунглей к себе на деревья драться, заводили из-за пустяков ссоры между собой и бросали мёртвых обезьян где попало, напоказ всему Народу Джунглей. Они постоянно собирались завести и своего вожака и свои законы и обычаи, но так и не завели, потому что память у них была короткая, не дальше вчерашнего дня. В конце концов они помирились на том, что придумали поговорку: «Все джунгли будут думать завтра так, как обезьяны думают сегодня», и очень этим утешались. Никто из зверей не мог до них добраться, и никто не обращал на них внимания — вот почему они так обрадовались, когда Маугли стал играть с ними, а Балу на него рассердился.

Никакой другой цели у них не было — у обезьян никогда не бывает цели, — но одна из них придумала, как ей показалось, забавную штуку и объявила всем другим, что Маугли может быть полезен всему их племени, потому что умеет сплести ветви для защиты от ветра, и если его поймать, то он научит этому и обезьян. Разумеется, Маугли, как сын лесоруба, многое знал, сам не помня откуда, и умел строить шалаши из хвороста, сам не зная, как это у него получается. А Обезьяний Народ, подглядывая за ним с деревьев, решил, что это занятная игра. На этот раз, говорили обезьяны, у них и вправду будет вожак и они станут самым мудрым народом в джунглях, таким мудрым, что все их заметят и позавидуют им. И потому они тихонько крались за Балу и Багирой, пока не наступило время полуденного отдыха и Маугли, которому было очень стыдно, не улёгся спать между пантерой и медведем, решив, что больше не станет водиться с Обезьяньим Народом.

И тут сквозь сон он почувствовал чьи-то руки на своих плечах и ногах — жёсткие, сильные маленькие руки, — потом хлестанье веток по лицу, а потом он в изумлении увидел сквозь качающиеся вершины землю внизу и Балу, который глухо ревел, будя джунгли, а Багира прыжками поднималась вверх по стволу дерева, оскалив сплошные белые зубы. Обезьяны торжествующе взвыли и перескочили вверх на тонкие ветви, куда Багира побоялась лезть за ними.

— Она нас заметила! Багира нас заметила! Все джунгли восхищаются нашей ловкостью и нашим умом! — кричали обезьяны.

Потом они пустились бегом, а бег обезьян по верхушкам деревьев — это нечто такое, чего нельзя описать. У них есть там свои дороги и перекрёстки, свои подъёмы и спуски, пролегающие

в пятидесяти, семидесяти, а то и в ста футах над землёй, и по этим дорогам они путешествуют даже ночью, если надо. Две самые сильные обезьяны подхватили Маугли под мышки и понесли вместе с ним по вершинам деревьев скачками в двадцать футов длиной. Без него они могли бы двигаться вдвое скорее, но мальчик своей тяжестью задерживал их. Как ни кружилась у Маугли голова, он всё же наслаждался бешеной скачкой, хотя мелькавшая далеко внизу земля пугала его и сердце замирало от каждого страшного рывка и толчка при перелёте над провалом с одного дерева на другое. Двое стражей взлетали вместе с ним на вершину дерева так высоко, что тонкие ветви трещали и гнулись под ними, а потом с кашлем и уханьем бросались в воздух, вперёд и вниз, и повисали на соседнем дереве, цепляясь за нижние сучья руками и ногами. Иногда Маугли видел перед собой целое море зелёных джунглей, как человек на мачте видит перед собой океанский простор, потом ветви и листья снова начинали хлестать его по лицу, и он со своими двумя стражами спускался почти к самой земле. Так, скачками и прыжками, с треском и уханьем, всё обезьянье племя мчалось по древесным дорогам вместе со своим пленником Маугли.

Первое время он боялся, что его уронят, потом обозлился, но понял, что бороться нельзя, потом начал думать. Прежде всего нужно было послать о себе весточку Багире и Балу. Обезьяны двигались с такой быстротой, что его друзья не могли их догнать и сильно отставали. Вниз нечего было смотреть — ему видна была только верхняя сторона сучьев, — поэтому он стал смотреть вверх и увидел высоко в синеве коршуна Чилия, который парил над джунглями, описывая круги, в ожидании чьей-нибудь смерти. Чиль видел, что обезьяны что-то несут, и спустился ниже разведать, не годится ли их ноша для еды. Он свистнул от изумления, когда увидел, что обезьяны волокут по верхушкам деревьев Маугли, и услышал от него Заветное Слово Коршуна: «Мы с тобой одной крови, ты и я!» Волнующиеся вершины закрыли от него мальчика, но Чиль успел вовремя скользнуть к ближайшему дереву, и перед ним опять вынырнуло маленькое смуглое лицо.

— Замечай мой путь! — крикнул Маугли. — Дай знать Балу из Сионийской Стаи и Багире со Скалы Совета!

— От кого, Брат? — Чиль ещё ни разу до сих пор не видел Маугли, хотя, разумеется, слышал о нём.

— От Лягушонка Маугли. Меня зовут Человечий Детёныш! Замечай мой путь!

Последние слова он выкрикнул, бросаясь в воздух, но Чиль кивнул ему и поднялся так высоко, что казался не больше пылинки, и, паря в вышине, следил своими зоркими глазами за качавшимися верхушками деревьев, по которым вихрем неслась стража Маугли.

— Им не уйти далеко,— сказал он посмеиваясь.— Обезьяны никогда не доделывают того, что задумали. Всегда они хватаются за что-нибудь новое, эти Бандар-Логи. На этот раз, если я не слеп, они наживут себе беду: ведь Балу не птенчик, да и Багира, сколько мне известно, умеет убивать не одних коз.

И, паря в воздухе, он покачивался на крыльях, подобрав под себя ноги, и ждал.

А в это время Балу и Багира были вне себя от ярости и горя. Багира взобралась на дерево так высоко, как не забиралась никогда, но тонкие ветки ломались под её тяжестью, и она соскользнула вниз, набрав полные когти коры.

— Почему ты не предостерёг Маугли? — заворчала она на бедного Балу, который припустился неуклюжей рысью в надежде догнать обезьян.— Что пользы бить детёныша до полусмерти, если ты не предостерёг его?

— Скорей! О, скорей! Мы... мы ещё догоним их, быть может! — задыхался Балу.

— Таким шагом? От него не устала бы и раненая корова. Учитель Закона, истязатель малышей, если ты будешь так переваливаться с боку на бок, то лопнешь, не пройдя и мили. Сядь спокойно и подумай! Нужно что-то решить. Сейчас не время для погони. Они могут бросить Маугли, если мы подойдём слишком близко.

— Ара-ла! Вуу! Они, может, уже бросили мальчика, если им надоело его нести! Разве можно верить Бандар-Логам! Летучую мышь мне на голову! Кормите меня одними гнилыми костями! Спустите меня в дупло к диким пчёлам, чтобы меня закусали до смерти, и похороните меня вместе с гиеной! Я самый несчастный из зверей! Ара-лала! Ва-у-у! О Маугли, Маугли, зачем я не остерёг тебя против Обезьяньего Народа, зачем я бил тебя по голове? Я, может, выбил сегодняшний урок из его головы, и мальчик теперь один в джунглях и забыл Заветные Слова!

Балу обхватил голову лапами и со стоном закачался взад и вперёд.

— Не так давно он сказал мне правильно все слова,— сердито заметила Багира.— Балу, ты ничего не помнишь и не уважаешь себя. Что подумали бы джунгли, если бы я, чёрная пантера, каталась и выла, свернувшись клубком, как дикобраз Сахи?

— Какое мне дело до того, что подумают джунгли! Мальчик, может быть, уже умер!

— Если только они не бросят его с дерева забавы ради и не убьют от скуки, я не боюсь за детёныша. Он умён и всему обучен, а главное, у него такие глаза, которых боятся все джунгли. Но всё же (и это очень худо) он во власти Бандар-Логов, а они не боятся никого в джунглях, потому что живут высоко на деревьях.— Багира задумчиво облизала переднюю лапу.

— И глуп же я! О толстый бурый глупец, пожиратель корней! — простонал Балу, вдруг выпрямляясь и отряхиваясь. — Правду говорит дикий слон Хатхи: «У каждого свой страх», а они, Бандар-Логи, боятся Каа, горного удава. Он умеет лазить по деревьям не хуже обезьян. По ночам он крадёт у них детёнышей. От одного звука его имени дрожат их гадкие хвосты. Идём к нему!

— Чем может Каа помочь нам? Он не нашего племени, потому что безногий, и глаза у него презлые, — сказала Багира.

— Он очень стар и очень хитёр. Кроме того, он всегда голоден, — с надеждой сказал Балу. — Пообещаем ему много коз.

— Он спит целый месяц, после того как наестся. Может быть, спит и теперь, а если не спит, то, может, и не захочет принять от нас коз в подарок.

Багира плохо знала Каа и потому относилась к нему подозрительно.

— Тогда мы с тобой вместе могли бы уговорить его, старая охотница.

Тут Балу потёрся о Багиру выцветшим бурым плечом, и они вдвоём отправились на поиски горного удава Каа.

Удав лежал, растянувшись во всю длину на выступе скалы, нагретом солнцем, любясь своей красивой новой кожей: последние десять дней он провёл в уединении, меняя кожу, и теперь был во всём своём великолепии. Его большая тупоносая голова металась по земле, тридцатифутовое тело свивалось в причудливые узлы и фигуры, язык облизывал губы, предвкушая будущий обед.

— Он ещё ничего не ел, — сказал Балу со вздохом облегчения, как только увидел красивый пёстрый узор на его спине, коричневый с жёлтым. — Осторожно, Багира! Он плохо видит, после того как переменит кожу, и бросается сразу.

У Каа не было ядовитых зубов — он даже презирал ядовитых змей за их трусость, — вся его сила заключалась в хватке, и если он обвинял кого-нибудь своими огромными кольцами, то это был конец.

— Доброй охоты! — крикнул Балу, садясь на задние лапы.

Как все змеи его породы, Каа был глуховат и не сразу слышал окрик. Он свернулся кольцом и нагнул голову, на всякий случай приготовившись броситься.

— Доброй охоты всем нам! — ответил он. — Ого, Балу! Что ты здесь делаешь? Доброй охоты, Багира. Одному из нас не мешало бы пообедать. Нет ли поблизости вспугнутой дичи? Лани или хотя бы козлёнка? У меня внутри пусто, как в пересошем колодце.

— Мы сейчас охотимся, — небрежно сказал Балу, зная, что Каа нельзя торопить, он слишком грузен.

— А можно мне пойти с вами? — спросил Каа. — Одним

ударом больше или меньше, для вас это ничего не значит, Багира и Балу, а я... мне приходится целыми днями стеречь на лесных тропинках или полночи лазить по деревьям, ожидая, не попадётся ли молодая обезьяна. Пс-с-шоу! Лес нынче уже не тот, что был в моей молодости. Одно гнильё да сухие сучья!

— Может быть, это оттого, что ты стал слишком тяжёл? — сказал Балу.

— Да, я довольно-таки велик... довольно велик, — ответил Каа не без гордости. — Но всё-таки молодые деревья никуда не годятся. Прошлый раз на охоте я чуть-чуть не упал — чуть-чуть не упал! — нашумел, соскользнув с дерева, оттого что плохо зацепился хвостом. Этот шум разбудил Бандар-Логов, и они бранили меня самыми скверными словами.

— Безногий жёлтый земляной червяк! — шепнула Багира себе в усы, словно припоминая.

— Ссссс! Разве они так меня называют? — спросил Каа.

— Что-то в этом роде они кричали нам прошлый раз. Но мы ведь никогда не обращаем на них внимания. Чего только они не говорят! Будто бы у тебя выпали все зубы и будто бы ты никогда не нападаешь на дичь крупнее козлёнка, потому будто бы (такие бесстыдные вралы эти обезьяны!), что боишься козлиных рогов, — вкрадчиво продолжала Багира.

Змея, особенно хитрый старый удав вроде Каа, никогда не покажет, что она сердится, но Балу и Багира заметили, как вздуваются и перекачиваются крупные мускулы под челюстью Каа.

— Бандар-Логи переменили место охоты, — сказал он спокойно. — Я грелся сегодня на солнце и слышал, как они вопили в вершинах деревьев.

— Мы... мы гонимся сейчас за Бандар-Логами, — сказал Балу и поперхнулся, потому что впервые на его памяти обитателю джунглей приходилось признаваться в том, что ему есть дело до обезьян.

— И конечно, не какой-нибудь пустяк ведёт двух таких охотников — вожakov у себя в джунглях — по следам Бандар-Логов, — учтиво ответил Каа, хотя его распирало от любопытства.

— Право, — начал Балу, — я всего-навсего старый и подчас неразумный учитель Закона у Сионийских Волчат, а Багира...

— ...есть Багира, — сказала чёрная пантера и закрыла пасть, лязгнув зубами: она не признавала смирения. — Вот в чём беда, Каа: эти воры орехов и истребители пальмовых листьев украли у нас человеческого детёныша, о котором ты, может быть, слышал.

— Я слышал что-то от Сахи (иглы придают ему нахальство) про детёныша, которого приняли в Волчью Стаю, но не поверил. Сахи слушает одним ухом, а потом перевирает всё, что слышал.

— Нет, это правда. Такого детёныша ещё не бывало на свете,— сказал Балу.— Самый лучший, самый умный и самый смелый человеческий детёныш, мой ученик, который прославит имя Балу на все джунгли, от края и до края. А кроме того, я... мы... любим его, Каа!

— Тс! Тс! — отвечал Каа, ворочая головой направо и налево.— Я тоже знал, что такое любовь. Я мог бы рассказать вам не одну историю...

— Это лучше потом, как-нибудь в ясную ночь, когда мы все будем сыты и сможем оценить рассказ по достоинству,— живо ответила Багира.— Наш детёныш теперь в руках у Бандар-Логов, а мы знаем, что из всего Народа Джунглей они боятся одного Каа.

— Они боятся одного меня! И недаром,— сказал Каа.— Болтуни, глупые и хвастливые, хвастливые, глупые болтуни — вот каковы эти обезьяны! Однако вашему детёнышу нечего ждать от них добра. Они рвут орехи, а когда надоест, бросают их вниз. Целый день они носятся с веткой, будто обойтись без неё не могут, а потом ломают её пополам. Вашему детёнышу не позавидуешь. Кроме того, они называли меня... жёлтой рыбой, кажется?

— Червяком, червяком. Земляным червяком,— сказала Багира,— и ещё разными кличками. Мне стыдно даже повторять.

— Надо их проучить, чтобы не забывались, когда говорят о своём господине! Ааа-ссп! Чтобы помнили получше! Так куда же они побежали с детёнышем?

— Одни только джунгли знают. На запад, я думаю,— сказал Балу.— А ведь мы полагали, что тебе это известно, Каа.

— Мне? Откуда же? Я хватаю их, когда они попадают мне на дороге, но не охочусь ни за обезьянами, ни за лягушками, ни за зелёной тиной в пруду. Хссс!

— Вверх, вверх! Вверх, вверх! Хилло! Илло! Илло, посмотри вверх, Балу из Сионийской Стаи!

Балу взглянул вверх, чтобы узнать, откуда слышится голос, и увидел коршуна Чилия, который плавно спускался вниз, и солнце светило на приподнятые края его крыльев. Чилию давно пора было спать, но он всё ещё кружил над джунглями, разыскивая медведя, и всё не мог рассмотреть его сквозь густую листву.

— Что случилось? — спросил его Балу.

— Я видел Маугли у Бандар-Логов. Он просил передать это тебе. Я проследил за ними. Они понесли его за реку, в обезьяний город — в Холодные Берлоги. Быть может, они останутся там на ночь, быть может — на десять ночей, а быть может — на час. Я велел летучим мышам последить за ними ночью. Вот что мне было поручено. Доброй охоты всем вам внизу!

— Полного зоба и крепкого сна тебе, Чили! — крикнула

Багира.— Я не забуду тебя, когда выйду на добычу, и отложу целую голову тебе одному, о лучший из коршунов!

— Пустяки! Пустяки! Мальчик сказал Заветное Слово. Нельзя было не помочь ему! — И Чиль, сделав круг над лесом, полетел на ночлег.

— Он не забыл, что нужно сказать! — радовался Балу.— Подумать только: такой маленький, а вспомнил Заветное Слово Птиц, да ещё когда обезьяны тащили его по деревьям!

— Оно было крепко вколочено в него, это слово! — сказала Багира.— Я тоже горжусь детёнышем, но теперь нам надо спешить к Холодным Берлогам.

Все в джунглях знали, где находится это место, но редко кто бывал там, ибо Холодными Берлогами называли старый, заброшенный город, затерявшийся и похороненный в чаще леса; а звери не станут селиться там, где прежде жили люди. Разве дикий кабан поселится в таком месте, но не охотничье племя. И обезьяны бывали там не чаще, чем во всяком другом месте. Ни один уважающий себя зверь не подходил близко к городу, разве только во время засухи, когда в полуразрушенных водоёмах и бассейнах оставалась ещё вода.

— Туда полночи пути полным ходом,— сказала Багира.

И Балу сразу приуныл.

— Я буду спешить изо всех сил,— сказал он с тревогой.

— Мы не можем тебя ждать. Следуй за нами, Балу. Нам надо спешить — мне и Каа.

— Хоть ты и на четырёх лапах, а я от тебя не отстану,— коротко сказал Каа.

Балу порывался бежать за ними, но должен был сперва сесть и перевести дух, так что они оставили медведя догонять их, и Багира помчалась вперёд быстрыми скачками. Каа молчал, но как ни спешила Багира, огромный удав не отставал от неё. Когда они добрались до горной речки, Багира оказалась впереди, потому что перепрыгнула поток, а Каа переплыл его, держа голову и шею над водой. Но на родной земле удав опять нагнал Багиру.

— Клянусь сломанным замком, освободившим меня, ты неплохой ходок! — сказала Багира, когда спустились сумерки.

— Я проголодался,— ответил Каа.— Кроме того, они называли меня пятнистой лягушкой.

— Червяком, земляным червяком, да ещё жёлтым!

— Всё равно. Давай двигаться дальше.— И Каа словно лился по земле, зорким глазом отыскивая самую краткую дорогу и двигаясь по ней.

Обезьяний Народ в Холодных Берлогах вовсе не думал о друзьях Маугли. Они притащили мальчика в заброшенный город и теперь были очень довольны собой. Маугли никогда

ещё не видел индийского города, и хотя этот город лежал весь в развалинах, он показался мальчику великолепным и полным чудес. Один владетельный князь построил его давным-давно на невысоком холме. Ещё видны были остатки мощённых камнем дорог, ведущих к разрушенным воротам, где последние обломки гнилого дерева ещё висели на изъеденных ржавчиной петлях. Деревья вросли корнями в стены и виселись над ними; зубцы на стенах рухнули и рассыпались в прах; ползучие растения выбились из бойниц и раскинулись по стенам башен висячими косматыми плетями.

Большой дворец без крыши стоял на вершине холма. Мрамор его фонтанов и дворов был весь покрыт трещинами и бурыми пятнами лишайников, сами плиты двора, где прежде стояли княжеские слоны, были приподняты и раздвинуты травами и молодыми деревьями. За дворцом были видны ряд за рядом дома без кровель и весь город, похожий на пустые соты, заполненные только тьмой; бесформенная каменная колода, которая была прежде идолом, валялась теперь на площади, где перекрещивались четыре дороги; только ямы и выбоины остались на углах улиц, где когда-то стояли колодцы, да обветшалые купола храмов, по бокам которых проросли дикие смоковницы. Обезьяны называли это место своим городом и делали вид, будто презируют Народ Джунглей за то, что он живёт в лесу. И всё-таки они не знали, для чего построены все эти здания и как ими пользоваться. Они усаживались в кружок на помосте в княжеской зале совета, искали друг у дружки блох и играли в людей: вбегали в дома и опять выбегали из них, натаскивали куски штукатурки и всякого старья в угол и забывали, куда они всё это спрятали; дрались и кричали, нападая друг на друга, потом разбегались играть по террасам княжеского сада, трясли там апельсиновые деревья и кусты роз для того только, чтобы посмотреть, как посыплются лепестки и плоды. Они обегали все переходы и тёмные коридоры во дворце и сотни небольших тёмных покоев, но не могли запомнить, что они уже видели, а чего ещё не видали, и шатались везде поодиночке, попарно или кучками, хвастаясь друг перед другом, что ведут себя совсем как люди. Они пили из водоёмов и мутили в них воду, потом дрались из-за воды, потом собирались толпой и бежали по всему городу, крича:

— Нет в джунглях народа более мудрого, доброго, ловкого, сильного и кроткого, чем Бандар-Логи!

Потом всё начиналось снова, до тех пор пока им не надоедал город, и тогда они убегали на вершины деревьев, всё ещё не теряя надежды, что когда-нибудь Народ Джунглей заметит их.

Маугли, воспитанный в Законе Джунглей, не понимал такой жизни, и она не нравилась ему. Обезьяны притащили его в Холодные Берлоги уже к вечеру, и, вместо того чтобы лечь спать,

как сделал бы сам Маугли после долгого пути, они схватились за руки и начали плясать и распевать свои глупые песни. Одна из обезьян произнесла речь перед своими друзьями и сказала им, что захват Маугли в плен отмечает начало перемены в истории Бандар-Логов, потому что теперь Маугли покажет им, как надо сплести ветви и тростники для защиты от холода и дождя.

Маугли набрал лиан и начал их сплетать, а обезьяны попробовали подражать ему, но через несколько минут им это наскучило, и они стали дёргать своих друзей за хвосты и, кашляя, скакать на четвереньках.

— Мне хочется есть, — сказал Маугли. — Я чужой в этих местах — принесите мне поесть или позвольте здесь поохотиться.

Двадцать или тридцать обезьян бросились за орехами и дикими плодами для Маугли, но по дороге они подрались, а возвращаться с тем, что у них осталось, не стоило труда. Маугли обиделся и рассердился, не говоря уже о том, что был голоден, и долго блуждал по пустынным улицам, время от времени выпуская Охотничий Клич Чужака, но никто ему не ответил, и Маугли понял, что он попал в очень дурное место.

«Правда всё то, что Балу говорил о Бандар-Логох, — подумал он про себя. — У них нет ни Закона, ни Охотничьего Клича, ни вожakov — ничего, кроме глупых слов и цепких воровских лап. Так что если меня тут убьют или я умру голодной смертью, то буду сам виноват. Однако надо что-нибудь придумать и вернуться в мои родные джунгли. Балу, конечно, побьёт меня, но это лучше, чем ловить дурацкие розовые лепестки вместе с Бандар-Логоми».

Как только он подошёл к городской стене, обезьяны сейчас же оттащили его обратно, говоря, что он сам не понимает, как ему повезло, и стали щипать его, чтобы он почувствовал к ним благодарность. Он стиснул зубы и промолчал, но всё-таки пошёл с громко вопившими обезьянами на террасу, где были водоёмы из красного песчаника, наполовину полные дождевой водой. Там посередине террасы стояла разрушенная беседка из белого мрамора, построенная для княжеских жён, которых давно уже не было на свете. Купол беседки провалился и засыпал подземный ход из дворца, по которому женщины приходили сюда, но стены из мрамора ажурной работы остались целы. Чудесную резьбу молочной белизны, лёгкую, как кружево, украшали агаты, сердолики, яшма и лазурит, а когда над холмом взошла луна, её лучи проникли сквозь резьбу, и густые тени легли на землю узором чёрного бархата. Обиженный, сонный и голодный Маугли всё же не мог не смеяться, когда обезьяны начинали в двадцать голосов твердить ему, как они мудры, сильны и добры и как он неразумен, что хочет с ними расстаться.

— Мы велики! Мы свободны! Мы достойны восхищения! Достойны восхищения, как ни один народ в джунглях! Мы все

так говорим — значит, это правда! — кричали они. — Сейчас мы тебе расскажем про себя, какие мы замечательные, раз ты нас слушаешь и можешь передать наши слова Народу Джунглей, чтобы в будущем он обращал на нас внимание.

Маугли с ними не спорил, и сотни обезьян собрались на террасе послушать, как их говоруны будут петь хвалы Бандар-Логам, и когда болтуны-обезьяны останавливались, чтобы перевести дух, остальные подхватывали хором:

— Это правда, мы все так говорим!

Маугли кивал головой, моргал глазами и поддакивал, когда его спрашивали о чём-нибудь, и голова у него кружилась от шума.

«Шакал Табаки, должно быть, перекусал их всех, — думал он про себя, — и они теперь взбесились. Это у них бешенство, «дивани». Неужели они никогда не спят? Вот сейчас это облако закроет луну. Если оно большое, я бы успел убежать в темноте. Но я устал».

За этим самым облаком следили два верных друга в полузасыпанном рву под городской стеной. Багира и Каа, зная, как опасны обезьяны, когда их много, выжидали, чтобы не рисковать понапрасну. Обезьяны ни за что не станут драться, если их меньше сотни против одного, а в джунглях мало кому нравится такой перевес.

— Я поползу к западной стене, — шепнул Каа, — и быстро скачусь по склону вниз, там мне будет легче. Они, конечно, не бросятся мне на спину всем скопом, но всё же...

— Я знаю, — сказала Багира. — Если бы Балу был здесь! Но всё-таки мы сделаем что можем. Когда это облако закроет луну, я выйду на террасу. Они там о чём-то совещаются между собой.

— Доброй охоты, — мрачно сказал Каа и скользнул к западной стене.

Она оказалась разрушенной меньше других, и большой удав замешкался, пробираясь между камнями. Облако закрыло луну, и как раз в то время, когда Маугли раздумывал, что будет дальше, он услышал лёгкие шаги Багиры на террасе. Чёрная пантера взбежала по склону почти без шума и, не тратя времени на то, чтобы кусаться, раздавала удары направо и налево обезьянам, сидевшим вокруг Маугли в пятьдесят — шестьдесят рядов. Раздался общий вопль испуга и ярости, и, в то время как Багира шагала по катящимся и барахтающимся телам, одна обезьяна крикнула:

— Она тут одна! Убьём её! Убьём!

Клубок дерущихся обезьян, кусаясь, царапаясь, дёргая и терзая Багиру, сомкнулся над ней, а пять или шесть обезьян крепко ухватили Маугли, подтащили его к стене беседки и впихнули в пролом купола. Мальчик, воспитанный людьми, был

бы весь в синяках, потому что падать ему пришлось с высоты добрых пятнадцати футов, но Маугли упал так, как Балу учил его падать, и сразу стал на ноги.

— Посиди тут,— кричали обезьяны,— пока мы не убьём твоих приятелей! А после мы поиграем с тобой, если Ядовитый Народ оставит тебя в живых!

— Мы с вами одной крови, я и вы! — быстро шепнул Маугли Змеиное Слово.

Он услышал шорох и шипение вокруг в кучах щебня и для верности ещё раз повторил Змеиное Слово.

— Ссслышим! Уберите клобуки! — произнесли тихие голоса (все развалины в Индии рано или поздно становятся обиталищем змей, и ветхая беседка кишела кобрами).— Стой смирно, Маленький Брат, иначе ты раздавишь нас!

Маугли стоял спокойно, глядя в отверстия ажурной резьбы и прислушиваясь к шуму драки вокруг чёрной пантеры, к воплям, бормотанию и шлепкам и к густому, хриплому кашлю Багиры, которая рвалась и металась взад и вперёд, задыхаясь под кучей навалившихся на неё обезьян.

Впервые со дня своего рождения Багира дралась не на жизнь, а на смерть.

«Балу должен быть близко: Багира не пришла бы одна»,— подумал Маугли и крикнул громко:

— К водоёму, Багира! Скатись к водоёму! Скатись и нырни! Бросайся в воду!

Багира его услышала, и этот крик, сказавший ей, что Маугли жив, придал ей силы. Она дралась отчаянно, шаг за шагом прокладывая себе дорогу к водоёму. И вот у подножия разрушенной стены, ближе к джунглям, раздался, как гром, боевой клич Балу. Как ни спешил старый медведь, он не мог поспеть раньше.

— Багира,— кричал он,— я здесь! Я лезу вверх! Я спешу! Камни скользят у меня из-под ног! Дайте только до вас добраться, о вы, подлые Бандар-Логи!

Медведь, пыхтя, взобрался на террасу и исчез под волной обезьян, но тут же, присев на корточки, расставил передние лапы и зажёб ими столько обезьян, сколько мог удержать. Потом посыпались равномерные удары — хлоп-хлоп-хлоп! — с чмоканьем, словно гребное колесо било по воде. Шум падения и всплеск сказали Маугли, что Багира пробилась к водоёму, куда обезьяны не могли полезть за ней. Пантера лежала в воде, выставив только голову, и жадно ловила ртом воздух, а обезьяны, стоя в три ряда на красных ступенях, приплясывали от злобы на месте, готовые наброситься на неё со всех сторон разом, если она выйдет из воды на помощь Балу.

Вот тогда-то Багира подняла мокрый подбородок и в отчаянии крикнула, зовя на помощь Змеиный Народ:

— Мы с вами одной крови, я и вы!

Она думала, что Каа струсил в последнюю минуту. Даже Балу на краю террасы, едва дыша под навалившимися на него обезьянами, не мог не засмеяться, услышав, что чёрная пантера просит помощи.

Каа только что перевалился через западную стену и с такой силой рухнул на землю, что большой камень свалился в ров. Он не намерен был отступать и раза два свернулся и развернулся, проверяя, насколько каждый фут его длинного тела готов к бою. Тем временем Балу продолжал бой, и обезьяны вопили над водоёмом вокруг Багиры, и нетопырь Манг, летая взад и вперёд, разносил по джунглям вести о великой битве, так что затрубил даже дикий слон Хатхи. Далеко в лесу проснулись отдельные стайки обезьян и помчались по верхушкам деревьев к Холодным Берлогам на помощь своим родичам, и шум битвы разбудил дневных птиц на много миль вокруг. Тогда Каа двинулся быстро, напрямик, горя жаждой убийства. Вся сила удава — в тяжком ударе головой, удвоенном силой и тяжестью всего тела. Если вы можете себе представить копье, или таран, или молот весом почти в полтонны, направляемый спокойным, хладнокровным умом, обитающим в его ручке, вы можете себе представить, каким был Каа в бою. Удав длиной в четыре или пять футов может сбить с ног человека, если ударит его головой в грудь, а в Каа было целых тридцать футов, как вам известно. Первый удар, направленный прямо в гущу обезьян, окружавших Балу, был нанесён молча, с закрытым ртом, а второго удара не понадобилось. Обезьяны бросились врассыпную с криком:

— Каа! Это Каа! Бегите! Бегите!

Не одно поколение обезьян воспитывалось в страхе и вело себя примерно, наслушавшись от старших рассказов про Каа, ночного вора, который умел проскользнуть среди ветвей так же бесшумно, как растёт мох, и утащить самую сильную обезьяну; про старого Каа, который умел прикидываться сухим суком или гнилым пнём, так что самые мудрые ничего не подозревали до тех пор, пока этот сук не хватал их. Обезьяны боялись Каа больше всего на свете, ибо ни одна из них не знала пределов его силы, ни одна не смела взглянуть ему в глаза и ни одна не вышла живой из его объятий. И потому, дрожа от страха, они бросились на стены и на крыши домов, а Балу глубоко вздохнул от облегчения. Шерсть у него была гораздо гуще, чем у Багиры, но и он сильно пострадал в бою. И тут Каа, впервые раскрыв пасть, прошипел одно долгое, свистящее слово, и обезьяны, далеко в лесу спешившие на помощь к Холодным Берлогам, замерли на месте, дрожа так сильно, что ветви под их тяжестью согнулись и затрещали. Обезьяны на стенах и крышах домов перестали кричать, в городе стало тихо, и Маугли услышал, как Багира отряхивает мокрые

бока, выйдя из водоёма. Потом снова поднялся шум. Обезьяны полезли выше на стены, уцепились за шеи больших каменных идолов и визжали, прыгая по зубчатым стенам, а Маугли, приплясывая на месте, приложился глазом к ажурной резьбе и начал ухачь по-совиному, выражая этим презрение и насмешку.

— Достанем детёныша из западни, я больше не могу! — тяжело дыша, сказала Багира. — Возьмём детёныша и бежим. Как бы они опять не напали!

— Они не двинутся, пока я не прикажу им. Сстойте на мессте! — прошипел Каа, и кругом опять стало тихо. — Я не мог прийти раньше, Сестра, но мне показалось, что я слышу твой зов, — сказал он Багире.

— Я... я, может быть, и звала тебя в разгаре боя, — ответила Багира. — Балу, ты ранен?

— Не знаю, как это они не разорвали меня на сотню маленьких медведей, — сказал Балу, степенно отряхивая одну лапу за другой. — Ооу! Мне больно! Каа, мы тебе обязаны жизнью, мы с Багирой...

— Это пустяки. А где же человек?

— Здесь, в западне! Я не могу выбраться! — крикнул Маугли.

Над его головой закруглялся купол, провалившийся в самой середине.

— Возьмите его отсюда! Он танцует, как павлин Мор! Он передавит ногами наших детей! — сказали кобры снизу.

— Ха! — засмеялся Каа. — У него везде друзья, у этого человечка. Отойди подальше, человечек, а вы спрячьтесь, о Ядовитый Народ! Сейчас я пробью стену.

Каа хорошенько осмотрелся и нашёл почерневшую трещину в мраморной резьбе, там, где стена была сильнее всего разрушена, раза два-три слегка оттолкнулся головой, примериваясь, потом приподнялся на шесть футов над землёй и ударил изо всей силы десять раз подряд. Мраморное кружево треснуло и рассыпалось облаком пыли и мусора, и Маугли выскочил в пробоину и бросился на землю между Багирой и Балу, обняв обоих за шею.

— Ты не ранен? — спросил Балу, ласково обнимая Маугли.

— Меня обидели, я голоден и весь в синяках. Но как жестоко они вас потрепали, братья мои! Вы все в крови!

— Не одни мы, — сказала Багира, облизываясь и глядя на трупы обезьян на террасе и вокруг водоёма.

— Это пустяки, всё пустяки, если ты жив и здоров, о моя гордость, лучший из лягушат! — прохныкал Балу.

— Об этом мы поговорим после, — сказала Багира сухо, что вовсе не понравилось Маугли. — Однако здесь Каа, которому мы с Балу обязаны победой, а ты — жизнью. Поблаговари его, как полагается по нашим обычаям, Маугли.

Маугли обернулся и увидел, что над ним раскачивается голова большого удава.

— Так это и есть человек? — сказал Каа. — Кожа у него очень гладкая, и он похож на Бандар-Логов. Смотри, человек, чтоб я не принял тебя за обезьяну как-нибудь в сумерках, после того как я сменю свою кожу.

— Мы с тобой одной крови, ты и я, — отвечал Маугли. — Сегодня ты возвратил мне жизнь. Моя добыча будет твоей добычей, когда ты проголодаешься, о Каа!

— Спасибо, Маленький Брат, — сказал Каа, хотя глаза его смеялись. — А что может убить такой храбрый охотник? Я прошу позволения следовать за ним, когда он выйдет на ловлю.

— Сам я не убиваю, я ещё мал, но я загоняю коз для тех, кому они нужны. Когда захочешь есть, приходи ко мне и увидишь, правда это или нет. У меня ловкие руки, — он вытянул их вперёд, — и если ты попадёшь в западню, я смогу уплатить долг и тебе, и Багире, и Балу. Доброй охоты вам всем, учителя мои!

— Хорошо сказано! — проворчал Балу, ибо Маугли благодарил как полагается.

Удав положил на минуту свою голову на плечо Маугли.

— Храброе сердце и учтивая речь, — сказал он. — С ними ты далеко пойдёшь в джунглях. А теперь уходи отсюда скорей вместе с твоими друзьями. Ступай спать, потому что скоро зайдёт луна, а тебе не годится видеть то, что будет.

Луна садилась за холмами, и ряды дрожащих обезьян, которые жались по стенам и башням, походили на рваную, колеблющуюся бахрому. Балу сошёл к водоёму напиться, а Багира начала вылизывать свой мех. И тут Каа выполз на середину террасы, сомкнул пасть, звучно щёлкнув челюстями, и все обезьяны устремили глаза на него.

— Луна заходит, — сказал он. — Довольно ли света, хорошо ли вам видно?

По стенам пронёсся стон, словно вздох ветра в вершинах деревьев:

— Мы видим, о Каа!

— Хорошо! Начнём же пляску Каа — Пляску Голода. Сидите смирно и смотрите!

Он дважды или трижды свернулся в большое двойное и тройное кольцо, покачивая головой справа налево. Потом начал выделывать петли и восьмёрки и мягкие, расплывчатые треугольники, переходящие в квадраты и пятиугольники, не останавливаясь, не спеша и не прекращая ни на минуту негромкого гудения. Становилось всё темнее и темнее, и напоследок уже не видно было, как извивается и свивается Каа, слышно было только, как шуршит его чешуя.

Балу и Багира словно обратились в камень, ошестинившись и глухо ворча, а Маугли смотрел и дивился.

— Бандар-Логи,— наконец послышался голос Каа,— можете вы шевельнуть рукой или ногой без моего приказа? Говорите.

— Без твоего слова мы не можем шевельнуть ни рукой, ни ногой, о Каа!

— Хорошо! Подойдите на один шаг ближе ко мне!

Ряды обезьян беспомощно качнулись вперёд, и Балу с Багирой невольно сделали шаг вперёд вместе с ними.

— Ближе! — прошипел Каа.

И обезьяны шагнули ещё раз.

Маугли положил руки на плечи Багиры и Балу, чтобы увести их прочь, и оба зверя вздрогнули, словно проснувшись.

— Не снимай руки с моего плеча,— шепнула Багира,— не снимай, иначе я пойду... пойду к Каа. А-ах!

— Это всего только старый Каа выделяет круги в пыли,— сказал Маугли.— Идём отсюда.

И все трое выскользнули в пролом стены и ушли в джунгли.

— Уу-ф! — вздохнул Балу, снова очутившись среди неподвижных деревьев.— Никогда больше не стану просить помощи у Каа! — И он весь содрогнулся с головы до ног.

— Каа знает больше нас,— вся дрожа, сказала Багира.— Ещё немного, и я бы отправилась прямо к нему в пасть.

— Многие отправятся туда же, прежде чем луна взойдёт ещё раз,— ответил Балу.— Он хорошо поохотится — на свой лад.

— Но что же всё это значит? — спросил Маугли, который не знал ничего о притягательной силе змеи.— Я видел только большую змею, которая выписывала зачем-то круги по земле, пока не стемнело. И нос у Каа был весь разбит. Ха-ха!

— Маугли,— сердито сказала Багира,— нос он разбил ради тебя, так же как мои уши, бока и лапы, плечи и шея Балу искусаны ради тебя. И Балу и Багире трудно будет охотиться в течение многих дней.

— Это пустяки,— сказал Балу.— Зато детёныш опять с нами!

— Правда, но он нам дорого обошёлся: ради него мы были ранены, пожертвовали временем, удачной охотой, собственной шкурой — у меня выщипана вся спина — и даже нашей честью. Ибо, не забывая этого, мне, чёрной пантере, пришлось просить помощи у Каа, и мы с Балу потеряли разум, как малые птенцы, увидев Пляску Голода. А всё оттого, что ты играл с Бандар-Логами!

— Правда, всё это правда,— сказал Маугли опечалившись.— Я плохой детёныш, и в животе у меня горько.

— Мф! Что говорит Закон Джунглей, Балу?

Балу вовсе не желал новой беды для Маугли, но с Законом не шутят, и потому он проворчал:

— Горе не мешает наказанию. Только не забудь, Багира, что он ещё мал!

— Не забуду! Но он натворил беды, и теперь надо его побить. Маугли, что ты на это скажешь?

— Ничего! Я виноват. А вы оба ранены. Это только справедливо.

Багира дала ему с десяток шлепков, лёгких, на взгляд пантеры (они даже не разбудили бы её собственного детёныша), но для семилетнего мальчика это были суровые побои, от которых всякий рад был избавиться. Когда всё кончилось, Маугли чихнул и без единого слова поднялся на ноги.

— А теперь,— сказала Багира,— прыгай ко мне на спину, Маленький Брат, и мы отправимся домой.

Одна из прелестей Закона Джунглей состоит в том, что с наказанием кончаются все счёты. После него не бывает никаких придирок.

Маугли опустил голову на спину Багиры и заснул так крепко, что даже не проснулся, когда его положили на землю в родной берлоге.

«ТИГР, ТИГР!»

После драки на Скале Совета Маугли ушёл из волчьего логова и спустился вниз, к пашням, где жили люди, но не остался там — джунгли были слишком близко, а он знал, что на Совете нажил себе не одного лютого врага. И потому он побежал дальше, держась дороги по дну долины, и отмахал около двадцати миль ровной рысью, пока не добрался до мест, которых ещё не знал. Тут начиналась широкая равнина, усеянная скалами и изрезанная оврагами. На одном краю равнины стояла маленькая деревушка, с другого края густые джунгли дугой подступали к самому выгону и сразу обрывались, словно срезанные мотыгой. По всей равнине паслись коровы и буйволы, и мальчики, сторожившие стадо, завидев Маугли, убежали с криком, а бездомные жёлтые псы, которых много возле каждой индийской деревни, подняли лай. Маугли пошёл дальше, потому что был голоден, и, дойдя до деревенской околицы, увидел, что большой терновый куст, которым в сумерки загораживают ворота, отодвинут в сторону.

— Гм! — сказал Маугли (он не в первый раз наткнулся на такие заграждения во время своих ночных вылазок за едой).— Значит, люди и здесь боятся Народа Джунглей!

Он сел у ворот и, как только за ворота вышел человек, вскочил на ноги, раскрыл рот и показал на него пальцем в знак того, что

хочет есть. Человек посмотрел на него, побежал обратно по единственной деревенской улице и позвал жреца — высокого и толстого человека, одетого во всё белое, с красным и жёлтым знаком на лбу. Жрец подошёл к воротам, а за ним прибежало не меньше сотни жителей деревушки: они глазели, болтали, кричали и показывали на Маугли пальцами.

«Какие они невежи, эти люди! — сказал про себя Маугли. — Только серые обезьяны так себя ведут». И, отбросив назад свои длинные волосы, он хмуро посмотрел на толпу.

— Чего же тут бояться? — сказал жрец. — Видите знаки у него на руках и на ногах? Это волчьи укусы. Он волчий приёмный и прибежал к нам из джунглей.

Играя с Маугли, волчата нередко кусали его сильнее, чем хотели, и руки и ноги мальчика были сплошь покрыты белыми рубцами. Но Маугли никогда в жизни не называл бы эти рубцы укусами: он хорошо знал, какие бывают настоящие укусы.

— Ой! Ой! — сказали в один голос две-три женщины. — Весь искусан волками, бедняжка! Красивый мальчик. Глаза у него как огоньки. Право, Мессуа, он очень похож на твоего сына, которого унёс тигр.

— Дайте мне взглянуть, — сказала женщина с тяжёлыми медными браслетами на запястьях и щиколотках и, прикрыв глаза ладонью, посмотрела на Маугли. — Да, очень похож! Он худее, зато лицом он точь-в-точь мой сын.

Жрец был человек ловкий и знал, что муж Мессуи — один из первых деревенских богачей. И потому он возвёл глаза к небу и произнес торжественно.

— Что джунгли взяли, то джунгли отдали. Возьми мальчика к себе в дом, сестра моя, и не забывай оказывать почёт жрецу, которому открыто всё будущее человека.

«Клянусь буйволом, выкупившим меня, — подумал Маугли, — все это очень похоже на то, как меня осматривала Стая! Что ж, если я человек, то и буду человеком».

Толпа расступилась, и женщина сделала Маугли знак, чтобы он шёл за ней в хижину, где стояла красная лакированная кровать. А ещё там было много вещей: большой глиняный сосуд для зерна, покрытый забавным выпуклым узором, с полдюжины медных котелков для стряпни, божок в маленькой нише и на стене — настоящее зеркало, какое можно купить на деревенской ярмарке за восемь центов.

Она дала Маугли вволю молока и кусочек хлеба, потом положила руку ему на голову и заглянула в глаза; ей всё-таки думалось, что, может быть, это и в самом деле её родной сын вернулся из джунглей, куда его унёс тигр. И она позвала:

— Натху! О Натху!

Маугли ничем не показал, что это имя ему знакомо.

— Разве ты забыл тот день, когда я подарила тебе новые башмаки? — Она дотронулась до его ступни, твёрдой почти как рог. — Нет, — сказала она с грустью, — эти ноги никогда не знали башмаков. Но ты очень похож на моего Натху и будешь моим сыном.

Маугли стало не по себе, оттого что он до сих пор никогда ещё не бывал под крышей. Но, взглянув на соломенную кровлю, он увидел, что сможет её разобрать, если захочет выбраться на волю, и что окно не запирается.

«Что толку быть человеком, если не понимаешь человеческой речи? — сказал он себе. — Здесь я так же глуп и нем, как человек у нас в джунглях. Надо научиться их языку».

Недаром, живя с волками, он выучился подражать боевому кличу оленей в джунглях и хрюканью диких свиней. Как только Мессуа произносила какое-нибудь слово, Маугли очень похоже повторял его за ней и ещё до темноты заучил названия многих предметов в хижине.

Пришло время спать, но Маугли ни за что не хотел ложиться в хижине, похожей на ловушку для пантеры, и, когда заперли дверь, он выскочил в окно.

— Оставь его, — сказал муж Мессуи. — Не забывай, что он никогда ещё не спал на кровати. Если он вправду послан нам вместо сына, он никуда не убежит.

И Маугли растянулся среди высокой чистой травы на краю поля. Но не успел он закрыть глаза, как чей-то мягкий серый нос толкнул его в шею.

— Фу! — сказал Серый Брат (это был старший из детёнышей Матери Волчицы). — Стоило ради этого бежать за тобой двадцать миль! От тебя пахнет дымом и хлебом — совсем как от человека. Проснись, Маленький Брат, я принёс тебе новости.

— Все ли здоровы в джунглях? — спросил Маугли, обнимая его.

— Все, кроме волков, которые обожглись Красным Цветком. Теперь слушай, Шер-Хан ушёл охотиться в дальние леса, пока не заживёт его шкура, — он весь в ожогах. Он поклялся, что побросает твои кости в реку, когда вернётся.

— Ну, это мы ещё посмотрим. Я тоже кое в чём поклялся. Однако новости всегда приятно слышать. Я устал сегодня, очень устал от всего нового, Серый Брат, но ты мне всегда рассказывай, что знаешь нового.

— Ты не забудешь, что ты волк? Люди не заставят тебя забыть нас? — тревожно спросил Серый Брат.

— Никогда! Я никогда не забуду, что люблю тебя и всех в нашей пещере. Но не забуду и того, что меня прогнали из Стаи...

— ...и что тебя могут прогнать из другой стаи, Маленький Брат. Люди есть люди, и речь их похожа на речь лягушек в пруду.

Когда я приду сюда снова, я буду ждать тебя в бамбуках на краю выгона.

В течение трёх месяцев после этой ночи Маугли почти не выходил за деревенские ворота, так он был занят, изучая повадки и обычаи людей. Прежде всего ему пришлось надеть повязку вокруг бёдер, что очень его стесняло, потом выучиться считать деньги, непонятно зачем, потом пахать землю, в чём он не видел пользы. Деревенские дети постоянно дразнили его. К счастью, Закон Джунглей научил Маугли сдерживаться, ибо в джунглях от этого зависит жизнь и пропитание. Но когда дети дразнили его за то, что он не хотел играть с ними или пускать змея, или за то, что он не так выговаривал какое-нибудь слово, одна только мысль, что недостойно охотника убивать маленьких, беззащитных детёнышей, не позволяла ему схватить и разорвать их пополам.

Маугли сам не знал своей силы. В джунглях он чувствовал себя гораздо слабее зверей, а в деревне люди говорили, что он силен, как бык. Он не понимал, что такое страх, и когда деревенский жрец сказал ему, что бог в храме разгневался на Маугли, если он будет красть у жреца сладкие плоды манго, Маугли схватил статую божка, притащил её к жрецу в дом и попросил сделать так, чтобы бог разгневался и Маугли можно было бы подраться с ним. Соблазн был большой, но жрец замаял дело, а мужу Мессуи пришлось заплатить немало серебра, чтобы успокоить бога.

Кроме того, Маугли не имел никакого понятия о тех различиях между людьми, которые создаёт каста. Когда осёл гончара свалился в яму, Маугли вытащил его за хвост и помог уложить горшки для отправки на рынок в Канхивару. Это было уже из рук вон плохо, потому что гончар принадлежал к низшей касте, а про осла и говорить нечего. Когда жрец стал бранить Маугли, тот пригрозил посадить и его на осла, и жрец сказал мужу Мессуи, что самое лучшее — поскорее приставить Маугли к какому-нибудь делу. После этого деревенский староста велел Маугли отправляться завтра утром на пастбище стеречь буйволов. Больше всех был доволен этим Маугли. В тот же вечер, считая себя уже на службе у деревни, он присоединился к кружку, который собирался каждый вечер на каменной площадке под большой смоковницей. Это был деревенский клуб, куда сходились курить и староста, и цирюльник, и сторож, знавшие наперечёт все деревенские сплетни, и старик Балдео, деревенский охотник, у которого имелся английский мушкет. Обезьяны сидели и болтали на верхних ветвях смоковницы, а в норе под площадкой жила кобра, которой каждый вечер ставили блюдечко молока, потому что она считалась священной. Старики рассаживались вокруг дерева, болтали до поздней ночи и курили табак из больших кальянов. Они рассказывали удивительные истории о людях, богах и привидениях, а Балдео рассказывал ещё более удивительные истории о повадках зверей в

джунглях, так что у мальчиков, сидевших вне круга, дух захватывало. Больше всего рассказов было про зверей, потому что джунгли подходили вплотную к деревне. Олени и дикие свиньи подкапывали посевы, и время от времени в сумерках тигр уносил человека на глазах у всех, чуть ли не от самых деревенских ворот.

Маугли, который, разумеется, хорошо знал то, о чём здесь рассказывали, закрывал лицо руками, чтобы никто не видел, как он смеётся. Балдео, положив мушкет на колени, переходил от одной удивительной истории к другой, а у Маугли тряслись плечи от смеха.

Балдео толковал о том, что тигр, который унёс сына Мессуи, был оборотень и что в него вселилась душа злого старого ростовщика, который умер несколько лет назад...

— И это верно, я знаю, — говорил он, — потому что Пуран Дас всегда хромял. Ему зашибли ногу во время бунта, когда сожгли все его счётные книги, а тот тигр, о котором я говорю, тоже хромяет: его лапы оставляют неровные следы.

— Верно, верно, так оно и есть! — подтвердили седые бороды, дружно кивая головами.

— Неужели все ваши рассказы такая старая труха? — сказал Маугли. — Этот тигр хромяет потому, что родился хромым, как всем известно. Болтать, будто душа ростовщика живёт в звере, который всегда был трусливее шакала, могут только малые дети.

Балдео на минуту онемел от изумления, а староста вытаращил глаза.

— Ого! Это ведь мальчишка из джунглей! — сказал Балдео. — Если уж ты так умён, тогда лучше отнеси шкуру этого тигра в Канхивару — правительство назначило сто рупий за его голову. А ещё лучше помолчи, когда говорят старшие.

Маугли встал, собираясь уходить.

— Весь вечер я лежал тут и слушал, — отозвался он, оглянувшись через плечо, — и за всё это время, кроме одного или двух раз, Балдео не сказал ни слова правды о джунглях, а ведь они у него за порогом. Как же я могу поверить сказкам о богах, привидениях и злых духах, которых он будто бы видел?

— Этому мальчику давно пора к стаду, — сказал староста.

А Балдео пыхтел и фыркал, возмущаясь дерзостью Маугли.

Во многих индийских деревнях мальчики с раннего утра выгоняют коров и буйволов на пастбище, а вечером пригоняют их обратно, и те самые буйволы, которые затоптали бы белого человека насмерть, позволяют колотить и гонять себя детям, которые едва достают им до морды. Пока мальчики держатся возле буйволов, им не грозит никакая опасность — даже тигр не посмеет напасть

на целое стадо. Но если они отойдут собирать цветы или ловить ящериц, их может унести тигр.

Ранним утром Маугли проехал по деревенской улице, сидя на спине Рамы, самого большого буйвола в стаде. Синие-серые буйволы с длинными, загнутыми назад рогами и диковатым взглядом один за другим выбирались из хлевов и шли за вожакom Рамой, и Маугли дал понять остальным мальчикам, что хозяин здесь он. Он колотил буйволов длинной отполированной бамбуковой палкой и сказал одному из мальчиков, по имени Камия, что проедет дальше с буйволами, а мальчики пусть пасут коров без него и ни в коем случае не отходят от стада.

Индийское пастбище — это сплошные камни, кусты, пучки жёсткой травы и неглубокие овраги, по которым разбредается и прячется стадо. Буйволы обычно держатся вблизи болот, где много ила, и целыми часами лежат и греются в горячей от солнца грязи. Маугли пригнал стадо на тот край равнины, где Вайнганга выходит из джунглей, соскочил с шеи Рамы, подбежал к бамбуковой рощице и нашёл там Серого Брата.

— Ага, — сказал Серый Брат, — я уже много дней жду тебя здесь. Для чего тебе эта возня со стадом?

— Так мне приказано, — сказал Маугли. — Пока что я деревенский пастух. А где Шер-Хан?

— Он вернулся в эти места и долго подстерегал тебя здесь. Теперь он опять ушёл, потому что дичи мало. Он хочет убить тебя.

— Отлично! — сказал Маугли. — Пока его здесь нет, ты или кто-нибудь из четверых братьев должен сидеть на этой скале, чтобы я тебя видел, когда выхожу из деревни. Когда он вернётся, ждите меня в овраге посреди равнины, под деревом дхак. Незачем лезть в самую пасть Шер-Хану.

После этого Маугли выбрал тенистое место и уснул, а буйволы паслись вокруг него. Пастись скот в Индии — занятие для лентяев. Коровы передвигаются с места на место и жуют, потом ложатся, потом опять двигаются дальше и даже не мычат. Они только фыркают, а буйволы очень редко говорят что-нибудь. Они входят в илистые заводи один за другим и забираются в грязь по самую морду, так что видны только нос да синие, словно фарфоровые, глаза, и лежат там, как колоды. Нагретые солнцем скалы словно струятся от зноя, и пастушата слышат, как коршун (всегда только один) незримо посвистывает у них над головой, и знают, что, если кто-нибудь из них умрёт или издохнет корова, этот коршун слетит вниз и соседний коршун за много миль отсюда увидит, как тот спустился, и тоже полетит за ним, а потом ещё один и ещё, так что едва успеет кто-нибудь умереть, как двадцать голодных коршунов являются неизвестно откуда. Мальчики дремлют, просыпаются и снова засыпают, плетут маленькие корзинчики из сухой травы и сажают в них кузнечиков; а то поймают двух богомоллов и застав-

ляют их драться; а то нижут бусы из красных и чёрных лесных орехов или смотрят, как ящерица греется на солнце или как змея возле лужи охотится за лягушкой. Потом они поют долгие, протяжные песни со странными переливами в конце, и день кажется им длиннее, чем вся жизнь другим людям. А иногда вылепят дворец или храм из глины с фигурками людей, лошадей и буйволов, вложат тростинки людям в руки, будто бы это владетельные князья, а остальные фигурки — их войско, или будто бы это боги, а остальные им молятся. Потом наступает вечер, дети сзывают стадо, и буйволы один за другим поднимаются из густой грязи с шумом пушечного выстрела, и всё стадо тянется вереницей через серую равнину обратно, к мерцающим огонькам деревни.

День за днём водил Маугли буйволов к илистым заводям, день за днём видел Серого Брата на равнине (и потому знал, что Шер-Хан ещё не вернулся), день за днём он лежал в траве, прислушиваясь к звукам вокруг него, и думал о прежней жизни в джунглях. Если бы Шер-Хан оступился своей хромой лапой где-нибудь в зарослях на берегу Вайнганги, Маугли услышал бы его в эти долгие тихие утра.

Настал наконец день, когда Маугли не увидел Серого Брата на условленном месте, и, засмеявшись, он погнал буйволов к оврагу под деревом дхак, сплошь покрытым золотисто-красными цветами. Там сидел Серый Брат, и каждый волосок на его спине поднялся дыбом.

— Он прятался целый месяц, чтобы сбить тебя со следа. Вчера ночью он перешёл горы вместе с Табаки и теперь идёт по горячим следам за тобой, — сказал волк, тяжело дыша.

Маугли нахмурился:

— Я не боюсь Шер-Хана, но Табаки очень хитёр.

— Не бойся, — сказал Серый Брат, слегка облизнув губы. — Я повстречал Табаки на рассвете. Теперь он рассказывает все свои хитрости коршунам. Но, прежде чем я сломал ему хребет, он всё рассказал мне. Шер-Хан намерен ждать тебя сегодня вечером у деревенских ворот, только тебя, и никого другого. А теперь он залёг в большом пересохшем овраге у реки.

— Ел он сегодня или охотится на пустой желудок? — спросил Маугли, потому что от ответа зависела его жизнь или смерть.

— Он зарезал свинью на рассвете, а теперь ещё и напился вволю. Не забудь, что Шер-Хан не может пробыть и одного дня без еды даже ради мести.

— О глупец, глупец! Щенок из щенков! Наелся да ещё и напился и думает, что я стану ждать, пока он выпится! Так где же он залег? Если бы нас было хоть десятеро, мы сбили бы с него спесь. Эти буйволы не захотят нападать, если не почуют тигра, а я не умею говорить на их языке. Нельзя ли нам пойти по его следу, чтобы буйволы его почуяли?

— Он проплыл далеко вниз по Вайнганге, чтобы след потерялся,— ответил Серый Брат.

— Это Табаки его надоумил, я знаю. Сам он никогда не догадался бы.— Маугли стоял, положив палец в рот, и раздумывал.— Большой овраг у Вайнганги — он выходит на равнину почти за полмили отсюда. Я могу повести стадо кругом, через джунгли, к верху оврага, а потом спуститься вниз, но тогда он уйдёт от нас по дну оврага. Надо загородить тот конец. Серый Брат, можешь ты разделить стадо пополам?

— Не знаю, может быть, и не сумею, но я привёл тебе умного помощника.

Серый Брат отбежал в сторону и соскочил в яму. Оттуда поднялась большая серая голова, хорошо знакомая Маугли, и знойный воздух наполнился самым тоскливым воем, какой только можно услышать в джунглях,— то был охотничий клич волка в полуденное время.

— Акела! Акела! — крикнул Маугли, хлопая в ладоши.— Я так и знал, что ты меня не забудешь! Нам предстоит большая работа. Раздели стадо надвое, Акела. Собери коров с телятами, а быков и рабочих буйволов — отдельно.

Оба волка, делая петли, забегали в стаде среди буйволов и коров, которые фыркали и закидывали вверх головы, и разделили его на две группы. В одной стояли коровы, окружив телят кольцом, и, злобно глядя, рыли копытами землю, готовые броситься на волка и растоптать его насмерть, если только он остановится. В другой группе фыркали и рыли землю быки и молодые бычки, которые казались страшнее, но были далеко не так опасны, потому что не защищали своих телят. Люди и вшестером не сумели бы разделить стадо так ловко.

— Что прикажешь ещё? — спросил Акела, задыхаясь.— Они хотят опять сойтись вместе.

Маугли вскочил на спину Рамы:

— Отгони быков подальше налево, Акела. Серый Брат, когда мы уйдём, не давай коровам разбежаться и загоняй их в устье оврага.

— Далеко ли? — спросил Серый Брат, тяжело дыша и щёлкая зубами.

— До того места, где склоны всего круче, чтобы Шер-Хан не мог выскочить! — крикнул Маугли.— Задержи их там, пока мы не подойдём.

Быки рванулись вперёд, услышав голос Акелы, а Серый Брат вышел и стал перед коровами. Те бросились на него, и он побежал перед самым стадом к устью оврага, а в это время Акела отогнал быков далеко влево.

— Хорошо сделано! Ещё раз — и они дружно двинутся вперёд. Осторожней теперь, осторожней, Акела! Стоит только

щёлкнуть зубами, и они бросятся на тебя! Ого! Бешеная работа, хуже, чем гонять чёрных оленей! Думал ли ты, что эти твари могут так быстро двигаться? — спросил Маугли.

— Я... я охотился и на них в своё время, — задыхаясь от пыли, отозвался Акела. — Повернуть их в джунгли?

— Да, поверни. Поверни их скорее! Рама бесится от злости. О, если б я только мог сказать ему, что мне от него нужно!

Быки повернули, на этот раз направо, и с шумом бросились в чащу. Мальчики-пастухи, сторожившие стадо полумилей дальше, со всех ног бросились в деревню, крича, что буйволы взбесились и убежали.

План Маугли был довольно прост. Он хотел сделать большой круг по холмам и дойти до верха оврага, а потом согнать быков вниз, чтобы Шер-Хан попал между быками и коровами. Он знал, что, наевшись и напившись вволю, Шер-Хан не сможет драться и не вскарабкается по склонам оврага. Теперь Маугли успокаивал буйволов голосом, а Акела бежал позади, подвывая изредка, чтобы подогнать отстающих. Пришлось сделать большой-большой круг, потому что они не хотели подходить слишком близко к оврагу, чтобы не вспугнуть Шер-Хана. Наконец Маугли повернул стадо на поросший травой обрыв, круто спускавшийся к оврагу. С обрыва из-за вершин деревьев была видна равнина внизу, но Маугли смотрел только на склоны оврага и с немалым удовольствием видел, что они очень круты, почти отвесны, и что плющ и лианы, которые их заплели, не удержат тигра, если он захочет выбраться наверх.

— Дай им вздохнуть, Акела, — сказал он, поднимая руку. — Они ещё не почуяли тигра. Дай им вздохнуть. Надо же сказать Шер-Хану, кто идёт. Мы поймали его в западню.

Он приложил руки ко рту и крикнул в овраг — это было всё равно что кричать в туннель, — и эхо покатилося от скалы к скале.

Очень не скоро в ответ послышалось протяжное сонное ворчание сытого тигра, который только что проснулся.

— Кто зовёт? — рявкнул Шер-Хан, и великолепный павлин с резким криком выпорхнул из оврага.

— Я, Маугли! Пора тебе явиться на Скалу Совета, коровий вор! Вниз! Гони их вниз, Акела! Вниз, Рама, вниз!

На миг стадо замерло на краю обрыва, но Акела провыл во весь голос охотничий клич, и буйволы один за другим нырнули в овраг, как пароходы ныряют через пороги. Песок и камни полетели фонтаном во все стороны.

Раз двинувшись, стадо уже не могло остановиться, и не успело оно спуститься на дно оврага, как Рама замычал, почуяв Шер-Хана.

— Ага! — сказал Маугли, сидевший на его спине. — Теперь ты понял!

И поток чёрных рогов, морд, покрытых пеной, и выпученных глаз покатился по оврагу точно так, как катятся валуны в половодье: буйволов послабее оттеснили к бокам оврага, где они с трудом продирались сквозь лианы. Буйволы поняли, что им предстоит: напасть всем стадом и со всех сил, чего не выдержит ни один тигр. Шер-Хан, заслышав топот копыт, вскочил и неуклюже затрусил вниз по оврагу, озираясь по сторонам в поисках выхода. Но откосы поднимались почти отвесно, и он бежал дальше и дальше, отяжелев от еды и питья, готовый на всё, лишь бы не драться. Стадо уже расплёскивало лужу, по которой он только что прошёл, и мычало так, что стон стоял в узком проходе. Маугли услышал ответное мычание в конце оврага и увидел, как повернул Шер-Хан (тигр понимал, что лучше встретиться с быками, чем с коровами и телятами). Потом Рама оступился, споткнулся и прошёл по чему-то мягкому и, подгоняемый остальными быками, на всём ходу врезался в другую половину стада. Буйволов послабее это столкновение просто сбило с ног. И оба стада вынеслись на равнину, бодаясь, фыркая и топоча копытами.

Маугли выждал сколько надо и соскользнул со спины Рамы, колотя направо и налево своей палкой.

— Живо, Акела, разводи стадо! Разгоняй их, не то они начнут бодать друг друга! Отгони их подальше, Акела. Эй, Рама! Эй, эй, эй, дети мои! Тихонько теперь, тихонько! Всё уже кончено.

Акела и Серый Брат бегали взад и вперёд, кусая буйволов за ноги, и хотя стадо опять направилось было в овраг, Маугли сумел повернуть Раму, а остальные буйволы побрели за ним к болотам.

Шер-Хана не нужно было больше топтать. Он был мёртв, и коршуны уже слетались к нему.

— Братья, вот это была собачья смерть! — сказал Маугли, нащупывая нож, который всегда носил в ножнах на шее, с тех пор как стал жить с людьми. — Но он всё равно был трус и не стал бы драться. Да! Его шкура будет очень хороша на Скале Совета. Надо скорей приниматься за работу.

Мальчику, выросшему среди людей, никогда не пришлось бы в голову одному свежевать десятифунтового тигра, но Маугли лучше всякого другого знал, как прилажена шкура животного и как её надо снимать. Однако работа была трудная, и Маугли старался целый час, отдирая и полосуюя шкуру ножом, а волки смотрели, высунув язык, или подходили и тянули шкуру, когда он приказывал им.

Вдруг чья-то рука легла на плечо Маугли, и, подняв глаза, мальчик увидел Балдео с английским мушкетом. Пастухи рассказывали в деревне о том, что буйволы взбесились и убежали, и Балдео вышел сердитый, заранее приготовившись наказать Маугли за то, что он плохо смотрел за стадом. Волки скрылись из виду, как только заметили человека.

— Что это ещё за глупости? — сердито спросил Балдео. — Да разве тебе ободрать тигра! Где буйволы его убили? К тому же это хромой тигр, и за его голову назначено сто рупий. Ну-ну, мы не взыщем с тебя за то, что ты упустил стадо, и, может быть, я дам тебе одну рупию, после того как отвезу шкуру в Канхивару.

Он нащупал за поясом камень и огниво и нагнулся, чтобы опалить Шер-Хану усы. Почти все охотники в Индии подпаливают тигру усы, чтобы его призрак не тревожил их.

— Гм! — сказал Маугли вполголоса, снимая кожу с передней лапы. — Так ты отвезёшь шкуру в Канхивару, получишь награду и, может быть, дашь мне одну рупию? А я так думаю, что шкура понадобится мне самому. Эй, старик, убирайся с огнём по-дальше!

— Как ты смеешь так разговаривать с первым охотником деревни? Твоё счастье и глупость буйволов помогли тебе заполучить такую добычу. Тигр только что наелся, иначе он был бы сейчас в двадцати милях отсюда. Ты даже ободрать его не сумеешь как следует, нищий мальчишка, да ещё смеешь говорить мне, Балдео, чтобы я не подпаливал тигру усов! Нет, Маугли, я не дам тебе из награды ни одного медяка, зато поколочу тебя как следует. Отойди от туши!

— Клянусь буйволом, который выкупил меня, — сказал Маугли, снимая шкуру с лопатки, — неужели я потрачу весь полдень на болтовню с этой старой обезьяной? Сюда, Акела, этот человек надоед мне!

Балдео, который всё ещё стоял, нагнувшись над головой Шер-Хана, вдруг растянулся на траве, а когда пришёл в себя, то увидел, что над ним стоит серый волк, а Маугли по-прежнему снимает шкуру, как будто он один во всей Индии.

— Да-а, — сказал Маугли сквозь зубы, — ты прав, Балдео: ты не дашь мне ни одного медяка из награды. Я давно воюю с этим хромым тигром, очень давно, и верх теперь мой!

Надо отдать Балдео справедливость — будь он лет на десять помоложе, он бы не побоялся схватиться с Акелой, повстречав его в лесу, но волк, повинующийся слову мальчика, у которого есть личные счёты с тигром-людоедом, — не простой зверь. Тут колдовство, самые опасные чары, думал Балдео и уже не надеялся, что амулет на шее защитит его. Он лежал едва дыша и ждал, что Маугли вот-вот превратится в тигра.

— Махараджа! Владыка! — произнёс он наконец хриплым шепотом.

— Да? — ответил Маугли, не поворачивая головы и слегка посмеиваясь.

— Я уже старик. Откуда я знал, что ты не простой пастушок? Можно ли мне встать и уйти отсюда или твой слуга разорвёт меня в клочки?

— Ступай, да будет мир с тобой. Только в другой раз не мешайся в мои дела. Пусти его, Акела!

Балдео заковылял в деревню, спеша и поминутно оглядываясь через плечо, не превратится ли Маугли во что-нибудь страшное. Добравшись до деревни, он рассказал такую историю о напущенных на него чарах, волшебстве и колдовстве, что жрец не на шутку испугался.

Маугли работал не отдыхая, однако надвигались уже сумерки, когда он вместе с волками снял с туши большую пёструю шкуру.

— Теперь надо спрятать шкуру и гнать буйволов домой. Помоги мне собрать их, Акела!

Стадо собрали в сумеречной мгле, и, когда оно приближалось к деревне, Маугли увидел огни и услышал, как в храме звонят в колокола и трубят в раковины. Казалось, полдеревни собралось к воротам встречать Маугли.

«Это потому, что я убил Шер-Хана»,— подумал он.

Но целый дождь камней просвистел мимо него, и люди закричали:

— Колдун! Оборотень! Волчий выкормыш! Ступай прочь! Да поживее, не то жрец опять превратит тебя в волка! Стреляй, Балдео, стреляй!

Старый английский мушкет громко хлопнул, и в ответ замычал от боли раненый буйвол.

— Опять колдовство! — закричали люди.— Он умеет отводить пули. Балдео, ведь это твой буйвол!

— Это ещё что такое? — спросил растерянно Маугли, когда камни полетели гуще.

— А ведь они похожи на Стаю, эти твои братья,— сказал Акела, спокойно усаживаясь на земле.— Если пули что-нибудь значат, они как будто собираются прогнать тебя.

— Волк! Волчий выкормыш! Ступай прочь! — кричал жрец, размахивая веткой священного растения тулси.

— Опять? Прошлый раз меня гнали за то, что я человек. На этот раз за то, что я волк. Пойдём, Акела!

Женщина — это была Мессуа — перебежала через дорогу к стаду и крикнула:

— О сын мой, сын мой! Они говорят, что ты колдун и можешь, когда захочешь, превращаться в волка! Я им не верю, но всё-таки уходи, а то они убьют тебя. Балдео говорит, что ты чародей, но я знаю, что ты отомстил за смерть моего Натху.

— Вернись, Мессуа! — кричала толпа.— Вернись, не то мы побьём тебя камнями!

Маугли засмеялся коротким, злым смехом — камень ударил его по губам.

— Беги назад, Мессуа. Это глупая сказка из тех, какие рассказывают под большим деревом в сумерках. Я всё-таки отомстил

за твоего сына. Прощай и беги скорее, потому что я сейчас пошлю на них стадо, а оно движется быстрее, чем камни. Я не колдун, Мессуа. Прощай!.. Ну, ещё раз, Акела! — крикнул он. — Гони стадо в ворота!

Буйволы и сами рвались в деревню. Они не нуждались в том, чтобы их подгонял вой Акелы, и вихрем влетели в ворота, расшвыряв толпу направо и налево.

— Считайте! — презрительно крикнул Маугли. — Может быть, я украл у вас буйвола? Считайте, потому что больше я не стану пасти для вас стадо. Прощайте, люди, и скажите спасибо Мессуе, что я не позвал своих волков и не стал гонять вас взад и вперёд по деревенской улице.

Он повернулся и пошёл прочь вместе с волком-одиночкой и, глядя вверх на звёзды, чувствовал себя счастливым.

— Больше я уж не стану спать в ловушках, Акела. Давай возьмём шкуру Шер-Хана и пойдём отсюда. Нет, деревню мы не тронем, потому что Мессуа была добра ко мне.

Когда луна взошла над равниной, залив её словно молоком, напуганные крестьяне увидели, как Маугли с двумя волками позади и с узлом на голове бежал к лесу волчьей рысью, пожирающей милю за милей, как огонь. Тогда они зазвонили в колокола и затрубили в раковины пуще прежнего. Мессуа плакала. Балдео всё больше привирал, рассказывая о своих приключениях в джунглях, и кончил тем, что рассказал, будто Акела стоял на задних лапах и разговаривал, как человек.

Луна уже садилась, когда Маугли и оба волка подошли к холму, где была Скала Совета, и остановились перед логовом Матери Волчицы.

— Они прогнали меня из человечесьей стаи, мать! — крикнул ей Маугли. — Но я сдержал своё слово и вернулся со шкурой Шер-Хана.

Мать Волчица не спеша вышла из пещеры со своими волчатами, и глаза её загорелись, когда она увидела шкуру.

— В тот день, когда он втиснул голову и плечи в наше логово, охотясь за тобой, Лягушонок, я сказала ему, что из охотника он станет добычей. Ты сделал как надо.

— Хорошо сделал, Маленький Брат, — послышался чей-то низкий голос в зарослях. — Мы скучали в джунглях без тебя. — Багира подбежала и потёрлась о босые ноги Маугли.

Они вместе поднялись на Скалу Совета, и на том плоском камне, где сживал прежде Акела, Маугли растянул тигровую шкуру, прикрепив её четырьмя бамбуковыми колышками. Акела улёгся на шкуру и по-старому стал сзывать волков на Совет: «Смотрите, смотрите, о волки!» — совсем как в ту ночь, когда Маугли впервые привели сюда.

С тех пор как сместили Акелу, Стая оставалась без вожака и

волки охотились или дрались как кому вздумается. Однако волки по привычке пришли на зов. Одни из них охромели, попавшись в капкан, другие едва ковыляли, раненные дробью, третьи запаршивели, питаясь всякой дрянью, многих недосчитывались совсем. Но все, кто остался в живых, пришли на Скалу Совета и увидели полосатую шкуру Шер-Хана на скале и громадные когти, болтающиеся на концах пустых лап.

— Смотрите хорошенько, о волки! Разве я не сдержал слово? — сказал Маугли.

И волки пролаяли: «Да!», а один, самый захудалый, провыл:

— Будь снова нашим вожаком, о Акела! Будь нашим вожаком, о детёныш! Нам опротивело беззаконие, и мы хотим снова стать Свободным Народом!

— Нет, — промурлыкала Багира, — этого нельзя. Если вы будете сыты, вы можете опять взбеситься. Недаром вы зовётесь Свободным Народом. Вы дрались за Свободу, и она ваша. Ешьте её, о волки!

— Человечья стая и волчья стая прогнали меня, — сказал Маугли. — Теперь я буду охотиться в джунглях один.

— И мы станем охотиться вместе с тобой, — сказали четверо волчат.

И Маугли ушёл и с этого дня стал охотиться в джунглях вместе с четырьмя волчатами.

Но он не всегда оставался один: спустя много лет он стал взрослым и женился.

Но это уже — рассказ для больших!

КАК СТРАХ ПРИШЁЛ В ДЖУНГЛИ

Закон Джунглей, который много старше всех других законов на земле, предвидел почти все случайности, какие могут выпасть на долю Народа Джунглей, и теперь в этом Законе есть всё, что могли дать время и обычай. Если вы читали другие рассказы про Маугли, то помните, что он провёл большую часть своей жизни в Сионийской Волчьей Стае, обучаясь Закону у бурого медведя Балугу. Это Балугу сказал мальчику, когда тому наскучило выполнять его приказания, что Закон подобен цепкой лиане: он хватается всякого и никому от него не уйти.

— Когда ты проживёшь с моё, Маленький Брат, то увидишь, что все джунгли повинуются одному Закону. И это будет не очень приятно видеть, — сказал Балугу.

Его слова вошли в одно ухо Маугли и вышли в другое: мальчик, у которого вся жизнь уходит на еду и сон, не станет особенно тревожиться, пока беда не подойдёт к нему вплотную. Но настал

год, когда слова Балу подтвердились, и Маугли увидел, что все джунгли повинуются одному Закону.

Это началось после того, как зимних дождей не выпало почти совсем и дикобраз Сахи, повстречав Маугли в бамбуковых зарослях, рассказал ему, что дикий ямс подсыхает. А всем известно, что Сахи привередлив до смешного и ест только самое вкусное и самое спелое. Маугли засмеялся и сказал:

— А мне какое дело?

— Сейчас — почти никакого, — сухо и неприветливо ответил Сахи, гремя иглами, — а там будет видно. Можно ли ещё нырять в глубоком омуте под Пчелиной Скалой, Маленький Брат?

— Нет. Глупая вода вся ушла куда-то, а я не хочу разбить себе голову, — сказал Маугли, который был уверен, что знает не меньше пяти дикобразов, вместе взятых.

— Тебе же хуже: в маленькую трещину могло бы войти сколько-нибудь ума.

Сахи быстро увернулся, чтобы Маугли не дёрнул его за щетинки на носу. Когда Маугли передал Балу слова Сахи, медведь на минуту задумался и проворчал:

— Будь я один, я переменял бы место охоты, прежде чем другие об этом догадаются. Но только охота среди чужих всегда кончается дракой — как бы они не повредили детёнышу. Подождём, посмотрим, как будет цвести махуа.

Этой весной дерево махуа, плоды которого очень любил Балу, так и не зацвело. Сливочного цвета восковые лепестки были сожжены зноем, прежде чем успели развернуться, и лишь несколько дурно пахнущих бутонов упало на землю, когда медведь стал на задние лапы и потряс дерево. Потом шаг за шагом безмерный зной пробрался в самое сердце джунглей, и они пожелтели, побурели и наконец почернели. Зеленая поросль по склонам оврагов выгорела, помертвела и свернулась кусками чёрной проволоки; потаённые озёра высохли до дна, покрылись коркой, и даже самые лёгкие следы по их берегам сохранялись долго, словно вылитые из чугуна; сочные стебли плюща, обвивавшие деревья, упали к их подножию и увяли; бамбук засох и тревожно шелестел на знойном ветру; мох сошел со скал в глубине джунглей, и они стали такими же голыми и горячими, как синие валуны в русле потока.

Птицы и обезьяны ушли на север в самом начале года, понимая, что им грозит беда, а олени и дикие свиньи забирались далеко в сохнувшие на корню поля вокруг деревень и нередко умирали на глазах у людей, которые слишком ослабели, чтобы убивать их. Коршун Чиль остался в джунглях и разжирел, потому что падали было очень много. Каждый вечер он твердил зверям, у которых уже не хватало сил уйти на новые места, что солнце убило джунгли на три дня полёта во все стороны.

Маугли, до сих пор не знавший настоящего голода, принялся

за старый мёд, трёхлетней давности; он выгребал из опустелых ульев среди скал мёд, чёрный, как терновые ягоды, и покрытый налётом застывшего сахара. А ещё он доставал личинок, забравшихся глубоко под кору деревьев, и таскал у ос их детву. От дичи в джунглях остались кости да кожа, и Багира убивала трижды в ночь и всё не могла наесться досыта. Но хуже всего было то, что не хватало воды, ибо Народ Джунглей пьёт хоть и редко, но вволю.

А зной всё держался и держался и выпил всю влагу, и в конце концов из всех потоков оставалось только главное русло Вайнганги, по которому струился тоненький ручеек воды между мёртвыми берегами; и когда дикий слон Хатхи, который живёт сто лет и даже больше, увидел длинный синий каменный хребет, выступивший из-под воды посередине потока, он узнал Скалу Мира и тут же поднял хобот и затрубил, объявляя Водяное Перемирие, как пятьдесят лет назад объявил это Перемирие его отец. Олени, дикие свиньи и буйволы хрипло подхватили его призыв, а коршун Чиль, летая над землёй большими кругами, свистом и криком извещал джунгли о Перемирии.

По Закону Джунглей за убийство у водопоя полагается смерть, если Перемирие уже объявлено. Это потому, что питьё важнее еды. Каждый зверь в джунглях сможет как-нибудь перебиться, если мало дичи, но вода есть вода, и если остался только один источник, всякая охота прекращается, пока Народ Джунглей ходит к нему на водопой. В хорошие времена, когда воды бывало много, зверям, ходившим на водопой к Вайнганге или в другое место, грозила смерть, и эта опасность много прибавляла к прелестям ночной жизни. Спуститься к реке так ловко, чтобы не зашелестел ни один листок; бродить по колено в грохочущей воде порогов, которая глушит всякий шум; пить, оглядываясь через плечо, в страхе напрягая все мускулы для первого отчаянного прыжка, а потом покататься по песчаному берегу и вернуться с мокрой мордой и полным животом к восхищённому стаду, — всё это с восторгом проделывали молодые олени с блестящими гладкими рожками именно потому, что в любую минуту Багира или Шер-Хан могли броситься на них и унести. Но теперь эта игра в жизнь и смерть была кончена, и Народ Джунглей подходил голодный и измученный к обмелевшей реке — тигр и медведь вместе с оленями, буйволами и кабанами, — пил загрязнённую воду и долго стоял над рекой, не в силах двинуться с места.

Олени и кабаны напрасно искали целыми днями чего-нибудь получше сухой коры и завядших листьев. Буйволы не находили больше ни прохлады в илистых заводях, ни зелёных всходов на полях. Змен ушли из джунглей и приползли к реке в надежде поймать чудом уцелевшую лягушку. Они обвивались вокруг мокрых камней и даже не шевелились, когда дикая свинья в поисках

корней задевала их рылом. Речных черепах давным-давно переловила Багира, самая ловкая из зверей-охотников, а рыба спряталась глубоко в потрескавшийся ил. Одна только Скала Мира длинной змеей выступала над мелями, и вялые волны едва слышно шипели, касаясь её горячих боков.

Сюда-то и приходил Маугли каждый вечер, ища прохлады и общества. Самые голодные из его врагов теперь едва ли польстились бы на мальчика. Из-за гладкой, безволосой кожи он казался ещё более худым и жалким, чем его товарищи. Волосы у него выгорели на солнце, как пенька; рёбра выступали, словно прутья на плетёной корзине; высохшие ноги и руки стали похожи на узловатые стебли трав — ползая на четвереньках, он натёр себе шишки на коленях и локтях. Зато глаза смотрели из-под спутанных волос спокойно и ясно, потому что Багира, его друг и советчик, в это трудное время велела ему двигаться спокойно, охотиться не спеша и никогда ни в коем случае не раздражаться.

— Времена сейчас плохие, — сказала чёрная пантера в один раскалённый, как печка, вечер, — но они пройдут, если мы сумеем продержаться до конца. Полон ли твой желудок, детёныш?

— В желудке у меня не пусто, но пользы от этого мало. Как ты думаешь, Багира, дожди совсем забыли нас и никогда не вернутся?

— Не думаю. Мы ещё увидим махуа в цвету и оленят, разжиревших на молодой травке. Пойдём на Скалу Мира, послушаем новости. Садись ко мне на спину, Маленький Брат.

— Сейчас не время носить тяжести. Я ещё могу держаться на ногах, хотя, правда, мы с тобой не похожи на жирных волов.

Багира искоса посмотрела на свой взъерошенный, пыльный бок и проворчала:

— Вчера ночью я убила вола под ярмом. Я так ослабела, что не посмела бы броситься на него, если б он был на свободе. Вау!

Маугли засмеялся:

— Да, мы теперь смелые охотники. У меня хватает храбрости ловить и есть личинок.

И они вдвоём с Багирой спустились сухим и ломким кустарником на берег реки, к кружевным отмелям, которые разбегались во всех направлениях.

— Эта вода не проживёт долго, — сказал Балу, подходя к ним. — Посмотрите на тот берег!

На ровной низине дальнего берега жёсткая трава джунглей засохла на корню и стояла мёртвая. Протоптаные оленями и кабанами тропы, ведущие к реке, исполосовали рыжую низину пыльными ущельями, проложенными в высокой траве, и хотя было ещё рано, все тропы были полны зверьём, спешившим к воде. Слышно было, как лани и их детёныши кашляют от пыли, мелкой, как нюхательный табак.

Выше по реке, у тихой заводи, огибавшей Скалу Мира, хранильницу Водяного Перемирия, стоял дикий слон Хатхи со своими сыновьями. Худые и серые в лунном свете, они покачивались взад и вперёд, покачивались не переставая. Немного ниже стояли рядами олени, ещё ниже — кабаны и дикие буйволы, а на том берегу, где высокие деревья подступали к самой воде, было место, отведённое для хищников: тигров, волков, пантер, медведей и всех прочих.

— Правда, что мы повинемся одному Закону,— сказала Багира, заходя в воду и поглядывая искоса на ряды стучащих рогов и насторожённых глаз там, где толкались у воды олени и кабаны.— Доброй охоты всем, кто со мной одной крови,— прибавила она, лёжась и вытягиваясь во весь рост. Выставив один бок из воды, она шепнула сквозь зубы: — А если б не этот Закон, можно бы очень хорошо поохотиться.

Чуткие уши оленей услышали последние слова, и по рядам пробежал испуганный шёпот:

— Перемирие! Не забывайте о Перемирии!

— Тише, тише! — пробурчал дикий слон Хатхи.— Перемирие продолжается, Багира. Не время сейчас говорить об охоте.

— Кому это лучше знать, как не мне? — ответила Багира, поводя жёлтыми глазами вверх по реке.— Я теперь ем черепах, ловлю лягушек. Нгайя! Хорошо бы мне выучиться жевать ветки!

— Нам бы тоже очень этого хотелось, о-очень! — проблеял молоденький оленёнок, который родился только этой весной и не одобрял старых порядков.

Как ни плохо было Народу Джунглей, но даже слон Хатхи невольно улыбнулся, а Маугли, который лежал в тёплой воде, опираясь на локти, громко расхохотался и взбил ногами пену.

— Хорошо сказано, Маленькие Рожки! — промурлыкала Багира.— Когда Перемирие кончится, это будет зачтено в твою пользу.— И она зорко посмотрела в темноту, чтобы узнать оленёнка при встрече.

Мало-помалу говор пошёл по всему водопою, вверх и вниз по реке. Слышно было, как свиньи, возясь и фыркая, просили потесниться; как мычали буйволы, переговариваясь между собой на песчаных отмелях; как олени рассказывали друг другу жалостные истории о том, что совсем сбились с ног в поисках пищи. Время от времени они спрашивали о чем-нибудь хищников, стоявших на том берегу, но новости были плохие, и жаркий ветер джунглей с шумом проносился между скалами и деревьями, засыпая воду пылью и ветками.

— И люди тоже умирают за плугом,— сказал молодой олень.— От заката до темноты я видел троих. Они лежали не двигаясь, и их буйволы — рядом с ними. Скоро и мы тоже ляжем и не встанем больше.

— Река убыла со вчерашней ночи,— сказал Балу.— О Хатхи, приходилось ли тебе видеть засуху, подобную этой?

— Она пройдёт, она пройдёт,— отвечал Хатхи, поливая водой из хобота спину и бока.

— У нас тут есть один, которому не вытерпеть долго,— сказал Балу и посмотрел на мальчика, которого очень любил.

— Мне? — возмущённо крикнул Маугли, садясь в воду.— У меня нет длинной шерсти, прикрывающей кости, но если бы содрать с тебя шкуру, Балу...

Хатхи весь затрясся от смеха, а Балу сказал строго:

— Детёныш, этого не подобает говорить учителю Закона! Меня ещё никто не видел без шкуры.

— Да нет, я не хотел сказать ничего обидного, Балу. Только то, что ты похож на кокосовый орех в шелухе, а я на тот же орех без шелухи. А если эту твою бурю шелуху...

Маугли сидел скрестив ноги и объяснял свою мысль, по обыкновению засунув палец в рот, но тут Багира протянула мягкую лапу и опрокинула его в воду.

— Ещё того хуже,— сказала чёрная пантера, когда мальчик поднялся отфыркиваясь.— То с Балу надо содрать шкуру, то он похож на кокосовый орех. Смотри, как бы он не сделал того, что делают кокосовые орехи!

— А что? — спросил Маугли, позабывшись на минуту, хотя это одна из самых старых шуток в джунглях.

— Не разбил бы тебе голову,— невозможно ответила Багира, снова опрокидывая мальчика в воду.

— Нехорошо смеяться над своим учителем,— сказал медведь, после того как Маугли окунулся в третий раз.

— Нехорошо! А чего же вы хотите? Этот голыш бегаёт по лесу и насмехается, как обезьяна, над тем, кто был когда-то добрым охотником, да ещё дёргает за усы забавы ради.

Это спускался к реке, ковыляя, Шер-Хан, хромой тигр. Он подождал немножко, наслаждаясь переполохом, который поднялся среди оленей на том берегу, потом опустил к воде усатую квадратную голову и начал лакать, ворча:

— Джунгли теперь логово для голых щенят! Взгляни на меня, человеческий детёныш!

Маугли взглянул на него — вернее, посмотрел в упор и очень дерзко, — и через минуту Шер-Хан беспокойно отвернулся.

— Маугли то, Маугли сё! — проворчал он, продолжая лакать воду.— Он не человек и не волк, не то он испугался бы. Будущим летом мне придётся просить у него позволения напиться! Уф!

— Может быть, и так,— сказала Багира, пристально глядя тигру в глаза.— Может быть, и так... Фу, Шер-Хан! Что это за новую пакость ты принёс сюда?

Хромой тигр окунул в воду подбородок и щёки, и тёмные маслянистые полосы поплыли вниз по реке.

— Час назад я убил человека, — нагло ответил Шер-Хан.

Он продолжал лакать воду, мурлыкая и ворча себе под нос.

Ряды зверей дрогнули и заколебались, над ними пронёсся шёпот, который перешёл в крик:

— Он убил человека! Убил человека!

И все посмотрели на дикого слона Хатхи, но тот, казалось, не слышал. Хатхи никогда не торопится, оттого он и живет так долго.

— В такое время убивать человека! Разве нет другой дичи в джунглях? — презрительно сказала Багира, выходя из осквернённой воды и по-кошачьи отряхивая одну лапу за другой.

— Я убил его не для еды, а потому, что мне так хотелось.

Опять поднялся испуганный ропот, и внимательные белые глазки Хатхи сурово посмотрели в сторону Шер-Хана.

— Потому, что мне так хотелось, — протянул Шер-Хан. — А теперь я пришёл сюда, чтобы утолить жажду и очиститься. Кто мне запретит?

Спина Багиры изогнулась, как бамбук на сильном ветру, но Хатхи спокойно поднял свой хобот.

— Ты убил потому, что тебе так хотелось? — спросил он.

А когда Хатхи спрашивает, лучше отвечать.

— Вот именно. Это было моё право и моя ночь. Ты это знаешь, о Хатхи, — отвечал Шер-Хан почти вежливо.

— Да, я знаю, — ответил Хатхи и, помолчав немного, спросил: — Ты напился вволю?

— На эту ночь — да.

— Тогда уходи. Река для того, чтобы пить, а не для того, чтобы осквернять её. Никто, кроме хромого тигра, не стал бы хвастаться своим правом в такое время... в такое время, когда все мы страдаем вместе — и человек и Народ Джунглей. Чистый или нечистый, ступай в свою берлогу, Шер-Хан!

Последние слова прозвучали, как серебряные трубы. И три сына Хатхи качнулись вперёд на полшага, хотя в этом не было нужды. Шер-Хан ушёл крадучись, не смея даже ворчать, ибо знал то, что известно всем: если дойдёт до дела, то хозяин джунглей — Хатхи.

— Что это за право, о котором говорил Шер-Хан? — шепнул Маугли на ухо Багире. — Убивать человека всегда стыдно. Так сказано в Законе. А как же Хатхи говорит...

— Спроси его сам. Я не знаю, Маленький Брат. Есть такое право или нет, а я бы проучила как следует Хромого Мясника, если бы не Хатхи. Приходить к Скале Мира, только что убив человека, да ещё хвастаться этим — выходка, достойная шакала! Кроме того, он испортил хорошую воду.

Маугли подождал с минуту, набираясь храбрости, потому что

все в джунглях побаивались обращаться прямо к Хатхи, потом крикнул:

— Что это за право у Шер-Хана, о Хатхи?

Оба берега подхватили его слова, ибо Народ Джунглей очень любопытен, а на глазах у всех произошло нечто такое, чего не понял никто, кроме Балу, который принял самый глубокомысленный вид.

— Это старая история,— сказал Хатхи,— она много старше джунглей. Помолчите там, на берегах, и я расскажу её вам.

Минута или две прошли, пока буйволы и кабаны толкались и отпихивали друг друга, потом вожаки стад повторили один за другим:

— Мы ждём!

И Хатхи шагнул вперёд и стал по колено в воде посреди заводи у Скалы Мира. Несмотря на худобу, морщины и жёлтые бивни, сразу было видно, что именно он — хозяин джунглей.

— Вы знаете, дети мои,— начал он,— что больше всего на свете вы боитесь человека.

Послышался одобрительный ропот.

— Это тебя касается, Маленький Брат,— сказала Багира Маугли.

— Меня? Я охотник Свободного Народа и принадлежу к Стае,— ответил Маугли.— Какое мне дело до человека?

— А знаете ли вы, почему вы боитесь человека? — продолжал Хатхи.— Вот почему. В начале джунглей, так давно, что никто не помнит, когда это было, все мы паслись вместе и не боялись друг друга. В то время не было засухи, листья, цветы и плоды вырастали на дереве в одно время, и мы питались только листьями, цветами и плодами да корой и травой.

— Как я рада, что не родилась в то время! — сказала Багира.— Кора хороша только точить когти.

— А Господин Джунглей был Тха, Первый из Слонов. Своим хоботом он вытащил джунгли из глубоких вод, и там, где он провёл по земле борозды своими бивнями, побежали реки, и там, где он топнул ногой, налились водою озёра, а когда он затрубил в хобот — вот так,— народились деревья. Вот так Тха сотворил джунгли, и вот так рассказывали мне эту историю.

— Она не стала короче от пересказа! — шепнула Багира. А Маугли засмеялся, прикрывая рот ладонью.

— В то время не было ни маиса, ни дынь, ни перца, ни сахарного тростника, ни маленьких хижин, какие видел каждый из вас, и Народы Джунглей жили в лесах дружно, как один народ, не зная ничего о человеке. Но скоро звери начали ссориться из-за пищи, хотя пастбищ хватало на всех. Они обленились. Каждому хотелось пастись там, где он отдыхал, как бывает иногда и у нас, если весенние дожди прошли дружно. У Тха,

Первого из Слонов, было много дела: он создавал новые джунгли и прокладывал русла рек. Он не мог поспеть всюду, и потому сделал Первого из Тигров властелином и судьёй над джунглями, и Народ Джунглей приходил к нему со своими спорами. В то время Первый из Тигров ел плоды и траву вместе со всеми. Он был ростом с меня и очень красив: весь жёлтый, как цветы жёлтой лианы. В то доброе старое время, когда джунгли только что народились, на шкуре тигра ещё не было ни полос, ни пятен. Весь Народ Джунглей приходил к нему без страха, и слово его было законом для всех. Не забывайте, что все мы были тогда один народ.

И всё же однажды ночью между двумя быками вышел спор из-за пастбища, такой спор, какие вы теперь решаете с помощью рогов и передних копыт. Говорят, что когда оба быка пришли жаловаться к Первому из Тигров, лежавшему среди цветов, один из них толкнул его рогами, и Первый из Тигров, позабыв о том, что он властелин и судья над джунглями, бросился на этого быка и сломал ему шею.

До той ночи никто из нас не умирал, и Первый из Тигров, увидев, что он наделал, и потеряв голову от запаха крови, убежал в болота на север; а мы, Народ Джунглей, остались без судьи и начали ссориться и драться между собой. Тха услышал шум и пришёл к нам. И одни из нас говорили одно, а другие — другое, но он увидел мёртвого быка среди цветов и спросил нас, кто его убил, а мы не могли ему сказать, потому что потеряли разум от запаха крови, как теряем его и теперь. Мы метались и кружились по джунглям, скакали, кричали и мотали головами. И Тха повелел нижним ветвям деревьев и ползучим лианам джунглей отметить убийцу, чтобы Первый из Слонов мог узнать его.

И Тха спросил:

«Кто хочет быть Господином Джунглей?»

Выскочила Серая Обезьяна, которая живёт на ветвях, и крикнула:

«Я хочу быть Госпожой Джунглей!»

Тха усмехнулся и ответил:

«Пусть будет так!» — и в гневе ушёл прочь.

Дети, вы знаете Серую Обезьяну. Тогда она была такая же, как и теперь. Сначала она соорудила умное лицо, но через минуту начала почёсываться и скакать вверх и вниз, и, возвратившись, Тха увидел, что она висит на дереве головой вниз и передразнивает всех, кто стоит под деревом, и они тоже её дразнят. И так в джунглях не стало больше Закона — одна глупая болтовня и слова без смысла.

Тогда Тха созвал нас всех и сказал:

«Первый ваш Господин принёс в джунгли Смерть, второй —

Позор. Теперь пора дать вам Закон, и такой Закон, которого вы не смели бы нарушать. Теперь вы познаете Страх и, увидев его, поймёте, что он господин над вами, а всё остальное придёт само собой».

Тогда мы, Народ Джунглей, спросили:

«Что такое Страх?»

И Тха ответил:

«Ищите и отыщите».

И мы исходили все джунгли вдоль и поперёк в поисках Страх, и вскоре буйволы...

— Уф! — отозвался со своей песчаной отмели Меса, вожак буйволов.

— Да, Меса, то были буйволы. Они принесли весть, что в одной пещере в джунглях сидит Страх, что он безволосый и ходит на задних лапах. Тогда все мы пошли за стадом буйволов к этой пещере, и Страх стоял там у входа. Да, он был безволосый, как рассказывали буйволы, и ходил на задних лапах. Увидев нас, он крикнул, и его голос вселил в нас тот страх, который мы знаем теперь, и мы ринулись прочь, топча и нанося раны друг другу. В ту ночь Народ Джунглей не улёгся отдыхать весь вместе, как было у нас в обычае, но каждое племя легло отдельно — свиньи со свиньями и олени с оленями: рога с рогами и копыта с копытами. Свои залегли со своими и дрожали от страха всю ночь.

Только Первого из Тигров не было с нами: он всё ещё прятался в болотах на севере, и когда до него дошла весть о том, кого мы видели в пещере, он сказал:

«Я пойду к нему и сломаю ему шею».

И он бежал всю ночь, пока не достиг пещеры, но деревья и лианы на его пути, помня повеление Тха, низко опускали свои ветви и метили его на бегу, проводя пальцами по его спине, бокам, лбу и подбородку. И где бы ни дотронулись до него лианы, оставалась метка или полоса на его жёлтой шкуре. И эти полосы его дети носят до наших дней! Когда он подошёл к пещере, Безволосый Страх протянул руку и назвал его «Полосатый, что приходит ночью», и Первый из Тигров испугался Безволосого и с воем убежал обратно в болота...

Тут Маугли тихонько засмеялся, опустив подбородок в воду.

— ...Он выл так громко, что Тха услышал его и спросил:

«О чем ты?»

И Первый из Тигров, подняв морду к только что сотворённому небу, которое теперь так старо, сказал:

«Верни мне мою власть, о Тха! Меня опозорили перед всеми джунглями: я убежал от Безволосого, а он назвал меня позорным именем».

«А почему?» — спросил Тха.

«Потому, что я выпачкался в болотной грязи», — ответил Первый из Тигров.

«Так поплавай и покатайся по мокрой траве, и если это грязь, она, конечно, сойдёт», — сказал Тха.

И Первый из Тигров плавал и плавал, и катался по траве, так что джунгли завертелись у него перед глазами, но ни одно пятнышко не сошло с его шкуры, и Тха засмеялся, глядя на него. Тогда Первый из Тигров спросил:

«Что же я сделал и почему это случилось со мной?»

Тха ответил:

«Ты убил быка и впустил Смерть в джунгли, а вместе со Смертью пришёл Страх, и потому Народы Джунглей теперь боятся один другого, как ты боишься Безволосого».

Первый из Тигров сказал:

«Они не побоятся меня, потому что я давно их знаю».

«Поди и посмотри», — ответил Тха.

Тогда Первый из Тигров стал бегать взад и вперёд по джунглям и громко звать оленей, кабанов, дикобразов и все Народы Джунглей. И все они убежали от тигра, который был прежде их Судьёй, потому что боялись его теперь.

Тогда Первый из Тигров вернулся к Тха. Гордость его была сломлена, и, ударившись головой о землю, он стал рыть её всеми четырьмя лапами и провыл:

«Вспомни, что я был когда-то Властелином Джунглей! Не забудь меня, о Тха! Пусть мои дети помнят, что когда-то я не знал ни стыда, ни страха!»

И Тха сказал:

«Это я сделаю, потому что мы вдвоём с тобой видели, как создавались джунгли. Одна ночь в году будет для тебя и для твоих детей такая же, как была прежде, пока ты не убил быка. Если ты повстречаешь Безволосого в эту единственную ночь — а имя ему Человек, — ты не испугаешься его, зато он будет бояться тебя и твоих детей, словно вы судьи джунглей и хозяева всего, что в них есть. Будь милосерден к нему в эту ночь Страх, ибо теперь ты знаешь, что такое Страх».

И тогда Первый из Тигров ответил:

«Хорошо. Я доволен».

Но после того, подойдя к реке напиться, он увидел полосы на своих боках, вспомнил имя, которое ему дал Безволосый, и пришёл в ярость. Целый год он прожил в болотах, ожидая, когда Тха исполнит своё обещание. И в одну ночь, когда Лунный Шакал (вечерняя звезда) поднялся над джунглями, тигр почуял, что настала его ночь, и пошёл к той пещере, где жил Безволосый. И всё случилось так, как обещал Первый из Слонов: Безволосый упал на колени перед ним и распростёрся на земле, а Первый из

Тигров бросился на него и сломал ему хребет, думая, что в джунглях больше нет Безволосых и что он убил Страх. И тогда, обнюхав свою добычу, он услышал, что Тха идёт из лесов севера. И вскоре раздался голос Первого из Слонов, тот самый голос, который мы слышим сейчас...

Гром прокатился по иссохшим и растрескавшимся холмам, но не принёс с собой дождя — только зарницы блеснули за дальними горами. И Хатхи продолжал:

— Вот этот голос он и слышал. И голос сказал ему:

«Это и есть твоё милосердие?»

Первый из Тигров облизнулся и ответил:

«Что за беда? Я убил Страх».

И Тха сказал:

«О слепой и неразумный! Ты развязал ноги Смерти, и она станет ходить за тобою по пятам, пока ты не умрёшь. Ты научил человека убивать!»

Первый из Тигров наступил на свою добычу и сказал:

«Он теперь такой же, как тот бык. Страх больше нет, и я по-прежнему буду судить Народы Джунглей».

Но Тха сказал:

«Никогда больше не придут к тебе Народы Джунглей. Никогда не скрестятся их пути с твоими, никогда не будут они спать рядом с тобой, ни ходить за тобой, ни пастись возле твоей берлоги. Только Страх будет ходить за тобой по пятам и, когда ему вздумается, поражать тебя оружием, которого ты не увидишь. Он сделает так, что земля разверзнется у тебя под ногами, и лиана захлестнёт твою шею, и стволы деревьев нагромолятся вокруг тебя так высоко, что ты не сможешь через них перепрыгнуть. А напоследок он снимет с тебя шкуру и прикроет ею своих детёнышей, чтобы согреть их. Ты не пощадил его, и он тебе не даст пощады».

Первый из Тигров был очень отважен, потому что его ночь ещё не прошла, и он сказал:

«Обещание Тха остаётся в силе. Ведь он не отнимет у меня моей ночи?»

И Тха сказал:

«Твоя ночь остаётся твоей, как я обещал, но за неё придётся заплатить. Ты научил человека убивать, а он всё перенимает быстро».

Первый из Тигров ответил:

«Вот он, у меня под ногой, и хребет его сломлен. Пусть узнают все Джунгли, что я убил Страх».

Но Тха засмеялся и сказал:

«Ты убил одного из многих и сам скажешь об этом Джунглям, потому что твоя ночь прошла!»

И вот наступил день — из пещеры вышел другой Безволосый,

и, увидев убитого на тропинке и тигра, стоящего над ним, он взял палку с острым концом...

— Теперь они бросают такую острую штуку, — сказал дикобраз Сахи, с шорохом спускаясь к реке.

Гонды¹ считают Сахи самой вкусной едой — они зовут его Хо-Игу, — и ему известно кое-что о коварном топорике гондов, который летит через просеку, блестя, как стрекоза.

— Это была палка с острым концом, какие втыкают на дно ловчей ямы, — сказал Хатхи. — Безволосый бросил её, и она воткнулась в бок Первому из Тигров. Всё случилось, как сказал Тха: Первый из Тигров с воем бегал по лесу, пока не вырвал палку, и все Джунгли узнали, что Безволосый может поражать издали, и стали бояться больше прежнего. Так вышло, что Первый из Тигров научил Безволосого убивать, — а вы сами знаете, сколько вреда это принесло всем нам, — убивать и петлей, и ловушкой, и спрятанным капканом, и кусачей мухой, которая вылетает из белого дыма (Хатхи говорил о пуле), и Красным Цветком, который выгоняет нас из леса. И всё же одну ночь в году Безволосый боится тигра, как обещал Тха, и тигр ничего не сделал, чтобы прогнать его Страх. Где он найдёт Безволосого, там и убивает, помня, как опозорили Первого из Тигров.

И теперь Страх свободно разгуливает по джунглям днём и ночью.

— Ахи! Ао! — вздохнули олени, думая, как важно всё это для них.

— И только когда один Великий Страх грозит всем, как теперь, мы в джунглях забываем свои мелкие страхи и сходимся в одно место, как теперь.

— Человек только одну ночь боится тигра? — спросил Маугли.

— Только одну ночь, — ответил Хатхи.

— Но ведь я... но ведь мы... но ведь все в джунглях знают, что Шер-Хан убивает человека дважды и трижды в месяц.

— Это так. Но тогда он бросается на него сзади и, нападая, отворачивает голову, потому что боится. Если человек посмотрит на тигра, он убежит. А в свою ночь он входит в деревню не прячась. Он идёт между домами, просовывает голову в дверь, а люди падают перед ним на колени, и тогда он убивает. Один раз — в ту ночь.

«О! — сказал Маугли про себя, перевёртываясь в воде с боку на бок. — Теперь я понимаю, почему Шер-Хан попросил меня взглянуть на него. Ему это не помогло, он не мог смотреть мне в глаза, а я... я, разумеется, не упал перед ним на колени. Но ведь я не человек, я принадлежу к Свободному Народу».

¹ Гонды — один из древнейших народов Индии.

— Гм-м! — глухо проворчала Багира. — А тигр знает свою ночь?

— Нет, не знает, пока Лунный Шакал не выйдет из ночного тумана. Иногда эта ночь бывает летом, в сухое время, а иногда зимой, когда идут дожди. Если бы не Первый из Тигров, этого не случилось бы и никто из нас не знал бы Страха.

Олени грустно вздохнули, а Багира коварно улыбнулась.

— Люди знают эту... сказку? — спросила она.

— Никто её не знает, кроме тигров и нас, слонов, детей Тха. Теперь и вы, те, что на берегах, слышали её, и больше мне нечего сказать вам.

Хатхи окунул хобот в воду в знак того, что не желает больше разговаривать.

— Но почему же, почему, — спросил Маугли, обращаясь к Балу, — почему Первый из Тигров перестал есть траву, плоды и листья? Ведь он только сломал шею быку. Он не сожрал его. Что же заставило его отведать свежей крови?

— Деревья и лианы заклеямили тигра, Маленький Брат, и он стал полосатым, каким мы видим его теперь. Никогда больше не станет он есть их плодов, и с того самого дня он мстит оленям, буйволам и другим травоедам, — сказал Балу.

— Так ты тоже знаешь эту сказку? Да? Почему же я никогда её не слышал?

— Потому, что джунгли полны таких сказок. Стоит только начать, им и конца не будет. Пустите моё ухо, Маленький Брат!

НАШЕСТВИЕ ДЖУНГЛЕЙ

Вы, конечно, помните, что Маугли, пригвоздив шкуру Шер-Хана к Скале Совета, сказал всем волкам, сколько их осталось от Сионийской Стаи, что с этих пор будет охотиться в джунглях один, а четверо волчат Матери Волчицы пообещали охотиться вместе с ним. Но не так-то легко сразу переменить свою жизнь, особенно в джунглях. После того как Стая разбежалась кто куда, Маугли прежде всего отправился в родное логово и залёг спать на весь день и на всю ночь. Проснувшись, он рассказал Отцу Волку и Матери Волчице о своих приключениях среди людей ровно столько, сколько они могли понять. Когда Маугли стал играть перед ними своим охотничьим ножом так, что утреннее солнце заиграло и заблистало на его лезвии — это был тот самый нож, которым он снял шкуру с Шер-Хана, — волки сказали, что он кое-чему научился. После того Акеле и Серому Брату пришлось рассказать, как они помогали Маугли гнать буйволов по оврагу, и Балу вскарабкался на холм послушать их, а Багира почёсывалась

от удовольствия при мысли о том, как ловко Маугли воевал с Тигром.

Солнце давно уже взошло, но никто и не думал ложиться спать, а Мать Волчица время от времени закидывала голову вверх и радостно вдыхала запах шкуры Шер-Хана, доносимый ветром со Скалы Совета.

— Если бы не Акела с Серым Братом,— сказал в заключение Маугли,— я бы ничего не смог сделать. О Мать Волчица, если б ты видела, как серые буйволы неслись по оврагу и как они ломились в деревенские ворота, когда человечесья стая бросала в меня камнями!

— Я рада, что не видела этого,— сурово сказала Мать Волчица.— Не в моём обычае терпеть, чтобы моих волчат гоняли, как шакалов! Я бы заставила человечесью стаю поплатиться за это, но пощадила бы женщину, которая кормила тебя молоком. Да, я пощадила бы только её одну!

— Тише, тише, Ракша! — лениво заметил Отец Волк.— Наш Лягушонок опять вернулся к нам и так поумнел, что родной отец должен лизать ему пятки. А не всё ли равно — одним шрамом на голове больше или меньше? Оставь человека в покое.

И Балу с Багирой отозвались, как эхо:

— Оставь человека в покое!

Маугли, положив голову на бок Матери Волчицы, улыбнулся довольной улыбкой и сказал, что и он тоже не хочет больше ни видеть, ни слышать, ни чувствовать человека.

— А что, если люди не оставят тебя в покое, Маленький Брат? — сказал Акела, приподняв одно ухо.

— Нас пятеро,— сказал Серый Брат, оглянувшись на всех сидящих и щёлкнув зубами.

— Мы тоже могли бы принять участие в охоте,— сказала Багира, пошевеливая хвостом и глядя на Балу.— Но к чему думать теперь о человеке, Акела?

— А вот к чему,— ответил волк-одиночка.— После того как шкуру этого жёлтого вора повесили на Скале Совета, я пошёл обратно к деревне по нашим следам; чтобы запутать их на тот случай, если за нами кто-нибудь погонится, я ступал в свои следы, а иногда сворачивал в сторону и ложился. Но когда я запутал след так, что и сам не мог бы в нем разобраться, прилетел нетопырь Манг и стал кружить надо мной. Он сказал:

«Деревня человечесьей стаи, откуда прогнали Маугли, гудит, как осиное гнездо».

— Это оттого, что я бросил туда большой камень,— посмеиваясь, сказал Маугли, который часто забавлялся тем, что кидал спелые папавы в осиное гнездо, а потом бросался бегом к ближайшей заводи, чтобы осы его, чёго доброго, не догнали.

— Я спросил нетопыря, что он видел. Он сказал, что перед

деревенскими воротами цветёт Красный Цветок и люди сидят вокруг него с ружьями. Я говорю недаром: я ведь знаю по опыту,— тут Акела взглянул на старые рубцы на своих боках,— что люди носят ружья не для забавы. Скоро, Маленький Брат, человек с ружьём пойдёт по нашему следу.

— Но зачем это? Люди прогнали меня. Чего ещё им нужно? — сердито спросил Маугли.

— Ты человек, Маленький Брат,— возразил Акела.— Не нам, Вольным Охотникам, говорить тебе, что и зачем делают твои братья.

Он едва успел отдёрнуть лапу, как охотничий нож глубоко вонзился в землю на том месте, где она лежала. Маугли бросил нож так быстро, что за ним не уследил бы человеческий глаз, но Акела был волк, а даже собака, которой далеко до дикого волка, её прапрадеда, может проснуться от крепкого сна, когда колесо телеги слегка коснётся её бока, и отпрыгнуть в сторону невредимой, прежде чем это колесо наедет на неё.

— В другой раз,— спокойно сказал Маугли, вкладывая нож в ножны,— не говори о человечесьей стае, когда говоришь с Маугли.

— Пфф! Зуб острый,— сказал Акела, обнюхивая ямку, оставленную ножом в земле,— но только житьё с человечесьей стаей испортило тебе глаз, Маленький Брат. Я бы успел убить оленя, пока ты замахивался.

Багира вдруг вскочила, вытянула шею вперёд, понюхала воздух и вся напряглась. Серый Волк быстро повторил все её движения, повернувшись немного влево, чтобы уловить ветер, который дул справа. Акела же отпрыгнул шагов на пятьдесят в сторону ветра, присел и тоже напрягся всем телом. Маугли смотрел на них с завистью. Чутьё у него было такое, какое редко встречается у людей, но этому чутью не хватало той необычайной тонкости, какая свойственна каждому носу в джунглях, а за три месяца житья в дымной деревне оно сильно притупилось. Однако он смочил палец, потёр им нос и выпрямился, чтобы уловить ветер верхним чутьём, которое всего вернее.

— Человек! — проворчал Акела, присаживаясь на задние лапы.

— Балдео! — сказал Маугли, садясь.— Он идёт по нашему следу. А вон и солнце блестит на его ружье. Смотрите!

Солнце только блеснуло на долю секунды на медных скрепах старого мушкета, но ничто в джунглях не даёт такой вспышки света, разве только если облака бегут по небу. Тогда чешуйка слюды, маленькая лужица и даже блестящий лист сверкают, как гелиограф. Но день был безоблачный и тихий.

— Я знал, что люди погонятся за нами,— торжествуя, сказал Акела.— Недаром я был Вожаком Стаи!

Четверо волков Маугли, не сказав ничего, легли на брюхо, поползли вниз по холму и вдруг пропали, словно растаяли среди терновника и зелёной поросли.

— Скажите сначала, куда вы идёте? — окликнул их Маугли.

— Ш-ш! Мы прикатим сюда его череп ещё до полудня! — отозвался Серый Брат.

— Назад! Назад! Стойте! Человек не ест человека! — крикнул Маугли.

— А кто был только что волком? Кто бросил в меня нож за то, что его называли человеком? — сказал Акела.

Но вся четвёрка послушалась и угрюмо повернула назад.

— Неужели я должен объяснять вам, почему я делаю то или другое? — спросил Маугли, рассердившись.

— Вот вам человек! Это говорит человек! — проворчала Багира себе в усы. — Вот так же говорили люди вокруг княжеского зверинца в Удайпуре. Нам в джунглях давно известно, что человек всех умней. А если бы мы верили своим ушам, то знали бы, что он глупей всех на свете. — И, повысив голос, она прибавила: — На этот раз детёныш прав: люди охотятся стаяй. Плохая охота убивать одного, когда мы не знаем, что собираются делать остальные. Пойдем посмотрим, чего хочет от нас этот человек.

— Мы не пойдем, — заворчал Серый Брат. — Охоться один, Маленький Брат! Мы-то знаем, чего хотим! Мы бы давно принесли сюда череп.

Маугли обвёл взглядом всех своих друзей. Грудь его тяжело поднималась и глаза были полны слёз. Он сделал шаг вперёд и, упав на одно колено, сказал:

— Разве я не знаю, чего хочу? Взгляните на меня!

Они неохотно взглянули на Маугли, потом отвели глаза в сторону, но он снова заставил их смотреть себе в глаза, пока шерсть не поднялась на них дыбом и они не задрожали всем телом, а Маугли всё смотрел да смотрел.

— Ну, так кто же вожак из нас пятерых? — сказал он.

— Ты вожак, Маленький Брат, — ответил Серый Брат и лизнул Маугли ногу.

— Тогда идите за мной, — сказал Маугли.

И вся четвёрка, поджав хвосты, побрела за ним по пятам.

— Вот что бывает от житья в человеческой стае, — сказала Багира, неслышно спускаясь по холму вслед за ними. — Теперь в джунглях не один Закон, Балу.

Старый медведь не ответил ничего, но подумал очень многое.

Маугли бесшумно пробирался по лесу, пересекая его под прямым углом к тому пути, которым шёл Балдео. Наконец, раздвинув кусты, он увидел старика с мушкетом на плече: он трусил собачьей побейкой по старому, двухдневному следу.

Вы помните, что Маугли ушёл из деревни с тяжёлой шкурой

Шер-Хана на плечах, а позади него бежали Акела с Серым Братом, так что след был очень ясный. Скоро Балдео подошёл к тому месту, где Акела повернул обратно и запутал след. Тут Балдео сел на землю, долго кашлял и ворчал, потом стал рыскать вокруг, стараясь снова напасть на след, а в это время те, которые наблюдали за ним, были так близко, что он мог бы попасть в них камнем. Ни один зверь не может двигаться так тихо, как волк, когда он не хочет, чтобы его слышали, а Маугли, хотя волки считали его очень неуклюжим, тоже умел появляться и исчезать, как тень. Они окружили старика кольцом, как стая дельфинов окружает пароход на полном ходу, и разговаривали не стесняясь, потому что их речь начинается ниже самой низкой ноты, какую может уловить непривычное человеческое ухо. На другом конце ряда находится тончайший писк летучей мыши, которого многие люди не слышат совсем. С этой ноты начинается разговор всех птиц, летучих мышей и насекомых.

— Это лучше всякой другой охоты,— сказал Серый Брат, когда Балдео нагнулся, пыхтя и что-то разглядывая.—Он похож на свинью, которая заблудилась в джунглях у реки. Что он говорит?

Балдео сердито бормотал что-то.

Маугли объяснил:

— Он говорит, что вокруг меня, должно быть, плясала целая стая волков. Говорит, что никогда в жизни не видел такого следа. Говорит, что очень устал.

— Он отдохнёт, прежде чем снова отыщет след,— равнодушно сказала Багира, продолжая игру в прятки и прокрадываясь за стволом дерева.

— А теперь что делает этот убогий?

— Собирается есть или пускать дым изо рта. Люди всегда что-нибудь делают ртом,— сказал Маугли.

Молчаливые следопыты увидели, как старик набил трубку, зажёл и стал курить. Они постарались хорошенько запомнить запах табака, чтобы потом узнать Балдео даже в самую тёмную ночь.

Потом по тропе прошли угольщики и, конечно, остановились поболтать с Балдео, который считался первым охотником в этих местах. Все они уселись в кружок и закурили, а Багира и остальные подошли поближе и смотрели на них, пока Балдео рассказывал сначала и до конца, с прибавлениями и выдумками, всю историю Маугли, мальчика-оборотня. Как он, Балдео, убил Шер-Хана и как Маугли обернулся волком и дрался с ним целый день, а потом снова превратился в мальчика и околдовал ружьё Балдео, так что, когда он прицелился в Маугли, пуля свернула в сторону и убила одного из буйволов Балдео; и как деревня послала Балдео, самого храброго охотника в Сионийских горах,

убить волка-оборотня. А Мессуа с мужем, родители оборотня, сидят под замком, в собственной хижине, и скоро их начнут пытаться, для того чтобы они сознались в колдовстве, а потом сожгут на костре.

— Когда? — спросили угольщики, которым тоже очень хотелось посмотреть на эту церемонию.

Балдео сказал, что до его возвращения ничего не станут делать: в деревне хотят, чтобы он сначала убил лесного мальчика. После того они расправятся с Мессуей и с её мужем и поделят между собой их землю и буйволов.

А буйволы у мужа Мессуи, кстати, очень хороши. Ведьм и колдунов всего лучше убивать, говорил Балдео, а такие люди, которые берут в приёмыши волков-оборотней из лесу, и есть самые злые колдуны.

Угольщики боязливо озирались по сторонам, благодаря судьбу за то, что не видали оборотня; однако они не сомневались, что такой храбрец, как Балдео, разыщет оборотня скорее всякого другого.

Солнце спустилось уже довольно низко, и угольщики решили идти в ту деревню, где жил Балдео, посмотреть на ведьму и колдуна. Балдео сказал, что, конечно, он обязан застрелить мальчика-оборотня, однако он и думать не хочет о том, чтобы безоружные люди шли одни через джунгли, где волк-оборотень может повстречаться им каждую минуту. Он сам их проводит, и, если сын колдуньи встретится им, они увидят, как первый здешний охотник с ним расправится. Жрец дал ему такой амулет против оборотня, что бояться нечего.

— Что он говорит? Что он говорит? Что он говорит? — то и дело спрашивали волки.

А Маугли объяснял, пока дело не дошло до колдунов, что было для него не совсем понятно, и тогда он сказал, что мужчина и женщина, которые были так добры к нему, пойманы в ловушку.

— Разве люди ловят людей? — спросил Серый Брат.

— Так он говорит. Я что-то не понимаю. Все они, должно быть, просто взбесились. Зачем понадобилось сажать в ловушку Мессую с мужем и что у них общего со мной? И к чему весь этот разговор о Красном Цветке? Надо подумать. Что бы они ни собирались делать с Мессуей, они ничего не начнут, пока Балдео не вернется. Так, значит... — И Маугли глубоко задумался, постукивая пальцами по рукоятке охотничьего ножа.

А Балдео и угольщики храбро пустились в путь, прячась один за другим.

— Я сейчас же иду к человеческой стае, — сказал наконец Маугли.

— А эти? — спросил Серый Брат, жадно глядя на смуглые спины угольщиков.

— Проводите их с песней,— сказал Маугли ухмыляясь.— Я не хочу, чтоб они были у деревенских ворот раньше темноты. Можете вы задержать их?

Серый Брат пренебрежительно оскалил белые зубы:

— Мы можем без конца водить их кругом, всё кругом, как коз на привязи!

— Этого мне не нужно. Спойте им немножко, чтобы они не скучали дорогой. Пускай песня будет и не очень весёлая, Серый Брат. Ты тоже иди с ними, Багира, и подпевай им. А когда настанет ночь, встречайте меня у деревни — Серый Брат знает место.

— Нелёгкая это работа — быть загонщиком для детёныша. Когда же я выплусь? — сказала Багира, зевая, хотя по глазам было видно, как она рада такой забаве.— Я должна петь для каких-то голышей! Что ж, попробуем!

Пантера нагнула голову, чтобы её голос разнёсся по всему лесу, и раздалось протяжное-протяжное «Доброй охоты!» — полуночный зов среди белого дня, довольно страшный для начала. Маугли послушал, как этот зов прокатился по джунглям, то усиливаясь, то затихая, и замер где-то у него за спиной на самой тоскливой ноте, и улыбнулся, пробегая лесом. Он видел, как угольщики сбились в кучку, как задрожало ружьё старого Балдео, словно банановый лист на ветру, потом Серый Брат провыл: «Йа-ла-хи! Йа-ла-хи!» — охотничий клич, который раздаётся, когда Стая гонит перед собой нильгау — большую серую антилопу.

Этот клич, казалось, шёл со всех концов леса разом и слышался всё ближе, ближе и ближе, пока наконец не оборвался рядом, совсем близко, на самой пронзительной ноте. Остальные трое волков подхватили его, так что даже Маугли мог бы поклясться, что вся Стая гонит дичь по горячему следу. А потом все четверо запели чудесную утреннюю Песню Джунглей, со всеми трелями, переливами и переходами, какие умеет выводить мощная волчья глотка.

Никакой пересказ не может передать ни впечатление от этой песни, ни насмешку, какую вложили волки в каждую ноту, услышав, как затрещали сучья, когда угольщики от страха полезли на деревья, а Балдео начал бормотать заговоры и заклинания. Потом волки улеглись и заснули, потому что вели правильный образ жизни, как и все, кто живёт собственным трудом: не выспавшись, нельзя работать как следует.

Тем временем Маугли отмахивал мило за милей, делая по девяти миль в час, и радовался, что нисколько не ослабел после стольких месяцев жизни среди людей. У него осталась одна только мысль: выручить Мессую с мужем из западни, какова

бы она ни была,— он опасался всяких ловушек. После этого, обещал себе Маугли, он расплатится и со всей остальной деревней.

Спустились уже сумерки, когда он увидел знакомое пастбище и дерево дхак, под которым ожидал его Серый Брат в то утро, когда Маугли убил Шер-Хана. Как ни был он зол на всех людей, всё же при первом взгляде на деревенские кровли у него перехватило дыхание. Он заметил, что все вернулись с поля раньше времени и, вместо того чтобы взяться за вечернюю стряпню, собрались толпой под деревенской смоковницей, откуда слышались говор и крик.

— Людям непременно надо расставлять ловушки для других людей, а без этого они всё будут недовольны,— сказал Маугли.— Две ночи назад они ловили Маугли, а сейчас мне кажется, что эта ночь была много дождей назад. Сегодня черёд Мессуи с мужем. А завтра, и послезавтра, и на много ночей после того — опять настанет черёд Маугли.

Он прополз под оградой и, добравшись до хижины Мессуи, заглянул в окно. В комнате лежала Мессуа, связанная по рукам и ногам, и стонала, тяжело дыша; её муж был привязан ремнями к пёстро раскрашенной кровати. Дверь хижины, выходившая на улицу, была плотно припёрта, и трое или четверо людей сидели, прислонившись к ней спиной.

Маугли очень хорошо знал нравы и обычаи деревни. Он сообразил, что, пока люди едят, курят и разговаривают, ничего другого они делать не станут; но после того, как они поедят, их нужно остерегаться. Скоро вернётся и Балдео, и если его провозжатые хорошо сослужили свою службу, ему будет о чём порассказать. Мальчик влез в окно и, нагнувшись над мужчиной и женщиной, разрезал связывавшие их ремни, вынул затyczки из рта и поискал, нет ли в хижине молока.

— Я знала, я знала, что он придёт! — зарыдала Мессуа.— Теперь я знаю наверное, что он мой сын! — И она прижала Маугли к груди.

До этой минуты Маугли был совершенно спокоен, но тут он весь задрожал, чему и сам несказанно удивился.

— Для чего эти ремни? За что они связали тебя? — спросил он, помолчав.

— В наказание за то, что мы приняли тебя в сыновья, за что же ещё? — сказал муж сердито.— Посмотри — я весь в крови.

Мессуа ничего не сказала, но Маугли взглянул на её раны, и они услышали, как он скрипнул зубами.

— Чьё это дело? — спросил он.— За это они поплатятся!

— Это дело всей деревни. Меня считали богачом. У меня было много скота. Потому мы с ней колдуны, что приютили тебя.

— Я не понимаю! Пусть расскажет Мессуа.

— Я кормила тебя молоком, Натху, ты помнишь? — робко спросила Мессуа. — Потому что ты мой сын, которого унёс тигр, и потому что я крепко тебя люблю. Они говорят, что я твоя мать, мать оборотня, и за это должна умереть.

— А что такое оборотень? — спросил Маугли. — Смерть я уже видел.

Муж угрюмо взглянул на него исподлобья, но Мессуа засмеялась.

— Видишь? — сказала она мужу. — Я знала, я тебе говорила, что он не колдун. Он мой сын, мой сын!

— Сын или колдун — какая нам от этого польза? — отвечал муж. — Теперь мы с тобой всё равно что умерли.

— Вон там идёт дорога через джунгли, — показал Маугли в окно. — Руки и ноги у вас развязаны. Уходите.

— Мы не знаем джунглей, сын мой, так, как... как ты их знаешь, — начала Мессуа. — Мне не уйти далеко.

— А люди погонятся за нами и опять приведут нас сюда, — сказал её муж.

— Гм! — сказал Маугли, водя кончиком охотничьего ножа по своей ладони. — Пока что я не хочу зла никому в этой деревне. Не думаю, однако, что тебя остановят. Ещё немного времени — и у них найдётся о чём подумать. Ага! — Он поднял голову и прислушался к крикам и беготне за дверями. — Наконец-то они стпустили Балдео домой!

— Его послали утром убить тебя, — сказала Мессуа. — Разве ты его не встретил?

— Да, мы... я встретил его. Ему есть о чём рассказать. А пока он разговаривает, можно сделать очень много. Но сначала надо узнать, чего они хотят. Подумайте, куда вам лучше уйти, и скажите мне, когда я вернусь.

Он прыгнул в окно и опять побежал, прячась под деревенской стеной, пока ему не стал слышен говор толпы, собравшейся под смоковницей.

Балдео кашлял и стонал, лежа на земле, а все остальные обступили его и расспрашивали. Волосы у него растрепались, руки и ноги он ободрал, влезая на дерево, и едва мог говорить, зато отлично понимал всю значительность своего положения. Время от времени он начинал говорить что-то о поющих чертях, оборотнях и колдовстве только для того, чтобы раздражить любопытство и наемкнуть толпе, о чём будет рассказывать. Потом он попросил воды.

— Так! — сказал Маугли. — Слова и слова! Одна болтовня! Люди — кровные братья обезьянам. Сначала он будет полоскать рот водой, потом курить, а управившись со всем этим, он начнёт рассказывать. Ну и дурачье эти люди! Они не поставят никого

стеречь Мессую, пока Балдео забивает им уши своими рассказами. И я становлюсь таким же лентяем!

Он встряхнулся и проскользнул обратно к хижине. Он был уже под окном, когда почувствовал, что кто-то лизнул ему ногу.

— Мать,— сказал он, узнав Волчицу,— что здесь делаешь ты?

— Я слышала, как мои дети поют в лесу, и пошла за тем, кого люблю больше всех. Лягушонок, я хочу видеть женщину, которая кормила тебя молоком,— сказала Мать Волчица, вся мокрая от росы.

— Её связали и хотят убить. Я разрезал ремни, и она с мужем уйдёт через джунгли.

— Я тоже провожу их. Я стара, но ещё не совсем беззуба.— Мать Волчица стала на задние лапы и заглянула через окно в тёмную хижину.

Потом она бесшумно опустилась на все четыре лапы и сказала только:

— Я первая кормила тебя молоком, но Багира говорит правду: человек в конце концов уходит к человеку.

— Может быть,— сказал Маугли очень мрачно,— только я сейчас далёк от этого пути. Подожди здесь, но не показывайся ей.

— Ты никогда меня не боялся, Лягушонок,— сказала Мать Волчица, отступая на шаг и пропадая в высокой траве, что она отлично умела делать.

— А теперь,— весело сказал Маугли, снова прыгнув в окно,— все собрались вокруг Балдео, и он рассказывает то, чего не было. А когда он кончит, они непременно придут сюда с Красным... с огнём и сожгут вас обоих. Как же быть?

— Мы говорили с мужем,— сказала Мессуа.— Канхивара в тридцати милях отсюда. Если мы доберёмся туда сегодня, мы останемся живы. Если нет — умрём.

— Вы останетесь живы. Ни один человек не выйдет сегодня из ворот. Но что это он делает?

Муж Мессуи, стоя на четвереньках, копал землю в углу хижины.

— Там у него деньги,— сказала Мессуа.— Больше мы ничего не можем взять с собой.

— Ах, да! Это то, что переходит из рук в руки и не становится теплей. Разве оно бывает нужно и в других местах?

Муж сердито оглянулся.

— Какой он оборотень? Он просто дурак! — проворчал он.— На эти деньги я могу купить лошадь. Мы так избиты, что не уйдём далеко, а деревня погонится за нами.

— Говорю вам, что не погонится, я этого не позволю, но лошадь — это хорошо, потому что Мессуа устала.

Её муж встал, завязывая в пояс последнюю рупию. Маугли помог Мессуе выбраться в окно, и прохладный ночной воздух ожил её. Но джунгли при свете звёзд показались ей очень тёмными и страшными.

— Вы знаете дорогу в Канхивару? — прошептал Маугли.

Они кивнули.

— Хорошо. Помните же, что бояться нечего. И торопиться тоже не надо. Только... только в джунглях позади вас и впереди вас вы, быть может, услышите пение.

— Неужели ты думаешь, что мы посмели бы уйти ночью в джунгли, если бы не боялись, что нас сожгут? Лучше быть растерзанным зверями, чем убитым людьми, — сказал муж Мессуи.

Но сама Мессуа посмотрела на Маугли и улыбнулась.

— Говорю вам, — продолжал Маугли, словно он был медведь Балу и в сотый раз твердил невнимательному волчонку древний Закон Джунглей, — говорю вам, что ни один зуб в джунглях не обнажится против вас, ни одна лапа в джунглях не поднимется на вас. Ни человек, ни зверь не остановит вас, пока вы не завидите Канхивару. Вас будут охранять. — Он быстро повернулся к Мессуе, говоря: — Муж твой не верит мне, но ты поверишь?

— Да, конечно, сын мой. Человек ли ты или волк из джунглей, но я тебе верю.

— Он испугается, когда услышит пение моего народа. А ты узнаешь и всё поймёшь. Ступайте же и не торопитесь, потому что спешить нет нужды: ворота закрыты.

Мессуа бросилась, рыдая, к ногам Маугли, но он быстро поднял её, весь дрожа. Тогда она повисла у него на шее, называя его всеми ласковыми именами, какие только ей вспомнились.

Они пошли, направляясь к джунглям, и Мать Волчица выскочила из своей засады.

— Проводи их! — сказал Маугли. — И смотри, чтобы все джунгли знали, что их нельзя трогать. Подай голос, а я позову Багиру.

Глухой, протяжный вой раздался и замер, и Маугли увидел, как муж Мессуи вздрогнул и повернулся, готовый бежать обратно к хижине.

— Иди, иди! — ободряюще крикнул Маугли. — Я же сказал, что вы услышите песню. Она вас проводит до самой Канхивары. Это Милость Джунглей.

Мессуа подтолкнула своего мужа вперёд, и тьма спустилась над ними и Волчицей, как вдруг Багира выскочила чуть ли не из-под ног Маугли.

— Мне стыдно за твоих братьев! — сказала она мурлыча.

— Как? Разве они плохо пели для Балдео? — спросил Маугли.

— Слишком хорошо! Слишком! Они даже меня заставили забыть всякую гордость, и, клянусь сломанным замком, который освободил меня, я бегала по джунглям и пела, словно весной. Разве ты нас не слышал?

— У меня было другое дело. Спроси лучше Балдео, понравилась ли ему песня. Но где же вся четвёрка? Я хочу, чтобы ни один из человеческой стаи не вышел сегодня за ворота.

— Зачем же тебе четвёрка? — сказала Багира. Глядя на него горящими глазами, она переминалась с ноги на ногу и мурлыкала всё громче. — Я могу задержать их, Маленький Брат. Это пение и люди, которые лезли на деревья, раззадорили меня. Я гналась за ними целый день — при свете солнца, в полуденную пору. Я стерегла их, как волки стерегут оленей. Я Багира, Багира, Багира! Я плясала с ними, как пляшу со своей тенью. Смотри!

И большая пантера подпрыгнула, как котёнок, и погналась за падающим листом, она била по воздуху лапами то вправо, то влево, и воздух свистел под её ударами, потом бесшумно стала на все четыре лапы, опять подпрыгнула вверх, и опять, и опять, и её мурлыканье и ворчанье становились всё громче и громче, как пение пара в закипающем котле.

— Я Багира — среди джунглей, среди ночи! — и моя сила вся со мной! Кто выдержит мой натиск? Детёныш, одним ударом лапы я могла бы размозжить тебе голову, и она стала бы плоской, как дохлая лягушка летней порой!

— Что ж, ударь! — сказал Маугли на языке деревни, а не на языке джунглей.

И человечески слова разом остановили Багиру. Она отпрянула назад и, вся дрожа, присела на задние лапы, так что её голова очутилась на одном уровне с головой Маугли. И опять Маугли стал смотреть, как смотрел на непокорных волчат, прямо в зелёные, как изумруд, глаза, пока в глубине зелёных зрачков не погас красный огонь, как гаснет огонь на маяке, пока пантера не отвела взгляда. Её голова опускалась всё ниже и ниже, и наконец красная тёрка языка царапнула ногу Маугли.

— Багира, Багира, Багира! — шептал мальчик, настойчиво и легко поглаживая шею и дрожащую спину. — Успокойся, успокойся! Это ночь виновата, а вовсе не ты!

— Это всё ночные запахи, — сказала Багира, приходя в себя. — Воздух словно зовёт меня. Но откуда ты это знаешь?

Воздух вокруг индийской деревни полон всяких запахов, а для зверя, который привык чутя и думать носом, запахи значат то же, что музыка или вино для человека.

Маугли ещё несколько минут успокаивал пантеру, и наконец она улеглась, как кошка перед огнём, сложив лапы под грудью и полузакрыв глаза.

— Ты наш и не наш, из джунглей и не из джунглей, — сказала

она наконец.— А я только чёрная пантера. Но я люблю тебя, Маленький Брат.

— Они что-то долго разговаривают под деревом,— сказал Маугли, не обращая внимания на её последние слова.— Балдео, должно быть, рассказал им не одну историю. Они скоро придут затем, чтобы вытащить эту женщину с мужем из ловушки и бросить их в Красный Цветок. И увидят, что ловушка опустела. Хо-хо!

— Нет, послушай,— сказала Багира.— Пускай они найдут там меня! Не многие посмеют выйти из дому, после того как увидят меня. Не первый раз мне сидеть в клетке, и вряд ли им удастся связать меня верёвками.

— Ну, так будь умницей! — сказал Маугли смеясь.

А пантера уже прокралась в хижину.

— Брр! — принялась Багира.— Здесь пахнет человеком, но кровать как раз такая, на какой я лежала в княжеском зверинце в Удайпуре. А теперь я лягу!

Маугли услышал, как заскрипела верёвочная сетка под тяжестью крупного зверя.

— Клянусь сломанным замком, который освободил меня, они подумают, что поймали важную птицу! Поди сядь рядом со мной, Маленький Брат, и мы вместе пожелаем им доброй охоты!

— Нет, у меня другое на уме. Человечья стая не должна знать, что я тоже участвую в этой игре. Охоться одна. Я не хочу их видеть.

— Пусть будет так,— сказала Багира.— Вот они идут!

Беседа под смоковницей на том конце деревни становилась всё более шумной. В заключение поднялся крик, и толпа повалила по улице, размахивая дубинками, бамбуковыми палками, серпами и ножами. Впереди всех бежал Балдео, но и остальные не отставали от него, крича:

— Колдуна и колдунью сюда! Подоignite крышу над их головой! Мы им покажем, как нянчиться с оборотнями! Нет, сначала побьём их! Факелов! Побольше факелов!

Тут вышла небольшая заминка с дверной щеколдой. Дверь была заперта очень крепко, но толпа вырвала щеколду вон, и свет факелов залил комнату, где, растянувшись во весь рост на кровати, скрестив лапы и слегка свесив их с одного края, чёрная и страшная, лежала Багира. Минута прошла в молчании, полном ужаса, когда передние ряды всеми силами продирались обратно на улицу. И в эту минуту Багира зевнула, старательно и всем напоказ, как зевнула бы, желая оскорбить равного себе. Усатые губы приподнялись и раздвинулись, красный язык завернулся, нижняя челюсть обвисала всё ниже и ниже, так что видно было жаркую глотку; огромные клыки выделялись в чёрном провале рта, пока не лязгнули, как стальные затворы. В следующую минуту

улица опустела. Багира выскочила в окно и стала рядом с Маугли. А люди, обезумев от страха, рвались в хижины, спотыкаясь и толкая друг друга.

— Они не двинутся с места до рассвета,— спокойно сказала Багира.— А теперь что?

Казалось, безмолвие полуденного сна нависло над деревней, но, если прислушаться, было слышно, как двигают по земляному полу тяжёлые ящики с зерном, заставляя ими двери. Багира права: до самого утра в деревне никто не шевельнётся.

Маугли сидел неподвижно и думал, и его лицо становилось всё мрачнее.

— Что я такое сделала? — сказала наконец Багира, ласкаясь к нему.

— Ничего, кроме хорошего. Постереги их теперь до рассвета, а я усну.

И Маугли убежал в лес, повалился на камень и уснул — он проспал весь день и всю ночь.

Когда он проснулся, рядом с ним сидела Багира, и у его ног лежал только что убитый олень. Багира с любопытством смотрела, как Маугли работал охотничьим ножом, как он ел и пил, а потом снова улёгся, опершись подбородком на руку.

— Женщина с мужчиной добрались до Канхивары целы и невредимы,— сказала Багира.— Твоя мать прислала весточку с коршуном Чилем. Они нашли лошадь ещё до полуночи, в тот же вечер, и уехали очень быстро. Разве это не хорошо?

— Это хорошо,— сказал Маугли.

— А твоя человечья стая не пошевелинулась, пока солнце не поднялось высоко сегодня утром. Они приготовили себе поесть, а потом опять заперлись в своих домах.

— Они, может быть, увидели тебя?

— Может быть. На рассвете я каталась в пыли перед воротами и, кажется, даже пела. Ну, Маленький Брат, больше здесь нечего делать. Идём на охоту со мной и с Балу. Он нашёл новые ульи и собирается показать их тебе, и мы все хотим, чтобы ты по-старому был с нами... Не смотри так, я боюсь тебя! Мужчину с женщиной не бросят в Красный Цветок, и всё в джунглях остаётся по-старому. Разве это не правда? Забудем про человечью стаю!

— Про неё забудут, и очень скоро. Где кормится Хатхи нынче ночью?

— Где ему вздумается. Кто может знать, где теперь Молчаливый? А зачем он тебе? Что такого может сделать Хатхи, чего бы не могли сделать мы?

— Скажи, чтобы он пришёл сюда ко мне вместе со своими тремя сыновьями.

— Но, право же, Маленький Брат, не годится приказывать

Хатхи, чтобы он «пришёл» или «ушёл». Не забывай, что он Хозяин Джунглей и что он научил тебя Заветным Словам Джунглей раньше, чем человечья стая изменила твоё лицо.

— Это ничего. У меня тоже есть для него Заветное Слово. Скажи, чтобы он пришёл к Лягушонку Маугли, а если он не сразу расслышит, скажи ему, чтобы пришёл ради вытоптанных полей Бхаратпура.

— «Ради вытоптанных полей Бхаратпура», — повторила Багира дважды или трижды, чтобы запомнить. — Иду! Хатхи только рассердится, и больше ничего, а я с радостью отдала бы добычу целого месяца, лишь бы услышать, какое Заветное Слово имеет власть над Молчаливым.

Она ушла, а Маугли остался, в ярости роя землю охотничьим ножом. Маугли ни разу в жизни не видел человеческой крови и — что значило для него гораздо больше — ни разу не слышал её запаха до тех пор, пока не почуял запах крови на связывавших Мессую ремнях. А Мессуа была добра к нему, и он её любил. Но как ни были ему ненавистны жестокость, трусость и болтливость людей, он бы ни за что не согласился отнять у человека жизнь и снова почуять этот страшный запах, чем бы ни наградили его за это джунгли. Его план был гораздо проще и гораздо вернее, и он засмеялся про себя, вспомнив, что его подсказал ему один из рассказов старого Балдео под смоковницей.

— Да, это было Заветное Слово, — вернувшись, шепнула Багира ему на ухо. — Они паслись у реки и послушались меня, как буйволы. Смотри, вон они идут!

Хатхи и его три сына появились, как всегда, без единого звука. Речной ил ещё не высох на их боках, и Хатхи задумчиво дожёвывал зелёное банановое деревцо, которое вырвал бивнями. Но каждое движение его громадного тела говорило Багире, которая понимала всё с первого взгляда, что не Хозяин Джунглей пришёл к мальчику-волчонку, а пришёл тот, кто боится, к тому, кто не боится ничего. Трое сыновей Хатхи покачивались плечом к плечу позади отца.

Маугли едва поднял голову, когда Хатхи пожелал ему доброй охоты. Прежде чем сказать хоть слово, он заставил Хатхи долго переминаясь с ноги на ногу, покачиваться и встряхиваться, а когда заговорил, то с Багирой, а не со слонами.

— Я хочу рассказать вам одну историю, а слышал я её от охотника, за которым вы охотились сегодня, — начал Маугли. — Это история о том, как старый и умный слон попал в западню и острый кол на дне ямы разорвал ему кожу от пятки до плеча, так что остался белый рубец.

Маугли протянул руку, и когда Хатхи повернулся, при свете луны стал виден длинный белый шрам на сером, как грифель, боку, словно его стегнули раскалённым бичом.

— Люди вытащили слона из ямы,— продолжал Маугли,— но он был силен и убежал, разорвав путы, и прятался, пока рана не зажила. Тогда он вернулся ночью на поля охотников. Теперь я припоминаю, что у него было три сына. Всё это произошло много-много дождей тому назад и очень далеко отсюда — на полях Бхаратпура. Что случилось с этими полями в следующую жатву, Хатхи?

— Жатву собрал я с моими тремя сыновьями,— сказал Хатхи.

— А что было с посевом, который следует за жатвой? — спросил Маугли.

— Посева не было,— сказал Хатхи.

— А с людьми, которые живут на полях рядом с посевами? — спросил Маугли.

— Они ушли.

— А с хижинами, в которых спали люди? — спросил Маугли.

— Мы разметали крыши домов, а джунгли поглотили стены.

— А что же было потом? — спросил Маугли.

— Мы напустили джунгли на пять деревень; и в этих деревнях, и на их землях, и на пастбищах, и на мягких, вспаханных полях не осталось теперь ни одного человека, который получал бы пищу от земли. Вот как были вытоптаны бхаратпурские поля, и это сделал я с моими тремя сыновьями. А теперь скажи мне, Маугли, как ты узнал про это? — спросил Хатхи.

— Мне сказал один человек, и теперь я вижу, что даже Балдео не всегда лжёт. Это было хорошо сделано, Хатхи с белым рубцом, а во второй раз выйдет ещё лучше, потому что распоряжаться будет человек. Ты знаешь деревню человечесей стаи, что выгнала меня? Не годится им жить там больше. Я их ненавижу!

— А убивать никого не нужно? Мои бивни покраснели от крови, когда мы топтали поля в Бхаратпуре, и мне бы не хотелось снова будить этот запах.

— Мне тоже. Я не хочу даже, чтобы их кости лежали на нашей чистой земле. Пусть ищут себе другое логово. Здесь им нельзя оставаться. Я слышал, как пахнет кровь женщины, которая меня кормила,— женщины, которую они убили бы, если бы не я. Только запах свежей травы на порогах домов может заглушить запах крови. От него у меня горит во рту. Напустим на них джунгли, Хатхи!

— А! — сказал Хатхи.— Вот так же горел и рубец на моей коже, пока мы не увидели, как погибли деревни под весенней порослью. Теперь я понял: твоя война станет нашей войной. Мы напустим на них джунгли.

Маугли едва успел перевести дыхание — он весь дрожал от ненависти и злости,— как то место, где стояли слоны, опустело, и только Багира смотрела на Маугли с ужасом.

А Хатхи и его трое сыновей повернули каждый в свою сторону

и молча зашагали по долинам. Они шли всё дальше и дальше через джунгли и сделали шестьдесят миль, то есть целый двухдневный переход. И каждый их шаг и каждое покачивание хобота были замечены и истолкованы Мангом, Чилем, Обезьяньим Народом и всеми птицами. Потом слоны стали кормиться и мирно паслись не меньше недели. Хатхи и его сыновья похожи на горного удава Каа: они не станут торопиться, если в этом нет нужды.

Через неделю — и никто не знает, откуда это пошло, — по джунглям пронёсся слух, что в такой-то и такой-то долине корм и вода всего лучше. Свиньи, которые готовы идти на край света ради сытной кормёжки, тронулись первые, отряд за отрядом, переваливаясь через камни; за ними двинулись олени, а за оленями — маленькие лисицы, которые питаются падалью. Рядом с оленями шли неповоротливые антилопы-нильгау, а за нильгау двигались дикие буйволы с болот. Вначале легко было бы повернуть обратно рассеянные и разбросанные стада, которые щипали траву, брели дальше, пили и снова щипали траву, но как только среди них поднималась тревога, кто-нибудь являлся и успокаивал их. То это был дикобраз Сахи с вестью о том, что хорошие корма начинаются чуть подалее; то нетопырь Манг с радостным писксом проносился, трепеща крыльями, по прогалине, чтобы показать, что там никого нет; то Балу с полным ртом корнейев подходил, переваливаясь, к стаду и в шутку или всерьёз пугал его, направляя на настоящую дорогу. Многие повернули обратно, разбежались или не захотели идти дальше, но прочие остались и по-прежнему шли вперёд.

Прошло дней десять, и к концу этого времени дело обстояло так: олени, свиньи и нильгау топтались, двигаясь по кругу радиусом в восемь или десять миль, а хищники нападали на них с краёв. А в центре круга была деревня, а вокруг деревни созревали хлеба на полях, а в полях сидели люди на вышках, похожих на голубятни и построенных для того, чтобы пугать птиц и других воришек.

Была тёмная ночь, когда Хатхи и его трое сыновей без шума вышли из джунглей, сломали хоботами жерди и вышки упали, как падает сломанный стебель болиголова, а люди, свалившись с них, слышали глухое урчанье слонов. Потом авангард напуганной армии оленей примчался и вытоптал деревенское пастбище и вспаханные поля; а за ними пришли тупорылые свиньи с острыми копытами, и что осталось после оленей, то уничтожили свиньи. Время от времени волки тревожили стада, и те, обезумев, бросались из стороны в сторону, топча зелёный ячмень и ровния с землёй края оросительных каналов. Перед рассветом в одном месте на краю круга хищники отступили, оставив открытой дорогу на юг, и олени ринулись по ней, стадо за стадом. Другие, посмелей, залегли в чаще, чтобы покормиться следующей ночью.

Но дело было уже сделано. Утром крестьяне, взглянув на свои

поля, увидели, что все посевы погибли. Это грозило смертью, если люди не уйдут отсюда, потому что голод был всегда так же близко от них, как и джунгли. Когда буйволов выгнали на пастбища, голодное стадо увидело, что олени дочиста съели всю траву, и разбеглось по джунглям вслед за своими дикими товарищами. А когда наступили сумерки, оказалось, что три или четыре деревенские лошади лежат в стойлах с проломленной головой. Только Багира умела наносить такие удары, и только ей могла прийти в голову дерзкая мысль вытащить последний труп на середину улицы.

В эту ночь крестьяне не посмели развести костры на полях, и Хатхи с сыновьями вышел подбирать то, что осталось; а там, где пройдёт Хатхи, уже нечего больше подбирать. Люди решили питаться зерном, припасённым для посева, пока не пройдут дожди, а потом наняться в работники, чтобы наверстать потерянный год. Но пока хлеботорговец думал о своих корзинах, полных зерна, и о ценах, какие он будет брать с покупателей, острые клыки Хатхи ломали угол его глинобитного амбара и крушили большой плетённый закром, где хранилось зерно.

После того как обнаружили эту потерю, пришла очередь жреца сказать своё слово. Богам он уже молился, но напрасно. Возможно, говорил он, что деревня, сама того не зная, оскорбила какого-нибудь бога джунглей: по всему видно, что джунгли против них. Тогда послали за главарём соседнего племени бродячих гондов, маленьких, умных, чёрных, как уголь, охотников, живущих в глубине джунглей, чьи предки происходят от древнейших народностей Индии — от первоначальных владельцев земли. Гонда угостили тем, что нашлось, а он стоял на одной ноге, с луком в руках и двумя-тремя отравленными стрелами, воткнутыми в волосы, и смотрел не то с испугом, не то с презрением на встревоженных людей и на их опустошённые поля. Люди хотели узнать, не сердятся ли на них его боги, старые боги, и какие жертвы им нужны. Гонд ничего не ответил, но сорвал длинную плеть ползучей дикой тыквы, приносящей горькие плоды, и заплёл ею двери храма на глазах у изумлённого божка. Потом он несколько раз махнул рукой по воздуху в ту сторону, где была дорога в Канхивару, и ушёл обратно к себе в джунгли смотреть, как стада животных проходят по ним. Он знал, что когда джунгли наступают, только белые люди могут остановить их движение.

Незачем было спрашивать, что он хотел этим сказать. Дикая тыква вырастет там, где люди молились своему богу, и чем скорее они уйдут отсюда, тем лучше.

Но нелегко деревне сняться с насиженного места. Люди оставались до тех пор, пока у них были летние запасы. Они пробовали собирать орехи в джунглях, но тени с горящими глазами следили за ними даже среди дня, а когда люди в испуге повернули обратно, со стволов деревьев, мимо которых они проходили всего пять

минут назад, оказалась содранной кора ударами чьей-то большой, когтистой лапы. Чем больше люди жались к деревне, тем смелей становились дикие звери, с рёвом и топотом гулявшие по пастбищам у Вайнганги. У крестьян не хватало духа чинить и латать задние стены опустелых хлебов, выходившие в лес. Дикие свиньи топтали развалины, и узловатые корни лиан спешили захватить только что отвоёванную землю и забрасывали через стены хижин цепкие побеги, а вслед за лианами щетинилась жёсткая трава. Холостяки сбежали первыми и разнесли повсюду весть, что деревня обречена на гибель. Кто мог бороться с джунглями, когда даже деревенская кобра покинула свою нору под смоковницей!

Люди всё меньше и меньше общались с внешним миром, а протоптанные через равнину тропы становились всё уже и уже. И трубный зов Хатхи и его троих сыновей больше не тревожил деревню по ночам: им больше незачем было приходить. Поля за околицей зарастали травой, сливаясь с джунглями, и для деревни настала пора уходить в Канхивару.

Люди откладывали уход со дня на день, пока первые дожди не захватили их врасплох. Нечинённые крыши стали протекать, выгон покрылся водой по щиколотку, и всё, что было зелено, пошло сразу в рост после летней засухи. Тогда люди побрели вброд — мужчины, женщины и дети — под слепящим и тёплым утренним дождём и, конечно, обернулись, чтобы взглянуть в последний раз на свои дома.

И как раз когда последняя семья, нагруженная уздами, проходила в ворота, с грохотом рухнули балки и кровли за деревенской оградой. Люди увидели, как мелькнул на мгновение блестящий, чёрный, как змея, хобот, размётывая мокрую солому крыши. Он исчез, и опять послышался грохот, а за грохотом — визг. Хатхи срывал кровли с домов, как мы срываем водяные лилии, и отскочившая балка ушибла его. Только этого ему и не хватало, чтобы разойтись вовсю, потому что из диких зверей, живущих в джунглях, взбесившийся дикий слон всех больше буйствует и разрушает. Он лягнул задней ногой глинобитную стену, и стена развалилась от удара, а потоки дождя превратили её в жёлтую грязь. Хатхи кружился, и трубил, и метался по узким улицам, наваливаясь на хижины справа и слева, ломая шаткие двери, круша стропила; а три его сына бесновались позади отца, как бесновались при разгроме полей Бхаратпура.

— Джунгли поглотят эти скорлупки, — сказал спокойный голос среди развалин. — Сначала нужно свалить ограду.

И Маугли, блестя мокрыми от дождя плечами, отскочил от стены, которая осела на землю, как усталый буйвол.

— Всё в своё время, — прохрипел Хатхи. — О да, в Бхаратпуре мои клыки покраснели от крови! К ограде, дети мои! Головой! Все вместе! Ну!

Все четверо налегли, стоя рядом. Ограда пошатнулась, треснула и упала, и люди, онемев от ужаса, увидели в неровном проломе измазанные глиной головы разрушителей. Люди бросились бежать вниз по долине, оставшись без приюта и без пищи, а их деревня словно таяла позади, растоптанная, размётанная и разнесённая в клочки.

Через месяц от деревни остался рыхлый холмик, поросший нежной молодой зеленью, а когда прошли дожди, джунгли буйно раскинулись на том самом месте, где всего полгода назад были вспаханные поля.

КНЯЖЕСКИЙ АНКУС

Каа, большой горный удав, переменял кожу — верно, в двухсотый раз со дня рождения, — и Маугли, который никогда не забывал, что Каа спас ему жизнь однажды ночью в Холодных Берлогах, о чём, быть может, помните и вы, пришёл его поздравить. Меняя кожу, змея бывает угрюма и раздражительна, до тех пор пока новая кожа не станет блестящей и красивой. Каа больше не подсмеивался над Маугли. Как и все в джунглях, он считал его Хозяином Джунглей и рассказывал ему все новости, какие, само собой, приходится слышать удаву его величины. То, чего Каа не знал о средних джунглях, как их называют, о жизни, которая идёт у самой земли или под землёй, о жизни около валунов, кочек и лесных пней, уместилось бы на самой маленькой из его чешуек.

В тот день Маугли сидел меж больших колец Каа, перебирая пальцами чешуйчатую старую кожу, сброшенную удавом среди камней. Каа очень любезно подставил своё тело под широкие голые плечи Маугли, и мальчик сидел словно в живом кресле.

— Она вся целая, даже и чешуйки на глазах целы, — негромко сказал Маугли, играя сброшенной кожей. — Как странно видеть у своих ног то, что покрывало голову!

— Да, только ног у меня нет, — ответил Каа, — и я не вижу тут ничего странного, это в обычае моего народа. Разве ты никогда не чувствуешь, что кожа у тебя сухая и жёсткая?

— Тогда я иду купаться, Плоскоголовый, хотя, правда, в сильную жару мне хочется сбросить кожу совсем и бегать без кожи.

— Я и купаюсь и меняю кожу. Ну, как тебе нравится моя новая одежда?

Маугли провёл рукой по косым клеткам огромной спины.

— У черепахи спина твёрже, но не такая пёстрая, — сказал он задумчиво. — У лягушки, моей тёзки, она пестрей, но не такая твёрдая. На вид очень красиво, точно пёстрый узор в чашечке лилии.

— Новой коже нужна вода. До первого купанья цвет всё ещё не тот. Идём купаться!

— Я понесу тебя, — сказал Маугли и, смеясь, нагнулся, чтобы приподнять большое тело Каа там, где оно казалось всего толще.

Это было всё равно что поднять водопроводную трубу двухфутовой толщины, и Каа лежал неподвижно, тихо пыхтя от удовольствия. Потом у них началась привычная вечерняя игра — мальчик в расцвете сил и удав в великолепной новой коже стали бороться друг с другом, пробуя зоркость и силу. Разумеется, Каа мог раздавить сотню таких, как Маугли, если бы дал себе волю, но он играл осторожно, никогда не пользуясь и десятой долей своей мощи.

Как только Маугли стал достаточно крепок, чтобы с ним можно было бороться, Каа научил мальчика этой игре, и его тело сделалось от этого необыкновенно гибким. Иной раз Маугли стоял, захлёстнутый почти до горла гибкими кольцами Каа, сился высвободить одну руку и ухватить его за шею. Тогда Каа, весь обмякнув, ослаблял хватку, а Маугли своими быстрыми ногами не давал найти точку опоры огромному хвосту, который тянулся назад, нащупывая камень или пенёк. Они качались взад и вперёд, голова к голове, каждый выжидая случая напасть, и наконец прекрасная, как изваяние, группа превращалась в вихрь чёрных с жёлтым колец и мелькающих ног и рук, чтобы снова и снова подниматься.

— Ну-ну-ну! — говорил Каа, делая головой выпады, каких не могла отразить даже быстрая рука Маугли. — Смотри! Вот я дотронулся до тебя, Маленький Брат! Вот и вот! Разве руки у тебя онемели? Вот опять!

Эта игра всегда кончалась одинаково: прямым, быстрым ударом головы Каа всегда сбивал мальчика с ног. Маугли так и не выучился обороняться против этого молниеносного выпада; и, по словам Каа, на это не стоило тратить время.

— Доброй охоты! — проворчал наконец Каа.

И Маугли, как всегда, отлетел шагов на десять в сторону, задыхаясь и хохоча.

Он поднялся, набрав полные руки травы, и пошёл за Каа к любимому месту купанья мудрой змеи — глубокой, чёрной, как смоль, заводи, окружённой скалами и особенно привлекательной из-за потонувших стволов. По обычаю джунглей мальчик бросился в воду без звука и нырнул; потом вынырнул, тоже без звука, лёг на спину, заложив руки под голову, и, глядя на луну, встающую над скалами, начал разбивать пальцами ног её отражение в воде. Треугольная голова Каа разрезала воду, как бритва, и, поднявшись из воды, легла на плечо Маугли. Они лежали неподвижно, наслаждаясь обволакивающей их прохладой.

— Как хорошо! — сонно сказал Маугли. — А в человеческой

стае в это время, помню, ложились на жёсткое дерево внутри земляных ловушек и, закрывшись хорошенько со всех сторон от свежего ветра, укутывались с головой затхлыми тряпками и заводили носом скучные песни. В джунглях лучше!

Торопливая кобра проскользнула мимо них по скале, написавшись, пожелала им доброй охоты и скрылась.

— О-о-ш! — сказал Каа, словно вспомнив о чём-то. — Так, значит, джунгли дают тебе всё, чего тебе только хочется, Маленький Брат?

— Не всё, — сказал Маугли, засмеявшись, — а не то можно было бы каждый месяц убивать нового Шер-Хана. Теперь я мог бы убить его собственными руками, не прося помощи у буйволов. Ещё мне хочется иногда, чтобы солнце светило во время дождей или чтобы дожди закрыли солнце в разгаре лета. А когда я голоден, мне всегда хочется убить козу, а если убью козу, хочется, чтобы это был олень, а если это олень, хочется, чтобы это был нильгау. Но ведь так бывает и со всеми.

— И больше тебе ничего не хочется? — спросил Каа.

— А чего мне больше хотеть? У меня есть джунгли и Милость Джунглей! Разве есть ещё что-нибудь на свете между востоком и западом?

— А кобра говорила... — начал Каа.

— Какая кобра? Та, что уползла сейчас, ничего не говорила: она охотилась.

— Не эта, а другая.

— И много у тебя дел с Ядовитым Народом? Я их не трогаю, пусть идут своей дорогой. Они носят смерть в передних зубах, и это нехорошо — они такие маленькие. Но с какой же это коброй ты разговаривал?

Каа медленно покачивался на воде, как пароход на боковой волне.

— Три или четыре месяца назад, — сказал он, — я охотился в Холодных Берлогах — ты, может быть, ещё не забыл про них, — и тварь, за которой я охотился, с визгом бросилась мимо водоёмов к тому дому, который я когда-то проломил ради тебя, и убежала под землю.

— Но в Холодных Берлогах никто не живёт под землёй. — Маугли понял, что Каа говорит про Обезьяний Народ.

— Эта тварь не жила, а спасала свою жизнь, — ответил Каа, высовывая дрожащий язык. — Она уползла в нору, которая шла очень далеко. Я пополз за ней, убил её, а потом уснул. А когда проснулся, то пополз вперёд.

— Под землёй?

— Да. И наконец набрёл на Белый Клобук — белую кобру, которая говорила со мной о непонятных вещах и показала мне много такого, чего я никогда ещё не видел.

— Новую дичь? И хорошо ты поохотился? — Маугли быстро перевернулся на бок.

— Это была не дичь, я обломал бы об неё все зубы, но Белый Клобук сказал, что люди — а говорил он так, будто знает эту породу, — что люди отдали бы последнее дыхание, лишь бы взглянуть на эти вещи.

— Посмотрим! — сказал Маугли. — Теперь я вспоминаю, что когда-то был человеком.

— Тихонько, тихонько! Торопливость погубила Жёлтую Змею, которая съела солнце. Мы поговорили под землёй, и я рассказал про тебя, называя тебя человеком. Белая кобра сказала (а она поистине стара, как джунгли): «Давно уже не видала я человека. Пускай придёт, тогда и увидит все эти вещи. За самую малую из них многие люди не пожалели бы жизни».

— Значит, это новая дичь. А ведь Ядовитый Народ никогда не говорит нам, где есть испуганная дичь. Они недружелюбны.

— Это не дичь. Это... это... я не могу сказать, что это такое.

— Мы пойдём туда. Я ещё никогда не видел белой кобры, да и на всё остальное мне тоже хочется посмотреть. Это она их убила?

— Они все неживые. Кобра сказала, что она сторожит их.

— А! Как волк сторожит добычу, когда притащит её в берлогу. Идём!

Маугли подплыл к берегу, покатался по траве, чтобы обсушиться, и они вдвоём отправились к Холодным Берлогам — заброшенному городу, о котором вы, быть может, читали.

Маугли теперь ничуть не боялся обезьян, зато обезьяны дрожали от страха перед Маугли. Однако обезьянье племя рыскало теперь по джунглям, и Холодные Берлоги стояли в лунном свете пустые и безмолвные.

Каа подполз к развалинам княжеской беседки на середине террасы, перебрался через кучи щебня и скользнул вниз по засыпанной обломками лестнице, которая вела в подземелье. Маугли издал Змеиный Крик: «Мы с вами одной крови, вы и я!» — и пополз за ним на четвереньках. Оба они долго ползли по наклонному коридору, который несколько раз сворачивал в сторону, и наконец добрались до такого места, где корень старого дерева, поднимавшегося над землёй футов на тридцать, вытеснил из стены большой камень. Они пролезли в дыру и очутились в просторном подземелье, своды которого, раздвинутые корнями деревьев, тоже были все в трещинах, так что сверху в темноту падали тонкие лучики света.

— Надёжное убежище! — сказал Маугли, выпрямляясь во весь рост. — Только оно слишком далеко, чтобы каждый день в нём бывать. Ну, а что же мы тут увидим?

— Разве я ничто? — сказал чей-то голос в глубине подземелья.

Перед Маугли мелькнуло что-то белое, и мало-помалу он разглядел такую огромную кобру, каких он до сих пор не встречал, — почти в восемь футов длиной, вылинявшую от жизни в темноте до желтизны старой слоновой кости. Даже очки на раздутом клобуке стали у неё бледно-жёлтыми. Глаза у кобры были красные, как рубины, и вся она была такая диковинная с виду.

— Доброй охоты! — сказал Маугли, у которого вежливые слова, как и охотничий нож, были всегда наготове.

— Что нового в городе? — спросила белая кобра, не отвечая на приветствия. — Что нового в великом городе, обнесённом стеной, в городе сотни слонов, двадцати тысяч лошадей и несметных стад, — в городе князя над двадцатью князьями? Я становлюсь туга на ухо и давно уже не слыхала боевых гонгов.

— Над нами джунгли, — сказал Маугли. — Из слонов я знаю только Хатхи и его сыновей. А что такое «князь»?

— Я говорил тебе, — мягко сказал Каа, — я говорил тебе четыре луны назад, что твоего города уже нет.

— Город, великий город в лесу, чьи врата охраняются княжескими башнями, не может исчезнуть. Его построили ещё до того, как дед моего деда вылупился из яйца, и он будет стоять и тогда, когда сыновья моих сыновей побелеют, как я. Саладхи, сын Чандрабиджи, сына Вийеджи, сына Ягасари, построил его в давние времена. А кто ваш господин?

— След потерялся, — сказал Маугли, обращаясь к Каа. — Я не понимаю, что она говорит.

— Я тоже. Она очень стара... Прародительница Кобр, тут кругом одни только джунгли, как и было всегда, с самого начала.

— Тогда кто же он, — спросила белая кобра, — тот, что сидит передо мной и не боится? Тот, что не знает имени князя и говорит на нашем языке устами человека? Кто он, с ножом охотника и языком змеи?

— Меня зовут Маугли, — был ответ. — Я из джунглей. Волки — мой народ, а это Каа, мой брат. А ты кто, мать Кобр?

— Я Страж Княжеского Сокровища. Каран Раджа положил надо мной камни ещё тогда, когда у меня была тёмная кожа, чтобы я убивала тех, что придут сюда воровать. Потом сокровища опустили под камень, и я услышала пение жрецов, моих учителей.

«Гм! — сказал про себя Маугли. — С одним жрецом я уже имел дело в человечесьей стае, и я знаю, что знаю. Скоро сюда придёт беда».

— Пять раз поднимали камень с тех пор, как я стерегу сокровище, но всегда для того, чтобы прибавить ещё, а не унести отсюда. Нигде нет таких богатств, как эти, — сокровища ста князей. Но давно-давно уже не поднимали камень, и мне кажется, что про мой город забыли.

— Города нет. Посмотри вокруг — вон корни больших де-

ревьев раздвинули камни. Деревья и люди не растут вместе,— уговаривал её Каа.

— Дважды и трижды люди находили сюда дорогу,— злобно ответила кобра,— но они ничего не говорили, пока я не находила их ощупью в темноте, а тогда кричали, только совсем недолго. А вы оба пришли ко мне с ложью, и человек и змея, и хотите, чтобы я вам поверила, будто моего города больше нет и пришёл конец моей службе. Люди мало меняются с годами. А я не меняюсь! Пока не поднимут камень, и не придут жрецы с пением знакомых мне песен, и не напоят меня тёплым молоком, и не вынесут отсюда на свет, я, я, я — и никто другой! — буду Стражем Княжеского Сокровища! Город умер, говорите вы, и сюда проникли корни деревьев? Так нагнитесь же и возьмите что хотите! Нет нигде на земле таких сокровищ! Человек со змеиным языком, если ты сможешь уйти отсюда живым той дорогой, какой пришёл, князья будут тебе слугами!

— След опять потерялся,— спокойно сказал Маугли.— Неужели какой-нибудь шакал прорылся так глубоко и укусил большой Белый Клобук? Она, верно, взбесилась... Мать Кобр, я не вижу, что можно отсюда унести.

— Клянусь богами Солнца и Луны, мальчик потерял разум! — прошипела кобра.— Прежде чем закроются твои глаза, я окажу тебе одну милость. Смотри — и увидишь то, чего не видел ещё никто из людей!

— Худо бывает тому, кто говорит Маугли о милостях,— ответил мальчик сквозь зубы,— но в темноте всё меняется, я знаю. Я посмотрю, если тебе так хочется.

Прищурив глаза, он обвёл пристальным взглядом подземелье, потом поднял с полу горсть чего-то блестящего.

— Ого! — сказал он.— Это похоже на те штучки, которыми играют в человеческой стае. Только эти жёлтые, а те были коричневые.

Он уронил золото на пол и сделал шаг вперёд. Всё подземелье было устлано слоем золотых и серебряных монет толщиной в пять-шесть футов, высыпавшихся из мешков, где они прежде хранились. За долгие годы металл слежался и выровнялся, как песок во время отлива. На монетах и под ними, зарывшись в них, как обломки крушения в песке, были чеканного серебра сёдла для слонов с бляхами кованого золота, украшенные рубинами и бирюзой. Там были паланкины и носилки для княгинь, окованные и отделанные серебром и эмалью, с нефритовыми ручками и янтарными кольцами для занавесей; там были золотые светильники с изумрудными подвесками, колыхавшимися на них; там были пятифутровые статуи давно забытых богов, серебряные, с изумрудными глазами; были кольчуги, стальные, с золотой насечкой и с бахромой из почерневшего мелкого жемчуга; там были шлемы

с гребнями, усеянными рубинами цвета голубиной крови; там были лакированные щиты из панциря черепахи и кожи носорога, окованные червонным золотом, с изумрудами по краям; охапки сабель, кинжалов и охотничьих ножей с алмазными рукоятками; золотые чаши и ковши и переносные алтари, никогда не видевшие дневного света; нефритовые чаши и браслеты; кадила, гребни, сосуды для духов, хны и сурьмы, все чеканного золота; множество колец для носа, обручей, перстней и поясов; пояса в семь пальцев шириной из гранёных алмазов и рубинов и деревянные шкатулки, трижды окованные железом, дерево которых распалось в прах и остались груды опалов, кошачьего глаза, сапфиров, рубинов, брильянтов, изумрудов и гранатов.

Белая кобра была права: никакими деньгами нельзя было оценить такое сокровище — плоды многих столетий войн, грабежей, торговли и поборов. Одним монетам не было цены, не говоря уже о драгоценных камнях; золота и серебра тут было не меньше двухсот или трёхсот тонн чистым весом.

Но Маугли, разумеется, не понял, что значат эти вещи. Ножи заинтересовали его немножко, но они были не так удобны, как его собственный нож, и потому он их бросил. Наконец он отыскал нечто в самом деле пленительное, лежавшее перед слоновым седлом, полузарытым в монетах. Это был анкус — короткий железный крюк, которым погоняют слонов. Его рукоятку украшал круглый сверкающий рубин, а восьмидюймовой длины ручка была сплошь украшена нешлифованной бирюзой, так что держать её было очень удобно. Ниже был нефритовый ободок, а кругом него шёл узор из цветов, только листья были изумрудные, а цветы — рубины, вделанные в прохладный зелёный камень. Остальная часть ручки была из чистой слоновой кости, а самый конец — острый и крюк — был стальной, с золотой насечкой, изображавшей охоту на слонов. Картинки-то и восхитили Маугли, который увидел, что они изображают его друга Хатхи.

Белая кобра следовала за ним по пятам.

— Разве не стоит отдать жизнь за то, чтобы это увидеть? — сказала она. — Правда, я оказала тебе великую милость?

— Я не понимаю, — ответил Маугли. — Они все твёрдые и холодные и совсем не годятся для еды. Но вот это, — он поднял анкус, — я хотел бы унести с собой, чтобы разглядеть при солнце. Ты говоришь, что это всё твоё. Так подари это мне, а я принесу тебе лягушек для еды.

Белая кобра вся затряслась от злобной радости.

— Конечно, я подарю это тебе, — сказала она. — Всё, что здесь есть, я дарю тебе — до тех пор, пока ты не уйдёшь.

— Но я ухожу сейчас. Здесь темно и холодно, а я хочу унести эту колючую штуку с собой в джунгли.

— Взгляни себе под ноги! Что там лежит?

Маугли подобрал что-то белое и гладкое.

— Это человеческий череп,— сказал он равнодушно.— А вот и ещё два.

— Много лет назад эти люди пришли, чтобы унести сокровище. Я поговорила с ними в темноте, и они успокоились.

— Но разве мне нужно что-нибудь из того, что ты называешь сокровищем? Если ты позволишь мне унести анкус, это будет добрая охота. Если нет, всё равно это будет добрая охота. Я не враждую с Ядовитым Народом, а кроме того, я знаю Заветное Слово твоего племени.

— Здесь только одно Заветное Слово, и это Слово — моё!

Каа метнулся вперёд, сверкнув глазами:

— Кто просил меня привести человека?

— Я, конечно,— прошелестела старая кобра.— Давно уже не видала я человека, а этот человек говорит по-нашему.

— Но о том, чтобы убивать, не было уговора. Как же я вернусь в джунгли и расскажу, что отвёл его на смерть?

— Я и не убью его раньше времени. А если тебе надо уйти, вон дыра в стене. Помолчи-ка теперь, жирный убийца обезьян! Стоит мне коснуться твоей шеи, и джунгли тебя больше не увидят. Никогда ещё человек не уходил отсюда живым. Я Страж Сокровищ в Княжеском городе!

— Но говорят тебе, ты, белый ночной червяк, что нет больше ни князя, ни города! Вокруг нас одни только джунгли! — воскликнул Каа.

— А сокровище есть. Но вот что можно сделать. Не уходи еще, Каа,— посмотришь, как будет бегать мальчик. Здесь есть где поохотиться. Жизнь хороша, мальчик! Побегай взад и вперёд, порезвись!

Маугли спокойно положил руку на голову Каа.

— Эта белая тварь до сих пор видала только людей из человеческой стаи. Меня она не знает,— прошептал он.— Она сама напросилась на охоту. Пусть получает!

Маугли стоял, держа в руках анкус остриём вниз. Он быстро метнул анкус, и тот упал наискось, как раз за клобуком большой змеи, пригвоздив её к земле. В мгновение ока удав налёг всей тяжестью на извивающееся тело кобры, прижав его от клобука до хвоста. Красные глаза кобры горели, и голова на свободной шее бешено моталась вправо и влево.

— Убей её! — сказал Каа, видя, что Маугли берётся за нож.

— Нет,— сказал Маугли, доставая нож,— больше я не хочу убивать, разве только для пищи. Посмотри сам, Каа!

Он схватил кобру пониже клобука, раскрыл ей рот лезвием ножа и показал, что страшные ядовитые зубы в верхней челюсти почернели и выкрошились. Белая кобра пережила свой яд, как это бывает со змеями.

— Тхунтх (Гнилая Колода),— сказал Маугли и, сделав Каа знак отстраниться, выдернул анкус из земли и освободил белую кобру.

— Княжескому сокровищу нужен новый страж,— сказал он сурово.— Тхунтх, ты оплошала. Побегай взад и вперед, порезвись, Гнилая Колода!

— Мне стыдно! Убей меня! — прошипела белая кобра.

— Слишком много было разговоров про убийство. Теперь мы уйдём. Я возьму эту колючую штуку, Тхунтх, потому что я дрался и одолел тебя.

— Смотри, чтоб она не убила тебя в конце концов. Это смерть! Помни, это смерть! В ней довольно силы, чтобы убить всех людей в моём городе. Недолго ты удержишь её, Человек из Джунглей, или тот, кто отнимет её у тебя. Ради неё будут убивать, убивать и убивать! Моя сила иссякла, зато колючка сделает моё дело. Это смерть! Это смерть! Это смерть!

Маугли выбрался через дыру в подземный коридор и, обернувшись, увидел, как белая кобра яростно кусает потерявшими силу зубами неподвижные лица золотых идиолов, лежащих на полу, и шипит:

— Это смерть!

Маугли и Каа были рады, что снова выбрались на дневной свет.

Как только они очутились в родных джунглях и анкус в руках мальчика засверкал на утреннем солнце, он почувствовал почти такую же радость, как если б нашёл пучок новых цветов, для того чтобы воткнуть их себе в волосы.

— Это ярче глаз Багиры,— сказал он с восхищением, поворачивая рубин.— Я покажу ей эту штуку. Но что хотела сказать Гнилая Колода своими словами о смерти?

— Не знаю. Мне до кончика хвоста обидно, что она не попробовала твоего ножа. Всегда в Холодных Берлогах таится какая-нибудь беда — и на земле и под землёй... А теперь я хочу есть. Ты поохотишься вместе со мною нынче на заре? — сказал Каа.

— Нет, надо показать эту штуку Багире. Доброй охоты!

Маугли приплясывал на бегу, размахивая большим анкусом, и останавливался время от времени, чтобы полюбоваться на него. Добравшись наконец до тех мест в джунглях, где отдыхала обычно Багира, он нашёл её у водопоя, после охоты на крупного зверя. Маугли стал рассказывать ей обо всех своих приключениях, а Багира слушала и время от времени обнюхивала анкус. Когда Маугли дошёл до последних слов белой кобры, Багира одобрительно замурлыкала.

— Значит, Белый Клобук говорил правду? — живо спросил Маугли.

— Я родилась в княжеском зверинце в Удайпуре и, кажется, знаю кое-что о человеке. Многие люди убивали бы трижды в ночь ради одного этого красного камня.

— Но от камня ручку только тяжелее держать. Мой блестящий ножик гораздо лучше, и — слушай! — красный камень не годится для еды. Так для чего же убивать?

— Маугли, ступай спать. Ты жил среди людей, и...

— Я помню. Люди убивают, потому что не охотятся, — от безделья, ради забавы. Проснись же, Багира! Для чего сделана эта колючая штука?

Багира приоткрыла сонные глаза, и в них сверкнула лукавая искорка.

— Её сделали люди для того, чтобы колоть голову сыновьям Хатхи. Я видела такие на улицах Удайпура перед зверинцем. Эта вещь отведала крови многих таких, как Хатхи.

— Но зачем же колоть ею головы слонов?

— Затем, чтобы научить их Закону Человека. У людей нет ни когтей, ни зубов, оттого они и делают вот такие штуки и даже хуже.

— Если бы я это знал, то не взял бы его. Я не хочу его больше. Смотри!

Анкус полетел, сверкая, и зарылся в землю в пятидесяти шагах от них, среди деревьев.

— Теперь я очистил мои руки от смерти, — сказал Маугли, вытирая руки о свежую влажную землю. — Белая кобра говорила, что смерть будет ходить за мной по пятам. Она состарилась, побелела и вышла из ума.

— Смерть или жизнь, почернела или побелела, а я пойду спать, Маленький Брат. Я не могу охотиться всю ночь и выть весь день, как другие.

Багира знала удобное логово в двух милях от водопоя и отправилась туда отдыхать. Маугли недолго думая забрался на дерево, связав вместе две-три лианы, и гораздо скорее, чем можно об этом рассказать, качался в гамаке в пятидесяти футах над землёю. Хотя Маугли не боялся яркого дневного света, он всё же следовал обычаю своих друзей и старался как можно меньше бывать на солнце. Когда его разбудили громкие голоса обитателей деревьев, были опять сумерки, и во сне ему снились те красивые камешки, что он выбросил.

— Хоть погляжу на них ещё раз, — сказал он и спустился по лиане на землю.

Но Багира опередила его: Маугли было слышно, как она обнюхивает землю в полумраке.

— А где же колючая штука? — воскликнул Маугли.

— Её взял человек. Вот и след.

— Теперь мы увидим, правду ли говорила белая кобра. Если

колючая тварь и вправду смерть, этот человек умрёт. Пойдём по следу.

— Сначала поохотимся,— сказала Багира,— на пустой желудок глаза плохо видят. Люди двигаются очень медленно, а в джунглях так сыро, что самый лёгкий след продержится долго.

Они постарались покончить с охотой как можно скорее, и всё же прошло почти три часа, прежде чем они наелись, напились и пошли по следу. Народ Джунглей знает, что торопиться во время еды не следует, потому что упущенного не вернёшь.

— Как ты думаешь, колючая тварь обернётся в руках человека и убьёт его? — спросил Маугли.— Белая кобра говорила, что это смерть.

— Увидим, когда догоним,— сказала Багира. Она бежала рысью, нагнув голову.— След одиночный (она хотела сказать, что человек был один), и от тяжёлой ноши пятка ушла глубоко в землю.

— Гм! Это ясно, как летняя молния,— согласился с ней Маугли.

И они помчались по следам двух босых ног быстрой рысью, попадая то во тьму, то в полосы лунного света.

— Теперь он бежит быстро,— сказал Маугли,— пальцы растопырены.— Они бежали дальше по сырой низинке.— А почему здесь он свернул в сторону?

— погоди! — сказала Багира и одним великолепным прыжком перемахнула через лужайку.

Первое, что нужно сделать, когда след становится непонятным,— это прыгнуть вперёд, чтобы не оставлять путаных следов на земле. После прыжка Багира повернулась к Маугли и крикнула:

— Здесь второй след идёт ему навстречу. На этом втором следе нога меньше и пальцы поджаты.

Маугли подбежал и посмотрел.

— Это нога охотника-гонда,— сказал он.— Гляди! Здесь он протащил свой лук по траве. Вот почему первый след свернул в сторону. Большая Нога пряталась от Маленькой Ноги.

— Да, верно,— сказала Багира.— Теперь, чтобы не наступать друг другу на следы и не путаться, возьмём каждый по одному следу. Я буду Большая Нога, Маленький Брат, а ты — Маленькая Нога.

Багира перепрыгнула на первый след, а Маугли нагнулся, разглядывая странные следы ног с поджатыми пальцами.

— Вот,— сказала Багира, шаг за шагом продвигаясь вперёд по цепочке следов,— я, Большая Нога, сворачиваю здесь в сторону. Вот я прячусь за скалу и стою тихо, не смея переступить с ноги на ногу. Говори, что у тебя, Маленький Брат.

— Вот я, Маленькая Нога, подхожу к скале,— говорил

Маугли, идя по следу.— Вот я сажусь под скалой, опираясь на правую руку, и ставлю свой лук между большими пальцами ног. Я жду долго, и потому мои ноги оставляют здесь глубокий отпечаток.

— Я тоже,— сказала Багира, спрятавшись за скалой.— Я жду, поставив колючку острым концом на камень. Она скользит: на камне осталась царапина. Скажи, что у тебя, Маленький Брат?

— Одна-две ветки и большой сучок сломаны здесь,— сказал Маугли шёпотом.— А как рассказать вот это? А! Теперь понял. Я, Маленькая Нога, уйду с шумом и топотом, чтобы Большая Нога слышала меня.

Маугли шаг за шагом отходил от скалы, прячась между деревьями и повышая голос, по мере того как приближался к маленькому водопаду.

— Я — отхожу — далеко — туда, — где — шум — водопада — заглушает — мои — шаги, — и здесь — я — жду. Говори, что у тебя, Багира, Большая Нога!

Пантера металась во все стороны, разглядывая, куда ведёт отпечаток большой ноги из-за скалы. Потом подала голос:

— Я ползу из-за скалы на четвереньках и тащу за собой колючую тварь. Не видя никого, я бросаюсь бежать. Я, Большая Нога, бегу быстро. Путь ясно виден. Идём каждый по своему следу. Я бегу!

Багира помчалась по ясно видимому следу, а Маугли побежал по следу охотника. На время в джунглях наступило молчание.

— Где ты, Маленькая Нога? — окликнула Багира.

Голос Маугли отозвался в пятидесяти шагах справа.

— Гм! — произнесла Багира, глухо кашляя.— Оба они бегут бок о бок и сходятся всё ближе!

Они пробежали ещё с полмили, оставаясь на том же расстоянии, пока Маугли, который не пригибался так низко к земле, не крикнул:

— Они сошлись! Доброй охоты! Смотри-ка! Тут стояла Маленькая Нога, опираясь коленом на камень, а там — Большая Нога.

Меньше чем в десяти шагах от них, растянувшись на гряде камней, лежало тело крестьянина здешних мест. Тонкая оперённая стрела охотника-гонда пронзила ему насквозь спину и грудь.

— Так ли уж одряхла и выжила из ума белая кобра? — мягко спросила Багира.— Вот, по крайней мере, одна смерть.

— Идём дальше. А где же та, что пьёт слоновью кровь, — где красноглазая колючка?

— Может быть, у Маленькой Ноги. Теперь след опять одиночный.

Одинокий след легконогого человека, быстро бежавшего с но-

шей на левом плече, шёл по длинному пологому откосу, поросшему сухой травой, где каждый шаг был словно выжжен калёным железом.

Оба молчали, пока след не привёл их к золе костра, укрытого в овраге.

— Опять! — сказала Багира и остановилась, словно окаменев.

Тело маленького сморщенного охотника лежало пятками в золе, и Багира вопросительно посмотрела на Маугли.

— Это сделано бамбуковой палкой, — сказал Маугли, взглянув на тело. — У меня тоже была такая, когда я служил человеческой стае и пас буйволов. Мать Кобр — мне жаль, что я посмеялся над нею, — знает эту породу, и я мог бы об этом догадаться. Разве я не говорил, что люди убивают от безделья?

— Право же, его убили ради красных и голубых камней, — ответила Багира. — Не забудь, что я была в княжеском зверинце в Удайпуре.

— Один, два, три, четыре следа, — сказал Маугли, нагибаясь над пеплом костра. — Четыре следа обутих людей. Они ходят не так быстро, как охотники-гонды. Ну что худого сделал им маленький лесной человек? Смотри, они разговаривали все впятером, стоя вокруг костра, прежде чем убили его. Багира, идём обратно. На желудке у меня тяжело, и, однако, он скачет то вверх, то вниз, как гнездо иволги на конце ветки.

— Плохая охота — упускать добычу. Идём за ними! — сказала пантера. — Эти восемь обутих ног недалеко ушли.

Они бежали целый час молча по широкой тропе, протоптанной четырьмя обутыми людьми.

Уже настал ясный, жаркий день, и Багира сказала:

— Я чую дым.

— Люди всегда охотнее едят, чем бегают, — ответил Маугли, то скрываясь, то показываясь среди невысоких кустарников, где они теперь рыскали, обходя незнакомые джунгли. Багира, слева от Маугли, издала какой-то странный звук горлом.

— Вот этот покончил с едой! — сказала она.

Смятый ворох пёстрой одежды лежал под кустом, а вокруг него была рассыпана мука.

— Тоже сделано бамбуковой палкой. Гляди! Белый порошок — это то, что едят люди. Они отняли добычу у этого — он нёс их пищу — и отдал его в добычу коршуну Чилу.

— Это уже третий, — сказала Багира.

«Я отнесу свежих, крупных лягушек Матери Кобр и накормлю её до отвала, — сказал себе Маугли. — Этот кровопийца — сама Смерть, и всё же я ничего не понимаю!»

— Идём по следу! — сказала Багира.

Они не прошли и полумили, как услышали ворона Каа, распе-

вавшего Песню Смерти на вершине тамариска, в тени которого лежало трое людей. Полупотухший костёр дымился в середине круга, под чугунной сковородкой с почерневшей и обгорелой пресной лепёшкой. Возле костра, сверкая на солнце, лежал бирюзово-рубиновый анкус.

— Эта тварь работает быстро: всё кончается здесь, — сказала Багира. — Отчего они умерли, Маугли? Ни на ком из них нет ни знака, ни ссадины.

Житель джунглей по опыту знает о ядовитых растениях и ягодах не меньше, чем многие врачи. Маугли понюхал дым над костром, отломил кусочек почерневшей лепёшки, попробовал её и сплюнул.

— Яблоко Смерти, — закашлялся он. — Первый из них, должно быть, положил его в пищу для тех, которые убили его, убив сначала охотника.

— Добрая охота, право! Одна добыча следует за другой! — сказала Багира.

«Яблоко Смерти» — так называется в джунглях дурман, самый сильный яд во всей Индии.

— Что же будет дальше? — сказала пантера. — Неужели и мы с тобой умертвим друг друга из-за этого красноглазого убийцы?

— Разве эта тварь умеет говорить? — спросил Маугли шёпотом. — Что плохого я ей сделал, когда выбросил? Нам двоим она не повредит, потому что мы не гонимся за ней. Если её оставить здесь, она, конечно, станет убивать людей одного за другим так же быстро, как падают орехи в бурю. Я не хочу, чтобы люди умирали по шестеро в ночь.

— Что за беда? Это же только люди. Они сами убивали друг друга — и были очень довольны, разве не так? — сказала Багира.

— Но всё-таки они ещё щенки, а щенок гостов утопиться, лишь бы укусить луну в воде. Я виноват, — сказал Маугли, — говоря так, как будто знаю всё на свете. Никогда больше не принесу в джунгли то, чего не знаю, хотя бы оно было красиво, как цветок. Это, — он быстрым движением схватил анкус, — отправится обратно к Прародительнице Кобр. Но сначала нам надо выспаться, а мы не можем лечь рядом с этими спящими. Кроме того, нам нужно зарыть эту тварь, чтобы она не убежала и не убила ещё шестерых. Вырой яму вон под тем деревом.

— Но, Маленький Брат, — сказала Багира, подходя к дереву, — говорю тебе, что кровопийца не виноват. Всё дело в людях.

— Это всё равно, — сказал Маугли. — Вырой яму поглубже. Когда мы выспимся, я возьму его и отнесу обратно.

На третью ночь, когда белая кобра сидела, горя, во мраке подземелья, пристыжённая, обобранная и одинокая, бирюзовый

анкус влетел в пролом стены и зазвенел, ударившись о золотые монеты, устилавшие пол.

— Мать Кобр,— сказал Маугли (из осторожности он оставался по ту сторону стены),— добудь себе молодую, полную яда змею твоего племени, чтобы она помогала тебе стеречь княжеские сокровища и чтобы ни один человек больше не вышел отсюда живым.

— Ах-ха! Значит, он вернулся. Я говорила, что это смерть! Как же вышло, что ты ещё жив? — прошелестела старая кобра, любовно обвиваясь вокруг ручки анкуса.

— Клянусь буйволом, который выкупил меня, я и сам не знаю! Эта тварь убила шестерых за одну ночь. Не выпускай её больше!

ДИКИЕ СОБАКИ

Самое приятное время жизни началось для Маугли после того, как он напустил на деревню джунгли. Совесть у него была спокойна, как и следует после уплаты справедливого долга, и все джунгли были с ним в дружбе, потому что все джунгли его боялись. Из того, что он видел, слышал и делал, странствуя от одного народа к другому со своими четырьмя спутниками или без них, вышло бы многое множество рассказов, и каждый рассказ был бы не короче этого. Так что вам не придётся услышать о том, как он спасся от бешеного слона из Мандлы, который убил двадцать два буйвола, тащивших в казначейство одиннадцать возов серебра, и расшвырял по пыльной дороге блестящие рупии; как он бился долгой ночью с крокодилом Джакалой в болотах на севере и сломал охотничий нож о его спинные щитки; как он нашёл себе новый нож, ещё длиннее старого, на шее у человека, убитого диким кабаном; как он погнался за этим кабаном и убил его, потому что нож этого стоил; как во время Великого Голода он попал в бегущее оленьё стадо и едва не был задавлен насмерть разгорячёнными оленями; как он спас Молчальника Хатхи из ловчей ямы с колом на дне; как на другой день он сам попался в хитрую ловушку для леопардов и как Хатхи освободил его, разломав толстые деревянные брусья; как он доил диких буйволиц на болоте; как...

Однако полагается рассказывать о чём-нибудь одном.

Отец и Мать Волки умерли, и Маугли, завалив устье пещеры большим камнем, пропел над ними Песню Смерти. Балу совсем одряхлел и едва двигался, и даже Багира, у которой нервы были стальные, а мускулы железные, уже не так быстро убивала добычу.

Акела из седого стал молочно-белым, похудел от старости

так, что видны были рёбра, и едва ходил, словно деревянный; для него охотился Маугли. Зато молодые волки, дети рассеянной Сионийской Стаи, преуспевали и множились. Когда их набралось голов сорок, своевольных, гладконогих волков-пятилеток, не знавших вожака, Акела посоветовал им держаться вместе, соблюдать Закон и слушаться одного предводителя, как и подobaет Свободному Народу.

В этом деле Маугли не пожелал быть советчиком: он уже набил себе оскомину и знал, на каком дереве растут кислые плоды. Но когда Пхао, сын Пхаоны (его отцом был Серый Следопыт, когда Акела водил Стаю), завоевал место Вожака Стаи, как того требует Закон Джунглей, и снова зазвучали под звёздами старые песни и старые зовы, Маугли стал ходить на Скалу Совета в память о прошлом и садился рядом с Акелой. То было время удачной охоты и крепкого сна. Ни один чужак не смел вторгаться во владения Народа Маугли, как называлась теперь Стая; молодые волки жирели и набирались сил, и на каждый смотр волчицы приводили много волчат.

Маугли всегда приходил на смотр: он не забыл ещё ту ночь, когда чёрная пантера ввела в Стаю голого смуглого ребёнка и от протяжного клича: «Смотрите, смотрите, о волки!» — его сердце билось странно и тревожно. Если б не это, он ушёл бы в глубину джунглей, чтобы трогать и пробовать, видеть и слышать новое.

Однажды в сумерки, когда он бежал не спеша через горы и нёс Акеле половину убитого им оленя, а четверо волков трусили за ним рысцой и в шутку дрались и кувыркались друг через друга, радуясь жизни, он услышал вой, какого ему не приходилось слышать со времён Шер-Хана. Это было то, что в джунглях зовётся «пхиал», — вой, который издаёт шакал, когда охотится вместе с тигром или когда начинается большая охота. Представьте себе ненависть, смешанную с торжеством, страхом и отчаянием и пронизанную чем-то вроде насмешки, и вы получите понятие о пхиале, который разносился над Вайнгангой, поднимаясь и падая, дрожа и замирая. Четвёрка волков ошетилилась и заворчала. Маугли схватился за нож и замер на месте, словно окаменев.

— Ни один Полосатый не смеет охотиться здесь, — сказал он наконец.

— Это не крик Предвестника, — сказал Серый Брат. — Это какая-то большая охота. Слушай!

Снова раздался вой, наполовину рыдание, наполовину смех, как будто у шакала были мягкие человеческие губы. Тут Маугли перевёл дыхание и бросился к Скале Совета, обгоняя по дороге спешивших туда волков.

Пхао и Акела лежали вместе на скале, а ниже, напрягшись каждым нервом, сидели остальные волки. Матери с волчатами

пустились бегом к пещерам: когда раздаётся пхиял, слабым не место вне дома.

Сначала не слышно было ничего, кроме журчания Вайнганги во тьме и ночного ветра в вершинах деревьев, как вдруг за рекой провыл волк. Это был волк не из Стаи, потому что вся Стая собралась на Скале Советов. Вой перешёл в протяжный, полный отчаяния лай.

— Собаки! — лаял вожак. — Дикие Собаки! Дикие Собаки!

Через несколько минут послышались усталые шаги по камням, и поджарый волк, весь в поту, с пятнами крови на боках и белой пеной у рта, ворвался в круг и, поджимая переднюю лапу и тяжело дыша, бросился к ногам Маугли.

— Доброй охоты! Из чьей ты стаи? — степенно спросил Пхао.

— Доброй охоты! Я Вантала, — был ответ.

Это значило, что он волк-одиночка, который сам промышляет для себя, своей подруги и волчат, живя где-нибудь в уединённой пещере. «Вантала» и значит «одиночка» — тот, кто живёт вне стаи. При каждом вздохе видно было, как от толчков сердца его бросает то вперёд, то назад.

— Кто идёт? — спросил Пхао (об этом всегда спрашивают в джунглях после пхияла).

— Дикие Собаки из Декана — рыжие собаки, убийцы! Они пришли на север с юга; говорят, что в Декане голод, и убивают всех по пути. Когда народилась луна, у меня было четверо — моя подруга и трое волчат. Мать учила детей охотиться в открытом поле, учила прятаться, загоняя оленя, как делаем мы, волки равнин. В полночь я ещё слышал, как мои волчата были полным голосом, идя по следу. А когда поднялся предрассветный ветер, я нашёл всех четверых в траве, и они уже окоченели. А все четверо были живы, когда народилась луна, о Свободный Народ! Тогда я стал искать, кому отомстить, и нашёл рыжих собак.

— Сколько их? — спросил Маугли, а вся Стая глухо заворчала.

— Не знаю. Трое из них уже не убьют больше никого, но под конец они гнали меня, как оленя, гнали, и я бежал на трёх ногах. Смотри, Свободный Народ!

Он вытянул вперёд искалеченную лапу, тёмную от засохшей крови. Весь бок снизу был у него жестоко искусан, а горло разорвано и истерзано.

— Ешь! — сказал Акела, отходя от мяса, которое принёс ему Маугли.

Волк-одиночка набросился на еду с жадностью.

— Это не пропадёт, — сказал он смиренно, утолив первый голод. — Дайте мне набраться сил, и я тоже смогу убивать!

Опустела моя берлога, которая была полна, когда родился месяц, и Долг Крови ещё не весь уплачен.

Пхао, услышав, как захрустела бедренная кость оленя на зубах Вантала, одобрительно заворчал.

— Нам понадобятся эти челюсти, — сказал он. — С собаками были их щенята?

— Нет, нет, одни рыжие охотники: только взрослые псы из их стаи, крепкие и сильные.

Это значило, что рыжие собаки из Декана идут войной, а волки знают очень хорошо, что даже тигр уступает этим собакам свою добычу. Они бегут напрямик через джунгли и всё, что попадается им навстречу, сбивают с ног и разрывают в клочья. Хотя Дикие Собаки не так крупны и не так ловки, как волки, они очень сильны, и их бывает очень много. Дикие Собаки только тогда называют себя Стаей, когда их набирается до сотни, а между тем сорок волков — это уже настоящая Стая.

В своих странствиях Маугли побывал на границе травянистых нагорий Декана и видел, как эти свирепые псы спали, играли и рылись среди кочек и ям, служивших им вместо логова. Он презирал и ненавидел Диких Собак за то, что от них пахло не так, как от волков, и за то, что они жили в пещерах, а главное, за то, что у них между пальцами растёт шерсть, тогда как у Маугли и у его друзей ноги гладкие. Однако он знал, потому что Хатхи рассказал ему об этом, какая страшная сила охотничья стая диких псов. Хатхи и сам сторонится с их дороги, и пока всех собак не перебьют или дичи не станет мало, они бегут вперёд, а по пути убивают.

Акела тоже знал кое-что о диких собаках. Он спокойно сказал Маугли:

— Лучше умереть в стае, чем без вожака и одному. Это будет славная охота, а для меня — последняя. Но ты — человек, и у тебя ещё много почей и дней впереди, Маленький Брат. Ступай на север, заляг там, и если кто-нибудь из волков останется жив после того, как уйдут собаки, он принесёт тебе весть о битве.

— Да, не знаю только, — сказал Маугли без улыбки, — уйти ли мне в болота ловить там мелкую рыбу и спать на дереве или просить помощи у обезьян и грызть орехи, пока Стая будет биться внизу.

— Это не на жизнь, а на смерть, — сказал Акела. — Ты ещё не знаешь этих рыжих убийц. Даже Полосатый...

— Аова! Аова! — крикнул Маугли обиженно. — Одну полосатую обезьяну я убил. Теперь слушай: жили-были Волк, мой отец, и Волчица, моя мать, а ещё жил-был старый серый Волк (не слишком мудрый: он теперь поседел), который был для меня отцом и матерью. И потому, — он повысил голос, — я говорю: когда собаки придут, если только они придут, Маугли и Свободный Народ будут заодно в этой охоте. Я говорю — клянусь

буйволом, выкупившим меня, буйволом, отданным за меня Багирой в те дни, о которых вы в Стае забыли,— я говорю, и пусть слышат мои слова река и деревья и запомнят их, если я позабуду,— я говорю, что вот этот мой нож будет зубом Стаи. По-моему, он ещё не притупился. Вот моё Слово, и я его сказал!

— Ты не знаешь собак, человек с волчьим языком! — крикнул Вантала.— Я хочу только заплатить им Долг Крови, прежде чем они растерзают меня. Они движутся медленно, уничтожая всё на своём пути, но через два дня у меня прибавится силы, и я начну платить им Долг Крови. А вам, Свободный Народ, советую бежать на север и жить впроголодь до тех пор, пока не уйдут рыжие собаки.

— Слушайте Одиночку! — воскликнул Маугли со смехом.— Свободный Народ, мы должны бежать на север, питаться ящерицами и крысами с отмелей, чтобы как-нибудь не повстречаться с собаками. Они опустошат все наши леса, а мы будем прятаться на севере до тех пор, пока им не вздумается отдать нам наше добро! Они собаки, и собачьи дети — рыжие, желтобрюхие, бездомные, у них шерсть растёт между пальцев. Да, конечно, мы, Свободный Народ, должны бежать отсюда и выпрашивать у народов севера объедки и всякую падаль! Выбирайте же, выбирайте. Славная будет охота! За Стаю, за всю Стаю, за волчиц и волчат в логове и на воле, за подругу, которая гонит лань, и за самого малого волчонка в пещере мы принимаем бой!

Стая ответила коротким, оглушительным лаем, прогремевшим во тьме, словно треск падающего дерева.

— Мы принимаем бой! — пролаяли волки.

— Оставайтесь тут, — сказал Маугли своей четвёрке.— Нам понадобится каждый зуб. А Пхао с Акелой пусть готовятся к бою. Я иду считать собак.

— Это смерть! — крикнул Вантала, привстав.— Что может сделать такой голыш против рыжих собак? Даже Полосатый и тот...

— Ты и вправду чужак, — отозвался Маугли.— Но мы ещё поговорим, когда псы будут перебиты. Доброй охоты всем вам!

Он умчался во тьму, весь охваченный буйным весельем, почти не глядя, куда ступает, и, как и следовало ожидать, растянулся во весь рост, споткнувшись о Каа, сторожившего оленю тропу близ реки.

— Кш-ша! — сердито сказал Каа.— Разве так водится в джунглях — топать и хлопать, губя охоту всей ночи, да ещё когда дичь так быстро бежит?

— Вина моя, — сказал Маугли, поднимаясь на ноги.— Правда, я искал тебя, Плоскоголовый, но каждый раз, как я тебя вижу, ты становишься длиннее и толще на длину моей руки. Нет

другого такого, как ты, во всех джунглях, о мудрый, сильный и красивый Каа!

— А куда же ведёт этот след? — Голос Каа смягчился. — Не прошло и месяца с тех пор, как один человек с ножом бросал в меня камнями и шипел на меня, как злющий лесной кот, за то, что я уснул на открытом месте.

— Да, и разогнал оленей на все четыре стороны, а Маугли охотился, а Плоскоголовый совсем оглох и не слышал, как ему свистели, чтоб он освободил оленью тропу, — спокойно ответил Маугли, усаживаясь среди пёстрых колец.

— А теперь этот человек приходит с ласковыми, льстивыми словами к этому же Плоскоголовому и говорит ему, что он и мудрый, и сильный, и красивый, и Плоскоголовый верит ему и свёртывается кольцом, чтобы устроить удобное сиденье для того, кто бросал в него камнями... Теперь тебе хорошо? Разве Багира может так удобно свернуться?

Каа, по обыкновению, изогнулся, словно мягкий гамак, под тяжестью Маугли. Мальчик протянул в темноте руку, обнял гибкую, похожую на трос шею Каа и привлёк его голову к себе на плечо, а потом рассказал ему всё, что произошло в джунглях этой ночью.

— Я, может быть, и мудр, — сказал Каа, выслушав рассказ, — а что глух, так это верно. Не то я услышал бы пхиял. Неудивительно, что травоеды так встревожились. Сколько же всего собак?

— Я ещё не видел. Я пришёл прямо к тебе. Ты старше Хатхи. Зато, о Каа, — тут Маугли завертелся от радости, — это будет славная охота! Немногие из нас увидят новую луну.

— И ты тоже сюда вмешался? Не забывай, что ты человек. Не забывай также, какая стая тебя выгнала. Пускай волки гоняют собак. Ты человек.

— Прошлогодние орехи стали в этом году чёрной землёй, — ответил Маугли. — Это правда, что я человек, но нынче ночью я сказал, что я волк. Это у меня в крови. Я призвал реку и деревья, чтобы они запомнили мои слова. Я охотник Свободного Народа, Каа, и останусь им, пока не уйдут собаки...

— Свободный Народ! — проворчал Каа. — Свободные воры! А ты связал себя смертным узлом в память о волках, которые умерли! Плохая это охота!

— Это моё Слово, и я уже сказал его. Деревья знают, и знает река. Пока не уйдут собаки, моё Слово не вернётся ко мне.

— Ссшш! От этого меняются все следы. Я думал взять тебя с собой на северные болота, но Слово — хотя бы даже Слово маленького голого, безволосого человечка — есть Слово. Теперь и я, Каа, говорю...

— Подумай хорошенько, Плоскоголовый, чтоб и тебе не связать себя смертным узлом. Мне не нужно от тебя Слова, я и без того знаю...

— Пусть будет так, — сказал Каа. — Я не стану давать Слово. Но что ты думаешь делать, когда придут рыжие собаки?

— Они должны переплыть Вайнгангу. Я хочу встретить их на отмелях, а за мной была бы Стая. Ножом и зубами мы заставили бы их отступить вниз по течению реки и немножко охладили бы им глотки.

— Эти собаки не отступят, и глотки им не остудишь, — сказал Каа. — После этой охоты не будет больше ни человечка, ни волчонка, останутся одни голые кости.

— Алала! Умирать так умирать! Охота будет самая славная! Но я ещё молод и видел мало дождей. У меня нет ни мудрости, ни силы. Ты придумал что-нибудь получше, Каа?

— Я видел сотни и сотни дождей. Прежде чем у Хатхи выпали молочные бивни, я уже оставлял в пыли длинный след. Клянусь Первым Яйцом, я старше многих деревьев и видел всё, что делалось в джунглях.

— Но такой охоты ещё никогда не бывало, — сказал Маугли. — Никогда ещё рыжие собаки не становились нам поперёк дороги.

— Что есть, то уже было. То, что будет, — это только забытый год, вернувшийся назад. Посиди смирно, пока я пересчитаю мои года.

Целый долгий час Маугли отдыхал среди колец Каа, играя ножом, а Каа, уткнувшись неподвижной головой в землю, вспоминал обо всём, что видел и узнал с того дня, как вылился из яйца. Глаза его, казалось, угасли и стали похожи на тусклые опалы, и время от времени он резко дёргал головой то вправо, то влево, словно ему снилась охота. Маугли спокойно дремал: он знал, что нет ничего лучше, чем выспаться перед охотой, и привык засыпать в любое время дня и ночи.

Вдруг он почувствовал, что тело Каа становится толще и шире под ним, оттого что огромный удав надулся, шипя, словно меч, выходящий из стальных ножен.

— Я видел все мёртвые времена, — сказал наконец Каа, — и большие деревья, и старых слонов, и скалы, которые были голыми и островерхими, прежде чем поросли мхом. Ты ещё жив, человек?

— Луна только что взошла, — сказал Маугли. — Я не понимаю...

— Кшш! Я снова Каа. Я знаю, что времени прошло немного. Сейчас мы пойдем к реке, и я покажу тебе, что надо делать с собаками.

Прямой, как стрела, он повернул к главному руслу Вайнганги

и бросился в воду немного выше плёса, открывавшего Скалу Мира, а вместе с ним бросился в воду и Маугли.

— Нет, не плыви сам — я двигаюсь быстрее. На спину ко мне, Маленький Брат!

Левой рукой Маугли обнял Каа за шею, правую руку прижал плотно к телу и вытянул ноги в длину. И Каа поплыл против течения, как умел плавать только он один, и струи бурлящей воды запенились вокруг шеи Маугли, а его ноги закачались на волне, разведённой скользкими боками удава. Немного выше Скалы Мира Вайнганга сужается в теснине меж мраморных утёсов от восьмидесяти до ста футов высотой, и вода там бешено мчится между скалами по большим и малым камням. Но Маугли не думал об этом; не было такой воды на свете, которой он испугался бы хоть на минуту. Он смотрел на утёсы по берегам реки и тревожно нюхал воздух, в котором стоял сладковато-кислый запах, очень похожий на запах муравейника в жаркий день. Он невольно спустился пониже в воду, высовывая голову только для того, чтобы вздохнуть. Каа стал на якорь, дважды обернувшись хвостом вокруг подводной скалы и поддерживая Маугли, а вода неслась мимо них.

— Это Место Смерти, — сказал мальчик. — Зачем мы здесь?

— Они спят, — сказал Каа. — Хатхи не уступает дороги Полосатому, однако и Хатхи и Полосатый уступают дорогу рыжим собакам. Собаки же говорят, что никому не уступят дороги. А кому уступает дорогу Маленький Народ Скал? Скажи мне, Хозяин Джунглей, кто же у нас самый главный?

— Вот эти, — прошептал Маугли. — Здесь Место Смерти. Уйдём отсюда.

— Нет, смотри хорошенько, потому что они спят. Тут всё так же, как было, когда я был не длиннее твоей руки.

Потрескавшись от времени и непогоды утёсы в ущелье Вайнганга с самого начала джунглей были жилищем Маленького Народа Скал — хлопотливых, злых чёрных диких пчёл Индии, и, как хорошо знал Маугли, все тропинки сворачивали в сторону за полмили от их владений. Много бекон Маленький Народ ютился и роился тут, переселялся из расщелины в расщелину и снова роился, пятная белый мрамор старым мёдом и лепя свои чёрные соты всё выше и глубже во тьме пещер. Ни человек, ни зверь, ни вода, ни огонь ни разу не посмели их тронуть. По обоим берегам реки ущелье во всю свою длину было словно занавешено мерцающим чёрным бархатом, и Маугли дрогнул, подняв глаза, потому что над ним висели сцепившиеся миллионы спящих пчёл. Там были ещё глыбы и гирлянды и что-то похожее на гнилые пни, лепившиеся к утёсам. Это были старые соты прежних лет или новые города, построенные в тени укрытого от ветра ущелья. Целые горы губчатых гнилых отбросов скатились вниз и застряли

между деревьями и лианами, которыми поросли утёсы. Прислушавшись, Маугли не раз ловил ухом шорох и звук падения полных мёдом сот, срывавшихся вниз где-нибудь в тёмной галерее, потом — сердитое гудение крыльев и мрачное кап-кап-кап вытекающего мёда, который переливался через край и густыми каплями медленно падал на ветви.

На одном берегу реки была маленькая песчаная отмель, не шире пяти футов, и на ней громоздились горы мусора, накопившиеся за сотни лет. Там лежали мёртвые пчёлы, трутни, отбросы, старые соты, крылья бабочек и жуков, забравшихся воровать мёд. Всё это слежалось в ровные груды тончайшей чёрной пыли. Однако острого запаха было довольно, чтобы отпугнуть всякого, кто не мог летать и знал, что такое Маленький Народ.

Каа плыл вверх по реке, пока не добрался до песчаной отмели у входа в ущелье.

— Вот добыча этого года, — сказал он. — Смотри!

На песке лежали скелеты двух молодых оленей и буйвола. Маугли видел, что ни волк, ни шакал не тронули костей, которые обнажились сами собой, от времени.

— Они перешли границу, они не знали, — прошептал Маугли, — и Маленький Народ убил их. Уйдём отсюда, пока пчёлы не проснулись!

— Они не проснутся до рассвета, — сказал Каа. — Теперь я тебе расскажу. Много-много дождей назад загнанный олень забежал сюда с юга, не зная джунглей, а за ним по пятам гналась Стая. Ничего не видя от страха, он прыгнул с высоты. Солнце стояло высоко, и пчёл было очень много, и очень злых. И в Стае тоже много было таких, которые прыгнули в Вайнгангу, но все они умерли, ещё не долетев до воды. Те, которые не прыгнули, тоже умерли в скалах наверху. Но олень остался жив.

— Почему?

— Потому, что он бежал впереди, прыгнул прежде, чем Маленький Народ почуял его, и был уже в реке, когда они собрались жалить. А Стаю, гнавшуюся за ним, сплошь облепили пчёлы, которых вспугнул топот оленя.

— Этот олень остался жив? — в раздумье повторил Маугли.

— По крайней мере, он не умер тогда, хотя никто не ждал его внизу, готовясь поддержать на воде, как будет ждать человека один старый толстый, глухой, жёлтый плоскоголовый удав — да-да, хотя бы за ним гнались собаки всего Декана! Что ты на это скажешь?

Голова Каа лежала на мокром плече мальчика, а его язык дрожал возле уха Маугли. Молчание длилось долго, потом Маугли прошептал:

— Это значит дёргать Смерть за усы, но... Каа, ты и вправду самый мудрый во всех джунглях.

— Так говорили многие. Смотри же, если собаки погонятся за тобой...

— А они, конечно, погонятся. Хо-хо! У меня под языком набралось много колючек, найдётся что воткнуть им в шкуру!

— Если собаки погонятся за тобой, ничего не разбирая, глядя только на твои плечи, они бросятся в воду либо здесь, либо ниже, потому что Маленький Народ проснётся и погонится за ними. А Вайнганга жадная река, и у них не будет Каа, чтобы удержать их на воде, поэтому тех, кто останется жив, понесёт вниз, к отмелям у Сионийских Пещер, и там твоя Стая может схватить их за горло.

— О-о! Лучше и быть не может, разве если только дожди выпадут в сухое время. Теперь остаются только сухие пустыки: пробег и прыжок. Я сделаю так, что собаки меня узнают и побегут за мной по пятам.

— А ты осмотрел утёсы наверху, со стороны берега?

— Верно, не осмотрел. Про это я забыл.

— Ступай посмотри. Там плохая земля, вся неровная, в ямах. Ступишь хоть раз своей неуклюжей ногой не глядя — и конец охоте. Видишь, я оставляю тебя здесь и только ради тебя передам восточку твоей Стае, чтобы знали, где искать собак. Мне твои волки не родня.

Если Каа не нравился кто-нибудь, он бывал неприветлив, как никто в джунглях, исключая, быть может, Багиры. Он поплыл вниз по реке и против Скалы Совета увидел Пхао и Акелу, слушавших ночные звуки.

— Кшш, волки! — весело окликнул он их. — Рыжие собаки поплывут вниз по реке. Если не боитесь, можете убивать их на отмелях.

— Когда они поплывут? — спросил Пхао.

— А где мой детёныш? — спросил Акела.

— Приплывут, когда вздумают, — сказал Каа. — Подождите и увидите. А твой детёныш, с которого ты взял Слово и тем обрёк его на Смерть, твой детёныш со мной, и если он ещё жив, так ты в этом не виноват, седая собака! Дожидайся своих врагов здесь и радуйся, что мы с детёнышем на твоей стороне!

Каа снова понёсся стрелой по реке и остановился на середине ущелья, глядя вверх на линию утёсов. Скоро он увидел, как на звёздном небе показалась голова Маугли; потом в воздухе что-то прошумело, и с резким звуком ударило по воде тело, падая ногами вперёд. Мгновением позже Маугли уже отдыхал в петле, подставленной Каа.

— Какой это прыжок ночью! — невозмутимо сказал Маугли. — Я прыгал вдвое дальше ради забавы. Только наверху плохое место: низкие кусты и овраги, уходящие глубоко вниз,

и всё это битком набито Маленьким Народом. Я нагромоздил большие камни один на другой по краям трёх оврагов. Я столкну их ногой вниз, когда побегу, и Маленький Народ, осердясь, поднимется позади меня.

— Это человечья хитрость,— сказал Каа.— Ты мудр, но Маленький Народ всегда сердится.

— Нет, в сумерки всё крылатое засыпает ненадолго и здесь и повсюду. Я начну игру с собаками в сумерки, потому что днём они лучше бегают. Сейчас они гонятся по кровавому следу за Ванталой.

— Коршун Чиль не оставит издохшего буйвола, а Дикая Собака — кровавого следа,— сказал Каа.

— Так я поведу их по новому следу — по их же крови, если удастся, и заставлю их наестся грязи. Ты останешься здесь, Каа, пока я не вернусь с моими псами.

— Да, но что, если они убьют тебя в джунглях или Маленький Народ убьёт тебя прежде, чем ты спрыгнешь в реку?

— Когда я умру,— ответил Маугли,— тогда и настанет пора петь Песню Смерти. Доброй охоты, Каа!

Он отпустил шею удава и поплыл вниз по ущелью, как плывёт бревно в половодье, гребя к дальней отмели и хохоча от радости. Больше всего на свете Маугли любил «дёргать Смерть за усы», как говорил он сам, и давать джунглям почувствовать, что он здесь хозяин. С помощью Балу он часто обирал пчелиные дупла и знал, что Маленький Народ не любит запаха дикого чеснока. И потому он нарвал небольшой пучок чесноку, связал его ленточкой коры и побежал по кровавому следу Ванталы, идущему к югу от берлог. Время от времени он поглядывал на деревья, склонив голову набок, и посмеивался при этом.

«Лягушонком Маугли я был,— сказал он про себя,— Волчонком Маугли я называл себя сам. Теперь я должен стать Обезьяной Маугли, прежде чем стану Маугли-оленом. А в конце концов я стану Человеком Маугли. Хо!» И он провёл большим пальцем по длинному лезвию своего ножа.

След Ванталы, очень заметный по тёмным пятнам крови, шёл по лесу среди толстых деревьев, которые росли здесь близко одно от другого, но к северо-востоку редели всё больше и больше. За две мили от Пчелиных Утёсов лес кончался. От последнего дерева до низких кустов у Пчелиного Ущелья шло открытое место, где трудно было бы укрыться даже волку. Маугли бежал под деревьями, меряя глазом расстояние от ветки до ветки, иногда забираясь вверх по стволу и для пробы перепрыгивая с одного дерева на другое, пока не добежал до открытого места, на осмотр которого у него ушёл целый час. Потом он вернулся на след Ванталы, в том же месте, где бросил его, залез на дерево с выступающей далеко вперёд веткой футах в восьми над землёй,

повесил пучок чеснока на развилину и уселся смирно, точа нож о босую подошву.

Незадолго до полудня, когда солнце стало сильно припекать, Маугли услышал топот ног и почуял противный запах собачьей стаи, упорно и безжалостно преследовавшей Ванталу. Если смотреть сверху, Дикая Собака из Декана кажется вдвое меньше волка, но Маугли знал, какие сильные у неё лапы и челюсти. Разглядывая острую рыжую морду вожака, обнюхивавшего след, он крикнул ему:

— Доброй охоты!

Вожак поднял голову, а его спутники столпились позади, десятки и сотни рыжих тварей с поджатыми хвостами, широкой грудью и тощим задом. Дикие псы обыкновенно очень молчаливы и неприветливы даже в своём родном Декане.

Под деревом собралось не меньше двух сотен собак, но Маугли видел, что вожаки жадно обнюхивают след и стараются увлечь всю стаю вперёд. Это не годилось, потому что они прибежали бы к берлогам среди дня, а Маугли был намерен продержаться их под своим деревом до сумерек.

— С чьего позволения вы явились сюда? — спросил Маугли.

— Все джунгли — наши джунгли, — был ответ, и тот, кто это сказал, оскалил белые зубы.

Маугли с улыбкой посмотрел вниз, в совершенстве подражая резкой трескотне Чикаи, крысы-прыгуна из степей Декана, давая собакам понять, что считает их не лучше крыс. Стая сгрудилась вокруг дерева, и вожак свирепо залаял, обозвав Маугли обезьяной. Вместо ответа Маугли вытянул вниз голую ногу и пошевелил гладкими пальцами как раз над головой вожака. Этого было довольно, и даже больше чем довольно, чтобы разбудить тупую ярость собак. Те, у кого растут волосы между пальцами, не любят, чтобы им об этом напоминали. Маугли отёрнул ногу, когда вожак подпрыгнул кверху, и сказал ласково:

— Пёс, рыжий пёс! Убирайся обратно к себе в Декан есть ящериц. Ступай к своему брату Чикаи, пёс, пёс, рыжий пёс! У тебя шерсть между пальцами! — И он ещё раз пошевелил ногой:

— Сойди вниз, пока мы не заморили тебя голодом, безволосая обезьяна! — завывала стая, а этого как раз и добивался Маугли.

Он лёг, вытянувшись вдоль сука и прижавшись щекой к коре, высвободил правую руку и минут пять выкладывал собакам всё, что он про них знает и думает: про них самих, про их нравы и обычаи, про их подруг и щенят.

Нет на свете языка более ядовитого и колкого, чем тот, каким говорит Народ Джунглей, желая оскорбить и выказать презрение. Подумав немного, вы и сами поймёте, отчего это так. Маугли и сам говорил Каа, что у него набралось много колючек под языком,

и мало-помалу медленно, но верно он довёл молчаливых псов до того, что они заворчали, потом залаяли, потом завывали хриплым, захлёбывающимся воём. Они пробовали отвечать на его насмешки, но это было всё равно, как если бы волчонок отвечал разъярённому Каа. Всё это время Маугли держал правую руку согнутой в локте, готовясь к действию, а его ноги крепко сжимали сук. Крупный тёмно-рыжий вожак много раз подскакивал в воздух, но Маугли медлил, боясь промахнуться. Наконец, от ярости превзойдя самого себя, вожак подскочил футов на семь, на восемь кверху от земли. Тогда рука Маугли взметнулась, как голова древесной змеи, схватила рыжего пса за шиворот, и сук затрясся и погнулся под его тяжестью так, что Маугли чуть не свалился на землю. Но он не разжал руки и мало-помалу втащил рыжего пса, повисшего, как дохлый шакал, к себе на сук. Левой рукой Маугли достал нож и, отрубив рыжий косматый хвост, швырнул вожака обратно на землю.

Только этого и хотел Маугли. Теперь собаки не побегут по следу Ванталы, пока не прикончат Маугли или пока Маугли не прикончит их. Он видел, как собаки уселись в кружок, подрагивая ляжками, что означало намерение мстить до смерти, и поэтому забрался на развилину повыше, прислонился поудобнее спиной к дереву и заснул.

Часа через три или четыре он проснулся и сосчитал собак. Все они были тут, молчаливые, свирепые, беспощадные, с лютыми глазами. Солнце уже садилось. Через полчаса Маленький Народ Скал должен был покончить с дневными трудами, а, как вам известно, Дикие Собаки плохо дерутся в сумерках.

— Мне не нужны такие верные сторожа, — сказал Маугли, становясь на суку, — но я этого не забуду. Вы настоящие псы, только, на мой взгляд, слишком уж похожи друг на друга. Вот потому я и не отдам пожирателю ящериц его хвоста. Разве ты не доволен, рыжий пёс?

— Я сам вырву тебе кишки! — прохрипел вожак, кусая дерево у корней.

— Нет, ты подумай, мудрая крыса Декана: теперь народится много куцых рыжих щенят с красным обрубком вместо хвоста. Ступай домой, рыжий пёс, и кричи везде, что это сделала Обезьяна. Не хочешь? Тогда пойдём со мной, и я научу тебя умному!

Он перепрыгнул по-обезьяньи на соседнее дерево, и потом опять на соседнее, и опять, и опять, а стая следовала за ним, поднимая алчные морды. Время от времени он притворялся, будто падает, и псы натывались один на другого, спеша прикончить его. Это было странное зрелище — мальчик с ножом, сверкающим в лучах заката, которые проникали сквозь верхние ветви, а внизу — молчаливая стая рыжих псов, словно охваченная огнём.

Перебравшись на последнее дерево, Маугли взял чеснок и хорошо натёрся им с головы до пят, а собаки презрительно завопили:

— Обезьяна с волчьим языком, уж не думаешь ли ты замести свой след? Всё равно мы будем гнать тебя до смерти!

— Возьми свой хвост,— сказал Маугли, бросая обрубок в направлении, обратном тому, по которому собирался бежать.

Стая отшатнулась, почуяв запах крови.

— А теперь следуйте за мной — до смерти!

Он соскользнул с дерева и вихрем помчался к Пчелиным Утёсам, прежде чем собаки поняли, что он собирается делать.

Они глухо завывали и пустились бежать неуклюжей, размашистой рысью, которая может, в конце концов, доконать кого угодно. Маугли знал, что стая псов бежит гораздо медленнее волчьей стаи, иначе он никогда не отважился бы на двухмильный пробег на глазах у собак. Они были уверены, что мальчик наконец достанется им, а он был уверен, что может играть ими, как хочет. Вся задача состояла в том, чтобы держать стаю достаточно близко позади себя и не дать ей свернуть в сторону раньше времени. Он бежал ловко, ровно и упруго, а за ним, меньше чем в пяти шагах,— куцый вожак. Вся же стая растянулась больше чем на четверть мили, потеряв рассудок и ослепнув от жажды крови. Маугли проверял расстояние на слух, сберегая силы напоследок, чтобы промчаться по Пчелиным Утёсам.

Маленький Народ уснул с началом сумерек, потому что ночные цветы уже не цвели, но как только первые шаги Маугли раздались по гулкому грунту, он услышал такой шум, словно под ним загудела вся земля. Тогда он побежал, как никогда в жизни не бегал, по дороге, столкнув ногой одну, две, три кучки камней в тёмные, сладко пахнущие ущелья, услышал гул, похожий на гул моря под сводом пещеры, увидел уголком глаза, что воздух позади него почернел, увидел течение Вайнганги далеко внизу и плоскую треугольную голову в воде, прыгнул вперёд изо всех сил и упал в спасительную воду, задыхаясь и торжествуя. Ни одного пчелиного укуса не было на его теле, потому что чеснок отпугнул Маленький Народ на те несколько секунд, когда Маугли проносился по утёсам.

Когда Маугли вынырнул, его поддерживал Каа, а с уступа скалы падали в реку, как гири, большие глыбы сцепившихся пчёл, и лишь только глыба касалась воды, пчёлы взлетали вверх, а труп собаки, кружась, уплывал вниз по течению. Над утёсами то и дело слышался короткий яростный лай, тонувший в гуле, подобном грому, в гудении крыльев Маленького Народа Скал. Другие собаки свалились в овраги, сообщавшиеся с подземными пещерами, и там задыхались, бились, щёлкали зубами среди рухнувших сот и, наконец, полумёртвые, облепленные роями

поднявшихся пчёл, выбегали из какого-нибудь хода к реке, чтобы скатиться вниз, на чёрные груды мусора. Некоторые упали на деревья, растущие на утёсах, и пчёлы облепили их сплошь; но большинство, обезумев от пчелиных укусов, бросались в воду, а Вайнганга, как сказал Каа, была жадная река.

Каа крепко держал Маугли, пока мальчик не отдышался.

— Нам нельзя оставаться здесь, — сказал Каа. — Маленький Народ развоевался не на шутку. Поплывём!

Держась глубоко в воде и ныряя как можно чаще, Маугли поплыл вниз по течению с ножом в руке.

Почти половина стаи увидела западню, в которую попали их собратья, и, круто свернув в сторону, бросилась в воду там, где теснина, становясь шире, переходила в крутые берега. Их яростный лай и угрозы «лесной обезьяне», которая довела их до такого позора, смешивались с воем и рычаньем собак, казнимых Маленьким Народом. Оставаться на берегу грозило смертью, и все собаки понимали это. Стаю уносило по течению всё дальше и дальше, к Заводи Мира, но даже и туда сердитый Маленький Народ летел за собаками и загонял их в воду. Маугли слышал голос бесхвостого вожака, который приказывал своим не отступать и уничтожить всех сионийских волков.

— Кто-то убивает в темноте позади нас! — пролаял один из псов. — Вода здесь помутнела!

Маугли нырнул, бросившись вперёд, как выдра, утянул барахтавшегося пса под воду прежде, чем тот успел разинуть пасть, и темные, маслянистые пятна поплыли по Заводи Мира, когда тело собаки выплыло из воды, перевернувшись на бок. Псы хотели было повернуть назад, но течение сносило их вниз, Маленький Народ жалил в головы и уши, а клич Сионийской Стаи звучал всё громче и громче в надвигающейся тьме. Маугли снова нырнул, и снова один из псов ушёл под воду и выплыл мёртвым, и снова шум поднялся в тылу стаи — одни вопили, что лучше выйти на берег, другие требовали, чтобы вожак вёл их обратно в Декан, остальные кричали, чтобы Маугли показался им и дал себя убить.

— Когда они выходят драться, то становятся вдвое злее и голосистее, — сказал Каа. — Остальное сделают твои братья там, внизу. Маленький Народ полетел на ночлег, и я тоже ухожу. Я не помогаю волкам.

По берегу пробежал волк на трёх ногах, то приплясывая, то припадая боком к земле, то выгибая спину и подпрыгивая фута на два вверх, словно играл со своими волчатами. Это был вожак Вантала. Он ни разу не промолвил ни слова, но продолжал свою страшную пляску на глазах у псов.

Собаки долго пробыли в воде и плыли с трудом: их шкуры намокли и отяжелели, косматые хвосты разбухли, как губки, а

сами они так устали и ослабели, что молча смотрели на два горящих глаза, которые провожали их неотступно.

— Плохая это охота,— сказал наконец один из псов.

— Доброй охоты! — сказал Маугли, смело выскакивая из воды рядом с ним и всаживая длинный нож ему под лопатку, но так, чтобы издыхающий пёс не огрызнулся.

— Это ты, человек-волк? — спросил Вантала с берега.

— Спроси у мёртвых, Чужак,— отвечал Маугли.— Разве они не плывут вниз по реке? Я досыта накормил этих псов грязью, я обманул их среди бела дня, а их вожак остался без хвоста, но всё же и на твою долю ещё хватит. Куда их гнать?

— Я подожду,— сказал Вантала.— Вся долгая ночь передо мной, там посмотрим.

Всё ближе и ближе раздавался лай сионийских волков:

— За Стаю, за всю Стаю мы принимаем бой!

И наконец излучина Вайнганги вынесла рыжих собак на пески и отмели против Сионийских Пещер.

Тут они поняли свою ошибку. Им надо было выбраться из воды раньше и напасть на волков на берегу. Теперь было слишком поздно. По всей отмели светились горящие глаза и, кроме страшного пхиаала, не утихавшего с самого заката, в джунглях не слышно было ни звука. Со стороны казалось, будто Вантала упрощает собак выйти на берег. И вожак псов крикнул им:

— Повернитесь и нападайте!

Вся стая бросилась к берегу, расплёскивая и разбрызгивая мелкую воду, так что поверхность Вайнганги вскипела пеной и крупные волны пошли по реке, словно разведённые пароходом. Маугли врзался в свалку, колот и кромсал собак, которые, сбившись в кучу, волной хлынули на прибрежный песок.

И началась долгая битва.

Волки бились на мокром красном песке, между спутанными корнями деревьев, в кустах, в гуще травы, ибо даже и теперь псов было двое на одного волка. Но противники-волки бились не на живот, а на смерть, и бились не одни только широкогрудые, клыкастые охотники, но и волчицы с дикими глазами бились за своих волчат, а кое-где рядом с ними и годовалый волчонок, ещё не перелинявший и весь лохматый, тоже хватал зубами и теребил врага. Надо вам сказать, что волк обычно хватается за горло или вцепляется в бок, а псы больше кусают за ноги, поэтому, пока собаки барахтались в воде и должны были высоко держать голову, перевес был на стороне волков; на суше волкам приходилось туго, но и в воде и на суше нож Маугли поднимался и разил одинаково.

Четвёрка пробилась к Маугли на помощь. Серый Брат, припав к коленям мальчика, защищал его живот, остальные трое охраняли его спину и бока или стояли над ним, когда обозлённый, вою-

щий пёс, бросаясь прямо на нож, скачком сбивал Маугли с ног. А дальше всё смешалось, сбилось в кучу, метавшуюся справа налево и слева направо по берегу. Один раз Маугли мельком видел Акелу: на него с двух сторон напали псы, а сам он впился беззубыми челюстями в ляжку третьего.

Ночь проходила, и быстрый, головокружительный бег на месте всё ускорялся. Собаки притомились и уже боялись нападать на волков посильнее, хотя ещё не смели спастись бегством; но Маугли чувствовал, что близится конец, и довольствовался тем, что выводил собак из строя. Годовалые волки теперь нападали смелей, можно было вздохнуть свободнее, и уже один блеск ножа иногда обращал собаку в бегство.

— Мясо обглодано почти до кости! — прохрипел Серый Брат.

— Но кость ещё надо разгрызть, — отвечал ему Маугли. — Вот как делается у нас в джунглях! — Красное лезвие ножа скользнуло, как пламя, по боку пса, задние ляжки которого исчезли под тяжестью навалившегося на него волка.

— Моя добыча! — огрызнулся волк, сморщив нос. — Оставь её мне!

— Неужели тебе всё ещё мало, Чужак? — сказал Маугли.

Вантала был страшно истерзан, но держал собаку словно в тисках, и она не могла пошевелинуться.

— Клянусь буйволом, выкупившим меня, — злорадно смеясь, крикнул Маугли, — это Куцый!

И в самом деле, это был большой тёмно-рыжий вожак.

Один из псов подскочил на помощь вожаку, но, прежде чем его зубы вонзились в бок Ванталы, нож Маугли уже торчал в его груди, а Серый Брат закончил остальное.

— Вот как делается у нас в джунглях! — сказал Маугли.

Вантала не ответил ни слова, только его челюсти сжимались всё крепче и крепче, по мере того как жизнь уходила от него. Собака вздрогнула, уронила голову и замерла, и Вантала замер над ней.

— Тише! Долг Крови уплачен! — сказал Маугли. — Спой свою песню, Вантала!

— Он больше не будет охотиться, — сказал Серый Брат. — И Акела тоже молчит, уже давно.

— Мы разгрызли кость! — прогремел Пхао, сын Пхаоны. — Они бегут! Убивайте, убивайте их, Охотники Свободного Народа!

Псы один за другим разбегались, крадучись, с потемневших от крови отмелей к реке, в густые джунгли, вверх по течению или вниз по течению — туда, где дорога была свободна.

— Долг! Долг! — крикнул Маугли. — Платите Долг! Они убили Акелу! Пусть ни один из них не уйдёт живым!

Он помчался к берегу с ножом в руке, чтобы не дать уйти ни одному псу, который отважился бы броситься в реку. Но тут из-под горы мёртвых тел показались голова и передние лапы Акелы, и Маугли опустился перед ним на колени.

— Разве я не говорил, что это будет моя последняя битва? — прошептал Акела. — Славная была охота! А как ты, Маленький Брат?

— Я жив, Акела...

— Да будет так. Я умираю, и я хотел бы... хотел бы умереть ближе к тебе, Маленький Брат.

Маугли положил страшную, всю в ранах голову Акелы себе на колени и обхватил руками его истерзанную шею.

— Давно прошли времена, когда жив был Шер-Хан, а человек детёныш катался голый в пыли, — кашляя, сказал Акела.

— Нет, нет, я волк! Я одной крови со Свободным Народом! — воскликнул Маугли. — Не по своей воле я стал человеком!

— Ты человек, Маленький Брат, волчонок, взращённый мною. Ты человек, иначе Стая бежала бы от Диких Собак. Тебе я обязан жизнью, а сегодня ты спас всю Стаю, как я когда-то спас тебя. Разве ты не помнишь? Теперь уплачены все долги. Уходи к своему народу. Говорю тебе ещё раз, зеница моего ока, охота кончена. Уходи к своему народу.

— Я не уйду. Я стану охотиться один в джунглях. Я уже говорил.

— За летом приходят дожди, а за дождями — весна. Уходи, пока тебя не заставят уйти. Уходи к своему народу. Уходи к человеку. Больше мне нечего тебе сказать. Теперь я буду говорить со своими. Маленький Брат, можешь ты поднять меня на ноги? Ведь я тоже Вожак Свободного Народа.

Очень осторожно и ласково Маугли поднял Акелу на ноги, обхватив его обеими руками, но волк испустил глубокий вздох и начал Песню Смерти, которую надлежит петь каждому вожаку, умирая. Песня становилась всё громче и громче, звучала всё сильнее и сильнее, прогремела далеко за рекой, а когда умолкло последнее «Доброй охоты!», Акела высвободился на мгновение из рук Маугли, подпрыгнул в воздух и упал мёртвым на свою последнюю, страшную добычу.

Маугли сидел, опустив голову на колени, забыв обо всём, а тем временем последнего из раненых псов настигли и прикончили беспощадные волчицы. Мало-помалу крики затихли, и волки, хромя, вернулись считать мёртвых. Пятнадцать волков из Стаи, а с ними шесть волчиц лежали мёртвыми у реки, и из всех остальных ни один не остался невредимым. Маугли присидел всю ночь, до холодного рассвета. Влажная от крови морда Пхао легла ему на руку, и Маугли отодвинулся, чтобы тот мог видеть распротёртое тело Акелы.

— Доброй охоты! — сказал Пхао, словно Акела был ещё жив, а потом, обернувшись, кинул через искусанное плечо остальным: — Войте, собаки! Сегодня умер Волк!

Зато из всей стаи рыжих собак, из двухсот охотников Декана, которые хвастались тем, что ничто живое в джунглях не смеет им противиться, ни один не вернулся в Декан с этой вестью.

ВЕСЕННИЙ БЕГ

На второй год после большой битвы с Дикими Собаками и смерти Акелы Маугли было лет семнадцать. На вид он казался старше, потому что от усиленного движения, самой лучшей еды и привычки купаться, как только ему становилось жарко или душно, он стал не по годам сильным и рослым. Когда ему надо было осмотреть лесные дороги, он мог полчаса висеть, держась одной рукой за ветку. Он мог остановить на бегу молодого оленя и повалить его на бок, ухватив за рога. Мог даже сбить с ног большого дикого кабана из тех, что живут в болотах на севере. Народ Джунглей, раньше боявшийся Маугли из-за его ума, теперь стал бояться его силы, и когда Маугли спокойно шёл по своим делам, шёпот о его приходе расчищал перед ним лесные тропинки. И всё же его взгляд оставался всегда мягким. Даже когда он дрался, его глаза не вспыхивали огнём, как у чёрной пантеры Багиры. Его взгляд становился только более внимательным и оживлённым, и это было непонятно даже самой Багире.

Однажды она спросила об этом Маугли, и тот ответил ей, засмеявшись:

— Когда я промахнусь на охоте, то бываю зол. Когда поголодаю дня два, то бываю очень зол. Разве по моим глазам это не заметно?

— Рот у тебя голодный, — сказала ему Багира, — а по глазам этого не видно. Охотишься ты, ешь или плаваешь — они всегда одни и те же, как камень в дождь и в ясную погоду.

Маугли лениво взглянул на пантеру из-под длинных ресниц, и она, как всегда, опустила голову. Багира знала, кто её хозяин.

Они лежали на склоне горы высоко над рекой Вайнгангой, и утренние туманы расстилались под ними зелёными и белыми полосами. Когда взошло солнце, эти полосы тумана превратились в волнующееся красно-золотое море, потом поднялись вверх, и низкие, косые лучи легли на сухую траву, где отдыхали Маугли с Багирой. Холодное время подходило к концу, листва на деревьях завяла и потускнела, и от ветра в ней поднимался сухой, однообразный шорох. Один маленький листок бешено бился о ветку, захваченный ветром. Это разбудило Багиру. Она вдохнула утрен-

ний воздух с протяжным, глухим кашлем, опрокинулась на спину и передними лапами ударила бьющийся листок.

— Год пришёл к повороту,— сказала она.— Джунгли двинулись вперёд. Близится Время Новых Речей. И листок это знает. Это очень хорошо!

— Трава ещё суха,— отвечал Маугли, выдёргивая с корнем пучок травы.— Даже Весенний Глазок (маленький красный цветок, похожий на восковой колокольчик),— даже Весенний Глазок ещё не раскрылся... Багира, пристало ли чёрной пантере валяться на спине и бить лапами по воздуху, словно лесной кошке?

— Аю! — отозвалась Багира. Видно было, что она думает о чём-то другом.

— Послушай, ну пристало ли чёрной пантере так кривляться, кашлять, выть и кататься по траве? Не забывай, что мы с тобой хозяева джунглей.

— Да, это правда, я слышу, детёныш.— Багира торопливо перевернулась и стряхнула пыль со своих взъерошенных чёрных боков (она как раз линяла после зимы).— Разумеется, мы с тобой хозяева джунглей! Кто так силен, как Маугли? Кто так мудр?

Её голос был странно протяжен, и Маугли обернулся посмотреть, не смеётся ли над ним чёрная пантера, ибо в джунглях много слов, звук которых расходится со смыслом.

— Я сказала, что мы с тобой, конечно, хозяева джунглей,— повторила Багира.— Разве я ошиблась? Я не знала, что детёныш больше не ходит по земле. Значит, он летает?

Маугли сидел, опершись локтями на колени, и смотрел на долину, освещённую солнцем. Где-то в лесу под горой птица пробовала хриплым, неверным голосом первые ноты своей весенней песни. Это была только тень полнозвучной, переливчатой песни, которая разольётся по джунглям после. Но Багира услышала её.

— Это Ферао, красный дятел,— сказала Багира.— Он помнит. Мне тоже надо припомнить мою песню.— И она начала мурлыкать и напевать про себя, время от времени умолкая и прислушиваясь.

В джунглях Индии времена года переходят одно в другое почти незаметно. Их как будто всего два: сухое и дождливое, но если приглядеться к потокам дождя и облакам сора и пыли, то окажется, что все четыре времени года сменяют друг друга в установленном порядке. Всего удивительнее в джунглях весна, потому что ей не приходится покрывать голое, чистое поле новой травой и цветами, ей надо пробиться сквозь перезимовавшую, ещё зелёную листву, которую пощадила мягкая зима, чтобы утомлённая, полуодетая земля снова почувствовала себя юной и свежей. Нет на свете другой такой весны, как в джунглях.

Наступает день, когда всё в джунглях блёкнет и самые запахи, которыми налит тяжёлый воздух, словно стареют и выдыхаются. Этого не объяснишь, но это чувствуется. Потом наступает другой день, когда все запахи новы и пленительны и зимняя шерсть сходит у зверей длинными свалывшимися клоچьями. После этого выпадает иной раз небольшой дождик, и все деревья, кусты, бамбук, мох и сочные листья растений, проснувшись, пускаются в рост с шумом, который можно слышать. А за этим шумом и ночью и днём струится негромкий гул. Это шум весны, трепетное гудение — не жужжанье пчёл, и не журчанье воды, и не ветер в вершинах деревьев, но голос пригретого солнцем, счастливого мира.

Прежде Маугли всегда радовался смене времён года. Это он всегда замечал первый Весенний Глазок глубоко в гуще травы и первую гряду весенних облаков, которую в джунглях ни с чем не спутаешь. Его голос можно было слышать по ночам, при свете звёзд, в сырых низинах, густо усеянных цветами; там он подпевал хору больших лягушек или передразнивал маленьких сов-перевёртней, что ухают всю весеннюю ночь напролёт. Как и весь его народ, из четырёх времён года он выбирал весну для своих скитаний — просто ради удовольствия бегать, рассекая тёплый воздух, от сумерек до утренней звезды и возвращаться, хохоча и задыхаясь, в венке из свежих цветов. Четвёрка волчат не кружила вместе с ним по джунглям — она уходила петь песни с другими волками.

У обитателей джунглей бывает много хлопот весной, и Маугли слышал, как они мычат, вопят или свищут, смотря по тому, что полагается их породе. Их голоса звучат тогда не так, как в другие времена года, и это одна из причин, почему весна зовётся Временем Новых Речей.

Наступило первое утро весны, и павлин Мор, сверкая бронзой, синевой и золотом, возвестил новые запахи. Другие птицы подхватили его клич, и с утёсов над Вайнгангой Маугли слышал хриплый визг Багиры, похожий и на клёкот орла и на конское ржание.

Вверху, среди налитых соком ветвей, кричали и возились обезьяны.

Маугли озирался вокруг, но видел только, как насмешливые обезьяны дразнятся и прыгают среди деревьев и как павлин Мор пляшет внизу, на склоне горы, раскинув свой радужный хвост.

— В джунглях пахнет по-новому! — крикнул павлин Мор. — Доброй охоты, Маленький Брат! Что же ты не отвечаешь?

— Маленький Брат, доброй охоты! — просвистел коршун Чиль, слетая вниз вместе со своей подругой.

Оба они проскользнули под самым носом у Маугли, так что пучок белых пушистых перьев слегка задел его.

Лёгкий весенний дождик — его называют Слоновым Дождиком — прошёл по джунглям полосой в полмили, оставив позади себя намокшие и качающиеся молодые листья, и закончился двойной радугой и лёгким раскатом грома. Весенний шум прервался на минуту и примолк, зато весь Народ Джунглей, казалось, гомонил разом.

Маугли кликнул клич Стаи, но ни один из четверых волков не отозвался. Они были далеко и не слышали его, распевая весенние песни вместе с другими волками.

«Да,— сказал Маугли сам себе, хотя в душе и сознавал, что неправ,— вот если Дикие Собаки придут из Декана или Красный Цветок заплашет в бамбуках, тогда все джунгли, хныча, бегут к Маугли и называют его большими, как слон, именами. А теперь, оттого что закраснел Весенний Глазок, все джунгли взбесились, как шакал Табаки...»

Маугли поохотился рано в этот вечер и ел немного, чтобы не отяжелеть перед весенним бегом. Это была настоящая белая ночь, как её называют. Все растения с утра, казалось, успели вырасти больше, чем за месяц. Из ветки, которая ещё накануне была вся в жёлтых листьях, закапал сок, когда Маугли сломал её. Мох густо и тепло курчавился под его ногами, острые края молодой травы не резали рук.

Маугли громко запел от восторга, начиная свой бег. Это было больше всего похоже на полёт, потому что Маугли выбрал длинный склон, спускавшийся к северным болотам через густую чащу, где упругая почва заглушала звук его шагов. Человек, воспитанный человеком, не раз споткнулся бы, выбирая дорогу при обманчивом лунном свете, а ноги Маугли, приученные долгими годами жизни в лесу, несли его легко, как пёрышко. Когда гнилой ствол или скрытый камень подвёртывался ему под ноги, он не замедлял шага и перескакивал через них без напряжения, без усилия. Если ему надоедало бежать по земле, он по-обезьяньи хватался руками за прочную лиану и скорее взлетал, чем взбирался, на верхние тонкие ветви и путешествовал по древесным дорогам, пока у него не менялось настроение. Тогда он снова спускался вниз к земле по длинной, обросшей листьями дуге лиан.

Ему встречались ещё полные зноя ложбины, окружённые влажными скалами, где трудно было дышать от тяжёлого аромата ночных цветов; лианы, сплошь покрытые цветами; тёмные просеки, где лунный свет лежал полосами, правильными, как клетки мраморного пола; чащи, где молодая поросль была ему по грудь и словно руками обнимала его за талию; и вершины холмов, увенчанные распавшимися на куски утёсами, где он перепрыгивал с камня на камень над норами перепуганных лисиц. До него до-

носилось слабое, отдалённое «чух-чух» кабана, точившего клыки о ствол, а немного погодя он встречал и самого зверя, в полном одиночестве с пеной на морде и горящими глазами рвавшего и раздиравшего рыжую кору дерева. А не то он сворачивал в сторону, заслышав стук рогов, ворчание и шипение, и пролетал мимо двух разъярённых буйволов. Они раскачивались взад и вперёд, нагнув головы, все в полосах крови, которая кажется чёрной при лунном свете. Или где-нибудь у речного брода он слышал рёв Джакалы, крокодила, который мычит, как бык. А иногда ему случалось потревожить клубок ядовитых змей, но, прежде чем они успевали броситься на Маугли, он уже убегал прочь по блестящей речной гальке и снова углублялся в лес.

Так он бежал в эту ночь, то распевая, то выкрикивая и чувствуя себя счастливее всех в джунглях, пока запах цветов не сказал ему, что близко болота, — а они лежали гораздо дальше самых дальних лесов, где он обычно охотился.

И здесь тоже человек, воспитанный человеком, через три шага ушёл бы с головой в трясину, но у Маугли словно были глаза на ногах, и эти ноги несли его с кочки на кочку и с островка на трясинный островок, не прося помощи у глаз. Он держал путь к середине болота, спугивая на бегу диких уток, и там уселся на поросший мхом ствол, наклонно торчавший из чёрной воды.

Всё болото вокруг Маугли бодрствовало, потому что весенней порой птичий народ спит очень чутко и стайки птиц реют над болотом всю ночь напролёт. Но никто не замечал Маугли, который сидел среди высоких тростников, напевая песню без слов, и, разглядывая жёсткие подошвы смуглых ног, искал старую занозу.

Дикая буйволица в тростниках привстала на колени и фыркнула:

— Человек!

— У-у! — сказал дикий буйвол Меса (Маугли было слышно, как он ворочается в грязи). — Это не человек. Это только безволосый волк из Сионийской Стаи. В такие ночи он всегда бежит взад и вперёд.

— У-у! — ответила буйволица, вновь нагибая голову к траве. — А я думала, что это человек.

— Говорю тебе, что нет. О Маугли, разве тут опасно? — промычал Меса.

— «О Маугли, разве тут опасно!» — передразнил его мальчик. — Только об одном и думает Меса: не опасно ли тут! Кроме Маугли, который бежит взад и вперёд по лесу и стережёт вас, никто ни о чём не думает!

Маугли не устоял перед искушением подкрасться из-за тростников к буйволу и кольнуть его остриём ножа. Большой, весь облитый грязью буйвол выскочил из лужи с треском разор-

вавшегося снаряда, а Маугли расхохотался так, что ему пришлось сесть.

— Рассказывай теперь, как безволосый волк из Сионийской Стаи пас тебя, Меса! — крикнул он.

— Волк? Ты? — фыркнул буйвол, меся ногами грязь.— Все джунгли знают, что ты пас домашнюю скотину. Ты такой же мальчишка, какие кричат в пыли вон там, на засеянных полях. Ты — волк из джунглей! Разве охотник станет ползать, как змея, среди пиявок и ради скверной шутки, достойной шакала, позорить меня перед моей подругой? Выходи на твёрдую землю, и я... я... Буйвол говорил с пеной у рта, потому что во всех джунглях нет зверя вспыльчивее.

Маугли, не меня выражения глаз, смотрел, как пыхтит и фыркает буйвол. Когда стало можно что-нибудь расслышать сквозь шум летевших во все стороны брызг, он спросил:

— Какая человечья стая живёт здесь у болота, Меса? Этих джунглей я не знаю.

— Ступай на север! — проревел сердито буйвол, потому что Маугли кольнул его довольно сильно.— Так шутят коровьи пастухи! Ступай расскажи про это в деревне у болота.

— Человечья стая не любит слушать про джунгли, да я и сам думаю, что лишняя царапина на твоей шкуре — не такая важность, чтобы про неё рассказывать. А всё же я пойду посмотрю на эту деревню. Да, пойду! Успокойся! Не каждую ночь Хозяин Джунглей приходит пасти тебя.

Он перешагнул на тряскую почву на краю болота, хорошо зная, что буйвол не бросится туда за ним, и побежал дальше, смеясь над его яростью.

— Вон там звезда сидит над самой землёй, — сказал он и пристально вгляделся в неё, сложив руки трубкой.— Клянусь буйволом, который выкупил меня, это Красный Цветок, тот самый Красный Цветок, возле которого я лежал ещё до того, как попал в Сионийскую Стаю! А теперь я всё видел и надо кончать мой бег.

Болото переходило в широкую луговину, где мерцал огонёк. Уже очень давно Маугли перестал интересоваться людскими делами, но в эту ночь мерцанье Красного Цветка влекло его к себе, словно новая добыча.

— Посмотрю, — сказал он себе, — очень ли переменялась человечья стая.

Позабыв о том, что он не у себя в джунглях, где может делать всё, что вздумается, Маугли беззаботно ступал по отягчённым росой травам, пока не дошёл до той хижины, где горел огонёк. Три-четыре собаки подняли лай, — Маугли был уже на окраине деревни.

— Хо! — сказал Маугли, бесшумно садясь и посылая им в

ответ волчье глухое ворчание, сразу умирившее собак.— Что будет, то будет. Маугли, какое тебе дело до берлог человеческой стаи?

Он потёр губы, вспоминая о том камне, который рассек их много лет назад, когда другая человеческая стая изгнала его.

Дверь хижины открылась, и на пороге появилась женщина, вглядывающаяся в темноту. Заплакал ребёнок, и женщина сказала, обернувшись к нему:

— Спи! Это просто шакал разбудил собак. Скоро настанет утро.

Маугли, сидя в траве, задрожал, словно в лихорадке. Он хорошо помнил этот голос, но, чтобы знать наверное, крикнул негромко, удивляясь, как легко человеческий язык вернулся к нему:

— Мессуа! О, Мессуа!

— Кто меня зовёт? — спросила женщина дрожащим голосом.

— Разве ты забыла? — сказал Маугли; в горле у него пересохло при этих словах.

— Если это ты, скажи, какое имя я дала тебе? Скажи! — Она прикрыла дверь наполовину и схватилась рукой за грудь.

— Натху! О, Натху! — ответил Маугли, ибо, как вы помните, этим именем назвала его Мессуа, когда он впервые пришёл в человеческую стаю.

— Поди сюда, сынок! — позвала она.

И Маугли, выйдя на свет, взглянул в лицо Мессуе, той женщине, которая была добра к нему и которую он спас когда-то от человеческой стаи.

Она постарела, и волосы у неё поседел, но глаза и голос остались те же. Как все женщины, Мессуа думала, что найдёт Маугли таким же, каким оставила, и удивлённо подняла глаза от груди Маугли к его голове, касавшейся притолоки.

— Мой сын... — пролепетала она, падая к его ногам. — Но это уже не мой сын, это лесное божество! Ах!

Он стоял в красном свете масляной лампы, высокий, сильный, красивый, с ножом на шее, с чёрными длинными волосами, разметавшимися по плечам, в венке из белого жасмина, и его легко было принять за сказочное божество лесов. Ребёнок, дремавший на койке, вскочил и громко закричал от страха. Мессуа обернулась, чтобы успокоить его, а Маугли стоял неподвижно, глядя на кувшины и горшки, на ларь с зерном и на всю людскую утварь, так хорошо ему памятную.

— Что ты будешь есть или пить? — прошептала Мессуа. — Это всё твоё. Мы обязаны тебе жизнью. Но тот ли ты, кого я называла Натху, или ты и вправду лесной бог?

— Я Натху, — сказал Маугли, — и я зашёл очень далеко от дома. Я увидел этот свет и пришёл сюда. Я не знал, что ты здесь.

— Когда мы пришли в Канхивару,— робко сказала Мессуа,— мой муж поступил на службу к англичанам, и мы получили здесь немного земли. Она не такая хорошая, как в старой деревне, но нам не много надо — нам вдвоём.

— Где же он, тот человек, что так испугался в ту ночь?

— Вот уже год, как он умер.

— А этот? — Маугли указал на ребёнка.

— Это мой сын, что родился две зимы назад. Если ты бог, подари ему Милость Джунглей, чтобы он оставался невредимым среди твоего... твоего народа, как мы остались невредимы в ту ночь.

Она подняла ребёнка, и тот, забыв о своём страхе, потянулся к ножу, висевшему на груди Маугли. Маугли бережно отвёл в сторону маленькие руки.

— А если ты Натху, которого унёс тигр,— с запинкой продолжала Мессуа,— тогда он твой младший брат. Я разведу огонь, и ты напьёшься горячего молока. Сними жасминовый венок, он пахнет слишком сильно для такой маленькой комнаты.

Маугли пил тёплое молоко долгими глотками, а Мессуа время от времени поглаживала его по плечу, не будучи вполне уверена, её ли это сын Натху или какое-нибудь чудесное божество джунглей, но радуясь уже тому, что он жив.

— Сынок,— сказала наконец Мессуа, и её глаза блеснули гордостью,— кто-нибудь уже говорил тебе, что ты красивее всех на свете?

— Что? — отозвался Маугли, ибо, разумеется, никогда не слышал ничего подобного.

Мессуа ласково и радостно засмеялась. Ей довольно было взглянуть на его лицо.

— Значит, я первая? Так и следует, хотя редко бывает, чтобы сын услышал от матери такую приятную весть. Ты очень красив. Я в жизни не видывала такой красоты.

Маугли вертел головой, стараясь оглядеть себя через плечо, а Мессуа снова рассмеялась и смеялась так долго, что Маугли, сам не зная почему, начал смеяться вместе с ней, а ребёнок перебегал от одного к другому, тоже смеясь.

— Нет, не насмехайся над братом,— сказала Мессуа, поймав ребёнка и прижимая его к груди.— Если ты вырастешь хоть вполовину таким же красивым, мы женим тебя на младшей дочери князя, и ты будешь кататься на больших слонах.

Маугли понимал едва одно слово из трёх в её разговоре. Тёплое молоко усыпило его после сорокамильного пробега, он лёг на бок, свернулся и через минуту уснул глубоким сном, а Мессуа откинула волосы с его глаз, накрыла его одеялом и была счастлива.

По обычаю джунглей, он проспал конец этой ночи и весь

следующий день, потому что чутьё, никогда не засыпавшее вполне, говорило ему, что здесь нечего бояться. Наконец он проснулся, сделав скачок, от которого затряслась хижина: прикрытый одеялом, он видел во сне ловушки. Остановившись, он вдруг схватился за нож, готовый биться с кем угодно, а сон ещё глядел из его расширенных глаз.

Мессуа засмеялась и поставила перед ним ужин. У неё были только жёсткие лепёшки, испечённые на дымном огне, рис и горсточка квашеных тамаρινдов — ровно столько, чтобы продержаться до вечера, когда Маугли добудет что-нибудь на охоте.

Запах росы с болот пробудил в нём голод и тревогу. Ему хотелось кончить весенний бег, но ребёнок ни за что не сходил с его рук, а Мессуа непременно желала расчесать его длинные иссиня-чёрные волосы. Она расчёсывала их и пела простенькие детские песенки, то называя Маугли сыном, то прося его уделить ребёнку хоть ничтожную долю его власти над джунглями.

Дверь хижины была закрыта, но Маугли слышал хорошо знакомый звук и увидел, как рот Мессуи раскрылся от страха, когда большая серая лапа показалась из-под двери, а за дверью Серый Брат завыл приглушённо и жалобно.

— Уходи и жди! Вы не захотели прийти, когда я вас звал,— сказал Маугли на языке джунглей, не поворачивая головы, и большая серая лапа исчезла.

— Не... не приводи с собой твоих... твоих слуг,— сказала Мессуа.— Я... мы всегда жили в мире с джунглями.

— И сейчас мир,— сказал Маугли, вставая.— Вспомни ту ночь на дороге в Канхивару. Тогда были десятки таких, как он, и позади и впереди тебя. Однако я вижу, что и весной Народ Джунглей не всегда забывает меня. Мать, я ухожу!

Мессуа смиренно отступила в сторону — он и впрямь казался ей лесным божеством,— но едва его рука коснулась двери, как материнское чувство заставило её забросить руки на шею Маугли и обнимать его, обнимать без конца.

— Приходи! — прошептала она.— Сын ты мне или не сын, приходи, потому что я люблю тебя! И смотри, он тоже горюет.

Ребёнок плакал, потому что человек с блестящим ножом уходил от него.

— Приходи опять,— повторила Мессуа.— И ночью и днём эта дверь всегда открыта для тебя.

Горло Маугли сжалось, словно его давило изнутри, и голос его прозвучал напряжённо, когда он ответил:

— Я непременно приду опять... А теперь,— продолжал он уже за дверью, отстраняя голову ластящегося к нему волка,— я тобой недоволен, Серый Брат. Почему вы не пришли все четверо, когда я позвал вас, уже давно?

— Давно? Это было только вчера ночью. Я... мы... пели в джунглях новые песни. Разве ты не помнишь?

— Верно, верно!

— И как только песни были спеты,— горячо продолжал Серый Брат,— я тут же побежал по твоему следу. Я бросил остальных и побежал к тебе со всех ног. Но что же ты наделал, о Маленький Брат! Зачем ты ел и спал с человечесьей стаей?

— Если бы вы пришли, когда я вас звал, этого не случилось бы,— сказал Маугли, прибавляя шаг.

— А что же будет теперь? — спросил Серый Брат.

Маугли хотел ответить, но на тропинке показалась девушка в белой одежде. Серый Брат сразу пропал в кустах, а Маугли бесшумно отступил в высокий тростник и исчез как дух. Девушка вскрикнула — ей показалось, что она увидела привидение, а потом глубоко вздохнула. Маугли раздвинул руками длинные стебли и следил за ней, пока она не скрылась из вида.

— А теперь я не знаю,— сказал Маугли, вздохнув.— Почему вы не пришли, когда я вас звал?..

— Мы всегда с тобой... всегда с тобой,— проворчал Серый Брат, лизнув пятку Маугли.

— А пойдёте вы со мной к человечесьей стае? — прошептал Маугли.

— Разве я не пошёл за тобой в ту ночь, когда наша Стая прогнала тебя? Кто разбудил тебя, когда ты уснул в поле?

— Да, но ещё раз?

— Разве я не пошёл за тобой сегодня ночью?

— Да, но ещё и ещё раз, Серый Брат, и, может быть, ещё?

Серый Брат молчал. Потом он проворчал, словно про себя:

— Та, чёрная, сказала правду.

— А что она сказала?

— Человек уходит к человеку в конце концов. И наша мать говорила то же.

— То же говорил и Акела в Ночь Диких Собак,— пробормотал Маугли.

— То же говорил и Каа, который умнее нас всех.

— А что скажешь ты, Серый Брат?

Серый Брат некоторое время бежал рысью, не отвечая, потом сказал с расстановкой от прыжка к прыжку:

— Детёныш — Хозяин Джунглей — мой сводный брат! Твой путь — это мой путь, твоё жильё — моё жильё, твоя добыча — моя добыча и твой смертный бой — мой смертный бой. Я говорю за нас троих. Но что скажешь ты джунглям?

— Хорошо, что ты об этом подумал. Нечего долго ждать, когда видишь добычу. Ступай вперёд и созови всех на Скалу Совета, а я расскажу им, что у меня на уме.

Во всякое другое время на зов Маугли собрались бы, ошети-

нив загравки, все джунгли, но теперь им было не до того — они пели новые песни.

И когда Маугли с тяжёлым сердцем взобрался по хорошо знакомым скалам на то место, где его когда-то приняли в Стаю, он застал там только свою четвёрку волков, Балу, почти совсем ослепшего от старости, и тяжеловесного, хладнокровного Каа, свернувшегося кольцом вокруг опустевшего места Акелы.

— Значит, твой путь кончается здесь? — сказал Каа, когда Маугли бросился на землю. — Ещё когда мы встретились в Холодных Берлогах, я это знал. Человек в конце концов уходит к человеку, хотя джунгли его и не гонят.

Четверо волков поглядели друг на друга, потом на Маугли — удивлённо, но покорно.

— Так джунгли не гонят меня? — с трудом вымолвил Маугли.

Серый Брат и остальные трое волков яростно заворчали и начали было: «Пока мы живы, никто не посмеет...», но Балу остановил их.

— Я учил тебя Закону. Слово принадлежит мне, — сказал он, — и хотя я теперь не вижу скал перед собою, зато вижу дальше. Лягушонок, ступай своей собственной дорогой, живи там, где живёт твоя кровь, твоя Стая и твой Народ. Но когда тебе понадобится коготь, или зуб, или глаз, или слово, быстро переданное ночью, то помни, Хозяин Джунглей, что джунгли — твои, стоит только позвать.

— И средние джунгли тоже твои, — сказал Каа. — Я не говорю о Маленьком Народe.

— О братья мои! — воскликнул Маугли, с рыданием простирая к ним руки. — Я не хочу уходить, но меня словно тянет за обе ноги. Как я уйду от этих ночей?

— Нет, смотри сам, Маленький Брат, — повторил Балу. — Ничего постыдного нет в этой охоте. Когда мёд съеден, мы оставляем пустой улей.

— Сбросив кожу, уже не влезешь в неё снова. Таков Закон, — сказал Каа.

— Послушай, моё сокровище, — сказал Балу. — Никто здесь не будет удерживать тебя — ни словом, ни делом. Смотри сам! Кто станет спорить с Хозяином Джунглей? Я видел, как ты играл вон там белыми камешками, когда был маленьким Лягушонком. И Багира, которая отдала за тебя молодого, только что убитого буйвола, видела тебя тоже. После того смотря остались только мы одни, ибо твоя приёмная мать умерла, умер и твой приёмный отец. Старой Волчьей Стаи давно уже нет. Ты сам знаешь, чем кончил Шер-Хан, Акелу же убили Дикие Собаки; они погубили бы и всю Сионийскую Стаю, если бы не твои мудрость и сила. Остались только старики. И уже не детёныш просит позво-

ления у Стаи, но Хозяин Джунглей избирает новый путь. Кто станет спорить с человеком и его обычаями?

— А как же Багира и буйвол, который выкупил меня? — сказал Маугли. — Мне не хотелось бы...

Его слова были прерваны рёвом и треском в чаще под горой, и появилась Багира, лёгкая, сильная и грозная, как всегда.

— Вот почему, — сказала пантера, вытягивая вперёд окровавленную правую лапу, — вот почему я не приходила. Охота была долгая, но теперь он лежит убитый в кустах — буйвол по второму году, — тот буйвол, который освободит тебя, Маленький Брат. Все долги уплачены теперь сполна. Что же касается остального, то я скажу то же, что и Балу. — Она лизнула ногу Маугли. — Не забывай, что Багира любила тебя! — крикнула она и скачками понеслась прочь.

У подножия холма она снова крикнула громко и протяжно:

— Доброй охоты на новом пути, Хозяин Джунглей! Не забывай, что Багира любила тебя!

— Ты слышал? — сказал Балу. — Больше ничего не будет. Ступай теперь, но сначала подойди ко мне. О мудрый Маленький Лягушонок, подойди ко мне!

— Нелегко сбрасывать кожу, — сказал Каа.

А Маугли в это время рыдал и рыдал, уткнувшись головой в бок слепого медведя и обняв его за шею, а Балу всё пытался лизнуть его ноги.

— Звёзды редеют, — сказал Серый Брат, нюхая предрасветный ветерок. — Где мы ляжем сегодня? Отныне мы пойдём по новому пути.

И это — последний из рассказов о Маугли.

АЛАН АЛЕКСАНДР
МИЛН

Винни-Пух
И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ

Повесть-сказка

•
Пересказал с английского Борис Заходер

А. А. Milne
WINNIE-THE-POOH

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Уже давно хотелось мне познакомить вас, дорогие ребята, со знаменитым плюшевым медвежонком, которого зовут Винни-Пух, и с его друзьями: с мальчиком Кристофером Робинем, с поросёнком Пятачком, со старым осликом Иа-Иа, с Совой, с тигром, по имени Тигра, с кроликом (его так и зовут — Кролик), а также с мамой Кенгой и её весёлым сынишкой Ру (кто они такие — об этом вы узнаете немного погодя, если не догадались сами).

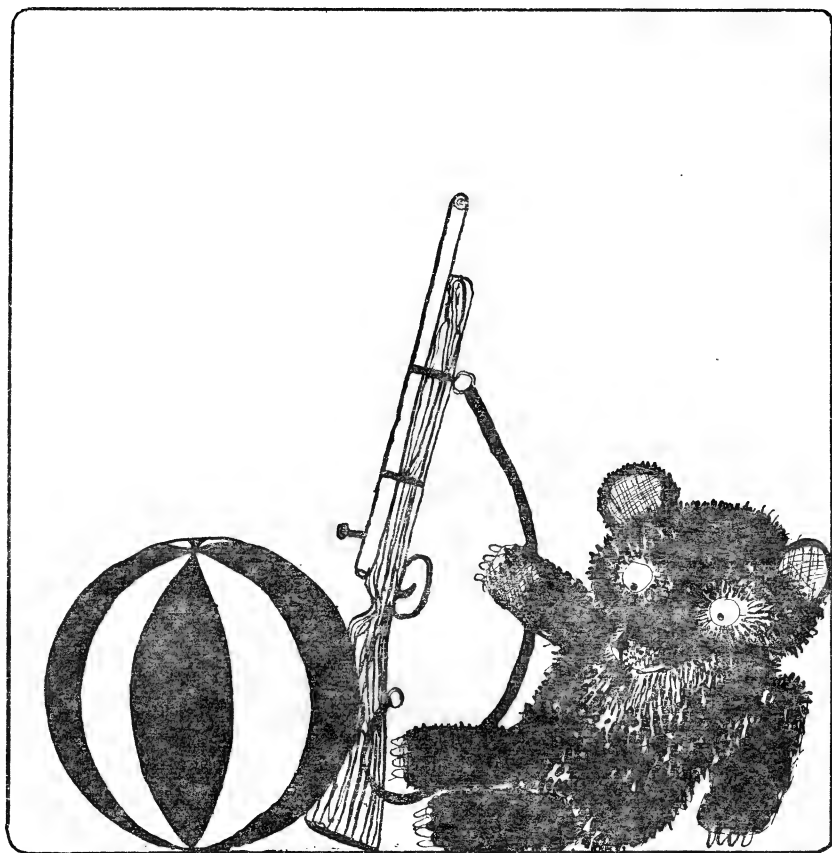
Папа Кристофера Робина — английский писатель А. А. Милн — жил где-то поблизости от Чудесного Леса, где происходили приключения всей этой славной компании, и он в своих книгах рассказал о них столько интересного, что мне ужасно захотелось познакомить с Винни-Пухом и его друзьями вас, ребята.

К сожалению, сделать это было не так-то просто, потому что и Винни-Пух, и все его друзья-приятели умели говорить только по-английски, а это очень-очень трудный язык, особенно для тех, кто его не знает.

Поэтому я решил сперва выучить Винни и его друзей объясняться по-русски, что, уверяю вас, было тоже нелегко. Конечно, по-английски они и сейчас говорят гораздо лучше, чем по-русски, но всё же мне кажется, что теперь вы их поймёте и, я надеюсь, подружитесь с ними, как дружат с ними многие тысячи ребят во многих странах.

А ведь это — самое главное!

Борис Заходер

Глава первая,

**В КОТОРОЙ МЫ ЗНАКОМИМСЯ С ВИННИ-ПУХОМ
И НЕСКОЛЬКИМИ ПЧЕЛАМИ**

Ну вот, перед вами В́инни-Пух.

Как видите, он спускается по лестнице вслед за своим другом Кристофером Робином, головой вниз, пересчитывая ступеньки собственным затылком: бум-бум-бум. Другого способа сходить с лестницы он пока не знает. Иногда ему, правда, кажется, что можно бы найти какой-то другой способ, если бы он только мог на минутку перестать бумкать и как следует сосредоточиться. Но увы — сосредоточиться-то ему и некогда.

Как бы то ни было, вот он уже спустился и готов с вами познакомиться.

— Винни-Пух. Очень приятно!

Вас, вероятно, удивляет, почему его так странно зовут, а если вы знаете английский, то вы удивитесь ещё больше.

Это необыкновенное имя подарил ему Кристофер Робин. Надо вам сказать, что когда-то Кристофер Робин был знаком с одним лебедем на пруду, которого он звал Пухом. Для лебедя это было очень подходящее имя, потому что если ты зовёшь лебедя громко: «Пу-ух! Пу-ух!» — а он не откликается, то ты всегда можешь сделать вид, что ты просто понарошку стрелял; а если ты звал его тихо, то все подумают, что ты просто подул себе на нос. Лебедь потом куда-то делся, а имя осталось, и Кристофер Робин решил отдать его своему медвежонку, чтобы оно не пропадало зря.

А Винни — так звали самую лучшую, самую добрую медведицу в зоологическом саду, которую очень-очень любил Кристофер Робин. А она очень-очень любила его. Её ли называли Винни в честь Пуха, или Пуха называли в её честь — теперь уже никто не знает, даже папа Кристофера Робина. Когда-то он знал, а теперь забыл.

Словом, теперь мишку зовут Винни-Пух, и вы знаете почему.

Иногда Винни-Пух любит вечером во что-нибудь поиграть, а иногда, особенно когда папа дома, он больше любит тихонько посидеть у огня и послушать какую-нибудь интересную сказку.

В этот вечер...

— Папа, как насчёт сказки? — спросил Кристофер Робин.

— Что насчёт сказки? — спросил папа.

— Ты не мог бы рассказать Винни-Пуху сказочку? Ему очень хочется!

— Может быть, и мог бы, — сказал папа. — А какую ему хочется и про кого?

— Интересную, и про него, конечно. Он ведь у нас ТАКОЙ медвежонок!

— Понимаю, — сказал папа.

— Так, пожалуйста, папочка, расскажи!

— Попробую, — сказал папа.

И он попробовал.

Давным-давно — кажется, в прошлую пятницу — Винни-Пух жил в лесу один-одинёшенек, под именем Сандерс.

— Что значит «жил под именем»? — немедленно спросил Кристофер Робин.

— Это значит, что на дощечке над дверью было золотыми буквами написано «Мистер Сандерс», а он под ней жил.

— Он, наверно, и сам этого не понимал, — сказал Кристофер Робин.

— Зато теперь понял, — проворчал кто-то басом.

— Тогда я буду продолжать, — сказал папа.

Вот однажды, гуляя по лесу, Пух вышел на полянку. На полянке рос высокий-превысокий дуб, а на самой верхушке этого дуба кто-то громко жужжал: жжжжжжж...

Винни-Пух сел на траву под деревом, обхватил голову лапами и стал думать.

Сначала он подумал так: «Это — жжжжжж — неспроста! Зря никто жужжать не станет. Само дерево жужжать не может. Значит, тут кто-то жужжит. А зачем тебе жужжать, если ты — не пчела? По-моему, так!»

Потом он ещё подумал-подумал и сказал про себя:

«А зачем на свете пчёлы? Для того, чтобы делать мёд! По-моему, так!»

Тут он поднялся и сказал:

— А зачем на свете мёд? Для того, чтобы я его ел? По-моему, так, а не иначе!

И с этими словами он полез на дерево.

Он лез, и лез, и всё лез, и по дороге он пел про себя песенку, которую сам тут же сочинил. Вот какую:

Мишка очень любит мёд!
Почему? Кто поймёт?
В самом деле, почему
Мёд так нравится ему?

Вот он влез ещё немножко повыше... и ещё немножко... и ещё совсем-совсем немножко повыше... И тут ему пришла на ум другая песенка-пыхтелка:

Если б мишки были пчёлами,
То они бы нипочём
Никогда и не подумали
Так высоко строить дом;
И тогда (конечно, если бы
Пчёлы — это были мишки!)
Нам бы, мишкам, было незачем
Лазить на такие вышки!

По правде говоря, Пух уже порядком устал, поэтому Пыхтелка получилась такая жалобная. Но ему осталось лезть уже совсем-совсем-совсем немножко. Вот стоит только влезть на эту веточку — и...

Т Р Р А Х!

— Мама! — крикнул Пух, пролетев добрых три метра вниз и чуть не задев носом о толстую ветку.

— Эх, и зачем я только... — пробормотал он, пролетев ещё метров пять.

— Да ведь я не хотел сделать ничего пло... — попытался он объяснить, стукнувшись о следующую ветку и перевернувшись вверх тормашками.

— А всё из-за того, — признался он наконец, когда перекувырнулся ещё три раза, пожелал всего хорошего самым нижним веткам и плавно приземлился в колючий-преколючий терновый куст, — всё из-за того, что я слишком люблю мёд! Мама!..

Пух выкарабкался из тернового куста, вытащил из носа колючки и снова задумался. И самым первым делом он подумал о Кристофере Робине.

— Обо мне? — переспросил дрожащим от волнения голосом Кристофер Робин, не смея верить такому счастью.

— О тебе.

Кристофер Робин ничего не сказал, но глаза его становились всё больше и больше, а щёки всё розовели и розовели.

Итак, Винни-Пух отправился к своему другу Кристоферу Робину, который жил в том же лесу, в доме с зелёной дверью.

— Доброе утро, Кристофер Робин! — сказал Пух.

— Доброе утро, Винни-Пух! — сказал мальчик.

— Интересно, нет ли у тебя случайно воздушного шара?

— Воздушного шара?

— Да, я как раз шёл и думал: «Нет ли у Кристофера Робина случайно воздушного шара?» Мне было просто интересно.

— Зачем тебе понадобился воздушный шар?

Винни-Пух оглянулся и, убедившись, что никто не подслушивает, прижал лапу к губам и сказал страшным шёпотом:

— Мёд.

— Что-о?

— Мёд! — повторил Пух.

— Кто же это ходит за мёдом с воздушными шарами?

— Я хожу! — сказал Пух.

Ну, а как раз накануне Кристофер Робин был на вечере у своего друга Пятачка, и там всем гостям дарили воздушные шарики. Кристоферу Робину достался большущий зелёный шар, а одному из Родных и Знакомых Кролика приготовили большой-пребольшой синий шар, но этот Родственник и Знакомый его не взял, потому что сам он был ещё такой маленький, что его не взяли в гости, поэтому Кристоферу Робину пришлось, так и быть, захватить с собой оба шара — и зелёный и синий.

— Какой тебе больше нравится? — спросил Кристофер Робин.

Пух обхватил голову лапами и задумался глубоко-глубоко.

— Вот какая история, — сказал он. — Если хочешь достать мёд — главное дело в том, чтобы пчёлы тебя не заметили. И вот, значит, если шар будет зелёный, они могут подумать, что это

листик, и не заметят тебя, а если шар будет синий, они могут подумать, что это просто кусочек неба, и тоже тебя не заметят. Весь вопрос — чему они скорее поверят?

— А думаешь, они не заметят под шариком *тебя*?

— Может, заметят, а может, и нет, — сказал Винни-Пух. — Разве знаешь, что пчёлам в голову придёт? — Он подумал минутку и добавил: — Я притворюсь, как будто я маленькая чёрная тучка. Тогда они не догадаются!

— Тогда тебе лучше взять синий шарик, — сказал Кристофер Робин.

И вопрос был решён.

Друзья взяли с собой синий шар, Кристофер Робин, как всегда (просто на всякий случай), захватил своё ружьё, и оба отправились в поход.

Винни-Пух первым делом подошёл к одной знакомой луже и как следует вывалялся в грязи, чтобы стать совсем-совсем чёрным, как настоящая тучка. Потом они стали надувать шар, держа его вдвоём за верёвочку. И когда шар раздулся так, что казалось, вот-вот лопнет, Кристофер Робин вдруг отпустил верёвочку, и Винни-Пух плавно взлетел в небо и остановился там — как раз напротив верхушки пчелиного дерева, только немного в стороне.

— Ураааа! — закричал Кристофер Робин.

— Что, здорово? — крикнул ему из поднебесья Винни-Пух. — Ну, на кого я похож?

— На медведя, который летит на воздушном шаре!

— А на маленькую чёрную тучку разве не похож? — тревожно спросил Пух.

— Не очень.

— Ну ладно, может быть, отсюда больше похоже. А потом, разве знаешь, что придёт пчёлам в голову!

К сожалению, ветра не было, и Пух повис в воздухе совершенно неподвижно. Он мог чувствовать мёд, он мог видеть мёд, но достать мёд он, увы, никак не мог.

Спустя некоторое время он снова заговорил.

— Кристофер Робин! — крикнул он шёпотом.

— Чего?

— По-моему, пчёлы что-то *подозревают*!

— Что именно?

— Не знаю я. Но только, по-моему, они ведут себя *подозрительно*!

— Может, они думают, что ты хочешь утащить у них мёд?

— Может, и так. Разве знаешь, что пчёлам в голову придёт!

Вновь наступило недолгое молчание. И опять послышался голос Пуха:

— Кристофер Робин!

— Что?

— У тебя дома есть зонтик?

— Кажется, есть.

— Тогда я тебя прошу: принеси его сюда и ходи тут с ним взад и вперёд, а сам поглядывай всё время на меня и приговаривай: «Тц-тц-тц, похоже, что дождь собирается!» Я думаю, тогда пчёлы нам лучше поверят.

Ну, Кристофер Робин, конечно, рассмеялся про себя и подумал: «Ах ты глупенький мишка!» — но вслух он этого не сказал, потому что он очень любил Пуха.

И он отправился домой за зонтиком.

— Наконец-то! — крикнул Винни-Пух, как только Кристофер Робин вернулся. — А я уже начал беспокоиться. Я заметил, что пчёлы ведут себя совсем подозрительно!

— Открыть зонтик или не надо?

— Открыть, но только погоди минутку. Надо действовать наверняка. Самое главное — это обмануть пчелиную царицу. Тебе её оттуда видно?

— Нет.

— Жаль, жаль. Ну, тогда ты ходи с зонтиком и говори: «Тц-тц-тц, похоже, что дождь собирается», а я буду петь специальную Тучкину Песню — такую, какую, наверно, поют все тучки в небесах... Давай!

Кристофер Робин принялся расхаживать взад и вперёд под деревом и говорить, что дождик собирается, а Винни-Пух запел такую песню:

Я Тучка, Тучка, Тучка,
А вовсе не медведь,
Ах, как приятно Тучке
По небу лететь!

Ах, в синем-синем небе
Порядок и уют —
Поэтому все Тучки
Так весело поют!

Но пчёлы, как ни странно, жужжали всё подозрительнее и подозрительнее. Многие из них даже вылетели из гнезда и стали летать вокруг Тучки, когда она запела второй куплет песни. А одна пчела вдруг на минутку присела на нос Тучки и сразу же снова взлетела.

— Кристофер — ай! — Робин! — закричала Тучка.

— Что?

— Я думал, думал и наконец всё понял. Это неправильные пчёлы!

— Да ну?

— Совершенно неправильные! И они, наверно, делают неправильный мёд, правда?

— Ну да?

— Да. Так что мне, скорей всего, лучше спуститься вниз.

— А как? — спросил Кристофер Робин.

Об этом Винни-Пух как раз ещё и не подумал. Если он выпустит из лап верёвочку, он упадёт и опять бумкнет. Эта мысль ему не понравилась. Тогда он ещё как следует подумал и потом сказал:

— Кристофер Робин, ты должен сбить шар из ружья. Ружьё у тебя с собой?

— Понятно, с собой, — сказал Кристофер Робин. — Но если я выстрелю в шарик, он же испортится!

— А если ты не выстрелишь, тогда испорчусь я, — сказал Пух.

Конечно, тут Кристофер Робин сразу понял, как надо поступить. Он очень тщательно прицелился в шарик и выстрелил.

— Ой-ой-ой! — вскрикнул Пух.

— Разве я не попал? — спросил Кристофер Робин.

— Не то чтобы совсем не попал, — сказал Пух, — но только не попал в шарик!

— Прости, пожалуйста, — сказал Кристофер Робин и выстрелил снова.

На этот раз он не промахнулся. Воздух начал медленно выходить из шарика, и Винни-Пух плавно опустился на землю.

Правда, лапки у него совсем одеревенели, оттого что ему пришлось столько времени висеть, держась за верёвочку. Целую неделю после этого происшествия он не мог ими пошевелить, и они так и торчали кверху. Если ему на нос садилась муха, ему приходилось сдувать её: «Пухх! Пуххх!»

И, может быть — хотя я в этом не уверен, — может быть, именно поэтому-то его и называли Пухом.

— Сказке конец? — спросил Кристофер Робин.

— Конец этой сказке. А есть и другие.

— Про Пуха и про меня?

— И про Кролика, про Пятачка, и про всех остальных. Ты сам разве не помнишь?

— Помнить-то я помню, но когда хочу вспомнить, то забываю...

— Ну, например, однажды Пух и Пятачок решили поймать Слонопотама...

— А поймали они его?

— Нет.

— Где им! Ведь Пух совсем глупенький. А я его поймал?

— Ну, услышишь — узнаешь.

Кристофер Робин кивнул.

— Понимаешь, папа, я-то всё помню, а вот Пух забыл, и ему очень-очень интересно послушать опять. Ведь это будет настоящая сказка, а не просто так... воспоминание.

— Вот и я так думаю.

Кристофер Робин глубоко вздохнул, взял медвежонка за заднюю лапу и поплёлся к двери, волоча его за собой. У порога он обернулся и сказал:

— Ты придёшь посмотреть, как я купаюсь?

— Наверно,— сказал папа.

— А ему не очень было больно, когда я попал в него из ружья?

— Ни капельки,— сказал папа.

Мальчик кивнул и вышел, и через минуту папа услышал, как Винни-Пух поднимается по лесенке: бум-бум-бум.

Глава вторая,

В КОТОРОЙ ВИННИ-ПУХ ПОШЁЛ В ГОСТИ, А ПОПАЛ В БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Как-то днём известный своим друзьям, а значит, теперь и вам, Винни-Пух (кстати, иногда для краткости его звали просто Пух) не спеша прогуливался по Лесу с довольно важным видом, ворча себе под нос новую песенку.

Ему было чем гордиться — ведь эту песенку-ворчалку он сам сочинил только сегодня утром, занимаясь, как обычно, утренней гимнастикой перед зеркалом. Надо вам сказать, что Винни-Пух очень хотел похудеть и потому старательно занимался гимнастикой. Он поднимался на носки, вытягивался изо всех сил и в это время пел так:

— Тара-тара-тара-ра!

А потом, когда он наклонялся, стараясь дотянуться передними лапками до носков, он пел так:

— Тара-тара-ой, караул, трам-пам-па!

Ну, вот так и сочинилась песенка-ворчалка, и после завтрака Винни всё время повторял её про себя, всё ворчал и ворчал, пока не выучил её всю наизусть. Теперь он знал её всю от начала до конца. Слова в этой Ворчалке были приблизительно такие:

Тара-тара-тара-ра!

Трам-пам-пам-тирарам-пам-па!

Тири-тири-тири-ри,

Трам-пам-пам-тиририм-пим-пи!

И вот, ворча себе под нос эту Ворчалку и размышляя — а размышлял Винни-Пух о том, что было бы, если бы он, Винни,

был не Винни-Пухом, а кем-нибудь совсем-совсем другим,— наш Винни незаметно дошёл до песчаного откоса, в котором была большая дыра.

— Ага! — сказал Пух. (Трам-пам-пам-тирарам-пам-па!) — Если я что-нибудь в чём-нибудь понимаю, то дыра — это нора, а нора — это Кролик, а Кролик — это подходящая компания, а подходящая компания — это такая компания, где меня чем-нибудь угостят и с удовольствием послушают мою Ворчалку. И всё такое прочее!

Тут он наклонился, сунул голову в нору и крикнул:

— Эй! Кто-нибудь дома?

Вместо ответа послышалась какая-то возня, а потом снова стало тихо.

— Я спросил: «Эй! Кто-нибудь дома?» — повторил Пух громко-громко.

— Нет! — ответил чей-то голос.— И незачем так орать,— прибавил он,— я и в первый раз прекрасно тебя понял.

— Простите! — сказал Винни-Пух.— А что, совсем-совсем никого нет дома?

— Совсем-совсем никого! — отвечал голос.

Тут Винни-Пух вытащил голову из норы и задумался.

Он подумал так: «Не может быть, чтобы там совсем-совсем никого не было! Кто-то там всё-таки есть — ведь кто-нибудь должен же был сказать: «Совсем-совсем никого!»

Поэтому он снова наклонился, сунул голову в отверстие норы и сказал:

— Слушай, Кролик, а это не ты?

— Нет, не я! — сказал Кролик совершенно не своим голосом.

— А разве это не твой голос?

— По-моему, нет,— сказал Кролик.— По-моему, он совсем, ну ни капельки не похож! И не должен быть похож!

— Вот как? — сказал Пух.

Он снова вытащил голову наружу, ещё раз задумался, а потом опять сунул голову обратно и сказал:

— Будьте так добры, скажите мне, пожалуйста, куда девался Кролик?

— Он пошёл в гости к своему другу Винни-Пуху. Они знаешь какие с ним друзья!

Тут Винни-Пух прямо охнул от удивления.

— Так ведь это же я! — сказал он.

— Что значит «я»? «Я» бывают разные!

— Это «я» значит: это я, Винни-Пух!

На этот раз удивился Кролик. Он удивился ещё больше Винни.

— А ты в этом уверен? — спросил он.

— Вполне, вполне уверен! — сказал Винни-Пух.

— Ну хорошо, тогда входи!

И Винни полез в нору. Он протискивался, протискивался, протискивался и наконец очутился там.

— Ты был совершенно прав,— сказал Кролик, осмотрев его с головы до ног.— Это действительно ты! Здравствуй, очень рад тебя видеть!

— А ты думал, кто это?

— Ну, я думал, мало ли кто это может быть! Сам знаешь, тут, в Лесу, нельзя пускать в дом кого попало! Осторожность никогда не повредит. Ну ладно. А не пора ли чем-нибудь подкрепиться?

Винни-Пух был всегда не прочь немного подкрепиться, в особенности часов в одиннадцать утра, потому что в это время завтрак уже давно окончился, а обед ещё и не думал начинаться. И, конечно, он страшно обрадовался, увидев, что Кролик достаёт чашки и тарелки. А когда Кролик спросил: «Тебе чего намазать — мёду или сгущённого молока?» — Пух пришёл в такой восторг, что выпалил: «И того и другого!» Правда, спохватившись, он, чтобы не показаться очень жадным, поскорее добавил: «А хлеба можно совсем не давать!»

И тут он замолчал и долго-долго ничего не говорил, потому что рот у него был ужасно занят.

А спустя долгое время, мурлыкая что-то сладким-сладким голоском — голос у него стал прямо-таки медовый! — Пух встал из-за стола, от всей души пожал Кролику лапу и сказал, что ему пора идти.

— Уже пора? — вежливо спросил Кролик.

Нельзя ручаться, что он не подумал про себя: «Не очень-то вежливо уходить из гостей сразу, как только ты наелся». Но вслух он этого не сказал, потому что он был очень умный Кролик.

Вслух он спросил:

— Уже пора?

— Ну,— замялся Пух,— я мог бы побыть ещё немного, если бы ты... если бы у тебя... — запинаясь он и при этом почему-то не сводил глаз с буфета.

— По правде говоря,— сказал Кролик,— я сам собирался пойти погулять.

— А-а, ну хорошо, тогда и я пойду. Всего хорошего.

— Ну, всего хорошего, если ты больше ничего не хочешь.

— А разве ещё что-нибудь есть? — с надеждой спросил Пух, снова оживляясь.

Кролик заглянул во все кастрюли и банки и со вздохом сказал:

— Увы, совсем ничего не осталось!

— Я так и думал,— сочувственно сказал Пух, покачав головой.— Ну, до свиданья, мне пора идти.

И он полез из норы. Он изо всех сил тянул себя передними лапками и изо всей мочи толкал себя задними лапками, и спустя некоторое время на воле оказался его нос... потом уши... потом передние лапы... потом плечи... а потом...

А потом Винни-Пух закричал:

— Ай, спасите! Я лучше полезу назад!

Ещё потом он закричал:

— Ай, помогите! Нет, уж лучше вперёд!

И, наконец, он завопил отчаянным голосом:

— Ай-ай-ай, спасите-помогите! Не могу ни взад ни вперёд!

Тем временем Кролик, который, как мы помним, собирался пойти погулять, видя, что парадная дверь забита, выбежал наружу чёрным ходом и, обежав кругом, подошёл к Пуху.

— Ты что — застрял? — спросил он.

— Не-ет, я просто отдыхаю, — ответил Пух, стараясь говорить весёлым голосом. — Просто отдыхаю, думаю кой о чём и пою песенку...

— Ну-ка, дай мне лапу, — строго сказал Кролик.

Винни-Пух протянул ему лапу, и Кролик стал его тащить.

Он тащил и тащил, он тянул и тянул, пока Винни не закричал:

— Ой-ой-ой! Больно!

— Теперь всё ясно, — сказал Кролик, — ты застрял.

— Всё из-за того, — сердито сказал Пух, — что выход слишком узкий!

— Нет, всё из-за того, что кто-то пожадничал! — строго сказал Кролик. — За столом мне всё время казалось, хотя из вежливости я этого не говорил, что кто-то слишком много ест! И я твёрдо знал, что этот «кто-то» — не я! Делать нечего, придётся сбежать за Кристофером Робин.

Кристофер Робин, друг Винни-Пуха и Кролика, жил, как вы помните, совсем в другом конце Леса. Но он сразу же прибежал на помощь и, когда увидел переднюю половину Винни-Пуха, сказал: «Ах ты глупенький мой мишка!» — таким ласковым голосом, что у всех сразу стало легче на душе.

— А я как раз начал думать, — сказал Винни, слегка хлюпая носом, — что вдруг бедному Кролику уже никогда-никогда не придётся ходить через парадную дверь... Я бы тогда очень-очень огорчился...

— Я тоже, — сказал Кролик.

— Не придётся ходить через парадную дверь? — переспросил Кристофер Робин. — Почему? Пожалуй, придётся...

— Ну вот и хорошо, — сказал Кролик.

— Пожалуй, придётся втолкнуть тебя в нору, если мы не сможем тебя вытащить, — закончил Кристофер Робин.

Тут Кролик задумчиво почесал за ухом и сказал, что ведь

если Винни-Пуха втолкнуть в нору, то он там останется навсегда. И что хотя он, Кролик, всегда безумно рад видеть Винни-Пуха, но всё-таки, что ни говори, одним полагается жить на земле, а другим под землёй, и...

— По-твоему, я теперь никогда-никогда не выйду на волю? — спросил Пух жалобно.

— По-моему, если ты уже наполовину вылез, жаль останавливаться на полпути, — сказал Кролик.

Кристофер Робин кивнул головой.

— Выход один, — сказал он, — нужно подождать, пока ты опять похудеешь.

— А долго мне нужно худеть? — испуганно спросил Пух.

— Да так, с недельку.

— Ой, да не могу же я торчать тут целую неделю!

— Торчать-то ты как раз отлично можешь, глупенький мой мишка. Вот вытащить тебя отсюда — это дело похитрее!

— Не горюй, мы будем читать тебе вслух! — весело воскликнул Кролик. — Только бы снег не пошёл... Да, вот ещё что, — добавил он, — ты, дружок, занял у меня почти всю комнату... Можно, я буду вешать полотенца на твои задние ноги? А то они торчат там совершенно зря, а из них выйдет чудесная вешалка для полотенец!

— Ой-ой-ой, це-е-лу-ю неделю! — грустно сказал Пух. — А как же обедать?!

— Обедать, дорогой мой, не придётся! — сказал Кристофер Робин. — Ведь ты должен скорей похудеть! Вот читать вслух — это мы тебе обещаем!

Медвежонок хотел вздохнуть, но не смог — настолько крепко он застрял. Он уронил слезинку и сказал:

— Ну, уж вы тогда хотя бы читайте мне какую-нибудь удобоваримую книгу, которая может поддержать и утешить несчастного медвежонка в безвыходном положении...

И вот целую неделю Кристофер Робин читал вслух именно такую удобоваримую, то есть понятную и интересную, книжку возле Северного Края Пуха, а Кролик вешал выстиранное бельё на его Южный Край... и тем временем Пух становился всё тоньше, и тоньше, и тоньше.

А когда неделя кончилась, Кристофер Робин сказал:

— Пора!

Он ухватился за передние лапы Пуха, Кролик ухватился за Кристофера Робина, а все Родные и Знакомые Кролика (их было ужасно много!) ухватились за Кролика и стали тащить изо всей мочи.

И сперва Винни-Пух говорил одно слово:

— Ой!

А потом другое слово:

— Ох!

И вдруг — совсем-совсем вдруг — он сказал:

— Хлоп! — точь-в-точь как говорит пробка, когда она вылетает из бутылки.

Тут Кристофер Робин, и Кролик, и все Родные и Знакомые Кролика сразу полетели вверх тормашками!

А на верху этой кучи очутился Винни-Пух — свободный!

Винни-Пух важно кивнул всем своим друзьям в знак благодарности и с важным видом отправился гулять по Лесу, напевая свою песенку. А Кристофер Робин посмотрел ему вслед и ласково прошептал:

— Ах ты глупенький мой мишка!

Глава третья,

В КОТОРОЙ ПУХ И ПЯТАЧОК ОТПРАВИЛИСЬ НА ОХОТУ И ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ ПОЙМАЛИ БУКУ

Лучший друг Винни-Пуха, крошечный поросёнок, которого звали Пятачок, жил в большом-пребольшом доме, в большом-пребольшом дереве. Дерево стояло в самой середине Леса, дом был в самой середине дерева, а Пятачок жил в самой середине дома. А рядом с домом стоял столбик, на котором была прибита поломанная доска с надписью, и тот, кто умел немножко читать, мог прочесть:

П о с т о р о н н и м В.

Больше никто ничего не мог прочесть, даже тот, кто умел читать совсем хорошо.

Как-то Кристофер Робин спросил у Пятачка, что тут, на доске, написано. Пятачок сразу же сказал, что тут написано имя его дедушки и что эта доска с надписью — их фамильная реликвия, то есть семейная драгоценность.

Кристофер Робин сказал, что не может быть такого имени — Посторонним В., а Пятачок ответил, что нет, может, нет, может, потому что дедушку же так звали! И «В» — это просто сокращение, а полностью дедушку звали Посторонним Вилли, а это тоже сокращение имени Вильям Посторонним.

— У дедушки было два имени, — пояснил он, — специально на тот случай, если он одно где-нибудь потеряет.

— Подумаешь! У меня тоже два имени, — сказал Кристофер Робин.

— Ну вот, что я говорил! — сказал Пятачок. — Значит, я прав!

Был чудесный зимний день. Пятачок, разметавший снег у дверей своего дома, поднял голову и увидел не кого иного, как Винни-Пуха. Пух медленно шёл куда-то, внимательно глядя себе под ноги, и так глубоко задумался, что, когда Пятачок окликнул его, он и не подумал остановиться.

— Эй, Пух! — закричал Пятачок. — Здорово, Пух! Ты что там делаешь?

— Охочусь! — сказал Пух.

— Охотишься? На кого?

— Выслеживаю кого-то! — таинственно ответил Пух.

Пятачок подошёл к нему поближе:

— Выслеживаешь? Кого?

— Вот как раз об этом я всё время сам себя спрашиваю, — сказал Пух. — В этом весь вопрос: кто это?

— А как ты думаешь, что ты ответишь на этот вопрос?

— Придётся подождать, пока я с ним встречу, — сказал Винни-Пух. — Погляди-ка сюда. — Он показал на снег прямо перед собой. — Что ты тут видишь?

— Следы, — сказал Пятачок. — Отпечатки лап! — Пятачок даже взвизгнул от волнения. — Ой, Пух! Ты думаешь... это... это... страшный Бука?!

— Может быть, — сказал Пух. — Иногда как будто он, а иногда как будто и не он. По следам разве угадаешь?

Он замолчал и решительно зашагал вперёд по следу, а Пятачок, помедлив минутку-другую, побежал за ним.

Внезапно Винни-Пух остановился и нагнулся к земле.

— В чём дело? — спросил Пятачок.

— Очень странная вещь, — сказал медвежонок. — Теперь тут, кажется, стало два зверя. Вот к этому — Неизвестно Кому — подошёл другой — Неизвестно Кто, и они теперь гуляют вдвоём. Знаешь чего, Пятачок? Может быть, ты пойдёшь со мной, а то вдруг это окажутся Злые Звери?

Пятачок мужественно почесал за ухом и сказал, что до пятницы он совершенно свободен и с большим удовольствием пойдёт с Пухом, в особенности если там Настоящий Бука.

— Ты хочешь сказать, если там два Настоящих Буки, — уточнил Винни-Пух, а Пятачок сказал, что это всё равно, ведь до пятницы ему совершенно нечего делать.

И они пошли дальше вместе.

Следы шли вокруг маленькой ольховой рощицы... и, значит, два Буки, если это были они, тоже шли вокруг рощицы, и, понятно, Пух и Пятачок тоже пошли вокруг рощицы.

По пути Пятачок рассказывал Винни-Пуху интересные истории из жизни своего дедушки Посторонним В. Например, как этот дедушка лечился от ревматизма после охоты и как он на скло-

не лет начал страдать одышкой, и всякие другие занятные вещи.

А Пух всё думал, как же этот дедушка выглядит. И ему пришлось в голову, что вдруг они сейчас охотятся как раз на двух дедушек, и интересно, если они поймают этих дедушек, можно ли будет взять хоть одного домой и держать его у себя, и что, интересно, скажет по этому поводу Кристофер Робин.

А следы всё шли и шли перед ними...

Вдруг Винни-Пух снова остановился как вкопанный.

— Смотри! — закричал он шёпотом и показал на снег.

— Куда? — тоже шёпотом закричал Пятачок и подскочил от страха. Но, чтобы показать, что он подскочил не от страха, а просто так, он тут же подпрыгнул ещё разика два, как будто ему просто захотелось попрыгать.

— Следы, — сказал Пух. — Появился третий зверь!

— Пух, — взвизгнул Пятачок, — ты думаешь, это ещё один Бука?

— Нет, не думаю, — сказал Пух, — потому что следы совсем другие... Это, может быть, два Буки, а один, скажем... скажем, Бяка... Или же, наоборот, два Бяки, а один, скажем... скажем, Бука... Надо идти за ними, ничего не поделаешь.

И они пошли дальше, начиная немного волноваться, потому что ведь эти три Неизвестных Зверя могли оказаться Очень Страшными Зверями. И Пятачку ужасно хотелось, чтобы его милый дедушка Посторонним В. был бы сейчас тут, а не где-то в неизвестном месте... А Пух думал о том, как было бы хорошо, если бы они вдруг, совсем-совсем случайно, встретили Кристофера Робина, — конечно, просто потому, что он, Пух, так любит Кристофера Робина!..

И тут совершенно неожиданно Пух остановился в третий раз и облизал кончик своего носа, потому что ему вдруг стало страшно жарко. Перед ними были следы четырёх зверей!

— Гляди, гляди, Пятачок! Видишь? Стало три Буки и один Бяка! Ещё один Бука прибавился!..

Да, по-видимому, так и было! Следы, правда, немного путались и перекрещивались друг с другом, но, совершенно несомненно, это были следы четырёх комплектов лап.

— Знаешь что? — сказал Пятачок, в свою очередь облизав кончик носа и убедившись, что это очень мало помогает. — Знаешь что? По-моему, я что-то вспомнил. Да, да! Я вспомнил об одном деле, которое я забыл сделать вчера, а завтра уже не успею... В общем, мне нужно скорее пойти домой и сделать это дело.

— Давай сделаем это после обеда, — сказал Пух, — я тебе помогу.

— Да, понимаешь, это не такое дело, которое можно сделать после обеда, — поскорее сказал Пятачок. — Это такое спе-

циальное утреннее дело. Его обязательно надо сделать утром, лучше всего часов в... Который час, ты говорил?

— Часов двенадцать,— сказал Пух, посмотрев на солнце.

— Вот, вот, как ты сам сказал, часов в двенадцать. Точнее, от двенадцати до пяти минут первого! Так что ты уж на меня не обижайся, а я... Ой, мама! Кто там?

Пух посмотрел на небо, а потом, снова услышав чей-то свист, взглянул на большой дуб и увидел кого-то на ветке.

— Да это же Кристофер Робин! — сказал он.

— А-а, ну тогда всё в порядке,— сказал Пятачок,— с ним тебя никто не тронет. До свиданья!

И он побежал домой что было духу, ужасно довольный тем, что скоро окажется в полной безопасности.

Кристофер Робин не спеша слез с дерева.

— Глупенький мой мишка,— сказал он,— чем это ты там занимался? Я смотрю, сначала ты один обошёл два раза вокруг этой рощицы, потом Пятачок побежал за тобой, и вы стали ходить вдвоём... Сейчас, по-моему, вы собирались обойти её в четвёртый раз по своим собственным следам!..

— Минутку,— сказал Пух, подняв лапу.

Он присел на корточки и задумался — глубоко-глубоко. Потом он приложил свою лапу к одному следу... Потом он два раза почесал за ухом и поднялся.

— Н-да... — сказал он. — Теперь я понял,— добавил он. — Я даже не знал, что я такой глупый простофиля! — сказал Винни-Пух. — Я самый бестолковый медвежонок на свете!

— Что ты! Ты самый лучший медвежонок на свете! — утешил его Кристофер Робин.

— Правда? — спросил Пух. Он заметно утешился. И вдруг он совсем просиял. — Что ни говори, а уже пора обедать,— сказал он. И он пошёл домой обедать.

Глава четвертая,

В КОТОРОЙ ИА-ИА ТЕРЯЕТ ХВОСТ, А ПУХ НАХОДИТ

Старый серый ослик Иа-Иа стоял один-одинёшенек в заросшем чертополохом уголке Леса, широко расставив передние ноги и свесив голову набок, и думал о Серьёзных Вещах. Иногда он грустно думал: «Почему?», а иногда: «По какой причине?», а иногда он думал даже так: «Какой же отсюда следует вывод?» И неудивительно, что порой он вообще переставал понимать, о чём же он, собственно, думает.

Поэтому, сказать вам по правде, услышав тяжёлые шаги

Винни-Пуха, Иа очень обрадовался, что может на минутку перестать думать и просто поздороваться.

— Как самочувствие? — по обыкновению уныло спросил он.

— А как твоё? — спросил Винни-Пух.

Иа покачал головой.

— Не очень как! — сказал он. — Или даже совсем никак.

Мне кажется, я уже очень давно не чувствовал себя как.

— Ай-ай-ай, — сказал Пух, — очень грустно! Дай-ка я на тебя посмотрю.

Иа-Иа продолжал стоять, понуро глядя в землю, и Винни-Пух обошёл вокруг него.

— Ой, что это случилось с твоим хвостом? — спросил он удивлённо.

— А что с ним случилось? — сказал Иа-Иа.

— Его нет!

— Ты не ошибся?

— Хвост или есть, или его нет. По-моему, тут нельзя ошибиться. А твоего хвоста нет.

— А что же тогда там есть?

— Ничего.

— Ну-ка, посмотрим, — сказал Иа-Иа.

И он медленно повернулся к тому месту, где недавно был его хвост; затем, заметив, что ему никак не удаётся его донять, он стал поворачиваться в обратную сторону, пока не вернулся туда, откуда начал, а тогда он опустил голову и посмотрел снизу и наконец сказал, глубоко и печально вздыхая:

— Кажется, ты прав.

— Конечно, я прав, — сказал Пух.

— Это вполне естественно, — грустно сказал Иа-Иа. — Теперь всё понятно. Удивляться не приходится.

— Ты, наверно, его где-нибудь позабыл, — сказал Винни-Пух.

— Наверно, его кто-нибудь уташил... — сказал Иа-Иа. — Чего от них ждать! — добавил он после большой паузы.

Пух чувствовал, что он должен сказать что-нибудь полезное, но не мог придумать, что именно. И он решил вместо этого сделать что-нибудь полезное.

— Иа-Иа, — торжественно произнёс он, — я, Винни-Пух, обещаю тебе найти твой хвост.

— Спасибо, Пух, — сказал Иа. — Ты настоящий друг. Не то что некоторые!

И Винни-Пух отправился на поиски хвоста.

Он вышел в путь чудесным весенним утром. Маленькие прозрачные облачка весело играли на синем небе. Они то набегали на солнышко, словно хотели его закрыть, то поскорее убегали, чтобы дать и другим побаловаться.

А солнце весело светило, не обращая на них никакого вни-

мания, и сосна, которая носила свои иголки круглый год не снимая, казалась старой и обтрёпанной рядом с берёзками, надевшими новые зелёные кружева. Винни шагал мимо сосен и ёлок, шагал по склонам, заросшим можжевельником и репейником, шагал по крутым берегам ручьёв и речек, шагал среди груды камней и снова среди зарослей, и вот наконец, усталый и голодный, он вошёл в Дремучий Лес, потому что именно там, в Дремучем Лесу, жила Сова.

«А если кто-нибудь что-нибудь о чём-нибудь знает,— сказал медвежонок про себя,— то это, конечно, Сова. Или я не Винни-Пух,— сказал он.— А я — он,— добавил Винни-Пух.— Значит, всё в порядке!»

Сова жила в великолепном замке «Каштаны». Да, это был не дом, а настоящий замок. Во всяком случае, так казалось медвежонку, потому что на двери замка был и звонок с кнопкой, и колокольчик со шнурком. Под звонком было прибито объявление:

ПРОШУ НАЖАТЬ ЭСЛИ НЕ АТКРЫВАЮТ

А под колокольчиком другое объявление:

ПРОШУ ПАДЁРГАТЬ ЭСЛИ НЕ АТКРЫВАЮТ

Оба эти объявления написал Кристофер Робин, который один во всём Лесу умел писать. Даже Сова, хотя она была очень-очень умная и умела читать и даже подписывать своё имя — *Сава*, и то не сумела бы правильно написать такие трудные слова.

Винни-Пух внимательно прочёл оба объявления, сначала слева направо, а потом — на тот случай, если что-нибудь он пропустил,— справа налево.

Потом, для верности, он нажал кнопку звонка и постучал по ней, а потом он подёргал шнурок колокольчика и крикнул очень громким голосом:

— Сова! Открывай! Пришёл Медведь.

Дверь открылась, и Сова выглянула наружу.

— Здравствуй, Пух,— сказала она.— Какие новости?

— Грустные и ужасные,— сказал Пух,— потому что Иа-Иа, мой старый друг, потерял свой хвост, и он очень убивается о нём. Будь так добра, скажи мне, пожалуйста, как мне его найти?

— Ну,— сказала Сова,— обычная процедура в таких случаях нижеследующая...

— Что значит Бычья Цедура? — сказал Пух.— Ты не забывай, что у меня в голове опилки и длинные слова меня только огорчают.

— Ну, это означает то, что надо сделать.

— Пока она означает это, я не возражаю,— смиренно сказал Пух.

— А сделать нужно следующее: во-первых, сообщи в прессу. Потом...

— Будь здорова,— сказал Пух, подняв лапу.— Так что мы должны сделать с этой... как ты сказала? Ты чихнула, когда собиралась сказать.

— Я не чихала.

— Нет, Сова, ты чихнула.

— Прости, пожалуйста, Пух, но я не чихала. Нельзя же чихнуть и не знать, что ты чихнул.

— Ну и нельзя знать, что кто-то чихнул, когда никто не чихал.

— Я начала говорить: сперва сообщи...

— Ну вот ты опять! Будь здорова,— грустно сказал Винни-Пух.

— Сообщи в печать,— очень громко и внятно сказала Сова.— Дай в газету объявление и пообещай награду. Надо написать, что мы дадим что-нибудь хорошенькое тому, кто найдёт хвост Иа-Иа.

— Понятно, понятно,— сказал Пух, кивая головой.— Кстати, насчёт «чего-нибудь хорошенького»,— продолжал он сонно,— я обычно как раз в это время не прочь бы чем-нибудь хорошенько подкре...— И он покосился на буфет, стоявший в углу комнаты Совы.— Скажем, ложечкой сгущённого молока или ещё чем-нибудь, например, одним глоточком мёду...

— Ну вот,— сказала Сова,— мы, значит, напишем наше объявление, и его расклеят по всему Лесу.

«Ложечка мёду,— пробормотал медвежонок про себя,— или... или уж нет, на худой конец».

И он глубоко вздохнул и стал очень стараться слушать то, что говорила Сова.

А Сова говорила и говорила какие-то ужасно длинные слова, и слова эти становились всё длиннее и длиннее... Наконец она вернулась туда, откуда начала, и стала объяснять, что написать это объявление должен Кристофер Робин.

— Это ведь он написал объявления на моей двери. Ты их видел, Пух?

Пух уже довольно давно говорил по очереди то «да», то «нет» на всё, что бы ни сказала Сова. И так как в последний раз он говорил «да, да», то на этот раз он сказал: «Нет, нет, никогда!» — хотя не имел никакого понятия, о чём идёт речь.

— Как, ты их не видел? — спросила Сова, явно удивившись.— Пойдём посмотрим на них.

Они вышли наружу, и Пух посмотрел на звонок и на объ-

явление под ним и взглянул на колокольчик и шнурок, который шёл от него, и чем больше он смотрел на шнурок колокольчика, тем больше он чувствовал, что он где-то видел что-то очень похожее... Где-то совсем в другом месте, когда-то раньше...

— Красивый шнурок, правда? — сказала Сова.

Пух кивнул.

— Он мне что-то напоминает, — сказал он, — но я не могу вспомнить что. Где ты его взяла?

— Я как-то шла по лесу, а он висел на кустике, и я сперва подумала, что там кто-нибудь живёт, и позвонила, и ничего не случилось, а потом я позвонила очень громко, и он оторвался, и, так как он, по-моему, был никому не нужен, я взяла его домой и...

— Сова, — сказал Пух торжественно, — он кому-то очень нужен.

— Кому?

— Иа. Моему дорогому другу Иа-Иа. Он... он очень любил его.

— Любил его?

— Был привязан к нему, — грустно сказал Винни-Пух.

С этими словами он снял шнурок с крючка и отнёс его хозяину, то есть Иа, а когда Кристофер Робин прибил хвост на место, Иа-Иа принялся носиться по Лесу, с таким восторгом размахивая хвостом, что у Винни-Пуха защекотало во всём теле и ему пришлось поскорее побежать домой и немножко подкрепиться.

Спустя полчаса, утирая губы, он гордо спел:

Кто нашёл хвост?

Я, Винни-Пух!

Около двух

(Только по-правдашнему было около одиннадцати!)

Я нашёл хвост!

Глава пятая,

В КОТОРОЙ ПЯТАЧОК ВСТРЕЧАЕТ СЛОНОПОТАМА

Однажды, когда Кристофер Робин, Винни-Пух и Пятачок сидели и мирно беседовали, Кристофер Робин проглотил то, что у него было во рту, и сказал, как будто между прочим:

— Знаешь, Пятачок, а я сегодня видел Слонопотама.

— А чего он делал? — спросил Пятачок.

Можно было подумать, что он ни капельки не удивился!

— Ну, просто слонялся,— сказал Кристофер Робин.— По-моему, он меня не видел.

— Я тоже одного как-то видел,— сказал Пятачок.— По-моему, это был он. А может, и нет.

— Я тоже,— сказал Пух, недоумевая. «Интересно, кто же это такой Слонопотам?» — подумал он.

— Их не часто встретишь,— небрежно сказал Кристофер Робин.

— Особенно сейчас,— сказал Пятачок.

— Особенно в это время года,— сказал Пух.

Потом они заговорили о чём-то другом, и вскоре пришла пора Пуху и Пятачку идти домой. Они пошли вместе. Сперва, пока они плелись по тропинке на краю Дремучего Леса, оба молчали; но когда они дошли до речки и стали помогать друг другу перебираться по камушкам, а потом бок о бок пошли по узкой тропке между кустов, у них завязался Очень Умный Разговор. Пятачок говорил: «Понимаешь, Пух, что я хочу сказать?» А Пух говорил: «Я и сам так, Пятачок, думаю». Пятачок говорил: «Но с другой стороны, Пух, мы не должны забывать». А Пух отвечал: «Совершенно верно, Пятачок. Не понимаю, как я мог упустить это из виду».

И вот, как раз когда они дошли до Шести Сосен, Пух оглянулся кругом и, убедившись, что никто не подслушивает, сказал весьма торжественным тоном:

— Пятачок, я что-то придумал.

— Что ты придумал, Пух?

— Я решил поймать Слонопотама.

Сказав это, Винни-Пух несколько раз подряд кивнул головой. Он ожидал, что Пятачок скажет: «Ну да!», или: «Да ну?», или: «Пух, не может быть!», или сделает какое-нибудь другое полезное замечание в этом духе, но Пятачок ничего не сказал.

По правде говоря, Пятачок огорчился, что не ему первому пришла в голову эта замечательная мысль.

— Я думаю поймать его,— сказал Пух, подождав ещё немножко,— в западню. И это должна быть очень Хитрая Западня, так что тебе придётся помочь мне, Пятачок.

— Пух,— сказал Пятачок, немедленно утешившись и почувствовав себя вполне счастливым,— я тебе, конечно, помогу.— А потом он сказал: — А как мы это сделаем?

И Пух сказал:

— В этом-то вся соль: как?

Они сели, чтобы обдумать своё предприятие.

Первое, что пришло Пуху в голову,— вырыть Очень Глубокую Яму, а потом Слонопотам пойдёт гулять и упадёт в эту яму, и...

— Почему? — спросил Пятачок.

— Что — почему? — сказал Пух.

— Почему он туда упадёт?

Пух потёр нос лапой и сказал, что, ну, наверно, Слонопотам будет гулять, мурлыкая себе под нос песенку и поглядывая на небо — не пойдёт ли дождик, вот он и не заметит Очень Глубокой Ямы, пока не полетит в неё, а тогда будет уже поздно.

Пятачок сказал, что это, конечно, очень хорошая Западня, но что, если дождик уже будет идти?

Пух опять почесал свой нос и сказал, что он об этом не подумал. Но тут же просиял и сказал, что, если дождь уже будет идти, Слонопотам может посмотреть на небо, чтобы узнать, скоро ли дождь перестанет, вот он опять и не заметит Очень Глубокой Ямы, пока не полетит в неё!.. А ведь тогда будет уже поздно.

Пятачок сказал, что теперь всё ясно и, по его мнению, это очень-очень Хитрая Западня.

Пух был весьма польщён, услышав это, и почувствовал, что Слонопотам уже всё равно что пойман.

— Но,— сказал он,— осталось обдумать только одно, а именно: где надо выкопать Очень Глубокую Яму?

Пятачок сказал, что лучше всего выкопать яму перед самым носом Слонопотама, как раз перед тем, как он в неё упадёт!

— Но ведь он тогда увидит, как мы её будем копать,— сказал Пух.

— Не увидит! Ведь он будет смотреть на небо!

— А вдруг он случайно посмотрит вниз? — сказал Пух.— Тогда он может обо всём догадаться...

Он долго размышлял, а потом грустно добавил:

— Да, это не так просто, как я думал. Наверно, поэтому Слонопотамы так редко попадают...

— Наверно, поэтому,— согласился Пятачок.

Они вздохнули и поднялись, а потом, вытащив друг из друга немножко колючек, опять сели, и всё это время Пух говорил себе: «Эх, эх, если бы только я умел *думать!*..» Винни в глубине души был уверен, что поймать Слонопотама можно, надо только, чтобы у охотника в голове был настоящий ум, а не опилки...

— Предположим,— сказал он Пятачку,— ты бы хотел поймать *меня*. Как бы ты за это взялся?

— Ну,— сказал Пятачок,— я бы вот как сделал: я бы сделал западню, и я бы поставил туда приманку — горшок мёду. Ты бы его учуял и полез бы за ним, и...

— Да, я бы полез за ним туда,— взволнованно сказал Пух,— только очень осторожно, чтобы не ушибиться, и я бы взял этот горшок с мёдом, и сперва я бы облизал только края, как будто там больше мёда нет, понимаешь, а там отошёл бы в сторону и по-

думал о нём немножко, а потом я бы вернулся и начал бы лизать с самой середины горшка, а потом...

— Ну ладно, успокойся, успокойся. Главное — ты был бы в ловушке, и я бы мог тебя поймать. Так вот, первым делом надо подумать о том, что любят Слонопотамы. По-моему, жёлуди, верно? У нас сейчас их очень много... Эй, Пух, очнись!

Пух, который тем временем совсем размялся о мёде, очнулся и даже подскочил и сказал, что мёд гораздо приманочней, чем жёлуди. Пятачок был другого мнения, и они чуть было не поспорили об этом; но Пятачок вовремя сообразил, что если они будут класть в ловушку жёлуди, то жёлуди придётся собирать ему, Пятачку, а если они положат туда мёд, то его достанет Пух. Поэтому он сказал: «Очень хорошо, значит, мёд!» — в тот самый момент, когда Пух тоже об этом подумал и собирался сказать: «Очень хорошо, значит, жёлуди».

— Значит, мёд,— повторил Пятачок для верности.— Я выкопаю яму, а ты сходишь за мёдом.

— Отлично,— сказал Пух и побрёл домой.

Придя домой, он подошёл к буфету, влез на стул и достал с верхней полки большой-пребольшой горшок мёду. На горшке было написано «*М и о т*», но, чтобы удостовериться окончательно, Винни-Пух снял с него бумажную крышку и заглянул внутрь. Там действительно был мёд.

— Но ручаться нельзя,— сказал Пух.— Я помню, мой дядя как-то говорил, что он однажды видел сыр точь-в-точь такого же цвета.

Винни сунул в горшок мордочку и как следует лизнул.

— Да,— сказал он,— это он. Сомневаться не приходится. Полный горшок мёду. Конечно, если только никто не положил туда на дно сыру — просто так, шутки ради. Может быть, мне лучше немного углубиться... на случай... На тот случай, если Слонопотамы не любят сыру... как и я... Ах! — И он глубоко вздохнул.— Нет, я не ошибся. Чистый мёд сверху донизу!

Окончательно убедившись в этом, Пух понёс горшок к западне, и Пятачок, выглянув из Очень Глубокой Ямы, спросил: «Принес?» А Пух сказал: «Да, но он не совсем полный». Пятачок заглянул в горшок и спросил: «Это всё, что у тебя осталось?» А Пух сказал: «Да», потому что это была правда.

И вот Пятачок поставил горшок на дно ямы, вылез оттуда, и они пошли домой.

— Ну, Пух, спокойной ночи,— сказал Пятачок, когда они подошли к дому Пуха.— А завтра утром в шесть часов мы встретимся у Сосен и посмотрим, сколько мы наловили Слонопотамов.

— До шести, Пятачок. А верёвка у тебя найдётся?

— Нет. А зачем тебе понадобилась верёвка?

— Чтобы отвести их домой.

— Ох... А я думал, Слонопотамы идут на свист.

— Некоторые идут, а некоторые нет. За Слонопотамов ругаться нельзя. Ну, спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

И Пятачок побежал рысцой к своему дому, возле которого была доска с надписью «Посторонним В.», а Винни-Пух лёг спать.

Спустя несколько часов, когда ночь уже потихоньку убиралась восвояси, Пух внезапно проснулся от какого-то щемящего чувства. У него уже бывало раньше это щемящее чувство, и он знал, что оно означает: ему хотелось есть.

Он поплёлся к буфету, влез на стул, пошарил на верхней полке и нашёл там пустоту.

«Это странно,— подумал он,— я же знаю, что у меня там был горшок мёду. Полный горшок, полный мёдом до самых краёв, и на нём было написано «*М и о т*», чтобы я не ошибся. Очень, очень странно».

И он начал расхаживать по комнате взад и вперёд, раздумывая, куда же мог деваться горшок, и ворча про себя песенку-ворчалку. Вот какую:

Куда мой мёд деваться мог?
Ведь был полнѣхонький горшок!
Он убежать никак не мог —
Ведь у него же нету ног!

Не мог уплыть он по реке
(Он без хвоста и плавников),
Не мог зарыться он в песке...
Не мог, а всё же — был таков!

Не мог уйти он в тёмный лес,
Не мог взлететь под небеса...
Не мог, а всё-таки исчез!
Ну, это прямо чудеса!

Он проворчал эту песню три раза и внезапно всё вспомнил. Он же поставил горшок в Хитрую Западню для Слонопотамов!

— Ай-ай-ай! — сказал Пух. — Вот что получается, когда чересчур заботаешься о Слонопотамах!

И он снова лёг в постель.

Но ему не спалось. Чем больше старался он уснуть, тем меньше у него получалось. Он попробовал считать овец — иногда это очень неплохой способ, — но это не помогало. Он попробовал считать Слонопотамов, но это оказалось ещё хуже, потому что каждый Слонопотам, которого он считал, сразу кидался на Пухова горшок с мёдом и всё съедал дочиста! Несколько минут Пух лежал и молча страдал, но когда пятьсот восемьдесят седьмой Слоно-

потам облизал свои клыки и прорычал: «Очень неплохой мёд, пожалуй, лучшего я никогда не пробовал», Пух не выдержал. Он скатился с кровати, выбежал из дому и помчался напрямик к Шести Соснам.

Солнце ещё нежилось в постели, но небо над Дремучим Лесом слегка светилось, как бы говоря, что солнышко уже просыпается и скоро вылезет из-под одеяла. В рассветных сумерках Сосны казались грустными и одинокими; Очень Глубокая Яма казалась ещё глубже, чем была, а горшок с мёдом, стоявший на дне, был совсем призрачным, словно тень. Но когда Пух подошёл поближе, нос сказал ему, что тут, конечно, мёд, и язычок Пуха вылез наружу и стал облизывать губы.

— Жалко-жалко,— сказал Пух, сунув нос в горшок,— Слонопотам почти всё съел!

Потом, подумав немножко, он добавил:

— Ах нет, это я сам. Я позабыл.

К счастью, оказалось, что он съел не всё. На самом доньшке горшка оставалось ещё немножко мёда, и Пух сунул голову в горшок и начал лизать и лизать...

Тем временем Пятачок тоже проснулся. Проснувшись, он сразу же сказал: «Ох». Потом, собравшись с духом, заявил: «Ну что же!.. Придётся»,— закончил он отважно. Но все поджилки у него тряслись, потому что в ушах у него гремело страшное слово — СЛОНОПОТАМ!

Какой он, этот Слонопотам?

Неужели очень злой?

Идёт ли он на свист? И если идёт, то зачем?..

Любит ли он поросят или нет?

И как он их любит?..

Если он ест поросят, то, может быть, он всё-таки не тронет поросёнка, у которого есть дедушка по имени Посторонний В.?

Бедный Пятачок не знал, как ответить на все эти вопросы. А ведь ему через какой-нибудь час предстояло впервые в жизни встретиться с настоящим Слонопотамом!

Может быть, лучше притвориться, что заболела голова, и не ходить к Шести Соснам? Но вдруг будет очень хорошая погода и никакого Слонопотам в западне не окажется, а он, Пятачок, зря проваляется всё утро в постели?

Что же делать?

И тут ему пришла в голову хитрая мысль. Он пойдёт сейчас потихоньку к Шести Соснам, очень осторожно заглянет в западню и посмотрит, есть там Слонопотам или нет. Если он там, то он, Пятачок, вернётся и ляжет в постель, а если нет, то он, конечно, не ляжет!..

И Пятачок пошёл. Сперва он думал, что, конечно, ника-

кого Слонопотама там не окажется; потом стал думать, что нет, наверно, окажется; когда же он подходил к западне, он был в этом совершенно уверен, потому что услышал, как тот слонопотамит вовсю!

— Ой-ой-ой! — сказал Пятачок. Ему очень захотелось убежать. Но он не мог. Раз он уже подошёл так близко, нужно хоть одним глазком глянуть на живого Слонопотама. И вот он осторожно подкрался сбоку к яме и заглянул туда...

А Винни-Пух всё никак не мог вытащить голову из горшка с мёдом. Чем больше он тряс головой, тем крепче сидел горшок.

Пух кричал: «Мама!», кричал: «Помогите!», кричал и просто: «Ай-ай-ай!», но всё это не помогало. Он пытался стукнуть горшком обо что-нибудь, но, так как он не видел, обо что он стучает, и это не помогало. Он пытался вылезти из западни, но, так как он не видел ничего, кроме горшка (да и тот не весь), и это не получалось.

Совсем измучившись, он поднял голову (вместе с горшком) и издал отчаянный, жалобный вопль...

И именно в этот момент Пятачок заглянул в яму.

— Караул! Караул! — закричал Пятачок. — Слонопотам, ужасный Слонопотам!!! — И он помчался прочь, так что только пятки засверкали, продолжая вопить: — Караул! Слонастый ужопотам! Караул! Потасный Слоноужам! Слоноул! Слоноул! Красный Потослонам!..

Он вопил и сверкал пятками, пока не добежал до дома Кристофера Робина.

— В чём дело, Пятачок? — сказал Кристофер Робин, натягивая штанишки.

— Ккк-карапот, — сказал Пятачок, который так запыхался, что едва мог выговорить слово. — Ужо... пото... Слонопотам!

— Где?

— Вон там, — сказал Пятачок, махнув лапкой.

— Какой он?

— У-у-ужасный! С вот такойловищей! Ну прямо, прямо... как... как не знаю что! Как горшок!

— Ну, — сказал Кристофер Робин, надевая ботинки, — я должен на него посмотреть. Пошли.

Конечно, вдвоём с Кристофером Робинем Пятачок ничего не боялся. И они пошли.

— Слышишь, слышишь? Это он! — сказал Пятачок испуганно, когда они подошли поближе.

— Что-то слышу, — сказал Кристофер Робин.

Они слышали стук. Это бедный Винни, наконец, наткнулся на какой-то корень и пытался разбить свой горшок.

— Стой, дальше нельзя! — сказал Пятачок, крепко стиснув руку Кристофера Робина. — Ой, как страшно!..

И вдруг Кристофер Робин покатился со смеху. Он хохотал и хохотал... хохотал и хохотал... И пока он хохотал, голова Слонопотама здорово ударилась о корень. Трах! — горшок разлетелся вдребезги. Бах! — и появилась голова Винни-Пуха.

И тут наконец Пятачок понял, каким он был глупым Пятачком. Ему стало так стыдно, что он стремглав помчался домой и лёг в постель с головной болью, и в это утро он почти окончательно решил убежать из дому и стать моряком.

А Кристофер Робин и Пух отправились завтракать.

— Мишка! — сказал Кристофер Робин. — Я тебя ужасно люблю!

— А я-то! — сказал Винни-Пух.

Глава шестая,

В КОТОРОЙ У ИА-ИА БЫЛ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ, А ПЯТАЧОК ЧУТЬ-ЧУТЬ НЕ УЛЕТЕЛ НА ЛУНУ

Иа-Иа — старый серый ослик — однажды стоял на берегу ручья и понуро смотрел в воду на своё отражение.

— Душераздирающее зрелище, — сказал он наконец. — Вот как это называется — душераздирающее зрелище.

Он повернулся и медленно побрёл вдоль берега вниз по течению. Пройдя метров двадцать, он перешёл ручей вброд и так же медленно побрёл обратно по другому берегу. Напротив того места, где он стоял сначала, Иа остановился и посмотрел в воду.

— Я так и думал, — вздохнул он. — С этой стороны ничуть не лучше. Но всем наплевать. Никому нет дела. Душераздирающее зрелище — вот как это называется!

Тут сзади него в ольшанике раздался треск, и появился Винни-Пух.

— Доброе утро, Иа! — сказал Пух.

— Доброе утро, медвежонок Пух, — уныло ответил Иа. — Если это утро доброе. В чём я лично сомневаюсь.

— Почему? Что случилось?

— Ничего, медвежонок Пух, ничего особенного. Все же не могут. А некоторым и не приходится. Тут ничего не напишешь.

— Чего все не могут? — переспросил Пух, потеряв нос.

— Веселиться. Петь, плясать и так далее. Под ореховым кустом.

— А-а, понятно... — сказал Пух. Он глубоко задумался, а потом спросил: — Под каким ореховым кустом?

— Под которым орешки калёные, — уныло продолжал Иа-Иа. — Хоровод, веселье и тому подобное. Я не жалею, но так оно и есть.

Пух уселся на большой камень и попытался что-нибудь понять. Получилось что-то вроде загадки, а Пух был слабоват по части загадок, поскольку в голове у него были опилки. И он на всякий случай запел загадочную песенку:

ПРО СОРОК ПЯТОК

— Вопрос мой прост и краток,—
Промолвил Носорог,—
Что лучше — сорок пяток
Или пяток сорок? —
Увы, никто на это
Ответа
Дать не мог!

— Вот-вот, правильно,— сказал Иа-Иа.— Пой, пой. Трум-тум-тум-тирим-бум-бум. В лесу родилась палочка, в лесу она росла. И много-много радости детишкам принесла. Веселись и развлекайся.

— Я веселюсь,— сказал Пух.

— Кое-кому удаётся,— сказал Иа-Иа.

— Да что такое случилось? — спросил Пух.

— А разве что-нибудь случилось?

— Нет, но у тебя такой грустный вид.

— Грустный? Отчего это мне быть грустным? Сегодня же мой день рождения. Самый лучший день в году!

— Твой день рождения? — спросил Пух, ужасно удивлённый.

— Конечно. Разве ты не замечаешь? Посмотри на все эти подарки.— Иа-Иа помахал передней ногой из стороны в сторону.— Посмотри на именинный пирог!

Пух посмотрел — сначала направо, потом налево.

— Подарки? — сказал он.— Именинный пирог? Где?

— Разве ты их не видишь?

— Нет,— сказал Пух.

— Я тоже,— сказал Иа-Иа.— Это шутка,— объяснил он.— Ха-ха.

Пух почесал в затылке, совсем сбитый с толку.

— А сегодня правда твой день рождения? — спросил он.

— Правда.

— Ох! Ну, поздравляю тебя и желаю много-много счастья в этот день.

— И я тебя поздравляю и желаю много-много счастья в этот день, медвежонок Пух.

— Но ведь сегодня не мой день рождения.

— Нет, не твой, а мой.

— А ты говоришь «желаю тебе счастья в этот день».

— Ну и что же? Разве ты хочешь быть несчастным в мой день рождения?

— А, понятно,— сказал Пух.

— Хватит и того,— сказал Иа-Иа, чуть не плача,— хватит и того, что я сам такой несчастный — без подарков и без именинного пирога, и вообще позабытый и заброшенный, а уж если все остальные будут несчастны...

Этого Винни-Пух уже не вынес.

— Постой тут! — крикнул он и со всех ног помчался домой. Он почувствовал, что должен немедленно преподнести бедному ослику хоть что-нибудь, а потом у него всегда будет время подумать о Настоящем Подарке.

Возле своего дома он наткнулся на Пятачка, который прыгал у двери, стараясь достать кнопку звонка.

— Здравствуй, Пятачок,— сказал Винни-Пух.

— Здравствуй, Винни,— сказал Пятачок.

— Что это ты делаешь?

— Я стараюсь позвонить,— объяснил Пятачок.— Я тут шёл мимо и...

— Давай я тебе помогу,— сказал Пух услужливо. Он подошёл к двери и нажал кнопку.— А я только что видел Иа,— начал он.— Бедный ослик ужасно расстроен, потому что у него сегодня день рождения, а все о нём забыли, и он очень понурился — ты ведь знаешь, как он умеет,— ну и вот он такой понурый, а я... Да что же это нам никто не открывает — заснули они все там, что ли? — И Пух снова позвонил.

— Пух,— сказал Пятачок.— Это же твой собственный дом!

— А-а,— сказал Пух.— Ну да, верно! Тогда давай войдём!

И они вошли в дом.

Пух первым делом подошёл к буфету, чтобы удостовериться, есть ли у него подходящий, не особенно большой горшочек с мёдом. Горшочек оказался на месте, и Пух снял его с полки.

— Я его отнесу Иа,— объяснил он.— В подарок. А ты что ему думаешь подарить?

— А можно, я тоже его подарю? — спросил Пятачок.— Как будто от нас обоих.

— Нет,— сказал Пух.— Это ты плохо придумал.

— Ну, тогда ладно. Я подарю Иа воздушный шарик. У меня остался один от праздника. Я сейчас за ним схожу, хорошо?

— Вот это ты очень хорошо придумал, Пятачок! Ведь Иа нужно развеселить. А с воздушным шариком кто хочешь развеселится! Никто не может грустить, когда у него есть воздушный шарик!

Ну, и Пятачок пустился рысцой домой, а Пух с горшочком мёду направился к ручью.

День был жаркий, а путь неблизкий, и, не пройдя и пол-

пути, Пух вдруг почувствовал какое-то странное щекотание. Сначала у него защекало в носу, потом в горле, а потом засосало под ложечкой и так постепенно дошло до самых пяток. Казалось, словно кто-то внутри у него говорил: «Знаешь, Пух, сейчас самое время чем-нибудь немножко...»

— Ай-ай,— сказал Пух,— я и не знал, что уже так поздно!

Он сел на землю и снял крышку со своего горшка.

— Как хорошо, что я взял его с собой,— сказал он.— Немало медведей в такой жаркий день и не подумали бы захватить с собой то, чем можно немножко подкрепиться!..

— А теперь подумаем,— сказал он, в последний раз облизав доньшко горшка,— подумаем, куда же это я собирался идти. Ах да, к Иа.

Винни-Пух не спеша встал. И тут он вдруг всё вспомнил. Он же съел Подарок!

— Ай-ай-ай! — сказал Пух.— Что мне делать? Я же должен подарить ему что-нибудь! Ай-ай-ай-ай!

Сперва он прямо не знал, что и думать. А потом он подумал: «Всё-таки это очень хорошенький горшочек, хотя в нём и нет мёду. Если я его как следует вымою и попрошу кого-нибудь написать на нём: «Поздравляю с днём рождения», Иа сможет держать в нём всё что хочешь. Это будет полезная вещь!»

И так как он в это время был недалеко от Дома Совы — а все в Лесу были уверены, что Сова прекрасно умеет писать,— он решил зайти к ней в гости.

— Доброе утро, Сова! — сказал Пух.

— Доброе утро, Пух! — ответила Сова.

— Поздравляю тебя с днём рождения Иа-Иа,— сказал Пух.

— Вот как? — удивилась Сова.

— Да. А что ты ему думаешь подарить?

— А ты что думаешь ему подарить?

— Я несу ему в подарок Полезный Горшок, в котором можно держать всё что хочешь,— сказал Пух.— И я хотел попросить тебя...

— Вот этот? — спросила Сова, взяв горшок из лапок Пуха.

— Да, и я хотел попросить тебя...

— Тут когда-то держали мёд,— сказала Сова.

— В нём можно что хочешь держать,— серьёзно сказал Пух.— Это очень, очень полезная вещь. И я хотел попросить тебя...

— Ты бы написал на нём: «Поздравляю с днём рождения».

— Так вот об этом я и пришёл тебя попросить! — объяснил наконец Пух.— Потому что у меня правильнописание какое-то хромое. Вообще-то оно хорошее правильнописание, но только почему-то хромает и буквы опаздывают... на свои места. Ты напишешь на нём: «Поздравляю с днём рождения»? Очень тебя прошу!

— Славный горшочек, — сказала Сова, оглядев горшок со всех сторон. — А можно, я его тоже подарю? Пусть это будет наш общий подарок.

— Нет, — сказал Пух. — Это ты плоховато придумала. Давай я лучше его сперва помою, а потом ты на нём всё напишешь.

И вот он вымыл горшок и вытер его досуха, а Сова тем временем мусолила кончик своего карандаша и думала, как же пишется слово «Поздравляю».

— Пух, а ты умеешь читать? — спросила она не без тревоги в голосе. — Вот, например, у меня на двери висит объявление, как звонить, — это мне Кристофер Робин написал. Ты можешь его прочесть?

— Кристофер Робин сказал мне, что там написано, и тогда я уж смог, — ответил Пух.

— Очень хорошо! Вот и я тоже скажу тебе, что тут на горшке будет написано, и тогда ты сможешь прочитать!

И Сова начала писать... Вот что она написала:

«Про зря вля бя сдине мраш деня про зря бя бя вля!»

Пух с восхищением посмотрел на эту надпись.

— Я тут написала: «Поздравляю с днём рождения», — небрежно заметила Сова.

— Вот это надпись так надпись! — с уважением сказал Винни-Пух.

— Ну, если уж всё тебе сказать, тут написано полностью так: «Поздравляю с днём рождения, желаю всего-всего хорошего. Твой Пух». Я не посчиталась с расходом графита.

— Чего? — спросил Пух.

— Тут одного карандаша сколько пошло! — пояснила Сова.

— Ещё бы! — сказал Пух.

Тем временем Пятачок успел сбегать к себе домой и, захватив воздушный шарик для Иа-Иа, понёсся во весь дух, крепко прижимая воздушный шар к груди, чтобы его не унесло ветром. Пятачок ужасно спешил, чтобы поспеть к Иа-Иа раньше Пуха; ему хотелось первым преподнести ослику подарок, как будто он, Пятачок, сам вспомнил про его день рождения, без всякой подсказки. Он так спешил и так задумался о том, как Иа-Иа обрадуется подарку, что совсем не глядел себе под ноги... И вдруг его нога попала в мышиную норку, и бедный Пятачок полетел носом вниз:

Б У М!!!

Пятачок лежал на земле, не понимая, что же произошло. Сперва он подумал, что весь мир взлетел на воздух, потом он подумал, что, может быть, только их любимый Лес; ещё потом — что, может быть, только он, Пятачок, взлетел и сейчас он один-одинёшенек лежит где-нибудь на Луне и никогда-никогда не уви-

дит больше ни Пуха, ни Кристофера Робина, ни Иа... И тут ему пришло в голову, что даже и на Луне не обязательно всё время лежать носом вниз. Он осторожно встал, осмотрелся кругом.

Он всё ещё был в Лесу!

«Очень интересно! — подумал он. — Интересно, что же это был за Бум? Не мог же я сам наделать столько шума, когда упал! И где, интересно, мой шар? И откуда, интересно, взялась тут эта тряпочка?»

О ужас! Эта тряпочка — это и был, именно был! — его воздушный шар!!

— Ой, мама! — сказал Пятачок. — Ой, мама, ой, мамочка, ой, мама, мама, мама! Ну что ж... Теперь делать нечего. Возвращаться назад нельзя. Другого шара у меня нет... Может быть, Иа-Иа не так уж любит воздушные шары?..

И он побежал дальше. По правде сказать, бежал он уже не очень весело, но всё же скоро он добежал до того самого места, где стоял Иа-Иа и по-прежнему смотрел на своё отражение в воде.

— Доброе утро, Иа! — крикнул Пятачок ещё издали.

— Доброе утро, маленький Пятачок, — сказал Иа-Иа. — Если это утро — доброе, — добавил он, — в чём я лично сомневаюсь. Но это неважно.

— Поздравляю тебя с днём рождения, — сказал Пятачок, подойдя тем временем поближе.

Иа оторвался от своего занятия и уставился на Пятачка.

— Повтори-ка, повтори, — сказал он.

— Поздрав...

— Минуточку...

С трудом держась на трёх ногах, Иа стал осторожно поднимать четвёртую ногу к уху.

— Я вчера этому научился, — пояснил он, упав в третий раз. — Это очень просто, а главное, я так лучше слышу. Ну вот, всё в порядке. Так как ты сказал, повтори, — произнёс он, с помощью копыта наставив ухо вперёд.

— Поздравляю с днём рождения, — повторил Пятачок.

— Это ты меня?

— Конечно, Иа-Иа.

— С моим днём рождения?

— Да.

— Значит, у меня настоящий день рождения?

— Конечно, Иа, и я принёс тебе подарок.

Иа-Иа медленно опустил правую ногу и с немалым трудом поднял левую.

— Я хочу послушать ещё другим ухом, — пояснил он. — Теперь говори.

— По-да-рок! — повторил Пятачок очень громко.

— Мне?

— Да.

— К дню рождения?

— Конечно!

— Значит, у меня получается настоящий день рождения?

— Конечно! И я принёс тебе воздушный шар.

— Воздушный шар? — сказал Иа-Иа. — Ты сказал — воздушный шар? Это такие большие, красивые, яркие, их ещё надувают? Песни-пляски, гоп-гоп-гоп и тру-ля-ля?

— Ну да, но только... понимаешь... я очень огорчён... понимаешь... когда я бежал, чтобы поскорее принести тебе его, я упал.

— Ай-ай, как жаль! Ты, наверно, слишком быстро бежал. Я надеюсь, ты не ушибся, маленький Пятачок?

— Нет, спасибо, но он... он... Ох, Иа, он лопнул. Наступило очень долгое молчание.

— Мой шарик? — наконец спросил Иа-Иа.

Пятачок кивнул.

— Мой деньрожденный подарок?

— Да, Иа, — сказал Пятачок, слегка хлюпая носом. — Вот он. Поздравляю тебя с днём рождения.

И он подал Иа-Иа резиновую тряпочку.

— Это он? — спросил Иа, очень удивлённый.

Пятачок кивнул.

— Мой подарок?

Пятачок снова кивнул.

— Шарик?

— Да.

— Спасибо, Пятачок, — сказал Иа. — Извини, пожалуйста, — продолжал он, — но я хотел бы спросить, какого цвета он был, когда... когда он был шариком?

— Красного.

«Подумать только! Красного... Мой любимый цвет», — проормотал Иа-Иа про себя.

— А какого размера?

— Почти с меня.

— Да? Подумать только, почти с тебя!.. Мой любимый размер! — грустно сказал Иа-Иа себе под нос. — Так, так.

Пятачок чувствовал себя очень неважно и прямо не знал, что говорить. Он то и дело открывал рот, собираясь что-нибудь сказать, но тут же решал, что именно этого говорить-то и не стоит. И вдруг, на его счастье, с того берега ручья их кто-то окликнул. То был Пух.

— Желаю много-много счастья! — кричал Пух, очевидно забыв, что он уже это говорил.

— Спасибо, Пух, мне уже посчастливилось, — уныло ответил Иа-Иа.

— Я принёс тебе подарочек,— продолжал Пух радостно.

— Есть у меня подарочек,— отвечал Иа-Иа.

Тем временем Пух перебрался через ручей и подошёл к Иа-Иа. Пятачок сидел немного поодаль, хлюпая носом.

— Вот он,— объявил Пух.— Это — Очень Полезный Горшок. А на нём знаешь чего написано? «Поздравляю с днём рождения, желаю всего-всего хорошего. Твой Пух». Вот сколько всего написано! И в него можно класть что хочешь. Держи.

Иа-Иа, увидев горшок, очень оживился.

— Вот это да! — закричал он.— Знаете что? Мой шарик как раз войдёт в этот горшок!

— Что ты, что ты, Иа,— сказал Пух.— Воздушные шары не входят в горшки. Они слишком большие. Ты с ними не умеешь обращаться. Нужно вот как: возьми шарик за верё...

— Это другие шары не входят, а мой входит,— с гордостью сказал Иа-Иа.— Гляди, Пятачок!

Пятачок грустно оглянулся, а Иа-Иа схватил свой бывший шарик зубами и осторожно положил его в горшок, потом он достал его и положил на землю, а потом поднял и осторожно положил обратно.

— Выходит! — закричал Пух.— Я хочу сказать, он входит!

— Входит! — закричал Пятачок.— И выходит!

— Здорово выходит! — закричал Иа-Иа.— Входит и выходит — прямо замечательно!

— Мне очень приятно,— радостно сказал Пух,— что я догадался подарить тебе Полезный Горшок, куда можно класть какие хочешь вещи!

— А мне очень приятно,— радостно сказал Пятачок,— что я догадался подарить тебе такую Вещь, которую можно класть в этот Полезный Горшок!

Но Иа-Иа ничего не слышал. Ему было не до того: он то клал свой шар в горшок, то вынимал его обратно, и видно было, что он совершенно счастлив!

Глава седьмая,

В КОТОРОЙ КЕНГА И КРОШКА РУ ПОЯВЛЯЮТСЯ В ЛЕСУ, А ПЯТАЧОК ПРИНИМАЕТ ВАННУ

Никто не знал, откуда они взялись, но вдруг они очутились тут, в Лесу: мама Кенга и Крошка Ру. Пух спросил у Кристофера Робина: «Как они сюда попали?» А Кристофер Робин ответил: «Обычным путём. Понятно, что это значит?» Пух, которому было непонятно, сказал: «Угу». Потом он два раза кивнул головой и

сказал: «Обычным путём. Угу. Угу». И отправился в гости к своему другу Пятачку узнать, что он об этом думает. У Пятачка был в гостях Кролик. И они принялись обсуждать вопрос втроём.

— Мне вот что не нравится,— сказал Кролик,— вот мы тут живём — ты, Пух, и ты, Поросёнок, и я,— и вдруг...

— И ещё Иа,— сказал Пух.

— И ещё Иа,— вдруг...

— И ещё Сова,— сказал Пух.

— И ещё Сова,— и вдруг ни с того ни с сего...

— Да, да, и ещё Иа,— сказал Пух,— я про него чуть было не позабыл!

— *Вот мы тут живём*,— сказал Кролик очень медленно и громко,— *все мы*, и вдруг ни с того ни с сего мы однажды утром просыпаемся и что мы видим? Мы видим какое-то *незнакомое животное*! Животное, о котором мы никогда и не слышали раньше! Животное, которое носит своих детей в кармане! Предположим, что я стал бы носить своих детей с собой в кармане, сколько бы мне понадобилось для этого карманов?

— Шестнадцать,— сказал Пятачок.

— Семнадцать, кажется... Да, да,— сказал Кролик,— и ещё один для носового платка,— итого восемнадцать. Восемнадцать карманов в одном костюме! Я бы просто запутался!

Тут все замолчали и стали думать про карманы.

После длинной паузы Пух, который несколько минут ужасно морщил лоб, сказал:

— По-моему, их пятнадцать.

— Чего, чего? — спросил Кролик.

— Пятнадцать.

— Пятнадцать чего?

— Твоих детей.

— А что с ними случилось?

Пух потёр нос и сказал, что ему казалось, Кролик говорил о своих детях.

— Разве? — небрежно сказал Кролик.

— Да, ты сказал...

— Ладно, Пух, забудем это,— нетерпеливо перебил его Пятачок.— Вопрос вот в чём: что мы должны сделать с Кенгой?

— А-а, понятно,— сказал Пух.

— Самое лучшее,— сказал Кролик,— будет вот что. Самое лучшее — украсть Крошку Ру и спрятать его, а потом, когда Кенга скажет: «Где же Крошка Ру?» — мы скажем: «А Г А!»

— А Г А! — сказал Пух, решив поупражняться.— А Г А! А Г А!

— По-моему,— заметил он немного погодя,— мы можем сказать «А Г А», даже если мы не украдём Крошку Ру.

— Пух,— сказал Кролик покровительственным тоном,— действительно у тебя в голове одни опилки!

— Я знаю,— скромно сказал Пух.

— Мы скажем «А Г А» так, чтобы Кенга поняла, что мы знаем, где Крошка Ру. Такое «А Г А» означает: «Мы тебе скажем, где спрятан Крошка Ру, если ты обещаешь уйти из нашего Леса и никогда не возвращаться». А теперь помолчите — я буду думать!

Пух ушёл в уголок и стал учиться говорить такое «А Г А». Иногда ему казалось, что у него получается такое «А Г А», о каком говорил Кролик, а иногда казалось, что нет.

«Наверно, тут всё дело в упражнении,— думал он.— Интересно, понадобится ли Кенге тоже столько упражняться, чтобы нас понять?»

— Я вот что хотел спросить,— сказал Пятачок, немного помявшись,— я говорил с Кристофером Робинем, и он мне сказал, что Кенга, вообще говоря, считается Одним из Самых Свирых Зверей. Я вообще-то не боюсь простых свирепых зверей, но всем известно, что если Один Самый Свиры Зверь лишится своего детёныша, он становится таким свирепым, как Два Самых Свирых Зверя. А уж тогда, пожалуй, говорить «А Г А» довольно глупо.

— Пятачок,— сказал Кролик, достав карандаш и облизав его кончик,— ты ужасный трусишка.

Пятачок слегка хлюпнул носом.

— Трудно быть храбрым,— сказал он,— когда ты всего лишь Очень Маленькое Существо.

Кролик, который тем временем начал что-то писать, на секунду поднял глаза и сказал:

— Именно потому, что ты Очень Маленькое Существо, ты будешь очень полезен в предстоящем нам приключении.

Пятачок пришёл в такой восторг при мысли о том, что он будет *полезным*, что даже позабыл о своих страхах. А когда Кролик сказал, что Кенги бывают свирепыми только в зимние месяцы, а всё остальное время они в добродушном настроении, Пятачок едва мог усидеть на месте — так ему захотелось сразу же стать полезным.

— А как же я? — грустно сказал Пух.— Значит, я не буду полезным?

— Не огорчайся, Пух,— поспешил утешить его великодушный Пятачок.— Может быть, как-нибудь в другой раз...

— Без Винни-Пуха,— торжественно произнёс Кролик, начиная чинить карандаш,— всё предприятие будет невозможным.

— О-о! — сказал Пятачок, стараясь не показать своего разочарования.

Пух опять скромно удалился в угол. Но про себя он гордо сказал: «Без меня всё невозможно! Ай да медведь!»

— Ну, теперь все слушайте! — сказал Кролик, кончив писать.

Пух и Пятачок сели и приготовились слушать — они даже раскрыли рты.

Вот что прочёл Кролик:

П Л А Н П О Х И Щ Е Н И Я К Р О Ш К И Р У

1. В о - п е р в ы х. Кенга бежит быстрее всех нас, даже быстрее меня.
2. Е щ ё в о - п е р в ы х. Кенга никогда-никогда не сводит глаз с Крошки Ру, если он не застёгнут у неё в кармашке на все пуговицы.
3. З н а ч и т, если мы хотим похитить Крошку Ру, нам надо выиграть время, потому что Кенга бежит быстрее всех нас, даже быстрее меня (см. пункт 1).
4. И д е я. Если Ру выскочит из кармашка Кенги, а Пятачок туда вскочит, Кенга не заметит разницы, потому что Пятачок — Очень Маленькое Существо.
5. Как и Крошка Ру.
6. Но Кенга должна обязательно смотреть в другую сторону, чтобы не заметить, как Пятачок вскочит в карман.
7. Смотри пункт 2.
8. Е щ ё о д н а и д е я. Вот если Пух будет говорить с ней очень вдохновенно, она может на минутку отвернуться.
9. И тогда я могу убежать с Крошкой Ру.
10. Очень быстро.
11. И Кенга сначала ничего не заметит, а заметит всё только потом.

Ну, Кролик с гордостью прочитал всё это вслух, и после этого некоторое время никто ничего не говорил. Наконец Пятачок, который всё время то открывал, то закрывал рот, не издавая при этом ни звука, сумел выговорить очень хриплым голосом:

— А потом?

— Что ты хочешь сказать?

— Когда Кенга заметит, что это не Ру?

— Тогда мы все скажем: «А Г А».

— Все трое?

— Да.

— Правда?

— Да что тебя беспокоит, Пятачок?

— Ничего, — сказал Пятачок. — Если мы все трое скажем

«А Г А», тогда всё в порядке. Если мы все трое скажем «А Г А», — сказал Пятачок, — я не возражаю, но я бы не хотел говорить «А Г А» сам, один. А то оно, это «А Г А», очень плохо получится... Кстати, — продолжал он, — ты *вполне* уверен в том, что ты говорил насчёт зимних месяцев?

— Насчёт зимних месяцев?

— Ну, насчёт свирепости только в зимние месяцы.

— А-а. Да, да, всё правильно. Ну, Пух, ты понял, что ты должен делать?

— Нет, — сказал медвежонок Пух. — Не совсем. А что я должен делать?

— Ну, всё время говорить и говорить с Кенгой, чтобы она ничего не замечала.

— Ох! А о чём?

— О чём хочешь.

— А может быть, почитать ей стихи или что-нибудь в этом роде?

— Вот именно, — сказал Кролик. — Блестяще. А теперь пошли.

И все они отправились искать Кенгу.

Кенга и Ру мирно проводили послеобеденное время у большой ямы с песком. Крошка Ру упражнялся в прыжках в высоту и в длину и даже в глубину — учился падать в мышиные норы и вылезать из них, а Кенга волновалась и поминутно приговаривала: «Ну, дорогой мой, ещё один раз прыгни, и домой». И в этот момент на холме появился не кто иной, как Пух.

— Добрый день, Кенга, — сказал он.

— Добрый день, Пух.

— Смотри, как я прыгаю! — пропищал Крошка Ру и упал в очередную мышиную нору.

— Привет, Ру, малыш!

— Мы как раз собираемся домой... — сказала Кенга. — Добрый день, Кролик. Добрый день, Пятачок.

Кролик и Пятачок, которые тем временем показались с другой стороны холма, тоже сказали «добрый день» и «привет, Ру», а Крошка Ру пригласил их посмотреть, как он прыгает...

Они стояли и смотрели. И Кенга смотрела — смотрела во все глаза...

— Послушай, Кенга, — сказал Пух после того, как Кролик подмигнул ему второй раз, — интересно, ты любишь стихи?

— Не особенно, — сказала Кенга.

— А-а, — сказал Пух.

— Ру, дорогой мой, ещё один раз прыгни, и нам пора домой!

Наступило недолгое молчание. Крошка Ру свалился в очередную мышиную нору.

— Ну, давай, давай! — громко прошипел Кролик, прикрывая рот лапкой.

— Кстати, о стихах,— продолжал Пух.— Я как раз сочинил небольшой стишок по дороге. Примерно такой. М-м-м... Минуточку...

— Очень интересно,— сказала Кенга.— А теперь, маленький мой Ру...

— Тебе понравится этот стишок,— сказал Кролик.

— Ты его полюбишь,— пропищал Пятачок.

— Только слушай очень-очень внимательно,— сказал Кролик.

— Ничего не пропусти смотри,— пискнул Пятачок.

— Да, да,— сказала Кенга. Но, увы, она не сводила глаз с Крошки Ру.

— Так как там говорится, Пух? — спросил Кролик.

Пух слегка откашлялся и начал:

СТРОКИ, СОЧИНЕННЫЕ МЕДВЕДЕМ
С ОПИЛКАМИ В ГОЛОВЕ

На днях, не знаю сам зачем,
Зашёл я в незнакомый дом,
Мне хотелось Кое с Кем
Потолковать о Том о Сём.

Я рассказал им, Кто, Когда,
И Почему, и Отчего,
Сказал Откуда и Куда,
И Как, и Где, и Для Чего;

Что было Раньше, что Потом,
И Кто Кого, и Что к Чему,
И что подумали о Том,
И Если Нет, То Почему?

Когда мне не хватало слов,
Я добавлял то «Ах», то «Эх»,
И «Так сказать», и «Будь здоров»,
И «Ну и ну!», и «Просто смех!».

Когда ж закончил я рассказ,
Спросили: — Как, и это всё!..
Ты говорил тут целый час,
А рассказал ни то ни сё!..
Тогда...

— Очень, очень мило,— сказала Кенга, не ожидая расказа о том, что произошло тогда.— Ну, самый, самый последний раз прыгни, Ру, дорогой мой, и мы пойдём домой!

Кролик подтолкнул Пуха локтем в бок.

— Кстати, о стихах,— поспешно сказал Пух.— Ты когда-нибудь обращала внимание на вон то дерево, во-он там?

— Где?..— сказала Кенга.— Ну, дорогой малыш...

— Во-он там, впереди,— сказал Пух, показывая за спину Кенги.

— Нет!..— сказала Кенга.— Ну, Ру, дорогой мой, прыгай в карман, и пошли домой!

— Нет, ты обязательно посмотри на вон то дерево, во-он там,— сказал Кролик.— Ру, хочешь, я тебя подниму? — И он взял Крошку Ру в лапы.

— А на вон том дереве птичка сидит,— сказал Пух.— А может, это и рыбка.

— Конечно, там птичка сидит,— сказал Кролик,— если только это не рыбка.

— Это не рыбка, это птичка,— пискнул Пятачок.

— Так оно и есть,— сказал Кролик.

— Интересно, это скворушка или дрозд? — сказал Пух.

— В этом весь вопрос,— сказал Кролик.— Дрозд это или скворушка?

И тут наконец Кенга повернулась и посмотрела на вон то дерево.

И в тот момент, когда она отвернулась, Кролик громким голосом сказал:

— Ру, на место!

И на место — в карман Кенги — вскочил Пятачок, а Кролик крепко обхватил Ру и помчался прочь что было духу.

— Куда это Кролик девался?..— спросила Кенга, снова повернув голову.— Ну как, дорогой малыш, всё в порядке?

Пятачок со дна кармана Кенги что-то пискнул — точь-в-точь как Ру.

— Кролику пришлось уйти,— сказал Пух,— он, наверно, вспомнил о каком-то важном деле. Вдруг.

— А Пятачок?

— Наверно, Пятачок тоже о чём-нибудь вспомнил. Вдруг.

— Ну ладно, мы пошли домой,— сказала Кенга.— Всего доброго, Пух!

Три огромных скачка — и она исчезла из виду.

Пух посмотрел ей вслед.

«Хотел бы я так прыгать! — подумал он.— Почему это одни умеют, а другие нет? Очень, очень обидно!»

Кенга, спору нет, отлично умела прыгать, но Пятачку минутами, по правде говоря, хотелось, чтобы Кенга не умела. Бывало,

возвращаясь домой из дальней прогулки по Лесу, Пятачок мечтал стать птичкой и уметь летать, но теперь, когда он болтался на дне кармана Кенги, в голове у него прыгали такие мысли:

называется это
это летать, на не
то никогда соглашусь!»
«Если я
— Уууууу! — говорил он, взмывая в воздух, а спускаясь вниз, он говорил: — Ух!..

И ему пришлось повторять «Ууууууу — ух!», «Ууууууу — ух!», «Ууууууу — ух!» всю дорогу — до самого дома Кенги.

Конечно, дома, как только Кенга расстегнула свой карман, она заметила, что произошло. В первую секунду она чуть было не испугалась, но сразу поняла, что пугаться нечего — ведь она была вполне уверена, что Кристофер Робин никому не позволит обидеть Крошку Ру.

«Хорошо, — сказала она про себя, — раз они решили разыгрывать меня, я их сама разыграю».

— Ну, Ру, дорогой мой, — сказала она, вытащив поросёнка из кармана, — пора укладываться спать.

— Ага! — сказал Пятачок, стараясь произнести это слово как можно лучше. Но, увы, после такого ужасного путешествия «ага» получилось не очень хорошее, и Кенга, по-видимому, не поняла, что оно означает.

— Сперва купаться, — весело сказала Кенга.

— Ага! — повторил Пятачок, тревожно оглядываясь в поисках остальных.

Но остальных не было. Кролик сидел дома и играл с Крошкой Ру, чувствуя, что с каждой минутой всё больше и больше его любит, а Пух, который решил попробовать стать Кенгой, всё ещё учился прыгать в той же ямке с песком.

— Не знаю, — сказала Кенга очень задумчивым голосом, — может быть, тебе лучше сегодня принять холодную ванну? Как ты думаешь, Ру, милый?

Пятачок, который никогда особенно не любил купаться, задрожал от возмущения и сказал самым мужественным голосом, каким только мог:

— Кенга! Я вижу, что пришло время поговорить начистоту.

— До чего же ты смешной глупыш, Ру, — сказала Кенга, наливая воду в ванну.

— Я не Ру, — громко сказал Пятачок. — Я Пятачок!

— Да, милый, да, — сказала Кенга ласково. — Никто с тобой не спорит!.. И голосу Пятачка подражает, какой умница! — пробормотала она, доставая с полки большой кусок жёлтого мыла. — Ну, что ты у меня ещё придумаешь?

— Ты что, не видишь? — закричал Пятачок. — Глаз у тебя, что ли, нет? Погляди на меня!

— Я-то гляжу, маленький мой Ру, — сказала Кенга довольно строго. — А вот ты помнишь, что я тебе вчера говорила про гримасы? Если ты будешь строить такие гримасы, как Пятачок, то, когда вырастешь, станешь похож на Пятачка, и ты тогда об этом очень-очень пожалеешь. А теперь — марш в ванну и не заставляй меня повторять это ещё раз!

И, не успев опомниться, Пятачок оказался в ванне, и Кенга принялась изо всех сил тереть его большой лохматой мочалкой.

— Ой! — пищал Пятачок. — Отпусти меня! Я же Пятачок!

— Не открывай рот, дорогой, а то в него попадёт мыло, — сказала Кенга. — Ну вот! Что я тебе говорила?

— Ты-ты-ты, ты это нарочно сделала, — булькнул было Пятачок, как только смог снова заговорить...

Но тут во рту у него оказалась мочалка.

— Вот так хорошо, милый, помалкивай, — сказала Кенга.

В следующее мгновение Пятачок был извлечён из ванны и крепко-накрепко вытерт мохнатым полотенцем.

— Ну, — сказала Кенга, — а теперь прими лекарство — и в постель.

— К-к-какое ле-ле-карство? — пролепетал Пятачок.

— Рыбий жир, чтобы ты вырос большим и сильным, милый. Ты же не хочешь быть таким маленьким и слабеньким, как Пятачок, правда? Ну, так вот.

В этот момент кто-то постучал в дверь.

— Войдите, — сказала Кенга.

И вошёл Кристофер Робин.

— Кристофер Робин, Кристофер Робин! — рыдал Пятачок. — Скажи Кенге, кто я. Она всё время говорит, что я Ру! А я ведь не Ру, правда?

Кристофер Робин осмотрел его очень тщательно и покачал головой.

— Конечно, ты не Ру, — сказал он, — потому что я только что видел Ру в гостях у Кролика. Они там играют.

— Ну и ну! — сказала Кенга. — Подумать только! Как это я могла так обознаться!

— Ага, ага! Вот видишь! — сказал Пятачок. — Что я тебе говорил? Я Пятачок!

Кристофер Робин снова покачал головой.

— Нет, ты не Пятачок, — сказал он. — Я хорошо знаю Пятачка, и он совершенно другого цвета.

«Это потому, что я только сию минуту принял ванну», — хотел сказать Пятачок, но успел сообразить, что, пожалуй, говорить этого не стоит. Едва он открыл рот, собираясь сказать что-то совсем другое, Кенга живо всунула ему в рот ложку с лекарством

и похлопала его по спине и сказала ему, что рыбий жир очень, очень вкусный, когда к нему как следует привыкнешь.

— Я знала, что это не Пятачок,— сказала Кенга потом.— Интересно, кто это всё же может быть?

— Может быть, какой-нибудь родственник Пуха? — сказал Кристофер Робин.— Скажем, племянник, или дядя, или что-нибудь в этом духе?

— Вероятно, вероятно,— согласилась Кенга.— Только нам надо придумать ему какое-нибудь имя.

— Можно звать его Пушель,— сказал Кристофер Робин.— Например, Генри Пушель. Сокращённо.

Но, едва получив новое имя, Генри Пушель вывернулся из объятий Кенги и прыгнул вниз. К его великому счастью, Кристофер Робин оставил дверь открытой.

Никогда в жизни Генри Пушель — Пятачок не бегал так быстро, как сейчас! Он нёсся, не останавливаясь ни на секунду. Лишь в сотне шагов от дома он прекратил бег и покатился по земле, чтобы вновь обрести свой собственный — милый, уютный и привычный — цвет...

Так Кенга и Крошка Ру остались в Лесу. И каждый вторник Крошка Ру отправлялся на целый день в гости к своему новому другу — Кролику, а Кенга проводила весь день со своим новым другом — Пухом, обучая его прыгать, а Пятачок в эти дни гостил у своего старого друга Кристофера Робина.

И всем было ужасно весело!

Глава восьмая,

В КОТОРОЙ КРИСТОФЕР РОБИН ОРГАНИЗУЕТ «ИСКПЕДИЦИЮ» К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ

Винни-Пух брёл по Лесу, собираясь повидать своего друга Кристофера Робина и выяснить, не позабыл ли он о том, что на свете существуют медведи. Утром за завтраком (завтрак был очень скромный — немножко мармеладу, намазанного на соты с мёдом) Пуху внезапно пришла в голову новая песня (Шумелка). Она начиналась так: «Хорошо быть медведем, ура!»

Придумав эту строчку, он почесал в голове и подумал: «Начало просто замечательное, но где же взять вторую строчку?»

Он попробовал повторить «ура» два и даже три раза, но это что-то не помогало. «Может быть, лучше,— подумал он,— спеть «Хорошо быть медведем, ого!» И он спел «ого». Но, увы, и так дело шло ничуть не лучше. «Ну, тогда ладно,— сказал он,— тогда я могу спеть эту первую строчку два раза, и, может быть, если я буду петь очень быстро, я, сам того не замечая, доберусь до

третьей и четвёртой строчек, и тогда получится хорошая Шумелка. А ну-ка:

Хорошо быть медведем, ура!
Хорошо быть медведем, ура!
Побежу...
(Нет, победу!)
Победу я и жару и мороз,
Лишь бы мёдом был вымазан нос!
Победу...
(Нет, побежду!)
Побежду я любую беду,
Лишь бы были все лапки в меду!..
Ура, Винни-Пух!
Ура, Винни-Пух!
Час-другой пролетит, словно птицы,
И настанет пора подкрепиться!

Ему почему-то так понравилась эта песня (Шумелка), что он распевал её всю дорогу, шагая по Лесу. «Но если я буду петь её дальше,— вдруг подумал он,— как раз придёт время чем-нибудь подкрепиться, и тогда последняя строчка будет неправильная». Поэтому он замурлыкал эту песенку без слов.

Кристофер Робин сидел у порога, натягивая свои Походные Сапоги. Едва Пух увидел Походные Сапоги, он сразу понял, что предстоит Приключение, и он смахнул лапкой остатки мёда с мордочки и подтянулся как только мог, чтобы показать, что он ко всему готов.

— Доброе утро, Кристофер Робин! — крикнул он.

— Привет, Винни-Пух. Никак не натяну этот Сапог.

— Это плохо,— сказал Пух.

— Ты, пожалуйста, упрись мне в спину, а то я могу потянуть так сильно, что полечу вверх тормашками.

Пух сел и крепко, изо всех сил, упёрся лапками в землю, а спиной изо всех сил упёрся в спину Кристофера Робина, а Кристофер Робин изо всех сил упёрся в спину Пуха и стал тащить и тянуть свой Сапог, пока он наконец не наделся.

— Ну, вот так,— сказал Пух.— Что будем делать дальше?

— Мы отправляемся в экспедицию. Всё,— сказал Кристофер Робин, поднимаясь и отряхиваясь.— Спасибо, Пух.

— Отправляемся в экспедицию? — с интересом спросил Пух.— Никогда ни одной не видел. А где она, эта экспедиция?

— Экспедиция, глупенький мой мишка. Не «ск», а «кс».

— А-а! — сказал Пух.— Понятно.

По правде говоря, он ничего не понял.

— Мы должны отыскать и открыть Северный Полюс.

— А-а! — снова сказал Пух. — А что такое Северный Полюс? — спросил он.

— Ну, это такая штука, которую открывают, — небрежно сказал Кристофер Робин, который и сам не очень точно знал, что это за штука.

— А-а, понятно, — сказал Пух. — А медведи помогают его открывать?

— Конечно, помогают. И Кролик, и Кенга, и все. Это же экспедиция. Экспедиция — это вот что значит: все идут друг за другом, гуськом... Ты бы лучше сказал всем остальным, чтобы они собирались, пока я почищу ружьё. И ещё надо не забыть провизию.

— Про что не забыть?

— Не про что, а то, что едят.

— А-а! — сказал Пух радостно. — А мне показалось, ты говорил про какую-то визию. Тогда я пойду и скажу им всем. И он отправился в путь.

Первым, кого он встретил, был Кролик.

— Здравствуй, Кролик, — сказал Пух. — Это ты?

— Давай играть, как будто это не я, — сказал Кролик. — Посмотрим, что у нас тогда получится.

— У меня к тебе поручение.

— Ладно, я передам Кролику.

— Мы все отправляемся в *искпедицию* с Кристофером Робинном.

— Кролик обязательно примет участие.

— Ой, Кролик, мне некогда, — сказал Пух. — Мы должны, главное, не забывать про... Словом, про то, что едят. А то вдруг нам есть захочется. Я теперь пойду к Пятачку, а ты скажи Кенге, ладно?

Он попрощался с Кроликом и побежал к дому Пятачка. Пятачок сидел на земле и гадал на ромашке, выясняя — любит, не любит, плюнет или поцелует. Оказалось, что плюнет, и он теперь старался вспомнить, на кого он загадал, надеясь, что это не Пух. И тут появился Винни-Пух.

— Эй, Пятачок! — взволнованно сказал Пух. — Мы все отправляемся в *искпедицию*. Все, все! И берём про... Покушать. Мы должны что-то открыть.

— Что открыть? — испуганно спросил Пятачок.

— Ну, что-то там такое.

— Не очень злое?

— Кристофер Робин ничего не говорил насчёт злости. Он сказал только, что в нём есть «кс».

— «Кысы» я не боюсь, — серьёзно сказал Пятачок. — Я боюсь только волков, но если с нами пойдёт Кристофер Робин, я тогда вообще ничего не боюсь!

Спустя немного времени все были в сборе, и экспедиция началась. Первыми шли Кристофер Робин и Кролик, за ними Пятачок и Пух, далее Кенга с Крошкой Ру и Сова, ещё дальше — Иа, а в самом конце, растянувшись длинной цепочкой, шли все Родные и Знакомые Кролика.

— Я их не приглашал, — небрежно объяснил Кролик, — они просто взяли и пришли. Они всегда так. Они могут идти в конце, позади Иа.

— Я хотел бы сказать, — сказал Иа, — что это действует на нервы. Я вообще не собирался идти в эту ископе... или как там Пух выразился. Я пришёл только из чувства долга. Тем не менее я здесь, и если я должен идти в конце ископе — вы понимаете, о чём я говорю, — то пусть я и буду в конце. Но если каждый раз, когда мне захочется посидеть и отдохнуть, мне придётся сначала расчищать себе место от всей этой мелкоты — Родственников и Знакомых Кролика, то это будет не ископе — или как её там называют, — а просто суета и суматоха. Вот что я хотел сказать.

— Я понимаю, что Иа имеет в виду, — сказала Сова. — Если вы спросите меня...

— Я никого не спрашиваю, — сказал Иа. — Я, наоборот, всем объясняю. Можете искать Северный Полюс, а можете играть в «Сиди, сиди, Яша» на муравейнике. С моей стороны возражений нет.

Тут в голове колонны послышался крик.

— Вперёд! Вперёд! — кричал Кристофер Робин.

— Вперёд! — кричали Пух и Пятачок.

— Вперёд! — кричала Сова.

— Тронулись! — сказал Кролик. — Я должен бежать. — И он помчался в голову колонны к Кристоферу Робину.

— Вот именно, — сказал Иа. — Тронулись. Но я тут ни при чём.

Так они выступили в поход к Полюсу. По дороге они все болтали о разных разностях. Все, кроме Пуха, который сочинял песню.

— Вот и первая строфа, — сказал он Пятачку, когда она была наконец готова.

— Первая строфа чего?

— Моей песни.

— Какой песни?

— Этой самой.

— Какой?

— Если ты послушаешь, то всё узнаешь.

— А откуда ты знаешь, что я не слушаю?

На это Пух не нашёл, что ответить, и поэтому начал петь:

Все вышли в ИСКПЕДИЦИЮ
(Считая и меня).

Сова, и Ру, и Кролик,
И вся его родня!

Вся наша ИСКПЕДИЦИЯ
Весь день бродила по лесу,
Искала ИСКПЕДИЦИЯ
Везде дорогу к Полюсу,

И каждый в ИСКПЕДИЦИИ
Ужасно был бы рад
Узнать, что значит Полюс
И с чем его с д я т!

— Тсс! — сказал Кристофер Робин, обернувшись к Пуху. — Мы как раз подходим к опасному месту!

— Тсс! — сказал Пух, быстро обернувшись к поросёнку.

— Тсс! — сказал Пятачок Кенге.

— Тсс! — сказала Кенга Сове, а Крошка Ру несколько раз подряд сказал «тсс» самому себе.

— Тсс! — сказала Сова, обернувшись к Иа.

— Цыц! — сказал Иа страшным голосом всем Родным и Знакомым Кролика, и они принялись поспешно говорить друг другу «тсс», пока не дошло до самого последнего. А последний, самый маленький Родственник и Знакомый, так испугался, решив, что вся экспедиция говорит ему «тсс», что немедленно зарылся в землю и просидел там вниз головой целых два дня, пока не убедился, что опасность окончательно миновала. Потом он поспешно отправился домой.

Его звали Сашка Букашка.

Экспедиция подошла к речке, которая весело вертелась и кувыркалась среди высоких каменистых берегов, и Кристофер Робин сразу оценил обстановку.

— Это как раз подходящее место для засад.

— Какой сад? — шепнул Пух Пятачку. — Может, там малина есть?

— Дорогой мой Пух, — сказала Сова покровительственным тоном, — неужели ты не знаешь даже, что такое засада?

— Сова, — сказал Пятачок, строго посмотрев на неё, — Пух ведь не с тобой шептался, а со мной, и совершенно не обязательно было тебе...

— Засада, — сказала Сова, — это вроде сюрприза.

— Малина иногда тоже, — сказал Пух.

— Засада, как я собирался объяснить Винни-Пуху, — сказал Пятачок, — это вроде сюрприза.

— Если на тебя внезапно наскочат, это называется засадой, — сказала Сова.

— Засадой, Пух, называется, когда на тебя внезапно наскочат,— объяснил Пятачок.

Пух, который теперь уже знал, что такое засада, сказал, что однажды куст малины наскочил на него внезапно, когда он, Пух, падал с дерева, и ему пришлось потом целую неделю вытаскивать колючки.

— Никто не говорил о малине,— довольно сердито сказала Сова.

— Я же говорил,— сказал Пух.

Они очень осторожно шли по берегу, пробираясь между скал и камней, и вскоре дошли до места, где берег был пошире и незаметно превращался в ровную лужайку, поросшую зелёной травой, на которой так и хотелось посидеть и отдохнуть. Как только они пришли туда, Кристофер Робин скомандовал: «Стой!» — и все усадились отдыхать.

— По-моему,— сказал Кристофер Робин,— мы должны съесть всю нашу провизию, чтобы нам было легче идти дальше.

— Съесть всё наше что? — сказал Пух.

— Всё, что мы принесли,— сказал Пятачок, приступая к делу.

— Это хорошая мысль,— сказал Пух и тоже приступил к делу.

— У всех есть, что поесть? — спросил Кристофер Робин с полным ртом.

— У всех, кроме меня,— сказал Иа.— Как обычно! — Он грустно оглянулся.— Интересно, никто из вас не сидит, случайно, на чертополохе?

— Кажется, я сижу,— сказал Пух.— Ой! — Он вскочил и оглянулся.— Да, я сидел. Я так и чувствовал!

— Спасибо, Пух. Если он тебе больше не нужен, то...

Иа-Иа перешёл на место Пуха и начал есть.

— Между прочим, чертополоху не на пользу, когда на нём сидят,— заговорил Иа, на минуту оторвавшись от еды.— Он теряет всякую свежесть. Помните об этом, друзья мои. Не мешает проявлять внимание к товарищу. Надо иногда подумать и о других, я хочу сказать!

Как только Кристофер Робин покончил со своим завтраком, он что-то шепнул Кролику, а Кролик сказал: «Да, да, конечно», и они отошли в сторонку.

— Мне не хотелось говорить при всех,— начал Кристофер Робин.

— Понятно,— сказал Кролик, надувшись от гордости.

— Дело в том... я хотел... да нет, наверно, и ты, Кролик, не знаешь... Интересно, какой из себя *Северный Полюс*?

— Ну,— сказал Кролик, встопорщив усы,— надо было раньше спросить.

— Я раньше-то знал, но как будто позабыл,— небрежно сказал Кристофер Робин.

— Странное совпадение,— сказал Кролик,— я тоже как будто позабыл, хотя раньше-то я, конечно, знал.

— По-моему, там проходит земная ось. Наверно, она воткну-та в землю. Правда?

— Конечно, там есть ось, и, конечно, она воткнута в землю, потому что больше же её некуда воткнуть, да и к тому же она так и называется: «земляная».

— И я так думаю.

— Вопрос не в этом,— сказал Кролик.— Вопрос в том, где она, эта ось?

— Это мы скоро узнаем! — сказал Кристофер Робин.

Они вернулись к остальным участникам экспедиции. Пятачок лежал на травке и мирно похрапывал; Ру мыл мордочку и лапки в речке возле запруды, и Кенга, исполненная гордости, объясняла всем и каждому, что Ру впервые в жизни умывается самостоятельно; а Сова рассказывала Кенге интересную историю, полную длинных слов, вроде «энциклопедия» и «рододендрон», хотя Кенга и не думала её слушать.

— Не одобряю я этих разных умываний,— ворчал Иа,— в особенности этой новой моды мыть за ушами. А ты, Пух?

— Ну,— сказал Пух,— я считаю...

Но мы никогда не узнаем, что считал Пух, потому что в этот момент раздался всплеск, послышался писк Ру и громкий испуганный крик Кенги.

— Ру упал в воду! — закричал Кролик.

— Доумывался! — сказал Иа-Иа.

Кристофер Робин и Пух кинулись на помощь.

— Смотрите, как я плаваю! — пропищал Ру. Он был уже на середине пруда, и течение быстро несло его к водопаду у плотины.

— Ру, дорогой, ты цел? — кричала Кенга.

— Да! — отвечал Ру.— Смотри, как я пла... Буль, буль! — И он вынырнул уже у следующей запруды.

Все, как могли, старались ему помочь.

Пятачок, совершенно проснувшийся, прыгал на месте и кричал: «Ой, ой!»; Сова объясняла, что в случае неожиданного погружения в воду самое важное — это держать голову над поверхностью; Кенга огромными скачками неслась по берегу, не забывая спрашивать: «Ру, дорогой, ты действительно цел?» — на что Ру отвечал: «Смотрите, как я плаваю!»; Иа сел возле запруды — той самой, где Ру упал,— и опустил в воду хвост. Повернувшись спиной ко всему происходящему, он приговаривал: «Всё из-за этого мытья; но ты только держись за мой хвост, Ру, и всё будет в порядке». А Кристофер Робин и Кролик носились взад и вперёд, созывая всех остальных.

— Ру, держись, мы идём к тебе! — кричал Кристофер Робин.

— Эй вы там, ребята, перебросьте что-нибудь через реку, немного пониже! — командовал Кролик.

И только Винни-Пух сделал что-то полезное. Он подхватил длинную палку и перебросил её на тот берег. Туда сразу же перескочила Кенга и схватила другой конец; они опустили палку к самой воде, и вскоре Ру, который продолжал радостно булькать: «Смотрите, как я плаваю!» — ухватился за неё и выкабался на берег.

— Вы видали, как я плаваю? — пищал Ру в восторге, пока Кенга вытирала его. — Пух, ты видел, как я плаваю? Вот это называется плавать! Кролик, ты видел, что я делал? Я плавал! Эй, Пятачок! Пятачок, слышишь? Как ты думаешь, что я сейчас делаю? Я плавал? Кристофер Робин, ты видел, как я...

Но Кристофер Робин не слышал, он смотрел на Пуха.

— Пух, — сказал он, — где ты нашел эту ось?

Пух посмотрел на палку, которую всё ещё продолжал держать.

— Ну, просто нашёл, — сказал он. — Разве это ось? Я думал, это просто палка и она может пригодиться. Она там торчала в земле, а я её поднял.

— Пух, — сказал Кристофер Робин торжественно, — экспедиция окончена. Это — Земная Ось. Мы нашли Северный Полюс.

— Ох, правда? — сказал Пух.

Когда все вернулись на лужайку, Иа всё ещё продолжал сидеть, опустив хвост в воду.

— Пусть кто-нибудь скажет Ру, чтобы он поторопился, — сказал он. — Мой хвост озяб. Я не жалею, я просто констатирую факт. Мой хвост замёрз.

— Вот я! — пропищал Ру.

— Ах, вот ты где!

— Ты видел, как я плаваю?

Иа вытащил хвост из воды и помахал им.

— Я так и думал, — сказал он. — Ничего не чувствует. Онемел. Вот до чего дошло. Он околел. Ну что ж, если это никого не беспокоит, значит, так и должно быть.

— Бедный мой ослик! Я его сейчас вытру, — сказал Кристофер Робин. Он достал носовой платок и начал вытирать хвост.

— Спасибо, Кристофер Робин. Ты здесь единственный, кто понимает в хвостах. Остальные не способны думать. Вот в чём их беда. У них нет воображения. Для них хвост это не хвост, а просто добавочная порция спины.

— Не горюй, Иа! — сказал Кристофер Робин, растирая хвост изо всех сил. — Так лучше?

— Пожалуй, так он чувствует себя хвостом. Чувствует, что ты им владеешь. Если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Привет, Иа! — сказал Пух, подходя со своей Осью.

— Привет, Пух. Спасибо за внимание. Я думаю, что через день-два я опять сумею им владеть.

— Чем владеть? — спросил Пух.

— Тем, о чём мы говорили.

— А я ни о чём не говорил, — сказал Пух, недоумевая.

— Значит, я опять ошибся. А я думал, ты сказал, как тебя огорчает история с моим хвостом, и спросил, не мог бы ты чем-нибудь помочь.

— Нет, — сказал Пух чистосердечно. — Это был не я. — Он подумал немножко и, желая помочь выяснить вопрос, добавил: — Наверно, это был кто-нибудь другой.

— Ну что ж, тогда поблагодари его от моего имени, когда вы увидите.

Пух смущённо посмотрел на Кристофера Робина.

— Пух нашёл Северный Полюс, — сказал Кристофер Робин. — Здорово, правда? Вот Земная Ось.

Пух скромно опустил глаза.

— Вот это? — спросил Иа.

— Да, — сказал Кристофер Робин.

— Значит, мы вот эту штуку искали?

— Да, — сказал Пух.

— Гм, — сказал Иа-Иа. — Ну что ж. Во всяком случае, дождя не было, — добавил он.

Они воткнули Ось в землю, и Кристофер Робин привязал к ней дощечку с надписью:

СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС
ОТКРЫТ ПУХОМ
ПУХ ЕГО НАШЁЛ

Потом все отправились по домам. И, по-моему, хотя я в этом и не вполне уверен, Крошке Ру пришлось принять горячую ванну и немедленно лечь спать. А Пух так гордился своим подвигом, что должен был очень-очень основательно подкрепиться.

Глава девятая,

В КОТОРОЙ ПЯТАЧОК СОВЕРШЕННО ОКРУЖЁН ВОДОЙ

Дождик лил, лил и лил. Пятачок сказал себе, что никогда за всю свою жизнь — а ему было ужасно много лет: может быть, три года, а может быть, даже четыре! — никогда он ещё не видел

столько дождя сразу. А дождь лил, и лил, и лил. С утра до вечера. День за днём.

«Вот если бы,— думал Пятачок, выглядывая из окна,— я был в гостях у Пуха, или у Кристофера Робина, или хотя бы у Кролика, когда дождь начался, мне было бы всё время весело. А то сиди тут один-одинёшенек и думай, когда он перестанет!»

И он представлял себе, что он в гостях у Пуха и говорит ему: «Ты видал когда-нибудь такой дождь?» — а Пух отвечает: «Ну прямо ужасно!», или он, Пятачок, в свою очередь говорит: «Интересно, не размыло ли дорогу к Кристоферу Робину?», а Пух отвечает: «А бедный старый Кролик, наверно, смылся из дому».

Конечно, такая беседа — это одно удовольствие!

И вообще, какой толк в таких потрясающих вещах, как потоны и наводнения, если тебе не с кем даже о них поговорить?

А было, спору нет, потрясающе интересно. Маленькие сухие канавки, в которые Пятачок, бывало, так часто лазил, стали ручьями; ручейки, по которым он, бывало, шлёпал, подвернув штанишки, превратились в потоки, а речка, на берегах которой друзья так весело играли, вылезла из своего ложа (так называют речкину постель) и разлилась так широко, что Пятачок начал беспокоиться, не заберётся ли она скоро и в его собственное ложе (то есть в его постель).

«Да, немного страшновато,— сказал он сам себе,— быть Очень Маленьким Существом, совершенно окружённым водой! Кристофер Робин и Пух могут спастись, забравшись на дерево, Кенга может ускакать и тоже спастись, Кролик может спастись, зарывшись в землю, Сова может улететь, а Иа может спастись — ммм... если будет громко кричать, пока его не спасут.

А вот я сижу тут, весь окружённый водой, и совсем-совсем ничего не могу сделать!»

Дождь всё лил, и с каждым днём вода подымалась немножко выше, и вот она подошла уже к самому окошку, а Пятачок всё ещё ничего не сделал.

И вдруг он вспомнил историю, которую рассказывал ему Кристофер Робин,— историю про человека на необитаемом острове, который написал что-то на бумажке, положил её в бутылку и бросил бутылку в море; и Пятачок подумал, что если он напишет что-нибудь на бумажке, положит её в бутылку и бросит в воду, то, может быть, кто-нибудь придёт и спасёт его!

Он обыскал весь свой дом, вернее, всё, что в доме оставалось сухого, и наконец он нашёл сухой карандаш, кусочек сухой бумаги, сухую бутылку и сухую пробку и написал на одной стороне бумажки:

Помогите!
Пятачку (это я)

а на обороте:

*Это я, Пятачок,
спасите, помогите!*

Потом он положил бумагу в бутылку, как можно лучше закупорил бутылку, как можно дальше высунулся из окошка — но так, чтобы не выпасть, — и изо всех сил бросил бутылку.

— Плюх! — сказала бутылка и закачалась на волнах.

Пятачок следил, как она медленно уплывает, пока у него глаза не заболели, и ему стало порой казаться, что это бутылка, а порой, что это просто рябь на воде, и наконец он понял, что больше он её никогда не увидит и что он сделал всё, что мог, для своего спасения.

«И, значит, теперь, — думал он, — кто-нибудь другой должен будет что-нибудь сделать. Я надеюсь, что он сделает это быстро, потому что иначе мне придётся плавать, а ведь я не умею». Тут он очень глубоко вздохнул и сказал:

— Хочу, чтобы Пух был тут, вдвоём намного веселее!

Когда дождь начался, Винни-Пух спал. Дождь лил, лил и лил, а он спал, спал и спал. Накануне он очень устал. Как вы помните, он открыл Северный Полюс, и он так гордился этим, что спросил Кристофера Робина, нет ли где ещё Полюсов, которые Медведь с опилками в голове мог бы открыть.

«Есть ещё Южный Полюс, — сказал Кристофер Робин, — и, по-моему, где-то есть Восточный Полюс и Западный Полюс, хотя люди почему-то не любят говорить о них».

Услышав это сообщение, Пух очень взволновался и предложил немедленно устроить экспедицию к Восточному Полюсу, но Кристофер Робин был чем-то занят с Кенгой, так что Пух отправился открывать Восточный Полюс сам. Открыл он его или нет, я забыл; но он вернулся домой таким усталым, что заснул в самый разгар ужина, спустя каких-нибудь полчаса после того, как сел за стол. И вот он спал, и спал, и спал.

И вдруг он увидел сон. Он, Пух, был на Восточном Полюсе, и это оказался очень холодный Полюс, весь покрытый самыми холодными сортами снега и льда. Пух разыскал пчелиный улей и улёгся там спать, но в улье не хватило места для задних лапок Пуха, и их пришлось оставить снаружи. И вдруг, откуда ни возьмись, пришли Дикие Буки, обитающие на Восточном Полюсе, и стали выщипывать мех на лапках Пуха, чтобы устроить гнёзда для своих малышей, и чем больше они щипали, тем холоднее становилось лапкам, и наконец Пух проснулся с криком и обнаружил,

что он сидит на стуле, а ноги у него в воде и вокруг него всюду тоже вода!

Он прошлёпал к двери и выглянул наружу...

— Положение серьёзное,— сказал Пух,— надо искать спасения.

Он схватил самый большой горшок с мёдом и спасся с ним на толстую-претолстую ветку своего дерева, торчавшую высоко-высоко над водой.

Потом он опять слез вниз и спасся с другим горшком.

А когда все спасательные операции были окончены, на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стояло десять горшков с мёдом.

На другой день на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стояли четыре горшка с мёдом.

На третий день на ветке сидел Пух, болтая ногами, а рядом стоял один горшок с мёдом.

На четвёртый день на ветке сидел Пух один-одинёшенек.

И в это самое утро бутылка Пятачка проплывала мимо Пуха.

И тут с громким криком «Мёд! Мёд!» Пух кинулся в воду, схватил бутылку и, по шейку в воде, храбро вернулся к дереву и влез на ветку.

— Жаль, жаль,— сказал Пух, открыв бутылку,— столько мокнуть, и совершенно зря!.. Погодите, а что тут делает эта бумажка?

Он вытащил бумажку и посмотрел на неё.

— Это Спасание,— сказал он,— вот что это такое. А вот это буквы «Пы», да-да-да, да-да-да, а «Пы», наверно, значит «Пух», и, значит, это очень важное Спасание для меня, а я не могу узнать, что оно значит! Надо бы найти Кристофера Робина, или Сову, или Пятачка — словом, какого-нибудь читателя, который умеет читать все слова, и они мне скажут, про что тут написано; только вот плавать я не умею. Жалко!

И вдруг ему пришла в голову мысль, и я считаю, что для медведя с опилками в голове это была очень хорошая мысль. Он сказал себе:

«Раз бутылка может плавать, то и горшок может плавать, а когда горшок поплывёт, я могу сесть на него, если это будет очень большой горшок».

Он взял свой самый большой горшок и завязал его покрепче.

— У каждого корабля должно быть название,— сказал он,— значит, я назову свой — «Плавучий Медведь».

С этими словами он бросил свой корабль в воду и прыгнул вслед.

Некоторое время Пух и «Плавучий Медведь» не могли решить вопроса о том, кто из них должен быть сверху, но в конце

концов они договорились. «Плавучий Медведь» оказался внизу, а на нём — Пух, отчаянно болтавший ногами.

Кристофер Робин жил в самом высоком месте Леса. Дождь лил, лил и лил, но вода не могла добраться до его дома. И, пожалуй, было довольно весело смотреть вниз и любоваться всей этой водой, но дождь был такой сильный, что Кристофер Робин почти всё время сидел дома и думал о разных вещах.

Каждое утро он выходил (с зонтиком) и втыкал палочку в том месте, до которого дошла вода, а на следующее утро палочка уже скрывалась под водой, так что ему приходилось втыкать новую палочку, и дорога домой становилась всё короче и короче.

Наутро пятого дня он понял, что впервые в жизни оказался на настоящем острове. Это, конечно, было очень-очень здорово!

И в это самое утро прилетела Сова, чтобы узнать, как поживает её друг Кристофер Робин.

— Слушай, Сова,— сказал Кристофер Робин,— до чего здорово! Я живу на острове!

— Атмосферные условия в последнее время были несколько неблагоприятными,— сказала Сова.

— Что, что?

— Дождик был,— пояснила Сова.

— Да,— сказал Кристофер Робин,— был.

— Уровень паводка достиг небывалой высоты.

— Кто?

— Я говорю — воды кругом много,— пояснила Сова.

— Да,— согласился Кристофер Робин,— очень много.

— Однако перспективы быстро улучшаются. Прогноз показывает...

— Ты видела Пуха?

— Нет, прогноз...

— Я надеюсь, он жив и здоров,— сказал Кристофер Робин.— Я немного беспокоюсь о нём. Интересно, Пятачок с ним или нет? Ты думаешь, у них всё в порядке, Сова?

— Я полагаю, что всё в порядке. Ты понимаешь, прогноз...

— Знаешь что, Сова, погляди, как они там, потому что ведь у Пуха опилки в голове и он может сделать какую-нибудь глупость, а я его так люблю, Сова. Понимаешь, Сова?

— Очень хорошо,— сказала Сова,— я отправляюсь. Вернусь немедленно.— И она улетела.

Вскоре она вернулась.

— Пуха там нет,— сказала она.

— Нет?

— Он был там. Он сидел на ветке с девятью горшками мёда. Но теперь его там нет.

— Пух, дорогой,— крикнул Кристофер Робин,— где же ты?

— Вот где я,— ответил сзади ворчливый голосок.

— Пух!!

Они кинулись обниматься.

— Как ты сюда попал, Пух? — спросил Кристофер Робин, когда он смог снова заговорить.

— На корабле! — сказал Пух гордо. — Я получил очень важное Спаслание в бутылке, но так как мне попала в глаза вода, я не мог его прочитать и привёз его тебе на своём корабле.

С этими гордыми словами он передал Кристоферу Робину послание.

— Это же от Пятачка! — закричал Кристофер Робин, прочитав послание.

— А про Пуха там ничего нет? — спросил медвежонок, заглядывая Кристоферу Робину через плечо.

Кристофер Робин прочёл послание вслух.

— Ах, так все эти «Пы» были Пятачки? А я думал, это были Пухи.

— Надо его немедленно спасать! Я-то думал, что он с тобой, Пух. Сова, ты можешь его спасти на спине?

— Не думаю, — отвечала Сова после длительного размышления. — Сомнительно, чтобы спинная мускулатура была в состоянии...

— Тогда полети к нему сейчас же и скажи, что спасение приближается, а мы с Пухом подумаем, как его спасти, и придём, как только сможем. Ой, Сова, только, ради бога, не разговаривай, лети скорее!

И, всё ещё думая о том, что она хотела сказать, Сова улетела.

— Ну вот, Пух, — сказал Кристофер Робин, — где твой корабль?

— Надо сказать, — объяснил Пух Кристоферу по дороге к берегу, — что это не совсем обыкновенный корабль. Иногда это корабль, а иногда это вроде несчастного случая. Смотря по тому...

— Смотря по чему?

— Ну, по тому — наверху я или внизу. На нём или под ним.

— Ну, а где он?

— Вот, — сказал Пух гордо и указал на «Плавучего Медведя».

Да, это было совсем не то, что Кристофер Робин ожидал увидеть.

И чем больше он глядел на «Плавучего Медведя», тем больше он думал о том, какой же храбрый и умный медведь Винни-Пух, но чем больше Кристофер Робин думал об этом, тем скромнее глядел Пух в землю, стараясь сделать вид, что это не он.

— Но только он слишком маленький для нас обоих, — сказал Кристофер Робин грустно.

— Для нас троих, считая Пятачка.

— Ну, значит, он ещё меньше. Винни-Пух, что же нам делать?

И тут этот медвежонок, Винни-Пух, Д. П. (Друг Пятачка), П. К. (Приятель Кролика), О. П. (Открыватель Полюса), У. И. и Н. Х. (Утешитель Иа-Иа и Находитель Хвоста), — одним словом, наш Винни-Пух сказал такую мудрую вещь, что Кристофер Робин смог только вытаращить глаза и открыть рот, не понимая — неужели это тот самый медведь с опилками в голове, которого он так давно знает и любит.

— Мы поплывём в твоём зонтике, — сказал Пух.

— ??

— Мы поплывём в твоём зонтике, — сказал Пух.

— ???

— Мы поплывём в твоём зонтике, — сказал Пух.

— !!!

Да, Кристофер Робин вдруг понял, что это возможно. Он открыл свой зонтик и опустил его на воду. Зонтик поплыл, но закачался. Пух вошёл в него. И он было уже хотел сказать, что всё в порядке, когда обнаружил, что не всё, и, после непродолжительного купания, он вброд вернулся к Кристоферу Робину. Потом они оба сели в зонтик, и зонтик больше не качался.

— Мы назовём это судно «Мудрость Пуха», — сказал Кристофер Робин.

И «Мудрость Пуха» на всех парусах поплыла в юго-восточном направлении, время от времени плавно вращаясь.

Представьте себе, как обрадовался Пятачок, когда наконец увидел Корабль! Потом долгие годы он любил думать, что был в очень большой опасности во время этого ужасного потопа, но единственная опасность угрожала ему только в последние полчаса его заключения, когда Сова уселась на ветку и, чтобы его морально поддержать, стала рассказывать ему длиннейшую историю про свою Тётку, которая однажды по ошибке снесла гусиное яйцо, и история эта тянулась и тянулась (совсем как эта фраза), пока Пятачок, который слушал Сову, высунувшись в окно, потеряв надежду на спасение, начал засыпать и, естественно, стал помаленьку вываливаться из окна; но, по счастью, в тот момент, когда он держался только одними копытцами задних ног, Сова громко вскрикнула, изображая ужас своей Тётки и её крик, когда она (Тётка) обнаружила, что яйцо было действительно гусиное, и Пятачок проснулся и как раз успел юркнуть обратно в окно и сказать: «Ах как интересно! Да что вы говорите!» — словом, вы можете представить себе его радость, когда он увидел славный Корабль «Мудрость Пуха» (Капитан — К. Робин, 1-й помощник — В.-Пух), который плыл ему на выручку, а К. Робин и В.-Пух, в свою оче...

Ну, эта история здесь, по сути дела, кончается, а я так устал

от этой последней фразы, что тоже не прочь бы кончить, но никак нельзя не рассказать о том, что было позже.

Потому что позже, когда всё высохло, и все ручейки в Лесу стали опять маленькими и хорошенькими, и вода в тихих, сонных лужицах только грезилась о великих делах, которые она совершила, Кристофер Робин устроил Торжественный Вечер в честь своего друга Винни-Пуха и в честь Славного Дела, которое он — Винни-Пух — совершил.

Это был чудесный вечер! В Лесу был накрыт длинный-предлинный стол, и на одном Председательском месте — в конце стола — сидел Кристофер Робин, а на другом Председательском месте — в другом конце стола — сидел сам Винни-Пух, а на остальных местах сидели Гости: Пятачок, и Кролик, и Иа, и Кенга, и Ру, и Сова. А кругом, в траве, расположились Родственники и Знакомые Кролика всех сортов и размеров (начиная с тех, на которых вы иногда нечаянно наступаете, и кончая теми, которые иногда нечаянно залетают вам в глаз) и терпеливо ждали, что кто-нибудь из Гостей заговорит с ними, или что-нибудь уронит, или хотя бы спросит у них, который час.

И, конечно, все-все-все славно угостились, а потом Кристофер Робин произнёс Хвалебную речь в честь того, кто совершил Славное Дело; и сказал, что для него — для того, кто это Дело совершил, — приготовлен Большой Подарок.

Но так как он не сказал, кто именно совершил Славное Дело, считая, что все и так его знают, то Иа-Иа вдруг по ошибке принял всё Торжество на свой счёт, и ослик понял свою ошибку только тогда, когда Подарок (большая очень красивая коробка) был вручён тому, кто действительно это Дело совершил, то есть Винни-Пуху.

Винни-Пух принял Подарок и сказал «спасибо», и все столпились вокруг него, крича наперебой: «Открывай скорей!», «Чего там есть?», «А я знаю, что там!» и так далее.

А когда Винни-Пух открыл коробку (поскорей, но всё-таки не разрезав, а развязав ленточку — ведь она всегда вдруг может понадобиться), все так и ахнули, а сам Винни чуть не упал от радости.

Потому что это оказалась Специальная Коробка с чудеснейшим набором карандашей!

Там были карандаши, помеченные «В» — в честь Винни-Пуха, и карандаши, помеченные «НВ» — в честь Неустрашимого Винни, и ещё карандаши, помеченные «ВВ» — в честь... в честь Выручательного Винни, потому что ведь это он выручил Пятачка; и ещё там была Машинка для точки карандашей, и Красная Резинка, которая очень хорошо стирает всё, что вы написали неправильно, и потом Линейка, и Синие Карандаши, и Красные Карандаши, и даже Зелёные и Красно-Синие, совсем как у взрослых.

И всё это было для Пуха.
И, по-моему, он всё это вполне заслужил.
А как вы считаете?

Глава десятая,

**В КОТОРОЙ ДЛЯ ИА-ИА СТРОЯТ ДОМ
НА ПУХОВОЙ ОПУШКЕ**

Однажды, когда Винни-Пуху делать было совершенно нечего, он подумал, что всё-таки надо бы чем-нибудь заняться. Вот он и решил заглянуть к Пятачку и посмотреть, чем занимается Пятачок. Шёл снег, и Винни плёлся по белой-белой лесной тропинке и думал, что, наверно, Пятачок сейчас греет ножки у огня; но, к своему удивлению, он увидел, что дверь дома Пятачка открыта, и чем дальше он смотрел туда, тем больше убеждался, что Пятачка там нет.

— Он ушёл из дому, — грустно сказал Пух, — вот в чём дело. Поэтому его и нет дома! Придётся мне прогуляться одному и самому обдумать всё это. Обидно-досадно!

Но сначала он решил всё-таки, чтобы окончательно удостовериться, постучать очень-очень громко... И, ожидая, пока Пятачок не ответит, он прыгал, чтобы согреться, и вдруг в его голове внезапно зазвучал Шум, и он показался Винни хорошим Шумом, который может, пожалуй, многим понравиться:

Иду вперёд
(Тирлим-бом-бом),
И снег идёт
(Тирлим-бом-бом),
Хоть нам совсем-
Совсем не по дороге!
Но только вот
(Тирлим-бом-бом)
Скажите, от-
(Тирлим-бом-бом),
Скажите от-
Чего так зябнут ноги?

— Тогда я вот что сделаю, — сказал Винни-Пух. — Я сделаю так: просто сперва пойду домой и посмотрю, который час, и, может быть, надену шарф, а потом я пойду навещу Иа и спою ему эту Шумелку.

Винни побежал домой, и по дороге он так был занят Шумелкой, которую ведь надо было окончательно отделать, перед тем

как спеть её Иа, что, когда он внезапно увидел перед собой Пятачка, уютно устроившегося в его лучшем кресле, Пух смог только почесать в голове и впасть в глубокое раздумье — в чьём же доме он находится?

— Ой, Пятачок,— сказал он,— а я думал, тебя нет дома.

— Нет,— сказал Пятачок,— это тебя нет дома, Пух.

— Пожалуй, правильно,— сказал Пух,— во всяком случае, одного из нас нет дома.

И он посмотрел на часы, которые вот уже третью неделю показывали без пяти одиннадцать.

— Ура, ура, уже почти одиннадцать,— сказал Пух радостно,— как раз пора чем-нибудь подкрепиться!

И Винни-Пух полез в буфет.

— А потом мы пойдём гулять и споём мою Шумелку Иа,— добавил он.

— Какую Шумелку?

— Ну, да песню, которую мы собираемся спеть Иа,— объяснил Пух.

Спустя полчаса, когда Пух и Пятачок отправились в путь, часы, к их удивлению, всё ещё показывали без пяти одиннадцать. Ветер утих, и снежок, которому надоело вертеться, попытается поймать самого себя за хвост, тихонько спускался вниз, и каждая снежинка сама отыскивала себе место для отдыха. Порой этим местом оказывался нос Винни-Пуха, а порой нет, и спустя немного времени у Пятачка вокруг шеи появился белый шарф, и за ушами у него было так снежно, как ещё никогда в жизни.

— Пух,— сказал он наконец, слегка помывшись, потому что ведь ему не хотелось, чтобы Пух подумал, что он сдаётся.— Я вот о чём подумал: а что, если мы сейчас пойдём домой и поучим как следует твою песню, поупражняемся, а потом споём её Иа? Завтра... или... или, например, как-нибудь в другой раз, когда мы его случайно встретим?

— Это очень хорошая мысль, Пятачок! — сказал Пух.— Мы будем сейчас повторять Шумелку по дороге, но только дома её повторять не стоит, потому что это специальная Дорожная Шумелка для Снежной Погоды и её надо петь на дороге, когда идёт снег.

— Обязательно? — тревожно спросил Пятачок.

— Да ты сам увидишь, Пятачок, если послушаешь, потому что она вот как начинается: «Иду вперёд, тирлим-бом-бом...»

— Тирлим что? — спросил Пятачок.

— Бом-бом,— сказал Пух.— Я вставил это, чтобы она была шумелочней. «И снег идёт, тирлим-бом-бом, хоть нам...»

— А ты разве не сказал «иду вперёд»?

— Да, но «вперёд» был впереди.

— Впереди тирлим-бом-бома?

— Это же был другой тирлим-бом-бом,— сказал Винни-Пух, уже несколько сбитый с толку.

И он запел снова:

Идём
Вперёд
(Тирлим-бом-бом),
И снег
Идёт
(Тирлим-бом-бом),
Хоть нам
Совсем-совсем не по дороге!
Но только
Вот (тирлим-бом-бом)
Скажите,
От- (тирлим-бом-бом),
Скажите,
Отчего так зябнут ноги?

Он спел Шумелку так, по-новому, от начала до конца, и, пожалуй, так она стала ещё лучше, и, окончив, Винни замолчал в ожидании, что Пятачок скажет, что из всех Дорожных Шумелок для Снежной Погоды, которые он когда-либо слышал, эта — самая лучшая.

Пятачок после долгого и серьёзного размышления высказал своё мнение.

— Пух,— сказал он задумчиво,— по-моему, не так ноги, как уши!

К этому времени они уже подходили к Унылому Месту, где жил Иа, и, так как у Пятачка за ушками всё ещё было очень снежно и ему это начинало надоедать, они свернули в небольшую сосновую рощицу и присели на калитку, которая туда вела.

Теперь снег на них не падал, но всё ещё было очень холодно, и, чтобы не замёрзнуть, они спели Шумелку Пуха шесть раз от начала до конца (Пятачок исполнял все тирлим-бом-бомы, а Пух всё остальное), причём оба в нужных местах колотили по изгороди палочками. Вскоре им стало гораздо теплее, и они смогли продолжить разговор.

— Я сейчас думал,— сказал Пух,— и думал я вот о чём: я думал про Иа.

— А что ты думал про Иа?

— То, что ведь бедному Иа негде жить.

— Негде, негде,— согласился Пятачок.

— У тебя есть дом, Пятачок, и у меня есть дом, и это очень хорошие дома. И у Кристофера Робина есть дом, у Совы, и Кенги, и у Кролика тоже есть дома, и даже у Родственников и Знакомых Кролика тоже есть дома или что-нибудь в этом роде, а у бедного

Иа нет совсем ничего. И вот что я придумал: давай построим ему дом.

— Это замечательная мысль,— сказал Пятачок.— А где мы его построим?

— Мы построим его здесь,— сказал Пух,— на опушке этой рощицы. Тут нет ветра, и тут я об этом подумал. Мы можем назвать это место «Пухова Опушка», и мы построим для Иа на Пуховой Опушке — Д О М И А.

— Ой, кстати, там за рощей я видел грудку палочек,— сказал Пятачок.— Там их навалена целая куча! Ну прямо целая гора!

— Спасибо, Пятачок. То, что ты сказал, будет нам очень полезно, и за это я бы мог назвать это место Пуховопятачковой Опушкой, если бы Пухова Опушка не звучала лучше. Но только она звучит лучше потому, что она пушистей и, значит, больше похожа на опушку.

Они слезли с изгороди и отправились за палочками.

...Кристофер Робин всё это утро провёл в комнате, путешествуя в Африку и обратно, и он как раз сошёл с корабля и подумал: «Интересно, какая сейчас на улице погода», как вдруг в его дверь постучал не кто иной, как Иа.

— Здравствуй, Иа,— сказал Кристофер Робин, открыв дверь и выйдя на двор.— Как ты себя чувствуешь?

— Снег всё идёт,— мрачно сказал Иа.

— Да, да.

— И мороз.

— Да?

— Да,— сказал Иа.— Однако,— добавил он, немного просветлев,— землетрясений у нас в последнее время не было.

— Что случилось, Иа?

— Ничего, Кристофер Робин. Ничего существенного. Ты, конечно, не видел где-нибудь здесь дома или чего-нибудь в этом роде?

— Какого дома?

— Просто дома.

— А кто там живёт?

— Я живу. По крайней мере, я думал, что я там живу. Но, по-видимому, я там не живу. Ну что ж, в конце концов не у всех же должны быть дома.

— Ой, Иа, я не знал. Я всегда думал...

— Не знаю, в чём тут дело, Кристофер Робин, но из-за всего этого снега и тому подобного, не говоря уже о сосульках и всём прочем, сейчас в поле часа в три утра не так жарко, как думают некоторые. Не сказать, чтобы там было душно, если ты понимаешь, что я имею в виду. Да, жаловаться на духоту не

приходится. Никак не приходится. По правде говоря, Кристофер Робин,— продолжал Иа громким шёпотом,— строго между нами, совершенно секретно, если никому не говорить,— там холодно.

— Ой, Иа!

— И я сказал себе — ведь остальные, пожалуй, огорчатся, если я замёрзну. Правда, у них ни у кого нет ума, в голове у них только опилки, да и те, очевидно, попали туда по ошибке, и они не умеют думать, но если снег будет идти ещё недель шесть или в этом духе, даже кто-нибудь из них может сказать себе: «Пожалуй, Иа не так уж жарко сейчас, часа в три утра». А потом он захочет это проверить. А ещё потом ему станет очень грустно.

— Ой, Иа! — сказал Кристофер Робин, которому уже стало очень грустно.

— Я не имел в виду тебя, Кристофер Робин. Ты не такой. Словом, всё это я клоню к тому, что я построил себе дом возле своей маленькой Рощицы.

— Правда построил? Как замечательно!

— Действительно замечательным,— продолжал Иа самым унылым тоном,— представляется мне то, что, когда я утром уходил, он был там, а когда я вернулся, его там не было. Вообще это всё вполне понятно, в конце концов это был всего лишь дом Иа. Но всё-таки я несколько обескуражен.

Кристоферу Робину некогда было особенно удивляться. Он уже забежал в свой дом и моментально натянул тёплую шапку, тёплые ботинки и тёплое пальто.

— Мы сейчас пойдём и выясним это,— сказал он Иа.

— Иногда,— сказал Иа,— когда люди забирают чей-нибудь дом, там остаётся кусочек-другой, который им не нужен и который они с удовольствием вернут бывшему хозяину, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Вот я и думаю, что если мы заглянем...

— Пошли, пошли,— сказал Кристофер Робин.

Они пошли очень быстро, и поэтому они очень быстро пришли на ту опушку роши, где не было дома Иа.

— Ну вот,— сказал Иа.— Не осталось ни единой палочки. Конечно, жаловаться не приходится, ведь остался весь этот снег, с которым я могу делать всё, что я хочу!

Но Кристофер Робин не слушал Иа. Он прислушивался к чему-то другому.

— Ты не слышишь? — спросил он Иа.

— А что там такое? Кто-то смеётся?

— Слушай.

Они прислушались... И они услышали ворчливый басок, напевавший, что и он идёт, и снег идёт, хотя им совсем-совсем не по дороге, и чей-то тоненький голосок, успевавший вовремя тирлибомбомкать.

— Это Пух! — радостно сказал Кристофер Робин.

— Вероятно,— сказал Иа.
— И ещё Пятачок,— взволнованно сказал Кристофер Робин.
— Возможно,— сказал Иа.— Кто нам сейчас действительно нужен — это хорошая ищейка.

Слова песни неожиданно изменились.

— Наш дом готов! — пел бас.
— Тирлим-бом-бом,— пел пискливый голосок.
— Прекрасный дом...
— Тирлим-бом-бом...
— Я сам охотно жил бы в нём!..
— Тирлим-бом-бом!
— Пух! — закричал Кристофер Робин.

Певцы замолчали.

— Это Кристофер Робин! — в восторге сказал Пух.

— Он на той стороне. Там, где мы взяли палочки,— сказал Пятачок.

— Побежали,— сказал Пух.

Они помчались по опушке вокруг рощи, и всю дорогу Пух издавал приветственные возгласы.

— Эй, а тут Иа! — сказал Пух, когда они с Кристофером Робином кончили обниматься. Он толкнул локтем Пятачка, а Пятачок толкнул локтем его, и они подумали, какой это приятный сюрприз.— Здравствуй, Иа!

— И тебе желаю того же, медвежонок Пух, а по четвергам — вдвое,— уныло сказал Иа.

Не успел Винни-Пух спросить: «Почему по четвергам?» — как Кристофер Робин начал рассказывать грустную историю пропавшего дома Иа. Пух и Пятачок слушали, и глаза у них становились всё больше и больше.

— Где, ты говоришь, он был? — спросил Пух.

— Как раз тут,— сказал Иа.

— Он был сделан из палочек?

— Да.

— Ох,— сказал Пятачок.

— Что? — сказал Иа.

— Я просто сказал «ох»,— нервно ответил Пятачок и, чтобы не подавать виду, что он смутился, раз-другой тирлиббомбомкнул так беззаботно, как только мог.

— А ты уверен, что это был дом? — спросил Пух.— Я хочу сказать, ты уверен, что как раз тут был дом?

— Конечно, уверен,— сказал Иа. Он пробормотал про себя: «Ни тени ума нет у некоторых!»

— В чём дело, Пух? — спросил Кристофер Робин.

— Но...— сказал Пух.— Дело в том...— сказал он.— Ну, дело в том...— сказал Пух.— Понимаешь...— сказал Пух.— Как бы вам сказать...— сказал Пух, и тут что-то, видимо, подсказало

ему, что он не очень хорошо объясняет дело, так что он снова толкнул Пятачка локтем.

— Как бы вам сказать... — поспешно сказал Пятачок. — Только теплее, — добавил он после долгого размышления.

— Что — теплее?

— На той стороне рощи, где стоит дом Иа.

— Мой дом? — спросил Иа. — Мой дом был здесь.

— Нет, — твёрдо сказал Пятачок, — он на той опушке.

— Потому что там теплее, — сказал Пух.

— Но я хочу знать...

— Пойдём и посмотрим, — просто сказал Пятачок, приглашая всех идти за ним.

Они вышли на опушку, и там стоял дом Иа — с виду уютный-преуютный.

— Вот он, — сказал Пятачок.

— Внутри не хуже, чем снаружи, — с гордостью сказал Пух.

Иа вошёл в дом и снова вышел.

— Странное явление, — сказал он. — Это мой дом, и я сам построил его там, где я говорил, так что, очевидно, его сдуло сюда ветром. Видимо, ветер перенёс его прямо через рощу и тут опустил. И он стоит здесь целый и невредимый. Пожалуй, местами он даже лучше!

— Гораздо лучше! — хором сказали Пух и Пятачок.

— Вот вам пример того, что можно сделать, если не полениться, — сказал Иа. — Тебе понятно, Пух? Тебе понятно, Пятачок? Во-первых — Смекалка, а во-вторых — Добросовестная Работа. Ясно? Вот как надо строить дом! — гордо закончил Иа.

Все попрощались со счастливым хозяином дома, и Кристофер Робин пошёл обедать со своими друзьями — Пухом и Пятачком. По дороге друзья рассказали ему об Ужасной Ошибке, которую они совершили, и, когда он кончил смеяться, все трое дружно запели Дорожную Шумелку для Снежной Погоды и пели её всю дорогу, причём Пятачок, который всё ещё был немного не в голосе, только тирлиббомбомкал.

«Конечно, кажется, что тирлиббомбомкать легко, — сказал Пятачок про себя, — но далеко не каждый и с этим сумеет справиться!»

Глава одиннадцатая,

В КОТОРОЙ В ЛЕС ПРИХОДИТ ТИГРА И ЗАВТРАКАЕТ

Винни-Пух внезапно проснулся в полночь и насторожился. Потом он встал с постели, зажёл свечку и пошёл к буфету — проверить, не пытается ли кто-нибудь туда залезть, но там никого

не было, так что он, успокоенный, вернулся обратно, задул свечку и лёг в постель. И тут он снова услышал Подозрительный Звук — тот самый, который его разбудил.

— Это ты, Пятачок? — спросил Пух.

Но это был не он.

— Входи, Кристофер Робин, — сказал Пух.

Но Кристофер Робин не вошёл.

— Завтра расскажешь, Иа, — сказал Пух сонным голосом.

Но звук продолжался.

— **ВОРРАВОРРАВОРРАВОРРАВОРРА!** — говорил Неизвестно Кто, и Пух вдруг почувствовал, что ему, в общем, совершенно не хочется спать.

«Что это может быть такое? — подумал он. — У нас в Лесу бывает множество всяких звуков, но этот какой-то странный. Это и не пение, и не сопение, и не хрипение... Это даже не тот звук, который издаёшь перед тем, как прочитать вслух стихи. Это какой-то незнакомый шум, и шумит какой-то незнакомый зверь. А главное, он шумит у самой моей двери. Очевидно, надо встать и попросить его перестать».

Винни встал с постели и открыл дверь.

— Привет! — сказал он, обращаясь неизвестно к кому.

— Привет! — ответил Неизвестно Кто.

— Ох! — сказал Пух. — Привет!

— Привет!

— А, это ты! — сказал Пух. — Привет!

— Привет! — сказал Чужой Зверь, недоумевая, до каких пор этот обмен приветствиями будет продолжаться.

Пух как раз собирался сказать «Привет!» в четвёртый раз, но подумал, что, пожалуй, не стоит, и вместо этого он спросил:

— А кто это?

— Я, — отвечал Голос.

— Правда? — сказал Пух. — Ну, тогда входи!

Тут Неизвестно Кто вошёл, и при свете свечи он и Пух установились друг на друга.

— Я — Пух, — сказал Винни-Пух.

— А я — Тигра, — сказал Тигра.

— Ох! — сказал Пух. (Ведь он никогда раньше не видел таких зверей.) — А Кристофер Робин знает про тебя?

— Конечно, знает! — сказал Тигра.

— Ну, — сказал Пух, — сейчас полночь, и это самое подходящее время, чтобы лечь спать, а завтра утром у нас будет мёд на завтрак. Тигры любят мёд?

— Они всё любят! — весело сказал Тигра.

— Тогда, раз они любят спать на полу, я пойду опять лягу в постель, — сказал Пух, — а завтра мы займёмся делами. Спокойной ночи!

И он лёг в постель и поскорее заснул.

Первое, что он увидел утром, проснувшись,— это был Тигра, который сидел перед зеркалом, уставившись на своё отражение.

— Доброе утро! — сказал Пух.

— Доброе утро! — сказал Тигра.— Смотри-ка, тут есть кто-то, точь-в-точь как я. А я думал, я только один такой.

Пух вылез из постели и начал объяснять, что такое зеркало, но едва он дошёл до самого интересного места, Тигра сказал:

— Минуточку! Извини, пожалуйста, но там кто-то лезет на твой стол!.. **ВОРРАВОРРАВОРРАВОРРАВОРРА!** — проворчал он, схватил угол скатерти, стащил её на пол, завернулся в неё три раза, перекатился на другой конец комнаты и, после отчаянной борьбы, высунул голову из-под скатерти и весело спросил: — Ну, кто победил? Я?

— Это моя скатерть,— сказал Пух, начиная развёртывать Тигру.

— Никогда бы не подумал, что её так зовут,— сказал Тигра.

— Её стелят на стол и на неё потом всё ставят.

— А тогда зачем она старалась укусить меня, когда я не смотрел?

— Не думаю, чтобы она очень старалась,— сказал Пух.

— Она старалась,— сказал Тигра,— но где ей со мной справиться!

Пух расстелил скатерть на столе, поставил большой горшок мёду на скатерть, и они сели завтракать.

Как только они сели, Тигра набрал полный рот мёду.. и поглядывал на потолок, склонив голову набок. Потом послышалось чмокание — удивлённое чмокание, и задумчивое чмокание, и чмокание, означающее: «Интересно, что же это нам такое дали?»

А потом он сказал очень решительным голосом:

— Тигры не любят мёда!

— Ай-ай-ай! — сказал Пух, стараясь показать, что его это ужасно огорчило.— А я-то думал, что они любят всё.

— Всё, кроме мёда,— сказал Тигра.

Сказать по совести, Винни-Пуху это было довольно приятно, и он поспешно сообщил Тигре, что, как только он, Пух, справится со своим завтраком, они пойдут в гости к Пятачку, и, может быть, он угостит их желудями.

— Спасибо, Пух,— сказал Тигра,— потому что как раз жёлуди Тигры любят больше всего на свете!

И вот после завтрака они отправились в гости к Пятачку, и Пух по дороге объяснял, что Пятачок — Очень Маленькое Существо и не любит, когда на него наскакивают, так что он, Пух, просит Тигру не очень распрыгиваться для первого знакомства, а Тигра, который всю дорогу то прятался за деревьями, то вдруг

выскакивал из засады, стараясь поймать тень Пуха, когда она *не смотрела*, отвечал, что Тигры насакаивают только до завтрака, а едва они съедят немного желудей, они становятся Тихими и Вежливыми. Так они незаметно дошли до дверей Пятачка и постучали.

— Здравствуй, Пух,— сказал Пятачок.

— Здравствуй, Пятачок. А это — Тигра.

— П-п-правда? — спросил Пятачок, отъезжая на стуле к противоположному краю стола.— А я думал, Тигры не такие большие.

— Ого-го! Это ты не видал больших! — сказал Тигра.

— Они любят жёлуди,— сказал Пух,— поэтому мы и пришли. Потому что бедный Тигра до сих пор ещё совсем не завтракал.

Пятачок подвинул корзинку с желудями Тигре и сказал: «Угощайтесь, пожалуйста», а сам крепко прижался к Пуху и, почувствовав себя гораздо храбрее, сказал: «Так ты Тигра? Ну-ну!» — почти весёлым голосом. Но Тигра ничего не ответил, потому что рот у него был набит желудями...

Он долго и громко жевал их, а потом сказал:

— Мимы не мюмят момумей.

А когда Пух и Пятачок спросили: «Что, что?» — он сказал:

— Мимимите! — и выбежал на улицу.

Почти в ту же секунду он вернулся и уверенно объявил:

— Тигры не любят желудей.

— А ты говорил, они любят всё, кроме мёда,— сказал Пух.

— Всё, кроме мёда и желудей,— объяснил Тигра.

Услышав это, Пух сказал: «А-а, понятно!» — а Пятачок, который был, пожалуй, немного рад, что Тигры не любят желудей, спросил:

— А как насчёт чертополоха?

— Чертополох,— сказал Тигра,— Тигры действительно любят больше всего-всего на свете!

— Тогда пойдём навестим Иа,— предложил Пятачок.

Все трое отправились в путь. Они шли, и шли, и шли и наконец пришли в тот уголок Леса, где находился Иа-Иа.

— Здравствуй, Иа! — сказал Пух.— Вот это — Тигра.

— Кто вот это? — спросил Иа.

— Вот это,— в один голос объяснили Пух и Пятачок, а Тигра улынулся во весь рот и ничего не сказал.

Иа обошёл вокруг Тигры два раза: сначала с одной стороны, потом с другой.

— Как, вы сказали, это называется? — спросил он, закончив осмотр.

— Тигра.

— Угу,— сказал Иа.

— Он только что пришёл,— объяснил Пятачок.

— Угу,— повторил Иа.

Он некоторое время размышлял, а потом сказал:

— А когда он уходит?

Пух стал объяснять Иа, что Тигра — большой друг Кристофера Робина и он теперь всегда будет в Лесу, а Пятачок объяснил Тигре, что он не должен обижаться на то, что сказал Иа, потому что он, то есть Иа, всегда такой угрюмый; а Иа-Иа объяснил Пятачку, что, наоборот, сегодня утром он необыкновенно весел; а Тигра объяснил всем и каждому, что он до сих пор ещё не завтракал.

— Ох, так и знал, что позабуду,— сказал наконец Пух.— Тигры всегда едят чертополох — вот почему мы пришли к тебе в гости.

— Спасибо, Пух! Очень, очень тронут твоим вниманием!

— Ой, Иа, я не хотел сказать, что мы не хотели тебя видеть...

— Понятно, понятно. Словом, ваш новый полосатый друг хочет позавтракать. Вполне естественно. Как, вы говорите, его зовут?

— Тигра.

— Ну, тогда пойдём сюда, Тигра.

Иа проводил Тигру к самому колючему кусту чертополоха и для верности показал на него копытом.

— Этот кустик я берёг для своего дня рождения,— сказал он,— но, в конце концов, что такое день рождения? Сегодня он тут, а завтра его нет. Пожалуйста, Тигра, угощайся.

Тигра сказал «спасибо» и неуверенно покосился на Пуха.

— Это и есть чертополох? — шепнул он.

— Да,— сказал Пух.

— Тот, который Тигры любят больше всего на свете?

— Совершенно верно,— сказал Пух.

— Понятно,— сказал Тигра.

И он храбро откусил большую ветку и громко захрустел ею. В ту же секунду он сел на землю и сунул лапу в рот.

— Ой-ой-ой,— сказал он.

— В чём дело? — спросил Пух.

— Жжётся! — пробормотал Тигра.

— Кажется,— сказал Иа,— наш друг проглотил пчелу.

Друг Пуха на секунду перестал трясти головой (он пытался вытрясти колючки) и объяснил, что Тигры не любят чертополоха.

— Тогда зачем было портить такой отличный экземпляр? — сурово спросил Иа.

— Но ведь ты сам говорил,— начал Пух,— ты говорил, что Тигры любят всё, кроме мёда и желудей.

— И чертополоха! — крикнул Тигра, который в это время бежал с высунутым языком, описывая огромные круги.

Пух грустно посмотрел на него.

— Что же мы будем делать? — спросил он Пятачка.

Пятачок знал, что ответить. Он сказал не задумываясь, что нужно пойти к Кристоферу Робину.

— Вы найдёте его у Кенги, — сказал Иа. Потом он подошёл поближе к Пуху и сказал громким шёпотом: — Не могли бы вы попросить вашего друга перенести свои спортивные упражнения в какое-нибудь другое место? Я сегодня собираюсь обедать, и мне не очень хочется, чтобы весь мой обед истоптали ногами. Конечно, это пустяки, прихоть, можно сказать, но у всех у нас есть свои маленькие капризы.

Пух важно кивнул и позвал Тигру.

— Пошли! Мы сейчас пойдём к Кенге, уж у неё обязательно найдётся для тебя куча всяких завтраков.

Тигра закончил последний круг и подбежал к Пуху.

— Жжётся! — объяснил он, широко и приветливо улыбаясь. — Пошли! — И побежал первым.

Пух и Пятачок медленно побрели за ним. По дороге Пятачок ничего не говорил, потому что он не мог ни о чём думать, а Пух ничего не говорил, потому что думал о новом стихотворении, и, когда он всё хорошенько обдумал, он начал:

Что делать с бедным Тигрой?
Как нам его спасти?
Ведь тот, кто ничего не ест,
Не может и расти!

А он не ест ни мёду,
Ни вкусных желудей —
Ну ничего, чем кормят
Порядочных людей!

Он даже отказался
Жевать чертополох,
Чем вызвал в нашем Обществе
Большой переполох!

Так что ж нам делать с Тигрой?
Как нам его спасти?
Ведь Тигре очень нужно
Немного подрасти!

— Да он ведь и так уже очень большой, — сказал Пятачок.

— На самом деле он ещё не очень большой.

— Ну, он кажется очень большим. Просто огромным!
Пух, услышав это, задумался и пробормотал:

Не знаю я, сколько в нём Метров,
И Литров, и Килограмм,
Но Тигры, когда они прыгают,
ОГРОМНЫМИ кажутся нам!

Вот и всё стихотворение, — сказал он. — Тебе оно нравится, Пятачок?

— Всё, кроме Литров, — сказал Пятачок. — По-моему, они тут ни к чему.

— А они обязательно хотели встать сзади Метров, — объяснил Пух. — Вот я их и впустил туда, чтобы отвязаться. Вообще это самый лучший способ писать стихи — позволять вещам становиться туда, куда они хотят.

— Этого я не знал, — сказал Пятачок.

Тигра тем временем весело прыгал впереди, поминутно возвращаясь, чтобы спросить: «Сюда идти?» И вот наконец показался домик Кенги, и там был Кристофер Робин. Тигра бросился со всех ног к нему.

— Ах, это ты, Тигра! — сказал Кристофер Робин. — Я знал, что ты где-нибудь тут.

— А я сколько всего нашёл в Лесу! — с гордостью сказал Тигра. — Я нашёл Пух, и Пятачок нашёл, и ещё Иа нашёл! А вот завтрака я нигде не нашёл.

Пух и Пятачок подошли к Кристоферу Робину, обнялись с ним и рассказали, в чём дело.

— Ты, наверно, знаешь, что Тигры любят? — спросил Пух.

— Если я очень постараюсь, я, наверно, вспомню, — сказал Кристофер Робин, — но я думаю, что Тигра сам знает.

— Я знаю, — сказал Тигра, — они любят всё на свете, кроме мёда и желудей и ещё — как эти жгучки называются?

— Чертополох.

— Да и ещё кроме этих.

— Ну что же, ладно. Уж Кенга накормит тебя завтраком.

Они вошли в дом, и когда Крошка Ру сказал «Здравствуй, Пух», и «Здравствуй, Пятачок» (по одному разу), и «Здравствуй, Тигра» (два раза, потому что это очень забавно звучало и, кроме того, он ведь никогда ещё так не здоровался), они рассказали Кенге, зачем они пришли, и Кенга очень ласково сказала: «Ну что ж, милый Тигра, загляни в мой буфет и посмотри — что тебе там понравится». Ведь Кенга сразу поняла, что,

хотя с виду Тигра очень большой, он так же нуждается в ласке, как и Крошка Ру.

— А можно мне тоже поглядеть? — сказал Пух, который уже начал себя чувствовать немножко одиннадцатичасно, и, получив согласие, он разыскал небольшую банку сгущённого молока. Что-то, видимо, подсказало ему, что Тигры не любят сгущённого молока, и он тихонечко унёс банку в уголок и спокойно занялся ею.

Но чем больше Тигра совал то свой нос, то лапу то в одну, то в другую банку, тем больше он находил вещей, которые Тигры не любят. И когда он перерыл весь буфет и нашёл всё, что там было, и оказалось, что он ничего этого есть не может, он спросил Кенгу:

— Что же теперь будет?

Но Кенга, и Кристофер Робин, и Пятачок — все стояли вокруг Крошки Ру, уговаривая его принять рыбий жир. И Ру говорил: «Может, не надо?» — а Кенга говорила: «Ну-ну, милый Ру, вспомни, что ты мне обещал».

— Что это там такое? — шепнул Тигра Пятачку.

— Это ему лекарство дают, — сказал Пятачок. — Витамины! Он их ненавидит!

Тигра подошёл поближе и наклонился над спинкой кресла Ру. И вдруг он высунул язык, послышалось громкое «буль-буль», и, подскочив от удивления, Кенга вскрикнула: «Ох!» — и ухватила ложку как раз в ту секунду, когда она уже исчезала в пасти Тигры. Ложку она спасла, но рыбий жир исчез.

— Господи, Тигра, милый! — сказала Кенга.

— Он моё лекарство принял, он моё лекарство принял, он принял моё лекарство! — в восторге запищал Ру, решивший, что это отличная шутка.

Тут Тигра посмотрел на потолок, закрыл глаза, и язык его пошёл ходить кругами вокруг мордочки, на тот случай, если что-нибудь осталось снаружи. Затем его озарила умиротворённая улыбка, и он сказал:

— Так вот что Тигры действительно любят!

Теперь нас не удивит, что он поселился в доме у Кенги и всегда получал рыбий жир на завтрак, обед и ужин. Иногда (когда Кенга считала, что ему нужно подкрепиться) он вместо лекарства принимал ложку-другую каши, которой завтракал Ру.

— Но я лично считаю, — говаривал в таких случаях Пятачок Пуху, — я лично считаю, что он и так достаточно крепкий!

В КОТОРОЙ КРОЛИК ОЧЕНЬ ЗАНЯТ
И МЫ ВПЕРВЫЕ ВСТРЕЧАЕМСЯ
С ПЯТНИСТЫМ ЦАСВИРНУСОМ

Всё предвещало, что у Кролика опять будет очень занятой день. Едва успев открыть глаза, Кролик почувствовал, что сегодня всё от него зависит и все на него рассчитывают. Это был как раз такой день, когда надо было, скажем, написать письмо (подпись — Кролик), день, когда следовало всё проверить, всё выяснить, всё разъяснить и, наконец, самое главное — что-то организовать.

В такое утро непременно надо было забежать на минутку к Пуху и сказать: «Ну что ж, отлично, тогда я передам Пятачку», а затем к Пятачку и сообщить: «Пух считает... Но лучше я сначала загляну к Сове». Начинался такой, как бы вам сказать, командирский день, когда все говорят: «Да, Кролик», «Хорошо, Кролик», «Будет исполнено, Кролик» и вообще ожидают дальнейших распоряжений. Кролик вышел из дому и, принюхиваясь к тёплому весеннему ветру, размышлял о том, с чего начать.

Ближе всех к нему был дом Кенги, а в домике Кенги был Ру, который умел говорить: «Да, Кролик» и «Хорошо, Кролик», пожалуй, лучше всех в Лесу; но, увы, в последнее время там безотлучно находился ещё один зверь — непослушный и неугомонный Тигра. А он, как известно, был такой Тигра, который всегда сам лучше вас всё знает, и, если вы говорите ему, куда надо идти, он прибегает туда первым, а когда вы туда доберётесь, его и след простыл, и вам даже некому гордо сказать: «Ну вот, мы у цели!»

— Нет, к Кенге не надо, — задумчиво сказал Кролик, подкручивая усики. И, желая окончательно удостовериться в том, что он туда не идёт, он повернул налево и побежал напрямёхонько к дому Кристофера Робина.

«Что ни говори, — твердил Кролик про себя, — Кристофер Робин надеется только на меня. Он, конечно, любит Пуха, и Пятачка, и Иа, я — тоже, но у них у всех в голове опилки. Это ясно. Он уважает Сову, потому что нельзя не уважать того, кто умеет написать слово «суббота», даже если он пишет его неправильно, но правильное написание — это ещё не всё. Бывают такие дни, когда умение написать слово «суббота» просто не считается. А Кенга слишком занята Крошкой Ру, а Крошка Ру слишком маленький, а Тигра слишком непослушный, так что, когда наступает ответственный момент, надеяться можно только на меня. Я пойду и узнаю, в чём ему нужно помочь, и тогда я ему, конечно, помогу. Сегодня как раз день для таких занятий».

Он весело перескочил на другой берег реки и вскоре оказался

в районе, где жили его Родственники и Знакомые: сегодня их было, кажется, ещё больше обыкновенного. Кивнув одному-другому Ежу (поздороваться с ними за руку было, понятно, некогда), небрежно бросив «Доброе утро, доброе утро» ещё кое-кому и снисходительно приветствовав самых маленьких словами: «Ах, это вы», Кролик махнул им всем лапкой и скрылся. Всё это вызвало такое волнение и восхищение среди Родственников и Знакомых, что некоторые представители семейства Козявок, включая Сашку Букашку, немедленно направились в Дремучий Лес и полезли на деревья, надеясь, что они успеют забраться на верхушку до того, как это — что бы оно там ни было — случится, и они смогут всё как следует увидеть.

Кролик нёсся по опушке Дремучего Леса, с каждой минутой всё больше чувствуя важность своей задачи, и наконец он прибежал к дереву, в котором жил Кристофер Робин.

Он постучал в дверь.

Он раза два окликнул Кристофера Робина.

Потом он отошёл немного назад и, заслонив лапкой глаза от солнца, ещё покричал, глядя на верхушку.

Потом он зашёл с другой стороны и опять покричал: «Эй!» и «Слушай!» и «Это Кролик!», но ничего не произошло. Тогда он замолчал и прислушался, и всё замолчало и прислушалось вместе с ним, и в освещённом солнцем Лесу стало тихо-тихо, и потом вдруг где-то в невероятной высоте запел жаворонок.

— Обидно, — сказал Кролик, — он ушёл.

Он снова повернулся к зелёной двери, просто так, для порядка, и собирался уже идти, чувствуя, что утро совершенно испорчено, как вдруг заметил на земле листок бумаги. В листке торчала булавка; очевидно, он упал с двери.

— Ага, — сказал Кролик, снова приходя в хорошее настроение. — Мне опять письмо!

Вот что там говорилось:

УШОЛ
ЩАСВИРНУС
ЗАНИТ

ЩАСВИРНУС
К. Р.

— Ага! — повторил Кролик. — Надо немедленно сообщить остальным.

И он с важным видом двинулся в путь.

Ближе всего отсюда жила Сова, и Кролик направил свои стопы по Дремучему Лесу к дому Совы. Он подошёл к двери, позвонил и постучал; потом снова постучал и опять позвонил. Словом, он звонил и стучал, стучал и звонил до тех пор, пока,

наконец, наружу не высунулась голова Совы и не сказала:

— Убирайся, я предаюсь размышлениям,— ах, это ты!

Сова всегда так встречала гостей.

— Сова,— сказал Кролик деловито,— у нас с тобой есть мозги. У остальных — опилки. Если в этом Лесу кто-то должен думать, а когда я говорю «думать», я имею в виду *думать по-настоящему*, то это наше с тобой дело.

— Да,— сказала Сова,— я этим и занималась.

— Прочти вот это.

Сова взяла у Кролика записку Кристофера Робина и посмотрела на неё в некотором замешательстве. Она, конечно, умела подписываться — «*Сава*» и умела написать «*Суббота*» так, что вы понимали, что это не вторник, и она довольно неплохо умела читать, если только ей не заглядывали через плечо и не спрашивали ежеминутно: «Ну так что же?» Да, она умела, но...

— Ну так что же? — спросил Кролик.

— Да,— сказала Сова очень умным голосом.— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Несомненно.

— Ну так что же?

— Совершенно точно,— сказала Сова.— Вот именно.— И после некоторого размышления она добавила: — Если бы ты не зашёл ко мне, я должна была бы сама зайти к тебе.

— Почему? — спросил Кролик.

— По этой самой причине,— сказала Сова, надеясь, что наконец она сумеет что-нибудь выяснить.

— Вчера утром,— торжественно произнёс Кролик,— я навестил Кристофера Робина. Его не было. К его двери была приколота записка.

— Эта самая записка?

— Другая. Но смысл её был тот же самый. Всё это очень странно.

— Поразительно,— сказала Сова, снова уставившись на записку. На минуту ей, неизвестно почему, показалось, что что-то случилось с носом Кристофера Робина.— Что же ты сделал?

— Ничего.

— Это самое лучшее,— ответила мудрая Сова.

Но она с ужасом ожидала нового вопроса. И он не заставил себя долго ждать.

— Ну так что же? — повторил неумолимый Кролик.

— Конечно, это совершенно неоспоримо,— пробормотала Сова.

С минуту она беспомощно открывала и закрывала рот, не в силах ничего больше придумать. И вдруг её осенило.

— Скажи мне, Кролик,— сказала она,— что говорилось в первой записке? Только точно. Это очень важно. От этого всё зависит. Повтори слово в слово.

— Да то же самое, что и в этой, честное слово!

Сова посмотрела на Кролика, борясь с искушением спихнуть его с дерева, но, сообразив, что это всегда успеется, она ещё раз попыталась выяснить, о чём же всё-таки идёт разговор.

— Прошу повторить точный текст,— сказала она, словно не обратив внимания на то, что сказал Кролик.

— Да там было написано: «Ушол щасвирнус». То же самое, что и здесь, только здесь ещё добавлено: «Занит щасвирнус».

Сова с облегчением вздохнула.

— Ну вот,— сказала Сова,— вот теперь наше положение стало яснее.

— Да, но каково положение Кристофера Робина? — сказал Кролик.— Где он сейчас? Вот в чём вопрос!

Сова снова поглядела на записку. Конечно, столь образованной особе ничего не стоило прочитать такую записку: «Ушол щасвирнус. Занит щасвирнус». А что тут ещё могло быть написано?

— По-моему, дорогой мой Кролик, довольно ясно, что произошло,— сказала она.— Кристофер Робин куда-то ушёл с Щасвирнусом. Он и этот... Щасвирнус сейчас чем-то заняты. Ты за последнее время встречал у нас в Лесу каких-нибудь Щасвирнусов?

— М-м-м,— сказал Кролик,— я как раз хотел у тебя узнать. Как они выглядят?

— Ну,— сказала Сова,— пятнистый или травоядный Щасвирнус — это просто... По крайней мере,— сказала она,— он больше всего похож на... Но, конечно,— продолжала она,— это сильно зависит от... Ну,— сказала Сова.— Словом, я плохо представляю себе их внешний вид,— закончила она чистосердечно.

— Большое спасибо,— сказал Кролик.

И он помчался к Винни-Пуху.

Ещё издали он услышал какой-то загадочный шум. Он остановился и прислушался. Производил этот шум Винни-Пух, а шум был вот какой:

ЗАГАДОЧНЫЙ ШУМ

Опять ничего не могу я понять,
Опилки мои — в беспорядке.
Везде и повсюду, опять и опять
Меня окружают загадки.

Возьмём это самое слово *опять*.
Зачем мы его произносим,
Когда мы свободно могли бы сказать
«Оишесть», и «осемь», и «овосемь»?

Молчит *этажерка*, молчит и *тахта* —
У них не *добьешься* ответа,
Зачем это *хта* — обязательно *та*,
А жерка, как правило, *эта!*

«Собака кусается»... Что ж, не беда,
Загадочно то, что собака,
Хотя и кусается, но никогда
Себя не кусает, однако...

О, если б я мог всё это понять,
Опилки пришли бы в порядок!
А то мне — загадочно! — хочется спать
От всех этих *Трудных Загадок!*

— Здорóво, Пух,— сказал Кролик.

— Здравствуй, Кролик,— сказал Пух сонно.

— Это ты сам додумался?

— Да, вроде как сам,— отвечал Пух.— Не то чтобы я умел думать,— продолжал он скромно,— ты ведь сам знаешь, но иногда на меня это находит.

— Угу,— сказал Кролик, который никогда не позволял ничему находить на него, а всегда всё находил и хватал сам.— Так вот, дело вот в чём: ты когда-нибудь видал Пятнистого или Травоядного *Щасвирнуса* у нас в Лесу?

— Нет,— сказал Пух,— ни-ко... Нет. Вот Тигру я видел сейчас.

— Он нам ни к чему.

— Да,— сказал Пух,— я и сам так думал.

— А Пятачка ты видел?

— Да,— сказал Пух.— Я думаю, что он сейчас тоже ни к чему,— продолжал он сонно.

— Ну, это зависит от того, видел он кого-нибудь или нет.

— Он меня видел,— сказал Пух.

Кролик присел было рядом с Пухом на землю, но, почувствовав, что это умаляет его достоинство, снова встал и сказал:

— Если сформулировать нашу задачу, то её можно изложить так: «Что Кристофер Робин делает теперь по утрам?»

— Что он делает?

— Да, да. Можешь ты мне рассказать, что он делает по утрам в последнее время? Требуется свидетельство очевидца за последние несколько дней.

— Да,— сказал Пух,— мы вчера с ним вместе завтракали. Возле Шести Сосен. Я сделал такую маленькую корзиночку, просто небольшую, но подходящую корзиночку, такую порядочную, солидную корзиночку, полную...

— Да, да,— сказал Кролик,— всё понятно. Но я имею в виду более позднее время. Ты видел его когда-нибудь от одиннадцати до двенадцати часов дня?

— Ну,— сказал Пух,— в одиннадцать часов... В одиннадцать часов, понимаешь, я обычно захожу домой. У меня в это время там кое-какие дела.

— А в четверть двенадцатого?

— Ну...— начал Пух.

— В полдвенадцатого?

— Да,— сказал Пух.— В полдвенадцатого или немножко попозже я обычно вижусь с ним.

И тут, задумавшись об этом, Пух вдруг вспомнил, что он действительно давно не видел Кристофера Робина в это время. После обеда — да, вечером — да, перед завтраком — да, сразу после завтрака — да, а потом действительно: «Ну, Пух, скоро увидимся», и Кристофер Робин исчезает на всё утро.

— Вот то-то и оно,— сказал Кролик.— Куда?

— Ну, может быть, он ищет что-нибудь?

— Что? — спросил Кролик.

— Я как раз собирался это сказать,— сказал Пух. Потом он добавил: — Ну, может быть, он ищет этого... этого...

— Пятнистого или Травяного Щасвируса?

— Да,— сказал Пух,— одного из них. Если он не на месте. Кролик строго посмотрел на Винни-Пуха.

— Кажется, толку от тебя немного,— сказал он.

— Нет,— сказал Пух.— Но я стараюсь,— добавил он смиренно.

Кролик поблагодарил его за старание и сказал, что он должен навестить Иа, и Пух, если хочет, может пойти с ним. Но Пух, который чувствовал, что на него находит новый куплет Шумелки, сказал, что он подождёт Пятачка.

— Всего хорошего, Кролик.

И Кролик ушёл.

Но случилось так, что первым встретил Пятачка как раз Кролик. Пятачок встал в этот день очень-очень рано и решил нарвать себе букетик фиалок, и, когда он нарвал букет и поставил его в вазу посреди своего дома, ему внезапно пришло в голову, что никто ни разу в жизни не нарвал букета фиалок для Иа. И чем больше он думал об этом, тем более он чувствовал, как грустно быть ослом, которому никто никогда в жизни даже не нарвал букета фиалок. И он снова помчался на лужайку, повторяя про себя: «Иа, фиалки», а потом: «Фиалки, Иа-Иа», чтобы не забыть.

Пятачок нарвал большой букет и побежал рысцой к тому месту, где обычно пасся Иа, по дороге нюхая фиалки и чувствуя себя необыкновенно счастливым.

— Здравствуй, Иа,— начал Пятачок немного нерешительно, потому что Иа был чем-то занят.

Иа поднял ногу и помахал Пятачку, чтобы он уходил.

— Завтра,— сказал Иа,— или послезавтра.

Пятачок подошёл поближе посмотреть, в чём дело. Перед Иа на земле лежали три палочки, на которые он внимательно смотрел. Две палочки соприкасались концами, а третья палочка лежала поперёк них. Пятачок подумал, что, наверно, это какая-нибудь Западня.

— Ой, Иа,— снова начал он,— я как раз...

— Это маленький Пятачок? — сказал Иа, не отрывая взора от своих палочек.

— Да, Иа, и я...

— Ты знаешь, что это такое?

— Нет,— сказал Пятачок.

— Это «А».

— О! О! — сказал Пятачок.

— Какое «О»? Это «А»! — строго сказал Иа.— Ты что, не слышишь? Или ты думаешь, что ты образованнее Кристофера Робина?

— Да,— сказал Пятачок.— Нет,— быстренько поправился он и подошёл ещё поближе.

— Кристофер Робин сказал, что это «А»,— значит, это и будет «А». Во всяком случае, пока кто-нибудь на него не наступит,— добавил Иа сурово.

Пятачок поспешно отскочил назад и понюхал свои фиалки.

— А ты знаешь, что означает «А», маленький Пятачок?

— Нет, Иа, не знаю.

— Оно означает Учение, оно означает Образование, Науки и тому подобные вещи, о которых ни Пух, ни ты не имеете понятия. Вот что означает «А»!

— О! — снова сказал Пятачок.— Я хотел сказать «Да ну?» — поспешно пояснил он.

— Слушай меня, маленький Пятачок. В этом Лесу толчется масса всякого народа, и все они говорят: «Ну, Иа — это всего лишь Иа, он не считается». Они разгуливают тут взад и вперёд и говорят: «Ха-ха!» Но что они знают про букву «А»? *Ничего.* Для них это просто три палочки. Но для Образованных, заметь себе это, маленький Пятачок, для Образованных — я не говорю о Пухах и Пятачках — это знаменитая и могучая буква «А». Да, это тебе не такая вещь,— добавил он,— про которую каждый знает, чем это пахнет!

Пятачок смущённо спрятал за спину фиалки и оглянулся в поисках помощи.

— А вот и Кролик,— сказал он радостно.— Здравствуй, Кролик.

Кролик с важным видом подошёл поближе, кивнул Пятачку и сказал: «Привет, Иа», тоном, ясно говорившим, что спустя не более двух минут он скажет: «Всего хорошего».

— Иа, у меня к тебе только один вопрос. Что это делает Кристофер Робин в последнее время по утрам?

— Что я сейчас вижу перед собой? — сказал Иа, не поднимая глаз.

— Три палочки, — не задумываясь, ответил Кролик.

— Вот видишь? — сказал Иа Пятачку. Потом он повернулся к Кролику. — Теперь я отвечу на твой вопрос, — торжественно сказал он.

— Спасибо, — сказал Кролик.

— Что делает Кристофер Робин по утрам? Он учится. Он получает образование. Он обалдевает, — по-моему, он употребил именно это слово, но, может быть, я и заблуждаюсь, — он обалдевает знаниями. В меру своих скромных сил я также — если я правильно усвоил это слово — обал... делаю то же, что и он. Вот это, например, буква...

— Буква «А», — сказал Кролик, — но не очень удачная. Ну ладно, я должен идти и сообщить остальным.

Иа посмотрел на свои палочки, а потом на Пятачка.

— Как сказал Кролик? Что это такое? — спросил он.

— «А», — сказал Пятачок.

— Это ты ему сказал?

— Нет, Иа, я не говорил. Я думаю, он сам знает.

— Он знает? Ты хочешь сказать, что какой-то Кролик знает букву «А»?

— Да, Иа. Он очень умный, Кролик-то.

— Умный!.. — сказал Иа с презрением, изо всех сил наступив копытом на свои три палочки.

— Образование!.. — с горечью сказал Иа, прыгая на своих палочках (их стало уже шесть).

— Что такое наука? — спросил Иа, лягая палочки (их было уже двенадцать), так что они взлетели в воздух. — Какой-то Кролик всё это знает. Ха!..

— Я думаю... — начал Пятачок робко.

— Не надо! — сказал Иа-Иа.

— Я думаю, фиалки довольно милые, — сказал Пятачок. Он положил перед Иа свой букет и умчался.

На следующее утро записка на двери Кристофера Робина гласила:

Я УШЕЛ
СЕЙЧАС ВЕРНУСЬ

К. Р.

Вот почему все обитатели Леса — за исключением, конечно, Пятнистого или Травоядного Цасвирнуса — отныне знают, чем Кристофер Робин занимается по утрам.

Глава тринадцатая.

В КОТОРОЙ ВЫЯСНЯЕТСЯ, ЧТО ТИГРЫ НЕ ЛАЗЯТ ПО ДЕРЕВЬЯМ

Случилось однажды так, что Винни-Пух о чём-то думал. И вот он подумал, что не мешало бы пойти навестить Иа, потому что они не виделись со вчерашнего дня. Он пошёл к Иа, распевая песенку, но вдруг он вспомнил, что не видел Сову с позавчерашнего дня, и решил по пути заглянуть в Дремучий Лес и посмотреть, дома ли Сова. Он пошёл к Реке, мурлыкая ту же песенку, но, когда он дошёл до третьего камня кладки, по которой переходят Реку, он забеспокоился о том, как проживают Кенга, и Ру, и Тигра. Пух подумал: «Я не видел Крошку Ру очень долгое время, а если я его не увижу сегодня, оно будет гораздо-гораздо дольше!»

И тут он сел на камушек посредине Реки и, раздумывая, что же ему теперь делать, спел ещё кусочек той же песни.

Кусочек, который он спел, был приблизительно вот какой:

Что мне делать, интересно,
Поутру?
В чехарду сыграть полезно
С крошкой Ру,—
Станет талия поуже,
Это мне к лицу. К тому же
Буду прыгать я не хуже
Кен-
гу-
ру!

А солнце было такое ласковое и тёплое, и камень, который лежал на солнышке уже давно, тоже был такой тёплый, что Пух почти уже решил провести на нём всё утро. И вдруг он вспомнил про Кролика.

«Да, Кролик! — сказал Пух про себя. — Я люблю с ним говорить. Он всегда понятно говорит. Он не любит длинных, трудных слов, не то что Сова. Он любит простые, лёгкие слова, например: «Закусим?» или: «Угощайся, Пух!» Да, по-моему, мне надо пойти навестить Кролика!»

Тут к песенке прибавился новый кусочек:

Очень мил бывает Кролик
Иногда.
С ним приятно сесть за столик
Да-да-да!
Тот, кто хочет подкрепиться,
С ним всегда договорится,
Если только торопиться
Не-
ку-
да!

И, когда Пух спел всё это, он поднялся с камня, вернулся назад на берег и решительно отправился к дому Кролика. Но не прошёл он и нескольких шагов, как начал спрашивать себя (ведь больше-то никого рядом не было):

«А вдруг Кролика нет дома?»

«Или вдруг я опять застряну у него в двери на обратном пути, как однажды уже случилось, потому что дверь у него была слишком узкая?»

«Ведь я-то знаю, что я не растолстел, но его дверь вполне могла похудеть!»

«Да, пожалуй, лучше будет...»

И всё это время он незаметно забирал левее и левее... пока не оказался, к своему большому удивлению, у своей собственной двери.

Было одиннадцать часов. Вполне подходящее время, чтобы немножко...

Словом, спустя полчаса Пух отправлялся туда, куда ему действительно хотелось отправиться, а именно к Пятачку, и по дороге он утирал губы лапкой и пел довольно пушистую песенку. Вот какую:

Хорошо живёт на свете
Винни-Пух!
Оттого поёт он эти
Песни вслух!
И неважно, чем он занят,
Если он толстеть не станет,
А ведь он толстеть не станет,
А наоборот,
по-
ху-
деет!

Конечно, напечатанные здесь эти строки кажутся не особенно хорошими, но Пух, напевая эту песенку в очень солнечное утро, после очень, очень сытного завтрака, был уверен, что это одна из лучших песен, какие он сочинил в жизни. И он пел и пел её в своё удовольствие.

Пятачок копал ямку в земле у самой своей двери.

— Здравствуй, Пятачок! — закричал Винни-Пух.

— Ой, здравствуй, Пух! — отвечал Пятачок, подпрыгнув от неожиданности. — А я знал, что это ты!

— Я тоже, — сказал Пух. — А что ты делаешь?

— Я сажаю жёлудь, Пух, и пускай из него вырастет дуб, и тут будет много, много желудей у самого дома, а то за ними приходится ходить бог знает куда. Понимаешь?

— А вдруг не вырастет? — спросил Пух.

— Вырастет, потому что Кристофер Робин сказал — обязательно вырастет. Поэтому я его и сажаю.

— Гм, — сказал Пух. — А я тогда... А я тогда посажу соты с мёдом в своём садике, и из них вырастет целый улей.

Пятачок был в этом не вполне уверен.

— Или лучше кусочек сота, — сказал Пух. — Особенно разбрасываться сотами не приходится. Только вот тогда может вырасти не целый улей, а кусочек, да ещё вдруг неправильный кусочек — тот, где пчёлы только жужжат, а мёду не делают. Вот обидно!

Пятачок согласился, что это будет довольно обидно.

— Между прочим, Пух, сажать очень трудно, если ты не знаешь как, — сказал он, — это надо уметь. — И он положил жёлудь в приготовленную ямку, засыпал его землёй и попрыгал на этом месте.

— Я-то умею сажать, — сказал Винни-Пух, — потому что Кристофер Робин дал мне семена коготков и винтиков, нет — гвоздиков! И я их посадил, и у меня теперь возле двери будет настоящий цветник — коготки и гвоздики. Или винтики.

— Я думал, они называются ноготки, — неуверенно сказал Пятачок, не переставая прыгать, — а гвоздики... гвоздики — это, наверно, гвоздики!

— Нет! — сказал Пух, — мои цветы называются коготки и винтики!

Попрыгав хорошенько, Пятачок вытер лапки о живот и сказал: «Что мы теперь будем делать?», а Пух сказал: «Пойдём навестим Кенгу, Ру и Тигру», и Пятачок сказал: «Д-д-да-вай п-п-пойдём», — потому что он всё ещё немножко побаивался Тигру. Тигра был ужасно прыгучий, и у него была такая манера здороваться, что у вас потом всегда были полны уши песку, даже после того, как Кенга скажет: «Тигра, деточка, осторожно!» — и поможет вам встать.

Они отправились в путь.

А в этот самый день у Кенги было ужасно хозяйственное настроение. Она решила везде навести порядок и сосчитать всё бельё и выяснить, сколько осталось у неё кусков мыла, и сколько у Тигры осталось чистых салфеток, и сколько у Ру осталось чистых передников, так что она выставила их обоих из дому, снабдив Ру пакетом бутербродов с салатом, а Тигру пакетом бутербродов с рыбьим жиром, чтобы они могли славно провести время в Лесу.

По дороге Тигра рассказывал Ру (которого это очень интересовало) обо всём, что умеют делать Тигры.

— А летать они умеют? — спросил Ру.

— Тигры-то? — сказал Тигра. — Летать? Тоже спросил! Они знаешь как летают!

— О! — сказал Ру. — А они могут летать не хуже Совы?

— Ещё бы! — сказал Тигра. — Только они не хотят.

— А почему они не хотят?

— Ну, им это почему-то не нравится.

Ру никак не мог этого понять, потому что ему-то ужасно хотелось полететь, но Тигра объяснил ему, что надо самому быть Тигрой, чтобы это понять.

— А прыгать? — спросил Ру. — Могут Тигры прыгать, как Кенги?

— Спрашиваешь! — сказал Тигра. — Ещё как! Когда хотят, конечно.

— Ой, как я люблю прыгать! — сказал Ру. — Давай посмотрим, кто дальше прыгнет — ты или я?

— Конечно, я, — сказал Тигра, — только мы сейчас не будем задерживаться, а то ещё опоздаем.

— Куда опоздаем?

— Туда, куда нам надо прийти вовремя, — сказал Тигра, ускоряя шаги.

Вскоре они добрались до Шести Сосен.

— А я умею плавать, — сообщил Ру, — я один раз упал в Реку и плавал. А Тигры умеют плавать?

— Конечно, умеют. Тигры всё умеют.

— А по деревьям они умеют лазить лучше, чем Пух? — спросил Ру, остановившись перед самой высокой из Шести Сосен и задрав голову.

— По деревьям они лазают лучше всех на свете, — сказал Тигра, — гораздо лучше всяких Пухов!

— А на это дерево они могут влезть?

— Они всегда лазают как раз по таким деревьям, — сказал Тигра. — Целый день лазают: то вверх, то вниз.

— Ой, Тигра, правда?

— А вот сейчас увидишь,— сказал Тигра решительно,— садись ко мне на закорки и увидишь.

Он внезапно почувствовал, что лазание по деревьям — это единственный талант Тигров, в котором он действительно уверен.

— Ой, Тигра! Ой, Тигра! Ой, Тигра! — пищал Крошка Ру в восторге. Он забрался Тигре на спину, и они полезли.

До первого сучка Тигра радостно повторял (про себя): «А мы лезем!»

Добравшись до следующего сучка, он с гордостью сказал (про себя): «Ну что, я зря говорил, что Тигры умеют лазить по деревьям?» Забравшись ещё повыше, он сказал (про себя): «Конечно, это не так легко, что говорить!..»

А ещё повыше он сказал:

— Ведь слезать тоже придётся. Задом.

А ещё-ещё повыше:

— И это будет трудновато...

— Если не упасть...

— А зато тогда это, кажется, будет совсем...

— Легко!

И как только он сказал «легко», ветка, на которой он стоял, внезапно сломалась, и он, чувствуя, что падает, едва-едва успел вцепиться в верхнюю ветку... Затем он медленно, медленно поднял голову, зацепился подбородком за эту ветку... Затем потянул одну заднюю лапу... Потом другую... И, наконец, он уселся на эту ветку, тяжело дыша и от души жалея, что он вместо этого не попробовал заняться плаванием.

Ру слез с Тигры и уселся рядышком.

— Ой, Тигра,— радостно сказал он,— мы уже на самой верхушке?

— Нет,— сказал Тигра.

— А мы полезем на верхушку?

— Н-е-т,— проворчал Тигра.

— У-у! — сказал Ру довольно грустно, но тут же радостно продолжал: — А здорово это у тебя получилось, когда ты стал понарошку падать, а потом взял и не упал. Давай ещё разок?

— Н-е-т!! — прорычал Тигра.

Ру немного помолчал, а потом спросил:

— А можно, мы съедим бутерброды, Тигра?

— Давай. А где они? — спросил Тигра.

— Они там внизу, под деревом.

Тигра сказал:

— Я думаю, мы лучше их побережём немного.

Так они и сделали.

Тем временем Винни-Пух и Пятачок продолжали свою прогулку. Пух в стихах сообщал Пятачку, что «неважно, чем он занят, так как он толстеть не станет, а ведь он толстеть не станет»;

а Пятачок размышлял о том, скоро ли вырастет посаженный им жёлудь.

— Пух, гляди,— неожиданно пискнул Пятачок,— там на Сосне кто-то сидит.

— Верно,— сказал Пух, с интересом вглядываясь в даль.— Там какой-то зверь.

Пятачок схватил Пуха за лапу, очевидно, чтобы Пух не очень пугался.

— Это какой-нибудь Хищный Зверь? — спросил он, стараясь смотреть в другую сторону.

Пух кивнул.

— Это Ягуляр,— сказал он.

— А что Ягуляры делают? — спросил Пятачок, в глубине души надеясь, что сейчас они этого делать не будут.

— Они прячутся на ветвях деревьев и оттуда бросаются на вас, когда вы стоите под деревом,— сказал Пух.— Кристофер Робин мне всё-всё про них рассказывал.

— Тогда мы лучше не будем подходить к этому дереву, Пух, а то он ещё бросится оттуда и ушибётся.

— Они не ушибаются,— сказал Пух,— они здорово умеют бросаться.

Однако Пятачка это почему-то не утешило. Он всё-таки чувствовал, что не стоит подходить к дереву, с которого, того гляди, кто-то бросится, хотя бы и очень умело, и он уже собирался побежать домой по какому-то очень срочному делу, когда Ягуляр подал голос.

— Помогите, помогите! — закричал он.

— Ягуляры — они всегда так,— сказал Пух, довольный, что может блеснуть своими познаниями.— Они кричат: «Помогите, помогите», а когда вы посмотрите вверх — бросаются на вас.

— Я смотрю вниз, вниз! — закричал Пятачок очень громко, чтобы Ягуляр по ошибке не сделал того, чего не надо.

В ответ донёсся чей-то восторженный писк с той самой ветки, где сидел Ягуляр:

— Пух и Пятачок! Пух и Пятачок!

И Пятачок неожиданно почувствовал, что сегодня прекрасный день, гораздо лучше, чем ему только что казалось. Такой солнечный, тёплый денёк!

— Пух! — крикнул он.— По-моему, это Тигра и Ру.

— По-моему, тоже,— сказал Пух.— А я думал, это Ягуляр и... и ещё один Ягуляр.

— Эй, Ру,— крикнул Пятачок,— что вы там делаете?

— Мы не можем слезть! Мы не можем слезть! — кричал Ру.— Здорово, правда? Пух, вот здорово! Мы с Тигрой живём на дереве, как Сова! И мы теперь всегда тут будем жить! А я вижу

дом Пятачка! Пятачок! Я отсюда твой дом вижу! Высоко мы забрались, правда? Сова и то ниже нас живёт!

— Как ты туда попал, Ру? — спросил Пятачок.

— Меня Тигра привёз! А Тигры вниз лазить не могут, потому что у них хвосты очень путаются между ног. Они только вверх умеют! А когда мы полезли, Тигра про это забыл, а сейчас он уже вспомнил, и мы тут теперь всегда-всегда будем жить. А может, ещё выше залезем! Что ты сказал, Тигра? А-а! Тигра говорит, что, если мы заберёмся выше, нам не так хорошо будет видно дом Пятачка, так что мы уж тут останемся.

— Пятачок,— торжественно сказал Пух, выслушав всё это,— что мы можем предпринять?

И он принялся за бутерброды Тигры.

— Они попались? — тревожно спросил Пятачок.

Винни-Пух кивнул.

— А ты не можешь влезть к ним?

— Я могу, Пятачок. Я могу снять оттуда Крошку Ру, но Тигру я снять не могу, мне его не дотащить. Надо что-нибудь придумать.

И в раздумье он начал жевать бутерброды Крошки Ру...

Не знаю, может быть, Пух и успел бы что-нибудь придумать, доев последний бутерброд, но едва он за него принялся, как в кустах послышался треск и оттуда появились Иа и Кристофер Робин.

— Нисколько не удивлюсь, если завтра выпадет град,— говорил Иа.— Того и жди. Бураны, выюги и тому подобное. Сегодня, конечно, хорошая погода, но это ещё ничего не значит; это ещё не сулит хороших перспек... или как там это называется? Словом, ничего такого не сулит... Это просто небольшая порция погоды. И всё тут.

— А вот и Пух,— сказал Кристофер Робин. Ему, очевидно, было безразлично, что порция хорошей погоды не очень большая, лишь бы она была хорошая.— Здравствуй, Пух!

— Это Кристофер Робин,— сказал Пятачок.— Вот он-то знает, что делать!

Они помчались ему навстречу.

— Ой, Кристофер Робин...— начал Пух.

— А также Иа,— сказал Иа.

— Тигра и Крошка Ру залезли прямо на Шесть Сосен и не могут слезть и...

— А я как раз говорил,— перебил Пятачок,— что если только Кристофер Робин...

— А также Иа-Иа,— сказал Иа, снова намекая, что с ним позабыли поздороваться.

— Если бы только вы оба были здесь, то мы бы могли что-нибудь придумать! — сказали Пух и Пятачок.

Кристофер Робин взглянул вверх, увидел Тигру и Крошку Ру и попытался что-нибудь придумать.

— Я думаю,— сказал глубокомысленно Пятачок,— что если бы Иа встал под дерево, а Пух встал к нему на спину, а я встал на плечи Пуха...

— И если бы спина Иа-Иа неожиданно треснула, то мы бы все здорово посмеялись. Ха-ха-ха! Как забавно! — сказал Иа.— Очень приятное развлечение, но, боюсь, не особенно полезное.

— Ну,— сказал Пятачок жалобно,— я только думал...

— Ты думаешь, твоя спина сломалась бы, Иа? — спросил ужасно удивлённый Пух.

— Заранее тут ничего сказать нельзя, милый Винни. И это, конечно, как раз самое интересное!

Пух сказал: «Ох», и все снова принялись думать.

— Ура, я придумал! — вдруг закричал Кристофер Робин.

— Слушай внимательно, маленький Пятачок,— сказал Иа,— и ты скоро будешь знать, что мы намерены предпринять.

— Я сниму рубашку, и мы все возьмём её за края, и тогда Крошка Ру и Тигра могут туда прыгнуть, всё равно как в гамак, они только покачаются и нисколько не ушибутся.

— Как снять Тигру с дерева,— сказал Иа-Иа,— и никому не повредить! Придерживайся этих правил, уважаемый Пятачок, и всё будет в порядке!

Но уважаемый Пятачок ничего не слышал — так он волновался при мысли, что снова увидит голубые помочи Кристофера Робина. Он уже их видел однажды, когда был гораздо моложе, и пришёл тогда в такое возбуждение, что его уложили спать на полчаса раньше обычного.

И с тех пор он всегда мечтал проверить, действительно ли они такие голубые и такие помочные, как ему показалось.

Поэтому, когда Кристофер Робин снял рубашку и ожидания Пятачка оправдались в полной мере, Пятачок на радостях простил Иа обиду, ласково улыбнулся ему и даже взялся за тот же край рубашки.

А Иа шепнул ему:

— Конечно, и теперь нельзя ручаться, что не произойдёт несчастного случая. Несчастные случаи — очень странные штуки. Они обычно случаются совершенно случайно.

Когда Крошка Ру понял, что ему нужно сделать, он пришёл в безумный восторг и запищал:

— Тигра, Тигра, мы сейчас будем прыгать! Ты погляди, как я прыгаю! Я сейчас просто полечу, вот увидишь. А Тигры так могут? Кристофер Робин! Я пошёл! — крикнул он, прыгнул — и угодил в самый центр спасательной рубашки.

Летел он так быстро, что его снова подбросило почти на

такую же высоту, и он ещё долго продолжал подлетать вверх, приговаривая: «О, О!»

Наконец он остановился и сказал: «Ой, как здорово!» — и его опустили на землю.

— Давай, Тигра! — крикнул он. — Это очень просто!

Но Тигра изо всей силы держался за ветку и говорил про себя: «Конечно, прыгающим животным, вроде Кенги, это хорошо, но для плавающих животных, вроде Тигров, это совершенно другое дело».

И он почему-то вдруг представил себе, как он плывёт на спинке вниз по течению или весело ныряет в прохладной влаге реки, и почувствовал, что это и есть настоящая жизнь для Тигры.

— Давай, давай! — крикнул Кристофер Робин. — Не бойся.

— Сейчас, минуточку, — нервно сказал Тигра, — мне что-то в глаз попало!

И он медленно, медленно пополз по ветке.

— Давай, давай, это очень просто! — пропищал Крошка Ру.

И вдруг Тигра почувствовал, как это просто.

— Ой! — крикнул он, видя, как дерево проносится мимо него.

— Берегитесь! — крикнул Кристофер Робин спасателям.

Раздался стук, треск разрываемой ткани, и на земле образовалась куча мала. Кристофер Робин, Пух и Пятачок поднялись первыми, потом они подняли Тигру, а в самом низу был, конечно, Иа-Иа.

— Ой, Иа! — крикнул Кристофер Робин. — Тебе не больно? — Он заботливо ощупал ослика, стряхнул с него пыль и помог ему встать на ноги.

Иа-Иа долгое время ничего не говорил.

Потом он спросил:

— Тигра здесь?

Тигра был здесь и снова в прекрасном настроении.

— Да, — сказал Кристофер Робин, — Тигра здесь.

— Что ж, тогда поблагодарите его от моего имени, — сказал Иа.

Глава четырнадцатая,

В КОТОРОЙ ВИННИ-ПУХ ИЗОБРЕТАЕТ НОВУЮ ИГРУ И В НЕЕ ВКЛЮЧАЕТСЯ ИА-ИА

К тому времени, когда речка добралась до края Леса, она очень выросла — выросла в настоящую Реку. И, сделавшись взрослой, она перестала прыгать, скакать и вертеться, как вначале, в детстве, а двигалась плавно и медленно. Ведь теперь она знала, куда идёт, и говорила себе: «Спешить незачем. Когда

нибудь все там будем». Зато все впадавшие в неё маленькие ручейки носились по Лесу взад и вперёд без усталости, мелькали то тут, то там — ведь им надо было так много, так много увидеть и узнать!

Широкая тропа — пожалуй, её можно было даже назвать дорогой — вела из Внешнего Мира в Лес, но, перед тем как попасть в Лес, ей надо было перебраться через эту Реку. И там, где Река и Дорога встречались, был деревянный мостик, почти такой же ширины, как сама дорога, с деревянными перилами по обеим сторонам. Кристофер Робин, пожалуй, мог положить подбородок на верхнюю перекладину перил, если бы захотел; но гораздо интереснее было встать на нижнюю перекладину, наклониться пониже и смотреть вниз на Реку, медленно скользившую куда-то. Винни-Пух, если бы захотел, пожалуй, мог положить свой подбородок на нижнюю перекладину, но куда интереснее было лечь на животик, просунуть голову под перекладину и смотреть, как внизу медленно скользит Река. Для Пятачка же и Крошки Ру это был единственный способ полюбоваться Рекой, потому что они были такие маленькие, что никак не доставали даже до нижней перекладины. Они ложились под перекладину и смотрели на Реку...

А Река текла и текла, медленно и плавно — ведь спешить ей было некуда.

Однажды по пути к мостику Винни-Пух старался сочинить какой-нибудь стишок про шишки, потому что кругом валялось множество шишек, а у Винни было поэтическое настроение. Он взял одну шишку, посмотрел на неё и сказал про себя: «Это очень хорошая шишка, и, конечно, она должна с чем-нибудь рифмоваться». Сперва он ничего не мог придумать, а потом ему вдруг пришло в голову вот что:

Ах, растут на ёлке шишки
Не для плюшевого Мишки!

— Хотя это неправильно, — сказал он, — потому что шишки мне могут пригодиться, а потом, мы с ними так хорошо рифмуемся! «Мишки — шишки»!

Тут ему пришёл в голову новый стишок:

Не странно ли, что Волки
Не могут жить на ёлке?

— Хотя «Волки — ёлки» тоже хорошо рифмуются, — пояснил Пух и продолжал:

Живут на ёлках белки
Хоть ёлки и не ёлки!

Тем временем Винни как раз подошёл к мосту. И так как он не смотрел себе под ноги, он споткнулся, шишка выскользнула из его лап и упала в воду.

— Обидно! — сказал Пух, глядя, как шишка медленно проплывает в сторону моста. Он хотел сходить за новой шишкой, которую тоже можно было срифмовать, но потом подумал, что лучше он просто поглядит на Реку, потому что денёк такой славный; Винни-Пух лёг на пузо и стал смотреть на Реку, а она медленно, плавно скользила вдаль...

И вдруг из-под моста появилась его шишка, тоже медленно скользившая вдаль.

— Как интересно! — сказал Пух. — Я уронил её с той стороны, а она выплыла с этой! Интересно, все шишки так делают?

Он пошёл и набрал ещё шишек.

Да. Они все так делали.

Тогда он бросил две шишки сразу и стал ждать, какая из них выплывет первой. И одна из них выплыла первой, но, так как они были одинакового размера, Пух не знал, была ли это та, которую он задумал, или другая. Тогда в следующий раз он бросил одну большую, а другую маленькую, и большая выплыла первой, как он и думал, а маленькая выплыла последней, как он тоже думал, так что он выиграл два раза!..

И к тому времени, когда Винни пошёл домой пить чай, он уже выиграл тридцать шесть раз и проиграл двадцать восемь. Иными словами, он выиграл... Ну, отнимите сами двадцать восемь от тридцати шести, и вы узнаете, сколько раз он выиграл. Или — сколько раз он проиграл, если это вам интереснее.

Так появилась на свет игра, которую потом называли игрой в «Пушишки», в честь Винни-Пуха, который её изобрёл и научил играть в неё своих друзей. Только потом они стали играть палочками вместо шишек, потому что палочки легче различать, а игру называли просто «Игрой в Пустяки», и в этом названии от Пуха осталось только «Пу», а от шишек вообще ничего не осталось.

И вот однажды Пух, и Пятачок, и Кролик, и Крошка Ру играли в Пустяки; они бросали палочки по команде Кролика, а потом стремглав мчались на другую сторону моста, и все глядели вниз, ожидая, чья палочка выплывет первой. Ждать приходилось подолгу, потому что Река была в этот день очень ленива и, казалось, вообще не думала о том, чтобы двигаться к цели.

— А вот моя! — крикнул Крошка Ру. — Нет, не моя, это чья-то другая. Это не твоя, Пятачок? Я думал, это моя, а это не моя. Вот она! Нет, не она! Это не твоя, Пух?

— Нет, — ответил Винни-Пух.

— Наверно, моя палка пропала, — сказал Ру. — Кролик, моя палка — пропалка! Пятачок, а твоя палка — пропалка?

— Они всегда заставляют ждать дольше, чем вы думаете,— сказал Кролик.

— А сколько, ты думаешь, они заставят ждать? — спросил Ру.

— Вон твоя, Пятачок,— вдруг сказал Винни-Пух.

— Моя такая сероватая,— сказал Пятачок, сам не решаясь высунуться дальше из боязни свалиться в Реку.

— Да, да, её я и вижу, она плывёт в мою сторону.

Кролик высунулся дальше всех, высматривая свою палочку; Крошка Ру прыгал, как заводной, пища: «Палка, палка, поскорей! Палка, палка, поскорей!» — и Пятачок тоже ужасно взволновался, потому что ведь показалась только его палочка, а это означало, что он выигрывает.

— Выплывает! Вот она,— сказал Пух.

— А ты уверен, что это моя? — взволнованно запищал Пятачок.

— Да, потому что она большая и серая. Вот она плывёт. Очень большая, серая... Ой, нет, это не она. Это — Иа-Иа! И из-под моста выплыл Иа-Иа.

— Иа! — закричали все разом.

Да, спокойно и величественно, задрав в небо все четыре ноги, по реке плыл Иа-Иа.

— Это Иа! — запищал Крошка Ру вне себя от волнения.

— Неужели? — отозвался Иа. Он попал в небольшой водоворот и трижды плавно повернулся вокруг своей оси. — А я-то думал: «Кто это?»

— Я не знал, что ты тоже играешь,— сказал Крошка Ру.

— Я не играю,— ответил Иа.

— А что же ты там делаешь? — спросил Кролик.

— Можешь отгадывать до трёх раз, Кролик. Рою землю? Неправильно. Прыгаю по веткам молодого дуба? Нет, неправильно. Жду, чтобы мне кто-нибудь помог выбраться из реки? Теперь правильно! Дайте Кролику время подумать, и он всегда всё отгадает!

— Ой, Иа,— сказал Пух растерянно. — А что же мы... я хочу сказать, как же мы... ты думаешь, если мы...

— Да,— сказал Иа,— Конечно! Один из этих вариантов будет абсолютно правилен. Спасибо тебе, Пух.

— Ой, он плывёт всё кругом и кругом,— сказал Крошка Ру, совершенно захваченный этим зрелищем.

— Почему бы и нет? — холодно отвечал Иа.

— Я тоже умею плавать,— гордо сказал Крошка Ру.

— Но не кругом,— сказал Иа.— Кругом гораздо труднее. Я сегодня вообще не собирался плавать,— продолжал он, медленно вращаясь,— но уж если пришлось, то, мне кажется, лёгкое вращательное движение справа налево... Или, может быть, вер-

нее сказать,— добавил он, попав в следующий водоворот,— слева направо... При всех обстоятельствах — это моё личное дело.

Наступило молчание. Все задумались.

— Я, кажется, вроде как придумал,— сказал наконец Винни-Пух.— Но я не уверен, что это будет хорошо.

— Я тоже,— сказал Иа.

— Выкладывай, Пух,— сказал Кролик.— Говори.

— Ну, если мы все будем бросать камни и всякие вещи в реку, с одного боку Иа подымутся волны, и эти волны прибьют Иа к берегу.

— Это очень хорошая Идея,— сказал Кролик.

И Винни-Пух снова повеселел.

— Очень,— сказал Иа.— Когда я захочу, чтобы меня прибили, Винни-Пух, я вам сообщу.

— А вдруг мы случайно попадём в него? — тревожно спросил Пятачок.

— Или вдруг мы случайно *не попадём* в него! — сказал Иа.— Обдумай все эти возможности, Пятачок, прежде чем вы начнёте развлекаться.

Но Винни-Пух уже притащил самый большой камень, какой только мог поднять, и склонился над водой, держа его в лапках.

— Я его не брошу, я его просто уроню, Иа,— объяснил он.— И тут уж я не промахнусь, то есть я хочу сказать, что я не попаду в тебя. Ты не можешь на минутку перестать вертеться, а то меня это сбивает?

— Нет,— сказал Иа.— Мне нравится вертеться.

Кролик почувствовал, что пора ему взять на себя командование.

— Ну, Пух,— сказал он,— когда я скажу «Пора!», ты можешь пускать камень. Иа-Иа, когда я крикну «Пора!», Пух пустит свой камень.

— Большое спасибо, Кролик, но я полагаю, что я это узнаю и без тебя.

— Пух, ты готов? Пятачок, отодвинься немного от Пуха, ты ему мешаешь. Ру, чуть-чуть назад. Все готовы?

— Нет,— сказал Иа.

— *Пора!* — крикнул Кролик.

Пух отпустил камень. Раздался громкий всплеск, и Иа-Иа исчез...

Момент был волнующий, особенно для наблюдателей на мосту. Они глядели во все глаза... И даже вид палочки Пятачка, которая выплыла чуть-чуть впереди Кроличьей палочки, не так развеселил их, как вы могли бы ожидать. А потом — как раз в тот самый момент, когда Пух уже начал думать, что, наверно, он выбрал неправильный камень или неправильную реку, или неправильный день для своей Идеи,— что-то серое появилось на при-

брежной отмели... Постепенно оно становилось всё больше и больше... и наконец стало ясно, что это Иа-Иа, который выходит из воды.

С дружным воплем все кинулись с моста; они тащили, и тянули, и подталкивали Иа, и вскоре он встал на твёрдую почву.

— Ой, Иа, до чего же ты мокрый! — сказал Пятачок, пощупав его.

Иа отряхнулся и попросил кого-нибудь объяснить Пятачку, что происходит, когда вы находитесь в воде довольно долгое время.

— Молодец, Пух! — великодушно сказал Кролик. — Да, нам с тобой пришла в голову неплохая Идея!

— Какая Идея? — спросил Иа.

— Прибить тебя вот так к берегу.

— Прибить меня? — сказал Иа удивлённо. — Прибить меня? Вы что думаете — меня прибили? Да? Я просто нырнул! Пух запустил в меня огромным камнем, и, чтобы избежать тяжёлого удара в грудь, я нырнул и подплыл к берегу.

— Это неправда, — шепнул Пятачок Пуху, чтобы его утешить.

— По-моему, тоже, — нерешительно сказал Пух.

— Иа — он всегда так, — сказал Пятачок. — Я лично считаю, что ты очень хорошо придумал!

Пух немного утешился. Ведь если вы Медведь с опилками в голове и думаете о делах, вы иногда с огорчением обнаруживаете, что мысль, которая казалась вам очень дельной, пока она была у вас в голове, оказывается совсем не такой, когда она выходит наружу и на неё смотрят другие. Но, как бы то ни было, Иа был в Реке, а теперь его там не было, так что ничего плохого Пух не сделал.

— Как же ты упал туда, Иа? — спросил Кролик, вытирая его носовым платком Пятачка.

— Я не упал, — отвечал Иа.

— А как же...

— На меня НАСКОЧИЛИ, — сказал Иа.

— Ой, — запищал взволнованный Ру, — тебя кто-нибудь толкнул?

— Кто-то НАСКОЧИЛ на меня. Я стоял на берегу реки и размышлял, *размышлял* — я надеюсь, кто-нибудь из вас понимает это слово, — как вдруг я ощутил СИЛЬНЫЙ НАСКОК.

— Ой, Иа! — ахнуло всё общество.

— А ты уверен, что ты не поскользнулся? — рассудительно спросил Кролик.

— Конечно, я поскользнулся. Если вы стоите на скользком берегу реки и кто-то внезапно НАСКОЧИТ на вас сзади, вы поскользнётесь. А что вы ещё можете предложить?

— Но кто это сделал? — спросил Ру.

Иа не ответил.

— Наверно, это был Тигра, — с тревогой сказал Пятачок.

— Слушай, Иа, — спросил Пух, — он шутил или он нарочно?

Я хочу сказать...

— Я сам об этом всё время спрашиваю, медвежонок Пух. Даже на самом дне реки я не переставал спрашивать себя: «Что это — дружеская шутка или обдуманное нападение?» И когда я всплыл на поверхность, я ответил себе: «Мокрое дело». Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду.

— А где был Тигра? — спросил Кролик.

Прежде чем Иа успел ответить, раздался громкий треск, и из камышей появился Тигра собственной персоной.

— Всем привет! — весело сказал Тигра.

— Здравствуй, Тигра! — сказал Крошка Ру.

Кролик вдруг ужасно надулся.

— Тигра, — сказал он торжественно, — будь любезен, объясни нам, что сейчас произошло?

— Когда сейчас? — ответил Тигра, слегка смутившись.

— Когда ты наскочил на Иа и столкнул его в Реку.

— Я на него не наскакивал.

— Ты на меня наскочил, — мрачно сказал Иа.

— Нет, не наскакивал. У меня просто был кашель, и я стоял случайно сзади Иа, и я сказал: «Г Р Р Р Р Р - О П П - П Ш Ш - Ш Ш Ш!»

— Ты что, Пятачок? — спросил Кролик, помогая Пятачку встать и отряхнуть пыль. — Всё в порядке?

— Это я от неожиданности, — сказал Пятачок дрожащим голосом.

— Вот это я и называю НАСКАКИВАТЬ, — сказал Иа, — налетать на людей неожиданно. Очень неприятная привычка. У меня нет возражений против пребывания Тигры в Лесу, — продолжал он, — потому что это большой Лес и в нём сколько угодно места для того, чтобы прыгать и скакать. Но я не понимаю, зачем он должен приходить в мой маленький уголок Леса и НАСКАКИВАТЬ на меня. Главное, что в моём уголке нет ничего особенно достопримечательного. Конечно, для тех, кто любит холод, сырость и колючки, в нём есть известная прелесть, но во всех остальных отношениях — это самый обычный уголок, и если кому-нибудь пришла охота наска...

— Я не наскакивал, я кашлял, — сказал Тигра упрямо.

— На дне реки в этом трудно разобраться, — заметил Иа.

— Так вот, — сказал Кролик, — всё, что я могу сказать по этому поводу... Ах, вот идёт Кристофер Робин, так что пусть он это скажет.

Кристофер Робин шёл по лесной дорожке в таком солнечном

и безоблачном настроении, как будто бы, например, дважды девятнадцать — это пустяки, и думал о том, что, если он в такой день встанет на нижнюю перекладину перил моста и наклонится над Рекой, он вдруг узнает всё-всё на свете и тогда он расскажет всё это Пуху, который пока ещё знает не всё на свете. Но когда он подошёл к мосту и увидел всех своих друзей, он понял, что сегодня совсем не такой день, а совершенно другой — день, когда нужно что-то сделать.

— История такова, Кристофер Робин,— начал Кролик.— Тигра...

— Ничего подобного,— сказал Тигра.

— Как бы то ни было, я оказался там,— сказал Иа.

— Но он же, наверно, не хотел этого,— сказал Пух.

— Он просто такой прыгучий,— сказал Пятачок,— от природы.

— А ну попробуй наскочи на меня, Тигра,— с жаром заявил Крошка Ру.— Иа, Тигра сейчас попробует наскочить на меня. Пятачок, ты как думаешь, кто...

— Ну, ну,— сказал Кролик,— я думаю, мы откажемся от мысли говорить всем сразу. Вопрос в том, что думает об этом Кристофер Робин.

— Я просто кашлянул,— сказал Тигра.

— Он наскочил,— сказал Иа.

— Ну, может быть, я немножко кашкочил,— сказал Тигра.

— Тихо,— сказал Кролик, подняв лапку.— Что думает обо всём этом Кристофер Робин? Вот в чём вопрос.

— Ну,— сказал Кристофер Робин, не очень понимая, о чём идёт речь.— Я думаю...

— Ну-ну? — сказали все.

— Я думаю, что мы все сейчас пойдём играть в Пустяки.

Так они и сделали. И представьте себе, что Иа, который никогда раньше не играл в эту игру, выигрывал чаще всех!

А Крошка Ру два раза свалился в Реку. Первый раз случайно, а второй раз нарочно, потому что он увидел, что из Лесу выходит Кенга, и понял, что ему всё равно придётся сейчас отправляться спать. Кролик сказал, что он пойдёт с ним, Тигра и Иа-Иа тоже ушли вместе, потому что Иа решил объяснить Тигре, как выигрывать в Пустяки («Надо пускать палочку с подковыркой, если ты понимаешь, что я хочу сказать, Тигра»), а Кристофер Робин, и Пух, и Пятачок остались на мосту.

Долгое время они глядели вниз на Реку, ничего не говоря, и Река тоже ничего не говорила, потому что ей было очень спокойно и хорошо в этот солнечный полдень.

— Тигра, в общем, настоящий парень,— лениво сказал Пятачок.

— Конечно,— сказал Кристофер Робин.

— Вообще, все мы настоящие ребята,— сказал Пух.— Я так думаю,— добавил он.— Но я не уверен, что я прав.
— Конечно, ты прав,— сказал Кристофер Робин.

Глава пятнадцатая,

В КОТОРОЙ ТИГРУ УКРОЩАЮТ

Кролик и Пятачок сидели возле парадной двери дома Винни-Пуха и слушали, что говорит Кролик. Винни-Пух тоже сидел с ними. Был дремотный летний полдень, и Лес был полон тихих нежных звуков, и все они, казалось, говорили Пуху: «Не слушай Кролика. Слушай меня». Поэтому Винни занял самую удобную позицию для того, чтобы *не слушать* Кролика, и лишь время от времени открывал глаза и говорил: «Ах», а потом закрывал глаза снова и говорил: «Верно, верно!» Сам же Кролик то и дело очень серьёзно спрашивал: «Ты понимаешь, что я имею в виду, Пятачок?», а Пятачок не менее серьёзно кивал в ответ, чтобы показать, что он всё-всё понимает.

— Словом,— сказал Кролик, добравшись наконец до конца,— Тигра в последнее время стал таким большим Выскочкой, что нам пора его укротить. А ты как считаешь, Пятачок?

Пятачок сказал, что Тигра действительно ужасно большой Выскочка, и если можно придумать, как его укротить, это будет Очень Хорошая Мысль.

— Я того же мнения,— сказал Кролик.— А ты что скажешь, Пух?

Пух, вздрогнув, открыл глаза и сказал:

— Крайне?

— Что — крайне? — спросил Кролик.

— То, что ты говорил,— сказал Пух.— *Обасалютно!*

Пятачок толкнул Пуха локтем в бок, и Пух, который всё больше и больше чувствовал, что его куда-то уносит, медленно поднялся и начал приходить в себя.

— Но как нам это сделать? — спросил Пятачок.

— Нам надо дать ему хороший урок! — решительно сказал Кролик.

— Какой урок, Кролик?

— В этом-то и вопрос,— сказал Кролик.

Слово «урок» пробудило в Винни-Пухе какие-то неясные воспоминания.

— Там была такая штука, которая называется «Ждыдва» и ещё «Юпать»,— сказал он.— Кристофер Робин как-то попытался познакомить меня с ними, но только не вышло.

— Что не вышло? — спросил Кролик.

— Кто не вышел? — спросил Пятачок.

Пух покачал головой.

— Я не знаю, — сказал он. — Наверно, ничего не вышло. А о чём мы говорим?

— Пух, — сказал Пятачок укоризненно. — Ты что, не слушал, о чём говорил Кролик?

— Я слушал, но мне попала в ухо какая-то меховинка. Повтори, пожалуйста, Кролик, ладно?

Кролик всегда был готов повторять всё, что угодно, поэтому он спросил только, с какого места ему начинать, и Винни-Пух ответил, что, конечно, с того места, где мех попал ему в ухо. Тогда Кролик спросил, когда это было.

Пух ответил, что он точно не знает, потому что он не очень внимательно слушал.

Но тут Пятачок уладил дело, сказав, что они просто хотели придумать, как им отучить Тигру быть Выскочкой, потому что хотя мы его все любим, но нельзя отрицать, что он ужасный Выскочка.

— А-а, понимаю! — сказал Пух.

— Он слишком много прыгает, — сказал Кролик, — и он у нас допрыгается!

Пух попытался подумать, но всё, что приходило ему в голову, было совершенно бесполезно. И он тихонько засопел вот что:

Если бы Кролик
Был покрупнее,
Если бы Тигра
Был помирнее,
Глупые игры
Нашего Тигры
Кролика бы
Не смущали нисколько, —
Если бы только...
Если бы только...
Если бы только
Нашему Кролику
Росту прибавить
Хоть малую толику!

— Что там Пух сопит? — спросил Кролик. — Что-нибудь толковое?

— Нет, — сказал Пух грустно. — Бестолковое.

— Ну, а у меня есть Идея, — сказал Кролик. — Вот какая: мы возьмём Тигру в поход, заведём его куда-нибудь, где он никогда не был, и как будто потеряем его там, а на следующее

утро мы опять его найдём и тогда — заметьте себе мои слова, — тогда Тигра будет уже совершенно не тот.

— Почему? — спросил Винни-Пух.

— Потому что он будет Скромный Тигра. Потому что он станет Грустным Тигрой, Маленьким Тигрой, Тихим и Вежливым Тигрой, Смирным Тигрой, Тигрой, который говорит: «Милый Кролик, как я рад тебя видеть!» Вот почему.

— А будет он рад видеть меня и Пятачка?

— Конечно!

— Это хорошо, — сказал Пух.

— Но я бы не хотел, чтобы он всё время был Грустным, — сказал Пятачок нерешительно.

— А Тигры никогда не бывают всё время грустными, — успокоил его Кролик. — Они удивительно легко снова приходят в хорошее настроение. Я как раз спрашивал Сову — просто для проверки, — и она подтвердила, что они удивительно легко приходят в него. Но если нам удастся заставить Тигру побыть Маленьким и Грустным хотя бы пять минут, мы уже сделаем доброе дело.

— А что сказал бы об этом Кристофер Робин? — спросил Пятачок.

— Вот что, — сказал Кролик. — Он сказал бы: «Пятачок, ты сделал доброе дело. Я бы сам его сделал, если бы я не был так занят. Спасибо тебе, Пятачок. И Пуху спасибо, конечно».

Пятачок ужасно обрадовался и окончательно поверил, что они затеяли доброе дело, а раз и Винни-Пух и Кролик будут в нём участвовать, то в этом добром деле может участвовать даже и Очень Маленькое Существо и перед этим спокойно выспаться.

После этого осталось разрешить единственный вопрос — где им как будто потерять Тигру?

— Мы заведём его к Северному Полюсу, — сказал Кролик, — потому что ведь Северный Полюс мы очень долго открывали, значит, Тигре придётся очень, очень, очень долго его закрывать! Ха-ха-ха!

Тут пришла очередь обрадоваться Винни-Пуху, потому что ведь это он первый нашёл Северный Полюс, и, когда они придут туда, Тигра увидит надпись, которая гласит:

ОТКРЫТ ВИННИ-ПУХОМ, ПУХ ЕГО НАШЕЛ.

И тогда Тигра будет знать то, чего он сейчас, по-видимому, не знает, а именно, с каким медведем он имеет дело. С Ай-да-Медведем!

Было решено, что они выступают в поход завтра утром и что Кролик, который жил неподалёку от Кенги, Ру и Тигры, пойдёт сейчас домой и спросит Тигру, что он завтра собирается делать,

потому что если он ничего не собирается, то как насчёт того, чтобы отправиться на прогулку и захватить с собой Пуха и Пятачка? И если Тигра скажет: «Да», то всё в порядке, а если он скажет: «Нет»...

— Он не скажет,— сказал Кролик.— Положитесь на меня!

И он отправился в путь, не теряя времени.

Назавтра погода очень изменилась. Можно сказать, что она превратилась в непогоду. Вместо солнца и тепла — холод и туман.

Самому-то Пуху было не страшно, но когда он себе представил весь мёд, который пчёлы *не сделают* в этот день, ему стало их страшно жалко. Он сообщил это Пятачку, когда тот зашёл за ним, а Пятачок сказал, что он думал не столько об этом, сколько о том, как холодно и грустно будет тому, кого как будто потеряют в этот день в чаще Леса. Но когда они с Пухом подошли к дому Кролика, Кролик сказал им, что день самый подходящий для их затеи, потому что Тигра всегда выскакивает вперёд, и как только он скроется из виду, они все убегут в сторону и он никогда их больше не увидит.

— Совсем никогда? — спросил Пятачок.

— Да нет, до тех пор, пока мы не найдём его, Пятачок. До завтра или до ещё когда-нибудь. Пошли. Он нас ждёт.

Когда они подошли к дому Кенги, оказалось, что Крошка Ру, ближайший друг Тигры, тоже их ждёт, и это портило всё дело; но Кролик, прикрыв рот лапкой, шепнул Пуху: «Положитесь на меня», — и подошёл к Кенге.

— Я думаю, что Ру лучше сегодня не ходить,— сказал он.— Сегодня не стоит.

— Почему? — спросил Ру. (Хотя предполагалось, что он не слышит.)

— Ужасный день,— сказал Кролик, качая головой.— Промозглая сырость. Холод. А ты сегодня утром кашлял.

— Откуда ты знаешь? — с негодованием спросил Крошка Ру.

— Дорогой мой, а ты мне даже не сказал! — укоризненно сказала Кенга.

— Это был Бисквитный Кашель,— сказал Ру.— Бисквитный, а не такой, о котором рассказывают мамам.

— Я всё же думаю, что сегодня не стоит, дорогой. Как-нибудь в другой раз!

— Тогда завтра? — спросил Ру голосом, полным надежды.

— Посмотрим,— сказала Кенга.

— Ты всегда смотришь, и ничего потом не бывает,— печально сказал Крошка Ру.

— В такой день никто ничего не может рассмотреть,— сказал Кролик.— Я полагаю, мы пойдём не очень далеко, и к обеду все мы... мы все... мы... Ах, Тигра, это ты. Пошли! Всего

хорошего, Ру! После обеда мы... Пошли, Пух! Все готовы? Отлично. Пошли.

И они пошли. Сначала Пух, Кролик и Пятачок шли рядом, а Тигра носился вокруг них, описывая большие круги, потом, когда тропинка стала уже, Кролик, Пятачок и Пух пошли гуськом, друг за другом, а Тигра описывал вокруг них петли, и, наконец, когда по обе стороны тропинки встала колючая стена чертополоха, Тигра то убежал далеко вперёд, то возвращался, иногда налетая на Кролика, а иногда и нет. И чем дальше они шли, тем гуще становился туман, так что Тигра стал по временам пропадать, и в тот самый момент, когда вы думали, что его уже совсем нет, он появлялся, выпаливая: «Чего же вы? Ходу!» — и, прежде чем вы успевали что-нибудь ответить, снова исчезал.

Кролик обернулся и подтолкнул Пятачка.

— В следующий раз! — сказал он. — Передай Пуху.

— В следующий раз! — сказал Пятачок Пуху.

— Чего в следующий? — сказал Пух Пятачку.

Тигра неожиданно появился, налетел на Кролика и снова исчез.

— Пора, — сказал Кролик.

Он свернул в прогалину, пересекавшую тропинку, и Пух и Пятачок помчались за ним. Они притаились в высоком папоротнике, прислушиваясь. В Лесу было очень, очень тихо. Они ничего не видели и ничего не слышали.

— Тсс!.. — сказал Кролик.

— Я и так, — сказал Пух.

Раздался топот... И снова наступило молчание.

— Эй! — сказал Тигра так близко от них и так неожиданно, что Пятачок, наверно, подскочил бы, если бы не оказалось, что на большей его части сидит Пух.

— Где вы? Ау! — кричал Тигра.

Кролик подтолкнул локтем Пуха, и Пух оглянулся в поисках Пятачка, чтобы подтолкнуть его локтем, но не нашёл его, а Пятачок продолжал вдыхать запах сырого папоротника, стараясь дышать как можно тише, и чувствовал себя очень храбро.

— Чудеса! — сказал Тигра.

Наступила тишина, и спустя несколько мгновений они услышали его удаляющийся топот. Они подождали ещё немножко, и в Лесу снова стало тихо — так тихо, что ещё немножко, и им стало бы страшно.

Кролик встал и потянулся.

— Ну? — шепнул он с гордостью. — Видали? Всё, как я говорил!

— Я вот думал, — сказал Пух, — и я думаю...

— Нет, — сказал Кролик, — не надо. Бежим. Пошли!

И все они, во главе с Кроликом, пустились наутёк.

— А теперь,— сказал Кролик, когда они порядочно пробежали,— мы можем поговорить. Что ты хотел сказать, Пух?

— Да ничего особенного. А почему мы сюда идём?

— Потому что эта дорога домой.

— А-а! — сказал Пух.

— А по-моему, нам надо взять правее,— тревожно сказал Пятачок.— А ты что думаешь, Пух?

Пух посмотрел на свои передние лапки. Он знал, что одна из них была правая, знал он, кроме того, что если он решит, какая из них правая, то остальная будет левая. Но он никак не мог вспомнить, с чего надо начать.

— Ну...— начал Пух нерешительно.

— Пошли! — сказал Кролик.— Я отлично знаю дорогу!

Они пошли. Спустя десять минут они снова остановились.

— Очень смешно,— сказал Кролик,— но мне вдруг пока... Ах, конечно. Пошли!..

— Ну, вот мы и тут,— сказал Кролик спустя ещё десять минут.— Нет, кажется...

— А теперь,— сказал Кролик спустя ещё десять минут,— по-моему, мы должны быть у... или мы взяли немного правее, чем я думал?

— Прямо чудеса! — сказал Кролик спустя ещё десять минут.— Почему это в тумане всё выглядит так одинаково? Смешно! Ты заметил это, Пух?

Пух сказал, что заметил.

— Слава богу, что мы так хорошо знаем наш Лес, а то мы могли бы заблудиться! — сказал Кролик через полчаса. И он засмеялся так беззаботно, как может смеяться только тот, кто так хорошо знает Лес, что не может в нём заблудиться.

Пятачок чуть-чуть приотстал и подобрался к Пуху сзади.

— Пух! — шепнул он.

— Что, Пятачок?

— Ничего,— сказал Пятачок и уцепился за лапку Пуха.— Я просто хотел быть поближе к тебе.

Когда Тигра перестал ждать, что остальные найдут его, и когда ему надоело, что рядом нет никого, кому он мог бы сказать: «Эй, пошли, что ли!» — он подумал, что надо пойти домой. И он побежал назад. Первое, что сказала Кенга, увидав его, это: «А вот и наш милый Тигра! Как раз пора принимать рыбий жир!» И она налила ему полную чашку. Крошка Ру с гордостью заявил: «А я уже принял», и Тигра, проглотив всё, что было в чашке, сказал: «И я тоже», а потом он и Ру стали дружески толкать друг друга, и Тигра случайно перевернул один или два стула, нечаянно, а Крошка Ру случайно перевернул один, нарочно, и Кенга сказала:

— А ну пойдите побегайте.

— А куда нам бегать? — спросил Крошка Ру.

— Пойдите и соберите мне шишек для топки, — сказала Кенга и дала им корзинку.

И они послушно отправились к Шести Соснам и стали кидать друг в друга шишками, и за этим приятным занятием забыли, зачем они пришли в Лес, и забыли заодно корзинку под деревом, а сами отправились домой обедать.

Обед как раз подходил к концу, когда Кристофер Робин заглянул в дверь.

— Где Пух? — спросил он.

— Тигра, детка, где Пух? — спросила Кенга.

Тигра стал объяснять, что произошло, и в то же самое время Крошка Ру стал объяснять про свой Бисквитный Кашель, а Кенга стала уговаривать их не говорить одновременно. Так что прошло немало времени, пока Кристофер Робин понял, что Пух, Пятачок и Кролик бродят где-то в тумане, заблудившись в Лесной Чаще.

— Смехота! — шепнул Тигра Крошке Ру. — А вот Тигры никогда не могут заблудиться!

— А почему они не могут, Тигра?

— Не могут, и всё тут, — объяснил Тигра. — Так уж они устроены!

— Что ж, — сказал Кристофер Робин, — надо пойти и отыскать их. Вот и всё. Пошли, Тигра.

— А можно, я тоже пойду отыщу их? — взволнованно спросил Ру.

— Я думаю, не сегодня, дорогой мой, — сказала Кенга, — как-нибудь в другой раз.

— Ну ладно. А если они заблудятся завтра, можно, я тогда отыщу их?

— Посмотрим, — сказала Кенга, и Крошка Ру, который отлично знал, что это означает, ушёл в угол и начал упражняться в прыжках, отчасти потому, что он хотел попрыгать, а отчасти потому, что он не хотел, чтобы Кристофер Робин и Тигра заметили, как он огорчён, что его не взяли.

— Итак, — сказал Кролик, — мы умудрились заблудиться. Таковы факты.

Все трое отдыхали в маленькой ямке с песком. Пуху ужасно надоела эта ямка с песком, и он серьёзно подозревал, что она просто-таки бежит за ними по пятам, потому что, куда бы они ни направились, они обязательно натыкались на неё. Каждый раз, когда она появлялась из тумана, Кролик торжествующе заявлял: «Теперь я знаю, где мы!», а Пух грустно говорил: «Я тоже». Пятачок же вообще ничего не говорил, он старался придумать,

что бы такое ему сказать, но единственное, что ему приходило в голову, это: «Помогите, спасите!» — а говорить это было бы, наверно, глупо, ведь с ним были Пух и Кролик. Все долго молчали.

— Ну что ж,— сказал Кролик, по-видимому всё это время напрасно ожидавший, что его поблагодарят за приятную прогулку.— Пожалуй, надо идти.

— А что, если...— начал Пух не спеша,— если, как только мы потеряем эту Яму из виду, мы постараемся опять её найти?

— Какой в этом смысл? — спросил Кролик.

— Ну,— сказал Пух,— мы всё время ищем Дом и не находим его. Вот я и думаю, что если мы будем искать эту Яму, то мы её обязательно не найдём, потому что тогда мы, может быть, найдём то, чего мы как будто не ищем, а оно может оказаться тем, что мы на самом деле ищем.

— Не вижу в этом большого смысла,— сказал Кролик.

— Нет,— сказал Пух скромно,— его тут нет. Но он собирался тут быть, когда я начинал говорить. Очевидно, с ним что-то случилось по дороге.

— Если я пойду прочь от этой Ямы, а потом пойду обратно к ней, то, конечно, я её найду,— сказал Кролик.

— А вот я думал, что, может быть, ты её не найдёшь,— сказал Пух.— Я почему-то так думал.

— Ты попробуй,— сказал неожиданно Пятачок,— а мы тебя тут подождём.

Кролик фыркнул, чтобы показать, какой Пятачок глупый, и скрылся в тумане. Отойдя шагов сто, он повернулся и пошёл обратно... И после того как Пух и Пятачок прождали его двадцать минут, Пух встал.

— Я почему-то так и думал,— сказал Пух.— А теперь, Пятачок, пойдём домой.

— Пух!..— закричал Пятачок, дрожа от волнения.— Ты разве знаешь дорогу?

— Нет,— сказал Пух,— но у меня в буфете стоит двенадцать горшков с мёдом, и они уже очень давно зовут меня. Я не мог как следует их расслышать, потому что Кролик всё время тараторил, но если все, кроме этих двенадцати горшков, будут молчать, то я думаю, Пятачок, я узнаю, откуда они меня зовут. Идём!

Они пошли, и долгое время Пятачок молчал, чтобы не перебивать горшки с мёдом, и вдруг он легонько пискнул... а потом сказал: «О-о», потому что начал узнавать, где они находятся. Но он всё ещё не осмеливался сказать об этом громко, чтобы не испортить дело. И как раз в тот момент, когда он уже был настолько в себе уверен, что стало неважно, слышны ли горшки или нет, впереди послышался оклик, и из тумана вынырнул Кристофер Робин.

— Ах, вы здесь,— сказал Кристофер Робин небрежно, стараясь сделать вид, что он нисколько не волновался.

— Мы здесь,— сказал Пух.

— А где Кролик?

— Я не знаю,— сказал Пух.

— Да? Ну, я думаю, Тигра его найдёт. Он, кажется, пошёл вас всех искать.

— Хорошо,— сказал Пух.— Мне нужно идти домой, чтобы подкрепиться, и Пятачку тоже, потому что мы до сих пор не подкреплялись и...

— Я вас провожу,— сказал Кристофер Робин.

Он проводил Пуха домой и пробыл там очень немалое время.

И всё это время Тигра носился по Лесу, громко рыча, чтобы скорее найти Кролика.

И, наконец, очень Маленький и Грустный Кролик услышал его. И этот Маленький и Грустный Кролик кинулся на голос сквозь туман, и голос неожиданно превратился в Тигру: в Доброго Тигру, в Большого Тигру, в Спасительного и Выручательного Тигру, в Тигру, который выскакивал — если он вообще выскакивал — гораздо лучше всех Тигров на свете.

— Милый Тигра, как же я рад тебя видеть! — закричал Кролик.

Глава шестнадцатая,

В КОТОРОЙ ПЯТАЧОК СОВЕРШАЕТ ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ

На полпути от дома Винни-Пука к дому Пятачка было Задумчивое Место, где они иногда встречались, когда им хотелось повидаться, и там было так тепло и тихо, что они любили посидеть там немножко и подумать, чем же им заняться теперь, когда они уже повидались. Как-то, когда они с Пятачком решили ничем не заниматься, Пух даже придумал специальный стишок про это место, чтобы все знали, для чего оно предназначено:

Здесь любит Медведь
Порой посидеть
И подумать:
«А чем бы такое заняться?»

Ведь он же — не Слон,
Поэтому он
Не может всё время
Без дела слоняться!

И вот однажды, осенним утром, когда ветер ночью сорвал все листья с деревьев и старался теперь сорвать ветки, Пух и Пятачок сидели в Задумчивом Месте и думали, чем бы им заняться.

— Я думаю,— сказал Пух,— что я думаю вот что: нам неплохо бы сейчас пойти на Пухову Опушку и повидать Иа, потому что, наверно, его дом снесло ветром и, наверно, он обрадуется, если мы его опять построим.

— А я думаю,— сказал Пятачок,— что я думаю вот что: нам неплохо было бы сейчас пойти навестить Кристофера Робина, только мы его не застанем, так что это нельзя.

— Пойдём навестим всех-всех-всех,— сказал Пух,— потому что, когда ты долго ходишь по холоду, а потом вдруг зайдёшь кого-нибудь навестить и он тебе скажет: «Привет, Пух! Вот кстати! Как раз пора чем-нибудь подкрепиться!» — это всегда очень-очень приятно!

Пятачок сказал, что для того, чтобы навестить всех-всех-всех, нужен серьёзный повод — скажем, вроде организации Искспедиции, и пусть Пух что-нибудь придумает, если может.

Пух, конечно, мог.

— Мы пойдём, потому что сегодня четверг,— сказал он,— и мы всех поздравим и пожелаем им Очень Приятного Четверга. Пошли, Пятачок!

Друзья встали, но Пятачок сразу же снова сел, потому что он не знал, какой сильный ветер.

И когда Пух помог ему подняться, они двинулись в путь. По дороге первым попался им домик Пуха, и, можете себе представить, когда они пришли, хозяин — знакомый вам медвежонок Винни-Пух — оказался дома и сразу же пригласил их войти и кое-чем подкрепиться. Потом они отправились к дому Кенги, держась друг за друга и крича: «Ну что скажешь?», «Что, что?», «Я не слышу». И пока они добрались до Кенги, оба так замучились, что им пришлось задержаться у неё и ещё раз позавтракать. Когда друзья вышли на улицу, им показалось, что очень холодно, и они помчались со всех ног к дому Кролика.

— Мы пришли пожелать тебе Очень Приятного Четверга,— объявил Винни-Пух, после того как он раз-другой попробовал войти в дом и выйти наружу (чтобы удостовериться в том, что дверь Кролика не похудела).

— А что, собственно, произойдёт в Четверг? — спросил Кролик.

И когда Пух объяснил, что, а Кролик, чья жизнь состояла из Очень Важных Дел, сказал: «А-а. А я думал, что вы действительно пришли по делу», — Пух и Пятачок на минутку присели... а потом поплелись дальше. Теперь ветер дул им в спину, так что им не надо было так орать.

— Кролик — он умный! — сказал Пух в раздумье.

— Да,— сказал Пятачок.— Кролик — он хитрый.

— У него настоящие Мозги.

— Да,— сказал Пятачок,— у Кролика настоящие Мозги. Наступило долгое молчание.

— Наверно, поэтому,— сказал наконец Пух,— наверно, поэтому-то он никогда ничего не понимает!

Кристофер Робин был уже дома, и он так обрадовался друзьям, что они пробыли у него почти до обеда, и тогда они почти пообедали (то есть съели такой обед, о котором можно потом забыть) и поспешили на Пухову Опушку, чтобы успеть навестить Иа и не опоздать к Настоящему Обеду у Совы.

— Здравствуй, Иа! — весело окликнули они ослика.

— А,— сказал Иа,— заблудились?

— Что ты! Нам просто захотелось тебя навестить,— сказал Пятачок,— и посмотреть, как поживает твой дом. Смотри, Пух, он всё ещё стоит!

— Понимаю,— сказал Иа.— Действительно, очень странно. Да, пора бы уже кому-нибудь прийти и свалить его.

— Мы думали — а вдруг его повалит ветром,— сказал Пух.

— Ах, вот что. Очевидно, поэтому никто не стал себя утруждать. А я думал, что о нём просто позабыли.

— Ну, мы были очень рады повидать тебя, Иа, а теперь мы пойдём навестим Сову.

— Отлично. Сова необыкновенно мила. Она пролетела мимо день-два назад и даже заметила меня. Она, конечно, не сказала мне ни слова, понятное дело, но она знала, что это я. Очень любезно с её стороны. Согревает душу.

Пух и Пятачок отодвинулись немного назад и сказали: «Ну, всего хорошего, Иа», очень стараясь не спешить, но ведь им предстоял далёкий путь, и они хотели прийти вовремя.

— Всего хорошего,— сказал Иа.— Смотри, чтобы тебя не унесло ветром, маленький Пятачок. Тебя будет очень не хватать. Многие будут с живым интересом спрашивать: «Куда это унесло маленького Пятачка?» Ну, всего хорошего. Благодарю вас за то, что вы случайно проходили мимо.

— До свиданья,— сказали Пух и Пятачок в последний раз и двинулись к дому Совы.

Теперь ветер дул им навстречу, и уши Пятачка трепались, как флажки, изо всех сил стараясь улететь от хозяина, с великим трудом продвигавшегося вперёд. Ему казалось, прошли целые часы, пока он наконец загнал свои ушки под тихие своды Дрему-чего Леса, где они снова выпрямились и прислушались — не без волнения — к вою бури в вершинах деревьев.

— Предположим, Пух, что дерево вдруг упадёт, когда мы будем как раз под ним? — спросил Пятачок.

— Давай лучше предположим, что не упадёт,— ответил Пух после некоторого размышления.

Это предложение утешило Пятачка, и спустя немного времени друзья весело, наперебой, стучали и звонили у двери Совы.

— Здравствуй, Сова,— сказал Пух,— я надеюсь, мы не опоздали к... Я хочу сказать — как ты поживаешь, Сова? Мы с Пятачком решили тебя навестить, потому что ведь сегодня Четверг.

— Садись, Пух, садись, садись, Пятачок,— сказала Сова радужно.— Устраивайтесь поудобнее.

Они поблагодарили её и устроились как можно удобнее.

— Понимаешь, Сова, мы очень спешили, чтобы успеть вовремя к... ну, чтобы успеть повидать тебя до того, как мы уйдём.

Сова с достоинством кивнула головой.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь,— сказала она,— но не права ли я, предполагая, что на дворе весьма бурный день?

— Весьма,— сказал Пятачок, который грел свои ушки у огня, мечтая лишь о том, чтобы целым и невредимым вернуться домой.

— Я так и думала,— сказала Сова.— И вот как раз в такой же бурный день, как ныне, мой дядя Роберт, чей портрет ты видишь на стене по правую руку, Пятачок,— мой дядя Роберт, возвращаясь в поздний час с... Что это?

Раздался страшный треск.

— Берегись! — закричал Пух.— Осторожно, часы! Пятачок, с дороги! Пятачок, я на тебя падаю!

— Спасите! — закричал Пятачок.

Пухова сторона комнаты медленно поднималась вверх, его кресло съезжало вниз в направлении кресла Пятачка; стенные часы плавно скользнули по печке, собирая по дороге цветочные вазы, и, наконец, всё и вся дружно рухнуло на то, что только что было полом, а сейчас старалось выяснить, как оно справится с ролью стены.

Дядя Роберт, который, по-видимому, решил превратиться в коврик и захватил с собой заодно и знакомую стену, налетел на кресло Пятачка в тот самый момент, когда Пятачок хотел оттуда вылезти.

Словом, некоторое время было действительно нелегко определить, где север... Потом вновь послышался страшный треск... вся комната лихорадочно затряслась... и наступила тишина.

В углу зашевелилась скатерть. Она свернулась в клубок и перекатилась через всю комнату. Потом она подскочила раза два-три и выставила наружу два уха; вновь прокатилась по комнате и развернулась.

— Пух,— сказал нервно Пятачок.

— Что? — сказала одно из кресел.

— Где мы?

— Я не совсем понимаю,— отвечало кресло.

— Мы... мы в доме Совы?

— Наверно, да, потому что мы ведь только что собирались выпить чаю и так его и не выпили.

— Ох! — сказал Пятачок. — Слушай, у Совы *всегда* почтовый ящик был на потолке?

— А разве он там?

— Да, погляди.

— Не могу,— сказал Пух,— я лежу носом вниз, и на мне что-то такое лежит, а в таком положении, Пятачок, очень трудно рассматривать потолки.

— Ну, в общем, он там.

— Может быть, он переехал туда? — предположил Пух. — Просто для разнообразия.

Под столом в противоположном углу комнаты поднялась какая-то возня, и Сова опять появилась среди гостей.

— Пятачок! — сказала Сова с очень рассерженным видом. — Где Пух?

— Я и сам не совсем понимаю,— сказал Пух.

Сова повернулась на звук его голоса и строго посмотрела на ту часть Пуха, которая ещё была на виду.

— Пух,— с упрёком сказала Сова,— это ты наделал?

— Нет,— кротко сказал Пух,— не думаю, чтобы я.

— А тогда кто же?

— Я думаю, это ветер,— сказал Пятачок. — Я думаю, твой дом повалило ветром.

— Ах, вот как! А я думала, это Пух устроил.

— Нет! — сказал Пух.

— Если это ветер,— сказала Сова, думая вслух,— то тогда Пух не виноват. Ответственность не может быть на него возложена.

С этими милостивыми словами она взлетела, чтобы полюбоваться своим новым потолком.

— Пятачок, Пятачок! — позвал Пух громким шёпотом.

Пятачок склонился над ним.

— Что, Пух?

— Что, она сказала, на меня воз-ло-жено?

— Она сказала, что она тебя не ругает.

— А-а, а я думал, она говорила про... то, что на мне... А, понятно!

— Сова,— сказал Пятачок,— сойди вниз и помоги выбраться Пуху!

Сова, которая залюбовалась своим почтовым ящиком (а он был проволочный, и в двери была щель с надписью «Для писем и газет», только этой надписи сейчас не было видно, потому что она

была снаружи), слетела вниз. Вдвоём с Пятачком они долго толкали и дёргали кресло, и наконец Пух вылез из-под него и смог оглядеться.

— Да! — сказала Сова. — Прелестное положение вещей!

— Что мы будем делать, Пух? Ты можешь о чём-нибудь подумать? — спросил Пятачок.

— Да, я как раз думал кое о чём, — сказал Пух. — Я думал об одной маленькой вещице. — И он запел, вернее, запыхтел

ПЫХТЕЛКУ:

Я стоял на носу
И держал на весу
Задние лапки и всё остальное...
Цирковой акробат
Был бы этому рад,
Но Медведь — это дело иное!
И потом я свалился,
А сам притворился,
Как будто решил отдохнуть среди дня.
И, лёжа на пузе,
Я вспомнил о Музе,
Но она позабыла Поэта (меня).
Что делать!..
Уж если,
Устроившись в кресле,
И то не всегда мы владеем стихом, —
Что же может вам спеть
Несчастный Медведь,
На которого Кресло уселось верхом!

Вот и всё! — сказал Пух.

Сова неодобрительно кашлянула и сказала, что если Пух уверен, что это действительно всё, то они могут посвятить свои умственные способности Проблеме Поисков Выхода.

— Ибо, — сказала Сова, — мы не можем выйти посредством того, что обычно было наружной дверью. На неё что-то упало.

— А как же ещё можно тогда выйти? — тревожно спросил Пятачок.

— Это и есть та Проблема, Пятачок, решению которой я просила Пуха посвятить свои Умственные Способности.

Пух уселся на пол (который когда-то был стеной), и уставился на потолок (который некогда был другой стеной — стеной с наружной дверью, которая некогда была наружной дверью), и постарался посвятить им свои Умственные Способности.

— Сова, ты можешь взлететь к почтовому ящику с Пятачком на спине? — спросил он.

— Нет, — поспешно сказал Пятачок, — она не может, не может!

Сова стала объяснять, что такое Необходимая или Соответствующая Спинная Мускулатура. Она уже объясняла это когда-то Пуху и Кристоферу Робину и с тех пор ожидала удобного случая, чтобы повторить объяснения, потому что это такая штука, которую вы спокойно можете объяснять два раза, не опасаясь, что кто-нибудь поймёт, о чём вы говорите.

— Потому что, понимаешь, Сова, если бы мы могли посадить Пятачка в почтовый ящик, он мог бы протиснуться сквозь щель, в которую приходят письма, и слезть с дерева, и побежать за подмогой, — пояснил Пух.

Пятачок немедленно заявил, что он за последнее время стал ГОРАЗДО БОЛЬШЕ и вряд ли сможет пролезть в щель, как бы он ни старался.

Сова сказала, что за последнее время щель для писем стала ГОРАЗДО БОЛЬШЕ специально на тот случай, если придут большие письма, так что Пятачок, вероятно, сможет.

Пятачок сказал:

— Но ты говорила, что необходимая, как её там называют, не выдержит.

Сова сказала:

— Не выдержит, об этом нечего и думать.

А Пятачок сказал:

— Тогда лучше подумаем о чём-нибудь другом, — и первым подал пример.

А Пух вспомнил тот день, когда он спас Пятачка от потопа и все им так восхищались; и так как это выпадало ему не часто, он подумал, как хорошо было бы, если бы это сейчас повторилось, и — как обычно, неожиданно — ему пришла в голову мысль.

— Сова, — сказал Пух, — я что-то придумал.

— Сообразительный и Изобретательный Медведь! — сказала Сова.

Пух приосанился, услышав, что его называют Поразительным и Забредательным Медведем, и скромно сказал, что да, эта мысль случайно забрела к нему в голову.

И он изложил свою мысль:

— Надо привязать верёвку к Пятачку и взлететь к почтовому ящику, держа другой конец верёвки в клюве; потом надо просунуть бечёвку сквозь проволоку и опустить её на пол, а ещё потом мы с тобой потянем изо всех сил за этот конец, а Пятачок потихоньку подымется вверх на том конце — и дело в шляпе!

— И Пятачок в ящике, — сказала Сова. — Если, конечно, верёвка не оборвётся.

— А если она оборвётся? — спросил Пятачок с неподдельным интересом.

— Тогда мы возьмём другую верёвку, — утешил его Пух.

Пятачка это не очень обрадовало, потому что хотя рваться будут разные верёвки, падать будет всё тот же самый Пятачок; но, увы, ничего другого никто не мог придумать...

И вот, мысленно попрощавшись со счастливым временем, проведённым в Лесу, с тем временем, когда его никто не подтягивал к потолкам на верёвках, Пятачок храбро кивнул Пуху и сказал, что это Очень Умный Ппп-ппп-ппп, Умный Ппп-ппп-план.

— Она не порвётся, — шепнул ободряюще Пух, — потому что ведь ты Маленькое Существо, а я буду стоять внизу, а если ты нас всех спасёшь — это будет Великий Подвиг, о котором долго не забудут, и, может быть, я тогда сочиню про это Песню, и все будут говорить: «Пятачок совершил такой Великий Подвиг, что Пуху пришлось сочинить Хвалебную Песню!»

Тут Пятачок почувствовал себя гораздо лучше, и, когда всё было готово и он начал плавно подниматься к потолку, его охватила такая гордость, что он, конечно, закричал бы: «Вы поглядите на меня!», если бы не опасался, что Пух и Сова, залюбовавшись им, выпустят свой конец верёвки.

— Поехали, — весело сказал Пух.

— Подъём совершается по заранее намеченному плану, — ободряюще заметила Сова.

Вскоре подъём был окончен. Пятачок открыл ящик и пролез внутрь, затем, отвязавшись, он начал протискиваться в щель, сквозь которую в добрые старые времена, когда входные двери были входными дверями, входило, бывало, много неожиданных писем, которые хозяйка вдруг получила от некоей Савы.

Пятачок протискивал себя и протаскивал себя, и, наконец, совершив последний натиск на щель, он оказался снаружи.

Счастливый и взволнованный, он на минутку задержался у входа, чтобы пропищать пленникам слова утешения и приветствия.

— Всё в порядке! — закричал он в щель. — Твоё дерево совсем повалилось, Сова, а на двери лежит большой сук, но Кристофер Робин с моей помощью сможет его отодвинуть, и мы принесём канат для Пуха, я пойду и скажу ему сейчас, а вниз я могу слезть легко, то есть это опасно, но я не боюсь, и мы с Кристофером Роббином вернёмся приблизительно через полчаса. Пока, Пух! — И, не ожидая ответа Пуха: «До свидания, Пятачок, спасибо», он исчез.

— Полчаса, — сказала Сова, устраниваясь поудобнее. — Значит, у меня как раз есть время, чтобы закончить повесть, которую я начала рассказывать, — повесть о дяде Роберте, чей портрет ты видишь внизу под собой, милый Винни. Припомним сначала, на

чём я остановилась? Ах да! Был как раз такой же бурный день, как ныне, когда мой дядя Роберт...

Пух закрыл глаза.

Глава семнадцатая,

В КОТОРОЙ ИА НАХОДИТ СОВЕШНИК И СОВА ПЕРЕЕЗЖАЕТ

Винни-Пух забрёл в Дремучий Лес и остановился перед домом Совы. Теперь он был совершенно не похож на дом. Теперь он выглядел просто как поваленное дерево; а когда дом начинает так выглядеть — значит, хозяину пришло время попытаться переменить адрес.

Сегодня утром Пух обнаружил у себя под дверью Таинственное Спаслание, которое гласило:

Я ИЩУ НОВЫЙ АДРИСК ДЛЯ СОВЫ
ТЫ ТОЖЕ КРОЛИК

И, пока он раздумывал, что бы это такое могло значить, пришёл Кролик и прочёл ему вслух.

— Я и для остальных приготовил такое письмо, — сказал Кролик. — Растолкую им, о чём речь, и все они тоже будут искать новый адриск, то есть дом для Совы. Извини, очень спешу, всего хорошего!

И он убежал.

Пух не спеша поплёлся за ним. У него было дело посерьёзнее, чем поиски нового дома для Совы; ему нужно было сочинить Хвалебную Песню — Кричалку — про её прежний дом.

Ведь он обещал это Пятачку много-много дней назад, и с тех пор, когда бы они с Пятачком ни встречались, Пятачок, правда, ничего не говорил, но было сразу понятно, о чём он не говорит; и если кто-нибудь упоминал Песни (Кричалки), или Деревья, или Верёвки, или Ночные Бури, Пятачок сразу весь розовел, начиная с кончика носа, и поспешно заговаривал о чём-нибудь совсем другом.

«Но это не так-то легко, — сказал Винни-Пух про себя, продолжая глядеть на то, что было некогда Домом Совы. — Ведь Поэзия, Кричалки — это не такие вещи, которые вы находите, когда хотите, это вещи, которые находят на вас; и всё, что вы можете сделать, — это пойти туда, где они могут вас найти».

И Винни-Пух терпеливо ждал...

— Ну, — сказал он после долгого молчания, — я могу, по-

жалуй, начать: «Вот здесь лежит большущий ствол», потому что
ведь он же тут лежит, и посмотрю, что выйдет.

Вышло вот что:

ХВАЛЕБНАЯ ПЕСНЬ

(К р и ч а л к а)

Вот здесь лежит большущий ствол,
А он стоял вверх головой,
И в нём Медведь беседу вёл
С его хозяйкою (Совой).
Тогда не знал никто-никто,
Что вдруг случится ужас что!

Увы! Свирепый Ураган
Взревел — и повалил Каштан!
Друзья мои! В тот страшный час
Никто-никто бы нас не спас.
Никто бы нам бы не помог,
Когда б не Храбрый Пятачок!

— Смелей! — он громко произнёс. —
Друзья, скорей найдите трос
(Допустим, толстенький шпагат,
А лучше — тоненький канат).
И знайте: пусть грозит Беда,
Для Смелых выход есть всегда!

И вот герой вознёсся ввысь,
Туда, туда, где брезжил свет, —
Сквозь щель Для Писем и Газет!
Хоть все от ужаса тряслись
И говорили «Ох» и «Ах», —
Герою был неведом страх!

О Храбрый, ХРАБРЫЙ ПЯТАЧОК!
Дрожал ли он? О нет! О нет!
Нет, он взлетел под потолок
И влез в «Для писем и газет».
Он долго лез, но он пролез
И смело устремился в Лес!

Да, он, как молния, мелькнул,
Крича: — Спасите! Караул!
Сова и Пух в плену. Беда!
На помощь! Все-Все-Все сюда! —

И Все-Все-Все (кто бегать мог)
Помчались, не жалея ног!

И вскоре Все-Все-Все пришли
(Не просто, а на помощь к нам),
И выход тут же мы нашли
(Вернее, он нашёлся сам).
Так славься, славься на века
Великий Подвиг Пятачка!

— Вот, значит, как,— сказал Пух, пропев всё это трижды.—
Вышло не то, чего я ожидал, но что-то вышло. Теперь надо пойти
и спеть всё это Пятачку.

«Я ищу новый адриск для Совы ты тоже Кролик».

— Что всё это значит? — спросил Иа.

Кролик объяснил.

— А в чём дело с её старым домом?

Кролик объяснил.

— Мне никогда ничего не рассказывают,— сказал Иа.— Ни-
кто меня не информирует. В будущую пятницу, по моим подсчё-
там, исполнится семнадцать дней с тех пор, как со мной в послед-
ний раз говорили.

— Ну, семнадцать — это ты преувеличиваешь...

— В будущую пятницу,— пояснил Иа.

— А сегодня суббота,— сказал Кролик,— значит, всего один-
надцать дней. И, кроме того, я лично был тут неделю назад.

— Но беседа не состоялась,— сказал Иа.— Не было обмена
мнениями. Ты сказал «Здорово!» и промчался дальше. Пока я
обдумывал свою реплику, твой хвост мелькнул шагов за сто от-
сюда на холме. Я хотел было сказать: «Что? Что?» — но понял,
конечно, что уже поздно.

— Ну, я очень спешил.

— Должен говорить сперва один, потом другой,— продолжал
Иа.— По порядку. Иначе это нельзя считать беседой. «Здорово!» — «Что, что?» На мой взгляд, такой обмен репликами ни-
чего не даёт. Особенно если когда приходит ваша очередь гово-
рить, вы видите только хвост собеседника. И то еле-еле.

— Ты сам виноват, Иа. Ты же никогда ни к кому из нас не
приходишь. Сидишь как сыч в своём углу и ждёшь, чтобы все
остальные пришли к тебе. А почему тебе самому к нам не зайти?

Иа задумался.

— В твоих словах, Кролик, пожалуй, что-то есть,— сказал
он наконец.— Я действительно пренебрегал законами общежития.
Я должен больше возвращаться. Я должен отвечать на визиты.

— Правильно, Иа. Заходи к любому из нас в любое время, когда тебе захочется.

— Спасибо, Кролик. А если кто-нибудь скажет Громким Голосом: «Опять Иа притащился!» — то ведь я могу и выйти.

Кролик нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Ну ладно,— сказал он,— мне пора идти. Я порядком занят сегодня.

— Всего хорошего,— сказал Иа.

— Как? А, всего хорошего! И если ты случайно набредёшь на хороший дом для Совы, ты нам сообщи обязательно.

— Обещаю,— сказал Иа.

И Кролик ушёл.

Пух разыскал Пятачка, и они вдвоём побрели снова в Дремучий Лес.

— Пятачок,— застенчиво сказал Пух, после того как они долго шли молча.

— Да, Пух!

— Ты помнишь, я говорил — надо сочинить Хвалебную Песню (Кричалку) насчёт Ты Знаешь Чего.

— Правда, Пух? — спросил Пятачок, и носик его порозовел.— Ой, неужели ты правда сочинил?

— Она готова, Пятачок.

Розовая краска медленно стала заливать ушки Пятачка.

— Правда, Пух? — хрипло спросил он.— Про... про... тот случай, когда?.. Она правда готова?

— Да, Пятачок.

Кончики ушей Пятачка запылали; он попытался что-то сказать, но даже после того, как он раза два прокашлялся, ничего не вышло. Тогда Пух продолжал:

— В ней семь строф.

— Семь? — переспросил Пятачок, стараясь говорить как можно небрежнее.— Ты ведь не часто сочиняешь Кричалки в целых семь строф, правда, Пух?

— Никогда,— сказал Пух.— Я думаю, что такого случая никогда не было.

— А Все-Все-Все уже слышали её? — спросил Пятачок, на минуту остановившись лишь затем, чтобы поднять палочку и закинуть её подальше.

— Нет,— сказал Пух.— Я не знаю, как тебе будет приятнее: если я спою её сейчас или если мы подождём, пока встретим Всех-Всех, и тогда споём её. Всем сразу.

Пятачок немного подумал.

— Я думаю, мне было бы всего приятнее, Пух, если бы ты спел её мне *сейчас... а потом* спел её Всем-Всем-Всем, потому что

тогда они её услышат, а я скажу: «Да, да, Пух мне говорил», и сделаю вид, как будто я не слушаю.

И Пух спел ему Хвалебную Песню (Кричалку) — все семь строф. Пятачок ничего не говорил — он только стоял и краснел. Ведь никогда ещё никто не пел Пятачку, чтобы он «славился, славился на века...». Когда песня кончилась, ему очень захотелось попросить спеть одну строфу ещё раз, но он постеснялся. Это была та самая строфа, которая начиналась словами: «О Храбрый, Храбрый Пятачок!» Пятачок чувствовал, что начало этой строфы особенно удалось!

— Неужели я правда всё это сделал? — сказал он наконец.

— Видишь ли, — сказал Пух, — в поэзии — в стихах... Словом, ты сделал это, Пятачок, потому что стихи говорят, что ты это сделал. Так считается.

— Ой! — сказал Пятачок. — Ведь я... мне кажется, я немножко дрожал. Конечно, только сначала. А тут говорится: «Дрожал ли он? О нет, о нет!» Вот почему я спросил.

— Ты дрожал *про себя*, — сказал Пух. — А для такого Маленького Существа это, пожалуй, даже храбрее, чем совсем не дрожать.

Пятачок вздохнул от счастья. Так, значит, он был *храбрым*!

Подойдя к бывшему дому Совы, они застали там Всех-Всех-Всех, за исключением Иа. Кристофер Робин всем объяснял, что делать, и Кролик объяснял всем то же самое, на тот случай, если они не расслышали, и потом они все делали это. Они где-то раздобыли канат и вытаскивали стулья, и картины, и всякие вещи из прежнего дома Совы, чтобы всё было готово для переезда в новый дом. Кенга связывала узлы и покрикивала на Сову: «Я думаю, тебе не нужна эта старая грязная посудная тряпка. Правда? И половик тоже не годится, он весь дырявый», на что Сова с негодованием отвечала: «Конечно, он годится — надо только правильно расставить мебель! А это совсем не посудное полотенце, а моя шаль!»

Крошка Ру поминутно то исчезал в доме, то появлялся оттуда верхом на очередном предмете, который поднимали канатом, что несколько нервировало Кенгу, потому что она не могла за ним как следует присматривать. Она даже накричала на Сову, заявив, что её дом — это просто позор, там такая грязь, удивительно, что он не опрокинулся раньше! Вы только посмотрите, как зарос этот угол, просто ужас! Там поганки! Сова удивилась и посмотрела, а потом саркастически засмеялась и объяснила, что это ее губка и что если уж не могут отличить самую обычную губку от поганок, то в хорошие времена мы живём!..

— Ну и ну, — сказала Кенга.

А Крошка Ру быстро вскочил в дом, пища:

— Мне нужно, нужно посмотреть на губку Совы! Ах, вот она!

Ой, Сова, Сова, это не губка, а клякса! Ты знаешь, что такое клякса, Сова? Это когда твоя губка вся раскляк...

И Кенга сказала (очень поспешно): «Ру, милый!» — потому что не полагается так разговаривать с тем, кто умеет написать слово «суббота».

Но все очень обрадовались, когда пришли Пух и Пятачок, и они прекратили работу, чтобы немного отдохнуть и послушать новую Кричалку (Хвалебную Песню) Пуха. И вот, когда Все-Все-Все сказали, какая это хорошая Хвалебная Песня (Кричалка), Пятачок небрежно спросил:

— Правда, хорошенькая песенка?

— Ну, а где же новый дом? — спросил Пух. — Ты нашла его, Сова?

— Она нашла название для него, — сказал Кристофер Робин, лениво пожёвывая травинку. — Так что теперь ей не хватает только дома.

— Я назову его вот как, — важно сказала Сова и показала им то, над чем она трудилась: квадратную дощечку, на которой было намалёвано:

САВЕШНИК

Как раз в этот захватывающий момент кто-то выскочил из Чаши и налетел на Сову. Доска упала на землю, и к ней кинулись Пятачок и Ру.

— Ах, это ты, — сказала Сова сердито.

— Здравствуй, Иа, — сказал Кролик. — Наконец-то! Где же ты был?

Иа не обратил на них внимания.

— Доброе утро, Кристофер Робин, — сказал он, толкнув Ру и Пятачка и усаживаясь на «Савешник». — Мы одни?

— Да, — сказал Кристофер Робин, слегка улыбаясь.

— Мне сказали — крылатая весть долетела и до моего уголка Леса — сырая лощина, которая никому не нужна, — что Некая Особа ищет дом. Я нашёл для неё дом.

— Молодец! — великодушно сказал Кролик.

Иа посмотрел на него через плечо и снова обратился к Кристоферу Робину.

— Между нами что-то такое было, — продолжал он громким шёпотом, — но неважно. Забудем старые обиды и похищенные хвосты. Словом, если хочешь, Кристофер Робин, иди со мной, и я покажу тебе дом.

Кристофер Робин вскочил на ноги.

— Идём, Пух! — сказал он.

— Идём, Тигра! — крикнул Крошка Ру.
— Может быть, и мы пойдём, Сова? — сказал Кролик.
— Минутку, — сказала Сова, подымая свою адресную дощечку, которая как раз освободилась.

Иа отрицательно помахал им передней ногой.

— Мы с Кристофером Робинот отправляемся на прогулку, — сказал он. — На прогулку, а не на толкучку! Если он хочет взять с собой Пуха и Пятачка, я буду рад их обществу; но надо, чтобы мы могли *Дышать*.

— Ну что ж, отлично, — сказал Кролик, сообразив, что ему наконец-то представился случай как следует покомандовать. — А мы продолжим выгрузку. За дело, друзья! Эй, Тигра, где канат?

— Что там такое, Сова?

Сова, только что обнаружившая, что её новый адрес превратился из «Савешника» в «кляксу» наподобие губки, строго кашлянула в сторону Иа, но ничего не сказала, и Ослик, унося на себе значительную часть «Савешника», побрёл вслед за своими друзьями.

И вскоре все они подходили к дому, который нашёл Иа, но ещё до того, как он показался, Пятачок стал подталкивать локтем Пуха, а Пух — Пятачка; они толкались и говорили друг другу: «Это он». — «Не может быть». — «Да я тебе говорю, это он!»

А когда они пришли, это был действительно он.

— Вот! — гордо произнёс Иа, останавливаясь перед домом Пятачка. — И дом, и табличка с надписью, и всё прочее!

— Ой, ой, ой! — крикнул Кристофер Робин, не зная, что ему делать — смеяться или плакать.

— Самый подходящий дом для Совы. Как ты считаешь, маленький Пятачок? — спросил Иа.

И тут Пятачок совершил Благородный Поступок. Он совершил его как бы в полусне, вспоминая обо всех тех чудесных словах, которые спел про него Пух.

— Да, это самый подходящий дом для Совы, — сказал он великодушно. — Я надеюсь, что она будет в нём очень счастлива. — И он два раза проглотил слюнки, потому что ведь и он сам был в нём очень счастлив.

— Что ты думаешь, Кристофер Робин? — спросил Иа не без тревоги в голосе, чувствуя, что тут что-то не так.

Кристоферу Робину нужно было задать один вопрос, и он не знал, как его задать.

— Ну, — сказал он наконец, — это очень хороший дом, и ведь если твой дом повалило ветром, ты должен куда-нибудь переехать. Правда, Пятачок? Что бы ты сделал, если бы твой дом разрушил ветер?

Прежде чем Пятачок успел сообразить, что ответить, вместо него ответил Винни-Пух.

— Он бы перешёл ко мне и жил бы со мной, — сказал Пух. — Правда же, Пятачок?

Пятачок пожал его лапу.

— Спасибо, Пух, — сказал он. — С большой радостью.

Глава восемнадцатая,

В КОТОРОЙ МЫ ОСТАВЛЯЕМ КРИСТОФЕРА РОБИНА И ВИННИ-ПУХА В ЗАЧАРОВАННОМ МЕСТЕ

Кристофер Робин куда-то уходил. Совсем. Никто не знал, почему он уходит; никто не знал, куда он уходит; да, да — никто не знал даже, почему он знает, что Кристофер Робин уходит. Но — по той или по иной причине — все в Лесу чувствовали, что это в конце концов должно случиться. Даже Сашка Букашка, самый крошечный Родственник и Знакомый Кролика, тот, который думал, что видел однажды ногу Кристофера Робина, он был в этом не вполне уверен, потому что он легко мог и ошибиться, — даже С. Б. сказал себе, что Положение Дел меняется, а Рано и Поздно (два других Родственника и Знакомых) сказали друг другу: «Ну, Рано?» и «Ну, Поздно?» — таким безнадежным голосом, что было ясно — ожидать ответа нет никакого смысла.

И однажды, почувствовав, что он больше ждать не может, Кролик составил Сообщение, и вот что в нём говорилось:

*Сообщение все-все-все встречаются возле дома на
Пуховой опушке принимают лизорюцию слева по
порядку номеров*

подпись КРОЛИК.

Ему пришлось переписать это раза два-три, пока он сумел заставить «лизорюцию» выглядеть так, как ей полагалось выглядеть с точки зрения Кролика; зато когда наконец этот труд был окончен, он обегал всех и всем прочёл своё произведение вслух. Все-Все-Все сказали, что придут.

— Ну, — сказал Иа-Иа, увидев процессию, направлявшуюся к его дому, — это действительно сюрприз. А я тоже приглашён? Не может быть!

— Не обращай внимания на Иа, — шепнул Кролик Пуху. — Я ему всё рассказал ещё утром.

Все спросили у Иа, как он поживает, и он сказал, что никак,

не о чем говорить, и тогда все сели; и как только все уселись, Кролик снова встал.

— Мы все знаем, почему мы собрались,— сказал он,— но я просил моего друга Иа...

— Это я,— сказал Иа.— Звучит неплохо!

— Я просил его предложить Лизорюцию.

И Кролик сел.

— Ну давай, Иа,— сказал он.

— Прошу не торопить меня,— сказал Иа-Иа, медленно поднимаясь.— Прошу не нудавайкать.

Он вынул из-за уха свёрнутую трубкой бумагу и не спеша развернул её.

— Об этом никто ничего не знает,— продолжал он,— это Сюрприз.

С достоинством откашлявшись, он снова заговорил.

— Словом, в общем и целом, и так далее и тому подобное, прежде чем я начну, или, пожалуй, лучше сказать, прежде чем я кончу, я должен вам прочесть Поэтическое Произведение. Доселе... доселе — это трудное слово, означающее... Ну, вы сейчас узнаете, что оно означает. Доселе, как я уже говорил, доселе вся Поэзия в Лесу создавалась Пухом, Медведем с милым характером, но разительным недостатком ума. Однако Поэма, которую я намереваюсь прочесть вам сейчас, была создана Иа-Иа, то есть мною, в часы досуга. Если кто-нибудь отберёт у младенца Ру орехи, а также разбудит Сову, мы все сможем насладиться этим творением. Я называю его даже Стихотворением.

СТИХОТВОРЕНИЕ. СОЧИНИЛ ОСЁЛ ИА-ИА

Кристофер Робин уходит от нас.

По-моему, это факт.

Куда?

Никто не знает.

Но он уходит, увы!

Да, он нас покидает.

(Вот рифма к слову «знает».)

Мы все огорчены

(Тут рифма к слову «увы»).

Нам всем и правда грустно.

Терпеть всё это трудно.

(Неплохо!)

(Так и нет рифмы к слову «факт». Досадно!)

(А ведь теперь нужно ещё рифму к слову

«Досадно». Досадно!)

(Пусть эти два «досадно» рифмуют друг

С другом, ладно?)

Я вижу —
Не так-то легко написать
Очень хорошую строчку,
И лучше бы всё
Сначала начать,
Но легче
Поставить точку...
Нет!
Кристофер Робин,
Мы все здесь твои
Друзья...
(Не так!)
Мы все здесь друзья.
(Твоя? Опять не так!)
В общем,
Прими на прощанье от всех
Пожеланье успех...
(Не так!)
Прими пожеланье успехов
От всехов!
(Фу ты, вот неуклюжие слова,
Что-нибудь всегда получается не так!)
Словом,
Мы все тебе их желаем,
Ты молодец!

К О Н Е Ц

Если кто-нибудь намерен аплодировать,— сказал Иа, прочитав всё это,— то время настало.

Все захлопали.

— Благодарю вас,— сказал Иа,— я приятно удивлён и тронут, хотя, возможно, аплодисментам и не хватает звучности.

— Эти стихи гораздо лучше моих,— с восторгом сказал Винни-Пух. И он действительно был в этом уверен.

— Что ж,— скромно объяснил Иа.— Так и было задумано.

— Лизорюция,— сказал Кролик,— такая, что мы все это подпишем и отнесём Кристоферу Робину.

И резолюция была подписана: Пух, Сова, Пятачок, Иа, Кролик, Кенга, Большая Клякса (это была подпись Тигры) и Три Маленькие Кляксы (это была подпись Крошки Ру).

И Все-Все-Все отправились к дому Кристофера Робина.

— Здравствуйте, друзья,— сказал Кристофер Робин.— Здравствуй, Пух!

Все они сказали: «Здравствуй», и вдруг всем стало как-то грустно и не по себе — ведь получалось, что они пришли про-

щаться, а им очень-очень не хотелось об этом думать. Они беспомощно сбились в кучу, ожидая, чтобы заговорил кто-нибудь другой, и только подталкивали друг друга, шепча: «Ну, давай ты», и мало-помалу вперёд вытеснили Иа, а все остальные столпились за ним.

— В чём дело, Иа? — спросил Кристофер Робин.

Иа помахал хвостом, очевидно желая себя подбодрить, и начал.

— Кристофер Робин, — сказал он, — мы пришли, чтобы сказать, чтобы передать... как это называется... сочинял один... но мы все — потому что мы слышали... я хочу сказать, мы все знаем, ну, ты понимаешь сам... Мы... Ты... Короче, чтобы не тратить много слов, вот! — Он сердито оглянулся на остальных и сказал: — Весь Лес тут собрался! Совершенно нечем дышать! В жизни не видел такой бессмысленной толпы животных, и главное, все не там, где надо. Неужели вы не понимаете, что Кристоферу Робину хочется побыть одному? Я пошёл!

И он поскакал прочь.

Сами хорошенько не понимая почему, остальные тоже начали расходиться, и когда Кристофер Робин закончил чтение стихотворения и поднял глаза, собираясь сказать «спасибо», перед ним был один Винни-Пух.

— Это очень трогательно, — сказал Кристофер Робин, складывая бумажку и убирая её в карман. — Пойдём, Пух. — И он быстро зашагал по дороге.

— Куда мы идём? — спросил Пух, стараясь поспеть за ним и одновременно понять, что им предстоит — Искспедиция или еще какое-нибудь *Я не знаю что*.

— Никуда, — сказал Кристофер Робин.

Что ж, они пошли туда, и, после того как они прошли порядочный кусок, Кристофер Робин спросил:

— Пух, что ты любишь делать больше всего на свете?

— Ну, — ответил Пух, — я больше всего люблю...

И тут ему пришлось остановиться и подумать, потому что хотя кушать мёд — очень приятное занятие, но есть такая минутка, как раз перед тем как ты примешься за мёд, когда ещё приятнее, чем потом, когда ты уже ешь, но только Пух не знал, как эта минутка называется. И ещё он подумал, что играть с Кристофером Робинем тоже очень приятное дело, и играть с Пятачком — это тоже очень приятное дело, и вот когда он всё это обдумал, он сказал:

— Что я люблю больше всего на всём свете — это когда мы с Пятачком придём к тебе в гости и ты говоришь: «Ну как, не пора ли подкрепиться?», а я говорю: «Я бы не возражал, а ты как, Пятачок?», и день такой шумелочный, и все птицы поют. А ты что больше всего любишь делать?

— Это всё я тоже люблю,— сказал Кристофер Робин,— но что больше всего я люблю делать — это...

— Ну, ну?

— Ничего.

— А как ты это делаешь? — спросил Пух после очень продолжительного размышления.

— Ну вот, спросят, например, тебя, как раз когда ты собираешься это делать: «Что ты собираешься делать, Кристофер Робин?», а ты говоришь: «Да ничего», а потом идешь и делаешь.

— А, понятно! — сказал Пух.

— Вот, например, сейчас мы тоже делаем такое ничевошное дело.

— Понятно! — повторил Пух.

— Например, когда просто гуляешь, слушаешь то, чего никто не слышит, и ни о чём не заботишься.

— А-а! — сказал Пух.

Они шли, думая о Том и о Сём, и постепенно они добрались до Зачарованного Места, которое называлось Капитанский Мостик, потому что оно было на самой вершине холма. Там росло шестьдесят с чем-то деревьев, и Кристофер Робин знал, что это место зачаровано, потому что никто не мог сосчитать, сколько тут деревьев — шестьдесят три или шестьдесят четыре, даже если он привязывал к каждому сосчитанному дереву кусочек бечёвки.

Как полагается в Зачарованном Месте, и земля тут была другая, не такая, как в Лесу, где росли всякие колючки и папоротник и лежали иголки; здесь она вся заросла ровной-ровной зелёной травкой, гладкой, как газон.

Это было единственное место в Лесу, где можно было сесть спокойно и посидеть и не надо было почти сразу же вскакивать в поисках чего-нибудь другого. Наверно, потому, что на Капитанском Мостике вы видели всё-всё на свете — во всяком случае, до того самого места, где, нам кажется, небо сходится с землёй.

И вдруг Кристофер Робин начал рассказывать Пуху всякие интересные вещи — про людей, которых называют Королями и Королевами, и про ещё каких-то, которые называются Купцами, и про то место, которое называется Европа, и про потерянный остров посреди моря, куда не приходят корабли, и как сделать Насос (если нужно), и как в Рыцарей посвящали, и какие товары мы получаем из Бразилии. А Винни-Пух, прислонившись спиной к одному из шестидесяти с чем-то деревьев и сложив лапки на животе, говорил: «О-ох», и «А-а, понятно», и «Не может быть», и думал о том, как было бы чудесно, если бы в голове у него были не опилки, а настоящий ум. И мало-помалу Кристофер Робин рассказал всё, что знал, и затих и сидел, глядя с Капитанского Мостика на весь Белый Свет и желая, чтобы так было всегда.

А Пух продолжал размышлять. И вдруг он спросил Кристофера Робина:

— А это очень хорошо, когда тебя посвистят?.. В эти... Ну, как ты говорил?

— Чего? — спросил Кристофер Робин нехотя, словно прислушиваясь к кому-то другому.

— Ну, в эти... на лошадке, — объяснил Пух.

— Посвятят в Рыцари?

— Ах, вот как это называется, — сказал Пух. — А я думал, это посви... Ну ладно. Они не хуже Короля и Купца и всех остальных, про которых ты говорил?

— Ну, поменьше Короля, — сказал Кристофер Робин, и тут же, заметив, что Пух, кажется, огорчён, он поспешно добавил: — Но побольше Купца!

— А Медведь тоже может стать им?

— Конечно, может! — сказал Кристофер Робин. — Я тебя сейчас посвящу.

Он взял палочку и, слегка ударив Винни-Пуха по плечу, сказал:

— Встань, сэр Винни-Пух де Медведь, вернейший из моих рыцарей!

Понятно, Пух встал, а потом опять сел и сказал: «Спасибо», как полагается говорить, когда тебя посвятили в Рыцари. И незаметно он снова задремал, и во сне он и Сэр Насос, и Сэр Остров, и Купцы жили все вместе, и у них была Лошадка, и все они были верными Рыцарями доброго короля Кристофера Робина (все, кроме Купцов, которые смотрели за Лошадкой). Правда, время от времени он качал головой и говорил про себя: «Я что-то перепутал». А потом он начал думать обо всех вещах, которые Кристофер Робин захочет рассказать ему, когда вернётся оттуда, куда он собрался уходить, и как т о г д а трудно будет бедному Медведю с опилками в голове ничего не перепутать.

«И тогда, наверно, — грустно сказал он про себя, — Кристофер Робин не захочет мне ничего больше рассказывать. Интересно, если ты Верный Рыцарь, неужели ты должен быть только верным, и всё, а рассказывать тебе ничего не будут?»

Тут Кристофер Робин, который всё ещё смотрел в пространство, подперев голову рукой, вдруг окликнул его:

— Пух!

— Что? — сказал Пух.

— Когда я буду... Когда... Пух!

— Что, Кристофер Робин?

— Мне теперь не придётся больше делать то, что я больше всего люблю.

— Никогда?

— Ну, может, иногда. Но не все время. Они не позволяют.

Пух ждал продолжения, но Кристофер Робин опять замолчал.

— Что же, Кристофер Робин? — сказал Пух, желая ему помочь.

— Пух, когда я буду... ну, ты знаешь... когда я уже не буду ничего не делать, ты будешь иногда приходить сюда?

— Именно я?

— Да, Пух.

— А ты будешь приходить?

— Да, Пух, обязательно. Обещаю тебе.

— Это хорошо, — сказал Пух.

— Пух, обещай, что ты меня никогда-никогда не забудешь. Никогда-никогда! Даже когда мне будет сто лет.

Пух немного подумал.

— А сколько тогда мне будет?

— Девяносто девять.

Винни-Пух кивнул.

— Обещаю, — сказал он.

Все еще глядя вдаль, Кристофер Робин протянул руку и пожал лапку Пуха.

— Пух, — серьёзно сказал Кристофер Робин, — если я... если я буду не совсем такой... — Он остановился и попробовал выразиться иначе: — Пух, ну, что бы ни случилось, ты ведь всегда поймёшь. Правда?

— Что пойму?

— Ничего. — Мальчик засмеялся и вскочил на ноги. — Пошли.

— Куда? — спросил Винни-Пух.

— Куда-нибудь, — сказал Кристофер Робин.

И они пошли. Но куда бы они ни пришли и что бы ни случилось с ними по дороге, — здесь, в Зачарованном Месте на вершине холма в Лесу, маленький мальчик будет всегда, всегда играть со своим медвежонком.

ДЖЕЙМС БАРРИ

ПИТЕР ПЭН

Сказочная повесть

Пересказ с английского
Ирины Моклаковой

Barrie J. M.

PETER PAN

Глава первая

ПИТЕР ПЭН НАРУШАЕТ СПОКОЙСТВИЕ

Все дети, кроме одного-единственного на свете ребенка, рано или поздно вырастают. Венди знала это наверняка. Выяснилось это вот каким образом. Когда ей было два года, она играла в саду. Ей попался на глаза удивительно красивый цветок. Она его сорвала и побежала к маме. Наверное, она в этот момент была очень хорошенькой, потому что мама, миссис Дарлинг, воскликнула:

— До чего жаль, что ты не останешься такой навсегда!

Только и всего. Но с этого момента Венди знала, что она вырастет. Человек обычно догадывается об этом, когда ему исполнится два года...

Мама у Венди была необыкновенная. Во-первых, она была красивая. Во-вторых, в правом уголке рта пряталась у нее особенная, почти неуловимая улыбка. Венди никак не удавалось ее поймать. Улыбка показывалась и тут же пряталась, будто ее и нет. И еще было у мамы в характере что-то такое... ну прямо поразительное, почти волшебное. Я вам сейчас попытаюсь объяснить. Знаете, бывают такие ящички. Откроешь один, а в нем — другой, а в другом — третий. И всегда остается еще один ящичек про запас, сколько ты ни открывай.

Папа, мистер Дарлинг, так женился на маме. Однажды почти целый десяток юношей вдруг обнаружили, что они хотят взять ее в жены. Они тут же побежали делать ей предложение. А папа нанял извозчика и всех опередил. Таким образом, мама досталась ему. Всё, кроме той самой улыбки и самого последнего ящичка.

Мама очень уважала папу, потому что он работал в банке и разбирался в таких вещах, как проценты и акции, а в этом чаще всего разобраться просто невозможно. Но он говорил «проценты растут» или «акции падают» с таким видом, что всякий бы его зауважал.

Между прочим, Венди появилась на свет первой, а потом уже Джон, а после — Майкл.

Когда Венди появилась на свет, родители долго совещались, как им быть — то ли оставить ее, то ли кому-нибудь отдать, потому что ведь прокормить ребенка не такая уж дешевая вещь.

Мистер Дарлинг сидел на краешке постели и считал, а миссис Дарлинг смотрела на него умоляюще.

— Не перебивай,— просил он.— У меня в кармане фунт и семнадцать пенсов, да два шестьдесят на работе. Я перестану пить кофе в обеденный перерыв, да твои восемнадцать, да еще фунт, который ты одолжила соседу, да вычесть семь... Почему плачет ребенок? Итак, сорок девять, да вычесть ребенка... Вот видишь, ты меня сбила! Короче говоря, как ты думаешь, мы можем прожить на девятьсот девяносто семь фунтов в год?

— Сможем, сможем,— заверила его миссис Дарлинг. Уж очень ей хотелось оставить себе девочку.

— Не забывай про свинку,— предупредил он ее.— На свинку — фунт, на корь — полтора, да и коклюш обойдется не меньше чем в восемь шиллингов.

Те же переживания возникли, когда появились Джон и Майкл. Но их тоже оставили в доме.

И вскоре их можно было увидеть на улице. Все трое важно вышагивали в сопровождении няни.

Миссис Дарлинг любила, чтобы все в доме было как надо, а мистер Дарлинг любил, чтобы было не хуже, чем у людей. Поэтому они никак не могли обойтись без няни. Но поскольку они были бедны — ведь дети просто разоряли их на молоко,— в

нянях у них была большая черная собака водолаз, которую звали Нэна. До того как Дарлинги наняли ее к себе на службу, она была просто ничьей собакой. Правда, она очень заботилась о детях вообще, и Дарлинги познакомились с ней в Кенсингтонском парке. Там она проводила свой досуг, заглядывая в детские колясочки. Ее страшно не любили нерадивые няньки, которых она сопровождала до дому и жаловалась на них их хозяйкам.

Нэна оказалась не няней, а чистым золотом. Она купала всех троих. Вскакивала ночью, если кто-нибудь из них хотя бы шевельнется во сне. Будка ее стояла прямо в детской. Она всегда безошибочно отличала кашель, который не стоит внимания, от кашля, при котором горло необходимо обвязать старым шерстяным чулком. Нэна верила в старые испытанные средства вроде листьев ревеня и не доверяла всем этим новомодным разговорам о микробах.

Было приятно видеть, как она вела юных Дарлингов в детский сад, выстроив в линеечку по росту и неся в зубах зонтик на случай дождя. Нэна была во всех отношениях образцовой няней. И мистер Дарлинг прекрасно это знал, хотя иногда и беспокоился, не шушукаются ли на этот счет соседи.

Он все-таки занимал положение в Сити и не мог с этим не считаться. Временами ему казалось, что Нэна недостаточно им восхищается.

— Что ты, Джордж, — пыталась разуверить его миссис Дарлинг. — Она от тебя в полном восторге. — При этом она делала незаметный знак детям, чтобы они были особенно ласковы с отцом.

Порой в детской открывались танцы. Иногда в них принимала участие и Лиза, единственная прислуга в доме. Ох, как бывало весело! Веселее всех отплясывала сама миссис Дарлинг. Она так приседала и кружилась, что видна была только та самая улыбка. Если бы в этот момент с маху наскочить на миссис Дарлинг, может быть, и удалось бы наконец эту улыбку поймать. Трудно было представить себе более простую и счастливую семью до того, как появился Питер Пэн.

Миссис Дарлинг впервые обнаружила его, когда приводила в порядок мысли своих детей. Разве вы не слышали? Это в обычае у всех хороших матерей. Когда дети уснут, матери производят уборку в их мыслях, наводя там порядок, и кладут все мысли по местам. Когда ребенок просыпается, то все капризы лежат сложенные на дне его головы, а сверху положены добрые чувства, хорошенечко проветренные и вычищенные за ночь. И еще в мыслях у каждого ребенка есть его собственная страна Нетинебудет, и чаще всего это остров, очень яркий и цветной, с коралловыми рифами, с быстроходным кораблем на горизонте, с дикарями и гномами, и большинство из этих гномов — портные. Есть там

еще пещеры, на дне которых протекают реки, и еще — принцы, у которых к тому же есть шесть старших братьев и заброшенная хижина в лесу, и еще — очень старая старушка, и нос у нее крючком. С этим было бы не так сложно справиться, однако это еще не все. Там еще помещается первый день учебы в школе, и пруд, и убийцы, и вышивание крестиком, и глаголы, требующие дательного падежа, и воскресный пудинг, и три пенса, которые дадут, если молочный зуб выдернуть самому, и так далее, и так далее.

Конечно, в воображении каждого — своя страна Нетинебудет. В своей стране Джон, например, жил в перевернутой лодке, Майкл в вигваме, а Венди в шалаше из крепко сшитых друг с другом больших листьев, и к тому же у нее был ручной волк, которого родители покинули в детстве. Но с этой небольшой разницей острова Нетинебудет похожи друг на друга, как братья, у которых всегда одинаковые носы. На этих волшебных берегах дети, играя, вечно вытаскивают на берег свои рыбацьи лодки. Мы с вами в детстве тоже там побывали. До сих пор до нашего слуха доносится шум прибоя, но мы уже никогда не высадимся на том берегу.

Иногда, совершая путешествия в мыслях своих детей, миссис Дарлинг натыкалась на непонятные слова, и самым удручающим было слово «Питер». Она лично не была знакома ни с каким Питером, но в мыслях Джона и Майкла он попадался нередко, а в голове у Венди оно попадалось просто на каждом шагу. Имя это было написано там более крупными буквами, чем все остальные слова. Присматриваясь к нему, миссис Дарлинг нашла, что имя это выглядит как-то очень странно и дерзко.

— Да, он очень заносчивый, — призналась Венди со вздохом, когда мама спросила ее о нем.

— Но кто он, доченька?

— Он просто Питер Пэн, мамочка. Ты ведь знаешь.

Сначала миссис Дарлинг никак не могла вспомнить никого с таким именем. А потом, мысленно добравшись до своего детства, она вдруг вспомнила про какого-то Питера Пэна, о котором говорили, что он живет там, где феи. Когда она была маленькая, она, конечно, этому верила, но теперь она была замужней и разумной женщиной, поэтому решительно сомневалась в существовании подобного персонажа.

— Кроме всего прочего, — заметила она Венди, — ему уже давно пора повзрослеть.

— Ой, нет, он не растет, — поделилась с ней Венди. — Он такой, ну, такой, как я.

Миссис Дарлинг решила посоветоваться с мистером Дарлингом. Но он только снисходительно улыбнулся:

— Попомни мои слова. Это какая-нибудь ерунда, которую

Нэна вбила им в голову. Собаке вполне могла прийти в голову подобная фантазия. Не обращай внимания. Пройдет.

Но это никак не проходило. И вскоре несносный мальчишка насмерть перепугал бедную миссис Дарлинг.

Однажды утром Венди открывала миссис Дарлинг нечто, что чрезвычайно ее обеспокоило. В детской на полу обнаружили листья, которых наверняка там не было, когда дети ложились спать. Миссис Дарлинг безуспешно пыталась найти ключ к этой загадке, когда Венди произнесла со снисходительной улыбкой:

— Наверно, это опять Питер.

— О чем ты говоришь, Венди?

— Как только не стыдно не убрать за собой! — продолжала Венди со вздохом. Она была очень опрятной девочкой.

Венди объяснила самым будничным тоном, что, мол, Питер иногда появляется ночью в детской, и садится на краешек ее кровати, и играет на своих дудочках. Она при этом не просыпается, и неизвестно, откуда она об этом знает. Просто знает, и все.

— Что за нелепицу ты говоришь, солнышко! Как же можно войти в дом не постучавшись?

— По-моему, он является через окно.

— Но, роденькая, мы ведь живем на третьем этаже!

— А разве листья не валялись возле окна, мам?

Совершенно верно. Листья были обнаружены как раз возле окна. Миссис Дарлинг растерялась. Венди говорила с такой уверенностью. Решительно не было никакой возможности объяснить ей, что все это она увидела во сне.

— Доченька, почему ты мне про это раньше не сказала? — воскликнула миссис Дарлинг.

— Я забыла, — ответила Венди беззаботно. Она торопилась к завтраку.

Может, это все-таки был сон? А как же тогда листья?

Миссис Дарлинг рассмотрела их внимательно. Это были высушенные листья. И миссис Дарлинг могла бы поклясться, что в Англии такие деревья не растут.

Она исползала весь пол со свечой в руке, стараясь обнаружить следы. Она на всякий случай поковыряла кочергой в каминной трубе и постучала по стенкам камина. Она спустила из окна спальни шнурок до самой земли, но никто по нему не влез.

Конечно, дочери это все приснилось.

Но ей ничего не приснилось. Это выяснилось на следующий день вечером. Можно сказать, что с этого дня и начались приключения детей семьи Дарлингов.

Ребята уже улеглись спать. У Нэны был выходной, и миссис Дарлинг сама их выкупала, и уложила в постель, и спела каждому песенку. Пока они один за другим не отправились в страну сновидений.

Все выглядело таким уютным и таким надежным, что миссис Дарлинг улыбнулась своим недавним страхам. Она села с шитьем возле камина. В камине еще горел огонь. Детская была освещена тремя ночниками. Миссис Дарлинг неожиданно задремала над рубашкой, которую она шила для Майкла. Ей даже начал сниться сон. Ей привиделось, будто остров Нетинебудет подплыл совсем близко к дому и странный мальчик с этого острова явился к ним в дом. Она не встревожилась, потому что лицо его показалось ей знакомым. Ей снилось, что он слегка раздвинул завесу, которая скрывает остров Нетинебудет, и что Венди, и Джон, и Майкл по очереди заглядывают в щелку.

Сам по себе сон мог оказаться сущим пустяком. Но дело-то в том, что, пока он ей снился, окно в детской растворилось и мальчик, появившийся на подоконнике, соскочил на пол. За ним вслед в окно влетело какое-то странное пятнышко света величиной не больше вашего кулака. Это пятнышко как живое заметалось по комнате. Видимо, оно и разбудило миссис Дарлинг.

Вздрогнув, она проснулась, и сразу же увидела мальчика, и каким-то образом тотчас поняла, что это Питер Пэн. Между прочим, если бы мы с вами оказались в комнате, мы бы сразу увидели, что он чем-то очень напоминает ту самую загадочную ее улыбку, о которой мы говорили вначале.

В общем-то, он был хорошеньким мальчиком, одетым в платье из сухих листьев и прозрачной смолы.

Его рот был полон жемчужных молочных зубов. Ни один еще не выпал. И это ее напугало. Как же так, ведь он был таким же ребенком с молочными зубами еще во времена ее детства!

Когда он заметил, что в спальне взрослый человек, он сердито оскалил на нее все свои жемчужинки.

Глава вторая

Т Е Н Ь

Миссис Дарлинг вскрикнула, и в тот же момент открылась дверь и вошла Нэна, потому что ее выходной день кончился. Она зарычала и бросилась к мальчишке, который тут же легко выпорхнул в окно. Миссис Дарлинг снова вскрикнула, на этот раз от страха, что он упадет и разобьется, и она скорее побежала вниз, чтобы поглядеть, что с ним случилось. Но его там не было. Она подняла голову. На небе, как ей показалось, она заметила блуждающую звездочку.

Она снова поднялась в детскую и увидела, что Нэна что-то держит в зубах. Оказалось, что это мальчишкина тень. Когда он подскочил к окну, Нэна быстренько захлопнула раму, но он уже

успел выскочить, а вот тень его не успела. Хлоп — оконная рама резко затворилась и прищемила ее.

Уж конечно, миссис Дарлинг рассмотрела эту тень самым внимательным образом, но ничего особенного не обнаружила — тень как тень.

Нэна тут же сообразила, что с тенью делать. Она повесила ее за окном, что должно было означать: «Он, конечно, вернется за своей тенью. Давайте поместим ее так, чтобы он мог ее взять, не напугав ребятшек».

Но к сожалению, миссис Дарлинг не могла допустить, чтобы за окном что-то болталось. Тень была так похожа на выстиранную тряпку, что портила respectable вид их фасада.

Ей очень хотелось немедленно показать тень мистеру Дарлингу. Он сидел, склонившись над счетами и обвязав голову мокрым полотенцем для ясности мыслей, и высчитывал возможность купить Майклу и Джону зимние пальтишки. Ей было совестно отрывать его от важного дела. Кроме того, она заранее знала, что он скажет: «Вот чем кончается, когда в няньки нанимают собаку».

Она решила аккуратненько свернуть тень и положить ее в ящик комода. Пусть полежит, пока не подвернется удобный случай сообщить мужу новость.

Увы! Случай подвернулся ровно через неделю, в ту незабываемую пятницу. Да, несомненно. Это была пятница.

— Мне бы надо было быть особенно осторожной в пятницу, — говорила она впоследствии мужу.

Он сидел рядом с ней, а Нэна сидела с другой стороны и держала ее руку.

— Ах, нет, нет, — качал головой мистер Дарлинг. — Это я во всем виноват. Я, Джордж Дарлинг, сотворил все это своими руками. Меа кульпа, меа кульпа, — добавил он по-латыни, что значит «моя вина». Он получил в свое время классическое образование.

Так они сидели по вечерам, вспоминая ту роковую пятницу, пока все даже самые мелкие подробности не проявились у них в головах, как это бывает с переводными картинками.

— Если б только я сообразила не принять приглашение от соседей из дома 27! — говорила миссис Дарлинг.

— Если б только я не налил свое дурацкое лекарство в Нэнину мисочку!

— Если б только я догадалась сделать вид, что лекарство мне нравится, — говорили собачьи глаза, полные слез.

— Ах, это все мое пристрастие к званым обедам, Джордж!

— Нет, дорогая, это все мое дурацкое чувство юмора.

— Нет, мое неумение не обращать внимания на пустяки, дорогие хозяева!

А затем кто-нибудь из них или все трое разом плакали, и каждый думал свое.

Нэна думала: «Конечно, нельзя было нанимать собаку в няньки», — и миссис Дарлинг промокала Нэнины слезы своим платком.

— Этот негодяй! — восклицал мистер Дарлинг, и Нэна вторила ему лаем.

Так они сидели рядышком в опустевшей детской, припоминая все подробности этого ужасного вечера в пятницу...

Начался вечер совсем обыкновенно, безо всяких событий, как тысячи таких же вечеров.

Нэна согрела воду, чтобы выкупать Майкла, посадила его к себе на спину и потащила в ванную.

— Не хочу я спать! — вопил Майкл, хотя прекрасно понимал, что все эти вопли не помогают. — Не хочу, Нэна, еще рано ведь! Нэна, не буду тебя больше любить, раз так! Не хочу я купаться, слышишь?

Потом в детскую вошла миссис Дарлинг в белом вечернем платье. Венди очень любила, когда она надевала это платье. На ней были надеты ожерелье и браслет. Браслет принадлежал Венди. Но пока она вырастет, миссис Дарлинг его одалживала у Венди. А Венди очень любила давать свой браслет маме поносить.

Венди и Джон перед сном играли в маму и папу и разыгрывали тот момент, когда родилась Венди.

Джон говорил: «Я счастлив сообщить вам, миссис Дарлинг, что вы теперь стали матерью», — таким тоном, как мог бы говорить сам мистер Дарлинг по такому случаю.

А Венди изображала миссис Дарлинг и запрыгала от радости, как это сделала бы сама настоящая миссис Дарлинг.

Потом так же разыграли рождение Джона, только еще торжественнее, потому что родился мальчик.

В это время Нэна привезла Майкла из ванной, и Майкл заявил, что он тоже хочет родиться. Но Джон довольно грубо сказал ему, что им больше детей не нужно.

Майкл чуть не заплакал:

— Никому я, выходит, не нужен.

Ясно, что леди в вечернем платье не выдержала такой несправедливости. Она закричала:

— Мне нужен, мне нужен третий ребенок.

— Мальчик или девочка?

— Мальчик, — подтвердила миссис Дарлинг.

Тогда он прыгнул к ней на колени. Казалось бы, незначительное событие. Но теперь они все его вспоминали, потому что это было в последний раз...

— Как раз в этот момент я и ворвался как ураган, да? — говорил мистер Дарлинг, глубоко себя презирая.

И действительно, тогда он напоминал ураган.

Дело в том, что он тоже одевался к званому обеду и все было в порядке до тех пор, пока не дошло до галстука. Трудно, конечно, поверить, но дело обстояло именно так. Этот человек, который знал все про акции и проценты, не умел завязывать галстука. Правда, по временам галстук сдавался без борьбы. Но иногда всем домашним казалось, что лучше бы уж он проглотил свою гордость и пользовался готовым галстуком, заранее завязанным на фабрике.

В тот вечер был как раз такой случай. Он влетел в детскую, держа в руках измятый негодяйский галстук.

— Что-нибудь случилось, папочка?

— Случилось! Вот галстук — так он не завязывается! Видишь ли, он желает завязываться только на спинке кровати. Двадцать раз я пробовал, и двадцать раз он завязывался. А вокруг шеи не желает. Отказывается!

Ему показалось, что миссис Дарлинг не поняла всей серьезности положения, поэтому он продолжал:

— Предупреждаю тебя, мамочка. Пока этот галстук не завяжется по-человечески вокруг моей шеи, я из дома не выйду. А если я из дома не выйду, то мы не попадем на званый обед. А если мы не придем на этот обед, мне лучше не показываться на службе. А если я там не покажусь, то мы умрем с голоду, а наши дети окажутся на улице.

Но даже после этой зажигательной речи миссис Дарлинг продолжала сохранять спокойствие.

— Дай я попробую завязать, милый.

Собственно, за этим он и шел в детскую.

Своими мягкими, прохладными руками она завязала ему галстук, а дети стояли и глядели на то, как решалась их судьба.

Другой бы мужчина, может быть, и возмутился бы тем, что она сумела сделать это так легко. Другой, но не мистер Дарлинг. Он ведь был славным человеком. Он поблагодарил ее кивком и через минуту уже скакал по детской с Майклом на закорках.

— Какую мы тогда устроили кучу малу! — вздохнула миссис Дарлинг.

— В последний раз в жизни, — простонал мистер Дарлинг.

— Помнишь, Джордж, Майкл спросил меня: «Мамочка, а как ты узнала в первый раз, что это именно я?»

— Помню!

— Они были такие милые, правда?

— И они были наши. Наши! А теперь их у нас нет!

Тогда куча мала рассыпалась с приходом Нэны. Мистер Дарлинг нечаянно наскочил на Нэну и тут же обшерстил свои новые брюки. И не в том даже дело, что брюки были новые. Это были первые в жизни брюки с шелковой тесьмой по бокам!

Конечно, миссис Дарлинг тут же почистила их щеткой, но мистер Дарлинг опять завел разговор насчет того, что неправильно держать в няньках собаку.

— Джордж, Нэна просто сокровище!

— Не сомневаюсь. Только мне иногда кажется, что она принимает детей за щенят.

— Да нет же, дорогой! Я уверена, что ты ошибаешься.

— Не знаю,— произнес мистер Дарлинг задумчиво. Не знаю.

Миссис Дарлинг показалось, что наступил подходящий момент рассказать ему про мальчишку. Сначала он не хотел и слушать, но потом задумался, когда она показала ему тень.

— Эта тень не напоминает мне ни одного из моих знакомых,— сказал он.— Но мне кажется, что ее обладатель — негодяй...

— Мы как раз об этом говорили,— вспоминал мистер Дарлинг,— когда Нэна вошла с лекарством для Майкла. Больше ты никогда не принесешь пузырек с лекарством, Нэна, и во всем этом виноват только я один!..

Он был, несомненно, мужественным человеком. Но тогда с этим лекарством повел себя, прямо скажем, глупо. Если у мистера Дарлинга и были какие-то слабости, то одна из них заключалась в том, что ему казалось, будто всю жизнь он очень храбро принимал лекарства. Поэтому, когда Майкл начал отпихивать ложку с микстурой, которую Нэна велела ему принять на ночь, мистер Дарлинг сказал:

— Будь мужчиной, Майкл.

— Не хочу, не хочу! — капризничал Майкл.

Миссис Дарлинг пошла за шоколадкой, чтоб дать ему заесть. Мистеру Дарлингу это показалось баловством.

— Майкл,— сказал он строго,— в твоем возрасте я принимал лекарства без звука. Да еще говорил при этом: «Спасибо, дорогие родители, что вы так обо мне заботитесь».

Он честно верил, что все так и было на самом деле. Венди тоже всему верила. И поэтому она сказала, чтобы подбодрить Майкла:

— Пап, то лекарство, которое ты иногда принимаешь, правда противное?

— Намного противнее того, что пьет Майкл. Я бы его принял сейчас, чтоб дать тебе урок мужества, Майкл. Только пузырек куда-то потерялся.

Скажем, он не то чтобы потерялся. Просто как-то ночью мистер Дарлинг залез на стул и поставил лекарство на самую верхнюю полку шкафа, за шляпными картонками. Он и не догадывался, что Лиза обнаружила склянку во время уборки и вернула ее на полку в аптечный шкафчик.

— Я знаю, где лекарство, папочка! — воскликнула всегда готовая услужить Венди.— Я принесу.

И она умчалась, раньше чем он успел ее остановить.

Настроение мистера Дарлинга моментально испортилось.

— Джон,— сказал он, поеживаясь,— если б ты знал, какая это гадость! Густая, липкая, приторная гадость.

— Ничего, пап, потерпи,— подбодрил его Джон.

В этот момент в комнату влетела Венди. Она держала в руке стакан. В стакане было лекарство.

— Правда, я быстро? — похвасталась она.

— Очень,— сказал мистер Дарлинг с иронией в голосе.— Только пусть Майкл пьет первый.

— Нет уж, раньше ты,— заявил подозрительный по натуре Майкл.

— Меня может стошнить,— сказал мистер Дарлинг с угрозой в голосе.

— Давай, пап,— скомандовал Джон.

— Помолчи, Джон.

Венди удивилась:

— Я думала, ты его раз — и проглотишь!

— Не в этом дело. Дело в том, что у меня — полстакана, а у Майкла только чайная ложка.— Он едва не плакал.— Так несправедливо.

— Папа, я жду,— сказал Майкл ледяным тоном.

— Я тоже.

— Значит, ты трусишка.

— Ты сам трусишка.

— Я ничего не боюсь.

— И я ничего не боюсь.

— Тогда пей.

— Сам пей.

Тут Венди осенило:

— А вы не по очереди. Вы одновременно.

— Хорошо,— отозвался мистер Дарлинг.— Ты готов, Майкл?

Венди сосчитала: раз, два, три, и Майкл проглотил микстуру, а мистер Дарлинг спрятал стакан за спину.

Майкл завопил от возмущения, а Венди прошептала с укоризной:

— Папа.

— Что «папа»? Да перестань ты вопить, Майкл! Я хотел выпить. Я просто промахнулся.

Нэна вышла из комнаты, поглядев на него с молчаливым укором. Как только дверь за ней закрылась, мистер Дарлинг зашептал заговорщически:

— Послушайте, я придумал отменную штуку. Я вылью лекарство Нэне в мисочку. Оно белое, и она подумает, что это молоко. И выпьет.

Он так и сделал. Лекарство действительно походило на молоко, оно было густым и белым. Мистер Дарлинг засмеялся, но его никто не поддержал.

— Вот смеху-то! — сказал он.

Но все молчали и глядели на него неодобрительно. Нэна вернулась в детскую, и он сказал ей притворно-ласковым голосом:

— Нэна, собачка, не хочешь ли попить молочка?

Нэна вильнула хвостом, подбежала к своей миске и начала лакать. Потом она поглядела на него сердито. Глаза ее стали влажными. Она обиженно уползла к себе в будку.

Мистеру Дарлингу было стыдно за самого себя, но он не желал сдаваться.

Вошла миссис Дарлинг. В комнате царил молчание. Она понюхала жидкость в мисочке.

— Ох, Джордж, да ведь это же твое лекарство!

— Я пошутил! — заорал он сердито. — Никакой возможности вас всех рассмешить! Как я ни стараюсь!

Миссис Дарлинг успокаивала мальчиков. Венди гладила Нэну.

— Гладь, гладь, балуй ее, нежничай. Кто-нибудь приласкал бы меня хоть раз в жизни. Да где там! Кто я для вас? Кормилец. Рабочий скот! Кому же надо со мной нежничать!

— Джордж, — умоляла миссис Дарлинг. — Потише. Слуги могут услышать.

В доме всего-навсего была одна прислуга Лиза, маленькая, как лилипутик, но они называли ее торжественно — слуги.

— Пусть слышат. Словно хоть весь свет. Но я не разрешу больше этой собаке хозяйничать в нашей детской.

Дети ударились в рев, Нэна пыталась с ним помириться, но он отогнал ее от себя. Он чувствовал себя настоящим мужчиной.

— Ничего! Ничего! Твое место во дворе. И я тебя немедленно посажу там на цепь.

— Джордж, Джордж, прошу тебя, вспомни, что я тебе говорила о том мальчишке.

Увы. Он ничего не стал слушать. Он был полон намерения всем наконец показать, кто в доме хозяин. Он приказал Нэне вылезти из будки, но она не послушалась. Тогда он выманил ее всякими притворно-ласковыми словами и, когда она вылезла, схватил ее и поволок вон из детской. Он ужасно себя стыдился. И все равно не отступал. Когда он вернулся в дом, посадив Нэну на цепь, он тер глаза кулаками и чуть не плакал.

Миссис Дарлинг сама уложила детей. В детской царила непривычная тишина. Мать зажгла ночники. Было слышно, как Нэна лаяла во дворе. Джон сказал:

— Это от того, что он ее сажает на цепь.

Но Венди оказалась мудрее.

— Нет. Она не так лает, когда расстраивается. Это другой лай. Так она лает, когда чувствует опасность.

Опасность!

— Ты так думаешь, Венди?

— Знаю наверное.

Миссис Дарлинг вздрогнула и подошла к окну. Оно было надежно заперто. Она выглянула в окно. Небо было густо наперчено звездами. Они все как-то сгрудились над домом, точно хотели увидеть, что же здесь произойдет. Парочка самых маленьких звездочек подмигнула ей, но она не заметила.

Правда, какой-то непонятный страх сжал ее сердце, и она воскликнула:

— И зачем только мы приняли это приглашение!

Даже Майкл, который уже почти заснул, почувствовал, что она взволнована. Он приоткрыл глаза и спросил:

— Мам, с нами ведь ничего не может случиться, раз у нас горят ночники?

— Ничего, мое солнышко, — успокоила она его. — Они как будто мамины глазки. Они будут вас охранять.

Она обошла все три кровати и каждому сказала ласковые слова на прощание.

Майкл обнял ее за шею.

— Mamочka, как я тебя люблю!

Это были последние слова, которые она от него слышала. Она услышит его снова не скоро.

Дом 27 был недалеко от их дома. Но недавно выпал снег, и они шли осторожно, чтобы не запачкать обувь. На улице уже никого не было. Только звезды над головой.

Звезды вообще-то красивые. Но они не могут ни во что вмешиваться. Они могут только смотреть. Кажется, это для них наказание за что-то, что они совершили так давно, что ни одна звезда уже не в силах вспомнить. Старые звезды даже и не пытаются вспомнить. А молодые все еще продолжают их спрашивать. Сказать, чтобы они уж очень любили Питера, — не скажешь. Он ведь проказник. И иногда дует на них, пытаясь погасить. Но и они не прочь позабавиться, и поэтому в тот вечер они были на стороне Питера и им очень хотелось, чтобы взрослые поскорее ушли. Так что, когда дверь в доме 27 захлопнулась, в небе началось некоторое волнение, а самая маленькая звездочка крикнула тоненьким голосом:

— Питер! Пора!

В ПУТЬ! В ПУТЬ!

Еще несколько мгновений после того, как мистер и миссис Дарлинг ушли, ночники возле кроватей горели ясно. Это были очень симпатичные огоньки, и страшно жаль, что они проспали и не видели Питера. Но ночничок возле кровати Венди вдруг заморгал и так сладко зевнул, что заразил зевотой два других. И прежде чем они успели дозевать, они — все три — погасли.

Теперь комната была освещена совсем другим огоньком, в тысячу раз ярче ночников. В этот самый момент, когда мы говорим о нем, он шарит по всем ящикам комода, роется в шкафу, выворачивает там все карманы наизнанку в поисках тени Питера.

На самом деле это не лампочка. Комната вся светится оттого, что свет этот мечется как сумасшедший. Но если он остановится хоть на мгновение, вы увидите, что это молоденькая фея величинной, ну, например, с вашу ладонь. Ее звали Починка, потому что она умела чинить кастрюли и чайники. Она летала от одного дома к другому (в этих домах тоже жили феи, разумеется) и своим мелодичным голоском вызванивала: «Чинить-паять, кастрюльки починять». Но друзья за этот ее голосок, похожий на нежный звон колокольчика, привыкли называть ее Динь-Динь. Одевалась она в короткое платьице из ажурных листиков, которое ей, кстати сказать, очень шло и подчеркивало изящество ее фигурки.

Минуту спустя после того, как фея появилась в детской, маленькие звездочки разом подули на окно, оно растворилось и в комнату влетел Питер.

Ровно половину пути к дому Дарлингов он нес Динь-Динь на руках, поэтому он был весь обсыпан пылью, которой обычно посыпают себя феи.

— Динь-Динь, — позвал он тихонько после того, как убедился, что ребята спят. — Динь, где ты?

Динь-Динь сидела в кувшине, и, надо сказать, ей это очень нравилось, потому что до сих пор ей никогда не приходилось попадать в кувшин с водой.

— Да вылезай ты из этого кувшина! Лучше скажи, ты нашла, куда они девали мою тень?

В ответ раздался нежный звон, как будто кто-то зазвонил в маленькие золотые колокольчики. Так говорят феи. Это их язык. Он такой тихий, что обычно ребята его не слышат.

Динь сказала, что тень спрятана в большой коробке. Она имела в виду комод. Питер подскочил к комоду, выдвинул один за другим все ящики и вышвырнул их содержимое на пол. В один

миг он нашел свою тень и так этому обрадовался, что не заметил, как задвинул ящик вместе с находившейся там Динь-Динь.

Он был уверен, что, как только он обнаружит свою тень, он сольется с ней в одно целое, как сливаются в одну каплю две капли воды. Но ничего такого не произошло, и Питер страшно перепугался. Он притащил из ванной кусок мыла и попытался приклеить тень мылом. Но у него ничего не получилось. Тогда он уселся на пол и заплакал.

Он так рыдал, что разбудил Венди. Она села на кровати. Надо сказать, что она совсем не испугалась, увидев мальчишку, который плакал, сидя на полу. Ей просто стало любопытно.

— Мальчик,— сказала она очень вежливым голосом.— Почему ты плачешь?

Питер тоже умел быть вежливым, он кое-чему научился на торжествах у фей. Поэтому он встал и изысканно поклонился. Венди это очень понравилось, и она ему тоже отвесила поклон.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Венди Мойра Энджела Дарлинг,— ответила она.— А тебя?

— Питер Пэн.

— И все?

— Да,— ответил он немножечко резко. В первый раз в жизни ему показалось, что имя его действительно коротковато.

— Прости,— сказала Венди Мойра Энджела.— Я ведь это и раньше знала.

— Чепуха,— сказал Питер.

— А где ты живешь?

— Второй поворот направо, а дальше прямо до самого утра.

— Какой смешной адрес!

— Ничуть не смешной,— заявил он.

— Я просто подумала, как же его написать на конверте?

Она тут же пожалела, что сказала про письма, потому что он ответил презрительно:

— Мне не пишут писем.

— Может, пишут твоей маме?

— У меня нет мамы.

У него не просто не было мамы. Ему мама и не была нужна. Он вообще считал, что мама человеку ни к чему. Но Венди стало его жаль.

— О, Питер, теперь я понимаю, почему ты плакал.

Она соскочила с кровати и подбежала к нему.

— Я совсем не поэтому плакал,— возмутился он.— А потому, что моя тень не хочет ко мне прилипнуть. И вообще я вовсе не плакса.

— Она что, оторвалась?

— Да.

Тут Венди увидела, что тень валяется на полу, такая сморщенная и жалкая. Ей стало жаль Питера.

— Какой ужас! — сказала она. Но тут же улыбнулась, потому что увидела, что он пытался приклеить ее мылом. «Вот мальчишка», — подумала она.

К счастью, она сразу сообразила, что надо делать.

— Ее следует пришить, — сказала она взрослым голосом.

— Что значит «пришить»?

— До чего ты необразованный!

— Ничего подобного.

— Ладно, сейчас все сделаем, малыш, — успокоила его Венди. Хотя ростом он был ничуть не меньше ее.

Она достала свой игольник и наперсток и стала пришивать тень к ногам Питера.

— Учти, будет больно.

— Не заплачу, — сказал Питер.

Он стиснул зубы и терпел. Вскоре тень была крепко к нему пришита, хоть вид у нее и был немного помятый.

— Мне бы надо ее сначала погладить утюгом! — задумчиво сказала Венди.

Но Питеру, как и всякому мальчишке, было на это наплевать. Он в дикой радости заскакал по комнате. Он уже забыл, что тень ему пришла Венди.

— Какой я умный! — вопил он. — До чего умен — ужас! — И он прокричал петухом.

Приходится признаться, что он был чудовищным зазнайкой.

Венди была поражена.

— Ты задавала! — воскликнула она. — А я, конечно, потвоему, ничего не сделала?

— Ну, немножко.

— Ах так! Ладно. Я удаляюсь.

Она прыгнула в постель и закрылась одеялом с головой.

Он сделал вид, что уходит. Но это не помогло. Венди не выглянула. Тогда он сел на кончик кровати и похлопал по одеялу босой ногой.

— Венди, — сказал он ласковым голосом, — не удаляйся, не надо. Я просто такой. Я всегда кукарекаю, когда я собой доволен.

Она не вылезла из-под одеяла, но было видно, что она прислушивается.

— Венди, — продолжал Питер, — от одной девочки больше толку, чем от двадцати мальчишек.

Венди выглянула из-под одеяла.

— Ты честно так думаешь, Питер?

— Ага.

— Какой ты хороший! Тогда я опять встаю.

Она села с ним рядышком на краю кровати.

— Я даже подарю тебе поцелуй.

Питер не знал, что это такое. Он протянул руку ладошкой вверх.

— Подари.

— Ты знаешь, что такое поцелуй?

— Подаришь, так буду знать.

Венди не хотела его смущать. Она протянула ему наперсток.

— Хочешь, я тебе тоже подарю поцелуй? — сказал Питер.

Венди слегка наклонилась к нему.

— Если ты хочешь...

Питер оторвал от своей курточки желудь, который служил ему пуговицей, и протянул Венди.

— Спасибо. Я буду носить твой поцелуй на цепочке.

Она прикрепила его к цепочке, которая была у нее на шее. И прекрасно сделала. Потом это спасет ей жизнь. Венди знала, что, когда люди знакомятся, принято спрашивать, сколько им лет. Венди была воспитанной девочкой и любила делать то, что принято. Она спросила Питера, сколько ему лет, и вдруг поняла, что спрашивать было не нужно. У него сделалось такое лицо, точно он попал на экзамен и ему достался билет про неправильные глаголы, а он хотел, чтоб его спросили про Трафальгарскую битву.

— Не знаю, — ответил он с неохотой. — Но вообще-то я еще маленький. Я, Венди, удрал из дома в тот самый день, как родился. — Питер понизил голос. — Я услышал, как мама и папа говорили о том, кем я буду, когда вырасту и стану взрослым мужчиной. А я вовсе не хочу становиться взрослым мужчиной. Я хочу всегда быть маленьким и играть. Поэтому я удрал и поселился среди фей в Кенсингтонском парке.

Венди поглядела на него с восхищением. Питер отнес его за счет того, что он не побоялся удрать из дома. Но на самом деле ее восхитило знакомство с феями.

Она стала сыпать вопросами, и это немного его удивило. Для него в феях не было ничего необычного, они надоедали ему, попадались под ноги и так далее. Но вообще-то он их любил. Он рассказал Венди, как они впервые появились.

— Понимаешь, когда родился первый ребенок на свете и он в первый раз засмеялся, то его смех раскатился на тысячу мелких кусочков и из каждого появилось по фее. И так было задумано, чтобы у каждого ребенка была своя фея.

— Так и получается?

— Нет. Ребята уж очень умные стали, чуть подрастут — и уже не верят, что на свете есть феи. А стоит только кому-нибудь сказать: «Глупости, нет никаких фей», как одна из них тут же падает замертво.

Ему надоело говорить о феях. Он прислушался. Его удивляло, что Динь-Динь до сих пор ни разу не подала голоса.

— Не понимаю, куда она подевалась. Динь, где ты?

У Венди забилось сердце.

— Питер,— закричала она, хватая его за руку,— уж не хочешь ли ты сказать, что здесь, в комнате,— фея?

— Была только что,— сказал он не без раздражения.— Ты не слышишь ничего?

Они вместе прислушались.

— Вроде звенят какие-то колокольчики,— сказала Венди.— А больше ничего.

— Тогда это и есть Динь. Она так разговаривает. Ага, мне кажется, я тоже слышу.

Звон доносился со стороны комода. У Питера вдруг сделалось веселое лицо. Ни у кого не бывало такого веселого лица, как у него. И какой звонкий был у него смех! Он все еще умел смеяться, как смеются в первый раз в жизни.

— Венди,— прошептал он,— кажется, я задвинул ее вместе с ящиком!

Он выпустил бедняжку Динь из ящика, и она заметалась в воздухе, ругая его на чем свет стоит.

— Ладно, не ругайся,— сказал Питер.— Ну, виноват, виноват. Только откуда мне было знать, что ты там сидишь?

— Питер,— воскликнула Венди,— пусть она постоит минутку, я хочу ее рассмотреть!

— Они редко когда останавливаются,— заметил Питер.

Но на минуточку она все же задержалась на часах с кукушкой.

— Ой, какая хорошенькая! — поразились Венди, хотя лицо у Динь все еще было искажено злостью.

— Динь,— произнес Питер дружелюбным тоном,— эта леди хочет, чтобы ты стала ее феей.

Динь ответила какой-то дерзостью.

— Что она говорит, Питер?

Ему пришлось переводить:

— Она не очень-то воспитанна. Она говорит, что ты большая и безобразная девчонка. И что она — моя фея.— Он попытался ее урезонить: — Ты не можешь быть моей феей, Динь, потому что я мужчина, а ты женщина.

— Дурачок ты,— сказала на это Динь и упорхнула в ванную.

Венди продолжала приставать к Питеру с расспросами:

— Ты больше не бываешь в Кенсингтонском парке?

— Почему? Бываю иногда...

— А больше всего где бываешь?

— Там, где потерянные мальчики.

— Кто они такие?

— Ребята, которые вывалились из колясочек, пока няньки зевали по сторонам. Когда ребята выпадут из коляски и их семь

дней никто не хватится, тогда они отправляются в страну Нетине-будет. Я там их командир.

— Как здорово!

— Здорово-то здорово, да скучновато. У нас ведь нет там девчонок.

— Какой ты молодец, что так говоришь про девочек! Вот, например, Джон — вон он там спит, — так он девчонок просто презирает.

Вместо ответа Питер подошел к кровати и так лягнул Джона, что тот вывалился из кровати вместе с подушкой и одеялом.

Венди на него рассердилась.

— Ты пока что тут не командир, — сказала она сердито.

Но Джон продолжал спать на полу.

— Ладно, — сказала Венди, — ты ведь не хотел ничего плохого. Так что можешь подарить мне поцелуй.

— А я думал, ты подарила его мне навсегда.

— Ой, я совсем забыла! Подари мне, пожалуйста, наперсток.

— А это что еще такое?

— Это вот что.

Венди поцеловала его в щеку.

— Подумать только! Ты хочешь, чтобы я тебе подарил наперсток?

— Если ты сам захочешь.

Питер поцеловал ее, и в ту же минуту она вскрикнула.

— Ты что, Венди?

— Кто-то больно дернул меня за волосы!

— Это, наверное, Динь. Она что-то сегодня, как никогда, разволновалась.

И точно — это была Динь. Она носилась в воздухе и бранилась.

— Она говорит, что будет дергать тебя за волосы каждый раз, как ты будешь дарить мне наперсток.

— А почему?

— Динь, почему?

— Дурачок ты, — опять сказала Динь.

Питер не понял почему, а Венди поняла. И огорчилась. И еще она очень огорчилась, когда он сказал, что прилетал к ним в детскую вовсе не ради нее, а чтобы послушать сказки.

— Понимаешь, я ведь не знаю сказок. И никто из потерянных мальчишек не знает ни одной сказки.

— Вот ужас-то! — сказала Венди.

— А знаешь, почему ласточки строят гнезда под стрехами домов? Чтобы слушать сказки. Твоя мама рассказывала тебе такую прекрасную сказку, Венди!

— Это какую же?

— Про принца, который искал девушку, потерявшую хрустальный башмачок.

— Питер, это ведь Золушка! Он ее потом нашел, и они жили очень счастливо.

Питер пришел в такой восторг, что тут же вскочил и побежал к окну.

— Ты куда? — закричала Венди, предчувствуя что-то недоброе.

— Рассказать другим мальчишкам.

— Не уходи, Питер. Я ведь знаю еще и другие сказки.

Она произнесла именно эти слова. Таким образом, нельзя не признать, что она сама ввела Питера в искушение и немного была сама виновата в том, что потом случилось.

Питер отошел от окна, но в глазах его мелькнуло какое-то странное, жадное выражение. Венди надо было насторожиться. Но она не насторожилась.

— Каких только сказок я бы не порассказала мальчишкам! — воскликнула Венди.

И Питер тут же схватил ее и потащил к окну.

— Отпусти сейчас же! — приказала она ему.

— Венди, пошли со мной, расскажи мальчишкам сказку, — просил он.

Конечно, ей польстила такая просьба, но она возразила:

— Господи, да как же я могу? Ты подумал о маме? И к тому же я не умею летать.

— Я тебя научу.

— Летать?

— Я тебя научу запрыгивать ветру на спину. И мы тогда полетим вместе!

— Ух ты!

— Венди, ты только подумай: вместо того чтобы спать, мы могли бы летать по небу и болтать со звездами!

— Ух ты!

— И ты бы увидела настоящих русалок.

— Русалок? С хвостами?

— Вот с такими длинными.

— Ой!

Питер старался пустить в ход всю свою хитрость.

— А как мы бы стали все тебя уважать, Венди!

Венди мучали сомнения. Похоже было, что она не согласится.

Питер продолжал безжалостно:

— Венди, ты подтыкала бы нам одеяла по ночам. Ведь нам никто никогда не подтыкал одеяла.

— Ох!

— Ты бы штопала нашу одежду. Ты бы сшила нам карманы. У нас ведь ни у кого нет ни одного кармана.

Ну как тут устоять?

— Ой, до чего ж интересно, Питер! Питер, а ты мог бы научить летать Джона и Майкла?

— Если хочешь — пожалуйста, — сказал он равнодушно. Он подошел к их кроватям и начал трясти.

— Вставайте! — кричала Венди. — Питер Пэн у нас. Он научит нас летать.

Джон протер глаза.

— Встаю.

Но, собственно говоря, он уже был на полу. Майкл тоже вскочил, и сна у него не было ни в одном глазу, как будто он и не ложился.

Но Питер вдруг сделал им знак замолчать. Все стали напряженно прислушиваться. Вроде бы стояла мертвая тишина. Вроде все в порядке. Нет, пойте. Не все в порядке. Дело в том, что Нэна, которая отчаянно лаяла весь вечер, вдруг замолчала. Вот эту-то тишину они и уловили.

— Гасите свет. Прячьтесь! — распорядился Питер.

Когда в спальню вошла Лиза, держа Нэну за ошейник, казалось, что все трое спят как ангелы и тихонько сопят во сне. Они и в самом деле сопели. Но только понарошку, не в постелях, а спрятавшись за занавесками.

Лиза была сердита: она сбивала на кухне сливки для рождественского пудинга, а Нэна мешала ей своими, как ей казалось, бредовыми тревогами. Ей пришлось бросить работу. Тесто переставалось. К щеке прилипла изюминка. Она решила, что уж лучше сведет Нэну на минуточку в детскую, крепко держа за ошейник, конечно.

— Ну вот, дуреха. Ничего не случилось. Все твои ангелочки сопят в своих постелях.

Тут Майкл так старательно засопел, что чуть было не испортил все дело. Нэна знала эти фокусы. Она стала рваться у Лизы из рук. Но Лиза держала крепко.

— Ну, хватит, Нэна, — сказала она и вытолкала собаку из детской. — Или ты замолчишь, или я пожалуюсь хозяину, и ты получишь трепку.

Она снова привязала несчастную собаку во дворе. Нэна не успокоилась. Она залаяла еще громче. Пусть хозяева зададут ей хорошую трепку, только пусть скорее бегут домой из гостей и спасут детей.

Но Лиза не выполнила угрозу и вернулась на кухню к своим пудингам. Нэна поняла, что помощи ждать неоткуда. Она стала рваться с цепи, и наконец ее усилия увенчались успехом. Уже через мгновение она ворвалась в гостиную дома номер 27, и мистер и миссис Дарлинг поняли, что с детьми случилось что-то ужасное. Они выскочили на улицу, даже забыв попрощаться с хозяйкой.

С тех пор как Нэна побывала в детской, прошло целых десять минут. А Питер Пэн может достичь за десять минут очень многого.

Но давайте посмотрим, что произошло в детской.

— Все в порядке! — объявил Джон, выходя из укрытия. — Слушай, Питер, ты в самом деле умеешь летать?

Не утруждая себя ответом, Питер облетел комнату.

— Вот это да! — закричали Джон и Майкл.

— Как это прекрасно! — отозвалась Венди.

— Я прекрасен, и это всем известно, — опять позабыл о скромности Питер.

Казалось, что летать совсем не трудно, и они попробовали, подпрыгивая сначала на полу, а потом — на кроватях. Но у них ничего не выходило. Они падали.

— Вы просто подумайте о чем-нибудь хорошем, ваши мысли сделаются легкими, и вы взлетите.

Он снова немного полетал по комнате.

— погоди, не мелькай, — попросил Джон. — Покажи все сначала и медленно.

Питер снова показал. И медленно. И быстро.

— Я, кажется, понял, Венди! — закричал Джон.

Но он ничего не понял. Никто из них ничего не мог понять, хотя даже Майкл уже умел читать двусложные слова, а Питер не отличал А от Б.

В общем-то, Питер их дурачил. Ни один человек не сможет взлететь, пока его не посыплют пылью, которой обсыплются феи.

К счастью, он весь был перепачкан такой пылью. Он просто подул себе на руку, и пыльца осела на всех троих.

— Теперь поведи плечами и расслабься, — скомандовал он.

Первым все это проделал Майкл. Его тут же подкинуло вверх.

— Я летаю! — взвизгнул он от восторга.

Джон и Венди проделали то же самое.

— Как здорово!

— Ух ты!

— Гляди, я летаю!

— И я!

У них получалось не так складно, как у Питера. Они болтали в воздухе ногами, но головы их касались потолка, точно воздушные шарик. И это было очень приятно.

Питер взял было Венди за руку, но Динь пришла от этого в такую ярость, что он разжал кисть.

Они подлетали кверху, потом вновь опускались, и снова — вверх и вокруг комнаты.

— Послушайте, почему бы нам не полетать снаружи, — вдруг сообразил Джон.

Питер как раз этого и добивался.

Майкл готов был вылететь хоть сию минуту — он хотел выяснить, за какое время он пролетит миллиард миль. Но Венди все еще сомневалась.

— А русалки? — подначивал Питер.

— О!

— К тому же там есть пираты.

— Пираты! — закричал Джон, надевая свою шляпу для воскресных прогулок. — Летим немедленно!

В это самое мгновение мистер и миссис Дарлинг выбегали из дома номер 27. Они сразу же выскочили на мостовую, чтобы поглядеть на окно в детской. Оно было закрыто, но в комнате полыхал свет, и самое ужасное заключалось в том, что они разглядели три фигурки, которые кружились по комнате, но не по полу, а под потолком.

Ой, нет, не три, а четыре!

Дрожащими руками они открыли парадную дверь. Мистер Дарлинг хотел ринуться вверх по лестнице, но миссис Дарлинг сделала ему знак, чтобы он подкрался потихонечку. Она даже пыталась заставить свое сердце стучать потише.

Успеют ли они вовремя добраться до детской?

Прекрасно, если успеют. Мы тогда вздохнем с облегчением, но зато не получится никакой сказки. Но если не успеют, не пугайтесь. Я вам торжественно обещаю, что все кончится благополучно.

Они бы добрались вовремя, если бы не звезды. Они все время наблюдали за ними. Звезды снова подули на окно и распахнули его, а самая маленькая звездочка пискнула:

— Давай, Питер!

И Питер понял, что нельзя уже терять ни секунды.

— В путь! — крикнул он повелительным голосом и тут же выплыл по воздуху прямо в ночь, а Венди, Джон и Майкл вылетели следом.

Мистер и миссис Дарлинг и Нэна вбежали в детскую. Слишком поздно! Птички выпорхнули из гнезда.

Глава четвертая

ПОЛЕТ

Второй поворот направо, а дальше прямо до самого утра... Питер сказал, что это и есть то место, где находится остров Нетинбудет. Но даже птицы — на что умеют находить страны и острова по своим птичьим картам, — даже птицы не смогли бы ничего отыскать по такому адресу. Строго говоря, никакой это и

не был адрес. Просто Питер сболтнул, что ему в тот момент пришло в голову. Он частенько проделывал такие вещи.

Но поначалу Венди и мальчики верили каждому его слову.

Сейчас они кружили в свободном полете, не жалели времени даже на то, чтобы облетать колокольни и острые шпили зданий, и смеялись над собой, что еще совсем недавно радовались полету всего лишь под потолком своей детской. А когда было это «недавно», они и сами не знали. Они все летели и летели. Временами становилось темно, потом опять светло, было то холодно, то снова тепло. Джону казалось, что они пролетели уже сквозь три ночи и пронеслись над двумя морями.

Иногда они чувствовали голод. Тогда Питер очень смешно их кормил. Он гнался за какой-нибудь птицей, которая несла в клюве что-нибудь съедобное для человека, и отнимал еду. Птица гналась за ним, догоняла его, отбирала пищу, а Питер снова ее нагонял, и так они радостно летали друг за другом, а потом, веселые и довольные, расставались. Венди немножко пугал такой способ добывать еду, тем более что ей показалось, что Питер другого и не знает.

Иногда они засыпали на лету, что было очень опасно, потому что при этом они начинали падать с головокружительной высоты, а самое страшное было то, что Питеру это казалось забавным.

— Эй, глядите, опять он полетел вниз! — вопил он в восторге, когда задремавший Майкл камнем устремился вниз.

— Сейчас же спаси его! — кричала Венди, с ужасом глядя на холодное, злое море под ними.

В конце концов Питер нырял за ним вслед и подхватывал его в последнюю минуту, когда он уже вот-вот должен был стукнуться о поверхность воды. Надо сказать, делал он это очень изящно и ловко. Но Венди сердилась на него, потому что он уж очень при этом любовался собой и покрасоваться ему было важнее, чем спасти человеку жизнь.

Он-то мог сколько угодно спать в воздухе не падая. Он просто ложился на спину и как будто плыл. Происходило это частично оттого, что сам он был легонький, как пушинка.

— Венди, вели, чтобы он перестал воображать, — сказал Джон.

— Тихо, — шепнула Венди. — Не ссорься с ним. Представь себе, если он нас здесь бросит!

— Тогда мы вернемся назад.

— Как же мы без него найдем дорогу?

— Ну, тогда мы полетим дальше.

— В том-то и ужас, что нам придется лететь все дальше и дальше. Мы же не знаем, как нам остановиться.

И это было в самом деле так. Питер позабыл показать, как надо останавливать полет.

— Уж на самый худой конец, — сказал Джон, — мы будем лететь, и лететь, и облетим землю — она же круглая, — и вернемся домой с другой стороны.

— А кто будет нас кормить?

— Мы сами. Видала, как я ловко отнял добычу у орла?

— Да-а. С двадцатой попытки. И если даже мы сами научимся добывать еду, гляди, как мы неуклюже летаем — вечно натыкаемся на облака, если Питера нет рядом и никто не ведет нас за ручку.

И действительно, они все время налетали на облака, и царапались о них, и наставляли себе синяки и шишки.

Питер иногда улетал от них, потому что умел летать гораздо быстрее. Иногда он вдруг раз — и скроется из виду. Какие-то у него там происходили свои приключения, о которых он им не находил нужным рассказывать. А случалось и так, что, возвратившись, он как-то странно смотрел на них, точно успевал забыть, кто они такие. У него делались какие-то чужие, незнающие глаза. Венди даже однажды перепугалась и крикнула ему:

— Я Венди, разве ты забыл?

Питер очень смутился и попросил прощения.

— Пожалуйста, Венди, когда тебе покажется, что я тебя забыл, ты крикни: «Я Венди!» И я сразу же вспомню.

Все это было как-то тревожно.

Так они летели и летели и уже стали приближаться к острову Нетинебудет. И не столько потому, что Питер и Динь хорошо знали дорогу, сколько оттого, что остров сам отправился им навстречу. Он сам искал их в пространстве.

Надо сказать, что только в этом случае и можно достичь его волшебных берегов.

— Вон он виднеется, — сказал Питер будничным голосом.

— Где? Где?

— Там, куда показывают все стрелки.

И действительно, миллион золотых стрелочек указывал детям в сторону острова. Это их друг солнышко направило стрелки, чтобы помочь им найти дорогу, прежде чем самому лечь спать.

Вам может показаться странным, но они сразу узнали остров, точно они на нем когда-то побывали и теперь возвращались обратно.

— Джон, смотри, вон твоя перевернутая лодка!

— Майкл, гляди, вон твой вигвам!

— Посмотри, Венди, из твоего шалаша выходит ручной волк!

— Ой, Джон, я вижу поселение индейцев!

— Где, где? Дай я посмотрю. Я тебе сразу скажу по форме дыма, вышли ли они на военную тропу!

— Вон там, за Волшебной рекой.

— Вижу. Ого! Краснокожие на военной тропе!

Питеру было слегка досадно, что они так много знают про

его остров. Он хотел было с ними поссориться, но все трое ребят вдруг как-то странно притихли.

Солнечные стрелки погасли, солнце скрылось, стало темнеть.

На них вдруг напала тоска. Конечно, они давно были знакомы с островом Нетинебудет. Но там, дома, в детской, он был как-будтошний и нестрашный, и рядом была Нэна, и горели ночники.

Питер тоже как-то посерьезнел. Ничто вроде бы не мешало им продвигаться, но полет вдруг замедлился, точно в воздухе какие-то недобрые силы противились им.

— Они не хотят, чтобы мы приземлились.

— Кто они? — спросила Венди.

Питер промолчал. Он пристально смотрел на землю и не терял присутствия духа.

— Что бы ты хотел сначала, — спросил он Джона спокойным голосом, — чтобы с нами приключилось приключение или лучше сперва попить чаю?

— Попить чаю, — ответила за него Венди.

— А какое приключение? — спросил Джон осторожно.

— Там внизу, в пампасах, спит пират. Если хочешь, спустимся и убьем его.

— Я его не вижу, — сказал Джон, помолчав немного.

— Я вижу.

— А если он проснется?

— Ты что же думаешь, — возмутился Питер, — я стану убивать человека, когда он спит? Я сначала сам его разбужу!

— А тут много пиратов? — спросил Джон опасно.

— Куча.

— А кто их предводитель?

— Капитан Крюк.

— Джек Крюк?! Знаменитый пират из книжки?

— Так точно.

Майкл, тот просто сразу заревел, а Джон мог говорить только с остановками, переводя дыхание, потому что им прекрасно была известна репутация пирата Джеза Крюка.

— Это тот, кто служил боцманом у самого капитана Черная Борода? — прошептал Джон. — Он же страшнее всех! Его боялся даже бесстрашный Жареный Бык!

— Тот самый и есть, — подтвердил Питер.

— А как он выглядит? Он большой?

— Стал чуточку поменьше.

— Как это?

— Я откромсал от него кусочек.

— Ты?

— Я! — ответил Питер резко.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Ладно уж.

— А что же ты у него отрезал?
— Правую руку.
— И теперь он не может сражаться?
— Как бы не так!
— Он что, левша?
— У него теперь вместо руки железный крюк, он как коготь.
— Коготь?
— Послушай, Джон!
— Да?
— Ты мне должен теперь говорить: «Есть, сэр!»
— Есть, сэр!
— Вот что. Всякий, кто служит под моей командой, дал мне обещание. И ты тоже должен дать.

Джон побледнел.

— Оно заключается в следующем. Если мы встретимся с Джемом Крюком в открытом бою, ты не должен его убивать. Это сделаю я.

— Есть, сэр! — быстренько согласился Джон.

Сейчас им было не так жутко, потому что Динь летела рядом и в ее свете они ясно различали друг друга. Она слетала на остров и теперь что-то сообщала Питеру своим колокольчиковым голосом.

— Она говорит, — переводил Питер, — что пираты засекли наше приближение и теперь они выкатывают Большого Тома.

— Пиратскую пушку?

— Ага. Им с земли виден огонек Динь. И если они сообразят, что мы летим рядом с ней, они дадут залп.

— Вели ей улететь отсюда, Питер! — закричали Майкл, Джон и Венди разом.

Но он отказался.

— Она сама напугана. Не думаете ли вы, что я могу отослать ее одну неведомо куда, когда ей и так страшно?

В этот момент свет заколебался в воздухе и кто-то ласково легонечко ушипнул Питера.

— Тогда скажи ей, — умоляла Венди, — чтобы она погасила свет.

— Она не может. Это почти единственная вещь, которую феи не могут сделать сами. Он гаснет сам по себе, когда они засыпают.

— Тогда вели ей заснуть, — почти что скомандовал Джон.

— Не может она спать, пока ей не захочется. Это, пожалуй, вторая вещь, которую феи не могут сделать. Если б у кого-нибудь из нас был карман, ее можно было бы туда засунуть.

Но вы помните — они вылетели в такой спешке, что переодеться было некогда. Так что на всех четверых не нашлось ни одного кармана.

Вдруг Питера осенило. Шляпа!

Динь согласилась туда залезть. Правда, шляпа так и осталась в руках у Джона, а она-то надеялась, что ее понесет Питер. Но вот Джон обо что-то стукнулся коленкой, и Венди взяла у него шляпу из рук.

Ах, не надо было этого делать! Потому что из всего этого случилась беда.

Благодаря шляпе огонька не было видно, и они летели в полной темноте. К тому же было удручающе тихо. Только один раз они услышали странные звуки. Внизу что-то хлюпало. Питер сказал, что это дикие звери лакают воду у брода. Да еще показалось, что сухие деревья скрипят сучьями, но Питер объяснил, что это краснокожие точат ножи.

Потом опять наступила мертвая тишина.

— Хоть бы раздался какой-нибудь звук, — сказал Майкл.

И словно в ответ воздух содрогнулся от страшного взрыва. Пираты выстрелили по ним из Большого Тома.

Гул пронесся по горам, казалось, что эхо без конца повторяет грозным голосом: «Где они, где они, где они?»

Венди, Джон и Майкл, перепуганные насмерть, ясно ощутили разницу между островом понарошку и тем, когда он, придуманный ими самими, вдруг становится существующим на самом деле. Когда небеса понемножку успокоились, Джон и Майкл оказались одни в полной темноте.

— Майкл, нас застрелили? — спросил Джон дрожащим шепотом.

— Я еще не понял, — таким же шепотом ответил Майкл.

Сейчас-то мы уже знаем, что никто тогда не был ранен, только Питера взрывной волной понесло в сторону открытого моря, а Венди подкинуло вверх, и она оказалась наедине с Динь-Динь.

Хорошо бы, если бы Венди в этот момент выронила шляпу из рук.

Никому не известно, обдумала ли Динь свой коварный план заранее, но она выпорхнула из шляпы и полетела, указывая Венди дорогу и стараясь заманить ее туда, где ее ждала гибель.

Нельзя сказать, чтобы Динь была такая уж плохая. Вернее сказать так: в этот момент Динь была вся насквозь плохая. Но иногда она бывала и целиком хорошей. Все дело в том, что феи такие маленькие, что в них помещается только одно чувство — либо злое, либо доброе. Они могут изменяться. Но только изменяться им приходится целиком.

Сейчас Динь была вся заполнена ревностью. Какие слова она говорила на своем колокольчиковом языке, Венди понять не могла. Но ей казалось, что огонек феи ей подмигивает и сообщает: «Лети за мной вслед, и все будет хорошо».

А что было делать бедной Венди?

Она позвала Питера, потом окликнула Майкла и Джона. Но

только эхо ее передразнило, и никто не отозвался. Она пока еще не понимала, как ее ненавидит фея Починка по имени Динь-Динь. Испуганная и потерянная, она летела вслед за ее огоньком навстречу своей судьбе.

Глава пятая

ВСАМДЕЛИШНЫЙ ОСТРОВ

Чувствуя приближение Питера, остров Нетинебудет вновь оживал.

Надо сказать, что, когда он отсутствовал, жизнь на острове замирала.

Феи отсыпались по утрам, звери занимались своими зверенышами, краснокожие пировали по шесть дней кряду, а пираты и мальчишки, наталкиваясь друг на друга, разве что просто кусали друг друга за палец.

Другое дело, когда тут бывал Питер. Он терпеть не мог спокойствия. И теперь, когда он был уже близко, все обитатели острова зашевелились.

В тот вечер основные силы острова располагались следующим образом: потерянные мальчишки разыскивали место, где приземлится Питер, пираты разыскивали мальчишек, краснокожие разыскивали пиратов, дикие звери разыскивали краснокожих, чтобы их съесть. И все они ходили и ходили по кругу, потому что двигались с одинаковой скоростью.

Если мы сейчас с вами вообразим, что укрылись в зарослях сахарного тростника, то мы увидим, как мимо, крадучись, проходят мальчишки, по одному, в затылок, и каждый держит в руках кинжал. Поскольку им категорически запрещено быть похожими на Питера, то они одеты не в листья, а в медвежьи шкуры. Первым проходит Болтун. Он вполне отважный парень, только ужасно невезучий. Он испытал меньше всех разных приключений, потому что важные события чаще всего совершаются тогда, когда Болтун только что завернул за угол. Например, когда все спокойно и благополучно, Болтун идет поднабрать хвороста для костра. И вдруг — трах! — тут-то все случается. Он приносит хворост и выясняет, что великая битва с пиратами произошла как раз без него. Но он от этого не ожесточился. Даже наоборот. Я бы сказал — подобрел.

Бедный добрый Болтун! Над ним нависла опасность. Фея Динь-Динь ищет орудие мщения, а простодушного Болтуна легче всего провести!

Если бы он мог нас услышать, мы бы крикнули ему: «Берегись

феи Динь-Динь!» Но мы не можем этого сделать, ведь на самом-то деле мы не на острове.

Следом идет Кончик, самый веселый и жизнерадостный, а за ним — Малышка. Ему кажется, что он хорошо помнит то время, когда он еще не потерялся, и поэтому поглядывает на всех сверху вниз. Четвертым шагает Кудряш. Он такой отчаянный озорник и так часто несет наказание за свое озорство, что, когда Питер требует: «Пусть встанет тот, кто это натворил», Кудряш тут же вскакивает, не задумываясь над тем, кто виноват на самом деле. Дальше идут Двойняшки. Их бессмысленно описывать, потому что обязательно окажется, что говоришь не про того, а про другого.

Мальчишки уходят в темноту, дорога минуту остается пустой и мрачной. Но ровно через минуту на ней появляются пираты. Но прежде чем их увидеть, мы услышим их ужасную песню:

Йо-хо, поднимем якоря,
Мы чёрные пираты.
Нас ждут кровавые моря,
Йо-хо, крепи канаты!

Свет не видел такого кровожадного, злого и бесстыжего сброда! Они всем хорошо известны по книжкам про пиратов!

Первым вышагивает итальянец Чекко — рукава закатаны по локоть, в ушах огромные круглые серьги из золотых монет; за ним, чуть отставая, топает огромный негр, который сменил столько имен, что и сам не помнит, как его зовут. Дальше следует Билл Джукс, весь с ног до головы покрытый татуировкой, а сразу за ним идет Коксон. Говорят, что он родной брат знаменитого кровавого Черного Мерфи, но это пока что не доказано. Его догоняет джентльмен Старки, который некогда был учителем в младших классах. Кажется, он все еще сохраняет свою манеру убивать изысканно и утонченно. Чуть поотстав, идет Сми, в отличие от других он убивает свою жертву попросту, не издеваясь над ней. Но это далеко не все. За ними топают Робт Муллинз, Элф Мейсон и много других негодяев, которых хорошо знают и которых смертельно боятся жители побережий.

Весь этот сброд вышагивает не просто так. Они волокут на веревках грубо сколоченную колесницу, в которой развалившись сидит их предводитель капитан Джеймс, или, как он сам себя называет, Джекз Крюк. Вместо правой руки у него железный крюк, которым в данный момент он погоняет свою банду. Он обращается со своими людьми жестоко и бесчеловечно. И они его боятся и слушаются. Кожа его мертвенно-бледна, черные волосы, завитые в локоны, спадают на плечи, глаза его незабудкового цвета. Все это вместе производит ужасающее впечатление. Да, надо еще

добавить, что он всегда был потрясающе вежлив, даже со своей жертвой, которую он через мгновение отправит на тот свет. Во рту он всегда держит особое приспособление своего собственного изобретения, с помощью которого он может курить одновременно две сигары.

Таков тот ужасный человек, с которым Питеру Пэну предстоит жестокая борьба. Кто из них победит?

По той же самой тропе в полной темноте, легко ступая, крадутся индейцы. В руках у каждого томагавк и нож. Их голые тела в боевой раскраске. Возглавляет шествие Великая Маленькая Пантера, храбрый вождь, а замыкает — Тигровая Лилия, принцесса, отважная, холодная, веселая. Нет такого индейца, который не предлагал бы ей стать его женой. Но она отгоняет их от себя, как мух. Их шаги не слышны вовсе, слышно только дыхание. Они слегка попыхивают, потому что растолстели от своих пиров. Но ничего, они скоро похудеют.

Краснокожие исчезают, точно тени, и на их месте на траве появляются дикие звери: львы, тигры, медведи и прочие, более мелкие хищники. Они тяжело дышат, высунув языки. В эту ночь все они голодны.

Когда они проходят, показывается фигура огромного крокодила. Скоро мы узнаем, за кем он охотится.

Крокодил уходит, а на тропе снова появляются мальчишки.

И так они будут ходить по кругу, пока кто-нибудь из пиратов не споткнется и движение не замедлится. Тогда разразится бой. Но пока что все идет размеренно. Все зорко глядят вперед, и ни один не понимает, что опасность может подкрадываться сзади. Это лишний раз доказывает, что остров Нетинебудет — всамделишный.

Первым из движения выпали мальчишки. Они плюхнулись на лужайку недалеко от их подземного обиталища.

— Хоть бы уж Питер скорей возвращался, — встревоженно повторял каждый из них. Хотя, надо заметить, каждый был и выше ростом и шире в плечах, чем их командир.

— Я единственный из вас, кто не боится пиратов, — заметил Малышка довольно противным голосом. — Но все равно мне бы тоже хотелось, чтоб он вернулся. Он бы рассказал нам, что там дальше случилось с Золушкой.

Они еще немножко поговорили о Золушке. Болтун сказал, что он уверен, что его мама очень на нее похожа.

— А я не помню, — сказал Кончик. — Помню только, что она все время говорила: «Иметь бы мне собственные деньги». Я не знаю, что значит «собственные деньги», но я с удовольствием бы ей подарил.

Вдруг они услышали какой-то отдаленный звук. Мы с вами, чей слух не озощен жизнью в диких лесах, вряд ли бы что-ни-

будь разобрали. Но они вскоре отчетливо слышали звуки мрачной песни:

Коль вы не спрятались в дома,
Пусть не ждут от вас вестей.
На нашем флаге смерть сама
И парочка костей.

И тут же мальчишки... Пойдите, а где же они? Я вам расскажу где.

Все, кроме Кончика, который отправился в разведку, уже укрылись в своем жилище под землей. Как же они туда попали? Никакой двери нигде не видно. Ни, например, вязанки хвороста, которую отодвинешь — а там вход в пещеру. Однако приглядитесь попристальнее. Вы увидите семь больших деревьев, а в каждом из них дупло, как раз величиной с мальчишку. Это и есть вход в их жилье, который капитан Крюк бесплодно разыскивает вот уже несколько месяцев. Обнаружит ли он его этой ночью?

Пока пираты шли, острый глаз джентльмена Старки заметил Кончика, который быстро удалялся в сторону леса. В ту же секунду холодным блеском блеснул его пистолет, но железный коготь лег ему на плечо.

— Отпусти, капитан! — закричал Старки.

В первый раз мы сейчас услышим голос капитана. Это очень мрачный голос.

— Сначала убери пистолет, — сказал он, и в тоне его звучала угроза.

— Но это же один из ненавистных мальчишек! Я упустил случай его убить.

— Твой дурацкий выстрел обнаружил бы нас перед Тигровой Лилией! Тебе не терпится, чтобы с тебя сняли скальп?

— Может, я догоню его, капитан, — предложил Сми, — и пощекочу его Джонни-штопором?

Сми всегда придумывал милые прозвища разным вещам. Джонни-штопором он называл свой тесак.

— Джонни у меня тихий парнишка, — напомнил он капитану.

— Не сейчас, Сми, — мрачно отозвался капитан. — Он ведь сейчас один, а мне нужны все семеро разом. Разойдитесь и следите их.

Пираты один за другим исчезли в лесу. Капитан Крюк и Сми остались наедине. Капитан вздохнул. И может, оттого, что вечер был так тих и прекрасен, ему вдруг захотелось поведать своему верному боцману историю своей жизни. Он долго что-то рассказывал, но Сми, который был от природы глуповат, ничего не понял. Вдруг слух его уловил слово «Питер».

— Больше всех я хочу изловить их командира, Питера Пэ-

на,— страстно повествовал капитан.— Это ведь он отсек мне правую руку. Я очень долго дождался, пока пожму его руку вот этим.

Он показал на свой железный коготь.

— Я проткну его этим крюком!

— А ты говорил, что это очень удобная вещь — крюк,— вставил Сми.

Но капитан продолжал:

— Дело не в этом. Удобная, я и не отрицаю.— Он понизил голос: — Все дело в том, что Питер бросил отрезанную руку крокодилу, который, к несчастью, оказался рядом.

— Я заметил, что ты как-то странно боишься крокодилов,— сказал Сми.

— Не крокодилов,— поправил его Крюк,— а крокодила.— Он перешел на шепот: — Ему так пришлось по вкусу моя рука, что он теперь всюду меня подстерегает, таскаясь за мной по морям и по суше, и облизывается, предвкушая, как он меня съест целиком.

— Вроде бы это делает тебе честь,— сказал Сми.

— Плевал я на такую честь! — рявкнул Крюк.— Я должен уничтожить Питера, который дал этому гаду отведать моего мяса.

Крюк сидел на шляпке большого гриба. Он заерзал на нем, еще ближе подвинулся к своему боцману.

— Сми,— сказал он еле слышно,— этот крокодил давно бы меня съел, но, к счастью, он умудрился проглотить часы, и теперь они тикают у него внутри и предупреждают меня о его приближении.

Он засмеялся, но смех его был мрачен.

— Когда-нибудь,— сказал Сми,— часы испортятся. Он тогда тебя изловит.

Крюк облизал пересохшие губы.

— В том-то и дело. Этот страх и преследует меня постоянно.

Вдруг Крюк почувствовал, что его как-то странно подогревают снизу.

— Сми,— сказал он,— шляпка этого гриба горячая. Печенки-селезенки, черти и дьяволы, меня поджаривают!

Они внимательно оглядели гриб, который был величиной с нашу табуретку. Таких грибов никто не встречает в обычных лесах. Они попробовали его сорвать, и он легко поддался, потому что вовсе не имел корней. Но из этого места, где рос гриб, вдруг повалил дым. Пираты переглянулись.

— Это же печная труба! — догадались они одновременно.

И в самом деле, им удалось обнаружить трубу подземного дома.

Мальчишки обычно затыкали трубу грибом, когда поблизости оказывались пираты. Но не только дым поступал из подземной

трубы. Были слышны еще мальчишечьи голоса, потому что мальчишки чувствовали себя в полной безопасности и весело болтали. Пираты некоторое время мрачно прислушивались к разговору. Потом они снова заткнули трубу грибом. Они стали пристально приглядываться вокруг и вдруг заметили в семи деревьях по дуплу.

Капитан Крюк стоял некоторое время погруженный в раздумья. Но вот его бледное лицо исказила такая улыбка, что кровь от нее стыла в жилах.

Сми этого как раз и ждал.

— Поделись со мной твоим планом, капитан. Что ты намерен делать?

— Возвратиться на корабль,— сказал капитан Крюк, цедя слова сквозь сжатые зубы.— Испечь жирный торт и покрыть его зеленой сахарной глазурью. Теперь рассуждай. Вряд ли в их доме под землей построено семь помещений. Там наверняка одна комната на всех. А эти дураки сделали семь дверей, не сообразив, что достаточно одной на всех. А это показывает, что ни у одного из них нет матери. Мы оставим торт на берегу, возле Русалочьей лагуны, где они любят купаться. Они тут же слопают весь торт, потому что у них нет матери, которая объяснила бы им, как вредно наедаться жирным свежим тортом.

Он разразился смехом. И смех его на этот раз был искренним и счастливым.

— И они все разом помрут.

Сми слушал своего капитана с возрастающим восхищением.

— Это самое мудрое пиратское убийство из всех, что я знаю. От восторга он начал плясать и петь:

Йо-хо, йо-хо, всегда вперед,
Я покажу вам трюк:
Вы миг загнетесь, как пожмет
Вам лапу славный Крюк!

Они только вошли во вкус и запели было второй куплет, но вдруг разом смолкли. Они что-то услышали. Сначала это был такой тонюсенький звук, что опавший листик мог заглушить его своим шелестом. Но звук приближался и становился отчетливее. Тик-так, тик-так, тик-так.

Крюк застыл на месте с поднятой ногой.

— Крокодил,— прошептал он, задыхаясь, и помчался прочь, и боцман Сми за ним.

Это и в самом деле был крокодил. Он не тронул индейцев, и они продолжали охотиться за остальными пиратами. Он неслышно пробирался по мягкому илу в поисках капитана.

Мальчишки снова вышли из своего укрытия, но все опас-

ности, которые готовила для них эта ночь, еще не были исчерпаны.

На поляну с диким криком ворвался Кончик, преследуемый стаей волков. Он повалился прямо в траву им под ноги.

— Спасите меня, спасите! — вопил он.

— Что же нам предпринять? — недоумевали мальчишки.

И тогда кто-то из них спросил:

— А как в этом случае поступил бы Питер?

И все сразу догадались:

— Он поглядел бы на них из-под коленок!

Они немедленно повернулись к волкам спиной, все разом наклонились и, глядя на волков между колен, стали на них наступать.

Прошла всего минута. Но минута эта была необыкновенно длинной. И волки не выдержали такого ужасающего зрелища. Они бросились наутек, поджав хвосты.

Кончик встал с земли, и глаза его были устремлены в темноту. Все подумали, что он все еще видит перед собой волков. Но это были вовсе не волки.

— Я видел удивительную штуку, — сообщил он окружающим его мальчишкам. — Это была большая белая птица. И она летела сюда.

— Что за птица?

— Понятия не имею. Но она такая большая и белая, она летит и все время стонет: «Бедная Венди».

— «Бедная Венди»?

— Я помню, — заявил Малышка, — есть такая порода птиц — венди. Это летит птица венди.

— Глядите, глядите, вон она!

Венди оказалась почти совсем у них над головой, и они отчетливо слышали, как она плачет. Но еще отчетливей донесся до них пронзительный голос Починки. В злости своей она совсем перестала скрывать свои чувства. Она налетала на бедную Венди с разных сторон и больно ее щипала.

— Эй, Динь, привет! — закричали несколько изумленные мальчишки.

И она крикнула им в ответ:

— Питер велел, чтобы вы застрелили Венди!

У них не было причин задавать вопросы, когда Питер что-то им приказывал.

— Скорей, — закричали они, — принесем луки и стрелы!

И кинулись каждый к своему дуплу. Все, кроме Болтуна. У него лук и стрелы были с собой. Динь увидела это. Она уже потирала свои маленькие ручки, предвкушая победу.

— Быстрей, Болтун! — закричала она. — Опереди их, и Питер останется очень тобой доволен.

Болтун приложил стрелу и натянул тетиву.
— С дороги, Динь! — крикнул он.
Венди упала в траву, и стрела была у нее в груди.

Глава шестая

МАЛЕНЬКИЙ ДОМИК

Дурачок Болтун стоял рядом с Венди в позе победителя, когда остальные с луками и стрелами выскочили каждый из своего дупла.

— Поздно, поздно! — крикнул он им с видом победителя. — Я уже застрелил ее. Питер будет доволен мной больше всех!

Пролетая над его головой, Динь-Динь закричала: «Дурачок ты!» — и скрылась. Никто ее не услышал, потому что все столпились вокруг Венди. Страшная тишина опустилась на лес. Если бы сердце Венди билось, они бы, наверно, услышали.

Малышка заговорил первым.

— Это никакая не птица, — сказал он испуганным голосом. — Это тетенька.

— Как тетенька? — задрожал от страха Болтун.

— Мы ее убили, — хрипло заметил Кончик.

Они сорвали с себя шапки.

— Все ясно, — сказал Кудряш. — Питер привел ее сюда для нас.

И он в отчаянии шмякнулся на землю.

— Тетенька, которая наконец взяла бы на себя заботу о нас, — сказал один из Двойняшек. — А ты ее убил.

Им, конечно, было жаль Болтуна. Но еще жальче самих себя. Когда он приблизился к мальчишкам, они от него отвернулись. Болтун был бледный, губы сжаты. В его лице появилось даже какое-то скрытое достоинство, которое раньше не замечалось.

— Это я во всем виноват, — произнес он. — Когда по ночам тетенька являлась ко мне во сне, я шептал: «Милая мамочка, милая мамочка». А когда она явилась на самом деле, я ее застрелил.

И он медленно пошел прочь.

— Куда же ты, не уходи! — закричали остальные.

— Уйду, — сказал он. И голос его дрогнул. — Я ужас как боюсь Питера.

И в этот самый трагический момент они слышали знакомый звук, и душа у них немедленно ушла в пятки. До них донеслось кукареканье.

— Питер! — воскликнули они.

Он всегда возвещал их о своем прибытии кукареканьем.
— Прячьте ее,— зашептали они, и все стали стенкой возле Венди. Только Болтун остался стоять в стороне.

Снова раздался громкий петушиный крик, и Питер оказался перед ними.

— Здорово, ребята! — крикнул он, и они механически ответили на приветствие, а потом снова наступила тишина.

Он нахмурился.

— Я же вернулся,— сказал он сердито,— почему я не слышу приветствий?

Они было открыли рты, чтобы крикнуть «ура», но звука не получилось.

— Большие новости, ребята,— оживленно говорил Питер.— Я наконец добыл маму для вас всех.

Ему ответило все то же молчание, только было слышно, как Болтун шлепнулся на колени.

— Вы ее не видели? — спросил Питер, начиная беспокоиться.— Она летела сюда.

— О господи! — сказал кто-то.

А кто-то добавил:

— Какой печальный день!

Болтун встал с колен.

— Питер,— сказал он тихо.— Я тебе ее покажу.

Мальчишки все еще стояли вокруг Венди, загораживая ее.

— Посторонитесь, Двойняшки,— сказал Болтун.— Пусть Питер посмотрит.

Они все отошли в сторону. Питер поглядел на Венди некоторое время. Он не представлял себе, что же теперь делать.

— Она умерла,— сказал он, чувствуя себя очень неудобно.— Может быть, ей страшно быть мертвой?

Ему вдруг захотелось отпрыгнуть подальше и бежать, бежать, пока совсем не потеряешься из виду, и больше уже никогда не возвращаться. Они бы все с радостью побежали за ним. Но он не трогался с места. Он вытащил стрелу у нее из сердца и повернулся к своей команде.

— Чья стрела?

— Моя, Питер,— сказал Болтун и опять бросился на колени.

— Подлая, предательская рука,— сказал Питер и занес стрелу, чтобы поразить ею Болтуна.

Болтун не шелохнулся. Он подставил грудь под стрелу.

— Давай, Питер.

Дважды Питер поднимал руку со стрелой, и дважды он ее опускал.

— Я не могу ударить,— сказал он с ужасом.— Что-то хватает меня за руку.

Все поглядели на него с удивлением. Все, кроме Кончика. Он, к счастью, поглядел на Венди.

— Это она! — закричал он. — Это тетенька Венди. Она хватает его за руку!

Как ни странно, Венди действительно подняла руку. Кончик наклонился над ней и с трепетом прислушался.

— Мне показалось, что она произнесла: «Бедный Болтун».

— Она жива, — сказал Питер.

Малышка подхватил:

— Тетенька Венди жива!

Питер встал возле нее на колени. Он обнаружил свою пуговицу. Вы помните тот желудь, который служил ему пуговицей? Она прикрепила его тогда к своей цепочке!

— Глядите! — сказал он. — Стрела угодила прямо сюда. Это поцелуй, который я ей подарил. Он спас ей жизнь.

— Я помню поцелуй, — тут же вмешался Малышка. — Точно, это и есть поцелуй.

Питер его не слушал. Он шепотом упрасивал Венди поскорее очнуться, чтобы он мог показать ей русалок. Но она не отвечала. Она была еще в глубоком обмороке. Над головами у них раздался тоненький вопль.

— Слыхали, — заметил Кудряш, — это Динь ревет, потому что Венди не умерла.

И тогда им пришлось рассказать Питеру все, и они никогда еще не видели у него такого сурового выражения лица.

— Послушай-ка, фея Починка! — закричал он. — Я больше с тобой не дружу. Убирайся отсюда навсегда.

Она слетела к нему на плечо и умоляла его смягчиться, но он отряхнул ее с плеча. Венди опять подняла руку, прося его о милосердии.

— Ладно, — сказал он. — Не навсегда, а на неделю.

Вы думаете, Динь-Динь исполнилась благодарности к Венди за то, что она за нее заступилась? Да ничего подобного! Эти феи очень странные существа. Ей никогда еще так не хотелось ушипнуть Венди, как в этот момент.

Но что было делать с Венди, когда ее здоровье находилось в таком плачевном состоянии?

— Давайте отнесем ее вниз, в наш дом, — предложил Кудряш.

— Точно, — поддержал его Малышка. — С тетеньками так и надо поступать.

— Нет, нет, — сказал Питер. — Не смейте к ней прикасаться. С ней надо обращаться уважительно.

— Я тоже так думаю, — сказал Малышка.

— Но если ее оставить тут, она умрет, — сказал Болтун.

— Точно, умрет, — поддержал его Малышка. — Только выхода все равно нет.

— Есть, — возразил Питер. — Мы построим для нее домик, прямо вокруг нее.

Все пришли в восторг.

— Живо! — командовал Питер. — Тащите наверх все самое хорошее, что у нас там есть. Живо!

Вмиг закипела работа. Они носились взад-вперед, кто тащил одеяло, кто дрова. И пока они суетились, как вы думаете, кто показался на дороге? Конечно, Джон и Майкл. Они еле брели, на мгновение останавливались и стоя засыпали, потом просыпались, делали еще один шаг и засыпали снова.

— Джон, Джон, проснись, — плакал Майкл. — Где Нэна, Джон, где наша мама?

Джон протирает глаза и бормотал:

— Значит, мы в самом деле улетели?

Они очень обрадовались, когда увидели Питера.

— Здравствуй, Питер, — сказали они.

— Здравствуйте, — ответил Питер, хотя, признаться, к этому времени он о них уже совершенно забыл.

Он сосредоточенно обмерял Венди шагами, чтобы сообразить, какой величины должен быть домик, чтобы в него поместилась Венди, стол и два стула. Джон и Майкл глядели на него с изумлением.

— А Венди спит?

— Спит.

— Джон, — предложил Майкл, — давай ее разбудим и скажем ей, чтоб она приготовила нам ужин.

Но не успел он договорить, как примчались мальчишки, которые тащили бревна для постройки.

— Погляди! — ахнул Майкл.

— Кудряш, — сказал Питер своим командирским голосом, — проследи, чтобы они тоже приняли участие в строительстве дома.

— Есть, сэр!

— Строительство дома? — поразился Джон.

— Да. Для тетеньки Венди.

— Для Венди? Так ведь она ж всего-навсего девчонка!

— Поэтому, — объяснил Кудряш, — мы ей все и служим.

— Вы? Служите Венди?

— Да, — сказал Питер. — И вы тоже будете служить. Начи-
найте!

И обоих братьев заставили идти в лес и там рубить деревья, тесать и таскать доски и бревна.

— Первым делом сделайте стулья и каминную решетку, — скомандовал Питер. — Потом — стены и все остальное.

— Точно, — сказал Малышка. — Дома всегда строят именно так. Я теперь вспоминаю.

Питер был весь в заботах.

— Малышка,— сказал он,— живо за доктором.

— Есть, сэр,— отозвался Малышка и поспешно удалился, почесывая при этом в затылке.

Он знал, что Питеру надо подчиняться без рассуждений. Он вернулся через минуту. На голове у него была шляпа Джона. Вид у него был торжественный.

— Входите, сэр,— приветствовал его Питер.— Вы — доктор?

В такие минуты разница между Питером и мальчишками всегда ощущалась очень разительно. Дело в том, что они признавали, что понарошку — это понарошку, а для него, что как будто, что на самом деле, не различалось. Иногда это доставляло им некоторые неудобства и неприятности. Например, когда им приходилось обедать только понарошку. Если они вдруг нарушали игру, они тут же получали оплеуху.

Поэтому Малышка поспешно отозвался:

— Да, мой друг.

— Прошу вас, сэр. Эта дама очень больна.

Они оба стояли рядом с Венди, но Малышка предпочел не заметить этого обстоятельства.

— Ай-ай-ай! — покачал он головой.— Где же она?

— Вон там,— сказал Питер.

— Я поставлю ей стеклянную штучку под мышку.

И он наклонился над Венди и сделал вид, что ставит ей градусник. Воцарилось напряженное молчание, пока «доктор» доставал «градусник».

— Ну, как, доктор? — спросил Питер.

— Так-так-так. Штучка ей очень помогла.

— Я очень рад,— сказал Питер.

— Я навещу ее еще раз — вечером. Напείτε ее бульоном из чашечки с носиком.

Он вернул шляпу Джону и тяжело перевел дух, точно избавился от большой опасности.

Тем временем лес гудел от звуков топора и пилы, и скоро все необходимое для постройки хорошенького домика лежало возле Венди.

— Знать бы теперь только, какие дома ей нравятся,— заметил один из Двойняшек.

А второй закричал:

— Питер, она ворочается во сне!

— Она приоткрыла рот! — воскликнули оба разом.— До чего хорошо!

— Может, она сплет что-нибудь во сне? — заметил Питер.— Венди, спой нам песенку про то, какой бы ты хотела домик.

И тотчас же, даже не открывая глаз, Венди запела:

Вы мне постройте домик
Меня самой не выше,
Пусть будут стенки красные
И мягкий мох на крыше.

Они пришли в полный восторг, потому что все бревна, которые они заготовили в лесу, были покрыты красным древесным соком, а на земле вокруг было сколько угодно мха.

Они мгновенно возвели стенки дома, и покрыли его крышей, и сами запели хором:

И стены есть, и крыша есть,
И потолок, и дверь.
Скажи нам, мама Венди,
Что делать нам теперь?

И на это она ответила:

Теперь вы сделайте окно,
И будет все в порядке.
В него пускай глядит сирень,
А из него — ребята.

Они тут же прорубили окно и из больших желтых листьев смастерили занавески. Только вот где же взять сирень? Но они быстренько посадили куст, и он тут же вырос и зацвел — понарошку. Но вот как же быть с ребятами?

Чтобы Питер не успел отдать нового распоряжения — про ребят, они поскорее запели:

Глядит в твоё окно сирень,
На ней цветов не счесть.
Ребят не можем мы создать,
Ребята мы и есть!

Питеру понравилось, что ребята — это они и есть, и он быстренько повернул дело так, что он сам такое сочинил. Домик получился прелестный, и Венди, наверное, было в нем очень уютно. Только они больше не могли ее видеть, потому что она осталась внутри, а они — снаружи. Питер обошел весь дом, проверяя, все ли в порядке. Ничто не ускользнуло от его орлиного взора. Вроде бы строительство было закончено. Но — нет.

— Нет трубы, — заявил Питер. — Необходима труба!

— Труба необходима, — сказал Джон.

Питер поглядел на него и что-то сообразил. Он снял с его головы шляпу, выбил донышко и водрузил на крышу. Малень-

кому домику так понравилась такая труба, что, как бы говоря спасибо, он тут же выпустил через нее клуб дыма.

Ну, теперь, кажется, и на самом деле все готово. Оставалось только вежливо постучаться в дверь.

— Постарайтесь выглядеть как можно лучше,— сказал Питер.— Первое впечатление всегда самое важное.

Питер был рад, что никто не спросил его, что значит «первое впечатление». Они слишком были заняты тем, что старались выглядеть как можно лучше. Он тихонечко постучал в дверь. Мальчишки замерли. И все в лесу замерло. И была бы абсолютная тишина, если бы не Динь, которая сидела на ветке и открыто над ними издевалась.

Дверь открылась, и на пороге показалась Венди. Они как по команде сняли шапки.

Венди смотрела на них удивленно. Но они так и думали, что она откроет дверь и посмотрит на них удивленно.

— Где я? — спросила она.

Конечно, выскочка Малышка поспешил отозваться первым:

— Тетенька Венди, мы построили для тебя домик.

— Скажи скорей, что он тебе нравится,— попросил Кончик.

— Милый, чудесный домик,— откликнулась Венди. И это были те самые слова, которые они надеялись от нее услышать.

— А мы — твои дети! — закричали Двойняшки.

И все мальчишки опустили на колени и стали ее просить:

— Тетенька Венди, будь нашей мамой!

— Да? — сказала Венди и просияла.— Я бы очень хотела. Только я не знаю, справлюсь ли я. Я ведь еще только девочка.

— Это неважно! — сказал Питер, как будто он прекрасно разбирался в мамах.— Нам нужно, чтоб ты была как мама. И все.

— По-моему, как раз я такая и есть,— сказала Венди.

— Такая, такая! — закричали все.— Мы сразу это поняли!

— Хорошо,— сказала она.— Я постараюсь. А теперь быстро домой. Вы наверняка промочили ноги. Я сейчас же уложу вас в постель. А пока вы ложитесь, я успею досказать вам сказку про Золушку.

И они все спустились в свой подземный дом. Как уж они там помещались, я не знаю. Но в стране Нетинебудет как-то все по-другому измеряется и в маленьком помещении может очень много поместиться.

Так начался первый из многих радостных вечеров, которые они провели с Венди. Постепенно они все уснули, и Венди подоткнула им одеяла. Сама она в эту ночь спала в своем маленьком домике. А Питер стоял на часах с саблей наголо, потому что издали доносились голоса пиратов и было слышно, как в лесу рыщут волки.

Маленький домик выглядел так мило. Из-за занавесок пробивался свет ночника. Тоненький дымок струился из трубы. Все было спокойно, потому что Питер его охранял.

Через некоторое время и он заснул, и несколько фей наткнулись на него, возвращаясь домой с бала. Они наверняка отомстили бы любому из мальчишек, который заснул бы на их пути ночью, но на Питера они не сердились. Они только щекотали у него в носу травинкой и летели дальше.

Глава седьмая

ДОМ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Наутро первым делом Питер обмерил Венди, Джона и Майкла. Ему была нужна мерка для дупла в дереве для каждого из них. Вы помните, как презрительно Крюк отозвался о них из-за того, что они сделали семь выходов из своего дома, но это от чистого невежества. Дело в том, что если дерево вам не по размеру, то очень трудно спускаться и подниматься по нему, а мальчишки ведь не были скроены по одной мерке. Если дерево было как раз впору, то стоило только сделать наверху глубокий вдох, как вы начинали скользить вниз с нужной скоростью. А чтобы подняться, надо было то вдыхать, то выдыхать воздух и, слегка поводя плечами, штопором идти вверх. Как только вы овладевали техникой, подъем и спуск не представляли для вас никакого труда.

Но для этого необходимо, чтобы дерево было вам по размеру. Поэтому Питер и измерял каждого не менее тщательно, чем хороший портной перед тем, как сшить дорогой костюм.

Спустя несколько дней все трое научились легко подниматься и спускаться, прямо как бадейки в колодце. И если бы вы знали, как горячо они полюбили свой подземный дом! В особенности Венди. Там, под землей, была всего одна комната. В комнате был великолепный пол, в котором можно было покопаться и добыть червей, если вы, например, собрались идти на рыбалку.

Дерево Неясень изо всех сил старалось вырасти посреди комнаты, но каждый день они спиливали его вровень с полом. Когда было время пить чай, оно вырастало приблизительно на два фута, и тогда они клали на него дверь, и получался стол. Но как только чаепитие заканчивалось, они спиливали его снова, и в комнате тогда становилось достаточно места для игры.

В комнате был огромный камин, а рядом с ним Венди протянула веревки, на которых она развешивала белье. Кровать на день подымалась и ставилась возле стены, а вечером ровно в половине седьмого она опускалась и занимала почти половину комнаты.

И все мальчишки спали в этой кровати, уложенные рядочком, как шпроты. Переворачиваться на другой бок можно было только всем сразу — по сигналу. Майклу тоже надо бы спать на ней, но Венди считала, что у нее должен быть маленький. А маленькому полагалось спать в люльке. Поэтому для Майкла к потолку привесили корзину.

Обстановка в доме была самая простая. И только в одной из стен было маленькое углубление, ниша размером не больше птичьей клетки, которая служила личными апартаментами феи Динь-Динь. Она отделялась от общей комнаты тоненькой занавеской, и Динь всегда ее задергивала, когда она одевалась или раздевалась. Она была очень стыдлива. У нее там стояла элегантная кушетка. Цвет ее постельного белья менялся в зависимости от того, какие цветы расцветали в это время года. Ее зеркало было из замка, в котором жил Кот в сапогах. Любой торговец товарами для фей мог вам сказать, что таких зеркал осталось всего три штуки во всем мире.

Динь презирала всю обстановку в доме мальчишек. Но ее изысканная спальня выглядела в их комнате как маленький хвостунишка с постоянно задранным носом.

У Венди и ее мальчишек хлопот был полон рот. Бывало, целыми неделями она не поднималась вверх, разве что как-нибудь вечером со штопкой в руках. А готовка! Легко ли накормить такую ораву молодцов! Чаще всего они ели жареные плоды хлебного дерева, бананы, печеную кабанятину. Но никто никогда не мог сказать наперед, будет ли обед настоящим или только как будто. Все зависело от того, что Питеру взбредет в голову. Он мог поесть по-настоящему. Только надо было, чтобы так требовалось в игре. А лопать, только чтобы налопаться, — этого он терпеть не мог. И к тому же он так верил, что ест, когда ел понарошку, что при этом даже заметно полнел.

Ничего не поделаешь. Приходилось ему подчиняться. Единственно когда он разрешал просто так поесть — это если удавалось его убедить, что ты теряешь в весе и дерево становится тебе велико.

Венди любила спокойно посидеть, что-нибудь починить и поштопать, когда все мальчишки улягутся спать. Она говорила, что в этот час у нее есть время вздохнуть. И это время тратила она на то, чтобы пошить и поштопать или поставить двойную заплатку на коленки (господи, как они обращались со своими коленками!).

Когда она ставила рядом с собой корзину с их носками, в каждой пятке — по дыре, она иногда говорила, всплескивая руками: «Право же, я думаю временами, что старым девам можно позавидовать». Но лицо ее при этом светилось.

Помните, в разговоре мы упоминали ее ручного волка? Так

вот, он очень быстро пронюхал, что Венди появилась на острове, и разыскал ее, и они встретились, как старые друзья. И он стал ходить за ней по пятам, как собачка.

Время шло себе потихонечку и шло. Часто ли вспоминала Венди своих родителей, которые остались где-то далеко, неведомо где? Это чрезвычайно трудный вопрос. Потому что очень трудно отсчитывать время на острове Нетинебудет. Там его считают на луны и солнца, и сменяют они друг друга чаще, чем на материке. В общем, Венди как будто не очень тревожилась о своих родителях. Во всяком случае, одно она знала твердо: родители всегда будут держать открытым окно, в которое они вылетели, чтобы они могли вернуться домой. И это ее очень успокаивало.

Временами ее тревожило, что Джон помнит родителей только приблизительно, а Майкл уже успел поверить в то, что Венди и есть их настоящая мама.

Венди это пугало. Она даже придумала для них контрольные работы, вроде тех, которые у нее бывали в подготовительном классе. Мальчишки тоже хотели писать контрольные. Они сделали две грифельных доски. На одной из них Венди писала вопросы, а на другой они писали ответы. Вопросы были самые простые. Например: «Какого цвета у мамы глаза?», или «Кто был выше ростом — папа или мама?», или «Была мама брюнеткой или блондинкой?». Иногда она давала им темы для сочинений. Например: «Сравните папин и мамин характер», или «Опишите мамин смех», или «Опишите мамино вечернее платье».

Если кто не мог ответить на вопрос, ему предлагалось просто поставить крестик. И ее ужасно огорчало, что даже в работе Джона появилось в последнее время очень много крестов. Единственно кто не ставил никогда крестиков — это, конечно, Малышка. Но он писал в ответах такую ерунду, что все равно получал самую низкую отметку.

Питер в этих занятиях участия не принимал. Во-первых, он признавал только одну маму на свете — Венди. А во-вторых, он был единственным мальчиком на свете, который не мог ни прочесть, ни написать ни единой буковки. Он был выше таких мелочей!

Вы обратили внимание? Все вопросы были составлены в прошедшем времени. Венди, как видно, тоже начинала забывать...

Питер частенько уходил куда-то один. Когда он возвращался, трудно было определить, встретилось ли ему на пути какое-нибудь опасное приключение. Иногда он об этом просто начисто забывал. А бывало и так, что он приходил домой с перевязанной головой, и, пока Венди кудахтала над ним и промывала рану кипяченой водой, он рассказывал ей какую-нибудь сносшиба-

тельную историю. Но Венди никогда ни в чем не могла быть уверена.

Но случилось много приключений, которые были истинной правдой, потому что она сама в них участвовала. Были и такие, которые были правдой частично, потому что другие мальчишки принимали в них участие и уверяли ее, что все в них чистая правда — до последнего слова.

Приключений было, в общем-то, ужас сколько! Чтобы их все описать, надо написать такую толстенную книжку, каких на свете не бывает. Такими толстыми бывают только словари.

Право, не знаю, о котором из приключений рассказать? Может, о том, как краснокожие однажды напали на подземный дом и как некоторые из них застряли в дуплах деревьев и потом пришлось их оттуда вышибать, как пробки? Или о том, как Питер спас от смерти Тигровую Лилию в Русалочьей лагуне и заключил с ней военный союз?

А можно рассказать и про торт, который пираты испекли для мальчишек, рассчитывая, что они его сразу съедят и погибнут. Они клали его в разных местах острова на самом виду, соблазняя их накинуться на лакомство. Но мама Венди каждый раз отнимала его у своих детишек, так что со временем он потерял свой аппетитный вид, совершенно окаменел и использовался как снаряд. А однажды сам Крюк споткнулся об него в темноте и рухнул наземь.

Или поведать вам о птицах, которые — решительно все — были личными друзьями Питера. В особенности птица Нет. Она свила гнездо на дереве возле самого берега лагуны. Но это гнездо сдуло ураганом, когда птица Нет высиживала птенцов. И гнездо поплыло по воде, а Питер распорядился, чтобы никто не смел птицу трогать, пока не вылупятся птенцы. Мы потом увидим, какими птицы умеют быть благодарными. Но теперь все-таки надо выбрать одну какую-нибудь историю и рассказать. Пожалуй, кинем жребий.

Готово! Я кинул жребий. Он выпал на лагуну. Можно было бы кинуть еще раз. Да уж ладно. Пусть будет рассказ про лагуну, коль скоро жребий пал на нее прежде всего.

Глава восьмая

РУСАЛОЧЬЯ ЛАГУНА

Если вы чуть прикроете глаза и при этом вам повезет, тогда вы увидите большое пространство, заполненное водой серого и голубоватого оттенка. Теперь, если вы зажмуритесь, эта вода примет очертания и засветится разными красками. Если вы за-

жмуритесь еще сильнее, то она запылывает красным огнем. Вот как раз в ту самую секунду, прежде чем ей запылывать, вы увидите Русалочью лагуну. Только таким способом ее можно разглядеть с материка. Если бы у вас на разглядывание было хотя бы две секунды, вы разглядели бы пену прибоя и услышали бы, как поют русалки.

Мальчишки любили купаться в этой лагуне и играть в воде в русалочьи игры. Сами русалки не очень-то дружили с ними. Венди все удивлялась и сожалела, что за все время пребывания на острове ей так и не удалось услышать от русалок ни одного путного слова. Когда она тихонечко подкрадывалась по берегу, она еще могла их рассмотреть. Они собирались целыми дюжинами, особенно на Маронской скале. (Вы знаете, кто такие мароны? Это провинившиеся матросы, которых высаживают на необитаемых островах.) Так вот, русалки подолгу сидели на этой скале, лениво расчесывая свои длинные волосы, что, кстати сказать, очень раздражало Венди. Ей иногда даже удавалось подплыть к ним «на цыпочках». Но только они ее замечали, как все разом кидались в воду и так били по воде хвостами, что брызги окатывали Венди с ног до головы. И было похоже, что они делают это нарочно. К мальчишкам они относились совершенно так же. Ко всем, кроме Питера, разумеется. С ними он болтал на Маронской скале часами или усаживался им прямо на хвосты. Он подарил Венди одну из их гребенок. Больше всего русалок бывает в лагуне, когда нарождается новый месяц. Они тогда собираются там и издают странные жалобные звуки. Но в эти часы лагуна небезопасна для людей. Венди вообще ни разу не видела лагуну при луне. Не потому, что боялась, — Питер защитил бы ее от всякой опасности, — а потому, что твердо придерживалась режима. Она считала, что все обязаны в семь часов быть уже в постели.

Но в солнечные дни они бывали в лагуне довольно часто. Она любила уложить своих мальчишек на скале поспать полчасочка после обеда. Она считала, что так они хорошо отдохнут. Причем отдых всегда был настоящим, независимо от того, был ли обед тоже настоящим или какбудтошним. Они лежали на скале, их загорелые тела блестели в лучах солнца, а она сидела рядом с очень значительным видом.

В тот день они все были на Маронской скале. Скала была размером почти что с их общую кровать. Но они уже приспособились занимать совсем мало места. Мальчишки дремали, а может, делали вид, что дремлют, и просто лежали с закрытыми глазами, по временам награждая друг друга щипками, когда Венди на них не глядела.

Венди сидела рядышком и шила. Пока она шила, что-то случилось с лагуной. Море пробрала мелкая дрожь, солнышко

скрылось, по воде прокрались тревожные тени, и вода сразу остыла. Стало темно, и Венди уже не могла вдеть нитку в иголку. Она огляделась и увидела, что всегда такая веселая лагуна стала недружелюбной и устрашающей.

Это не ночь пришла, это явилось что-то другое, еще более страшное. Даже и не явилось пока, а только этой темнотой и дрожью предупреждает, что скоро явится. Но что это такое?

Венди враз вспомнила все страшные истории, которые она слышала про Маронскую скалу, как злые капитаны высаживали на ней матросов и как они погибали на ней во время прилива. Потому что во время прилива скала оказывалась под водой.

Конечно, ей бы лучше разбудить мальчишек. И не только потому, что надвигалось что-то грозное и незнакомое. Спать на остывшей скале просто не полезно. Но Венди была неопытной матерью. Ей казалось, что раз взяли за правило спать полчаса после обеда — значит, надо этого правила строго придерживаться.

Она не разбудила мальчишек даже и тогда, когда услышала глухой плеск весел, хотя душа у нее уходила в пятки. Она стояла возле своих детей и охраняла их сон.

К счастью, один из них обладал способностью унюхать опасность даже во сне. Питер вскочил, и сна у него не было ни в одном глазу. Он тут же разбудил остальных.

Он стоял неподвижно, прижав ладонь к уху.

— Пираты! — крикнул он.

Все подвинулись к нему поближе. Странная улыбка заиграла у него на губах. Венди увидела ее и вздрогнула. Когда эта улыбка бывала на его лице, никто не смел обращаться к нему ни с каким вопросом. Все, что они могли сделать, — это молча дожидаться его команды. И она раздалась:

— Ныряй!

В воздухе замелькали ноги, и через мгновение лагуна выглядела совершенно пустынной. Скала одиноко высилась среди грозной воды, как будто ее самоё обрекли на гибель. К скале подплыла лодка. Это был пиратский ялик. В ялике плыли трое — пираты Сми и Старки и с ними ни больше ни меньше как Тигровая Лилия. Руки и ноги ее были связаны. У нее не было сомнений в том, какая ожидает ее участь. Но лицо Тигровой Лилии было невозмутимо. Она была дочерью вождя и собиралась принять свою смерть с достоинством.

Пираты поймали ее в тот момент, когда она взбиралась на их судно с ножом в зубах. На судне не несли сторожевой вахты, потому что капитан Крюк считал, что одно только его имя рождает ветер на море, который и охраняет их судно надежнее всякой охраны.

Во мраке, который они нагнали на лагуну своим появлением, пираты не разглядели скалы и врезались в нее со всего маху.

— Держи по ветру, салага! — послышался голос Сми. — Вот скала. Давай свалим здесь эту краснокожую, и пусть тонет.

Одной минуты им хватило, чтобы перекинуть девушку из лодки на скалу. Она была слишком горда, чтобы оказывать им сопротивление. По другую сторону скалы две головы покачивались на волнах. Это были Питер и Венди. Венди плакала, потому что в первый раз в жизни столкнулась с трагедией. Питер видел много трагедий, но он их все позабыл. Он не столько жалел Тигровую Лилию, сколько его возмущала несправедливость — двое против одного. Проще всего было, конечно, дожидаться, пока пираты скроются из виду. Но Питер никогда не выбирал легких путей.

На свете почти что не бывает такого, чего бы он не смог сделать. И вот он решил заговорить голосом Крюка.

— Эй вы там, салаги! — окликнул он пиратов. Голос был неотличим от оригинала.

— Капитан, — сказали пираты, глядя друг на друга в полном изумлении.

— Он, наверное, плывет сюда, — сказал Старки, бесплодно вглядываясь в темноту.

— Мы высаживаем краснокожую на скале! — крикнул Сми в ответ.

— Отпустите ее! — донесся до них потрясший их ответ.

— Отпустить?

— Перережьте веревки и отпустите!

— Но капитан...

— Живо, — кричал Питер, — не то отведаете моего крюка!

— Чудно, — сказал Сми.

— Лучше выполняй приказ, — заметил Старки с тревогой.

— Есть, сэр! — крикнул Сми в темноту и перерезал веревки.

Тигровая Лилия мгновенно, как угорь, скользнула в воду.

Венди, конечно, пришла в восторг от сообразительности Питера. Но она не сомневалась, что он сам придет от себя в восторг, закукарекает и выдаст себя пиратам. Поэтому она быстрее закрыла ему рот рукой. Но в этот момент раздался крик:

— Стоп, там, на ялике!

Это был голос самого капитана Крюка. Венди сразу поняла: Крюк тоже находился в водах лагуны. Он плыл по направлению к скале. И поскольку пираты засветили фонарь, капитан быстро достиг ялика. При свете фонаря Венди видела, как железный коготь зацепился за борт, видела искаженное злобой лицо главаря пиратов. Он поднимался на борт, и вода стекала ручьями с его одежды. Венди хотелось немедленно уплыть прочь, но с Питером ничего нельзя поделать. Ему нравилось играть со смертью. К тому же его распирала гордость.

— Разве я не молодец? Ах, какой я молодец! — шептал он.

Пиратам не терпелось узнать, что заставило их капитана броситься в воду и приплыть к ним на скалу, но он сидел на скамейке ялика, опершись на свой крюк, и меланхолично молчал.

— Что случилось, капитан? — спросили они его робко, но он только испустил глубокий вздох.

— Он вздыхает, — сказал Сми.

— И опять вздыхает, — добавил Старки.

И снова вздох.

— Что происходит, капитан?

Наконец он им ответил.

— Веселенькие игры происходят! — закричал он. — Мальчишки нашли себе маму.

Хоть Венди и было до ужаса страшно, но она все равно исполнилась гордости.

— Какие печальные вести! — воскликнул Старки.

— Что такое мама? — любопытствовал невежественный Сми.

— Он не знает! — не удержалась Венди и тут же подумала, что если бы встречались на свете ручные пираты, то она приручила бы Сми.

Питер тут же заставил нырнуть ее под воду. Крюк вскочил и стал пристально глядеть на воду.

— Что это было?

— Я ничего не слышал, — сказал Старки и поднял фонарь, чтобы посветить на волны.

Пираты стали всматриваться и увидели нечто странное. Это плыло по волнам гнездо, в котором неподвижно сидела, высиживая птенцов, птица Нет.

— Гляди, — сказал Крюк, как бы в ответ на вопрос Сми. — Вот это и есть мама. Смотри и запоминай. Гнездо свалилось в воду, но мать никогда не предаст своих детенышей, даже если они пока еще не вылупились из яйца.

Что-то дрогнуло в его голосе, точно он вспомнил свое детство, но он тут же отогнал всякие воспоминания, взмахнув своим когтем.

Сми, на которого птица произвела сильное впечатление, в удивлении глядел на проплывающее гнездо. Но подозрительный Старки заметил:

— Если она мама, то, может, она болтается тут, чтобы помочь Питеру.

— И я того же опасаясь, — сказал Крюк.

— Капитан, — сказал Сми, — а не могли бы мы выкрасть у мальчишек их маму и сделать ее своей?

— Богатая мысль, — сказал Крюк и тут же начал набрасывать план операции: — Мы утащим их всех вместе. Мальчишек отправим на дно, а Венди будет нашей мамой.

Снова Венди забыла об осторожности.

— Да никогда! — закричала она.

— Что это?

Но они опять ничего не смогли разглядеть. И подумали, что, может, это прошелестел опавший лист.

— Так вы согласны, мои разбойнички? — спросил Крюк.

— Вот моя рука, — сказали оба торжественными голосами.

— А вот — мой крюк! Клянитесь!

И они поклялись. Ялик все еще находился возле скалы, и Крюк неожиданно вспомнил про Тигровую Лилию.

— Где краснокожая? — спросил он резко.

— Все в порядке, капитан, — отозвался Сми. — Мы ее отпустили.

— Отпустили? — заорал Крюк.

— Ты сам приказал, — сказал Сми.

— Ты крикнул нам из темноты, — подтвердил Старки.

— Сера и ад! — завопил капитан. — Что это еще за надутельство?

Его лицо почернело от злости, но он увидел, что они в самом деле верят в то, что говорят. И он испугался.

— Ребята, — сказал он, слегка поеживаясь. — Я такого приказа не давал.

— Странно, — сказал Сми.

И они все заерзали на лавках.

— Дух, который царит в эту ночь над лагуной! — закричал Крюк, но в голосе его была дрожь. — Слышишь ли ты меня?

Тут бы Питеру резонно было бы помолчать. Но он, конечно, не смолчал. Он тут же отозвался голосом самого Крюка.

— Печенки-селезенки, черти и дьяволы, я тебя слышу!

Надо сказать, что в этот отчаянный миг Крюк даже не дрогнул, а Сми и Старки в ужасе прижались друг к другу.

— Говори, кто ты такой?

— Я Джеймс Крюк, — ответил голос. — Капитан «Веселого Роджера».

— Что ты врешь! — закричал Крюк хриплым голосом.

— Сера и ад! — возразил ему голос. — Повтори только, что ты сказал, и я всажу в тебя якорь!

Но Крюк уже знал, кого подозревать в этой игре, и поэтому, ничего не боясь, старался искусно расставить ловушки.

— Если ты капитан Крюк, то скажи мне, кто же тогда я?

— Треска, — ответил голос. — Всего-навсего треска.

Крюк заметил, что его парни сразу от него отпрянули.

— Мы что, всю жизнь ходим у трески под началом? — пробормотали они.

Крюк не ответил им ничего, хоть его и задело такое их поведение. Он продолжал расставлять силки.

- Крюк! — закричал он. — Есть у тебя еще и другой голос?
- Есть, — отвечал Питер все еще голосом самого Крюка.
- А зовут ли тебя как-нибудь по-другому?
- Так точно.
- Ты овощ?
- Нет.
- Камень?
- Нет.
- Мужчина?
- Нет! — Ответ прозвучал с некоторым оттенком презрения.
- Мальчик?
- Да!
- Обыкновенный мальчик?
- Нет.
- Волшебный мальчик?

Венди вся съежилась от ужаса, потому что он сказал «Да».

Крюк продолжал свою коварную игру:

- Ты сейчас в Англии?
- Нет.
- Ты близко?
- Да.

— Кто же это может быть? — спросил Крюк с притворным изумлением.

— Не можешь отгадать? Сдаешься? — в восторге завопил Питер.

- Сдаюсь, — жалобным голосом сказал Крюк.
- Я Питер Пэн!

В две секунды Крюк сбросил с себя личину.

— Быстро в воду, — скомандовал он. — Старки, ты остаешься в лодке. Сми, схватить его живым или мертвым!

Сам Крюк тут же прыгнул в воду, но в тот же самый миг раздался торжествующий голос Питера:

— Мальчишки, готовься! На пиратов!

Схватка была жестокой и молниеносной. Первым продемонстрировал свою отвагу Джон. Он накинулся на Старки и вырвал из его рук тесак. Старки зашатался и перевалился через борт в воду. Ялик уплыл.

Ребята храбро сражались с пиратами в воде возле скалы. Только к страшному капитану Крюку никто не решался подплыть, потому что он очертил своим крюком круг вокруг себя, и никто не осмеливался пересечь этот круг.

Только один человек не побоялся бы. Это был Питер. Он и подплыл бы к главарю пиратской шайки. Но он не успел. Он увидел, что Крюк подобрался к скале, чтобы вылезти на нее и перевести дух. Питер стал взбираться на скалу с противоположной стороны.

Скала была мокрая и скользкая. И оба вынуждены были почти что ползти по ней. Они ощущивали выступы на скале, чтобы за них зацепиться, и вдруг в темноте вместо выступов на камне схватили друг друга за руки. Они разом подняли головы и встретились лицом к лицу. Кто угодно мог бы растеряться в таких обстоятельствах и даже немножечко струсить. И никто бы не осудил его. Ведь Крюка, говорят, боялся такой известный бандит, как Морской Петух. Но Питер не струсил. Он быстро выхватил нож у Крюка из-за пазухи и уже приготовился вонзить его во врага по самую рукоятку, как заметил, что он стоит несколькими уступами выше на скале, чем Крюк. Битва не была бы честной, потому что у Питера было это преимущество. И он подал руку пирату, чтобы помочь ему встать повыше. И тут Крюк укусил его в руку. Не боль от укуса, а несправедливость совершенно обезоружила Питера.

Он стоял и смотрел на Крюка, не в силах поднять руку, в которой был нож. Каждый ребенок реагирует так же, когда он впервые в жизни встречается с несправедливостью. И никто никогда не в состоянии потом эту первую несправедливость забыть. Никто, кроме Питера. В этом и состояла разница между ним и всеми остальными людьми.

Поэтому сейчас, когда он столкнулся с несправедливостью, для него это было все равно что в первый раз. Потому-то он мог только глядеть на Крюка, оскорбленный и беспомощный. И Крюк дважды всадил в него свой железный коготь.

Через несколько минут после этого мальчишки заметили Крюка плывущим в сторону корабля, лицо его было бледно и искажено страхом, а невдалеке раздавалось размеренное тиканье: его преследовал крокодил.

Они сумели в темноте разыскать ялик. Покричав Питера и Венди и не получив ответа, они решили, что те либо плывут, либо летят к берегу, и, забравшись на ялик, поплыли домой. Они так верили в Питера, что им и в голову не пришло, что он может нуждаться в помощи. Они весело гребли и смеялись: сегодня поздно лягут спать, но в этом будет виновата сама мама Венди.

А в это время Питер втаскивал на скалу потерявшую сознание девочку. Он сам был почти что в обмороке. Но угасающее сознание подсказывало ему, что скала все равно скоро уйдет под воду и все усилия напрасны.

Венди очнулась. Она не понимала, что происходит.

— Мы на скале, Венди,— грустно сказал Питер.— Но она становится все меньше и меньше.

Венди все еще не осознавала опасности.

— Нам надо скорее на берег,— заметила она и слабо улыбнулась.

— Ты сможешь без меня добраться до берега вплавь?
Венди покачала головой. Она слишком устала. Питер застоялся.

— Что случилось? — спросила она, сразу встревожившись.

— Я не могу помочь тебе, Венди. Крюк меня ранил. Я не могу ни плыть, ни лететь.

— Так, значит, мы утонем?

Вода прибывала. Они сидели рядом, закрыв глаза, чтобы не видеть этого ужасного зрелища. Вдруг что-то легонечко коснулось щеки Питера, точно кто-то спрашивал: «Может, я смогу на что-нибудь пригодиться?»

Это был змей, которого Майкл смастерил на днях и который вырвался у него из рук и улетел.

— Это змей, — сказал Питер безучастно.

Но в следующий момент его осенила мысль, и он ухватил змея за хвост и начал подтаскивать к себе.

— Он поднял Майкла с земли, почему бы ему не отнести тебя на берег?

— Нас обоих!

— Он не может поднять двоих. Майкл и Кудряш пробовали уже.

— Тогда кинем жребий.

— При том, что ты девочка? Да никогда в жизни!

Он уже обмотал Венди мочальным хвостом. Она кинулась к Питеру, обняла. Она не хотела его оставлять. Но, крикнув: «Прощай, Венди», он столкнул ее со скалы. Через несколько минут она исчезла из виду.

Скала выдавалась над морем совсем чуть-чуть. Бледные лучи прошлись на цыпочках по воде. Вскоре послышались звуки, самые мелодичные и самые печальные в мире: это русалки зывали к луне.

Питер не был похож на других мальчишек. Но даже и ему стало страшно. По телу пробежала дрожь, как, бывает, пробегает она по поверхности воды. Но в следующий миг он уже стоял выпрямившись на скале, он улыбался, а где-то внутри него бил маленький барабанчик. Он выстукивал такие слова: «Что ж, умереть — это ведь тоже большое и интересное приключение».

Глава девятая

ПТИЦА НЕТ

Последнее, что услышал Питер, прежде чем остаться в лагуне совсем одному, это плеск русалочьих хвостов. Они нырнули под воду, возвращаясь в свои спальни. Спальни были

расположены в коралловых пещерках, и на каждой двери было по колокольчику, который звонил, когда дверь открывалась и закрывалась. Колокольчики прозвенели. И все стихло.

Вода неизбежно прибывала. И чтобы чем-то занять себя до того момента, как волны накроют его с головой, Питер приглядывался к какому-то непонятному предмету, который плыл по поверхности воды. Он решил, что это кусок бумаги, может, часть воздушного змея, и лениво размышлял над тем, сколько времени этому куску бумаги потребуется, чтобы прибиться к берегу.

Вдруг он заметил, что предмет не просто качается на волнах, а движется направленно, одолевая высокие валы.

«Какой отважный кусок бумаги!» — с восхищением подумал Питер.

На самом деле никакой это не был кусок бумаги. Это была птица Нет на своем гнезде, которая делала отчаянные усилия, чтобы добраться до Питера. Она решила спасти его, отдать ему свое гнездо, несмотря на то что в нем лежали яйца.

Она кричала Питеру, что плывет к нему, чтобы выручить его из беды, а он спрашивал ее, что она там делает, но вся беда в том, что они не знали языка друг друга.

В некоторых сказках люди разговаривают с птицами, и, конечно, я мог бы изобразить дело так, что они друг друга понимали. Но лучше уж говорить правду. А правда заключается в том, что ни слова не было понятно ни тому ни другому.

— Я хочу, чтобы ты перебрался в мое гнездо, — говорила птица Нет отчетливо, делая большие паузы между словами.

— Чего ты там каркаешь? — вопрошал в свою очередь Питер.

— Я же тебе говорю, — повторила птица. — Перелезай на мой плот.

— А я спрашиваю, — повторил Питер, — чего ты там каркаешь?

Птица Нет начинала терять терпение. Эти птицы вообще очень нетерпеливые.

— Тупица несчастная, ты почему не делаешь, как я тебе говорю?

Питер почувствовал, что она обзывается, и крикнул наугад:

— От такой же слышу!

Потом они оба прокричали друг другу одно и то же:

— Да заткнись ты!

— Да заткнись ты!

Тем не менее птица Нет твердо решила спасти его. Страшным усилием она подогнала гнездо к скале и слетела с него, несмотря на то что в нем лежали яйца.

Наконец-то он понял!

Он ухватился за край гнезда, влез на него и благодарно помахал птице Нет рукой. Но она кружилась над ним вовсе не

для того, чтобы услышать от него благодарность. Она беспокоилась, что он станет делать с ее невылупившимися птенцами. Питер взял в руки по птичьему яйцу и начал их разглядывать. Птица накрыла голову крылом, чтобы не видеть кончины своих неродившихся детей. Но она все-таки глянула один раз сквозь перья.

Не помню, говорил ли я о том, что на скале пираты укрепили когда-то старый корабельный флагшток и на него набили перекладину, чтобы обозначить, где они спрятали награбленное сокровище. Мальчишки как-то обнаружили пиратский склад. И для развлечения они покидали бриллианты и жемчуга чайкам, которые хватали драгоценные камни на лету, думая, что им предлагают угощение, и страшно злились на мальчишек за такой некрасивый обман.

Но флагшток все еще торчал на месте. На него джентльмен Старки как-то повесил свою шляпу — это была матросская шляпа с широкими полями, сделанная из непромокаемого брезента. Питер подогнал гнездо к скале, взял шляпу, перевернул ее и осторожно опустил в нее оба яйца. Шляпа спокойно заскользила по поверхности воды.

Птица Нет мгновенно поняла его замысел, она высказала ему свое восхищение, и уж это-то Питер понял и немедленно с ней согласился.

Питер вытащил флагшток, укрепил его в центре гнезда, как мачту, а из своей рубашки сделал парус.

Птица Нет опустилась на шляпу и тут же снова уселась на яйца. Течение понесло ее в одну сторону, а ветер, наполнив «парус», погнал гнездо от скалы к берегу. Они расстались, очень довольные друг другом, издавая радостные возгласы.

Глава десятая

СЧАСТЛИВОЕ СЕМЕЙСТВО

Схватка в лагуне обеспечила Питеру преданность краснокожих. Не было такой вещи, которую Тигровая Лилия или любой из ее племени не сделали бы для Питера. Ночь напролет они прятались по кустам, наблюдая за домом под землей и обеспечивая его безопасность. Даже днем они бродили в окрестностях, покуривая трубку мира.

Они называли Питера Великий Белый Отец и падали перед ним ниц. И надо сказать, что это ему было очень по душе и портителю ему характер.

— Великий Белый Отец очень рад, что индейские воины охраняют его дом, — говорил он им важно, приняв величественную

позу, в то время как они распластывались перед ним на траве.

— Моя Тигровая Лилия,— говорила прекрасная дочь вождя.— Моя очень рада, что Питер Пэн меня спасал. Моя Питер Пэна охранять. Моя не давать пиратам его обижал.

Она была слишком прекрасна, чтобы так униженно перед ним склоняться. Но Питер Пэн считал, что он это заслужил. Он снисходительно кивал и говорил небрежно:

— Это хорошо. Благодарю. Питер Пэн высказался.

Он последнее время усвоил это выражение, когда хотел, чтобы от него отстали.

Сейчас мы с вами добрались до того вечера, который все они впоследствии будут называть «Ночью ночей» из-за того, какие произошли тогда события и как они завершились.

С утра день начался спокойно и так же спокойно продолжался, и за весь день ничего не случилось. И вот уже индейцы, завернутые в свои войлочные одеяла, заняли каждый пост наверху, а мальчишки внизу, в своем доме, сели ужинать. Все, кроме Питера, который отправился выяснять, который час. На острове время узнавалось так. Сначала вы шли и разыскивали крокодила. Потом вы должны были стоять возле него или ходить следом, пока часы не пробьют у него в желудке.

На этот раз все сидели и пили какбудтошний чай, шумно прихлебывая, болтая, и поминутно ссорились. Гомон стоял прямо-таки оглушительный. Венди не возражала против шума, но она не могла терпеть дурных манер. У них был заведен строгий порядок. Никому не разрешалось давать сдачи за столом или толкать соседа под локоть. Если возникал какой-нибудь спор, надо было не выражать своего несогласия оплеухой, а обратиться к Венди за правосудием. Положено было поднять руку и сказать: «Я подаю жалобу на того-то». Но чаще всего они или об этом забывали, или, наоборот, замучивали Венди жалобами.

— Тихо! — прикрикнула она на них после того, как уже, по крайней мере, двадцать раз она повторила просьбу не говорить всем сразу.

— Твоя мисочка уже пустая, Малышка, сыночек?

— Нет, мама, я еще не допил немножечко,— ответил Малышка, заглядывая в воображаемую мисочку.

— Он даже и не притрагивался к своему молоку,— вмешался Кончик.

Это было уже ябедничество, и Малышка не упустил своего шанса:

— Я подаю жалобу на Кончика.

Но Джон успел поднять руку еще раньше.

— Да, Джон?

— Можно, я сяду на место Питера, пока он не пришел?

— Сесть на папино место, Джон? Да как же это можно?

— Он понарошку наш папа! — упорствовал Джон. — Он даже не знал, как папы себя ведут, пока я его не научил.

Болтун поднял руку. Он был из них самый послушный, пожалуй, даже единственный, кто был послушным, и Венди относилась к нему особенно нежно.

— А я мог бы быть всехним папой? Наверное, нет? — спросил он робко.

— Нет, Болтун.

Болтун редко говорил (имя свое он получил в насмешку), но если уж начинал, ему трудно было остановиться.

— А если я не могу быть папой, может, я буду маленьким вместо Майкла? Или тоже нет?

— Нечего тебе, — тут же отрезал Майкл. — В корзинке буду спать я.

— А может, я буду Двойняшкой? Или тоже нет?

— Где тебе! — заявили Двойняшки, оба сразу. — Двойняшкой быть очень трудно!

— Раз я никем не могу быть, хотите, я покажу вам фокус?

— Нет! — завопили все хором.

Тогда Болтун умолк, но снова началось несносное ябедничество:

— А Малышка, когда кашляет, не закрывает рот рукой.

— А Двойняшки кашу едят руками.

— А Кудряш слопал все орехи!

— Боже мой, боже мой! — вздыхала Венди. — Право же, я иногда думаю, что от детей больше расстройства, чем радости.

Потом они кончили ужинать, успокоились, затеяли игры. Венди принесла корзинку с драными чулками, уселась штопать. На каждой коленке по дыре — уж это как водится!

Наверху слышались шаги, Венди услышала их первая.

— Ребята, папа идет. Встречайте-ка его!

Мальчишки, как много-много раз уже бывало, весело вытащили Питера за ноги из его ствола. Как много раз прежде, но больше уж этого не будет никогда!

Он принес мальчишкам орехов, а Венди сообщил точное время.

— Питер, ты их балуешь, — притворно вздохнула Венди.

— Ничего, старушка, — добродушно отозвался Питер, вешая свое ружье на гвоздь.

Один из Двойняшек подошел к Питеру.

— Папа, а что, если мы потанцуем?

— Начинай, сынок!

— И ты с нами!

Питер был прекрасным танцором, но он притворялся, будто смущен такой просьбой.

— Я? Греметь старыми костями?

— И мама тоже.

— Что? — засмеялась Венди. — Такая многодетная мать — и вдруг да пустится в пляс?

— Но в субботу-то вечером можно! — воскликнул Малышка.

Это был вовсе и не субботний вечер, а впрочем, мог бы и быть субботним. Они уже давно потеряли счет дням, но всегда, когда им хотелось что-нибудь выклянчить, они объявляли, что наступал субботний вечер.

И они все вместе от души потанцевали.

— Правда, хорошо, Питер? — сказала Венди. — У нас такая хорошая семья. Знаешь, мне кажется, Кудряш похож на тебя. И Майкл тоже. — Она подошла к Питеру и положила руки ему на плечи. — Питер, конечно, такая большая семья состарила меня. Но тебе ведь не хотелось бы, чтоб кто-то другой оказался на моем месте?

Нет, он не хотел бы. Но он взглянул на нее как-то странно, каким-то мигающим взглядом. Так смотрит человек, когда он хорошенько не знает, проснулся он или все еще спит.

— Питер, что случилось?

— Я просто подумал, — сказал он слегка испуганным голосом. — Ведь это же понарошку, что я их отец?

— Ну конечно.

Послышался вздох облегчения.

— А то мне бы пришлось оказаться взрослым, а я не хочу.

— Не надо, раз не хочешь, Питер! Скажи мне, а как ты ко мне по правде относишься?

— Как преданный сын.

— Я так и думала, — сказала Венди и отошла в другой конец комнаты.

— Как ты странно говоришь, — заметил Питер, искренне не понимая ее. — Вот и Тигровая Лилия — не хуже тебя. Она, кажется, что-то хочет от меня. А я не пойму что. Может, она тоже хочет быть моей мамой?

— Нет.

— А что же тогда?

— Я не хочу говорить.

— Может, Динь-Динь знает?

Динь-Динь сидела в своем будуаре за задернутой занавеской и подслушивала.

Питера вдруг осенила идея.

— Динь, может, ты хочешь быть моей мамой?

— Дурачок ты! — крикнула она злым голосом.

— А я почти что с ней согласна, — огрызнулась Венди.

Можете себе представить, чтобы милая, добрая Венди огрызнулась? Но разговор этот был ей тяжел. А к тому же она ведь не знала, что их всех ждет еще до того, как кончится эта ночь.

Никто из них не знал. Может, это и хорошо. Они прожили по крайней мере еще один счастливый час.

Все улеглись в кровать. Это был час, когда Венди рассказывала сказку. Сегодня она обещала им рассказать сказку, которую больше всего любили. Ту сказку, которую ненавидел Питер. Обычно, когда она ее начинала, он уходил из дома или затыкал уши. Может быть, если бы он поступил так и на этот раз, они все еще были бы на острове. Но в ту ночь он остался сидеть на стуле, и мы скоро увидим, что произошло.

Глава одиннадцатая

СКАЗКА, КОТОРУЮ РАССКАЗЫВАЛА ВЕНДИ

— Теперь слушайте,— сказал Венди, начиная сказку. Майкл лежал в люльке, остальные семеро — в кровати.— Жил-был однажды один джентльмен...

— Лучше б это была леди,— заметил Кудряш.

— Пусть бы он был белой крысой,— вставил Кончик.

— Тише, дети,— успокаивала их мама Венди.— Леди жила-была тоже.

— Мапочка, а она жива? — перебил ее один из Двойняшек.

— Жива.

— Как я рад, что она не умерла,— сказал Болтун.— Ты рад, Джон?

— Конечно, рад.

— А ты рад, Кончик?

— Да, рад, рад, отстань.

— А вы рады, Двойняшки?

— Вот именно, что рады.

— О господи...— вздохнула Венди.

— Потихе, вы там,— одернул их Питер. Он считал, что Венди заслуживала с их стороны честной игры, какой бы мерзкой ни была ее сказка.

— Джентльмена звали,— продолжала Венди,— мистер Дарлинг, а ее звали миссис Дарлинг. И как вы думаете, кто у них был еще?

— Белая крыса,— быстро проговорил Кончик.

— Невозможно догадаться,— сказал Болтун, который знал всю сказку наизусть.

— Тише, Болтун. У них были дети.

— Какая хорошая сказка,— сказал Кончик.

— Но они в один прекрасный день улетели в страну Нетине-будет, туда, где живут потерянные дети.

— Я так и думал,— вмешался Кудряш.— Не знаю, как я догадался, но я это понял сразу же.

— Тише! Лучше подумайте о том, что почувствуют несчастные родители, у которых улетели все дети.

— Ууу,— застонали они все хором, хотя им было решительно наплевать на чувства несчастных родителей.

— Подумайте только, каково им глядеть на опустевшие кроватки!

— Ооо! — вздохнули все.

— Ах, как грустно! — закричал один из Двойняшек бодрым голосом.

— Не знаю, может ли все это хорошо кончиться,— подхватил второй.

— Если б вы знали, как сильна материнская любовь,— сказала Венди с торжеством в голосе,— вы бы не опасались ничего.

Вот тут она подошла как раз к тому месту, которое Питер ненавидел.

— Обожаю материнскую любовь! — завопил Кончик и стукнул Болтуна подушкой.— Ты уважаешь материнскую любовь, Болтун?

— Чрезвычайно,— сказал Болтун и дал Кончику сдачи.

— Заметьте,— сказала Венди,— что героиня сказки знала: когда бы они ни вернулись, мать оставит для них окно открытым, чтобы они могли прилететь домой.

— А они прилетели?

— Они вернулись,— сказала Венди.— Потому что окно было распахнуто для них долгие-долгие годы.

Ах дети, дети! Так велика их вера в материнскую любовь, что им казалось, что они могут себе позволить побыть бессердечными еще немножко!

Когда Венди закончила свой рассказ, Питер тихонечко застонал.

— Что у тебя болит, Питер, милый? — всполошилась Венди.

— Это не такая боль,— сказал Питер.

— Какая же?

— Венди, ты ошибаешься насчет матерей.

Они все окружили его, страшно встревоженные его волнением, и он поведал им то, что до сих пор скрывал.

— Я раньше думал так же, как и ты. Я считал, что моя мама никогда не закроет окно. И поэтому я не торопился возвращаться, и прошло много, много, много солнц и лун. А потом я полетел назад. Но окно детской было заперто, а в моей постельке спал мальчик.

— Ты в этом уверен?

— Да.

Так вот оно как бывает! Значит, надо что-то предпринять. Никто так хорошо не понимает, что пришла пора сдаваться, как ребенок.

— Венди, нам пора домой! — закричали Джон и Майкл одновременно.

— Пора, — сказала Венди.

— Но не сейчас же? — завопили мальчишки, растерявшись.

В глубине того, что называется душой, дети понимали, что ребенок может обойтись без матери. Это матери кажется, что он не может без нее обойтись.

— Немедленно, — сказала Венди. — Мама, наверное, думает, что мы умерли.

Она так испугалась за мать, что в эту минуту не подумала о Питере и сказала ему довольно резко:

— Питер, надеюсь, ты займешься необходимыми приготовлениями?

— Пожалуйста, — сказал он спокойно, как будто она попросила его передать ей вазочку с орехами.

Он поднялся вверх по стволу и отдал краснокожим несколько коротких приказов. Когда он вернулся, он застал дома ужасную картину.

Мысль о том, что они теряют Венди, привела мальчишек в панику.

— Нам будет еще хуже, чем до нее! — кричали они.

— Мы ее не отпустим!

— Мы ее свяжем!

В этом критическом положении инстинкт подсказал ей, к кому обратиться за помощью.

— Болтун, — крикнула она, — защити меня!

И не странно ли, что она воззвала к самому робкому и глупенькому? Вся глупость тут же соскочила с Болтуна.

— Я всего лишь Болтун! — крикнул он. — И всем на меня наплевать. Но всякому, кто посмеет дотронуться до Венди, я разобью в кровь нос!

Мальчишки отступили. И в этот самый момент вернулся Питер.

— Венди, — сказал он. — Я попросил индейцев проводить тебя через лес.

— Спасибо, Питер.

— А затем, — продолжал он отрывистым, колющим голосом человека, который привык, что ему повинуются, — Динь-Динь поможет перелететь вам над морем. Разбуди ее, Кончик.

Динь, несомненно, была счастлива услышать, что Венди уходит. А у мальчишек был совершенно потерянный вид.

— Дети, — сказала Венди, — если захотите, полетим все

вместе, я уверена, что мама с папой вас всех усыновят. Я берусь их уговорить.

Больше всех Венди, конечно, имела в виду Питера. Но каждый из мальчишек принял ее приглашение на свой счет, и все запрыгали от радости.

— Питер, можно и нам? — спросили они с мольбой в голосе.

— Хорошо, — сказал Питер.

И они тут же кинулись собираться.

— Питер, — сказала Венди, — прими свою микстуру перед дорогой.

Она приготовила ему лекарство, обернулась к нему, и сердце у нее оборвалось.

— Собирайся же, Питер!

У него было странное выражение лица.

— Я остаюсь, Венди.

— Нет!

— Да!

Чтобы показать ей, что ее отъезд ему безразличен, он весело заскакал по комнате, играя на своей бессердечной свирели.

— Но ты найдешь свою маму!

Но Питеру она была не нужна.

— Нет, Венди. Она станет говорить, что я уже вырос. Я не хочу.

— Но Питер...

— Нет.

Приходилось объявить это остальным мальчишкам.

— Питер остается.

Питер остается! Они растерянно переглядывались, с палками через плечо, на палках — узелки с вещами. Что же им делать?

— Ладно, ладно, спокойно, не хныкать. До свидания, Венди.

Она взяла его за руку. Было ясно, что он не ждет от нее поцелуя.

— Ты не будешь забывать вовремя менять белье, Питер?

— Да, да.

— И будешь по часам принимать микстуру?

— Да.

Вот вроде бы и все. Наступила неловкая пауза. Питер был не из тех, кто демонстрирует свои чувства.

— Ты готова, Динь-Динь? — спросил он.

— Готова.

— Тогда вперед!

Динь рванулась вверх по одному из стволов. Но никто за ней не последовал. Потому что в этот самый момент пираты со страшной силой напали на индейцев. Наверху, где только что было все тихо, воздух огласился криками и звоном оружия. Внизу воцарилась мертвая тишина. Все взоры обратились на Питера,

руки умоляюще вскинулись в его сторону, как бы прося защиты и спасения. Питер схватил свою саблю. Глаза его светились решимостью защитить их всех, если индейцы проиграют сражение.

Глава двенадцатая

ДЕТИ ПОХИЩЕНЫ

Пираты застали краснокожих врасплох. Лишнее доказательство того, что бессовестный Крюк атаковал их нечестно, потому что практически застать индейцев врасплох невозможно. Они каждую минуту насторожены и всегда все слышат своим острым слухом и все замечают острым зрением.

О том, что пираты на острове, они знали с того момента, как первый из них наступил на первый же сухой сучок. Но они никак не думали, что Крюк посмеет нарушить порядок, в соответствии с которым всегда ведется дикарская война. Во-первых, нападать полагается индейцам, а не белым. Бледнолицые обычно располагаются на холме, у подножия которого течет ручей. Потому что это чрезвычайно опасно — остаться без воды. Краснокожие разведчики, как змеи, ползают в траве, и ни одна травинка не шелохнется. Кустарник смыкается над ними так бесшумно, как песок, в который зарывался крот. Тишину нарушают только их сигналы друг другу. Это подражание одинокому крику койота. У некоторых этот крик выходит даже лучше, чем у самих койотов, которые в этом не всегда достигают совершенства. Индейцы нападают, едва забрезжит рассвет, когда мужество бледнолицых обычно находится в упадке.

Зная все эти неписанные правила, индейцы со свойственной им невозмутимостью ждали, когда настанет подходящий для нападения час.

Но Крюк и его банда даже ни на мгновение не задержались на холме, у подножия которого протекал ручей. Они не считались с тем, что ночь еще только началась. Даже ни на секунду не задумались, чтоб подождать, когда на них нападут.

Краснокожие были искушенными воинами, ловкими и хитрыми. Они терялись только перед бесчестностью.

Они, может, и сумели бы отразить пиратскую атаку, если бы сразу вскочили при их появлении и построились цепью, которую трудно прорвать. Но и тут они не могли нарушить неписанный закон, который гласит, что благородный дикарь никогда не должен обнаружить растерянность перед лицом бледнолицего. Поэтому, когда внезапно появились пираты, ни один мускул не дрогнул у них на лицах, точно те явились по их собственному

приглашению. И только после того, как мужественно был исполнен закон, они схватились за оружие и воздух огласился воинственными криками. Но время было уже упущено.

Сторожевой отряд индейцев был разбит, но основная пиратская задача этой ночи не была еще выполнена, потому что не краснокожие были заботой Джеза Крюка. Они были всего лишь пчелами, которых надо отогнать дымом, чтобы можно было добраться до меда. А медом для Крюка был Питер. Конечно, и Венди, и вся мальчишечья команда. Но главным образом — Питер.

Питер был таким маленьким мальчиком, что, право же, удивляешься глубине ненависти Крюка. Ну, что правда, то правда, Питер скормил крокодилу кусок его руки. Но Питер победил в честном бою. Так что этот случай не мог бы объяснить такую жажду безжалостной и злобной мести. А дело заключалось в том, что было в Питере нечто, что доводило пиратского капитана до бешенства. Вовсе не мужество Питера и не его привлекательная наружность. Впрочем, тут и гадать нечего, нам точно известно, в чем дело, что мы и должны прямо объявить. Это его зазнайство. Оно действовало Крюку на нервы. По ночам оно его беспокоило, точно насекомое. Пока Питер оставался в живых, Крюк чувствовал себя львом в клетке, куда залетел нахальный воробей.

Весь вопрос для пиратов теперь заключался в том, как спуститься вниз по пустым стволам. Крюк оглядел свою команду. Глаза его выискивали самого худого. Пираты беспокойно ерзали. Каждый из них знал, что Крюк не остановится перед тем, чтобы пропихнуть их через стволы при помощи кольев.

А что же мальчишки? Давайте спустимся к ним на минутку.

Грохот наверху закончился так же внезапно, как и начался. Но, пошумев, как гроза, он решил теперь их судьбу.

Кто победил?

Пираты жадно прислушивались к голосам, доносившимся через пустые стволы. Они слышали вопрос, который задали Питеру мальчишки. Увы! Они подслушали и его ответ.

— Если победили индейцы, они будут бить в тамтам. Это у них означает победу.

Незадолго до этого Сми как раз наткнулся на тамтам и теперь на нем восседал.

— Как же, сейчас, услышишь ты победный тамтам, — пробормотал он себе под нос.

Но к страшному его удивлению, Крюк велел ему бить в тамтам. И понемногу до Сми дошло чудовищное коварство этого приказа. Может быть, до этой минуты простак Сми так не восхищался Крюком.

Сми дважды ударил по инструменту и потом остановился, чтобы послушать.

— Тамтам! — услышали негодяи радостный возглас Питера. — Индейцы победили!

Обреченные мальчики ответили ему дружным «ура». И это «ура» отозвалось музыкой в черных душах тех, кто ждал наверху. Мальчишки снова попрощались с Питером. Это слегка озадачило пиратов, но в тот момент всякие чувства затмевались в их сердцах одним — радостью, что враги сами сейчас поднимутся к ним по стволам. Они злорадно ухмылялись и потирали руки. Крюк шепотом отдал приказание: по пирату к каждому дереву, всем остальным выстроиться в цепь на расстоянии двух ярдов друг от друга.

Глава тринадцатая

ВЫ ВЕРИТЕ, ЧТО СУЩЕСТВУЮТ ФЕИ?

Первым на поверхность выскочил Кудряш. Он тут же оказался в объятиях Чекко, который швырнул его Сми, а тот швырнул его в руки Старки, который в свою очередь швырнул его Билу Джуксу, и так далее, пока он не свалился под ноги огромному негру. Всех мальчишек вытаскивали, как репу из грядки, за волосы самым безжалостным образом, едва только их головы показывались наружу. Их швыряли от одного к другому, как на пристанях перешвыривают тюки с товаром — с рук на руки, по конвейеру.

Совсем иного обращения удостоилась Венди, которая выходила последней. С иронической любезностью Крюк предложил ей руку, не забыв предварительно снять шляпу и изысканно поклониться. Он сам проводил ее к тому месту, где всем другим уже засовывали в рот кляп. Но мало того, их еще складывали пополам и перевязывали веревками, как свертки.

Все шло спокойно до тех пор, пока дело не дошло до Малышки. Оказалось, что из него получался тот самый сверток, который никак не удастся обвязать веревкой. Только ты его обвяжешь, как оказывается, что второй конец веревки остался такой коротенький, что не получается узла. И сверток при этом выскальзывает из рук, и все надо начинать сначала. Пираты поддавали ему ногами от злости, как обычно поддают свертку, который не желает увязываться (хотя, по справедливости, наподдать надо было бы веревке); странно сказать, не кто иной, как Крюк, велел им перестать. На его лице заиграла улыбка злобного торжества. Малышка, бледный до самой шеи, понял, что Крюк открыл его секрет. Крюк догадался, что в дереве, по которому спускался в дом этот пухлый парень, не застрянет и взрослый человек средних размеров. Малышка сразу сообразил, какой опасности под-

вергается из-за него Питер. Все дело в том, что он не умел удерживаться от питья воды в жару, пил жадно и помногу. И вместо того чтобы сбросить вес и соответствовать своему дереву, как это требовал Питер, он выдолбил проход по своему размеру.

Как только Крюк это понял, он понял и то, что Питер теперь в его руках. Но он ни словечком не выдал тот дьявольский план, который сейчас созрел в глубинах его черного сознания. Он лишь отдал распоряжение, чтобы пленников отвели на корабль. Только вот каким образом? Связанных их, конечно, можно было бы катить, как бочки, но часть пути проходила по болотам, где они могли бы утонуть. Но острый ум Крюка преодолел и эту трудность. Он приказал, чтобы маленький домик был использован как перевозочное средство. Ребят покидали в домик, четверо дюжих пиратов подняли его на плечи, а остальные пошли следом, распевая свои кровожадные пиратские песни. Странная процессия двинулась через лес.

Первое, что сделал Крюк, оставшись в одиночестве в густеющей ночной темноте, — подошел на цыпочках к Малышкиному дереву. Он хотел убедиться, что проход ему обеспечен. Потом он долго стоял неподвижно, по-видимому о чем-то размышляя. Спит ли этот мальчишка или поджидает его возле самого широкого дерева с кинжалом в руке? Узнать было невозможно, иначе как спустившись вниз. Крюк сбросил плащ на землю и, закусив губу, сделал шаг к дереву. Он не был трусом. Но в этот момент он помедлил, чтобы отереть пот со лба, который капал с него, как воск с оплывающей свечи. Потом, решившись, стал быстро спускаться навстречу неизвестности.

Он добрался благополучно до конца ствола. По мере того как его глаза осваивались в тусклом освещении, разные предметы в подземном доме стали приобретать очертания. Но только один из них приковал его жадный взгляд. Это была большая кровать. На этой кровати лежал Питер и крепко спал.

Нисколько не догадываясь о трагедии, которая разыгралась наверху, Питер, после того как все ушли, еще некоторое время поиграл на своих свирелях. Это была, конечно, довольно слабая попытка доказать самому себе, что ему на всех наплевать. Потом, чтобы досадить Венди, он решил ни за что не принимать лекарства. Потом он лег на кровать поверх одеяла, чтобы огорчить ее еще больше. Потом он чуть не расплакался, но тут ему пришло в голову, как негодовала бы Венди, если бы он в подобной ситуации смеялся. И он надменно рассмеялся и заснул, так и не успев досмеяться до конца.

Так он и лежал перед Крюком, ни о чем не подозревающий и беззащитный.

Отдадим справедливость Крюку, картина, которую он увидел, растрогала его. Может быть, он и вернулся бы тем же путем

обратно, не причинив Питеру вреда, если бы не одно обстоятельство.

Его смутило то, что у Питера во сне был вид дерзкий и вызывающий. Рука свесилась с кровати, нога согнута в коленке, рот приоткрыт, видны жемчужные молочные зубы. Просто воплощение нахальства! Сердце Крюка сделалось холодным, как сталь. Если бы его в ту минуту разорвало в клочки от своей ярости, то это ничему бы не помогло. Каждый его кусочек, не обращая внимания на происходящее, кинулся бы на спящего Питера.

При первой же попытке сделать шаг к кровати, Крюк натолкнулся на препятствие. Это была дверь. Оказывается, она не доходила до дверного проема, и все, что Крюку удалось до сих пор рассмотреть, он созерцал сквозь щель. Щеколда на двери была расположена низко, и Крюку, сжатою стволом дерева, было до нее не достать. Он заскрипел зубами от злости. Неужели и на этот раз враг его останется невредимым?

Но что это? Красный злой огонек в его глазах высветил лекарство Питера, которое стояло на краю стола. До него было легко дотянуться, потому что рука Крюка проходила в щель между проемом и дверью. Он понял, что спящий в его власти.

Чтобы не попасть в руки врага живым, Крюк всегда носил с собой в пузыречке отраву, которую он составил сам из всех ядов, которые когда-либо попадались ему в руки. Это была желтоватая жидкость, неизвестная науке, самая смертоносная из всех ядов на свете.

Он накапал пять капель в чашку с лекарством. Рука его дрожала. От возбуждения, а не от угрызений совести. Затем он бросил злорадный взгляд на спящего Питера и ужом выполз из дерева наверх. Вид у него был такой, точно сам дух зла покидает преисподнюю. Он надвинул шляпу на глаза, обернулся плащом, точно стараясь отгородиться от ночи, и, бормоча какие-то странные слова, осторожными шагами углубился в лес.

Питер продолжал спать. Было, должно быть, не меньше десяти часов по крокодиловскому времени, когда он вдруг резко сел на кровати. Что-то его разбудило, но он не знал что. Это было мягкое, тихое постукивание в дверь.

— Кто там?

Долго не было ответа. Потом опять раздался стук.

— Я не открою, пока мне не скажут, кто стучит.

Тогда в ответ послышался нежный звон колокольчика:

— Открой мне, Питер.

Это была Динь. Он быстренько отпер дверь. Она влетела в комнату. Лицо ее было красное, платье в грязи.

— Что случилось?

— Ты ни за что не догадаешься. Угадай до трех раз.

— Говори немедленно,—приказал Питер.

Одним предложением, длинным, как лента фокусника, которую он вынимает у себя изо рта, Динь поведала о том, как пираты захватили в плен Венди и всех мальчишек.

Сердце у Питера обрывалось и подскакивало, пока он слушал ее.

— Я спасу ее! — крикнул он, бросаясь к своему оружию.

Пока он вооружался, он подумал, что может сделать приятную для Венди вещь. Принять лекарство! Его рука потянулась к чашке.

— Нет! — взвизгнула Динь-Динь, которая слышала, как Крюк бормотал что-то о том, что он отравил лекарство.

— Почему нет?

— Оно отравлено.

— Отравлено? Кто бы это мог его отравить?

— Крюк.

— Не говори глупостей! Как бы это Крюк мог умудриться сюда попасть?

Увы, Динь-Динь не могла этого объяснить, потому что она не знала мрачного секрета Малышкиного дерева. Однако слова Крюка не оставляли ни малейших сомнений. В чашке был яд.

— Кроме того, — сказал Питер, уверенный в том, что говорит истинную правду, — я ни на минуту не смыкал глаз.

Он поднес чашку ко рту. Времени для объяснений не было. Надо было действовать. Динь молнией метнулась между его губами и краями чашки и так же молниеносно осушила ее.

— Динь, как ты смела выпить мою микстуру?

Но она не ответила. Она падала, переворачиваясь в воздухе.

— Что с тобой, Динь? — испугался Питер.

— Оно было отравлено, Питер, — сказала она ему ласково. — И теперь я умру.

— Динь, ты выпила яд, чтобы спасти меня?

— Да.

— Но почему, Динь?

Крылья почти уже не держали ее. Но она собрала силы и тихонечко коснулась его подбородка. Она прошептала ему на ухо:

— Дурачок ты.

Потом еле-еле добралась до своей комнатки и упала на свою кровать. Огонек ее угасал. Она что-то шептала. Питер с трудом разобрал ее шепот. Она говорила, что ей, может быть, могло бы помочь, если бы много ребят сказали, что они верят в фей.

Питер широко раскинул руки. Что делать? На острове нет ребят, но он обратился к тем, кто в этот момент видел остров Нетинебудет во сне, и поэтому находился к нему гораздо ближе, чем вы думаете. В этот момент сна девочки и мальчики в ночных

рубашечках в своих кроватях и голенькие индейские ребятишки в своих корзинках — все оказались на деревьях острова.

— Вы верите, что феи существуют? — крикнул им Питер.

Динь приподнялась на кровати, ожидая приговора.

— Если верите, хлопайте в ладоши! Хлопайте, не дайте Динь умереть!

Раздалось много хлопков. Некоторые не хлопали. Некоторые негодяи даже зашикали.

Вдруг аплодисменты прекратились. Точно тысячи матерей в один и тот же момент бросились к своим детям узнать, что с ними, в конце-то концов, происходит. Но Динь уже была спасена.

Сначала понемногу окреп ее голосок. Потом она выпрыгнула из кровати. Ее огонек заметался по комнате, более веселый и дерзкий, чем прежде.

— Теперь надо спасти Венди! — воскликнул Питер.

Луна плыла в облаках, когда Питер выбрался наверх, весь опоясанный оружием. Он хотел было полететь низко над землей, но его тень, которой пришлось бы продираться через кроны деревьев, могла переполошить птиц, а это дало бы знать врагам, что он жив и действует. Легкий снежок, который выпал недавно, запорошил все следы.

Питер научил ребят кое-какой лесной премудрости, которую сам перенял от Тигровой Лилии и Динь-Динь. Он знал, что Малышка, если б мог, оставил бы зарубки на деревьях, а Кудряш накидал бы камешков. Возможно, что Венди кинула бы носовой платок где-нибудь на видном месте. Но чтобы обнаружить все это, пришлось бы дожидаться рассвета, а он не мог терять времени.

Питер произнес страшную клятву: «На этот раз — или Крюк, или я!»

Он шел, пригибаясь к земле, невидимый и неслышимый. Потом распрямился и побежал, придерживая рукой обнаженный кинжал.

Глава четырнадцатая

НА ПИРАТСКОМ КОРАБЛЕ

Крошечный зеленый огонек, поблескивавший недалеко от устья реки, показывал, где находится пиратский корабль «Веселый Роджер». Это было ободранное судно, низко сидящее в воде, отвратительное до последней мачты. Это был мерзкий морской людоед, которому не нужны были никакие сторожевые вахты. К нему все равно не подошло бы никакое морское судно, в ужасе от одного только имени этого корабля.

Ночь окутывала его плотным одеялом. На берег не доносилось с него ни единого звука. Да и вряд ли эти звуки могли быть приятными, кроме разве что жужжания швейной машинки, за которой сидел Сми. Сми был такой обыкновенный, такой ничем не замечательный, что порой казался даже трогательным. Я не знаю, что в нем трогало. Может, то, что он об этом своем качестве никогда не догадывался. Он даже пару раз за лето вызывал слезы на глазах у Крюка. Правда, и об этом он не имел ни малейшего представления.

Кое-кто из пиратов, облокотившись о фальшборт, распивал джин, другие растянулись возле бочек, играя в карты и в кости. Те четверо, что несли домик, валялись на палубе, измученные тяжелой ношей, и спали. Но даже во сне они не забывали откатиться подальше от Крюка, чтобы он ненароком не всадил в них свой железный коготь.

Крюк вышагивал по палубе, погруженный в свои мысли. Это был час его торжества. Питер наконец-то был навсегда устранен с его пути. Все остальные мальчишки были на бриге, и скоро их ожидала планка. Это была доска, нависшая над морской пучиной. Когда человек доходил до ее конца, временно закрепленный другой ее конец освобождался, и несчастный летел в воду на съедение акулам.

Крюк шагал твердо, но радости не чувствовалось в его поступи. Крюк был подавлен. Им часто овладевало такое настроение, когда он оставался наедине с собой в ночной тишине. Он был, в общем-то, очень одиноким человеком. Пираты, его верные собаки, не были его друзьями.

Крюк было его прозвище, а не настоящее имя. Он был из хорошей семьи и окончил когда-то привилегированную школу. Кое-что из ее традиций все еще оставалось в нем. И в особенности забота о том, чтобы быть всегда в хорошей форме.

В хорошей ли форме он сейчас? Вот над чем размышлял мрачный Крюк.

Но мысли не приносили ему утешения, потому что он не мог решить, значит ли это быть в форме, когда мысли о ней лезут в голову? Эта проблема терзала его. Его вдруг посетило предчувствие скорого конца. Точно страшная клятва Питера достигла в этот момент корабля. Потом его ошеломила мысль: «Меня всегда не любили дети». Странно, что он подумал о том, что никогда в жизни его не заботило. Швейная машинка, что ли, нагоняла на него меланхолию? Да! Дети его всегда боялись. Вот Сми-то они почему-то не боятся! Он им даже вроде бы нравится. Чем же он им нравится? Может быть, тем, что умеет быть в форме? Боцман всегда был в хорошей форме, хотя сам не догадывался об этом. А не догадываешься — это и есть лучшая форма! Он уже занес свой коготь над Сми, но остановился. Уда-

рить человека за то, что он в форме? Что это должно было означать? То, что ты сам в плохой форме!

— Свистать всех наверх! — отдал он команду громовым голосом. — Вывести пленников.

Бедных узников, всех, кроме Венди, выстроили перед ним.

— Так вот что, паршивцы, — обратился к ним Крюк. — Шестеро из вас сейчас прогуляются по дощечке, но мне нужны два юнги. Кто из вас будет мне служить?

Когда они еще сидели в трюме, Венди велела им: «Не раздражайте его понапрасну». Поэтому послушный Болтун сделал шаг вперед. И хотя ему была неприятна мысль покоряться такому мерзкому человеку, как Крюк, он начал очень вежливо:

— Я не думаю, сэр, чтобы моей матери была симпатична мысль, что ее сын сделался пиратом. И твоей тоже, Малышка, а? Он подмигнул Малышке.

— И я думаю: да, она бы не захотела, — сказал Малышка с таким видом, точно желал бы, чтобы это было наоборот. — А ваша мама, Двойняшки, захотела бы, чтобы вы стали пиратами?

— Вряд ли, — ответил один из Двойняшек.

— А твоя мама, Кончик...

— Прекратите! — завопил Крюк. — Вот ты, мальчик, — обратился он к Джону, — разве ты никогда не хотел быть пиратом?

Джон действительно иногда мечтал об этом, когда его заставляли решать задачки по арифметике. Его поразило, что Крюк об этом догадался.

— Хотел. И чтобы меня называли Джек Красная Рука.

— Хорошее имя, — подтвердил Крюк. — Мы будем так тебя называть, если ты станешь пиратом.

— Как ты думаешь, Майкл? — спросил Джон.

И вдруг Крюк по его глазам понял, что тот просто дурачит его и оттягивает время. Он взорвался:

— Хватит! Готовьте планку и приведите сюда их мамашу!

Они были всего лишь мальчишками, и они побелели от ужаса, видя, как Джукс и Чекко привязывают доску. Но они постарались выглядеть молодцами, когда на палубу вывели Венди.

Трудно было даже выразить словами, как Венди презирала пиратов. Еще для мальчишек в самом слове «пират» было что-то захватывающее. А она увидела лишь то, что судно не драилось годами. Все так заросло грязью и пылью, что не было ни одного предмета, на котором нельзя было бы написать пальцем «дурак». И она кое на чем уже написала.

— Так вот, красавица, — сказал Крюк сладким голосом, точно он сидел в сахарном сиропе. — Сейчас ты увидишь, как твои деточки прогуливаются по планочке.

— Они должны умереть? — спросила она, глядя на него с таким презрением, что он чуть не потерял сознание.

— Обязательно! — зарычал он. — Тихо! Мать скажет прощальное слово своим детям.

Венди была великолепно в этот момент.

— Вот мое последнее слово к вам, дорогие мои мальчики. Я знаю, что должна передать вам от ваших настоящих матерей. Они всегда говорят в таких случаях: «Если нашим детям суждено умереть, пусть они умрут мужественно и гордо».

От этой речи даже пираты растерялись и растрогались. Первым пришел в себя, конечно, Крюк.

— Привязать ее!

Ее привязывал Сми. Он шепнул ей:

— Послушай, милая, я спасу тебя, если ты согласишься стать моей мамой.

Но даже симпатичному Сми она не могла этого обещать.

— Я предпочту остаться бездетной, — сказала она презрительно.

Крюк сделал шаг по направлению к Венди. Он собирался повернуть ее лицо таким образом, чтобы она видела, как ее дети погибнут один за другим. Но он не дошел до нее. Он никогда не услышал страдальческого стога, который хотел из нее исторгнуть. Он услышал нечто иное.

Это было ужасное тик-так крокодила.

Все они — и пираты, и мальчишки, и Венди — услышали тиканье, и все взоры, как флюгера от ветра, повернулись в одну сторону. Все глядели не туда, откуда доносились звуки, а на Крюка. Всем было ясно: то, что должно сейчас произойти, касается его одного; в один миг они превратились из действующих лиц в зрителей.

Было страшно наблюдать, как Крюк меняется в лице. Он рухнул на палубу. Всеми владела одна и та же мысль: крокодил вот-вот поднимется на корабль.

Другой бы на месте Крюка так и остался бы лежать без чувств. Но деятельный мозг Крюка заработал. Он стал на четвереньки и отполз в дальний конец палубы.

— Спрячьте меня, — прохрипел он.

Пираты окружили Крюка, не глядя туда, откуда мог появиться крокодил. Они не собирались сражаться с ним. Это была сама судьба.

Когда мальчишки перестали видеть Крюка, страх уступил место любопытству. Они все ринулись к тому борту, откуда доносилось тиканье часов, чтобы увидеть, как крокодил карабкается на борт. И тут им предстоял самый большой сюрприз этой Ночи Ночей. Потому что вовсе не крокодил спешил им на помощь. Это был Питер. Он подал им знак, чтобы они сдержали готовый сорваться вопль восхищения, и продолжал тикать.

«НА ЭТОТ РАЗ — ИЛИ КРЮК, ИЛИ Я!»

Странные вещи случаются с нами иногда в жизни. А мы даже не замечаем, что они происходят. Так, например, мы вдруг обнаруживаем, что какое-то время были глухи на одно ухо, ну, скажем, в течение получаса. Такое произошло с Питером в ту самую ночь. Мы оставили его на острове, когда он крался по берегу, прижимая палец к губам, а в другой руке держа наготове кинжал. Он видел, как мимо прошел крокодил, и не нашел в этом ничего необычного. Но постепенно до сознания Питера дошла удивительная вещь: крокодил не тикал. Спервоначально ему стало жутко, а потом он сообразил, что часы просто испортились. Нимало не забываясь о том, что может чувствовать живое существо, которое так внезапно лишилось своего постоянного спутника, Питер быстро понял, как он может обернуть это открытие в свою пользу. Он решил сам тикать, чтобы дикие звери подумали, что он крокодил, и дали ему пройти невредимым. Он тикал великолепно. Только одну вещь он упустил из виду. Крокодил тоже оказался среди тех, кто слышал тиканье часов. И он устремился следом. То ли решив, что он сможет получить назад свою потерю, то ли из дружеских чувств решив, что часы вырвались на волю и тикают сами по себе и не худо бы с ними встретиться. Этого никто никогда не узнает. Ясно одно: что крокодил, как и всякое существо, одержимое навязчивой идеей, был глупым животным.

Питер благополучно добрался до берега и вошел в воду, как бы не замечая перемены стихии. Так входят в воду многие звери, а люди, насколько я знаю, никогда.

Он плыл, и только одна мысль все время вертелась в его голове: «На этот раз — или Крюк, или я!»

Он уже так долго тикал, что теперь продолжал тикать, сам того не замечая. Если бы он делал это сознательно, то в воде он бы перестал тикать, потому что там не было диких зверей, а гениальная идея попасть на корабль, изображая тикающего крокодила, ему еще не пришла в голову. Наоборот, он страшно удивился, что все пираты отпрянули от борта, а Крюк в страхе спрятался за их спины, будто на него шел крокодил.

Крокодил! Как только Питер о нем вспомнил, он сам словно впервые услышал собственное тиканье. «Какой я умный!» — решил он тут же и сделал мальчишкам знак, чтобы они вдруг не разразились аплодисментами.

В этот самый момент квартирмейстер Эд Тинт, покинув полубак, появился на палубе.

А теперь, дорогой читатель, засекай время героического происшествия на своих часах. Питер ударил Тинта изо всех сил. Джон

зажал ему рот рукой. Тинт стал падать ничком, и четверо мальчишек подхватили его, чтоб грохот от падения тела не услышали пираты. Питер жестом дал команду, и квартирмейстер полетел за борт. Раздался плеск. Потом наступила тишина.

Сколько времени прошло?

— Один! — Малышка открыл счет.

Выждав немного, Питер на цыпочках пробрался в каюту. Он не собирался ограничиться одним выброшенным за борт пиратом. Остальные пираты поняли, что они слышат свое дыхание.

— Он уплыл, капитан, — сказал Сми, протирая свои очки. — Все тихо.

Крюк медленно поднял голову и прислушался. Он вслушивался так старательно, что, казалось, он расслышал бы не только тиканье часов, но даже и эхо от него. Не было слышно ни звука, и он поднялся на ноги.

— Ну, тогда да здравствует Джон Доска! — закричал он бесстыдно, еще больше, чем прежде, ненавидя мальчишек за то, что они видели его унижение. И он громким голосом запел мерзкую пиратскую песенку:

Йо-хо, йо-хо, дрожит доска,
Роняет глаз слезу,
Там ждут селедка и треска
И Дэви Джонс — внизу.

Слегка роняя свое достоинство, он отплясывал перед ними, изображая, как он идет по доске и как он падает в воду.

— Не хотите ли, чтобы кошечка погладила вас перед прогулкой?

— Нет, нет, — умоляюще кричали мальчишки, и все, как один, попадали на колени. Пираты злорадно ухмылялись.

— Джукс! — закричал Крюк. — Принеси кошку, она в каюте.

В каюте! Но в каюте был Питер! Мальчишки переглянулись.

— Есть, сэр, — отозвался Джукс. И направился к каюте.

Они следили за ним взглядом. Они даже почти и не услышали, что Крюк снова затянул песню, а все его послушные собаки-пираты подхватили:

У кошки когти — йо-хо-хо!
И целых семь хвостов.
Они пройдутся по спине...

Что говорилось в последней строчке, мы никогда не узнаем, потому что песню остановил пронзительный вопль, донесшийся из каюты. Он пролетел по всему кораблю и смолк. После чего раздался петушиный крик, который был так хорошо знаком мальчишкам,

а пиратам показался еще более жутким, чем вопль минуту назад.

— Что это? — спросил Крюк.

— Два, — торжественно продолжил счет Малышка.

Итальянец Чекко поколебался мгновение, но потом пошел в сторону каюты. Он вышел оттуда шатаясь.

— Что с ним случилось, отвечай, пес! — накинулся на него Крюк.

— Он мертв. Заколот кинжалом.

— Бил Джукс мертв? — завопили перепуганные пираты.

— В каюте темно, как в преисподней, но там что-то есть. Что-то ужасное, что кричит петухом.

— Чекко, — сказал Крюк, и в голосе его слышалась сталь. — Иди туда и принеси мне из каюты этого петьку.

— Не пойду! — завопил дрожащий Чекко.

Но Крюк показал ему свой коготь:

— Ты говоришь, что идешь, да?

Больше уже никто не распевал. Пираты прислушивались. И опять раздался предсмертный вопль и веселое кукареканье.

И Малышка сказал:

— Три.

— Печенки-селезенки, черт и дьявол, кто же наконец вытащит оттуда этого петуха?

— Подожди, пока выйдет Чекко, — сказал Старки.

— Кажется, ты вызываешься идти, Старки? — сказал Крюк ласковым голосом.

— Нет, черт возьми! — сказал Старки.

— А мой крюк думает иначе. И он никогда не ошибается.

Старки оглянулся вокруг в поисках поддержки, но все отвернулся. Старки пятился, а Крюк наступал на него. С воплем Старки вскочил на Длинного Тома и оттуда сверзился в воду.

А Малышка сказал:

— Четыре.

— Кому-нибудь хочется бунтовать? — произнес Крюк тоном изысканной вежливости и сам направился к каюте.

«Пять!» — так и хотелось сказать Малышке. Он уже облизнул губы и приготовился это произнести, как Крюк, где-то потевший свой фонарь, качаясь вывалился из каюты.

— Что-то погасило мой фонарь, — сказал он. Голос плохо его слушался.

— Что-то! — точно эхо отозвались пираты.

— А что с Чекко?

— Мертв, так же как и Джукс, — отрезал Крюк.

— Мы пропали, — пронеслось среди пиратов. — Наш корабль обречен!

В ответ на это мальчишки не сдержали радостного возгласа. Крюк было забыл о них. Теперь он резко к ним повернулся.

— Братва,— крикнул он пиратам,— открывайте дверь каюты и втолкните их туда. Пусть дерутся с этим петухом не на жизнь, а на смерть. Если они его убьют, тем лучше для нас. Если он их убьет, нам от этого хуже не станет.

В последний раз его верные собаки пришли в восторг от своего хозяина. Мальчишки, разыгрывая сопротивление, вломились в каюту, и дверь за ними замкнулась.

— Теперь прислушайтесь! — скомандовал Крюк и сам стал прислушиваться. Смотреть на дверь никто не смел. Нет, один человек смел — Венди, которая все это время оставалась привязанной к мачте. Она не ждала ни воплей, ни кукареканья. Она ждала Питера.

Ей не пришлось долго ждать. В каюте Питер нашел то, что ему было нужно: ключ от наручников, чтобы освободить мальчишек. Они вооружились, чем могли. Сначала Питер велел им спрятаться и выскользнул из каюты незамеченным. Он быстро разрезал веревки, которыми была опутана Венди. А потом ничего не было легче, как просто всем вместе удрать с корабля.

Но одно препятствие все же преграждало им дорогу, это была клятва: «На этот раз — или Крюк, или я!»

Когда Питер освободил Венди, он шепнул ей, чтобы она спряталась вместе с остальными, а сам стал к мачте, завернувшись в ее плащ так, чтобы его нельзя было узнать. Он набрал в легкие воздух и закукарекал.

Пираты решили, что этот голос возвещает гибель всех мальчишек. Они пришли в страшную панику. Крюк пытался их успокоить. Но он сам сделал из них собак, и они теперь показывали ему клыки. Он не сводил с них глаз. Ему было ясно: стоит только отвернуться, как они кинутся на него.

— Ребята, я догадался,— сказал он.— Никогда еще не было счастья пиратскому судну, когда на борту его находилась женщина.

Кто-то вспомнил, что вроде бы Флинт¹ когда-то говорил то же самое.

— Швырните девчонку за борт,— скомандовал Крюк.

— Теперь уж тебя никому не спасти, голубка,— прошипел Муллинз.

— Нет, есть кому,— ответила фигура, завернутая в плащ.

— Кто же это?

— Питер Пэн, мститель,— раздался грозный ответ.

Говоря это, Питер сбросил плащ. Теперь стало ясно, кто уничтожил пиратов в каюте. Крюк дважды пытался заговорить, и оба раза слова не шли у него с языка. В этот ужасный момент, думаю я, его жестокое сердце разбилось. Наконец он выкрикнул:

¹ Знаменитый капитан пиратов, гроза морей.

— Порубить его на котлеты!

Но его голосу как-то не доставало уверенности.

— Ко мне, мальчишки! — позвал Питер.

Через мгновение корабль наполнился звоном оружия. Может, пираты и победили бы, если бы они сражались дружно. Но натиск застал их рассеянными в разных местах, и они метались по палубе, и каждый из них считал, что он единственный пока еще остался в живых. Некоторые из негодяев со страху сами попрыгали в воду, другие прятались в темных углах, где их отыскивал Малышка. Он не сражался оружием. Он носился с фонарем в руках и ослеплял пиратов, которые легко попадали другим мальчишкам на нож. Было слышно, как Малышка монотонно отсчитывал — пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать.

Они расправились со всеми, и остался один только Крюк, но он стоял всех пиратов, вместе взятых.

— Мечи в ножны, ребята! — вдруг закричал Питер. — Этот человек принадлежит мне.

Так неожиданно для себя Крюк оказался лицом к лицу с Питером. Остальные отошли и образовали вокруг них кольцо.

Долго-долго смотрели они друг на друга.

— Заносчивый и высокомерный мальчишка! — сказал Крюк. — Готовься встретить свою судьбу.

— Злой и мрачный мужчина, я тебя одолею, — сказал Питер.

Больше ни слова не говоря, они скрестили оружие. Вначале ни на чьей стороне не было преимущества. Питер был отличным фехтовальщиком. Но его рука была много короче, чем рука капитана Крюка. Крюк тоже великолепно фехтовал, но ему не доставало гибкости. Победа в открытом бою не давалась ему. И тогда он решил применить хитрость. Продолжая парировать удары левой рукой, он размахнулся правой и хотел вонзить в Питера свой железный коготь. Но Питер увернулся, и страшное оружие, отскочив от палубы, вонзилось острием негодяю под ребра. Непривычный вид собственной крови был непереносим для Крюка. Шпага выпала у него из руки, Питер мог делать с ним все, что угодно.

— Ну же! — закричали мальчишки.

Но Питер царственным жестом предложил ему поднять шпагу и продолжить бой. Крюк мгновенно ее поднял, но трагическое ощущение, что враг выказывает хорошую форму, сильно смущало его душу.

— Пэн, кто ты такой, в конце концов? — закричал он.

— Я юность, я радость, я маленькая птичка, проклянувшаяся из яйца! — весело ответил Питер.

Это был, конечно, вздор. Но он лишний раз доказывал, что Питер не осознает себя, а это уже было самой сутью хорошей формы.

Крюк продолжал сражаться без всякой надежды на победу.

Ему уже было, в общем-то, все равно. Одного только жаждало его сердце, прежде чем остыть навсегда: увидеть, как Питер продемонстрирует плохую форму. Он прекратил сражение и ринулся в пороховой склад. Там он поджег фитиль.

— Через две минуты корабль взорвется! — завопил он.

Вот теперь-то, теперь наконец-то он увидит его истинную форму! Но Питер спокойно спустился в пороховой склад, так же спокойно вернулся и выбросил горящий фитиль за борт.

Джеймс Крюк, с этой минуты переставший быть героической личностью, прощай навсегда!

Потому что мы теперь подошли к его последней минуте. Видя, что Питер наступает на него, нацелив кинжал, он отступил и взобрался на фальшборт. Он не знал, что в воде его поджидает крокодил. Но он все же испытал под конец свой последний триумф, и мы постараемся не отнестись к нему пристрастно. Стоя на фальшборте, Крюк видел через плечо подлетавшего к нему Питера. Выждав момент, пират нагнулся, и Питер, вместо того чтобы ударить кинжалом, лягнул его. Наконец-то злодей добился своего.

— Плохая форма! — воскликнул он глуумливо и, довольный, отправился к крокодилу в пасть.

Так погиб Джеймс Крюк.

— Семнадцать, — пропел Малышка.

Но цифра его не была совсем точной. Пятнадцать из них получили в эту ночь по заслугам за все их злодеяния. Двое доплыли до берега. Старки сразу попал в руки к индейцам, и они приставили его нянькой к своим ползункам. Печальный конец пиратской карьеры, не правда ли?

И еще — Сми, который с этого дня бродил по миру в черных очках и рассказывал людям басню о том, что он был единственным человеком, которого боялся покойный капитан Крюк.

Венди, конечно, находилась в стороне от схватки и наблюдала за Питером, полная беспокойства и страха за него. Но теперь, когда все было кончено, она опять заняла место мамы.

Она похвалила мальчишек за отвагу, всех поровну, а затем повела в каюту и показала им часы Крюка, которые висели на стене. На них было половина второго ночи.

То, что они не спят в такую поздноту, показалось им гвоздем всего приключения. Она быстренько уложила их спать на пиратских нарах. Всех, кроме Питера, который с важным видом расхаживал по палубе, пока не уснул прямо на досках рядом с Большим Томом. Ему что-то приснилось, и он закричал во сне. И Венди вышла к нему и посидела с ним рядом, глядя его по голове.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Когда наутро пробили две склянки, они все уже были на ногах. Шла напряженная морская жизнь. И боцман Болтун тоже, конечно, находился среди них, держа в руках конец каната и жуя табак. Все они обрядились в пиратские одежды, подрезанные в рукавах и у колен, ходили по палубе враскачку и подтягивали штаны, как заправские моряки.

Не надо говорить, кто был их капитаном. Кончик и Джон были первым и вторым помощниками капитана.

Питер велел свистать всех наверх и произнес речь перед всей командой. Он им сказал, что надеется, что они все выполнят свой долг, как настоящие матросы, а если вздумают бунтовать, то он их растерзает в клочки. Затем было отдано несколько отрывистых команд, и корабль развернулся и взял курс на материк.

Капитан Пэн, хорошенечко изучив корабельные карты, пришел к выводу, что если ветер не изменит направления, то они достигнут Азорских островов к 21 июня, оттуда им выгоднее будет лететь, чтобы выиграть время.

Некоторые из них желали, чтобы их корабль был честным кораблем, другие хотели, чтобы он остался по-прежнему пиратским. Но капитан был строг. Он живо прекратил всякие обсуждения. Немедленное повиновение его приказу было залогом дисциплины на корабле. Малышка схлопотал по шее за то, что позволил себе растеряться, когда ему было приказано промерить глубину лотом.

У всех было такое впечатление, что Питер сейчас делал вид, что их судно — порядочное, чтобы усыпить внимание Венди, и что, когда она закончит перешивать ему один из самых пиратских костюмов Крюка (что она делала против своей воли), то тогда капитан объявит их всех пиратами.

После даже шепотом передавался слух, что в перешитом костюме капитан просидел всю ночь в капитанской каюте, поджав все пальцы на правой руке, кроме одного, указательного, который торчал, как железный коготь.

Но сейчас, однако, вместо того чтобы продолжать любоваться кораблем, вернемся в грустный, покинутый дом, из которого уже так давно улетели трое наших бессердечных героев.

Уверяю вас, что миссис Дарлинг не сердится на нас, что мы так долго ее не навещали. Если бы мы появились у нее раньше и захотели выразить ей свое глубокое сочувствие, она закричала бы на нас:

«Вы что, с ума сошли? Какое значение имею я? Сейчас же возвращайтесь и не спускайте глаз с детей!»

И до тех пор, пока матери будут такими, дети всегда будут брать над ними верх.

Даже и теперь мы решаемся заглянуть в детскую только потому, что ее законные обитатели находятся на пути к дому. Мы опередили их только для того, чтобы их постельки оказались к их возвращению хорошенько проветренными, а мистер и миссис Дарлинг никуда бы не ушли из дому.

А собственно говоря, почему? Чего им сидеть дома? Разве не было бы беглецам поделом, если бы родители спокойно проводили субботу и воскресенье за городом в момент их возвращения? Какого лешего проветривать их постельки? Разве не заслужили они хорошенького урока за свое бессердечное поведение?

Но если бы мы организовали все именно таким образом, миссис Дарлинг никогда бы нам не простила.

Хорошо бы, конечно, ее известить, что они вернутся через неделю в четверг. Это, конечно, начисто испортило бы сюрприз, который заранее предвкушают Венди, Джон и Майкл. Они рисуют себе мамино потрясение, папин возглас радости и Нэннины прыжки в воздухе, чтобы обнять их всех троих. Хотя на самом-то деле заслужили хорошую порку!

Как приятно было бы испортить им всем их планы, рассказав миссис Дарлинг все наперед. Так, чтобы, когда они торжественно явятся, миссис Дарлинг даже бы и не поцеловала Венди, а мистер Дарлинг воскликнул бы разочарованно:

«Вот черт, опять эти мальчишки здесь, вот морока-то!»

Но ничего подобного не произойдет. И миссис Дарлинг даже не подумала бы благодарить нас за новости.

«Но, мадам,— сказали бы мы ей.— Ведь остается еще целых десять дней. Мы на десять дней раньше избавляем вас от страданий».

«Да, но какой ценой! Вы отняли у детей десять минут восторга!»

«Ну конечно. Раз вы так считаете».

«А как же еще можно считать?»

Нет, у этой женщины нет настоящего понимания вещей. Я хотел сказать о ней много хорошего, но я, право же, презираю ее и ничего не скажу. Ее даже не надо предупреждать, чтобы она приготавливалась к их возвращению, потому что у нее и так все готово. Все постельки проветрены. Из дома она все равно никогда не выходит. И — можете убедиться сами — окно в детской распахнуто настежь.

Единственно что изменилось в детской спальне — это то, что между девятью часами утра и шестью вечера собачья будка куда-то исчезает. Когда дети улетели, мистер Дарлинг почувствовал, что вся вина лежит на нем, потому что он посадил Нэну на цепь во дворе и что она оказалась мудрее его. Конечно, как мы уже

знаем, человеком он был простосердечным и даже смог бы сойти за мальчишку, если бы только смог избавиться от лысины. Но ему, надо признать, было свойственно благородное чувство справедливости и мужество непреклонно выполнять то, что он считал правильным. Он все глубоко продумал после того, как дети улетели, а продумав, встал на четвереньки и залез в будку.

На все увещевания миссис Дарлинг он кротко отвечал:

— Нет, родная. Мне место как раз здесь.

Погружаясь в горечь раскаяния, он поклялся не вылезать из будки, пока дети не возвратятся.

Необычайно трогательным было то почтение, с каким он относился к Нэне. Он только не разрешал ей занять место в будке, во всем же остальном он выполнял все ее желания.

Каждое утро будку с мистером Дарлингом грузили на извозчика, который отвозил его на работу. Таким же образом в шесть вечера он возвращался домой. Тут мы должны отдать должное силе его характера. Вспомните, ведь раньше он был так чувствителен к тому, что о нем подумают соседи.

Его поведение могло бы показаться донкихотством. Но оно, право же, было величественным. Вскоре причины такого странного поведения стали всем известны, и люди были тронуты горем этой семьи. Толпы сопровождали извозчика, приветствуя седока, девушки охотились за его автографом, лучшие репортеры столичных газет брали у него интервью, его приглашали на обеды в обществе, добавляя при этом: «Приезжайте, пожалуйста, в будке».

...Через неделю, в четверг, миссис Дарлинг находилась в детской, поджидая мужа со службы. Глаза ее были полны печали. Сейчас, когда я на нее смотрю, право же, я жалею о тех обидных словах, которые я пытался о ней говорить. Раз она так любит своих дурацких детей, так что же тут поделаешь!

Им остается пролететь всего две мили, и они окажутся возле своего окна. Летят они быстро.

Мистер Дарлинг возвращается домой. Будку уже внесли в спальню. Сейчас они будут обедать.

— Не поиграешь ли ты мне на пианино, прежде чем я лягу спать, дорогая? — попросил мистер Дарлинг, поев.

И когда она направилась в комнату, где стоял инструмент, он сказал бездумно:

— И прикрой окно, здесь такой сквозняк.

— О, Джордж, никогда не проси меня об этом. Окно должно быть всегда открыто для них. Всегда-всегда!

И она подошла к пианино, подняла крышку и заиграла. И вскоре он заснул. И пока он спал, кто-то влетел в окно. Это были Питер и Динь-Динь.

— Динь, затвори окно и закрой шпингалет, быстро! — прошептал Питер. — Так! Теперь нам с тобой придется выйти в дверь.

Когда Венди прилетит, она решит, что мать ее больше не любит. И она вернется со мной обратно.

Теперь ясно, почему после победы над пиратами Питер не вернулся на остров и не поручил одной Динь сопровождать ребят. Он задумал эту проделку с окном. Вместо того чтобы устыдиться того, что он сделал, он заплясал от радости. Потом он заглянул в другую комнату, чтобы узнать, кто там играет на пианино. Он шепнул Динь:

— Погляди, это мать Венди. Она красивая женщина, но не такая красивая, как моя мама.

Конечно, он решительно ничего не помнил о своей матери, но частенько любил хвастать на ее счет.

Он не знал песни, которую она исполняла, но ему казалось, что слова этой песни «Вернись, Венди, вернись».

«Она никогда не вернется, леди, окно закрыто», — ответил он ей мысленно. Затем Питер заглянул в комнату, чтобы определить, почему прекратилась музыка. Он увидел, что миссис Дарлинг положила руки на пианино и что две слезинки уселись у нее на глазах.

— Она хочет, чтоб я открыл окно, — сказал Питер. — Но я не отпущу.

Он снова заглянул в комнату. Слезинки все еще были в глазах. А может, это были уже две другие, которые заняли место прежних.

— Она очень любит Венди, — пробормотал он себе под нос. — Но я тоже ее люблю. Она не может принадлежать обоим сразу.

Он попытался развлечься, попрыгал по комнате и состроил смешную рожицу. Но ее печаль проникла в него и поселилась в нем.

— Ладно, — сказал он и отпер окно. — Пошли, Динь! — крикнул он, и в голосе его слышалось глубокое презрение к законам природы. — Нам ни к чему всякие дурацкие мамы!

И он вылетел в окно.

Таким образом, Венди, и Джон, и Майкл нашли окно открытым. /Сказать по правде, они этого не заслужили.

Но они прыгнули с окна на пол, совершенно не испытывая угрызений совести. Оказалось, что Майкл уже очень мало что помнит.

— Джон! — сказал он, озираясь. — Кажется, я здесь когда-то был.

— Дурачок! Конечно, был. Вон же твоя кровать.

— Правда, — сказал Майкл не особенно уверенно.

— Ой, а вон собачья будка! — И он кинулся к ней и заглянул внутрь.

— Может, Нэна в ней? — заметила Венди.

Но Джон присвистнул:

— Ого, там какой-то дяденька.

— Это папа! — воскликнула Венди.

— Дайте поглядеть. Ой, он какой-то маленький, меньше пирата!

Хорошо, что мистер Дарлинг спал. Ему было бы грустно, что первые слова Майкла звучали именно так.

Венди и Джон были несколько изумлены тем, что они обнаружили отца в собачьей будке.

— Но ведь раньше-то, — сказал Джон тоном человека, которого подводит память, — он в ней не спал?

— Джон, — сказала Венди, — может, мы уже хорошенько не помним, как и что было раньше?

Им стало не по себе.

— Как не стыдно маме не быть дома, когда мы вернулись! — сказал бессовестный Джон.

Как раз в эту минуту миссис Дарлинг заиграла снова.

— Это мама! — воскликнула Венди, заглядывая в соседнюю комнату.

— Мама! — Это подтвердил Джон.

— Значит, ты только понарошку наша мама, Венди? — спросил Майкл.

— О господи! — вздохнула Венди. — Как вовремя мы вернулись!

— Давайте войдем на цыпочках и закроем ей глаза руками, — предложил Джон.

Но Венди почувствовала, что радостные новости надо сообщать маме более деликатным способом.

— Давайте нырнем в наши постели, и, когда она войдет, ей покажется, что мы никогда и не улетали.

Когда миссис Дарлинг вошла в детскую, чтобы посмотреть, спит ли ее муж, она увидела, что кровати заняты их владельцами. Ребята ждали ее радостного возгласа, но его не последовало. Она их заметила, но не поверила своим глазам.

Ей так часто казалось, что они вернулись, что она подумала, что это ей просто мерещится. Она села на стул возле камина, где прежде так часто сжививала и при них.

Дети не понимали, в чем дело. Их пробрала дрожь.

— Мама! — крикнула Венди.

— Это Венди, — сказала миссис Дарлинг, не двигаясь.

— Мама!

— Это Джон.

— Мама! — завопил Майкл, который теперь ее вспомнил.

— Это Майкл.

И, не глядя, она протянула руки навстречу своим маленьким бессердечным детям, которых, казалось, ей уже больше никогда не обнять.

Но они были, были здесь! Выпрыгнув из своих постелей, они кинулись к ней.

— Джордж, Джордж! — закричала она, когда смогла говорить.

И мистер Дарлинг проснулся и тоже включился в общую радость, и Нэна вбежала в комнату.

Боже мой, какая это была прелестная картина! Но некому было ею любоваться, кроме странного мальчика, который, никем не замеченный, глядел в окно.

Глава семнадцатая

КОГДА ВЕНДИ СТАЛА ВЗРОСЛОЙ

Я надеюсь, вам интересно знать, что случилось с остальными мальчиками. Они дожидались внизу, пока Венди успеет рассказать о них. Досчитав до пяти тысяч, они вошли в дом и двинулись вверх по лестнице. Они выстроились перед миссис Дарлинг, сняв шапки и в душе сожалея, что на них надеты пиратские костюмы. Они ничего не говорили, но их глаза просили ее принять их всех. Им бы еще взглянуть и на мистера Дарлинга. Но они про него решительно позабыли.

Конечно, миссис Дарлинг согласилась принять их всех, но мистер Дарлинг был как-то странно подавлен, и они поняли, что он считает, что шестеро — это слишком большое количество.

— Должен тебе заметить, — обратился он к Венди, — что ты ничего не делаешь наполовину.

Двойняшкам показалось, что это относится к ним.

— Если вам кажется, что нас слишком много, мы с братом уйдем, сэр, — заметил один из них, который был более самолюбив.

— Папа! — воскликнула Венди с упреком. Но облачко на его лице продолжало оставаться. Он понимал, что он ведет себя недостойно, но ничего не мог с этим поделать.

— Мы можем спать, поджав коленки, чтоб занимать меньше места, — сказал Кончик.

— Я их стригу сама, — заметила Венди.

— Джордж! — воскликнула миссис Дарлинг, которой было больно видеть любимого мужа в таком невыгодном для него свете.

Тут слезы брызнули у него из глаз, и выяснилось, в чем было дело. Он был также рад принять их всех в дом, только почему они не спросили и его согласия, вместо того чтобы обращаться с ним так, точно он был в своем доме нуль?

— Он нисколько не похож на нуль, — тут же откликнулся Болтун.

— Кудряш, скажи, разве он похож на нуль?

— По-моему, нет. Малышка, ты думаешь, он похож на нуль?

— Вовсе не похож. Двойняшки, как вам кажется, а?

Выяснилось, что никто не считал его нулем, и он очень обрадовался и сказал, что для них найдется место в гостиной, если они, конечно, там поместятся.

— Поместимся, сэр,— заверили они его.

— Тогда за мной! — кричал он весело. — Я не уверен, что у нас в доме есть гостиная, но мы будем так играть, как будто есть. Гоп-ля-ля!

И он, пританцовывая, побежал по дому, и они — за ним, и все кричали «Гоп-ля-ля!» и пританцовывали в поисках гостиной. Я не помню, нашлась ли гостиная, но в доме было много свободных углов, и они в них как раз помещались.

Что касается Питера, то он еще раз говорил с Венди перед расставанием. Он не то чтобы влетел в окно, но задел его, собираясь улетать. Он сделал так, чтобы она могла, если захочет, растворить окно. Она захотела.

— Прощай, Венди,— сказал он.

— Боже мой, ты улетаешь?

— Да.

Миссис Дарлинг подошла к окну, потому что она теперь уже не спускала глаз с Венди. Она ему сказала, что она усыновила всех мальчишек и охотно усыновит и его.

— И вы пошлете меня в школу?

— Конечно.

— А потом на работу в контору?

— Ну, вероятно.

— И скоро я вырасту и стану женщиной?

— Довольно скоро.

— Нет, не хочу! О Вендина мама! Подумать только: однажды утром я проснусь, а у меня — борода!

— Я любила бы тебя и бородатого,— успокоила его Венди, а миссис Дарлинг протянула к нему руки, но он отшатнулся.

— Осторожно, леди. Никому не удастся меня изловить и сделать из меня взрослого мужчину.

— Но где же ты будешь жить?

— В маленьком домике, который мы построили для Венди. Феи поместят его на дерево среди ветвей, где они сами спят по ночам.

— Ой, как чудесно! — воскликнула Венди.

И миссис Дарлинг взяла ее покрепче за руку.

— Мне будет так весело! — сказал Питер, кося одним глазом на Венди.

— Тебе будет одиноко по вечерам.

— Ну так лети со мной.

— Можно, мамочка?

— Конечно, нет. Ты наконец-то вернулась. Я тебя теперь никуда не отпущу.

— Но ему нужна мама.

— Тебе тоже, доченька.

— Ну, хорошо, — сказал Питер, делая вид, что он пригласил ее только из вежливости, но миссис Дарлинг заметила, как у него искривились губы.

Она смягчилась. Она обещала отпускать Венди каждый год на недельку весной, чтобы помочь ему сделать весеннюю уборку в доме.

— Ты не забудешь прилетать за мной, Питер?

Конечно, он ей это обещал. И тогда он улетел.

Ясно, что всех мальчишек вскоре устроили в школу, и ровно через неделю они подумали, какие они ослы, что не остались на острове. Но было уже поздно, и вскоре они освоились и сделались обыкновенными людьми, как я, или вы, или какой-нибудь Дженкинс-младший.

Как ни печально, но способность летать постепенно их покинула. Вначале Нэна привязывала их на ночь к кроватям, чтобы они как-нибудь не улетели во сне. А днем они развлекались тем, что делали вид, будто вываливаются из автобуса. Но постепенно они перестали дергать веревки, когда спали, и выяснили, что они ушибаются, вываливаясь из автобуса. Они говорили, что это оттого, что у них мало практики. Но дело было не в этом. Просто они переставали верить в сказку.

Майкл верил дольше других, поэтому, когда через год весной Питер прилетел за Венди, Майкл полетел с ними тоже. Венди полетела в платье из листьев и ягод, которое она смастерила еще на острове. Она очень боялась, чтобы Питер не увидел, как коротко оно ей теперь, но он ничего не заметил. Он был поглощен только собой. Венди огорчилась, что этот год промелькнул для него, как один день. Ей самой ожидание показалось таким нескончаемо долгим!

На следующий год он не прилетел. Она ждала его, нарядившись в новое платье. Старое ей просто не годилось. Но он не показывался.

— Может, он заболел? — сказал Майкл.

— Ты же знаешь, он никогда не болеет.

Майкл подошел к ней и прошептал на ухо:

— Может, такого мальчика вовсе не существует на свете?

И Венди захотелось плакать.

Но он прилетел в следующем году, и оказалось, что он и не заметил, что пропустил прошлый год. Венди-девочка видела его тогда в последний раз.

Дальше уже шли год за годом, но беззаботный мальчишка не

появлялся, и когда Венди увидела его снова, она была уже замужем.

Все мальчишки выросли, так что нет больше смысла о них говорить. Вы можете встретить Кудряша, и Кончика, и Двойняшек в любой день на улице и увидеть, как они идут на службу с портфельчиком и черным зонтом в руках. Майкл сделался машинистом. Малышка женился на какой-то леди и стал титулованной особой. Вы видите этого судью в мантии и парике? Его когда-то звали Болтуном. А этот бородатый джентльмен, который решительно не знает ни одной сказки, чтобы рассказать своим детишкам перед сном,— это Джон.

Прошло еще несколько лет, и у Венди родилась дочка. Ее называли Джейн. Это было прелестное существо с вечно спрашивающими глазками. Как только она научилась говорить, она стала задавать вопросы, и большинство из них касалось Питера Пэна. Ей нравилось слушать о нем, и Венди рассказывала ей все, что она помнила.

Детская Джейн помещалась в той же самой детской, но там теперь стояли только две кровати — ее и нянина, и не было никакой будки, потому что Нэны уже не было на свете. Нэна дожила до глубокой старости, и в последние годы с ней было очень трудно ладить, потому что она была убеждена, что, кроме нее, никто не умеет воспитывать детей.

Раз в неделю у няни Джейн бывал выходной день, и тогда Венди укладывала ее спать сама. И тогда наступало время сказок.

— Расскажи, как ты была маленькой,— требовала Джейн.

— Это было так давно, доченька,— говорила Венди.— Ах, как летит время!

— Оно летает так же, как ты летала, когда была маленькой? — хитрила Джейн.

— Где они, эти дни, когда я умела летать!

— А почему ты теперь не можешь, мамочка?

— Потому что я взрослая. Когда люди вырастают, они забывают, как это делается.

— Почему забывают?

— Потому что перестают быть веселыми, непонимающими и бессердечными. Только веселые, непонимающие и бессердечные умеют летать.

И вот однажды разыгралась трагедия. Была весна. Сказка была уже рассказана, и Джейн уснула в своей постельке. Венди сидела на полу возле камина, чтобы видеть штопку, потому что в комнате не горел свет. И пока она штопала, она вдруг услышала петушинный крик. Окно раскрылось само собой, как когда-то, и на пол прыгнул Питер.

Он был таким же, как всегда, и Венди сразу заметила, что все его молочные зубы целы по-прежнему.

Он был маленьким мальчиком, а она — взрослой женщиной. Но он ничего не заметил, потому что был занят собой.

— Привет, Венди!

— Привет, Питер! — ответила она, стараясь съежиться и выглядеть как можно меньше.

— А где же Джон? — спросил он, вдруг заметив, что одной кровати недостает.

— Джона здесь нет.

— А Майкл спит?

— Это не Майкл.

Питер взглянул на кровать.

— Ого, появился ребенок?

— Да.

— Девочка или мальчик?

— Девочка.

Ну, уж теперь-то он наверняка поймет. Но он не понял.

— Питер, ты ждешь, чтобы я полетела с тобой?

— Конечно. За этим я и прилетел.

— Я не могу, — сказала она извиняющимся тоном. — Я разучилась летать.

— Чепуха! Я научу тебя снова.

Тогда она поднялась и встала в полный рост.

— Что это? — закричал он, отшатываясь.

— Я зажгу свет. И ты тогда все увидишь сам.

Насколько я знаю, это был первый и единственный раз в жизни, когда Питер испугался.

— Не зажигай! — закричал он.

— Я взрослая, Питер. Я уже давным-давно выросла.

— Но ты обещала не вырастать!

— Я не смогла. Я замужем, Питер.

— Нет!

— Да! И этот ребенок — моя дочь.

Он сел на пол и заплакал. И Венди не знала, как его утешить, хоть когда-то ей это легко удавалось. Она выбежала из комнаты, чтобы все обдумать и успокоиться.

А Питер все плакал и плакал, и его рыдания разбудили Джейн. Она села в кроватке и тут же почувствовала острый интерес к происходящему.

— Мальчик, почему ты плачешь? — спросила она.

Питер встал и поклонился ей, и она поклонилась ему, сидя в кроватке.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — сказала Джейн.

— Меня зовут Питер Пэн.

— Я знаю.

— Я прилетел за своей мамой.

— Я знаю,— сказала Джейн.— Я давно тебя жду.

Они продолжали беседовать друг с другом, когда Венди вернулась в комнату.

— Ему нужна мама,— сказала Джейн.

— Я знаю,— сказала Венди.— Никто не знает это лучше меня.

— Тогда до свидания,— сказал Питер.

Он поднялся в воздух, и бессовестная Джейн поднялась следом. Передвигаться таким способом ей уже было легче всего.

Венди кинулась к окну.

— Нет, нет! — закричала она.

— Я только помогу ему убраться в доме,— сказала Джейн.

Конечно, в конце концов Венди их отпустила. Мы видим ее возле окна, она глядит им вслед, как они поднимаются в небо и делаются маленькими, как звезды.

Постепенно волосы у Венди поседели, а Джейн выросла. И тоже вышла замуж. И у нее появилась дочка Маргарет.

И Питер Пэн теперь прилетает за Маргарет, и они вместе улетают на остров Нетинебудет, и Маргарет там рассказывает ему сказки о нем самом, и он их слушает с жадностью.

Когда Маргарет вырастет, у нее родится дочь, которая тоже, в свою очередь, сделается мамой Питера, и так это будет продолжаться до тех пор, пока дети не разучатся быть веселыми, непонимающими и бессердечными.

КОММЕНТАРИИ

ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ (1832—1898)

Сказка «Приключения Алисы в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла, написанная более ста лет назад, и по сей день как на родине писателя, так и за ее пределами остается одной из самых любимых детских книг.

Ученый-математик профессор Оксфордского университета Чарлз Лютвид Доджсон в 1862 году сочинил и рассказал сказку дочерям своего друга, трем девочкам, сестрам Лиддел, средняя из которых — Алиса — и послужила прототипом героини. Сказка так понравилась, что Кэрролл записал ее, и какое-то время она существовала в единственном рукописном экземпляре. В 1865 году сказка впервые вышла в свет. Тогда профессор Доджсон взял литературный псевдоним Льюис Кэрролл.

В 1871 году Кэрролл опубликовал вторую сказку об Алисе — «Сквозь Зеркало и что там увидела Алиса», — и с тех пор эти два произведения большей частью публиковались вместе.

Успех сказок Кэрролла прославил его имя. Только у себя на родине, в Англии, история приключений Алисы была издана более 300 раз, она переведена более чем на 50 языков общим тиражом более четверти миллиона экземпляров.

Уже давно «Алиса» нарушила границы детского чтения и завоевала интерес взрослого читателя. Персонажи сказки Кэрролла и их поступки дают богатый материал для их истолкования.

Интересно, что наша страна, загадочная и мало знакомая для англичан прошлого века, привлекла внимание писателя. И, воспользовавшись представившейся ему возможностью, он в 1867 году поехал в Россию, побывал в Москве, которую назвал «волшебным городом», в Петербурге, Нижнем Новгороде. Свои впечатления от поездки, показавшейся ему чрезвычайно интересной, Кэрролл описал в книге «Русский дневник».

Вскоре после выхода в Англии «Русского дневника» произошло и первое знакомство русских читателей с творчеством Кэрролла.

Впервые «Приключения Алисы» на русском языке появились в 1879 году под заглавием «Соня в стране дива». Имя автора этого весьма вольного переложения

ния, а отнюдь не перевода осталось неизвестным. Вслед за этой книгой в конце XIX — начале XX века появился целый ряд переводов этой сказки — «Приключения Ани в мире чудес» (перевод М. Гранстрем, без указания года), «Приключения Алисы в Стране Чудес», перевод Аллегро (П. С. Соловьевой, 1909) и А. Н. Рождественского (1912).

Все эти ранние издания Кэрролла отличает стремление переводчиков сделать книгу доходчивее и понятнее для русского читателя, возможно более приблизив и сам строй языка произведения, имена персонажей сказки к русским образцам. Отсюда и изменение имени героини (Соня, Аня), и превращение Чеширского Кота в сибирского, и песенка «Птичка божия не знает», и басни Крылова вместо английских народных песенок. Эта же традиция была продолжена и в первых советских изданиях обеих сказок Кэрролла (А. Д'Актиль, В. Азов, 1923 г.).

По-иному подошел к переводам Кэрролла советский писатель А. П. Оленич-Гнененко. Его перевод «Приключений Алисы» (1940 г. и дальнейшие переиздания) осуществлен с большим приближением к тексту оригинала, подчас в ущерб увлекательности и легкости повествования.

Новый этап в знакомстве советских читателей с творчеством Кэрролла с определенностью наметился в последние двадцать лет, когда появилось сразу несколько новых переводов его сказок (Н. М. Демуровой, Б. В. Заходера, А. Щербакова). Книга «Приключения Алисы» в переводе Н. М. Демуровой была впервые опубликована в 1967 году в Болгарии и затем неоднократно переиздана в СССР. Примечательной особенностью работы Н. М. Демуровой над сказками Кэрролла является включение в текст стихов в переводе классика советской детской литературы С. Я. Маршака. В 1979 году перевод Н. М. Демуровой вышел в издательстве «Наука» в серии «Литературные памятники». Особый интерес в этой книге представляют подробные комментарии к тексту и статьи советских и зарубежных писателей и ученых, посвященные анализу творчества и особенностей стиля Льюиса Кэрролла, истории переводов его произведений на русский язык.

Совершенно иной характер носит перевод Бориса Заходера, представленный в данном издании. Он целиком рассчитан на юных читателей, на их восприятие. Это для них переводчиком написана вступительная «Глава никакая». Она в шуточной форме даст необходимые пояснения и незаметным образом помогает читателю воспринять фантастическую атмосферу всего происходящего.

Наряду с переводами произведений Кэрролла в СССР постоянно издают его сказки в оригинале для изучающих язык как образцы блестящей английской прозы.

Веселые и увлекательные приключения Алисы служат материалом для многих инсценировок, переделок, сценариев мультфильмов, которые с живейшим интересом воспринимаются советскими детьми.

Д Ж О З Е Ф Р Е Д Ъ Я Р Д К И П Л И Н Г (1865—1933)

С момента появления первых переводов произведений Киплинга на русском языке в 90-е годы прошлого века его талант был замечен и признан русскими читателями. Не принимая многое в мировоззрении, осуждая откровенный национа-

лизм Киплинга, современные Киплингу русские писатели всегда отдавали должное его яркому и самобытному таланту. «Киплинг — очень талантлив», — читаем мы в статье А. М. Горького. В «Истории западноевропейской литературы» А. В. Луначарский пишет: «Киплинг — человек большого таланта».

Высоко ценил творчество Киплинга И. А. Бунин.

Дважды, в 1908 и в 1918 годах, Бунин выступал как редактор сборников рассказов Киплинга, публиковавшихся в Москве. После рассказов Киплинга в 1908 году была напечатана одобрительная рецензия А. И. Куприна, так отмечавшего яркость и своеобразие литературного дарования английского писателя: «Он (Киплинг) оригинален, как никто другой в современной литературе. Могушество средств, которыми он обладает в своем творчестве, прямо неисчерпаемо. Волшебная увлекательность фабулы, необычайная правдоподобность рассказа, поразительная наблюдательность, остроумие, блеск диалога, сцены гордого и простого героизма, тонкий стиль или, вернее, десятки точных стилей, экзотичность тем, бездна знаний и опыта и многое, многое другое составляют художественные данные Киплинга, которыми он властвует с неслышанной силой над умом и воображением читателя».

Из всего многообразного творческого наследия Киплинга, поэта и прозаика, наибольшую известность в нашей стране получили его сказки о животных и повесть «Маугли».

Первые переводы сказок Киплинга появились на русском языке в самом начале 900-х годов. Из дореволюционных публикаций интерес представляют издания 1907-го и 1908 годов, в которых напечатаны иллюстрации самого автора.

В 1923 году сказки Киплинга впервые были напечатаны в переводе двух крупнейших советских детских писателей — К. И. Чуковского и С. Я. Маршака. И с того времени по сей день эти переводы, признанные в нашей стране лучшими, переиздаются постоянно.

В 1893 году вышел в свет сборник произведений Киплинга «Много выдумок», содержащий рассказ «В лесу», положивший начало циклу рассказов о Маугли. История ребенка, живущего среди диких лесных зверей и воспитанного волчицей, легла в основу двух «Книг джунглей» (1894—1895).

«Джунгли» Киплинга многократно публиковались на русском языке — полностью, с сокращениями, в переделках, инсценировках, под самыми различными названиями. Один из самых ранних переводов, озаглавленный «Брат волков», относится к 1904 году. Вслед за этим изданием вышли в свет «Джунгли», «Книга джунглей», «Волчий приемыш», «Человек-волк», «Книга дебрей».

По сведениям на 1 января 1981 года после 1917 года повесть «Маугли» была издана в СССР 49 раз общим тиражом 3844 тыс. экз. на русском и двенадцати других языках народов СССР, а также на английском языке.

Большой интерес у советских зрителей вызывают инсценировки произведений Киплинга и их постановки на сцене. Пьесы по мотивам «Маугли» и сказки «Кошка, гулявшая сама по себе», поставленные во многих театрах Москвы, Ленинграда и других городов, всегда пользуются неизменным успехом.

А Л А Н А Л Е К С А Н Д Р М И Л Н (1882—1956)

Повесть-сказка А.-А. Милна «Винни-Пух и все-все-все» (1926) — одна из прославленных литературных сказок XX века — давно и прочно завоевала любовь советских детей.

В 1960 году сказка Милна была впервые издана в СССР в пересказе Бориса Заходера и с тех пор переиздавалась неоднократно на русском языке и других языках народов СССР.

Большим успехом у юных зрителей пользуются и инсценировки книги Милна, идущие во многих детских театрах нашей страны.

Внимание и интерес советских читателей к творчеству Милна значительно укрепили и переводы его стихов, принадлежащие перу замечательного советского детского писателя С. Я. Маршака, который очень высоко ценил поэзию Милна.

Д Ж Е Й М С М Э Т Ь Ю Б А Р Р И (1860—1937)

На рубеже XIX—XX веков имя Джеймса Мэтью Барри было весьма популярно в ряду имен других английских драматургов-комедиографов. Барри было написано много пьес и одна в содружестве с А. Конан Дойлем, прославленным автором романов о Шерлоке Холмсе.

В 1904 году Барри закончил пьесу-фантазию для детей «Питер Пэн, или Мальчик, который не хотел вырастать» и передал ее для постановки в театр. Интерес зрителей к пьесе превзошел все ожидания автора, поначалу вовсе не бывшего уверенным, что его творение найдет отклик у зрителей.

Своеобразие сюжета, сказочный колорит, необычность образа героя пьесы, мягкий юмор и лиричность, отличающие это произведение, обусловили непреходящий успех и популярность пьесы в детских театрах Англии и других стран. По мотивам пьесы был снят и мультипликационный фильм американского кинорежиссера У. Диснея.

В 1911 году вышла в свет повесть-сказка «Питер и Венди», написанная по мотивам пьесы.

Эта книга сразу получила всемирное признание юных читателей. Она неоднократно переиздавалась под разными заголовками: «Питер Пэн и Венди», «Книга о Питере Пэне» и т. д.

В нашей стране сказка Барри тоже известна уже давно. Роман «Белая птичка», положивший начало истории Питера Пэна, был впервые переведен на русский язык и напечатан в 1917 году в журнале «Летопись», а затем он вышел отдельным изданием в 1918 году в издательстве «Парус» и в 1922 году в серии книг «Всемирная литература», подготавливавшихся к печати при непосредственном участии А. М. Горького.

В 1918 году в Москве, в издательстве «Детская книга», в переводе Л. А. Бубновой был издан на русском языке перевод одной из английских переделок сказки Барри «Книга с картинками о Питере Пэне».

Повесть-сказка Барри «Питер Пэн и Венди» была издана на русском языке в переводе Н. М. Демуровой (М., Детгиз, 1968).

Собственно пьеса Барри о Питере Пэне впервые вышла в свет на русском языке в 1967 году в сценической редакции известного советского детского писателя и переводчика Бориса Заходера и затем переиздана в 1971 году. Причем, как указывает в послесловии сам переводчик, финал пьесы в этой книге взят не из пьесы Барри, а из повести о Питере Пэне, написанной автором уже после создания пьесы.

А с пьесой Барри советские дети познакомились на спектаклях многих детских театров Москвы и других городов, где она ставилась в обработке Б. Заходера.

В настоящем издании публикуется новый перевод истории о Питере Пэне, сделанный И. П. Токмаковой.

Ю. Кондратьева

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Кагарлицкий. О писателях-сказочниках и мире детства	3
--	---

ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС

Сказка, рассказанная Борисом Заходером

Глава никакая, из которой тем не менее можно кое-что узнать	33
Глава первая, в которой Алиса чуть не провалилась сквозь Землю . .	39
Глава вторая, в которой Алиса купается в слезах	45
Глава третья, в которой происходит Кросс по Инстанциям, и история с хвостиком	50
Глава четвертая, в которой Тритон Билль вылетает в трубу	56
Глава пятая, в которой Червяк дает полезные советы	62
Глава шестая, в которой встречаются поросенок и перец	69
Глава седьмая, в которой пьют чай как ненормальные	76
Глава восьмая, в которой играют в крокет у Королевы	83
Глава девятая, в которой рассказана история Деликатеса	90
Глава десятая, в которой танцуют Раковую Кадриль	97
Глава одиннадцатая, в которой выясняется, кто стащил пирожки . .	104
Глава двенадцатая, в которой Алиса свидетельствует	109

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ

СКАЗКИ

Перевод К. Чуковского

Откуда у кита такая глотка	117
Отчего у верблюда горб	121
Откуда у носорога шкура	126

Слоненок	129
Откуда взялись броненосцы	137
Как было написано первое письмо	145
Кошка, гулявшая сама по себе	154
Мотылек, который топнул ногой	165
Рикки-Тикки-Тави	174

МАУГЛИ

Сказочная повесть

Перевод Н. Дарүзес

Братья Маугли	189
Охота Каа	205
«Тигр, тигр!»	224
Как страх пришел в джунгли	237
Нашествие джунглей	250
Княжеский анкус	269
Дикие собаки	283
Весенний бег	301

АЛАН АЛЕКСАНДР МИЛН

ВИННИ-ПУХ И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ

Повесть-сказка

Пересказ Б. Заходера

Глава первая, в которой мы знакомимся с Винни-Пухом и несколькими пчелами	315
Глава вторая, в которой Винни-Пух пошел в гости, а попал в безвыходное положение	322
Глава третья, в которой Пух и Пятачок отправились на охоту и чуть-чуть не поймали Буку	327
Глава четвертая, в которой Иа-Иа теряет хвост, а Пух находит	330
Глава пятая, в которой Пятачок встречает Слонопотама	334
Глава шестая, в которой у Иа-Иа был день рождения, а Пятачок чуть-чуть не улетел на Луну	341
Глава седьмая, в которой Кенга и Крошка Ру появляются в Лесу, а Пятачок принимает ванну	348
Глава восьмая, в которой Кристофер Робин организует «Исспедицию» к Северному Полюсу	357
Глава девятая, в которой Пятачок совершенно окружен водой	365
Глава десятая, в которой для Иа-Иа строят дом на Пуховой Опушке	373

Глава одиннадцатая, в которой в Лес приходит Тигра и завтракает	379
Глава двенадцатая, в которой Кролик очень занят и мы впервые встречаемся с пятнистым Цасвирусом	387
Глава тринадцатая, в которой выясняется, что Тигры не лазают по деревьям	395
Глава четырнадцатая, в которой Винни-Пух изобретает новую игру и в нее включается Иа-Иа	403
Глава пятнадцатая, в которой Тигру укрощают	411
Глава шестнадцатая, в которой Пятачок совершает Великий Подвиг	419
Глава семнадцатая, в которой Иа находит совешник и Сова переезжает	427
Глава восемнадцатая, в которой мы оставляем Кристофера Робина и Винни-Пуха в Зачарованном Месте	434

ДЖЕЙМС БАРРИ

ПИТЕР ПЭН

Сказочная повесть

Пересказ И. Токмаковой

Глава первая. Питер Пэн нарушает спокойствие	443
Глава вторая. Тень	448
Глава третья. В путь! В путь!	456
Глава четвертая. Полет	465
Глава пятая. Всамделишный остров	471
Глава шестая. Маленький домик	478
Глава седьмая. Дом под землей	485
Глава восьмая. Русалочья лагуна	488
Глава девятая. Птица Нет	496
Глава десятая. Счастливое семейство	498
Глава одиннадцатая. Сказка, которую рассказывала Венди	502
Глава двенадцатая. Дети похищены	506
Глава тринадцатая. Вы верите, что существуют феи?	508
Глава четырнадцатая. На пиратском корабле	512
Глава пятнадцатая. «На этот раз — или Крюк, или я!»	516
Глава шестнадцатая. Возвращение домой	522
Глава семнадцатая. Когда Венди стала взрослой	527

КОММЕНТАРИИ	533
-----------------------	-----

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
(т о м 40)

Льюис Кэрролл
ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ
В СТРАНЕ ЧУДЕС

Редьярд Киплинг
СКАЗКИ
МАУГЛИ

Алан Александр Милн
ВИННИ-ПУХ И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ

Джеймс Барри
ПИТЕР ПЭН

ИБ № 6311

*

Ответственный редактор
Н. С. Дроздова

Художественный редактор
М. Д. Суховцева

Технический редактор
Т. Д. Юханова

Корректоры

В. В. Борисова и Н. Г. Худякова

*

Слано в набор 05.06.82. Подписано к печати 14.01.83. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт академический. Печать высокая. Усл. печ. л. 35,13. Усл. кр.-отт. 38,81. Уч.-изд. л. 35,44+9 вкл.=36,0. Тираж 407 000 (200 001—407 000) экз. Заказ № 1127. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

Кэрролл Л.

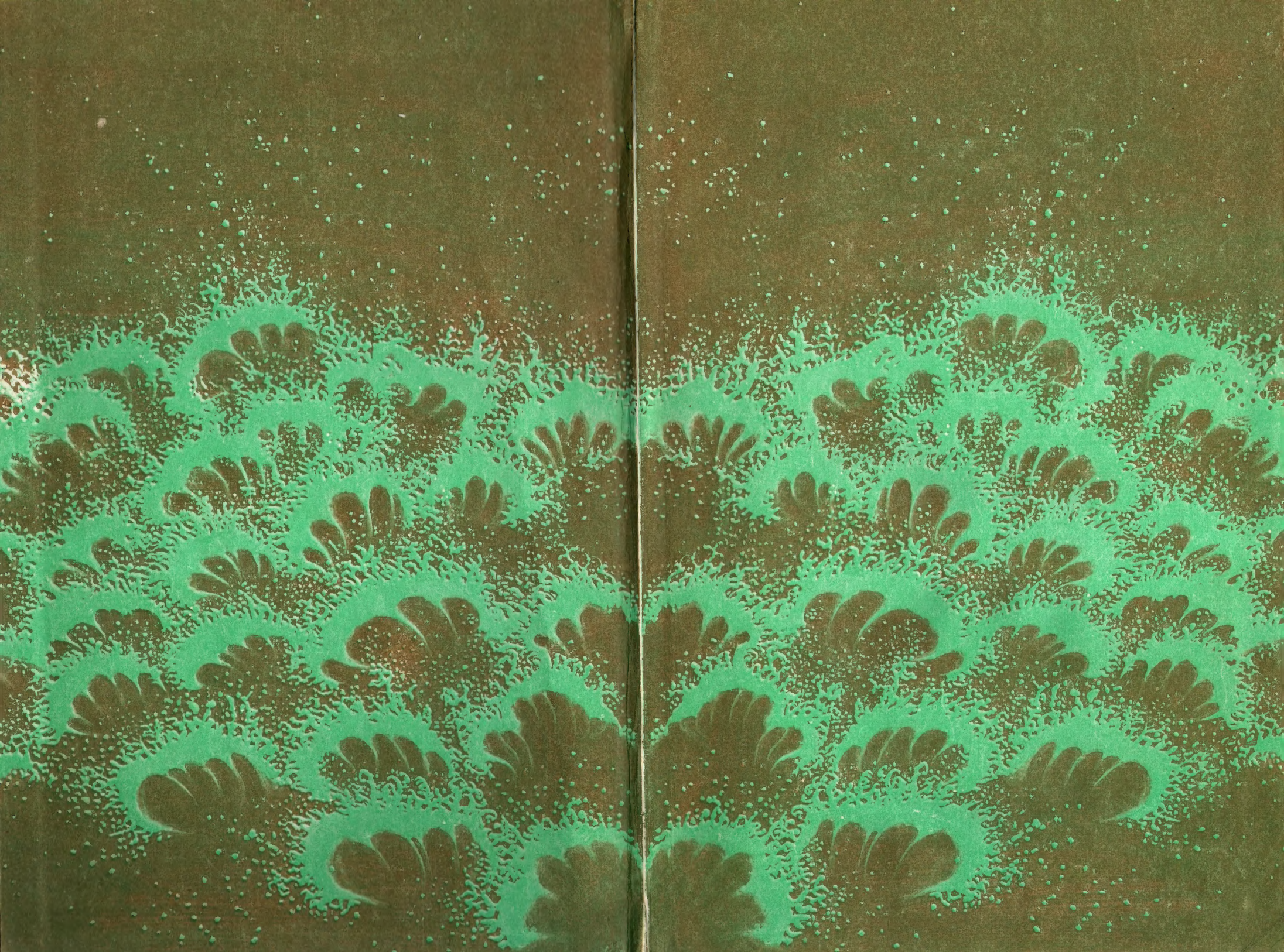
K98 Алиса в Стране Чудес. Киплинг Р. Сказки; Маугли. Милн А.-А. Винни-Пух и все-все-все. Барри Дж. Питер Пэн: Сказочные повести / Пер. с англ.; Предисл. Ю. Кагарлицкого; Оформл. тома и рис. А. Кошкина.— М.: Дет. лит., 1983.— 542 с., ил.— (Б-ка мировой литературы для детей, т. 40).

В пер.: 1 р. 80 к.

В книгу вошли сказочные повести прославленных английских сказочников Л. Кэрролла, Р. Киплинга, А.-А. Милна и Дж. Барри, полные причудливой фантазии и любимые детьми всего мира.

К **4803020000—044** Подп. изд.
М101(03)83

И(Англ)

БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

Л. КЭРРОЛЛ
Р. КИПЛИНГ
А. А. МИЛН
ДЖ. БАРРИ

1 р. 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»